

236825-4
63.3
ХР
А
Е.П.Алексеева

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ

Карачаево
Черкесии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
В ОБЛАСТИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Е. П. Алексеева

**ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

*(Вопросы этнического
и социально-экономического
развития)*

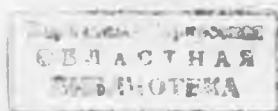

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

Ответственный редактор

Е. И. КРУПНОВ

236825 - 1

В монографии Е. П. Алексеевой освещаются вопросы этнической и социально-экономической истории древнего и средневекового населения, проживавшего на территории верховьев Кубани и Зеленчуков, которая ныне входит в состав Карачаево-Черкесской автономной области.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная с эпохи создания мифов о Прометее и легендарной Колхиде, почти во все периоды писаной истории многонациональный Кавказ привлекал внимание пытливого человечества. И тем не менее общая научная история всего Кавказского перешейка до сих пор еще не создана. По ряду причин вплоть до наших дней Кавказ по-прежнему остается своеобразным «этнографическим музеем», полностью еще не изученным во всех аспектах человеческих знаний.

Существенной особенностью Кавказа является концентрация на сравнительно небольших территориях этого сказочного края множества языков и народов, история которых окончательно научно не исследована. К таким регионам относится не только прославленный Дагестан, эта «гора языков», не раскрывшая всех своих исторических тайн, но и другие микрорайоны Кавказа.

Одна из таких жемчужин Кавказа, по своим природным особенностям в некоторых отношениях даже превосходящая Швейцарские Альпы,— это живописная Карачаево-Черкесская автономная область, расположенная в предгорной и горной зоне Северо-Западного Кавказа. По территории она невелика: ее площадь не превышает 14,5 тыс. квадратных километров; население составляет не более 350 тыс. человек.

Но главная историческая специфика этой сравнительно маленькой области заключается в том, что в состав ее основного населения входят четыре разноязычных народа: карачаевцы, черкесы (древние адыги), абазины и ногойцы, причем карачаевцы и ногойцы представляют тюркскую языковую семью, а черкесы и абазины — адыго-абхазскую группу кавказской семьи языков.

Уже сама принадлежность основного населения к разным языковым семьям обуславливает важность и сложность подлинно исторического освещения истории самой Карачаево-Черкесии и населяющих ее народов, а также изучение их этногенеза (т. е. происхождения), истории и культуры. Задача безусловно трудная, но и крайне необходимая, если признать, что этногенетические проблемы — одни из самых насущных и животрепещущих в советской исторической науке.

Эта весьма актуальная и ответственная задача была поставлена и успешно выполнена старшим научным сотрудником Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института Е. П. Алексеевой в предлагаемой вниманию читателей книге «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития)».

Значение исследования Е. П. Алексеевой особенно возрастает благодаря многотемности и широкому хронологическому охвату — от каменного века до позднего средневековья. Освещение такой многоплановой темы требует привлечения и квалифицированного использования самых разнообразных исторических источников: памятников матери-

альной культуры, письменных документов, этнографических материалов, данных антропологии, языка и фольклора. Следует признать, что Е. П. Алексеева приступила к своей работе, очень хорошо владея соответствующими источниками. В монографии использована почти вся русская, советская и зарубежная литература, в той или иной мере освещающая разрабатываемые вопросы.

Особая ценность книги Е. П. Алексеевой и в том, что в ней содержится абсолютно полный перечень всех археологических материалов, известных в Карачаево-Черкесии на сегодняшний день, причем в значительной степени добытых самим автором. Если учесть, что все эти материалы научно квалифицированы и приведены в систему, то монографию Е. П. Алексеевой можно считать и «сводом» археологических памятников Карачаево-Черкесии, значение которого трудно переоценить. Археологические материалы положены в основу созданной автором исторической периодизации, завершающейся периодом позднего средневековья (2-я половина XIII—XVII вв.).

Исходя из принятого в советской археологии положения о том, что древние погребальные обряды являются важными историческими источниками для восстановления этнической истории тех или иных народов и признавая, что так называемые археологические культуры иногда могут соответствовать отдельным этническим общностям, автор для освещения социально-экономической и этнической истории народов Карачаево-Черкесии наряду с другими источниками широко использовал археологические материалы.

Е. П. Алексеева осуществила первый опыт создания обобщающего труда по истории самой Карачаево-Черкесии и населяющих ее народов: адыгов, абазин, карачаевцев и ногайцев,—с древнейших времен до XVIII в. Исторический аспект при разработке основных вопросов социально-экономического и этнического развития указанных народов соблюден автором полностью, а само освещение этих вопросов проводится на фоне истории других народов Кавказского перешейка и в тесной связи с историей народов Северо-Западного Кавказа и Восточной Европы.

Хорошо прослежено развитие на территории Северо-Западного Кавказа местной адыгской этнической среды на протяжении тысячелетий и убедительно показаны факты включения в эту среду ираноязычных, а также и тюркских элементов, что завершилось сложением современных карачаевцев, балкарцев и ногайцев. Интересно обрисован процесс ранней инфильтрации, а позднее и массового переселения на Северный Кавказ абазин как части абхазского этноса в монгольское время.

Разумеется, не все вопросы разработаны автором с исчерпывающей полнотой, прежде всего из-за состояния источников или слабой изученности отдельных проблем. Можно полагать, что не всех читателей удовлетворит кажущийся на первый взгляд слишком прямолинейным вывод автора о том, что тюркоязычные карачаевцы да и балкарцы — это коренные народы Кавказа. Но совокупность археологических и антропологических данных говорит именно в пользу признания местного кавказского субстрата, явившегося глубокой подосновой этих народов, подвергшейся позднейшей тюркоязычной ассимиляции.

Можно не согласиться с автором в признании большого влияния в центре Северного Кавказа культуры средневековых болгар (в VIII—IX вв.), что основывается только на анализе глиняных котлов с внутренними ручками: эти котлы совершенно отсутствовали у волжских болгар; очень мало их и на территории современной Болгарии. Нали-

чие же здесь значительных ранних тюркоязычных элементов бесспорно. Более вероятно в данном случае активная роль и влияние хазарского каганата.

Может быть, автору следовало бы обосновать и свое право относить начало периода позднего средневековья в изучаемой среде ко 2-й половине XIII столетия, а не к более позднему времени. Остался по-прежнему открытым вопрос о некотором несоответствии дат: кабардинское продвижение в восточные районы Центрального Кавказа начинается, судя по письменным документам, со 2-ой половины XIII в. (по Л. И. Лаврову), а по археологическим данным — не ранее XIV в. Есть и другие вопросы, которые требуют еще некоторой доработки.

В предлагаемой читателю книге Е. П. Алексеевой «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии» дается современное научное представление об исторических судьбах народов, ее населяющих, и освещаются вопросы происхождения и общественно-экономического развития черкесов (адыгов), абазин, карачаевцев и ногайцев. И в этом ее ценность.

Актуальная для советского кавказоведения монография Е. П. Алексеевой, безусловно, найдет широкого читателя в лице тех, кого интересует историческая судьба как больших, так и малых народов, населяющих наше многонациональное отечество.

Е. И. Крупнов

Светлой памяти Евгения Игнатьевича Крупнова, выдающегося кавказоведа, моего друга и учителя, редактора этой книги, свой труд посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая работа посвящена этнической и социально-экономической истории Карачаево-Черкесии в древний и средневековый период — до XVII в. включительно. Круг исследуемых проблем весьма широк. Изучая этническую историю карачаевцев, адыгов (черкесов), абазин, ногайцев — коренных народов Карачаево-Черкесии, мы будем рассматривать вопросы их происхождения, расселения и формирования в эпоху средневековья. В соответствующих главах освещается состояние земледелия, скотоводства, ремесла, домашнего производства, обмена и характер поселений (городского и сельского типа). Специальные разделы посвящены возникновению и развитию классовых, феодальных отношений.

Структура работы следующая. В первой части рассматриваются вопросы древнейшей и древней истории, причем древнейший период (до начала I тысячелетия до н. э.) освещается кратко. Вторая часть охватывает раннесредневековый период до монгольского нашествия (V — первая половина XIII в.), третья часть — период позднего средневековья (вторая половина XIII—XVII в.). В основу работы положены археологические материалы и опубликованные письменные источники. Привлечены выводы этнографов, антропологов, языковедов, изучающих вопросы нашей темы.

Проблемы этногенеза и становления феодальных отношений, которые находятся в центре внимания автора, по праву считаются наиболее кардинальными проблемами исторической науки. Многие из них изучались классиками марксизма-ленинизма. Советские исследователи разрабатывают вопросы этногенеза и становления феодализма, руководствуясь положениями марксистско-ленинской теории, обуславливающей рассмотрение процесса формирования народов в тесной связи с процессом классовообразования. Об актуальности проблем происхождения и формирования народностей и генезиса феодализма свидетельствуют дискуссии, которые развернулись в последние годы на страницах советских изданий. Эти дискуссии показывают, что методика и

методология этногенетических и социально-экономических исследований еще недостаточно разработаны.

Следует отметить также, что по отдельным хронологическим периодам археологических материалов очень мало или они совсем отсутствуют. Так, по древнейшей и древней истории Карачаево-Черкесии, которую можно написать только по данным археологии, материал весьма скуден. Поэтому основные этапы древней и особенно древнейшей истории Карачаево-Черкесии пока нами только намечены в общих чертах. Зато археологический материал раннесредневекового периода обилён и позволяет сделать ряд важных выводов по интересующим нас проблемам. В качестве дополнительного источника определенную ценность имеют сообщения некоторых средневековых авторов. Позднесредневековая эпоха археологическими памятниками почти не представлена (некоторый материал есть только по адыгам). Этот раздел написан преимущественно по письменным источникам, которые также в основном касаются адыгов, но наряду с этим содержат некоторые данные по истории абазин и ногайцев и лишь единичные упоминания о карачаевцах.

Нашу работу весьма осложняла различная степень изученности отдельных периодов истории Карачаево-Черкесии и отдельных ее народов. Если раннесредневековый период исследован довольно хорошо, то изучение древнего периода еще только начинается. Из четырех коренных народов Карачаево-Черкесии более всего изучены адыги. Абазинами занимались языковеды, очень мало — историки и этнографы, и совсем их не касались археологи. Позднесредневековая история карачаевцев почти не разрабатывалась из-за отсутствия источников. Поэтому многие вопросы нам пришлось освещать, только привлекая косвенные данные (предания и ретроспективные материалы). Изучена очень слабо ранняя история ногайцев (их происхождение и другие вопросы). Нет также специальных исследований по истории ногайцев, поселившихся на территории Карачаево-Черкесии во второй половине XVII в. В данной работе нас будет интересовать именно этот период истории кубанских ногайцев. Вопросы этнической и социально-экономической истории ногайцев до их переселения на Северо-Западный Кавказ (30—40-е годы XVII в.) рассматриваются вкратце — более полное освещение их не входит в нашу задачу.

Итак, неразработанность методических, методологических основ ряда проблем (многие из которых в настоящее время стали предметом дискуссии), состояние источников и различная степень изученности отдельных периодов не позволили нам с одинаковой полнотой осветить все затронутые в данной работе проблемы. Поэтому некоторые вопросы решены пока в гипотетическом плане, другие же только поставлены.

Однако автор надеется, что работа в целом даст представление об основных этапах этнического и социально-экономического развития древней и средневековой Карачаево-Черкесии и читателю будут интересны материалы и заключения, содержащиеся в этом первом сводном труде по древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии.

Настоящая работа выполнена в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте. При обсуждении вопросов, затрагиваемых в данном исследовании, автор использовал ценные советы и консультации, полученные от сотрудников этого института — историков, этнографов, языковедов. Консультировали автора также сотрудники Института археологии, Института истории, Института этнографии АН СССР, Государственного Исторического музея, Музея этнографии

народов СССР, местных северокавказских институтов. Автор пользуется случаем выразить всем этим товарищам свою глубочайшую благодарность.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Карачаево-Черкесская автономная область расположена в юго-западной части Ставропольского края¹. Территория Карачаево-Черкесии занимает бассейн Верхней Кубани и правых и левых ее притоков, а также верховья Кумы и ее притоков. Южные границы Карачаево-Черкесии проходят по водораздельному хребту Большого Кавказа, который отделяет область от Грузинской ССР. С запада по верховьям рек Большой Лабы и Урупа Карачаево-Черкесия граничит с Краснодарским краем; с севера — с Кочубеевским, Курсавским, Предгорным районами Ставропольского края; с востока — с Кабардино-Балкарской АССР (по меридиану Эльбруса). Площадь Карачаево-Черкесии — 14,2 тыс. кв. км.

По рельефу эта автономная область делится на три зоны. Северная ее часть является южной окраиной Прикубанской равнины. Недалеко от г. Черкесска находятся Сычевы горы. От Сычевых гор до Пастбищного хребта тянется подгорная полоса (на высоте от 250 до 1000 м над уровнем моря). Нагорная полоса включает горы Главного Кавказского хребта и примыкающие к нему с северо-востока параллельные хребты — Пастбищный, Скалистый и Боковой. В пределах Бокового хребта находится Эльбрус, наиболее высокая западная точка которого, расположенная в Карачаево-Черкесии, достигает 5633 м. В 10—12 км от Бокового хребта тянется Главный Кавказский хребет с вершинами: Домбай-Ульген (3921 м), Алибек (3868 м), Софруджу (3785 м) и др.

В горных местностях расположены удобные для жизни и хозяйственной деятельности долины: Загедан на Большой Лабе, Домбайская поляна в верховьях р. Аманауз, Архызская котловина (в верховьях Большого Зеленчука) и др. Долины рек почти на всем их протяжении также весьма благоприятны для жизни и заселялись с глубокой древности.

Горная цепь Главного Кавказского хребта расчленена перевалами. В Абхазию ведут перевалы, использовавшиеся с глубокой древности: Санчарский по Большой Лабе (2592 м), Марухский (2769 м) и Клухорский (2816 м), от р. Гоначхир. Через него проходит Военно-Сухумская дорога. В Абхазию ведет также Нахарский (Махарский) перевал (2952 м) — по верховьям р. Учкулана к верховьям р. Кодор — и перевал Наурский — по р. Пишиш к верховьям р. Бзыбь. Со Сванетией Карачаево-Черкесия соединена перевалами Чипер-Азау и Чипер-Карачаевским, в Балкарию ведет перевал Бурун-Таш. В горах Карачаево-Черкесии имеется также ряд перевалов, соединяющих районы самой области. Таким образом, характерной чертой рельефа этой области является его расчлененность. Горные хребты перемежаются с депрессиями, поперек хребтов проходят долины рек, пересекающие эти хребты и служащие коммуникациями.

Карачаево-Черкесия богата полезными ископаемыми². Здесь имеются медные, серебросвинцовые и железные руды, которые разрабатывались еще в глубокой древности. Встречается золото, мышьяк (иногда в виде реальгара), хромит, никель, молибден, стронций, кальций, теллур, висмут, ртуть и др. В несколько миллионов тонн исчисляются запасы каменного угля. Много строительных материалов — базальт, мрамор, песчаник, известняк, порфирит, сиенит, доломит.

змеевик, змеевиковый асбест, гипс (алебастр), мергель, графит, исландский шпат, кровельные сланцы, галька, гравий и др.

В области много месторождений глин, в том числе огнеупорных. Во многих местах имеются кирпично-черепичные и гончарные глины. В древности и в эпоху средневековья эти глины использовались для изготовления посуды. На территории Карачаево-Черкесии известны залежи охры, мумии, барита, магнезита и других веществ, которые в прошлом служили красителями. Есть месторождения полудрагоценных камней — яшмы, горного хрусталя, сердолика и др. Из этих камней изготовлялись бусы, цветные вставки на металлических предметах и другие украшения. Из химического сырья назовем селитру и серу, месторождения которых также отмечены в Карачаево-Черкесии. Как известно, эти компоненты использовались для приготовления пороха.

Имеются и минеральные источники.

Главная река на изучаемой нами территории — Кубань (Псыж — «Старая вода» — по-черкесски; Кобан — по-карачаевски и по-ногайски). Кубань берет начало на склонах Эльбруса, при слиянии рек Учкулан и Хурзук. Хурзук образован реками Уллу-Хурзук и Уллу-Кам. Левый приток Кубани — Лаба образуется от слияния Большой и Малой Лабы. Большая Лаба начинается от ледников вершины Абыцха, вблизи Цегерского перевала, на высоте 2367 м. Река Уруп берет начало у вечных снегов склона Абиширо-Ахубского хребта. Большой Зеленчук образуют реки Архыз, Пишиш, София, Кызгыч. Севернее Стожеровой, с левой стороны, в Большой Зеленчук впадает р. Кяфар. Большой Зеленчук впадает в Кубань у Невинномыска. Малый Зеленчук образован реками Маруха и Аксаут и у Беломечетской впадает в Кубань. Реки Аманауз и Гоначхир, сливаясь, образуют Теберду, которая впадает в Кубань слева, у г. Карачаевска. Южнее Карачаевска в Кубань также слева впадает речка Гиляч, еще южнее — р. Даут (Дуут). Справа в Кубань, несколько севернее ее истоков, впадает р. Худес, другим притоком Кубани, впадающим в нее еще севернее, является Индыш, в верхнем течении именуемый Марджа. Несколько севернее Карачаевска в Кубань с правой стороны впадает р. Мара, у Усть-Джегутинской — Джеганас и Джегута, севернее Черкесска — р. Овечка. По Бермамытскому и Бичесынскому плато протекают Кума, Подкумок, Эшакон, а также Хасаут, левый приток р. Терека.

Реки Карачаево-Черкесии имеют типично горный характер. Они несудоходны, мелководны, с бурным течением. В местах выходов горных пород долины рек сужаются и образуют теснины. Весной и летом в результате таяния снега и ливней реки вздуваются, выходят из берегов, зимой же сильно мелеют.

В южных районах Карачаево-Черкесии имеется много горных озер (Клухор, Кара-Кель и др.). В равнинной части, в 18 км восточнее Черкесска, находятся горько-соленые Большое и Малое озера. В настоящее время они опреснены в связи с образованием Черкесского водохранилища, входящего в систему Кубань-Калаусского канала.

Особенности рельефа определяют разнообразие климатических условий. До высоты 1800—2000 м климат в общем умеренно холодный (от -3 до $+15$ градусов). Затем начинается холодный пояс (от -38 до $+17$ градусов). Выше 2600 м, в зоне альпийских лугов, температура от 0 до $+10$ градусов. За снеговой границей находится пояс вечного холода. Температура там никогда не поднимается выше 0.

Рельеф оказывает большое влияние на распространение атмосферных осадков. Наибольшее количество их выпадает в горных районах.

Равнинная часть Карачаево-Черкесии подвержена и зимой и летом воздействию восточных ветров — суховеев, которые в летнее время губительно действуют на посевы.

В равнинной части Карачаево-Черкесии каштановые почвы и предкавказские карбонатные черноземы, на которых при правильном использовании и благоприятных условиях можно выращивать хороший урожай зерновых и пропашно-технических культур. Выше располагаются зоны предгорных и горных черноземов. Для растительности Карачаево-Черкесии также характерна высотная зональность. Выше степной зоны расположена лесная зона — горные леса, — которая делится на две подзоны (в нижней растут лиственные деревья, в верхней — бук и хвойные). Лесная зона располагается на высоте от 1000 до 2300 м над уровнем моря. Выше идет зона с альпийской и субальпийской растительностью. Высокогорные альпийские луга находятся в районах Чилик, Чапал, в урочищах Бичесын, Покун-Сырт и в других местах.

Животный мир очень разнообразен. В равнинных местах водятся зайцы, волки, лисицы и др. До конца XVIII в. в этих местах водились сайги, козули, благородные олени, дикие лошади и туры. Дикие лошади и туры почти все вымерли, остальные истреблены или отступили в более высокие лесные районы³. В лесостепной полосе обитают волки, лисицы, рыси, зайцы, дикие кошки, выдры, куницы, барсуки и др. В горных лесах живут медведи, козули, дикие кабаны, которые иногда спускаются вниз, а также волки, лисицы, куницы, рыси, барсуки, ласки, дикие кошки, выдры, горностаи, зайцы. В глухих местах Закубанья водятся олени, принадлежащие к древней породе благородного оленя-марала, жившего здесь еще в доледниковый период. Среди скал и утесов живут серны и туры. Из пернатых следует упомянуть горных индеек, черных дятлов, кавказских тетеревов и др. В горных реках и озерах водится громадное количество самых лучших пород рыб (форелей и др.).

Таким образом, расчлененность рельефа и наличие коммуникаций, обилие разнообразных полезных ископаемых, сравнительно хорошие почвенно-климатические условия, богатство флоры и фауны — факторы, весьма благоприятные для жизни и хозяйственной деятельности населения Карачаево-Черкесии.

Говоря о природных условиях, следует подчеркнуть весьма важное обстоятельство: разнообразие природных условий сказывалось в какой-то степени на многих особенностях социально-экономической жизни населения этих мест. Поэтому при решении ряда вопросов нашей темы должны быть непременно учтены и особенности природных условий области.

Население Карачаево-Черкесии, по данным на 1 января 1965 г., составляло 320 220 человек, из них: карачаевцев — 80 470, черкесов — 28 970, абазин — 22 530, ногайцев — 10 500, русских — 164 000. В небольшом количестве в области проживают также греки, осетины, армяне, украинцы и др.

В лингвистическом отношении карачаевцы и ногайцы принадлежат к тюркской группе, черкесы и абазинцы — к адыго-абхазской подгруппе языков кавказской группы.

Карачаевцы населяют главным образом южные и восточные районы области: Карачаевский, Мало-Карачаевский и Зеленчукский. Карачаевские селения имеются также в Урупском и Прикубанском районах. Черкесы живут в Хабезском и Адыге-Хабльском районах; абазинцы — в Адыге-Хабльском, Прикубанском и Мало-Карачаевском

районах; ногайцы — в Адыге-Хабльском районе и в ауле Кызыл-Тогай Хабезского района.

В Карачаево-Черкесской автономной области имеются два города: Черкесск (б. станица Баталпашинская) — областной центр и Карачаевск (б. Микоян-Шахар) — районный центр. В этих городах проживают представители всех народов области⁴.

ИСТОЧНИКИ

Широкий круг вопросов, поставленных в настоящем исследовании, и его значительные хронологические рамки потребовали от нас использования различных видов источников, среди которых основными явились археологические материалы и письменные источники.

В основу настоящей работы положены:

1. Материалы, добытые автором при раскопках археологических памятников Карачаево-Черкесии. В течение 1951—1968 гг. автор возглавлял археологические экспедиции ЧНИИ—КЧНИИ. Раскопаны памятники VIII—VII вв.—Хумаринское селище и Инжиччукунский могильник; могильники и поселения VI в. до н. э.—у аулов Жако (Тамгаик), Кызыл-Кала, Учкулан; V—IV вв.—курганы и поселение у хутора Дружба; памятники сарматского времени: курганы в аулах Учкекен и Терезе, склеп Коба-Баши; городище у хутора Дружба и поселение у аула Учкулан; могильники и поселения IV—V вв.—у аула Жако в Тамгаикской балке, поселение у аула Карт-Джурт; могильники V—VII вв.—у Хумаринского городища и у аула Кызыл-Кала; поселение VIII—IX вв.—у аула Бесленей; могильник IX—X вв. на Сентинской горе; могильники X—XI вв.—у аула Жако и селения Каракент; поселения IX—начала XIII в.—Сентинское, Кызыл-Калинское, Рим-Горское, Хумаринское; адыгские могильники—у аулов Жако и Бесленей; карачаевский могильник XVII—XVIII вв.—у аула Карт-Джурт.

2. Археологические коллекции, хранящиеся в Государственном Историческом музее и в местных музеях Северного Кавказа: Черкесска, Ставрополя, Краснодара, Майкопа, Сочи, Туапсе, Геленджика, Новороссийска, Анапы, Пятигорска, Нальчика, Орджоникидзе, Грозного.

3. Отчетная документация о раскопках, хранящаяся в архивах, в основном материалы рукописного архива ЛОИА—дневники исследователей, проводивших раскопки в дореволюционный период (В. М. Сысоев, И. А. Владимиров и др.).

4. Опубликованные данные о раскопках и разведках на территории Карачаево-Черкесии и за ее пределами.

Археологические памятники Карачаево-Черкесии издавна привлекали внимание путешественников и исследователей⁵.

В конце XVIII в. памятники Пятигорья обследовал И. А. Гильденштедт (1773—1774 гг.), а затем—П. С. Паллас (1793—1794 гг.). В первой половине XIX в. в верховьях Кубани и Зеленчуков производили археологические разведки майор Потемкин (1802 г.), Ю. Клапрот (1807—1808 гг.), М. Купфер (1828 г.), И. Бернадацци (1829 г.), А. Фиркович (1848 г.), Г. Токарев (1849 г.). В 1867 г. разведки и небольшие раскопки на Кубани и в Зеленчуках провели братья Нарышкины. В конце 70-х—начале 80-х годов XIX в. памятники Кубанской области изучал Е. Д. Фелицын. В 1882 г. Е. Д. Фелицын опубликовал археологическую карту Кубанской области, на которую нанесены и памятники Карачаево-Черкесии.

В 1885—1886 гг. несколько могильников у аула Хасаут раскопал М. М. Ковалевский. В конце 80-х — начале 90-х годов в Карачае побывали и осмотрели его археологические памятники Р. Эркерт и С. Соммье.

Эпизодические раскопки и разведки в верховьях Кубани и Зеленчуков, а также в Пятигорье проводили Г. И. Куликовский (1892 г.), В. Тепцов (1892 г.), Н. И. Веселовский (1897. 1901—1902 гг.), И. А. Владимиров (1899 г.), Н. И. Воробьев (1907 г.), Н. Е. Макаренко (1907 г.), А. С. Федоровский (1912 г.). Памятниками этого района интересовались местные краеведы — учителя И. Хурумов (начало 90-х годов), Н. Е. Талицкий (1908 г.), ветеринар А. Атманских (начало XX в.), врач А. М. Лысенко (1916 г.).

Довольно значительные раскопки в Карачае были проведены В. М. Сысоевым и А. Н. Дьячковым-Тарасовым. В. М. Сысоев в 1895, 1896 и 1898 гг. раскопал памятники (главным образом могильники) в Зеленчукском и Тебердинском ущельях, у Шоанинского и Зеленчукского храмов, на р. Индыш, у аулов Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук, в Уллу-Камском ущелье. А. Н. Дьячков-Тарасов в 1896, 1898 гг. и позднее исследовал Сентинский храм и окружающие его могильники, памятники у Хумары и в других местах Карачая.

После Великой Октябрьской революции работа по изучению археологических памятников Карачаево-Черкесии заметно оживилась. В начале 20-х годов XX в. пятигорский археолог Д. М. Павлов собирал материалы для составления археологической карты Карачая. В 1927 г. сотрудник Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института А. Н. Дьячков-Тарасов провел раскопки и разведки у Сентинского храма, на р. Амгате и в других местах Карачая.

В 1933 г. на территории Черкесии работала геологическая экспедиция под руководством П. Н. Шишкина. Попутно был произведен осмотр археологических памятников и собраны материалы для составления археологической карты Черкесии. В 30-х — начале 40-х годов археологические и архитектурные памятники Черкесии осматривал Л. И. Лавров. В 1940 г. в Карачае состоялась археологическая экспедиция под руководством преподавателя Карачаевского педагогического института К. М. Петрелевича. Тогда же, в предвоенные годы, начала свою археологическую деятельность в Карачаево-Черкесии преподаватель СГПИ Т. М. Минаева. В 1939—1941 гг. ею были раскопаны памятники в местности Гиляч, на р. Теберде, начаты исследования Байтал-Чапканского могильника. проведены разведки в «Старом Жилище» на Большом Зеленчуке и в других местах.

После Великой Отечественной войны археологическое изучение области было продолжено. Ученые Москвы, Ленинграда, местных кавказских центров проводят на территории Карачаево-Черкесии разведочные работы. В 1946 г. разведки в Зеленчукском ущелье были проведены Е. Г. Пчелиной (Гос. Эрмитаж), в 1949 г. — Е. Г. Пчелиной и С. С. Кусаевой (СОНИИ). В 1951 г. могильник в Мощевой балке осмотрел А. А. Иессен (Гос. Эрмитаж). В 1955 г. памятники кобанского и аланского времени в истоках Кубани и Теберды были осмотрены Л. Н. Глушковым (Ставропольский музей краеведения). В 1966 г. осмотр памятников на р. Индыш проводил Я. А. Федоров (МГУ, кафедра этнографии). В настоящее время склеповые могильники Карачаево-Черкесии изучает Л. Г. Нечаева (ИЭ АН СССР).

Следует упомянуть о раскопках П. Г. Акритаса, А. П. Рунича, В. П. Любина, А. Л. Нечитайло, И. М. Мизиева. В 1952—1953 гг. П. Г. Акритас вместе с В. А. Кузнецовым обследовал памятники Зе-

ленчукского ущелья. А. П. Рунич (Пятигорск) более 20 лет изучает памятники в окрестностях Кисловодска, в частности могильник на Рим-Горе (в последние годы — совместно с кисловодским краеведом Н. Н. Михайловым). В 1956 г. сотрудник ЛОИА В. П. Любин открыл памятники каменного века в Кардонике, на Джеганасе, в Зеленчукском ущелье, в Яворах, на р. Овечке и в других местах, исследовал курган скифского времени в окрестностях Карабашева, раннесредневековое городище Учкулька и другие памятники. В 1963—1964 гг. А. Л. Нечитайло (Ставропольский музей краеведения) раскопала курганный могильник III—II тысячелетий у ст. Усть-Джегутинской. В 1966 г. б. аспирант ИА АН СССР И. М. Мизиев, руководивший экспедицией КЧНИИ, обследовал раннесредневековые памятники на р. Индыш и у сел. Верхний Архыз, позднесредневековые могильники у аула Карт-Джурт.

Особенно большая заслуга в изучении археологических памятников Карачаево-Черкесии (главным образом памятников раннесредневековых) принадлежит Т. М. Минаевой и В. А. Кузнецову.

В течение 1948—1969 гг. Т. М. Минаева возглавляла экспедиции Ставропольского музея краеведения, СГПИ, в некоторые годы — Черкесского (с 1957 г. — Карачаево-Черкесского) областного музея. Ею были раскопаны курганы II тысячелетия до н. э. у аула Адыге-Хабль, выявлены следы древних выработок медной и железной руд в Марухском ущелье, исследованы раннесредневековые памятники: катакомбный могильник IV—V вв. в местности Байтал-Чапкан, скальные катакомбы VIII—XII вв. во многих местах Карачаево-Черкесии, городища и могильники в местности Адиух, Гиляч, Узун-Кол, Инджур-Гата, в устье Теберды, городище Кубина и могильники на этом городище — христианский аланского времени, кипчакский, адыгский и ногайский. Раскопан бескурганный могильник XIII—XIV вв. у аула Ново-Кувинского, адыгские курганные могильники XIV—XVI вв. — в низовьях и в верховьях речки Байтал-Чапкан, в устье реки Карабегжонки.

В. А. Кузнецов руководил экспедициями ИА АН СССР, КЧНИИ (1962 г.), СОНИИ. В 1954—1969 гг. этот исследователь провел археологические раскопки и разведки в Зеленчукском ущелье, где были изучены памятники «Старого Жилища», городища и могильники на р. Кривой и другие памятники. Особенно ценны материалы, полученные в результате изучения Нижне-Архызского городища, храмов и могильников, расположенных там. Обследовано Хумаринское и Рим-Горское городище и другие памятники верховьев Кубани и Зеленчуков, а также Пятигорья.

Большую работу по изучению археологических памятников ведут краеведы, преподаватели средних школ — Е. А. Милованов, С. Д. Мас-тепанов, Р. Н. Шпилевой и др. Непосредственно за пределами области, на р. Урупе, проводят работы Н. В. Анфимов и под его руководством преподаватель средней школы хутора Ильич М. Н. Ложкин.

Перечисленные археологи, путешественники и другие лица, занимавшиеся изучением археологических памятников Карачаево-Черкесии, оставили более или менее подробные публикации о результатах своих работ. Эти публикации далеко не равноценны, но представляют определенный интерес и являются важнейшим источником для освещения нашей темы.

Таким образом, в результате археологических обследований территории области накопился довольно большой материал, который может и должен быть использован для создания древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии.

Древний период истории Карачаево-Черкесии освещается только на археологическом материале, так как письменные источники не содержат сведений, касающихся этой территории, если не считать сообщения римского автора Плиния (ок. 62 г. — ок. 114 г.) о «сарматском племени эпагерритов» (VI, 15), которое, по мнению некоторых исследователей, обитало в пределах нынешней Карачаево-Черкесии (см. гл. III наст. изд.).

Для изучения раннесредневекового периода основным источником по-прежнему остается археологический материал. Однако некоторые данные есть и в письменных источниках. К таким источникам мы должны прежде всего отнести труды византийских авторов VI в. Прокопия Кесарийского⁶, Феофана Византийца и Менандра Византийца. Большой интерес представляют сведения о расселении алан, зихов, абазгов и некоторых других фактах их истории, описанных Прокопием, который во время военных кампаний имел возможность познакомиться с народами Кавказа.

Некоторые сведения об аланах, живших в верховьях Кубани, мы находим в отрывках из произведений хорошо информированных авторов — Феофана Византийца и Менандра⁷.

Данные социально-экономической истории верхнекубанских алан начала VIII в. можно извлечь из отрывка из «Летописи» монаха Феофана Исповедника⁸, жившего во второй половине VIII — начале IX в. Учитывая, что описываемые им события начала VIII в. относились к недавнему для него прошлому, можно надеяться, что они достоверны.

Византийский император Константин VII Багрянородный (913—959) в своем трактате приводит ценные сведения об аланах и адыгах (зихах, папагах, касахах)⁹. Хотя трактат Константина не свободен от недостатков, имеющиеся в нем данные представляют для нас большой интерес. Замечания о христианстве и некоторых моментах социальной жизни у алан содержатся в письмах константинопольского патриарха Николая Мистика (901—907, 912—925)¹⁰.

Несомненный интерес представляет труд компетентного арабского географа Масуди «Мурудж ад-Дзахаб» («Россыпи золота»), написанный в 947—956 гг.¹¹ Среди прочих данных автор приводит сведения об адыгах (кашаках), аланах, взаимоотношениях их друг с другом и т. п.

Упоминания о джихах (адыгах и абазинах) и овсах (аланах), в частности об аланских государях, живших в верховьях Кубани, имеются в известном грузинском источнике «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии»), созданном в основном в XII в.¹²

Сведения о расселении различных групп алан (в том числе и верхнекубанских), гаршей, возможно каршей (т. е. кашаков-адыгов), болгар, апшилов, абхазов и других народностей имеются в очень ценном, хотя и разноречиво толкуемом источнике — «Армянской географии VII в.»¹³.

Из западноевропейских источников, относящихся к домонгольскому периоду, для нашей темы важен рассказ доминиканца Юлиана о его путешествии в Восточную Европу в 1235 г.¹⁴ Юлиан и его спутники прошли по Предкавказью от Тамани через Аланию в Поволжье. Многие детали, содержащиеся в рассказе Юлиана, помогают нам осветить вопросы социально-экономической жизни адыгов (зихов) и алан.

В русских документах домонгольского периода (летописях) имеются некоторые упоминания о касогах (адыгах), а также безах и ясах (аланах), причем в соответствии с этими документами, касоги, так же как и ясы, живут где-то около Тамани, в западной части Северо-Западного Кавказа¹⁵.

Для изучения позднего средневековья (особенно XVII в.) главными, а подчас и единственными источниками являются письменные документы. Правда, непосредственно территории Карачаево-Черкесии касаются лишь Эвлия Челеби, Ламберти, Шарден и некоторые русские авторы. Однако и ряд других письменных источников в какой-то мере проливают свет на интересующие нас вопросы истории народов Карачаево-Черкесии в позднесредневековую эпоху.

У авторов XIII в. Плано Карпини и Рубрука имеются интересные для нас сведения о материальной культуре кипчаков и данные (правда, весьма приблизительные) о расселении черкесов и алан¹⁶.

Для освещения этнической и социально-экономической истории черкесов, алан и других народов Северного Кавказа весьма важно описание путешествия венецианца И. Барбаро, который с 1436 по 1452 г. жил в Тане (Азове) и неоднократно посещал восточное побережье Черного и Азовского морей¹⁷.

Рассказ генуэзца Георгия Интериано, основанный на личных наблюдениях, касается почти всех поставленных нами вопросов¹⁸. Г. Интериано побывал на Северо-Западном Кавказе после 1450 г. (очевидно, в 70—80-х годах). В каком именно месте он жил, точно неизвестно. Специалисты по итальянским источникам, в том числе Е. С. Зевакин, высоко оценивают труд Г. Интериано. Сообщаемые им сведения весьма достоверны¹⁹.

Некоторый интерес для нашей темы (особенно по вопросам торговли и общественных отношений) имеют итальянские, прежде всего генуэзские, документы XIII—XV вв.²⁰, в частности «Устав для генуэзских колоний», изданный в Генуе в 1449 г.²¹

Для изучения образования Ногайской орды нами использован «Дневник путешествия» кастильца Клавихо Рюи к Тимуру в 1403—1406 гг.²²

О расселении черкесов, абазин, ногайцев (с приложением карты) сообщает австриец С. Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1525 гг.²³

У польского автора Матвея Меховского в «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) есть данные о расселении черкесов, а также сведения об образовании Ногайской орды²⁴.

Западноевропейские авторы XVII в. дают ценнейшие сведения о расселении, хозяйстве, культуре, быте, верованиях и общественном строе черкесов, абазин, кабардинцев, ногайцев и др. Особенно важны произведения таких авторов, как д'Асколи, Жан де Люк и другие, писавших о населении Северо-Западного Кавказа, а также Тавернье, Олеария, Витсена, Кемпфера, труды которых в основном посвящены кабардинцам и ногайцам²⁵. Эти авторы долгое время жили на Северном Кавказе, и их данные обстоятельны и правдивы. Они подтверждаются перекрестной проверкой показаний различных авторов. В указанных источниках говорится о черкесах, абазинах, кабардинцах, ногайцах и других северокавказских народах вообще, без выделения тех, которые жили в верховьях Кубани и Зеленчуков, но сведения источников весьма ценны и для нашей темы, так как речь идет о многих явлениях, одинаковых для западных черкесов и кабардинцев, абазин и ногайцев, в каком бы районе Северного Кавказа они ни жили.

Два западноевропейских автора XVII в. — Ламберти и Шарден — упоминают о карачиолях-карачаевцах²⁶.

А. Ламберти — итальянский монах, жил в Грузии в 1630—1650 гг. Его «Описание Колхиды» — очень серьезный для того времени труд. Прожив 20 лет в Грузии, Ламберти хорошо узнал эту область и при-

легающие к ней районы, в том числе верховья Кубани. Из западно-европейских авторов он первый упоминает о карачаевцах (карачолях, карачиолях) и на своей карте помещает их в верховьях Кубани.

Сведения французского коммерсанта Шардена менее достоверны, и к ним нужно относиться с осторожностью.

Некоторые интересные для нас материалы имеются в трудах персидских и арабских авторов XIII—XV вв.²⁷, в частности в «Географии» Абу-л-Фиды (1273—1331), где он, ссылаясь на Ибн Саида (1214—1274), говорит о тюркоязычных аланах и асах, исповедовавших христианскую религию²⁸. В этих аланах и асах многие исследователи в настоящее время усматривают карачаевцев и балкарцев (см. гл. V).

У турецкого автора Гезар-Фенна (Хезарфенна) (60-е годы XVII в.) есть замечания, помогающие осветить расселение и общественную жизнь черкесов²⁹.

Значительный интерес представляет для нас труд знаменитого турецкого путешественника Эвлии Челеби (1611—1679) «Сейахат-наме» («Книга путешествия»), в котором описаны его сорокалетние путешествия³⁰. Для нас ценны книга II, где описано путешествие 1641 г. от Риона до Анапы, и особенно книга VII — о его турне в Закубанье в 1666 г. В книге VII автор в числе прочих сведений сообщает нам много данных о черкесах, кабардинцах, абазинах, ногайцах, которые жили в верховьях Лабы, Варпа (Урупа), Дженджеков (Инджиков — Зеленчуков), Верхней Кубани и в Пятигорье, т. е. на территории Карачаево-Черкесии и в прилегающих к ней районах. Эвлия Челеби склонен к фантазии, к изображению различных чудес и небылиц. Цифры, приводимые им, всегда явно преувеличены. Однако те его описания, которые основаны не на домыслах и легендах, а на собственных наблюдениях, являются исключительно ценным источником.

Достоверностью отличаются лингвистические и географические данные Эвлии, его замечания, касающиеся этногеографии и социально-экономической жизни населения Северного Кавказа. Географические названия и наименования различных этнических групп адыгов, абазин и других народностей совпадают с подобными же наименованиями в источниках XVIII—XIX и даже начала XX в., а иногда и с современными. Эвлия упоминает о некоторых местных князьях. Об этих же князьях говорят и другие авторы, в частности Жан де Люк. Многие этнографические детали, приводимые у Эвлии, также подтверждаются рядом источников XVII в. и более поздних. Труд Эвлии является в некотором роде почти единственным источником, с большой полнотой освещающим вопросы нашей темы.

Русские летописи послемонгольского периода содержат некоторые интересные сведения о черкесах, обзах и ногаях, но те группы этих народов, которые жили непосредственно на территории Карачаево-Черкесии, особо не выделяются.

Ценные данные о расселении адыгов и ногайцев имеются в «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г. по материалам конца XVI в.

Для освещения вопросов социальной и отчасти этнической истории весьма важны родословные черкесских, кабардинских, абазинских и ногайских князей³¹. Составлены они в XVII в., но начинаются с периодов более ранних — с XVI и даже XV в.

По истории адыгов и ногайцев много любопытных сведений имеется в «Донских делах» (XVII в.)³². В частности, эти документы содержат одно из первых в русских источниках упоминаний о переселении но-

тайцев Малого Ногая из-под Азова на территорию Карачаево-Черкесии, в верховья Кубани, и о причинах этого переселения.

Некоторые данные о расселении и других событиях истории кабардинцев и ногайцев есть в статейных списках (отчетах) русских послов в Мегрелию Ф. Елчина и П. Захарьева (1639—1640)³³. Но главная ценность этих русских документов в том, что в них впервые упоминаются карачаевцы — «Карачаева Кабарда». Полагают, речь идет о баксанских карачаевцах, хотя в последнее время выдвигается предположение, что здесь упомянуты верхнекубанские карачаевцы.

Весьма ценным изданием является сборник русских документов — «Кабардино-русские отношения»³⁴. В документах XVI и особенно XVII в. есть данные о расселении адыгских групп, в том числе и верхнекубанских — бесленеевцев и кабардинцев. Абазины и ногайцы Малого Ногая упоминаются в этих документах как жители Верхней Кубани. В документе 1643 г. есть известие о карачаевских черкесах, т. е. карачаевцах, находившихся «под Пяти Горами» (в Пятигорье).

Таковы основные источники, использованные при освещении вопросов нашей темы.

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ТЕМЫ

Вопросы этнической истории Карачаево-Черкесии, особенно адыгов-черкесов, изучали многие русские, советские и зарубежные авторы. Замечания о происхождении народов Карачаево-Черкесии имеются в трудах русских и работавших в России авторов: Г. З. Байера, В. Н. Татищева, И. Г. Гербера, И. Г. Гильденштедта, П. С. Палласа, Я. Рейнегса, И. Г. Георги (XVIII в.), Ю. Клапрота, Н. М. Карамзина, П. Буткова, С. Броневского, Ф. Шармуа, Ш. Б. Ногмова, Хаджимукова, К. Сталья, Л. Я. Люлье, А. П. Берже, Ф., А.-Д. Г., Н. Дубровина, Г. Перетятковича, П. К. Услара, Е. Д. Фелицына, Л. Г. Лопатинского, В. М. Сысоева, А. Н. Дьячкова-Тарасова, К. Ф. Гана, Н. И. Веселовского и др. (XIX — начало XX в.)³⁵.

Обращались к вопросам происхождения народов Карачаево-Черкесии и зарубежные авторы: Ферран, Главани, Пейсонель, Потоцкий (XVIII в.), Роммель, д'Оссон, Бессэ, Дюбуа де Монпере, Нейман, Кох, Сэн-Мартен, Ховорт, Вамбери, Шантр, де Морган, Зичи, Эркерт, Мерцбахер, Соммье и др. (XIX — начало XX в.)³⁶. Из названных авторов посетили Карачаево-Черкесию Бессэ, Эркерт, Соммье, Зичи, возможно Дюбуа де Монпере.

В советское время проблемами происхождения карачаевцев, адыгов, абазин, ногайцев, передвижения и расселения этих народов и их предков в древности и в эпоху средневековья занимаются историки и археологи, этнографы, филологи и антропологи.

В 20—30-х годах суждения по этим вопросам высказывали Н. Я. Марр, А. Самойлович, Н. Ф. Яковлев³⁷. Тогда же эта проблема, в частности этногенез карачаевцев, была в центре внимания многих работников Северокавказского горского научно-исследовательского института. Ею продолжал заниматься А. Н. Дьячков-Тарасов, ставилась она в работах У. Д. Алиева и И. Тамбиева³⁸. О происхождении адыгов и карачаево-балкарцев писал в своих статьях Г. А. Кокиев³⁹.

Огромную работу по изучению этногенеза адыгов, абазин, карачаевцев проделал Л. И. Лавров⁴⁰. Этого автора без преувеличения можно назвать основоположником разработки этнической истории Северо-Западного Кавказа в советской исторической науке.

236825-0

Проблему карачаево-балкарского этногенеза в настоящее время изучают историки (Х. О. Лайпанов, К. Т. Лайпанов)⁴¹, археологи (В. А. Кузнецов, И. М. Мизиев)⁴², этнографы (Е. Н. Студенецкая)⁴³, филологи (Н. А. Баскаков, В. И. Абаев, У. Б. Алиев, Х. И. Хаджилаев, М. А. Хабичев, Ш. К. Акбаев и др.)⁴⁴. Плодотворно изучает антропологию советских народов, в том числе карачаево-балкарцев и адыгов, В. П. Алексеев⁴⁵.

Вопросы этнической истории адыгов ставятся в работах языковедов (например, Е. С. Шакрыл)⁴⁶ и археологов — А. П. Смирнова, П. А. Дитлера, Н. А. Шафиева, М. Л. Стрельченко⁴⁷. Особо следует отметить многолетние археологические изыскания Н. В. Анфилова, проливающие новый свет на ранние этапы адыгского этногенеза⁴⁸.

О происхождении абазин высказывали свое мнение языковеды А. Н. Генко, Г. П. Сердюченко, К. В. Ломтатидзе; историки Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа и ряд других ученых⁴⁹. Происхождением ногайцев исследователи занимались мало. Более всего в этом отношении сделано М. Г. Сафаргалиевым⁵⁰. Замечания по этому вопросу имеются в трудах Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, А. П. Окладникова, И. Т. Мутенина, Л. Н. Кужелевой, Б. А. Гарданова, С. А. Токарева⁵¹. Но ни один из этих авторов не обращался к историческому прошлому ногайцев, населяющих территорию современной Карачаево-Черкесии.

Вопросы этногенеза народов Карачаево-Черкесии разрабатываются в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте. Некоторым итогом этих работ является раздел о происхождении народов этой автономной области, помещенный в томе I «Очерков истории Карачаево-Черкесии», изданном в Ставрополе в 1967 г.

Проблемы происхождения карачаевцев, адыгов, абазин и ногайцев освещают и некоторые зарубежные авторы в изданиях, увидевших свет в 20—60-х годах XX в.⁵²

Более подробно взгляды названных выше авторов по проблеме этногенеза и другим вопросам этнической истории Карачаево-Черкесии будут изложены в главе V. Здесь же отметим, что русскими и зарубежными авторами XVIII — начала XX в. был собран большой и ценный материал и высказано много суждений по данной теме. Хотя значительная часть этих высказываний не имеет должной научной аргументации и с точки зрения современной науки выглядит наивной, с некоторыми заключениями, содержащимися в работах Ю. Клапрота, С. Броневского, П. Буткова, Л. Я. Люлье, А. П. Берже, Е. Д. Фелицына, В. М. Сысоева, Л. Г. Лопатинского, К. Роммеля, К. Неймана, К. Коха, В. Сэн-Мартена, Э. Шантра, Ж. де Моргана и ряда других русских и зарубежных ученых, нельзя не согласиться, и они не потеряли своего значения и в настоящее время.

Советские ученые разных специальностей — историки, археологи, этнографы, филологи, антропологи — провели значительную работу по изучению адыгского этногенеза и других вопросов этнической истории адыгов. В последние годы идет интенсивное изучение происхождения карачаевцев и балкарцев. Но до сих пор нет единого мнения об основном компоненте, участвовавшем в формировании карачаево-балкарской народности. Научное изучение проблем абазинского и ногайского этногенеза, по существу, еще только начинается.

В зарубежной литературе 20—60-х годов, непосредственно относящейся к нашей теме, можно назвать некоторые серьезные исследования (например, труды В. Ф. Минорского). Но в основном эти издания

описательны и во многом компилятивны (например, книга Э. Саркисянца). В некоторых работах (особенно в статьях турецкого автора Мирзы Балы) проблемы происхождения народов Северного Кавказа, в частности карачаевцев, рассматриваются явно тенденциозно. Так, акцентируется явно ненаучная версия анатолийского происхождения карачаевцев.

Современные зарубежные авторы, даже самые добросовестные, вносят очень мало нового и ценного в изучение интересующих нас проблем—так далеки эти авторы от археологических или этнографических открытий последних лет.

Вопросы социально-экономической истории населения Северо-Западного Кавказа в изучаемый нами период в дореволюционной литературе почти не затрагивались. Имеется лишь несколько работ, посвященных торговле местных жителей с иноземцами, в частности с генуэзцами⁵³. Некоторые стороны экономики и общественной жизни адыгов в древности и в средневековье рассматриваются Ш. Б. Ногмовым (на основании преданий)⁵⁴. Замечания об общественном строе карачаевцев в период позднего средневековья, основанные на преданиях и ретроспективных источниках, мы находим в трудах А. Н. Дьячкова-Тарасова, Б. Миллера и некоторых других авторов, занимавшихся проблемами карачаевцев. О социальных противоречиях и классовой борьбе в адыгском обществе в XVII в. писал Н. Каменев⁵⁵.

В советское время проблемами социально-экономической истории населения Северо-Западного Кавказа в древности занимаются археологи А. А. Формозов, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов и др. Для раннего средневековья представляют интерес исследования В. Б. Деопик (Ковалевской), С. А. Плетневой, А. Л. Якобсона⁵⁶. Для изучения социально-экономической жизни народов Северо-Западного Кавказа в период позднего средневековья очень важны работы археологов В. П. Левашевой, М. Л. Стрельченко, Г. А. Федорова-Давыдова⁵⁷, этнографов Ц. Н. Бжани и М. В. Цинцадзе⁵⁸. Вопросы экономики и становления феодальных отношений у народов Северного Кавказа в период позднего средневековья освещаются в работах Е. С. Зевакина, Н. А. Пенчко, Е. Н. Кушевой. Касались этих проблем в своих трудах М. В. Покровский и В. К. Гарданов⁵⁹.

Обратимся теперь к исследованиям, непосредственно связанным с изучением территории Карачаево-Черкесии.

Древнейшим и древним периодом истории этой области занимаются археологи. В. П. Любин впервые открыл памятники каменного века на территории Карачаево-Черкесии⁶⁰. А. Л. Нечитайло исследовала могильники III—II тысячелетий и совместно с Р. М. Мунчаевым опубликовала результаты своих исследований⁶¹. А. А. Формозов в своей монографии⁶² рассматривает памятники каменного века и майкопской культуры Прикубанья, в том числе и Верхнего. Автор показывает преемственность сменяющих друг друга археологических культур и делает ряд важных выводов, касающихся этнической и социально-экономической жизни населения Прикубанья в эпоху каменного века и майкопской культуры. Эти же вопросы освещаются в книге В. И. Марковина, посвященной памятникам северокавказской культуры II тысячелетия до н. э., в том числе и памятникам Карачаево-Черкесии⁶³. Ценнейшим исследованием является работа А. А. Иессена «Прикубанский очаг»⁶⁴, в которой автор обстоятельно характеризует открытую им прикубанскую культуру, синхронную и родственную культуре кобанской. Как видно из данной работы, на территории Карачаево-Черкесии имеются памятники как кобанской, так и прикубанской культур. Прикубанскую

культуру поздней бронзы А. А. Иессен связывает с древнейшими предками меотов-адыгов и отчасти абазин.

Е. И. Крупнов в капитальном исследовании, отмеченном Ленинской премией⁶⁵, включает в свой обзор и территорию Карачаево-Черкесии. Автор рассматривает вопросы происхождения народов Северного Кавказа, в том числе и адыгов, касается происхождения карачаевцев. В книге много важных для нас выводов о социально-экономической жизни населения Северного Кавказа в I тысячелетии до н. э.

В дореволюционной и советской литературе, посвященной ранне-средневековому периоду истории Карачаево-Черкесии, территория верховьев Кубани и Зеленчуков интересовала исследователей главным образом как западная часть Северокавказской Алании. С этой точки зрения изучались и раннесредневековые археологические памятники данной местности.

Так, Ю. Клапрот высказал мнение, что в верховьях Кубани и Зеленчуков жили предки осетин — аланы и им принадлежат храмы и прочие монументальные раннесредневековые памятники этих мест⁶⁶. П. Бутков в статье «О имени Козак» высказывает мысль о том, что карачаевцы являются древнейшим населением верховьев Кубани⁶⁷. Ф. Дюбуа де Монпере интересовался древними путями, проходившими через территорию Карачаево-Черкесии, в частности Даринским путем византийских источников, который, по его мнению, проходил через Марухский перевал. В труде Дюбуа де Монпере много других, весьма интересных для нас суждений по древней и средневековой истории народов Северного Кавказа, в том числе адыгов⁶⁸. В. Б. Пфаф рассматривал территорию Карачаево-Черкесии как западную часть Алании. В частности, он высказал интересную мысль о том, что резиденция аланского царя Дургулеля Великого находилась в верховьях Кубани⁶⁹.

В работу В. Ф. Миллера «Осетинские этюды» включены серьезно аргументированные экскурсии о болгарях и аланах. Автор считает, что ираноязычные предки осетин — аланы — в эпоху раннего средневековья занимали обширные пространства Северного Кавказа, в том числе и территорию современной Карачаево-Черкесии. В верховьях Кубани и Зеленчуков помещались резиденции аланских царей Сародия (VI в.) и Итаза (VIII в.); через эти места проходило ответное тюркское посольство вместе с византийским, возглавляемым Земархом. Позднее в верховьях Кубани обитало тюркоязычное население (карачаевцы), которое, как полагает В. Ф. Миллер, стало называться аланами, унаследовав название страны — «Алания». Балкарцев В. Ф. Миллер связывает с болгарями. В. Ф. Миллеру принадлежит заслуга расшифровки зеленчукской надписи из дигорского диалекта осетинского языка⁷⁰. В. Ф. Миллер осветил также вопрос о средневековых касогах-адыгах⁷¹. Большой интерес для нашей темы представляет названная выше статья Ю. А. Кулаковского «Христианство у алан». На основании материалов этой статьи мы можем сделать некоторые выводы о социальных отношениях у алан, в частности у алан верхнекубанских.

Некоторые соображения по истории раннесредневекового населения Карачаево-Черкесии мы находим в работах дореволюционных историков и археологов: И. Г. Гильденштедта, П. С. Палласа, П. Хицунова, А. Фирковича, братьев Нарышкиных, И. А. Владимирова, В. М. Сысоева, А. Н. Дьякова-Тарасова, Г. Прозрителева⁷². Кроме П. Хицунова, все указанные авторы побывали на территории Карачаево-Черкесии и проводили здесь археологические разведки и раскопки.

В советское время исследователи, занимавшиеся раннесредневековой историей Карачаево-Черкесии, по-прежнему изучали ее как часть

Северокавказской Алании. Однако многие археологи, историки и лингвисты пришли к выводу, что в верховьях Кубани и Зеленчуков в период раннего средневековья кроме ираноязычных алан обитали и другие этнические группы — местные, кавказские (в частности, адыгские) и тюркские.

Так, А. Н. Дьячков-Тарасов изучал раннесредневековые археологические памятники Карачая в связи с проблемой происхождения карачаевцев⁷³. Перу А. Н. Дьячкова-Тарасова принадлежит также содержательная статья о «шелковом пути», проходившем через территорию Карачаево-Черкесии в период раннего и позднего средневековья.

В 1935 г. вышла в свет работа М. И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону», которая представляет большой интерес и для нашей темы, так как автор рассматривает в ней не только памятники Нижнего Дона, но и Северного Кавказа, в частности Рим-Горское городище. М. И. Артамоновым был выделен особый вид керамики — котлы с внутренними ушками, которые, по его наблюдению, встречались не только в Приазовье и в Пятигорье, но и в Болгарии. Исходя из этого положения, многие археологи в настоящее время считают, что котлы с внутренними ушками следует связывать с тюркоязычными болгарами.

Не меньшее значение для изучения раннесредневековой истории Северного Кавказа представляют разделы первого тома «Истории СССР» (1939 г.), написанные М. И. Артамоновым в соавторстве с Б. Е. Деген-Ковалевским⁷⁴.

Хотя вопросы этногенеза в этом издании не получили достаточного освещения, однако в указанных разделах высказываются суждения о происхождении алан, о связях их с осетинами, карачаевцами, балкарцами. Впервые делается попытка выделить этапы в социальном развитии аланского общества. Так, совершенно правильно, на наш взгляд, авторы замечают, что в V—VII вв. феодализма у алан, очевидно, не было, но предпосылки для его возникновения уже существовали. В разделе, посвященном VIII—X вв., сообщаются сведения о политической истории Алании, христианизации алан, их внутренней жизни и др.⁷⁵ Кроме письменных источников широко привлекаются археологические памятники, в том числе расположенные в верховьях Лабы, Зеленчуков, Кубани. Вполне справедливо отмечается, что в X в. в Алании, несомненно, существовали феодальные отношения, хотя конкретные государственные формы аланского феодализма еще далеко не ясны. Признаки феодализма, наметившиеся еще до X в. (городская жизнь, обмен и др.), в X в. и позднее получили дальнейшее развитие. О довольно высоком уровне социального развития аланского общества свидетельствует появление письменности и христианства с его церковным строительством.

Последующие исследования археологических памятников Карачаево-Черкесии и изучение ее раннесредневековой истории подтвердили положения Б. Е. Деген-Ковалевского.

В предвоенные годы значительную работу по изучению истории и археологических памятников Карачая проводил Карачаевский учительский (позднее педагогический) институт, КНИИ и Карачаевский музей. Возглавлял эту работу преподаватель учительского (педагогического) института К. М. Петрелевич. В 1940 г. состоялась археологическая экспедиция в Карачай под руководством К. М. Петрелевича, при участии Л. А. Сердобольской и Х. О. Лайпанова⁷⁶.

В послевоенные годы продолжалось изучение территории Карачаево-Черкесии как части Алании. В этой связи следует указать работы

Б. В. Скитского, З. Н. Ванеева, В. И. Абаева, Ю. С. Гаглойти (Гаг-
лоева)⁷⁷.

Из указанных работ особо следует сказать о разделах «Истории Северо-Осетинской АССР», принадлежащих перу Б. В. Скитского. В числе многих важных положений он формулирует правильную мысль, что феодализм в Алании начался с VIII—IX вв. Большую работу по изучению раннесредневековой истории Карачаево-Черкесии проводит Т. М. Минаева. Некоторым итогом ее исследований является научно-популярная работа «Очерки по археологии Ставрополя»⁷⁸, в которой на археологическом материале, собранном в основном самим автором, показывается история этого края. На основании данных археологии, в частности материалов городища Адиех, она делает вывод о зарождении феодальных отношений у алан (с VIII—IX вв.). Многолетние исследования Т. М. Минаевой проливают свет на многие вопросы социально-экономического развития Карачаево-Черкесии в период раннего средневековья. Что касается проблем этнической истории, то Т. М. Минаева занимается по преимуществу ираноязычными аланами, которых считает основным населением Карачаево-Черкесии в раннем средневековье. В работах, вышедших в последние годы, Т. М. Минаева рассматривает также вопрос о проникновении половцев-кипчаков на территорию Карачаево-Черкесии⁷⁹.

В центре внимания исследований В. А. Кузнецова стоят вопросы этнической истории в период раннего средневековья. В. А. Кузнецову принадлежит заслуга в установлении неоднородности этнического состава населения Алании. Как доказал исследователь, в верховьях Кубани и Зеленчуков кроме ираноязычных алан жили местные, кавказские этнические группы, в частности адыги, а также турки, в том числе болгары. Основной территорией расселения болгар был район Кисловодска⁸⁰.

В последних работах В. А. Кузнецов выдвигает предположение о том, что ираноязычное население раннесредневековой Карачаево-Черкесии состояло не столько из алан — потомков аорсов, сколько из родственных им потомков сираков⁸¹. Аргументация этого предположения (в частности, попытка связать с потомками сираков Нижне-Архызский могильник XI—XIV вв.) не представляется нам достаточно убедительной.

Большим событием научной жизни Карачаево-Черкесии и всего Северного Кавказа было открытие тюркских рунических надписей на Хумаринском городище⁸², которые впервые были опубликованы В. А. Кузнецовым.

Его раскопки в Карачаево-Черкесии, в частности работы на Нижне-Архызском городище (открытие горна и др.), позволяют сделать весьма существенные заключения по вопросам социально-экономического развития Алании.

Изучением болгар на территории Карачаево-Черкесии занимаются также Я. А. и Г. С. Федоровы⁸³, И. М. Мизиев, Н. Н. Михайлов, Е. П. Алексеева.

Для нашей темы большой интерес представляет исследование М. И. Артамонова «История хазар», справедливо названное научной общественностью энциклопедическим. Те разделы, в которых освещается история северокавказских алан и тюркоязычных племен, главным образом болгар, позволяют нам понять многие процессы, в том числе этнического порядка, происходившие на территории Карачаево-Черкесии (а также вопрос о возможной тюркизации части алан с VIII—IX вв.).

Некоторых вопросов раннесредневековой истории Карачаево-Черкесии касались Х. О. Лайпанов, Е. Г. Пчелина, В. А. Крачковская⁸⁴, Л. Г. Нечаева, С. А. Плетнева.

Из работ Л. Г. Нечаевой для нашей темы интересны ее исследования о ранних аланах на Северном Кавказе и о склеповых могильниках. Л. Г. Нечаева приводит убедительные доказательства в пользу того, что катакомбные погребения сарматского времени, известные на Северном Кавказе, принадлежат аланам, поселившимся в этих местах с рубежа нашей эры⁸⁵. Это заключение весьма важно при определении этнической принадлежности катакомбных подкурганных погребений начала нашей эры, открытых нами у аулов Учкекен и Терезе.

В изысканиях Л. Г. Нечаевой о склепах имеется много нового и интересного⁸⁶. Однако утверждение автора, что склепы принадлежат не местному кавказскому населению, а пришлым ираноязычным аланам и склеп — это «катакомбы в камне», осталось недоказанным. Наследниками склеповой традиции являются не только осетины, но и сугубо местные, кавказские народы — чеченцы и ингуши. Кроме того, если аланы не могли соорудить катакомбу в земле, им не обязательно было трансформировать ее в склеп, а можно было просто вырубить ее в скале, что они и делали — скальных катакомб на территории Карачаево-Черкесии в настоящее время известно несколько сотен.

Последние исследования самой Л. Г. Нечаевой опровергают изложенную выше гипотезу⁸⁷. По ее мнению, дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья — наземные гробницы из тесаных блоков — выстроены в древности, а в средние века использовались вторично. В связи с этим Л. Г. Нечаева считает возможным отвергнуть положение В. А. Кузнецова о происхождении средневековых склепов от дольменов и дольменообразных гробниц. По-видимому, в какой-то степени Л. Г. Нечаева права — часть дольменообразных склепов может быть, действительно, сооружена в древности. Но нет никаких данных категорически утверждать, что наземные гробницы с боковым входом не возводились в период раннего средневековья. Исследования В. А. Кузнецова и наши наблюдения позволяют сделать заключение, что наземные гробницы с боковым входом строились и в раннесредневековую эпоху. Поэтому гипотеза В. А. Кузнецова о сохранении элементов дольменной традиции на территории Карачаево-Черкесии в эпоху раннего средневековья, на наш взгляд, остается в силе.

С. А. Плетнева в монографии «От кочевий к городам»⁸⁸ на основании большого археологического материала решает многие кардинальные вопросы истории населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры. Так, автор четко различает специфические виды поселений — кочевья, селища, поселения с земляными укреплениями, каменные замки, города. Наличие замков и городов, по мнению автора, свидетельствует о существовании у носителей салтово-маяцкой культуры в VIII — начале X в. феодальных отношений. Кроме суждений и выводов, хорошо обоснованных и не вызывающих возражений, в книге имеются и некоторые спорные и ошибочные положения. Например, нельзя согласиться с замечанием С. А. Плетневой о том, что «Северокавказская Алания в VIII—IX вв. была районом салтово-маяцкой культуры. Археологический материал опровергает положение С. А. Плетневой об уходе в VIII в. части алан из некоторых районов Северного Кавказа (в частности, Пятигорья) на Дон и Донец (более подробно об этом см. в гл. III и IV данной книги). Не доказана мысль о том, что Хумаринское городище в VIII—IX вв. представляло собой замок типа замков салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, в период раннего средневековья на территории Карачаево-Черкесии жили не только ираноязычные аланы, но и другие этнические группы. Это доказывают перечисленные выше серьезные и убедительные исследования. Однако следует назвать и явно неудачные работы, посвященные этой теме.

Г. Зардалишвили, анализируя географические наименования Клухорского района, т. е. Большого Карачая⁸⁹, пришел к выводу, что «современная территория Клухорского района (частично и соседних районов) не только испытала влияние картвельских племен, но и находилась в прошлом в этническо-географических границах Грузии»⁹⁰. Совершенно очевидно, в древности и в период средневековья между населением верховий Кубани и Грузии имели место оживленные связи — торговые, культурные и религиозные (см. гл. IV и VI). Однако нет никаких данных для утверждения, что верховья Кубани когда-либо входили «в этническо-географические границы Грузии». Географические названия верховьев Кубани, объясняемые Г. Зардалишвили на основе грузинского языка, гораздо точнее и логичнее объясняются при сопоставлении с карачаевским языком. Например, слово «сенты» (точнее, «сынты») происходит, очевидно, не от сванского «сети» — «место, где собирается народ», а от карачаевского «сын», «сын-таш» — «памятник», «надмогильный памятник». Известно, что в этой местности находится храм (Сентинский храм) и много различных погребений, надмогильных сооружений и др. В Карачае есть и другие места, где имеются памятники, в том числе и статуи, и эти места тоже имеют подобные названия (Сынла, Биче-Сын и др.). Более подробный критический разбор этой статьи уже был сделан на страницах печати⁹¹.

А. Ж. Кафоев на основании эпиграфического материала пытается доказать, что в верховьях Кубани издавна жили адыги⁹². Эта правильная мысль доказывается с помощью положений, не выдерживающих критики. По мнению А. Ж. Кафоева, зеленчукская надпись, а также надпись на стене одного из зеленчукских храмов, обнаруженная майором Потемкиным в 1802 г., являются адыгскими и относятся к V в. н. э., а надпись на Этокской статуе тоже адыгская и датируется серединой V в. Не будем здесь касаться чтения надписей: как уже было отмечено в печати, «чтение» это произвольное, основанное на домыслах и комбинациях, ничего общего не имеющих с приемами расшифровки надписей, принятыми в эпиграфической науке⁹³. Скажем только, что помимо подобной «расшифровки» надписей в книге немало положений и замечаний, противоречащих всем известным в настоящее время в науке фактам, причем автор приводит эти положения либо голословно, либо дает ссылку, которая при проверке оказывается не относящейся к предмету, о котором идет речь. К голословным утверждениям относятся, например, такие, как: верховья Кубани являлись центром Синдики (!), Зеленчукский храм — это не храм, а языческая усыпальница, а вождь гуннов Аттила был убит кабардинкой Кануковой, Ос-Багатар был кабардинцем, а не осетином и др. Утверждая, что синды имели письменность, А. Ж. Кафоев ссылается на Большую Советскую Энциклопедию⁹⁴. Однако при проверке оказывается, что речь там идет о письменности индусов-синдхов. Говоря о постоянных связях черкесских мамлюков, находившихся в Египте, с родиной — Северным Кавказом, автор заявляет, что об этом свидетельствуют археологические данные, и ссылается на «Историю Северо-Осетинской АССР»⁹⁵. Между тем на указанной странице говорится о находке в одной из Змейских катакомб шелковой ткани с арабской куфической надписью XI—XII вв. и о широких торговых связях, кото-

рые прослеживаются по материалам Змейского катакомбного могильника. Причем здесь мамлюки, неизвестно. Можно было бы привести и другие примеры совершенно произвольного обращения автора с фактами, источниками и литературой.

Проблемы социально-экономической истории средневековой Алании, в том числе и верхнекубанской, излагали В. Б. Деопик и А. А. Иерусалимская. Работы В. Б. Деопик (Ковалевской) о бусах и украшениях очень ценны, так как автор не только характеризует эти вещи, но и делает на основании этого материала много важных и убедительных выводов о местном производстве и обмене у алан и адыгов в период раннего средневековья. Работа «Северокавказские аланы»⁹⁶, написанная с использованием материалов Б. Е. Деген-Ковалевского и Е. П. Алексеевой, менее удачна, чем остальные исследования В. Б. Деопик. В частности, необоснованно кратко дан раздел о социальном строе Алании. Читатель может почерпнуть из него гораздо меньше, чем из глав, написанных в 1939 г. Б. Е. Деген-Ковалевским, хотя последний имел в своем распоряжении меньше археологических материалов, чем В. Б. Деопик.

Непосредственное отношение к нашей теме имеют работы А. А. Иерусалимской, посвященные анализу шелковых тканей из могильников, находящихся на территории Карачаево-Черкесии — в Мошовой балке и в Хасауте⁹⁷. А. А. Иерусалимская установила, что шелковые ткани из этих двух могильников, частью согдийские, частью византийские и китайские; есть также местные, изготовленные из местного сырья, датируются они в основном VIII—IX вв., хотя есть более ранние и более поздние. Изобилие шелковых тканей на территории Карачаево-Черкесии А. А. Иерусалимская объясняет тем, что через эти места проходил постоянно действующий торговый путь из Средней Азии в Византию. Таким образом, подтверждается гипотеза о «шелковом пути» из Хорезма на восточное побережье Черного моря, предложенная еще А. Н. Дьячковым-Тарасовым. Любопытны замечания А. А. Иерусалимской о приобщении местного населения к торговле шелком, об имущественном положении местных жителей и др.

Позднесредневековый период истории Карачаево-Черкесии изучен гораздо хуже, чем раннесредневековая эпоха.

Этнической и социально-экономической истории Карачая в период раннего и позднего средневековья посвящена книга У. Д. Алиева⁹⁸. Выход в свет этой книги явился значительным событием в тот период. Автор собрал и обобщил большой материал по истории и этнографии Карачая, высказал ряд важных и интересных суждений. В разделе «Карачай до карачаевцев» У. Д. Алиев, следуя за В. Ф. Миллером, отмечает, что верховья Кубани и Зеленчуков в прошлом входили в состав Алании и там жили предки осетин — аланы. Позднее аланами стали называть новых обитателей Карачая — карачаевцев. В этом же разделе приводятся данные об археологических памятниках Карачая. Вопрос о происхождении карачаевцев У. Алиев решает на материале преданий — других источников в его распоряжении не было. Поэтому автор делает неверный вывод, что предание о крымском происхождении карачаевцев имеет некоторую долю вероятности. Современный этнографический тип карачаевцев, отмечает У. Алиев, приобрел свой кавказский облик в результате слияния с карачаевцами отдельных групп сванов и представителей других кавказских народов. По справедливому замечанию автора, карачаевцы и балкарцы в прошлом представляли собой одну народность.

Одна из первых работ по абазинам принадлежит С. Басарии, который посетил Кумско-Лоовский (ныне Красновосточный) абазинский аул в Мало-Карачаевском округе⁹⁹. Автор считает, что абазины — это абхазы, которые в отдаленные времена выселились из Абхазии. Для нашей темы важны заключения автора и предания о переселении абазин на территорию Карачаево-Черкесии. Автор не всегда критически использует высказывания других исследователей. Так, он безоговорочно принимает ошибочное положение Н. Ф. Яковлева, высказанное в частной беседе, о том, что абазинские аулы на Северном Кавказе — это якобы абхазские пикеты, «линейные войска» абхазских царей.

Вопросами расселения этнических групп в верховьях Кубани в позднесредневековую эпоху занимался Л. И. Лавров. Используя данные статейных списков посольств в Грузию XVII в., а также некоторые сообщения авторов XVIII и XIX вв., автор утверждает, что в период позднего средневековья на Баксане и в верховьях Кубани обитало значительное сванское население. Так, в середине XVI в. много «сонских» (т. е. сванских) кабаков (поселений) находилось в верховьях Кубани. Локализацию сонских кабаков на Верхней Кубани Л. И. Лавров основывает на том, что, судя по сообщению Никоновской летописи, сонские кабаки находились на территории Шепшуковых улусов. На этой же территории располагался город Кован, название которого Л. И. Лавров сопоставляет с ногайским Кобан, что значит «река Кубань».

Местоположение сонских кабаков исследователями точно не установлено, но известно, что Шепшуковы улусы, т. е. владения кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукова, располагались не в верховьях Кубани, а в будущей Большой Кабарде¹⁰⁰. Кобан же действительно означает Кубань, причем не только по-ногайски, но и по-карачаевски. Однако никаких данных о существовании в верховьях Кубани в XVI в. «города Кована» (или Кобана) у нас пока не имеется, да и вообще «городов» в период позднего средневековья в верховьях Кубани не было (см. гл. VI). И уж если строить доказательства только на созвучии, то можно вспомнить, что в Северной Осетии есть старинное селение Кобан (Верхний и Нижний). Так что пока данное утверждение Л. И. Лаврова можно считать лишь смелым предположением, нуждающимся в дальнейших обоснованиях. Между карачаево-балкарцами и сванами на протяжении всего позднего средневековья существовали самые оживленные связи, и отдельные сванские группы могли переселяться на северные склоны Кавказского хребта и жить там. Но все же согласиться с мнением Л. И. Лаврова о том, что в определенные периоды позднего средневековья на Баксане и в верховьях Кубани было значительное сванское население, мы не можем. Если сванские поселенцы в этих местах и жили, то они обитали среди основного и коренного населения этих мест — балкарцев и карачаевцев.

Нельзя также согласиться и с утверждением, выдвинутым им в этой работе и развиваемым в дальнейших трудах и выступлениях, что карачаевцы заняли верховья Кубани только в конце XVII или в XVIII в.¹⁰¹ Доказательства этого утверждения Л. И. Лавров приводит весьма косвенные. Имеется камень с балкарской надписью 1715 г., из которой можно заключить, что верхнебалкарский феодал Исмаил Ерусбий отделился от родственников и в 1715 г. поселился в предгорьях Большой Кабарды. Позднее эта часть балкарцев поселилась на Баксане, где с начала 80-х годов XVII в. стала известна под именем урусбиевцев. Когда эти балкарцы поселились на Баксане, баксанских карачаевцев там не было. В то же время документы 1639—1640 гг.,

а также 1643 г. (статейные списки и отписка М. И. Волинского) говорят о том, что карачаевцы на Баксане еще жили. Таким образом, заключает Л. И. Лавров, карачаевцы ушли из Баксана на Кубань во второй половине XVII в. (после 1643 г.) или в начале XVIII в. (до 1715 г. или несколько позднее).

Согласиться с утверждением Л. И. Лаврова о том, что в XVII в. карачаевцы обитали только на Баксане, а в Большом Карачае их не было, нельзя. Баксанские карачаевцы представляли собой только часть карачаевского населения, другая же часть карачаевцев жила в верховьях Кубани, как о том свидетельствуют археологические памятники.

Правда, позднесредневековых археологических памятников в Карачае известно пока немного и изучены они недостаточно. Однако имеющиеся памятники подобны и синхронны тем, которые найдены в Балкарии¹⁰². Поэтому есть основания считать, что в период позднего средневековья карачаевцы жили и в верховьях Кубани, и на Баксане. Далее, известно, что в предшествующую эпоху в верховьях Кубани жили аланы и кипчаки, которые явились компонентами, участвующими в формировании карачаево-балкарской народности, что признает Л. И. Лавров. Таким образом, территория верховьев Кубани входила в зону карачаево-балкарского этногенеза. Трудно себе представить (да и нет никаких оснований для этого), чтобы образовавшаяся на этой территории народность целиком ее покинула и переселилась на Баксан.

И наконец, утверждение, что карачаевцы поселились в верховьях Кубани «в начале XVIII в.», опровергается показанием Ламберти. Выше уже отмечалось, что на карте Ламберти, изданной в 1654 г., карачоли помещены в верховьях Кубани. Сведения эти могли относиться и к более раннему времени, чем 1654 г., так как Ламберти жил на Кавказе начиная с 30-х годов XVII в.

Баксанских карачаевцев исследовал Х. О. Лайпанов. По его мнению, карачаевцы переселились с Баксана на Кубань между 1639 и 1654 гг.¹⁰³

В 1963 г. вышла книга Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа». Это ценнейшее исследование — итог почти тридцатилетней работы автора в архивах, где хранятся русские документы XVI—XVII вв., — ЦГАДА и др. В книге имеются разделы о западных адыгах, кабардинцах, абазинах, карачаевцах и балкарцах. На основании обширного архивного материала Е. Н. Кушева делает важные заключения о расселении различных этнических групп на Северном Кавказе, в частности в верховьях Кубани, и о социально-экономической жизни народов Северного Кавказа, в том числе черкесов, абазин, карачаевцев и балкарцев.

Вопросы общественной жизни карачаевцев в позднесредневековую эпоху на основании преданий и ретроспективных источников освещали и дореволюционные исследователи: Б. Миллер¹⁰⁴, Н. С. Иваненков¹⁰⁵, И. Щукин¹⁰⁶, В. М. Сысоев, А. Н. Дьячков-Тарасов.

В своих дореволюционных работах А. Н. Дьячков-Тарасов сделал правильное заключение, что уже в период позднего средневековья у карачаевцев существовали классовые отношения. Однако в работе, написанной в 1928 г., автор отказывается от этих взглядов и пытается доказать, что Большой Карачай в течение своего почти четырехсот-летнего существования сохранил в значительной свежести черты древнего родового строя¹⁰⁷. Утверждения автора противоречили всему тому, что было известно уже в то время, и поэтому его концепция была подвергнута критике со стороны И. Тамбиева, И. М. Коркма-

зова и др.¹⁰⁸ Изучая вопрос о классовой борьбе у западных адыгов, исследователь А. Н. Дьячков-Тарасов начало ее относит к первой половине XVII в.¹⁰⁹

Общественный строй карачаевцев исследовал И. Тамбиев. Анализируя карачаевские предания и критикуя А. Н. Дьячкова-Тарасова, И. Тамбиев правильно указывал, что социальная и имущественная дифференциация в карачаевском обществе существовала еще в период позднего средневековья. Однако И. Тамбиев выдвинул неправильный тезис о том, что в результате разложения родового строя в Карачае возникла «рабовладельческая эпоха»¹¹⁰.

Исследований, которые освещали бы вопросы экономики позднесредневековой Карачаево-Черкесии, можно назвать лишь единицы. Так, еще Е. Д. Фелицын высказал предположение, что в Карачаево-Черкесии существовали генуэзские фактории, одна из которых находилась на Хумаринском городище¹¹¹. Идея существования генуэзского торгового пути, часть которого проходила через территорию Карачаево-Черкесии, поддерживается и некоторыми советскими исследователями.

Так, А. И. Дьячков-Тарасов, основываясь на археологических материалах, данных письменных источников и средневековых карт, пришел к выводу, что в период раннего и позднего средневековья через Карачай проходил караванный «шелковый путь» из Хорезма на восточное побережье Черного моря — через Клухорский перевал в Сухуми и через Марухский перевал в Пицунду. Важнейшими перевальными пунктами на этом пути были Хумара и Рим-Гора. Включение местного населения, в частности кабардинцев, в эту торговую артерию способствовало развитию у местных народов феодальных отношений¹¹².

П. Г. Акритас полагает, что в период раннего и позднего средневековья по горам Центрального Кавказа проходил торговый путь, по которому перевозили товары на подводах¹¹³. Путь шел от г. Севастополиса до южного склона Клухорского перевала по р. Теберде через Сенты (ныне аул Нижняя Теберда), затем через ту местность, где расположены современный город Карачаевск, сел. Хумара, Маринское ущелье, сел. Верхняя Мара, перевал Кумбаши, сел. Терезе, Рум-Кале (т. е. Рим-Гора), Кислый Колодец (Кисловодск), и далее на восток, на территорию современной Кабардино-Балкарской АССР. Автор пишет, что этот торговый путь отмечен на немецкой карте Георга Трайтеля, изданной в Страсбурге, очевидно, в XVIII в. (год не указан). Для обоснования своей мысли П. Г. Акритас приводит археологические материалы, правда не всегда удачно. Так, по его словам, в местности Сенты имелся караван-сарай. Нам пришлось проводить в этих местах исследования, но караван-сарая там не обнаружено. «Греческая лестница» у аула Верхний Чегем в Балкарии, по П. Г. Акритасу, — остатки крепости, выстроенной якобы греками. Как показали исследования, предпринятые автором данной работы и Г. И. Ионе в этих местах, здесь имеется обычное местное городище аланской культуры и приписывать это сооружение грекам нет оснований. И наконец, Хумаринское, Сентинское, Рим-Горское поселения содержат материал только периода раннего средневековья. Материала генуэзского времени там не обнаружено. Поэтому указанные городища «перевальными пунктами» могли быть только в период раннего средневековья, но не в XIII—XV вв., когда генуэзцы вели торговлю на Северном Кавказе.

Выше отмечалось, что Т. М. Минаевой и И. М. Мизиевым обследованы некоторые позднесредневековые памятники на территории Чер-

кесии и Карачая. Материалы этих исследований помогают осветить некоторые вопросы позднесредневековой истории Карачаево-Черкесии.

Для изучения земледелия, скотоводства и форм жилища на Северном Кавказе в эпоху позднего средневековья определенный интерес представляют работы Л. И. Лаврова¹¹⁴. Как ретроспективный источник весьма ценны исследования Е. Н. Студенецкой по этнографии Карачая и работы В. П. Невской по истории Карачая в XIX в., статьи И. Х. Калмыкова по этнографии и истории черкесов¹¹⁵. Из научно-популярных работ назовем брошюру А. Победоносцева «Черкесия»¹¹⁶ и работы географов, в которых имеются исторические справки о народах Карачаево-Черкесии¹¹⁷.

Итак, некоторые вопросы древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии изучались еще дореволюционными исследователями. Однако широкое изучение нашей темы началось только в советское время.

Большую работу по изучению истории Карачаево-Черкесии провел Северокавказский горский научно-исследовательский институт (Ростов-на-Дону). Этот институт был связан с учеными других городов, в частности Москвы и Ленинграда, и проделал определенную работу по координации научных исследований на Северном Кавказе. На территории Карачаево-Черкесии историей этой области занимались научно-исследовательские институты и музеи Черкесска и Микоян-Шахара (Карачаевска). К сожалению, следов их работы почти не сохранилось, если не считать отчетов об археологической экспедиции 1940 г., проведенной в Карачае.

Одним из крупных научных центров в послевоенные годы стал Кабардинский (позднее Кабардино-Балкарский) научно-исследовательский институт.

С 1951 г. возобновил свою работу Черкесский (с 1957 г. Карачаево-Черкесский) научно-исследовательский институт. Изучение древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии является одной из первостепенных задач института. Особенно много изданий, в том числе и относящихся к нашей теме, вышло в свет в Москве, Черкесске, Ставрополе, Майкопе, Нальчике в 1957 г., когда праздновалось добровольное присоединение к России Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, и в 1967 г. в честь 50-летия Октября.

Значительным стимулом к углублению и расширению изучения вопросов истории Карачаево-Черкесии являются ежегодные сессии ИА и ИЭ АН СССР, посвященные результатам полевых исследований прошедшего года, в частности сессия 1965 г., проведенная в Баку, и научные сессии, посвященные этногенезу народов Северного Кавказа, в том числе сессия в Нальчике в 1959 г. по карачаево-балкарскому этногенезу и сессия в Орджоникидзе в 1966 г. по проблеме происхождения осетин.

В результате совместных усилий ученых разных городов и разных специальностей сделано довольно много по изучению раннесредневековой истории Карачаево-Черкесии. Значительно хуже изучена древняя и позднесредневековая история.

Настоящая монография является итогом более чем двадцатилетних изысканий автора по поставленным здесь проблемам.

¹ Более подробно о географическом положении и природных условиях Карачаево-Черкесии см.: С. А. Стороженко, Черкесия; Р. Бураев, Экономико-географический очерк. См. также: «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I, стр. 15—16 (раздел «Территория и население»); Ф. В. Навозова, Краснодарский край. Здесь и да-

лее более подробные выходные данные следует искать в «Библиографии», помещенной в конце книги.

² См. сб. «Природные богатства Северокавказского края», — «Труды по геологии и полезным ископаемым», вып. I; С. С. Кузнецов, Недра гор Северного Кавказа; Р. Бураев, Экономико-географический очерк, стр. 10—13.

³ С. А. Стороженко, Черкесия, стр. 34—35.

⁴ «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1, стр. 15—16.

⁵ Историю археологических обследований Карачаево-Черкесии мы излагаем здесь очень кратко. Более подробно об этом см.: Д. М. Павлов, Искусство и старина Карачая, отд. отт.: Махачкала, 1927 (в дальнейшем ссылки на отдельный оттиск); Т. М. Минаева, К истории археологических обследований; ее же, Археологические памятники Черкесии. В указанных работах приведена соответствующая библиография.

⁶ Прокопий Кесарийский, История войн; Прокопий из Кесарии, Война с готами.

⁷ Феофан Византиец; Менандр Византиец.

⁸ Феофан Исповедник.

⁹ Константин Багрянородный, Об управлении государством.

¹⁰ См.: Ю. А. Кулаковский, Христианство у алан, стр. 4—5.

¹¹ См.: В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 189—212.

¹² См.: «Грузинские летописи».

¹³ «Армянская география VII в.», стр. 21—22. Перевод интересующего нас отрывка о расселении алан, сделанный С. Т. Еремян в его новом издании «Географии», известен нам по работе Ю. С. Гаглоева: Ю. С. Гаглоев, Сведения «Армянской географии VII в.» об аланах, в частности стр. 187. Из новейших публикаций об «Армянской географии VII в.», см.: С. Т. Еремян, «Ашхарацуйц» («Армянская география VII века»).

¹⁴ Юллан.

¹⁵ «Русские летописи», II, стр. 465; IV, ч. 1, стр. 122; XXIV, стр. 50.

¹⁶ Иоанн де Плано Карпини, История монгалов; Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны.

¹⁷ [И. Барбаро], Путешествие.

¹⁸ Г. Интериано, О быте и нравах черкесов.

¹⁹ Е. С. Зевакин, Георгий Интериано.

²⁰ Эти документы собраны и переведены на русский язык Е. С. Зевакиным и использованы в его работах, написанных совместно с Н. А. Пенчко; см.: Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки истории генуэзских колоний; их же, Из истории социальных отношений.

²¹ «Устав для генуэзских колоний».

²² Клавихо, Дневник путешествия.

²³ С. Г. Герберштейн, Записки о московитских делах.

²⁴ Матвей Меховский, Трактат о двух Сарматиях.

²⁵ Д'Асколи; Жан де Люк; Тавернье, Путешествия, т. II; А. Олеарий; Н. Витсен, Север и восток; русского перевода нет. Отдельные выдержки из сочинения Витсена, переведенные на русский язык (которыми мы пользовались), имеются в работах Л. И. Лаврова, Е. С. Зевакина, В. К. Гарданова (см. «Библиографию»). Кемпфер был на Кавказе в 1693—1694 гг. Сочинение его написано на латинском языке. В данной работе использованы отрывки из этого сочинения в русском переводе, приведенные в трудах Е. С. Зевакина, С. К. Бушуева, Е. Н. Кушевой, В. К. Гарданова (см. «Библиографию»).

²⁶ А. Ламберти; Ж. Шарден.

²⁷ «Извлечения из сочинений арабских»; «Извлечения из сочинений персидских». Из арабских авторов наиболее важны: ал-Омари (Эломари, ум. в 1349 г.), Ибн ал-Асир (1160—1233), Ибн Батутта (1304—1337); из персидских: Рашид ад-Дин (1247—1317), Низам ад-Дин Шахи (рубеж XIV—XV вв.), Шереф ад-Дин Иезди (первая половина XV в.).

²⁸ Абу-л-Фида.

²⁹ См.: В. Д. Смирнов, Крымское ханство, стр. 347—348.

³⁰ «Evliya Çelebi seyahatnamesi», с. I—III, 1897; с. VII—VIII, 1928.

Русский перевод отрывков из II книги: Эвлии, Путешествия, кн. II. Русский перевод отрывков из II и VII книг «Путешествия» Эвлии, сделанный в 30-х годах, хранится в Махачкале (Рукоп. фонд ИИЯЛ ДагФАН СССР. Исторический отдел, № 421, д. 1157, лл. 27—87). В рукописном переводе в конце каждого отрывка указаны страницы турецкого издания «Сейхат-наме», на которые мы и будем ссылаться. В работе над этими источниками большую помощь оказал нам сотрудник Института истории АН СССР востоковед А. П. Новосельцев, за что приношу ему большую благодарность.

³¹ «Родословная князей»; [С. А. Белокуров], Сношения России с Кавказом.

³² См. «Библиографию».

³³ [С. А. Белокуров], Материалы для русской истории.

³⁴ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I. XVI—XVII вв.

³⁵ Г. З. Байер, Краткое описание (здесь и далее более подробные выходные данные см. в «Библиографии»); В. Н. Татищев, История Российская; И. Г. Гербер, Господина полковника Гербера примечания; И. Г. Гильденштедт, Путешествие; P. S. Pallas, Bemerkungen; J. Reineggs, Allgemeine historisch-topographische Beschreibung; И. Г. Георги, Описание; J. Klaproth, Reise in den Kaukasus; Н. М. Карамзин, История государства Российского; П. Бутков, О имени «Козак»; его же, О Hogaе; [С. Броневский], Новейшие географические и исторические известия; F. Chaptou, Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan; Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа; [Хаджимуков князь], Народы Западного Кавказа; К. Сталь, Этнографический очерк; Л. Я. Люлье, Черкесия; А. Берже, Краткий обзор; Ф., Черкесы, казаки и адыге; А.-Д. Г., Очерк горских народов; Н. Дубровин, История войны; Г. Перетяткович, Поволожье в XV и XVI вв.; П. К. Услар, Древнейшие сказания о Кавказе; Е. Д. Фелицын, Черкесы-адыге; Л. Г. Лопатинский, Заметки; В. М. Сысоев, Карачай; А. Н. Дьячков-Тарасов, Заметки о Карачае; его же, В горах Большого и Малого Карачая; К. Ган, По долинам Чороха, Уруха и Ардона; Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды.

³⁶ Ферран, Путешествие; К. Главани, Описание Черкесии; М. Пейсонель, Исследование торговли; J. Potocky, Voyage; C. Rommel, Die Völker des Caucasus; d'Osmon M., Des peuples du Caucase; J. C. Besse, Voyage en Crimée, au Caucase; Ф. Дюбуа де Монпере, Путешествие; K. F. Neumann, Russland und Tcherkesien; K. Koch, Reise durch Russland; V. de Saint Martin, Etudes ethnographiques et historiques; его же, Les Abazes de la cote Circassienne; Н. Н. Howorth, History of the Mongols; [H. Vambery], Das Türkenvolk; E. Chantre, Recherches anthropologiques; J. Morgan, Mission scientifique au Caucase; E. de Zichy, Voyages au Caucase; R. Erckert, Der Kaukasus; S. Sommier, Note volant; Г. Мерцбахер, К этнографии; К. Т. Лайпанов, О тюркском элементе в этногенезе осетин.

³⁷ Н. Я. Марр, Племенной состав Кавказа; А. Самойлович, Кавказ и турецкий мир; Н. Ф. Яковлев, Краткий обзор; его же, Языки и народы Кавказа.

³⁸ А. Н. Дьячков-Тарасов, О происхождении карачайцев; У. Алиев, Карачай; И. Тамбиев, Карачай прежде и теперь; его же, Заметки по истории Балкарии.

³⁹ Г. А. Кокиев, К вопросу о происхождении; его же, Некоторые сведения.

⁴⁰ Л. И. Лавров, О происхождении народов; его же, Абазины; его же, Адыги в раннем средневековье; его же, Происхождение кабардинцев; его же, Происхождение балкарцев и карачаевцев; его же, О некоторых этнографических данных; его же, Формирование адыгской народности; его же, Эпиграфические памятники.

⁴¹ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев; его же, К вопросу происхождения.

⁴² См. работы В. А. Кузнецова: Аланские племена; Надписи Хумаринского городища; Археология и происхождение; Глиняные котлы; И. М. Мизиев, Средневековая матерьяльная культура.

⁴³ Е. Н. Студенецкая, Культура и быт карачаевцев.

⁴⁴ Н. А. Баскаков, Выступление на сессии; его же, Тюркские языки; В. И. Абаев, Общие элементы; его же, Об аланском субстрате; У. Б. Алиев, Выступление на сессии; У. Б. Алиев, М. А. Хабиев, А. Д. Баучиев, К. Т. Лайпанов, О некоторых алапо-тюркских памятниках; Х. И. Хаджилаев, К вопросу исследования; его же, К топонимике Карачая; Ш. К. Акбаев, К вопросу о происхождении; его же, Фонетика диалектов.

⁴⁵ См. его работы: Некоторые проблемы; Антропологический тип адыгов; Антропологические данные.

⁴⁶ Е. С. Шакрыл, К вопросу об этногенезе.

⁴⁷ А. П. Смирнов, К вопросу о формировании; П. А. Дитлер, Могильники; Н. А. Шафиев, История и культура кабардинцев; М. Л. Стрельченко, Матерьяльная культура.

⁴⁸ См. его работы: Основные этапы развития культуры; Из прошлого Кубани; Племена Прикубания; Протогеотский могильник; Сложение геотской культуры.

⁴⁹ А. Н. Генко, О языке убыхов; его же, Абазинский язык; Г. П. Сердюченко, Язык абазин; К. В. Ломтатидзе, Ашхарский диалект; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии; З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии; Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы.

⁵⁰ М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды.

⁵¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда; «Очерки истории СССР», ч. II, стр. 465 (автор А. П. Окладников); И. Т. Мутенин, Исторические сведения; Л. Н. Кузелева, Ногайцы; ее же, Ногайцы; Б. А. Гарданов, Исторический очерк; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, стр. 307.

⁵² «Kaukasische Völker»; В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда; A. Namitok, Origines des circassiens; G. Vernadsky, Ancient Russia, стр. 88, 147, 148, 214, 259; G. Vernadsky, The Origins of Russia, стр. 21, 274, 281; «Encyclo-

paedia Britannica», т. 1, стр. 160—161; т. 5, стр. 715—716; т. 13, стр. 232, 274—275; E. Sarkisyanz, Geschichte; Bala M., Karaçay ve Balkarlar, стр. 217—221; Bala M., Cerklesler, стр. 375—385; I. Berkok, Tarihte Kafkasya.

⁵³ См.: Л. Я. Люлье, О торговле; Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения.

⁵⁴ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа.

⁵⁵ Н. Каменев, Бассейн Псекупса.

⁵⁶ В. Б. Деопик, Северокавказские аланы; ее же, Классификация и хронология; ее же, Производство и торговля; С. А. Плетнева, Средневековая керамика; А. Л. Якобсон, Средневековый Крым.

⁵⁷ В. П. Левашева, Белореченские курганы; М. Л. Стрельченко, Вооружение адыгейских племен; Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы.

⁵⁸ Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов; М. В. Цинцадзе, Социально-экономическое и культурное положение адыгейцев.

⁵⁹ Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки истории; их же, Из истории социальных отношений, стр. 83—84; «Очерки истории Адыгеи», т. 1, гл. II—IV; Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа; М. В. Покровский, Адыгейские племена; В. К. Гарданов, Общественный строй адыгских народов.

⁶⁰ В. П. Любин, Первая находка; его же, Мезолитическая стоянка Явора; его же, Неолитическая стоянка.

⁶¹ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло, Комплексы майкопской культуры.

⁶² А. А. Формозов, Каменный век.

⁶³ В. И. Марковин, Культура племен.

⁶⁴ А. А. Иессен, Прикубанский очаг.

⁶⁵ Е. И. Крупнов, Древняя история; см. его же, Древняя история и культура Кабарды.

⁶⁶ J. Klaproth, Sur les anciennes églises chrétiennes. Эти мысли Ю. Клапрот развивает также в своем капитальном труде: J. Klaproth, Reise, тт. I—II.

⁶⁷ П. Бутков, О имени «Козак», стр. 202, прим. 42.

⁶⁸ Ф. Дюбуа де Монпере, Путешествие, стр. 154.

⁶⁹ В. Б. Пафф, Материалы для древней истории, стр. 37.

⁷⁰ В. Ф. Миллер, Древний осетинский памятник.

⁷¹ В. Ф. Миллер, Касоги.

⁷² И. Г. Гильденштедт, Путешествие; P. S. Pallas, Bemerkungen, тт. I—II; П. Хицунов, О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе; А. Фиркович, Археологические разведки; «Отчет господ Нарышкиных»; И. А. Владимиров, Развалины старинного храма; его же, Древний христианский храм; В. М. Сысоев, Карачай; А. Н. Дьячков-Тарасов, Заметки о Карачае; его же, Сентинский храм и его фрески; его же, В горах Большого и Малого Карачая; Г. Н. Прозрителев, Древние памятники христианства.

⁷³ А. Н. Дьячков-Тарасов, О происхождении карачаевцев.

⁷⁴ «Северокавказские аланы. Культура варваров юга СССР в V—VII вв. н. э.», — «История СССР», 1939, ч. III, гл. IV, § 2, стр. 176—189.

⁷⁵ «Аланы в системе хазарского объединения», — «История СССР», ч. IV, гл. 3, § 7, стр. 436—446. Б. Е. Деген-Ковалевский проявлял также интерес к истории карачаевцев (в частности, к вопросам их происхождения, см. далее) и к раннесредневековой истории адыгов. Так, для указанного макета «Истории СССР» им был подготовлен раздел об адыгах, написанный на основании показаний Масуди и других раннесредневековых авторов (Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 727, лл. 918—921). К сожалению, этот раздел в макете не был опубликован.

⁷⁶ Работы К. М. Петрелевича не изданы. Сохранилось только несколько рукописей. Одна из них — «Чудесный памятник Карачая» (глава из работы «Основные линии археологии Карачая») — хранится в рукописном архиве ЛОИА, (лл. 9—63); «Отчет о раскопках в Карачае в 1940 г.»; см. также: Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев.

⁷⁷ Б. В. Скитский, Очерки по истории; его же, Аланское раннефеодальное государственное образование и др.; З. Н. Ванеев, Средневековая Алания; В. И. Аббаев, Осетинский язык, т. 1; Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза и др.

⁷⁸ Т. М. Миннаева, Очерки по археологии Старополя; ее же, К истории земледелия.

⁷⁹ Т. М. Миннаева, К вопросу о половцах.

⁸⁰ В. А. Кузнецов, Аланские племена. См. также гл. III и IV.

⁸¹ В. А. Кузнецов, Некоторые вопросы этногенеза осетин, особенно стр. 64.

⁸² В. А. Кузнецов, Надписи Хумаринского городища; А. М. Ščerbak, Les inscriptions inconnues.

⁸³ Я. А. Федоров, Г. С. Федоров, Ранние булгары на Северном Кавказе.

⁸⁴ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев; Е. Г. Пчелина, Греко-славянские эпиграфические памятники; В. А. Крачковская, Арабская надпись; ее же, Два фрагмента арабских надписей.

- ⁸⁵ Л. Г. Нечаева, Могильник Алхан-Кала; ее же, Об этнической принадлежности.
- ⁸⁶ Л. Г. Нечаева, Предварительные итоги.
- ⁸⁷ Л. Г. Нечаева, О дольменах и дольменообразных склепах.
- ⁸⁸ С. А. Плетнева, От кочевий к городам.
- ⁸⁹ Г. Зардалишвили, К установлению некоторых географических наименований.
- ⁹⁰ Там же, стр. 312.
- ⁹¹ В. А. Кузнецов, Об одном извращении истории.
- ⁹² А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники.
- ⁹³ В. И. Абаев, В. А. Кузнецов, [реп. на:] А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники, Нальчик, 1963, — ВИ, 1965, № 12, стр. 151—154; Л. И. Лавров, [реп. на:] А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники, Нальчик, 1963, — СА, 1968, № 3, стр. 270—274.
- ⁹⁴ БСЭ, изд. 2, т. 39, стр. 89.
- ⁹⁵ «История Северо-Осетинской АССР», т. I, стр. 64.
- ⁹⁶ «Очерки истории СССР, III—IX вв.», стр. 616—632.
- ⁹⁷ А. А. Иерусалимская, К вопросу о торговых связях; ее же, О северокавказском «шелковом пути».
- ⁹⁸ У. Алиев, Карачай.
- ⁹⁹ Симон Басария, Абазинский аул.
- ¹⁰⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 392—393; документ, на который ссылается Л. И. Лавров, см. там же, стр. 11.
- ¹⁰¹ Л. И. Лавров, Дискуссионные вопросы, стр. 30—31.
- ¹⁰² Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы; ее же, Археологические раскопки, стр. 193—195; И. М. Мизиев, Средневековая материальная культура.
- ¹⁰³ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 30.
- ¹⁰⁴ Б. Миллер, В Карачае; его же, Из области обычного права карачаевцев.
- ¹⁰⁵ Н. С. Иваненков, Карачаевцы.
- ¹⁰⁶ И. Шукин, Материалы для изучения карачаевцев, стр. 29—98.
- ¹⁰⁷ А. Н. Дьячков-Тарасов, Социальные формации Карачая. Вторая часть работы, не имеющая отношения к нашей теме, опубликована в томе II ЗСККГНИИ.
- ¹⁰⁸ См. об этом: В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 10—12.
- ¹⁰⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов, Бзююко-зау, № 1—2, стр. 38—42 (особенно стр. 40—41); № 3, стр. 34—38.
- ¹¹⁰ И. Тамбиев, Заметки по истории Балкарии, стр. 62.
- ¹¹¹ Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 20.
- ¹¹² А. Н. Дьячков-Тарасов, Неизвестный древний торговый путь.
- ¹¹³ П. Г. Акритас, Древний торговый путь.
- ¹¹⁴ Л. И. Лавров, Формы жилища; его же, Развитие земледелия.
- ¹¹⁵ Е. Н. Студенецкая, Карачаевцы (раздел написан при участии Г. А. Сергеевой); ее же, Изобразительное искусство карачаевцев, стр. 354—371 и др.; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие; И. Х. Калмыков, Черкесы; его же, Культура и быт черкесов; Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков, В. П. Невская, Добровольное присоединение Черкесии к России.
- ¹¹⁶ А. Победоносцев, Черкесия.
- ¹¹⁷ С. А. Стороженко, Черкесия; Р. А. Бураев, Экономико-географический очерк.

ДРЕВНИЙ ПЕРИОД

(с древнейших времен до конца IV в. н. э.)

ГЛАВА I

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА В ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

СЛЕДЫ КАМЕННОГО ВЕКА

Северо-Западный Кавказ, частью которого является территория современной Карачаево-Черкесии, был заселен с древнейших времен. Климат, ландшафтные условия, обилие крупных стадных животных, богатые сырьевые ресурсы — все это было благоприятным для жизни и деятельности людей.

Вопрос о том, являлся ли Южный Кавказ частью территории, на которой происходило очеловечивание обезьяны, исследователи оставляют открытым до тех пор, пока здесь не будут найдены остатки наидревнейшего человека¹. Наиболее ранние из найденных на Северо-Западном Кавказе останков человека обнаружены в позднемустье-ском слое Ахштырской пещеры в ущелье р. Мзымты (ископаемый тип современного человека, по определению антрополога А. А. Зубова)². К несколько более позднему времени (верхний палеолит) относятся останки человека из Губского навеса № 7 на р. Губс, в Борисовском ущелье³.

На Северо-Западном Кавказе представлены археологические памятники всех этапов каменного века — от шелльской эпохи до неолита включительно⁴.

Первые следы деятельности человека, открытые на территории Карачаево-Черкесии, относятся к среднему палеолиту — к эпохе мустье (100—30 тыс. лет назад).

В 1956 г. ленинградским археологом В. П. Любиным в Зеленчукском и Усть-Джегутинском районах было выявлено несколько памятников каменного века, в том числе и мустье-ского времени⁵.

Мустье-ские орудия (ручное рубильце, скребло и др.) собраны близ станиц Кардоникской и Зеленчукской (табл. 1а, рис. 1—3), в долине р. Джеганас и в других местах. Один отщеп был поднят близ Алимкиной пещеры (в районе ст. Усть-Джегутинской). К верхнему палеолиту и мезолиту относится стоянка Явора, в 10—12 км к юго-западу от сел. Маруха⁶. Здесь обнаружено около 300 изделий из кремня — резцы, скребки, два строгальных ножа, кремневые вкладыши и др. (табл. 1а, рис. 4—7).

Следы мезолита, а возможно и неолита, отмечены в районе ст. Усть-Джегутинской (в устье р. Джегуты) ⁷.

Стоянка неолитического времени открыта на р. Овечке, недалеко от Черкесска ⁸. На стоянке найдено 113 кремневых орудий: вкладыши, скребки, небольшие трапецевидные пластинки («со струганой спинкой»), которые относятся к неолитической, возможно к поздне-неолитической, эпохе (табл. 1а, рис. 8—10).

Находки, обнаруженные на территории Карачаево-Черкесии, чрезвычайно интересны, но еще малочисленны, поэтому делать какие-либо важные выводы пока преждевременно.

Учитывая все известные на Северо-Западном Кавказе местонахождения эпохи каменного века, можно представить образ жизни людей того времени.

Основой хозяйства палеолитического человека была охота на крупных животных — слонов, носорогов, позднее — на бизонов, мамонтов, медведей и др. Кости этих животных со следами искусственного раскалывания найдены на палеолитических памятниках Северо-Западного Кавказа. В конце палеолита в связи с изменениями климата стали исчезать мамонты и носороги. Тогда повысилась роль собирательства ⁹.

В период неолита охота продолжала оставаться главным занятием человека. Но уже зарождаются зачатки скотоводства и земледелия. Совершенствуется производство каменных орудий, многие из которых тщательно шлифуются. Появляется ткачество, керамическое производство.

В мустьерскую эпоху люди жили на открытых стоянках, в шалахах, очевидно округлых в плане. Так, на позднемустьерской Ильской стоянке обнаружены остатки округлой кладки из уложенных в один ряд плит доломита. Видимо, это был фундамент, опора для шестов шалашеобразного жилища. Внутри были очаги из камней ¹⁰.

С древнейших времен под жильем использовались пещеры. Может быть, жильем человека каменного века являлась Алимкина пещера, возле которой найдено кремневое орудие мустьерского времени.

Исследуя памятники каменного века Прикубанья, А. А. Формозов проследил линию преемственности в развитии отдельных этапов палеолитической и неолитической культур. Прослеживается связь между нижнепалеолитическими и мустьерскими памятниками ¹¹. Сопоставление памятников эпохи мустье (например, соответствующего слоя Губской пещеры) с верхнепалеолитическими (например, Каменноостской пещеры) также показывает преемственность мустьерской и верхнепалеолитической культур. Неолитическая культура Прикубанья возникла на местной мезолитической и верхнепалеолитической основе. Микролитическая техника обработки кремня кубанского неолита развивала традиции верхнего палеолита. Микролитические геометрические орудия встречаются и в древнейших памятниках майкопской культуры — в Мешоко, Ясеновой поляне и в Майкопском кургане ¹².

Развитие культур в эпоху каменного века на территории Прикубанья происходит не изолированно. Отчетливо чувствуется влияние культур Закавказья (особенно Западного) и даже Передней Азии. Прослеживаются связи с палеолитическими и неолитическими культурами более восточных районов Северного Кавказа, а также Крыма, степной Украины, Подонья и Северо-Западного Прикаспия. Так, трапецевидные кремневые пластинки «со струганой спинкой», происходящие со стоянки на р. Овечке, находят аналогии в неолитических комплексах Абхазии, Крыма и особенно Украины. Там же, на стоянке на

р. Овечке, обнаружены геометрические орудия с двусторонней обработкой, подобные найденным на территории Северо-Западного Прикаспия¹³.

В период палеолита люди жили эндогамными коммунами. В конце палеолита возник матриархально-родовой строй, расцвет которого падает на эпоху неолита. Как известно, при примитивно-земледельческом хозяйстве, которое характерно для эпохи неолита, женщина пользовалась широкими правами, так как именно она наряду с собирательством выполняла земледельческие работы. Матриархальный род объединял людей, связанных коллективным трудом и кровнородственными узами. При коллективном производстве была коллективной и собственность на основные орудия труда и производства. Все члены рода были равны. Браки внутри рода запрещались. Для материнского рода характерны матриликальность, отсутствие прочных супружеских пар и счет родства по материнской линии.

* * *

Новокаменный век — неолит — сменился энеолитом, т. е. переходным периодом от камня к металлу. На территории Карачаево-Черкесии памятников энеолитического периода пока не обнаружено.

ЭПОХА МЕДИ И БРОНЗЫ

Майкопская культура на территории Карачаево-Черкесии

Вслед за энеолитом наступила эпоха бронзового века, которая представлена на Северном Кавказе майкопской культурой (середина и вторая половина III тысячелетия до н. э.).

На Северо-Западном Кавказе известны курганы майкопской культуры — на Тамани, у ст. Раевской, у Анапы (хутор Рассвет), в Майкопе, у ст. Новосвободной, у ст. Тульской, Казанской и в других местах. Известны также стоянки майкопской культуры в пещерах и скальных навесах (на берегу Черного моря — в Воронцовской и Ахштырской пещерах; в Закубанье — в пещерах Каменномостской и Даховской, в навесах Губских и Мешоко) и поселения на р. Белой (Мешоко, у хутора Веселого — «Скала»), на р. Фарс (Ясеновая поляна); обнаружены также поселения этой культуры в непосредственной близости от западных границ Карачаево-Черкесии — у ст. Ахметовской и восточнее этой области — поселение Аликоновка, близ Кисловодска¹⁴.

На территории Карачаево-Черкесии памятники майкопской культуры (курганы) открыты в районе ст. Усть-Джегутинской. Усть-Джегутинский могильник находится на правом берегу р. Кубани, между Усть-Джегутинской и Черкесском. Могильник тянется на 10 км с юга на север и включает около 65 курганов, которые расположены главным образом к западу от шоссе, соединяющего Черкесск с Усть-Джегутинской.

Один из курганов (Сангарау-тебе) этого могильника раскапывался в 1901—1902 гг. Н. И. Веселовским¹⁵, второй был исследован автором этой книги при проведении трассы Кубань-Калаусского канала в 1958 г. Тогда нами было высказано предположение, что данная курганная группа включает курганы не только II, но и III тысячелетия до н. э.¹⁶

Исследования, проведенные на этом могильнике в 1963—1964 гг. экспедицией Ставропольского краеведческого музея, возглавляемой

А. Л. Нечитайло, подтвердили это предположение¹⁷. Большая часть вскрытых здесь захоронений относится ко II тысячелетию до н. э. Но в 15 курганах открыты погребения майкопской культуры.

Для погребального обряда майкопской культуры характерно захоронение умершего в скорченном положении, обычно головой на юг, густая засыпка погребенного красной краской (охрой). Дно могилы покрыто галькой, и она обычно окружена каменными кольцами — кромлехами. Во всех случаях захоронения последующей северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. были впускными.

По ряду конструктивных особенностей курганы делятся на две группы. В курганах первой группы, так же как и в Майкопском кургане, под большой насыпью имелся кромлех, в центре находилась прямоугольная яма с закругленными углами. Захоронения, по-видимому, были скорченными. В числе прочих находок здесь обнаружены плоскодонные округлые лепные хорошо сделанные сосуды красно-желтого, реже — серого цвета, характерные для раннего этапа майкопской культуры; нож-кинжал из мышьяковистой бронзы, костяная булавка и др. В курганах второй группы нет специальных погребальных камер, а в центре кромлеха находился каменный курганчик. В этих курганах обнаружены черепки глиняных сосудов, в том числе привозных (рифленых и красноокрашенных), обломки каменного браслета и некоторые другие предметы, обычные для поздних памятников майкопской культуры (табл. 16, рис. 11—19).

* * *

Майкопской культурой занимались многие видные исследователи. Некоторые итоги изучения этой культуры подведены в указанной работе А. А. Формозова «Каменный век и энеолит Прикубанья».

Изучая происхождение майкопской культуры, А. А. Формозов пришел к выводу, что эта культура формировалась на местной неолитической основе. Причем исследователь не отрицает значения связей с цивилизациями Передней Азии, которые в майкопское время были особенно заметными. В Прикубанье в значительном количестве проникали изделия из Передней Азии. Но, как отмечает А. А. Формозов, «значение местного развития преуменьшать ни в коей мере не приходится. Майкопская культура прошла путь от неолитической индустрии с отдельными импортными медными вещами (нижние слои Мешоко, Майкопский курган) к медному веку с собственным очагом металлургии (Новосвободная, Хаджох)»¹⁸. Таким образом, время бытования майкопской культуры, несмотря на ее специфические особенности, обусловленные интенсивными связями с древним Востоком, нужно считать определенным этапом в развитии древних местных культур Северо-Западного Кавказа. Кроме местного неолитического субстрата в сложении майкопской культуры активное участие приняли и культуры Западного Закавказья¹⁹.

Майкопская культура генетически связана с последующей северокавказской культурой II тысячелетия до н. э., о чем речь дальше.

Погребения и особенно поселения майкопской культуры дают представление о хозяйстве и общественном строе «майкопцев». Как показывают находки на поселениях, роль охоты в хозяйстве майкопских племен была невелика. Продолжалось развитие животноводства и земледелия, зачатки которых возникли еще в неолите. Подавляющая масса костей животных на поселениях майкопской культуры принадлежит не диким, а домашним животным. Преобладали кости свиньи и

коровы, и лишь в конце майкопской эпохи увеличился процент костей мелкого рогатого скота. Все это свидетельствует о том, что скотоводство в тот период не было отгонным. О земледелии говорят находки кремневых вкладышей для серпов и каменные зернотерки. Мотыги были роговые²⁰.

Жилища на поселениях майкопской культуры были прямоугольные в плане, турлучные, как и жилища последующих эпох, вплоть до адыгов²¹.

Для инвентаря майкопской культуры характерны каменные клиновидные шлифованные топоры; изделия из кремня, иногда обсидиана — концевые скребки, сегментовидные орудия, вкладыши для серпов, наконечники стрел различной формы (треугольной и асимметричной, иногда с выемкой в основании, флажковидные и др.), каменные браслеты, костяные долотца, рыболовные крючки и т. д.

Для раннего этапа майкопской культуры характерны сосуды округлых форм со слабоотогнутым краем красно-желтого цвета, иногда с лощением; для позднего этапа — более грубая керамика с «жемчужным» орнаментом. Исследователи полагают, что под влиянием культур Передней Азии на раннем этапе майкопской культуры появился ручной гончарный круг с одним скользящим подшипником²².

Первые медные орудия из курганов майкопской культуры (топор-тесло, втульчатое тесло и др.) проникли на Северо-Западный Кавказ из Передней Азии. Но на более позднем (новосвободненском) этапе стала развиваться местная металлургия. Об этом говорят находки глиняных льячек (у хутора Веселого), состав меди, характерный для местного металла, иногда местный, «жемчужный» орнамент на металлических изделиях. Как уже отмечалось, Северо-Западный Кавказ, и особенно территория Карачаево-Черкесии, чрезвычайно богат месторождениями меди. Кроме местных месторождений, возможно, использовались и закавказские (Биттибулах и Джульфа)²³.

Племена майкопской культуры имели связи как между собой, так и с населением сопредельных и более удаленных районов. Так, в Очажном гроте Воронцовской пещеры найдены браслеты из серпентина, происходящего с верховьев Лабы и Кяфара. Племена Западной Грузии и куро-аракского энеолита являлись посредниками в сношениях населения Северо-Западного Кавказа с носителями культур Малой Азии и Ближнего Востока (типа Аладжи, Библа и Трои II), культуры Ирана (типа Гиссар III) и шумерской цивилизацией (Ур и Киш). Существовали связи и с северными степными племенами, носителями ямной культуры Приазовья и Нижнего Приднепровья. Прослеживаются связи с Крымом, Поволжьем и более удаленными районами²⁴.

Майкопское общество было патриархальным. Оно характеризуется господством вождей-мужчин как в хозяйственной, так и в общественной жизни племен.

Предпосылками для выделения родовой верхушки из общей массы общинников являлись развитие животноводства и связи с более высокими, южными цивилизациями. Необходимость в защите скота, а также набеги с целью его захвата у других общин требовали определенной военной организации, а это вело к возрастанию роли вождя, предводителя походов²⁵.

В результате обменных связей с Передней Азией и другими районами вожди становились владельцами не только скота, но и других материальных ценностей (например, сокровищ, подобных Старомышастовскому кладу). О значительной роли вождя свидетельствует бога-

тейшее погребение в Майкопском кургане, где вместе с главным погребенным обнаружено еще два костяка. Очевидно, эти двое были умерщвлены насильственно²⁶. Может быть, уже существовало патриархальное рабство.

Кроме таких неравноправных людей, возможно рабов, были и другие категории населения, находившиеся на более низкой ступени общественной лестницы по сравнению с вождями, свободные, но более бедные общинники. Об имущественной и социальной дифференциации свидетельствуют погребения: наряду с такими богатыми курганами, как Майкопский и Новосвободненский, есть бедные курганы майкопского времени — у станиц Тбилисской, Казанской, Воздвиженской и др.

Таким образом, майкопское общество находилось на стадии довольно развитого патриархально-родового строя.

Возникает вопрос: почему же в послемайкопское время процесс общественного развития как бы затормозился — во II тысячелетии до н. э. не было богатых курганов типа Майкопского, не столь отчетливо проявлялась имущественная и социальная дифференциация? А. А. Формозов объясняет это угасанием связей с более передовыми цивилизациями Передней Азии²⁷. Возможно, была и другая причина. Процесс развития общественных отношений у населения Северо-Западного Кавказа во II тысячелетии до н. э. мог быть несколько заторможен вследствие проникновения сюда степных племен. Так, на Северо-Западном Кавказе, в том числе и территорию Карачаево-Черкесии, во II тысячелетии до н. э. стали проникать степные племена катакомбной культуры (см. стр. 42). А у населения степей уровень развития общественных отношений был, несомненно, ниже, чем у племен майкопской культуры²⁸.

Северокавказская культура II тысячелетия до н. э. на территории Карачаево-Черкесии

Второй этап бронзового века — период II тысячелетия до н. э. — представлен на Северо-Западном Кавказе двумя археологическими культурами — дольменной и северокавказской.

Обычай погребать умерших в дольменах без курганный насыпи²⁹ был распространен у населения восточного побережья Черного моря и в некоторых горных и предгорных районах на северных склонах Главного Кавказского хребта. Весьма характерен этот обычай и для Абхазии. В дольменах хоронили в течение долгого времени — инвентарь, обнаруженный в них, датируется временем от середины III до середины I тысячелетия до н. э.³⁰ Очевидно, территория, на которой встречаются дольмены, совпадает с исторической территорией абхазо-адыгской лингвистической группы, и поэтому исследователи не без оснований строителями этих дольменов считают древних предков современных абхазов и адыгов³¹.

В Карачаево-Черкесии дольменов древней эпохи пока не обнаружено, но весьма вероятно, что они здесь будут открыты — ведь восточная граница распространения дольменов в Закубанье расположена довольно близко от юго-западных пределов Карачаево-Черкесии (наиболее восточные группы дольменов известны на р. Ходзь). Как полагает Л. Г. Нечаева, часть дольменообразных склепов Карачаево-Черкесии, относимых обычно к эпохе средневековья, на самом деле принадлежит к древней эпохе³². Дальнейшие исследования покажут справедливость этого предположения.

На востоке и северо-востоке зона распространения дольменов соприкасается с территорией северокавказской культуры II тысячелетия до н. э.³³ Основными памятниками этой культуры являются подкурганные погребения (в степных и предгорных районах) и грунтовые могильники в горных районах. Курганы и отдельные могилы имеют каменные насыпи, иногда погребения заключены в круг из камней — кромлех. Погребальные сооружения представляют собой грунтовые ямы, каменные ящики и гробницы. Встречаются могилы, перекрытые и облицованные деревом.

Погребальный инвентарь довольно богат: он состоит из глиняных сосудов, каменных топоров (так называемого кабардино-пятигорского типа), каменных булав; бронзовых предметов — проушных топоров, булавок с волютообразными и другими навершиями.

Памятники северокавказской культуры известны и в Карачаево-Черкесии. В 1963—1964 гг. экспедицией Ставропольского краеведческого музея, возглавляемой А. Л. Нечитайло, был исследован Усть-Джегутинский могильник. Было вскрыто около 50 курганов, содержащих более 100 погребений. Подавляющее большинство захоронений относится к северокавказской культуре, а также к катакомбной культуре и датируется в пределах II тысячелетия до н. э. В них кроме прочей вещи найдены глиняные курильницы различной формы³⁴.

В Карачаево-Черкесии известны и другие подкурганные захоронения II тысячелетия до н. э. Так, Т. М. Минаевой у аула Адыге-Хабль открыты подкурганные погребения в грунтовых ямах, накрытых каменными плитами. Среди находок — курильница, бронзовые спиральные серьги в полтора оборота и другие предметы, характерные для II тысячелетия до н. э.³⁵ Несколько подкурганных погребений II тысячелетия до н. э. были доследованы экспедициями КЧНИИ (табл. 2, рис. 2—5).

* * *

Северокавказской культурой специально занимался В. И. Марковин, который подтвердил мнение В. А. Городцова о том, что эта культура генетически связана с предшествующей, майкопской культурой — особенно хорошо эта связь прослеживается на кубанском материале. Так же как и в погребениях майкопской культуры, на раннем этапе северокавказской культуры захороненные лежали в скорченном положении, головой на юг, обильно посыпанные красной краской. В ранних погребениях северокавказской культуры встречаются некоторые специфические майкопские типы изделий. Так, в кургане Ульского аула найдены изогнутые посоховидные булавки (типа новосвободненских) и глиняная модель повозочки с «жемчужным» орнаментом. Статуэтка из Ульского аула с перевязями на груди крест-накрест напоминает статуэтку с перевязью через плечо из Мешоко³⁶. В более поздних могилах северокавказской культуры наряду со скорченными появляются вытянутые захоронения, преимущественно с восточной и западной ориентировкой; количество красящего вещества уменьшается. На этом этапе (середина и конец II тысячелетия до н. э.) отчетливо заметным становится влияние степных культур³⁷.

В. И. Марковин выделил три локальных варианта северокавказской культуры: западный, или прикубанский; центральный вариант с двумя группами (кабардино-пятигорской и дигорской); восточный. Для прикубанского варианта характерны грунтовые ямы, перекрытые деревом. Для ранних погребений кабардино-пятигорской группы цент-

рального варианта характерны ямы, перекрытые каменными плитами с завалами на них из битого камня. Позднее появляются каменные ящики и гробницы.

Прикубанский вариант северокавказской культуры занимал бассейн Кубани. Его южная и западная границы совпадали с границами культуры в целом, северная граница являлась широкой зоной «стыка» племен северокавказской культуры с племенами степей. На востоке также не было четкой границы — здесь памятники прикубанского варианта постепенно сменяются памятниками другого варианта, характерного для Пятигорья. Так, в курганах у аула Адыге-Хабль не было обнаружено каменных ящиков и гробниц, типичных для Пятигорья, но могильные ямы были перекрыты не деревом, а каменными плитами, как в Пятигорье. Довольно широкая полоса, в районе которой обнаруживаются памятники смешанного характера (двух соседних вариантов), проходит по рекам Малый Зеленчук и Кубань, поворачивая к Ставрополю³⁸.

Таким образом, во II тысячелетии до н. э. территория Карачаево-Черкесии представляла собой зону «стыка» различных вариантов археологических культур. С этой особенностью мы будем постоянно встречаться и дальше, анализируя археологические памятники как древней, так и средневековой эпохи.

Находки в курганах северокавказской культуры дают некоторое представление о хозяйстве северокавказских племен во II тысячелетии до н. э. В основе хозяйства было скотоводство и земледелие. Подсчет найденных костей домашних животных показывает, что стадо в основном состояло из мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей. Лошадь во II тысячелетии до н. э. уже использовалась для верховой езды. Скотоводство, очевидно, носило отгонный характер. Население вело оседлый образ жизни — об этом свидетельствует обилие керамических находок. Существовала охота — на оленей, медведей, кабанов и других животных. Земледелие было мотыжное. Известны находки каменных земледельческих орудий (ладьевидные зернотерки, кремневые вкладыши для серпов). Позднее появляются бронзовые серпы. Удельный вес земледелия, отмечает В. И. Марковин, был больше в районе степей, особенно в бассейне Кубани. Но в целом в хозяйстве горных и предгорных племен земледелие играло подсобную роль, главным же было разведение мелкого рогатого скота³⁹.

Важнейшими занятиями племен северокавказской культуры были металлургия и металлообработка. Бронзовые орудия труда, оружие и украшения отливались в двусторонних разъемных формах, а также по восковой модели. Широко использовалась проковка предметов после их отливки. Как пишет В. И. Марковин, медь добывалась на поверхности ее залежей, по пещерам, трудоемкие работы по устройству штолен не проводились. Руда не обогащалась⁴⁰. В. А. Кузнецов оспаривает эти положения В. И. Марковина. В 1961 г. В. А. Кузнецовым были осмотрены древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук на горе Пастуховой, против поселка Богословка. Здесь была открыта горизонтальная шахта и отходящие от нее вертикальные штольни. Обнаружены два каменных желобчатых молота и каменный терочник, а поблизости от этого места — кинжал из мышьяковистой бронзы северокавказской культуры. В. А. Кузнецов датирует эти находки и весь описываемый комплекс горы Пастуховой серединой II тысячелетия до н. э. Наличие каменных молотов и терочников говорит о том, что производились основные операции обогащения руды — размол и концентрация, т. е. отделение полезной породы от

пустой. Таким образом, по мнению В. А. Кузнецова, были и штольни, и обогащение руды⁴¹.

Северокавказские племена эпохи бронзы имели широкие связи с Предкавказьем, Поволжьем, Северным Причерноморьем, а также с Крымом и Закавказьем (через Марухский, Клухорский и другие перевалы). На север импортировался главным образом металл⁴².

Развитие скотоводства приводило к укреплению патриархального рода. Так, известно, что парные погребения появляются только с возникновением патриархата⁴³. Парные погребения в могилах, относящихся к северокавказской культуре, известны для всех ее этапов, причем наибольшее число их приходится на вторую половину II тысячелетия до н. э.⁴⁴ Иногда у некоторых погребенных находят топорики кабардино-пятигорского типа, очевидно знак власти. Появляются родовые усыпальницы и семейные захоронения. Разница в количестве и качестве погребального инвентаря говорит о выделении более богатых и более бедных родов, а также о том, что в индивидуальном пользовании находилось различное количество вещей, разных по качеству, хотя производство и потребление осуществлялось коллективно⁴⁵.

Северокавказская культура испытывала некоторое влияние степных культур. Влияние срубной культуры не было значительным. Известны лишь отдельные предметы и захоронения срубной культуры. Так, курган Сангарау-тебе, на северной окраине ст. Усть-Джегутинской, раскопанный, как уже отмечалось, Н. И. Веселовским, содержал сруб. Но курганная насыпь покоилась на площадке, выложенной камнем, что характерно для северокавказской культуры⁴⁶.

Значительно сильнее ощущается влияние катакомбной культуры. На самых ранних этапах северокавказской культуры под влиянием катакомбной появляется орнаментация шнуровым узором (например, на сосуде из кургана в Бесленее), выпрямители стрел и со второй половины II тысячелетия до н. э. — глиняные курильницы (например, в кургане у Адыге-Хабля, где были захоронения местного типа).

С середины II тысячелетия до н. э. на Северный Кавказ, в том числе и на территорию Карачаево-Черкесии, стали проникать не только вещи катакомбной культуры, но и сами ее носители. В Прикубанье катакомбные захоронения II тысячелетия до н. э. открыты в уже упомянутом выше Усть-Джегутинском курганном могильнике, в станицах Советской (б. Урупской), Кубанской, в Армавире и других местах. Кроме погребений в катакомбах известны погребения по местному обряду, но с некоторыми чертами катакомбной культуры — курильницами, черепками, наполненными углями, с подстилкой из коры и камыша. В самих катакомбных погребениях кости лежали не в скорченном положении, на левом боку, как это характерно для катакомбной культуры, а в вытянутом положении, головой на восток или на север. Таким образом, наблюдается взаимовлияние северокавказской и катакомбной культур. Культура этого периода (второй половины и конца II тысячелетия до н. э.) носит явно смешанный характер⁴⁷.

Кто же были эти степняки, носители катакомбной культуры? М. И. Артамонов последний этап катакомбной культуры, дожившей в Прикубанье и Предкавказье до предскифского времени, относит к киммерийской культуре⁴⁸. Это мнение разделяет Т. Б. Попова⁴⁹. А. П. Смирнов также считает гипотезу о принадлежности катакомбной культуры киммерийцам наиболее правдоподобной⁵⁰.

Если принять эту гипотезу, то тогда следует признать, что киммерийцы или их предки во второй половине II тысячелетия до н. э. проникали в некоторые предгорные районы Северо-Западного Кавказа,

в частности на Верхнюю Кубань, в те места, где ныне расположена ст. Усть-Джегутинская. С течением времени пришлые степняки, видимо, смешались с местным населением.

На последнем этапе северокавказской культуры (1500 г. — конец II тысячелетия до н. э.) внутри ее создаются предпосылки для возникновения прикубанской и кобанской культур⁵¹.

Конец бронзового века

(кобанская и прикубанская культура — ранний этап, XII—X вв.)⁵²

В конце бронзового и начале железного века на Северном Кавказе существовали три археологические культуры: каякентско-харацоевская — на Северо-Восточном Кавказе, кобанская — в центральных районах Северного Кавказа и прикубанская — на Северо-Западном Кавказе. Прикубанская культура была выделена А. А. Иессеном только по типам металлических изделий⁵³.

Прикубанская культура была распространена на территории восточного побережья Черного моря от устья Кубани до Сочи (между Сочи и Пицундой был район, пограничный с колхидской культурой); в Закубанье (к северу от нижнего и среднего течения реки Кубани известны только отдельные находки прикубанских бронз); в верховьях Кубани и отчасти в Пятигорье⁵⁴. Верховья Кубани и Зеленчуков — территория современной Карачаево-Черкесии — были стыком прикубанской и кобанской культуры: здесь обнаружены памятники как прикубанского, так и кобанского типа⁵⁵.

Хронологические пределы существования прикубанской культуры, согласно А. А. Иессену, XII—XI—VII вв. К этому раннему этапу относятся несколько бронзовых предметов прикубанского типа, найденный на территории Карачаево-Черкесии кинжал с Гоначхира (1000 г. до н. э.)⁵⁶, топорик из Учкулана⁵⁷, Кяфарский клад (900 г. до н. э.). Последний был обнаружен в 1948 г. на р. Кяфар, в районе ст. Сторожевой, при геологических изысканиях. Все найденные вещи поступили в Эрмитаж. Среди них массивный браслет полого литья, орнаментированный насечками; два гладких браслета из прута с разомкнутыми концами; обломок стержня в виде массивной утолщенной лопасти с поперечной прорезью и грубой скульптурной головкой животного; восемь обломков трубчатых пронизей со свисающими приливами различных форм, украшенные желобчатыми литыми врезам, как на браслете, на одной пронизи сохранилась маленькая головка животного на длинной шее. Издавший этот клад А. А. Иессен отмечает, что эта группа предметов личного убора характеризуется стилистическим своеобразием и известной грубостью, отличающими эти вещи от подобных предметов, обнаруженных в смежных областях Кавказа⁵⁸.

А. А. Иессен предположительно выделяет три территориальные группы прикубанской культуры (или прикубанского очага металлургии и металлообработки конца бронзового века): 1) верхнекубанская группа; 2) западная группа в бассейнах рек Белой, Большой и Малой Лабы; 3) черноморская группа, которая еще только намечается⁵⁹. В данной работе в центре внимания первая, верхнекубанская группа.

Для прикубанской культуры характерны бронзовые топорики с узким лезвием и резко выраженным молотовидным обухом (табл. 3, рис. 2—5). Встречаются и некоторые другие разновидности топоров, например тяжелые с почти прямой лезвийной частью и слегка отвислым обухом. Тесла плоские (табл. 3, рис. 6, 7), серпы сильно изогну-

тые, часто с рукояткой в форме крюка (табл. 3, рис. 14, 15). Есть серпы без резкого перегиба, с равномерно изогнутой спинкой. У наконечников копий цельнолитая трубка втулки, круглая в сечении, относительно короткий лист с овальными очертаниями в нижней части. Но есть наконечники копий с разрезной втулкой, восходящей к трубке, свернутой из раскованной части наконечника (табл. 3, рис. 13). Кинжалы бывают с ребром и без него, листовидной, почти подтреугольной формы, без черенка и с черенком, на котором есть отверстие (табл. 3, рис. 11). Булавки довольно крупные, с длинным прокованным стержнем и раскованным в тонкую пластинку лопатовидным листом, в верхней части которого два завитка, орнамент спиральный точечный (табл. 3, рис. 9, 10)⁶⁰.

Топоры, серпы, наконечники копий, украшения прикубанского типа, относящиеся к различным хронологическим этапам прикубанской культуры, обнаружены на территории Карачаево-Черкесии в довольно значительном количестве — у Учкулана, Карт-Джурта, Нижнего Архыза, Карачаевска, в местности Гиляч, на реках Худесе, Дауте (Дууте), Индыше, Теберде, Гоначхире и Кяфаре. Представляют интерес клады: Агурский (в глиняном горшке находились серп и топор); Верхнетебердинский — найден между аулом Верхняя Теберда и курортом Теберда (30 топоров, 17 серпов, литейные формы); Индышский (серп и пр.) (табл. 3, рис. 3, 4, 14, 15).

На территории распространения прикубанской культуры найдены и типично кобанские бронзовые изделия, часть которых, очевидно, доставлялась с Центрального Кавказа, а часть производилась на месте. Так, в местности Мушт и у аула Хурзук кобанские топоры обнаружены вместе с каплями литого металла и со слитками меди, что, по мнению А. А. Иессена, может свидетельствовать о местном производстве этих вещей в Пятигорье и в верховьях Кубани⁶¹.

Находки кобанских бронз известны в следующих пунктах Пятигорья и верховьев Кубани: топорики — на реках Мушт, Хасаут, у аула Хурзук (табл. 4, рис. 2) и у р. Марухи; топор, фибулы с насечками на одной стороне, кинжал с глиняным сосудом — из Терезе⁶² (табл. 4, рис. 1).

В бассейне Верхней Кубани обнаружено также несколько импортных бронзовых изделий. Так, на р. Урупе найден топорик дигорского типа и топор-кельт (табл. 4, рис. 5). Кельт обнаружен и у Верхней Теберды⁶³. Подобные находки указывают на торговые связи в этот период между населением верховьев Кубани и племенами Центрального Кавказа и степного юга России.

* * *

Значительный интерес представляет вопрос о происхождении кобанской и прикубанской культур. Относительно кобанской культуры высказывалось предположение, что некоторые или даже основные формы кобанских бронзовых предметов происходят из Западного Закавказья⁶⁴.

Специально вопросами происхождения кобанской культуры занимался Е. И. Крупнов. Не отрицая связей с культурами Западной Грузии и других районов, Е. И. Крупнов привел убедительные доказательства местного происхождения кобанской культуры⁶⁵. Он показал, что большинство ведущих типов бронзовых изделий, характерных для кобанской культуры (топоры, кинжалы, а также булавки и другие украшения), уже существовали на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. в качестве зародышевых форм или прототипов кобанских об-

разцов. Так, прототипы кобанских топоров Е. И. Крупнов усматривает в некоторых видах более ранних бронзовых топоров, бытовавших на Северном Кавказе, а также в каменных топорах, в частности в двух разновидностях каменных топоров кабардино-пятигорского типа. При чем Е. И. Крупнов справедливо отмечает, что о происхождении археологической культуры нельзя судить только по формам металлических изделий, а нужно учитывать керамику и погребальный обряд. Так, каменные ящики, характерные для кобанской культуры, были одной из обычных форм погребальных сооружений и для северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. То же самое можно сказать и об обычае погребать умершего на боку, в скорченном положении. Кобанские горшочки, кувшинчики, сосуды баночной формы имеют прототипы в более приземистых горшках, кувшинах и сосудах баночной формы эпохи северокавказской средней бронзы. Таким образом, истоки кобанской культуры прослеживаются в центральном варианте северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. В период переходный от средней к поздней бронзе на Северном Кавказе наблюдается непрерывный процесс развития материальной культуры. По словам Е. И. Крупнова, «мы не знаем фактов, свидетельствующих о встрече и соперничестве местных, основных с пришлыми формами материальной культуры, за которыми пужно было бы видеть борьбу аборигенов с пришельцами, носителями иной культуры»⁶⁶.

Обратимся теперь к вопросам происхождения прикубанской культуры. В пользу местного производства бронзовых изделий прикубанского типа убедительные доказательства приводит А. А. Иессен. Так называемые клады литейщиков — Индышский, Верхнетебердинский и другие — свидетельствуют о местном происхождении этих изделий. В Верхнетебердинском кладе, а также в Кавказском заповеднике (несколько западнее Карачаево-Черкессии) найдены литейные формы. Состав металла прикубанских изделий был несколько иной, чем колхидских и кобанских (в прикубанских вещах преобладала красная медь). Несколько отличались приемы обработки металла и орнаментации⁶⁷. О том, что местное производство медно-бронзовых изделий было возможно в Прикубанье, говорит наличие меднорудных месторождений, значительная часть которых сосредоточена в районе от р. Белой до меридиана Эльбруса. Известны в этих местах и следы добычи и обработки меди, но, к сожалению, они не датированы⁶⁸.

О местном происхождении прикубанской культуры говорит генетическая связь основных, ведущих форм прикубанских изделий с изделиями подобного же рода северокавказской культуры II тысячелетия до н. э.⁶⁹ Так, прикубанские топоры эпохи поздней бронзы имеют черты, связывающие их с более древними топорами II тысячелетия до н. э., найденными в Прикубанье и в смежных районах Северного Кавказа⁷⁰. Е. И. Крупнов видит прототипы прикубанских топоров в некоторых каменных топорах кабардино-пятигорского типа⁷¹. Серпы прикубанской культуры имеют прототипы в Костромском кладе II тысячелетия до н. э., а наконечники копий с открытой втулкой и кинжалы — в курганах № 7 и 8 II тысячелетия до н. э. у ст. Андриюковской⁷². Прототипы булавок с раскованной головкой встречаются в памятниках II тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе, в частности в Дигории⁷³.

Некоторые бронзовые изделия прикубанской культуры (найденные главным образом на восточном побережье Черного моря) сходны с колхидскими бронзовыми находками. Сходство это порождено живыми взаимосвязями этих культур и даже общностью более широких их истоков⁷⁴. Однако прикубанская культура, так же как и кобанская,

является самостоятельной, отличной от колхидской и имеет собственные корни и истоки в предшествующей, северокавказской культуре II тысячелетия до н. э., на которую некоторое влияние оказала степная катакомбная культура. Возможно, что какую-то роль в формировании прикубанской культуры (особенно на восточном побережье Черного моря) сыграла и дольменная культура, хотя этот вопрос пока еще не изучен⁷⁵.

Развивалась прикубанская культура в контакте с древней культурой Абхазии и Центрального Предкавказья.

Высказывая свои соображения относительно этнической принадлежности прикубанской культуры, А. А. Иессен замечает, что «для конкретного понимания действительной исторической обстановки, существовавшей в далекие бесписьменные периоды, громадное значение имеет установление по распространению археологических находок *экономических районов и культурных групп, в конечном итоге соответствующих этническим группировкам населения* (курсив наш. — Е. А.)»⁷⁶.

На рубеже II—I тысячелетий и в начале I тысячелетия на Северном Кавказе, согласно А. А. Иессену, были четыре культурные группы: северо-западная, кобанская (центральнокавказская), восточнокавказская и степная предкифская (в Предкавказье). Северо-западная группа территориально соответствует области обитания в более позднее время прикубанских и причерноморских племен, перечисляемых античными авторами и в боспорских надписях (нами имеются в виду синдомеотские племена, а также зихи, керкеты и др.). В несколько более позднее время на этой же территории обитали адыгские (черкесские) и абазинские племена, которые, как указывает А. А. Иессен, были в значительной степени связаны с местным населением далекого прошлого.

«Культурное единство северо-западной группы кавказских племен, известное нам в новое время, — заключает А. А. Иессен, — таким образом, возникло, очевидно, не позже позднебронзового века»⁷⁷.

Таким образом, прикубанская культура связывается в какой-то степени с далекими предками абазин, но главным образом с древними предками адыгов.

* * *

Итак, на территории Карачаево-Черкесии известны археологические памятники основных исторических эпох — начиная от среднего палеолита (мустье) и до поздней бронзы включительно (ранние памятники кобанской и прикубанской культур). Памятники эти не всегда многочисленны, в ряде случаев единичны. Но если их рассматривать не изолированно, а на фоне археологического материала всего Северо-Западного Кавказа, то можно сделать некоторые выводы, весьма важные для дальнейшего раскрытия нашей темы.

Исследователями достаточно отчетливо прослежена линия преемственности в развитии палеолитической и неолитической культур и всех трех этапов медно-бронзового века на Северо-Западном Кавказе. Такая преемственность может свидетельствовать о сохранении основного этнического массива на Северо-Западном Кавказе и отсутствии каких-либо крупных миграций населения.

Сказанное не означает, что не могло быть каких-то эпизодических включений в основную местную этническую среду. Так, установлено, что в формировании майкопской и дольменной культур Северо-Западного Кавказа определенную роль сыграли культуры Закавказья, особенно Западного. Это может свидетельствовать не только о наличии

древней общей культурной основы, но и о проникновении носителей западнокавказских культур на Северо-Западный Кавказ (например, из Абхазии).

Во II тысячелетии до н. э. на Северо-Западный Кавказ, в том числе и на территорию Карачаево-Черкесии, стали проникать северные степные племена, носители катакомбной культуры.

Археологические памятники позволяют проследить, как древнее население Северо-Западного Кавказа от охоты и собирательства перешло к земледелию и скотоводству (особенно отчетливо это видно на материале поселений майкопского времени), как оно овладело керамическим и металлообрабатывающим мастерством. Одним из наиболее крупных центров добычи и обработки меди была территория Карачаево-Черкесии.

Древняя местная культура населения Северо-Западного Кавказа развивалась не изолированно. На нее оказывали влияние культуры Передней и Малой Азии и всего Ближнего Востока (особенно в майкопское время), а также Закавказья, Центрального Кавказа и степей юга России. Импортные предметы этой эпохи как южного, так и северного происхождения известны на Северо-Западном Кавказе, в том числе и на территории Карачаево-Черкесии (в курганах III—II тысячелетий Усть-Джегутинского могильника). Известны также отдельные находки позднебронзовой эпохи — кельты и др.

Этапы общественного развития — от дородового общества к материнскому роду и затем к патриархально-родовому строю — на имеющихся в нашем распоряжении археологических материалах конкретно проследить пока трудно. Во всяком случае, можно сказать, что уже в самом начале медно-бронзового века на Северо-Западном Кавказе общество было патриархально-родовым, — это отчетливо прослеживается по материалам памятников майкопской культуры.

¹ Е. И. Крупнов, Кавказ в древнейшей истории, стр. 28; А. А. Формозов, Каменный век, стр. 24 (здесь и далее более подробные выходные сведения см. в «Библиографии»).

² Е. А. Векилова, Раскопки Ахштырской пещеры, стр. 48.

³ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 43.

⁴ Сводка археологических памятников каменного века Прикубанья дана А. А. Формозовым, который полагает, что на Северо-Западном Кавказе есть памятники не только шельского, но и дошелльского времени. К этим последним он относит находки в балке Цимбал на Таманском полуострове близ ст. Сенной: отщеп и дисковидное орудие из кремня и искусственно расколотые кости животных — южного слона, древнего слона, этрусского носорога и др. (А. А. Формозов, Каменный век, стр. 11, 23).

⁵ В. П. Любин, Первая находка, стр. 33—38.

⁶ В. П. Любин, Мезолитическая стоянка Явора, стр. 45—48; А. А. Формозов, Каменный век, стр. 44, 49.

⁷ В. П. Любин, Первая находка, стр. 36.

⁸ В. П. Любин, Неолитическая стоянка, стр. 261—264.

⁹ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 53.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 28—40, 153.

¹² Там же, стр. 63, 154.

¹³ В. П. Любин, Неолитическая стоянка, стр. 263; А. А. Формозов, Каменный век, стр. 52, 61; Н. О. Бадер, Варианты культур Кавказа, стр. 15.

¹⁴ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 64—74; А. Д. Столяр; Мешоко — поселение майкопской культуры; А. П. Рунич, Энеолитическое поселение.

¹⁵ ОАК за 1901 г., стр. 86—89.

¹⁶ Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники, стр. 8—9.

¹⁷ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло, Комплексы майкопской культуры.

¹⁸ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 148—152.

¹⁹ Там же, стр. 149.

- ²⁰ Там же, стр. 89—90.
- ²¹ Там же, стр. 106.
- ²² А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев, Из древнейшей истории.
- ²³ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 114; Е. И. Крупнов, Возникновение и развитие, стр. 26.
- ²⁴ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 133—146; Е. И. Крупнов, Кавказ в древнейшей истории, стр. 32, 36—37.
- ²⁵ А. А. Формозов, Каменный век, стр. 151.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ С. В. Киселев, Бронзовый век СССР, стр. 28, 33.
- ²⁹ Дольмены под курганными насыпями встречаются как исключения. Так, дольменообразные сооружения под курганами открыты у ст. Новосвободной (поздний этап майкопской культуры). Подкурганные дольмены с инвентарем VIII—VII вв. зафиксированы у Геленджика (И. И. Аханов, Геленджикские подкурганные дольмены).
- ³⁰ Л. И. Лавров, Дольмены Северо-Западного Кавказа, стр. 177, прим. 78.
- ³¹ Там же, стр. 106; Е. И. Крупнов, Возникновение и развитие, стр. 29.
- ³² Л. Г. Нечаева, О дольменах.
- ³³ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 105 и карта на стр. 70, рис. 30.
- ³⁴ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло, Комплексы майкопской культуры, стр. 133—134. В этой статье имеется только упоминание о захоронениях северокавказской и катакомбной культур, открытых в Усть-Джегутинском могильнике.
- ³⁵ Т. М. Минаева, Археологические памятники Черкесии, стр. 207.
- ³⁶ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 32, 146, 147; А. А. Формозов, Каменный век, стр. 152.
- ³⁷ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 146.
- ³⁸ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 118—131, в частности стр. 124—125, 147.
- ³⁹ Там же, стр. 132—135.
- ⁴⁰ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 135.
- ⁴¹ В. А. Кузнецов, Древние выработки медной руды.
- ⁴² В. И. Марковин, Культура племен, стр. 139, 140, 148; Е. И. Крупнов, Кавказ в древнейшей истории, стр. 38—39.
- ⁴³ М. И. Артамонов, Совместные погребения, стр. 122.
- ⁴⁴ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 141—142.
- ⁴⁵ Там же, стр. 142—143.
- ⁴⁶ Там же, стр. 71—76.
- ⁴⁷ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 69—71.
- ⁴⁸ М. И. Артамонов, К вопросу о происхождении скифов, стр. 47.
- ⁴⁹ Т. Б. Попова, Племена катакомбной культуры, стр. 177.
- ⁵⁰ А. П. Смирнов, Скифы, стр. 35.
- ⁵¹ В. И. Марковин, Культура племен, стр. 86, 118, 131, 147.
- ⁵² Согласно периодизации Е. И. Крупнова. См.: О. Крюков, A propos de la chronologie (табл. 3, стр. 11—12); его же, Раннежелезный век, стр. 337—338.
- ⁵³ А. А. Иессен, Прикубанский очаг.
- ⁵⁴ Там же, стр. 101, рис. 34, карта.
- ⁵⁵ Там же, стр. 122.
- ⁵⁶ Там же, стр. 115, рис. 52, 2; Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 12.
- ⁵⁷ Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 89, рис. 15; там же, стр. 12. К этому раннему этапу относится и топорик кобанского типа, найденный в Хурзуке (А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 83, рис. 6, 1; Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 12).
- ⁵⁸ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 94, рис. 22 на стр. 93; Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 12, табл. 3, № 5, 6, 9 и 1—6—Кяфарский клад.
- ⁵⁹ Там же, стр. 121.
- ⁶⁰ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 88—115.
- ⁶¹ Там же, стр. 84.
- ⁶² Там же, стр. 82, рис. 5; стр. 83, рис. 6, 1; стр. 83, 84.
- ⁶³ Там же, стр. 85, рис. 8; стр. 87, рис. 4.
- ⁶⁴ Например, Д. Л. Коридзе («К истории колхидской культуры») считает кобанские топоры разновидностью колхских топоров, проникших на Северный Кавказ из Западной Грузии (стр. 155, 158).
- ⁶⁵ Е. И. Крупнов, О происхождении и датировке; его же, Древняя история Северного Кавказа, стр. 76—109; его же, Раннежелезный век, стр. 332; В. И. Марковин, Культура племен, стр. 129, 147.
- ⁶⁶ Е. И. Крупнов, О происхождении и датировке, стр. 67.

- ⁶⁷ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 120—123.
⁶⁸ Там же, стр. 77—79.
⁶⁹ Там же, стр. 103, 106, 116—120 и др.
⁷⁰ Там же, стр. 103.
⁷¹ Е. И. Крупнов, О происхождении и датировке, стр. 72.
⁷² А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 116.
⁷³ Е. И. Крупнов, О происхождении и датировке, стр. 77—78.
⁷⁴ Е. И. Крупнов, Возникновение и развитие, стр. 34—35.
⁷⁵ Как отмечает А. А. Иессен, в районе Сочи найдены топорики-секиры, датирующиеся временем кобанской и прикубанской культур. В их форме наблюдается «скрещивание трех элементов» — продолжение раннекубанской и *дольменной* традиций и влияние более поздней, колхидской культуры (А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 107).
⁷⁶ Там же, стр. 124.
⁷⁷ Там же.

ГЛАВА II

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

(кобанская и прикубанская культуры — средний этап,
IX — первая половина VII в.)

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА

Освоение железа на Северном Кавказе началось с IX—VIII вв. Однако в этот период производство бронзовых изделий не снижается, а продолжает оставаться на очень высоком уровне. Значительная часть предметов вооружения и орудий труда изготавливалась еще из бронзы. Объяснялось это обстоятельство, по словам Е. И. Крупнова, «очень устойчивой и высокой для своего времени техникой обработки цветных металлов, покоящейся на богатейшей местной рудной базе. Устойчивость давно выработанных форм бронзовых орудий была настолько велика, что нашла свое отражение в более поздних типах вещей, сделанных уже из железа (например, в топорах, наконечниках копий и кинжалов)»¹.

Придерживаясь периодизации, разработанной для всего Северного Кавказа², мы принимаем IX век в качестве начальной даты эпохи раннего железа. Однако считаем необходимым отметить, что наиболее ранние изделия из железа и следы обработки железа на Северо-Западном Кавказе обнаружены пока только в памятниках VIII в. до н. э. (могильники у хутора Кубанского и сел. Красногвардейского, б. Николаевского, и, возможно, на Хумаринском селище).

Период начального освоения железа на Северо-Западном Кавказе можно разделить на два этапа — ранний (IX в.) и поздний (VIII в. — первая половина VII в.)³.

Комплексы предметов раннего этапа характеризуются наличием серпов, топоров с овальной проушиной, отсутствием предметов конского снаряжения и железных предметов. К этим памятникам, очевидно, следует отнести клады Верхнебердинский, Индышский; топорик и другие вещи, происходящие из Учкулана (табл. 3, рис. 2); Агурский клад и комплекс вещей из Карт-Джурта; два серпа с рукояткой в виде крюка и топорики прикубанского типа (табл. 3, рис. 3, 4, 14, 15), возможно несколько более поздние. Е. И. Крупнов датирует эти находки IX—VIII вв.⁴

Памятники раннего этапа детально описаны А. А. Иессеном, к работе которого мы и отсылаем читателя⁵.

На памятниках позднего этапа (VIII — начало VII в.) остановимся подробнее. Прежде чем обратиться к памятникам Карачаево-Черкесии этого периода, дадим краткую характеристику некоторым могильни-

кам, находящимся за ее пределами, — это необходимо для выяснения некоторых важных вопросов адыгского этногенеза.

В окрестностях Геленджика И. И. Ахановым раскопаны курганы, под насыпью которых оказались типичные четырехстенные дольмены⁶. В дольменах найдены бронзовые втульчатые наконечники копий прикубанского типа, бронзовые наконечники стрел скифского типа, железные наконечники копий, дротики, серповидные ножи, секиры, подобные бронзовым кобанским. Бронзовые украшения геленджикских дольменов характерны для кобанской и прикубанской культур. К изделиям кобанского типа относятся браслеты, височные подвески, бляшки, пуговицы и др. Булавки с раскованной головкой изготовлены в традициях прикубанских булавок подобного же типа. Обнаружены также железная весловидная булавка, пряслица различной формы из глины и мела, бронзовые иголки. Керамика черноглиняная: горшки, кувшинчики, чарки (ручки у чарок не «рогатые», т. е. не раздвоенные наверху). И. И. Аханов датировал инвентарь геленджикских дольменов VII в. до н. э., Е. И. Крупнов — рубежом VIII—VII и первой половины VII в. до н. э.⁷

К VIII — первой половине VII в. относится могильник у хутора Кубанского Усть-Лабинского района, исследованный Н. В. Анфимовым⁸. Могилы бескурганые, грунтовые. Преобладает южная ориентировка, хотя встречается восточная и северная. Около половины погребенных похоронено в скорченном положении. Справа от покойника обнаружены остатки голов и частей ног коня, а также принадлежности конского убора. Типичным в обряде погребения является находка галек. Инвентарь — глиняные сосуды, оружие, украшения — подобен инвентарю Николаевского могильника (см. ниже). Погребения второй половины VIII — первой половины VII в. могильника у хутора Кубанского Н. В. Анфимов называет древнемеотскими. К древнемеотской культуре относится также и Николаевский могильник, расположенный у сел. Красногвардейского (б. Николаевского), также исследованный Н. В. Анфимовым⁹.

Могильник датируется VIII — первой половиной VII в. Значение этого могильника (так же как и подобного ему могильника у хутора Кубанского) в том, что он связывает предшествующую, прикубанскую культуру с более поздней, меотской конца VII—VI вв.

Бронзовые наконечники копий с цельнолитой втулкой очень характерны для прикубанской культуры. Бронзовые однокольчатые удила, по определению А. А. Иессена, являются местной формой, характерной для Северного Кавказа в кобанское время. Бронзовые украшения — браслеты, булавки, спиральная привеска, — а также бронзовые иголки обычны для прикубанской и кобанской культур. Каменные топор-молот и булава продолжают традицию еще более древней, северокавказской культуры.

Но в обряде и инвентаре захоронений Николаевского могильника отчетливо прослеживаются и черты, характерные для раннемеотских погребений: 1) грунтовые могилы сравнительно неглубоки и не имеют наружных признаков; 2) преобладает южная ориентировка; 3) скелеты, как правило, лежат на спине, в вытянутом положении, однако обнаружено и довольно значительное количество скорченных костяков; 4) во многих могильниках встречены гальки; 5) найдены лепные чернолощенные глиняные сосуды. Формы их характерны для раннемеотской керамики или представляют собой прототипы раннемеотских форм (например, раннемеотских чарок и кувшинчиков с петлевидными ручками). Таким образом, в период существования Николаевского

могильника (VIII—первая половина VII в.) формируются основы меотской культуры. Корни же меотской культуры, судя по данным Николаевского могильника и подобного ему могильника у хутора Кубанского, «надо искать в предшествующей эпохе меди и бронзы»¹⁰.

К такому же переходному типу относится и несколько более поздний могильник (VII—VI вв.) на Ясеновой поляне, близ пос. Колосовка на р. Фарс¹¹.

На территории Карачаево-Черкесии к эпохе VIII—VII вв. относятся Инжицчукунский могильник и древнее Хумаринское селище, исследованное экспедициями КЧНИИ под руководством автора этих строк.

Инжицчукунский могильник находится на правом берегу р. Малый Зеленчук, на южной окраине аула Инжицчукун, в 30 км к юго-западу от Черкесска¹². Наружных признаков захоронения не имелось. Верхние концы плит погребальных сооружений находились на глубине 0,10—0,20 м от поверхности земли. Все могилы потревожены. Погребальные сооружения представляли собой каменные ящики, стенки которых были образованы четырьмя каменными плитами, поставленными на ребро. В плане ящики в основном прямоугольные, квадратные встречаются редко. Ориентированы каменные ящики с юга на север и с юго-востока на северо-запад. Длина ящиков от 0,80 до 1,50 м, ширина — от 0,40 до 1 м, высота — от 0,50 до 0,70 м. В некоторых ящиках сохранились плитки, покрывающие дно. Покровные плиты имелись только в каменном ящике, раскрытом до прибытия экспедиции местным жителем Х. О. Джуджуевым. Кости лежали в беспорядке. Погребения, судя по размерам ящиков, скорее всего скорченные, одиночные, но в одном из ящиков обнаружено два черепа.

В могилах найдены обломки богато орнаментированных лепных сосудов, предметы вооружения, быта, украшения и некоторые другие вещи из бронзы (табл. 7а, 7б, рис. 1—21). Топорик бронзовый, прикубанского типа (табл. 7а, рис. 2) похож на опубликованные А. А. Иессеном прикубанские топоры — учкуланский, карт-джуртский, агурский и боргустанский¹³. Пламеневидный бронзовый кинжал (табл. 7б, рис. 14) несколько сходен с найденными в Пятигорье — в погребении у горы Бык и в погребении у аула Терезе¹⁴. Бронзовые ножи типа инжицчукунского (табл. 7а, рис. 9) встречены в Эшкаконском могильнике VIII в. до н. э.¹⁵

Бронзовые иголки типа обнаруженной в могиле у Инжицчукуна (табл. 7б, рис. 21), но не витые найдены в Геленджикских дольменах и в Николаевском могильнике VIII—VII вв.¹⁶ Булавка с овальной пластинчатой головкой (табл. 7а, рис. 8) обнаружена также в Эшкаконском могильнике¹⁷. Булавки с весловидной головкой (табл. 7б, рис. 20), найденные в Инжицчукунском могильнике, характерны для комплексов позднекубанской культуры¹⁸. Такая железная булавка встречена в Геленджикских дольменах. Подвески-колесики (табл. 7а, 7б, рис. 3, 18) — как из Каменноостского могильника VIII в. до н. э.¹⁹ Подвески конические, с петелькой и головкой барана (табл. 7а, рис. 7), подобны входящим в Кяфарский клад, но кяфарские более грубые, более архаического облика²⁰. Браслеты трехгранные в сечении, подобные инжицчукунским, есть в Эшкаконском и Нестеровском могильниках²¹. Браслеты спиральные («шины», как называет их П. С. Уварова) (табл. 7б, рис. 17) встречены в могильниках кобанского времени²². На территории Карачаево-Черкесии они попадают и в комплексах позднекубанского времени (например, на р. Алибечке, см. стр. 62). Гривны — витая (табл. 7а, рис. 4) и гладкая (табл. 7б, рис. 15) — обыч-

ны для позднекобанской культуры, но встречаются и в памятниках VIII—VII вв., например в Березовском могильнике²³.

У керамических предметов — мисок, обломков горшков с ручкой и без ручки, сосудов, лепных, сероглиняных, — поверхности серые, коричневатые, розоватые, желтоватые, оранжевые, на которых иногда видны следы лощения. Орнамент двух типов — геометрический из врезанных линий (табл. 5, рис. 2) и рельефный (табл. 5, рис. 3; табл. 6). Керамика с геометрическим орнаментом имеет аналогии в Эшкаконском²⁴, Березовском и Каменноостском могильниках²⁵.

Прототипы керамики с рельефным орнаментом мы находим еще в комплексах II тысячелетия до н. э. [Ср., например, орнаментированный обломок сосуда из Инжиччукуна (табл. 6) с керамикой из Адыг-Хабльского кургана II тысячелетия до н. э. (табл. 2, рис. 6) и с керамикой из курганов II тысячелетия до н. э. Кабардинского парка г. Нальчика и др.²⁶.]

Аналогии сосудам с рельефным орнаментом имеются и в северокавказских памятниках предскифского и скифского времени — в Хаджохе (на р. Белой) — в слоях VIII—VII вв.²⁷, в Пятигорье, на Провальском и Перкальском поселениях предскифского времени (Пятигорский музей краеведения), на Змейском поселении кобанской эпохи²⁸, на Сержень-Юртовском поселении — в слое X—VII вв.²⁹

Следует отметить, что аналогии инжиччукунской керамике с рельефным орнаментом, приведенные нами выше, довольно приблизительны. Самые близкие аналогии, доходящие до тождества, имеются на Хумаринском селище.

Таким образом, и бронзовые предметы, и керамика Инжиччукунского могильника имеют аналогии в основном в памятниках кобанской эпохи предскифского времени VIII — начала VII в. — в Эшкаконском, Каменноостском, Березовском, Геленджикском дольменных подкурганых могильниках; в соответствующих слоях Провальского, Перкальского, Змейского и Сержень-Юртовского поселений. Эти аналогии и определяют дату могильника — VIII—VII вв.

К какой же культуре относится Инжиччукунский могильник — кобанской или прикубанской? Погребения в прямоугольных каменных ящиках характерны для «классической» кобанской культуры. Большая часть металлических вещей и некоторая часть керамики (с геометрическим узором из врезанных линий) находят аналогии в памятниках кобанской культуры.

Топорик и некоторые украшения, подобные кяфарским, принадлежат к предметам прикубанской культуры. Некоторые образцы керамики с рельефным узором имеют сходство с закубанской керамикой (например, найденной в слое VIII—VII вв. в Хаджохе на р. Белой). Вообще надо сказать, что керамика с рельефным орнаментом, обнаруженная в Инжиччукунском могильнике (и в других одновременных ему памятниках верховьев Кубани), весьма своеобразна. Может быть, именно эта керамика характерна для предположительно намеченной А. А. Иессеном верхнекубанской группы прикубанской культуры³⁰.

По-видимому, для Инжиччукунского могильника характерны черты как кобанской, так и прикубанской культуры. Такое смешение не должно удивлять — ведь территория Карачаево-Черкесии являлась «стыком» кобанской и прикубанской культур.

В 40 км южнее Черкесска, на правом берегу р. Кубани, на скале над аулом Хумара, находится средневековое Хумаринское городище. В главе IV мы дадим более обстоятельное описание этого памятника. Здесь же отметим, что в 1963 и 1964 гг., во время наших работ на

городище, на площади, примыкающей к нему с северо-восточной стороны, а также на северо-восточной окраине самого городища под средневековыми слоями, на глубине 0,50—1,40 м от поверхности, обнаружены остатки древнего поселения, открытого, без укреплений. Подобные поселения этого периода известны на всем Северном Кавказе: в Пятигорье (Провальское и Перкальское), в Северо-Осетинской АССР (Змейское), Чечено-Ингушской АССР (Алхастинское, Бамутское, Серженъ-Юртовское и др.). Участки поселения, содержащие культурный слой, расположены на холмообразных возвышенностях — по этому признаку открытое Хумаринское селище сближается с лабинскими поселениями (см. стр. 64).

Древняя керамика найдена в раскопе I (на цитадели, в северо-восточной части городища), в раскопе II (вне пределов городища, к северу от цитадели), в раскопе III (на северном склоне холма с цитаделью) и в раскопе VI (на южном склоне этого же холма) (табл. 34, рис. 1). В раскопе III обнаружены фундаменты прямоугольных в плане построек, сложенных небрежно, из плохо отесанных камней. Здесь же встречен обломок глиняной трубки (сопла?). Во всех раскопах попадались куски обгоревшей глиняной обмазки, уголь, куски печной обмазки (печины), каменные земледельческие орудия (овальные зернотерки, песты), кости домашних животных, обломки бронзовых предметов, костяные проколки, шилья, глиняные пряслица — биконические и плоские (табл. 10, рис. 3—6). Каменные земледельческие орудия и костяные проколки, подобные хумаринским, обычные для поселений кобанского времени предскифской эпохи³¹. Аналогии хумаринским пряслицам имеются в геленджикских дольменах, в Каменномоетском могильнике, в Змейском и Алхастинском поселениях³².

Керамика Хумаринского селища полностью подобна инжиичкунской. Вся посуда лепная, сероглиняная. Керамика с геометрическим орнаментом преимущественно серая, с серыми, темно-серыми, иногда почти черными поверхностями. Керамика с рельефным орнаментом всех цветов, но преобладает из коричневой глины. Рельефным узором украшена также серая керамика с лощеными поверхностями — черными, розовыми, оранжевыми, красными (табл. 8). Формы сосудов различные: миски, горшочки с ручкой, крупные сосуды с раздутым туловом и воронковидным горлом (табл. 9, рис. 1). Обнаружен еще один вид керамики, не встреченный в Инжиичкунском могильнике, — обломки корчаг (так называемого скифоидного типа) с темно-серой поверхностью, лощение травянистое или штриховое. Датируется материал VIII—VI вв.

Наиболее архаичны находки в раскопе V. Здесь преобладает керамика с рельефным орнаментом, геометрического орнамента меньше. Сосуды с геометрическим орнаментом имеют аналогии в памятниках предскифского времени VIII—VII вв.: Каменномоетском и Березовском могильниках, Алхастинском поселении и др. Обломков корчаг со штрихованным лощеным орнаментом здесь не обнаружено.

В этом раскопе найдены два черепка с прикипевшими к ним кусочками железа. Может быть, эти находки свидетельствуют об использовании и производстве железных изделий в этих местах начиная с VIII в. до н. э. — вспомним, что несколько западнее — в могильниках у сел. Красногвардейского (б. Николаевского) и хутора Кубанского — железные предметы обнаружены в памятниках VIII—VII вв. Возможно, многочисленные находки железного шлака в этой части Хумаринского городища говорят о производстве здесь железа в VIII—VII вв. Впрочем, основная часть этого шлакового выброса, надо ду-

мать, относится к средневековому периоду существования Хумаринского городища.

Керамика из расколов II и VI тоже, видимо, относится к VIII—VII вв., хотя там больше образцов с геометрическим орнаментом, так что, возможно, она несколько более поздняя, чем керамика из раскопа V.

Что касается раскопа III, то в нем преобладала керамика с геометрическим орнаментом; встречены обломки корчаг, а также черепки с овальными налечами и другая керамика, аналогии которой можно найти в памятниках VI в. до н. э. (Тамгацкский, Кызыл-Калинский могильники, Учкуланское поселение и могильник). Очевидно, материал из раскопа III можно датировать VII—VI вв.

Таким образом, на Хумаринском селище встречена керамика с геометрическим орнаментом, имеющая довольно близкие аналогии во многих северокавказских комплексах предскифского и скифского времени. Здесь же обнаружена и очень своеобразная керамика с рельефным орнаментом, имеющая за пределами Карачаево-Черкесии лишь приблизительные аналогии. В VI в. подобная керамика почти исчезает. Указанные обстоятельства позволяют высказать предположение, что керамика с рельефным орнаментом характеризует верхнекубанский вариант прикубанской культуры на среднем этапе ее развития.

* * *

Погребальный обряд на Северо-Западном Кавказе, в том числе и на территории Карачаево-Черкесии в VIII—VII вв., носил разнообразный характер. На восточночерноморском побережье открыты подкурганные погребения в дольменах (Геленджик) и во впускных грунтовых могилах под камнями (курган у хутора Рассвет, у Анапы). В Закубанье помимо подкурганных погребений (у станиц Крымской, Некрасовской) известны и грунтовые бескурганные могильники — у сел. Николаевского, у хуторов Кубанский, Ясеново-полянский. На территории Карачаево-Черкесии исследованы погребения в каменных ящиках, в основном прямоугольных, без курганных насыпей (Инжиччукунский могильник). В некоторых могильниках (Николаевский и др.) обнаружены железные предметы: наконечники копий, ножи, топоры. В Инжиччукунском могильнике, как отмечалось, железных вещей не встречено. Но следы использования и изготовления железных орудий, по-видимому, имеются в одновременном Инжиччукунском могильнику Хумаринском селище. Бронзовый инвентарь сохраняет кобанские (и прикубанские) черты (топорики, пламеневидный кинжал, наконечники копий, булавки с раскованной овальной головкой и другие украшения). Но есть бронзовые украшения, которые характерны и для позднекобанской культуры (например, весловидные булавки, различные бронзовые бусы и пронизки). В Инжиччукунском могильнике найдены гривны — круглая и овальная. Подобного рода украшения обычны для позднекобанского времени. Отметим наличие в инвентаре бронзовых иглол, глиняных пряслиц, биконических и круглых, костяных изделий — проколов и шильев.

Для керамики Восточного Причерноморья и Закубанья, судя по Геленджикскому и Николаевскому могильникам, характерно появление чарок — прототипов чарок из раннемеотских могильников. В верховьях Кубани чарок не найдено. Здесь, в Хумаринском селище, кроме обычной керамики кобанского типа в памятниках VIII—VII вв. встречена очень своеобразная, характерная в основном только для этих мест

керамика с рельефным орнаментом. По нашему мнению, и керамика и металлический инвентарь несут элементы как прикубанской, так и кобанской культуры.

Выше отмечалось, что памятники прикубанской культуры обнаружены в Восточном Причерноморье и в Закубанье. Памятников кобанской культуры в этих районах нет — отдельные находки бронзовых изделий кобанского типа говорят лишь о межплеменных сношениях с более восточными районами Центрального Кавказа. Что касается территории Карачаево-Черкесии, то здесь встречены памятники как кобанской, так и прикубанской культуры. Более того, в одном и том же памятнике наблюдается сочетание элементов двух этих культур (Инжичукунский могильник и Хумаринское поселение). Такая же картина наблюдалась во II тысячелетии до н. э., то же явление будет наблюдаться и далее, вплоть до позднего средневековья. Таким образом, территория современной Карачаево-Черкесии с древнейших времен была разнородной, многоязычной.

В середине II тысячелетия до н. э. в Прикубанье, в том числе и на территории Карачаево-Черкесии, отмечался приток иноплеменного населения, степняков, носителей катакомбной культуры, — возможно, киммерийцев или их предков. Эти пришельцы были ассимилированы местным населением. С VIII в., как известно, начались походы киммерийцев в страны Передней и Малой Азии через западную часть Северо-Западного Кавказа, в основном по восточному берегу Черного моря³³.

На территории Карачаево-Черкесии и в более западных районах Закубанья встречены предметы неместного типа, в том числе и бронзовые изделия киммерийского облика, — топоры-кельты и др. Однако эти находки скорее свидетельствуют об обмене с киммерийцами, нежели о проживании самих киммерийцев в этих местах³⁴. Вообще местные памятники Северо-Западного Кавказа, включая и Карачаево-Черкесию, не свидетельствуют о каких-то массовых инфильтрациях иноплеменного населения в эти районы в кобанское время.

Изучение кобанской и прикубанской культур, как неоднократно отмечалось, свидетельствует о том, что истоки этих культур были местные. Наблюдается генетическая связь и преемственность с более древними, местными культурами. В то же время прикубанская культура связана с более поздней, раннемеотской культурой — это хорошо прослеживается на материалах Николаевского могильника и могильника у хутора Кубанского. Таким образом, в период поздней бронзы и раннего железа смены населения на Северо-Западном Кавказе не произошло: мы видим последовательное развитие одного и того же этноса — древнеадыгского, как считают исследователи. Прикубанская культура связана с древнейшими предками адыгов; культура VIII—VII вв. Н. В. Анфимовым именуется протомеотской или древнемеотской; и наконец, с рубежа VII—VI вв. можно уже говорить о раннемеотской культуре. Памятники прикубанской культуры на Черноморском побережье (очевидно, в районе Сочи) предположительно можно связывать с древнейшими предками абхазцев и абазин. Следы прикубанской культуры на территории Карачаево-Черкесии говорят о проживании в этих местах какой-то протоадыгской группы с самых древнейших времен. Носителей же кобанской культуры на территории Карачаево-Черкесии и восточнее — в Балкарии, на наш взгляд, нельзя связывать с адыго-абазинским этническим массивом. Они явились главным субстратом для формирования другой этнической общности, из которой впоследствии сложилась карачаево-балкарская народность в результа-

те включения и иных компонентов. Таким образом, еще в кобанскую эпоху (в I тысячелетии до н. э.) закладывались основы тех народностей, которые населяли Северо-Западный Кавказ, в том числе и Карачаево-Черкесию, в эпоху средневековья и позднее.

ПОЗДНЕКОБАНСКИЙ ПЕРИОД (вторая половина VII—IV вв.)

В позднекобанское время на Северо-Западный Кавказ проникают некоторые элементы скифской культуры. Так, на территории Карачаево-Черкесии появляются предметы вооружения и конского снаряжения скифского типа: железные кинжалы-акинаки, бронзовые и железные наконечники стрел скифского образца, бронзовые стрелчковоидные псалии и др. Но в целом культура Северо-Западного Кавказа сохраняет местный характер: продолжается развитие древних местных культур — меотской (или меото-синдской) на ранних ее стадиях, а в верховьях Кубани и Зеленчуков — прикубанской и кобанской культур.

Где проходила граница между районами распространения раннемеотской и позднекобанской культур? Исследованиями последних лет, проведенными Н. В. Анфимовым, установлено, что зоной стыка этих культур являлась долина Урупа.

В 1950, 1952 и 1954 гг. на Урупе Н. В. Анфимовым были обследованы памятники меото-сарматской культуры. В ходе обследования попадались и более ранние памятники — поселения скифского времени, материал которых имел раннемеотский облик³⁵.

Но в 1965—1966 гг. на Урупе, у хутора Ильич, в непосредственной близости от западных границ Карачаево-Черкесии, экспедицией Адыгейского НИИ, возглавляемой Н. В. Анфимовым, было исследовано Заслонкинское поселение, синхронное раннемеотским памятникам (VII — первая половина IV в.), однако отличное от памятников меотской культуры по керамике. По некоторым формам керамики и орнаменту (геометрический, нарезной) культура поселения тяготеет к культуре могильников пятигорско-кабардинской группы³⁶.

Значительная часть найденной в Заслонкинском поселении посуды чернолощенная. Посуда лепная, тщательно формованная, со сглаженной поверхностью. На многих черепках — орнамент, причем в нижних слоях преобладает нарезной геометрический узор. Фрагменты гончарной посуды встречались изредка и только в верхнем слое³⁷.

Эту керамику с нарезным геометрическим орнаментом, встречающуюся в комплексах скифского времени Кабардино-Балкарии, Пятигорья и Карачаево-Черкесии, мы считаем возможным отнести к позднекобанскому этапу. Поэтому можно полагать, что Заслонкинское поселение относится к памятникам позднекобанской культуры, характерным для бассейна Верхней Кубани.

Из других находок на Заслонкинском поселении следует упомянуть бронзовое долото с рельефным орнаментом на втулке, небольшие овальные зернотерки, кости крупного и мелкого рогатого скота, а также остатки каменных кладок, вероятно являвшиеся фундаментами глинобитных или саманных домов, вымостки из известковой крошки и глинобитные домашние печи. В одной из печей находились обуглившиеся зерна, очевидно пшеницы. Обнаружена также небольшая гончарная печь, от которой сохранилась топочная часть и под с продухами. На поселении встречены два погребения с инвентарем второй половины IV в. до н. э. Н. В. Анфимов считает эту дату конечной для поселения³⁸.

Остановимся теперь на памятниках позднекобанского времени Карачаево-Черкесии.

В местности Карабашево, на правом берегу р. Марухи, в 3 км к юго-востоку от сел. Маруха, экспедицией ЛО ИА и Ставропольского музея краеведения в 1956 г. исследован курган, высотой 1 м, диаметром 5—6 м³⁹. В насыпи были валуны, вымостка из валунов также была под насыпью на материке. Гробница находилась в центре, стены ее были выложены плитняком, дно — булыжником. На дне гробницы находились перегоревшие кости, значительное количество золы, глиняные сосуды, три железных кинжала, бронзовое навершие кинжальных ножен и много мелких бронзовых предметов. Глиняные сосуды — это миски на высоком поддоне и кружки с ручкой, с широким горлом и биконическим туловом (табл. 146, рис. 24—27). Бронзовые украшения также местного, позднекобанского типа: цилиндрические пронизки с каплевидной привеской — «грибочком», пронизки с подвеской в виде колокольчиков, бочонковидные бусы — ажурные и с продольным веревочным орнаментом, подвески с тремя бараньими головками, в виде птицы и др. (например, см. табл. 146, рис. 21, 22). Там же были найдены стеклянные бусы, оселки. Обнаружены железные предметы: втульчатый лавролистный наконечник копья, кинжал-акинак с бабочковидным перекрестьем и серповидной рукояткой (табл. 146, рис. 19, 20), серповидный нож, кольчатые удила и трехкольчатые псалии. Аналогии всем этим предметам есть в северокавказских могильниках VI—V вв. Кинжал-акинак скифского типа. Четыре втульчатых наконечника стрел (два железных трехгранных, два бронзовых двуперых) также скифского типа. Появление предметов вооружения скифского типа в этих местах В. П. Любин объясняет тем, что скифы, продвигаясь в Закавказье, в числе прочих путей могли использовать и долину Марухи, ведущую к сравнительно невысокому и удобному Марухскому перевалу⁴⁰.

Добавим, что обряд трупосожжения, о котором свидетельствуют находки этого кургана, не характерен для Карачаево-Черкесии ни для периода древности, ни для средневековой эпохи. У скифов же этот обряд встречался. Может быть, и появление данного обряда в этой местности можно объяснить прохождением через эти места скифов? Во всяком случае через перевалы Северо-Западного Кавказа, расположенные западнее Карачаево-Черкесии, скифы продвигались в Закавказье.

В полукилометре к востоку от аула Учкулан, на левом берегу р. Хурзук, найдено поселение, существовавшее в течение долгого времени (в позднекобанский, сарматский и аланский периоды). Керамика всех трех слоев, как показали исследования автора данной работы (1958 г.), обнаруживает черты преемственности⁴¹. Несколько выше поселения находятся разрушенные могилы, представляющие собой прямоугольные или ромбические в плане постройки, иногда разделенные на две части. Керамика датируется VI в. до н. э., по типу напоминает тамгацикскую, кызыл-калинскую, хумаринскую из раскопа III и из могильника на р. Алибечке (см. стр. 62).

У аула Таллык, близ Большого Соленого озера, в 1959 г. Х. О. Лайпановым был исследован курган, на котором находилась каменная баба кипчакского типа. В кургане найден комплекс вещей VI—V вв.: грушевидная кружка, горшочек с двумя горизонтальными ручками, миска, золотые овальные сережки, умбоновидная бляха с прорезными треугольниками, браслеты-«шины», дуговые фибулы с двухвитковой и трехвитковой пружиной, узким иглодержателем (дуга у одной витая, у двух — из прямоугольной в сечении пластины и у двух — ромбической в сечении пластины), цепочки, спиральки-накосники, бусы глазчатые из стекловидной пасты, раковины каури, биконическое глиняное пряслице,

нож железный серповидный, обломки кольчатых удил, меча, кинжала, бронзовые и железные втульчатые трехлопастные и трехгранные накопечники стрел скифского типа. Таким образом, керамика и украшения в данном комплексе имеют местный, позднекобанский облик, некоторые же предметы вооружения приближаются к скифским образцам.

Памятники предскифского и раннескифского времени открыты в местности Тамгацик, на правом берегу р. Малый Зеленчук, в 3 км к северу от аула Жако и в 3 км к востоку от правого берега р. Малый Зеленчук. Памятники были исследованы экспедицией КЧНИИ под руководством автора этих строк⁴². Здесь на холмах расположены поселения и могильники (табл. 20а, рис. 1). На Северном холме был обнаружен могильник IV—V вв. (см. гл. III), на Среднем и отчасти на Западном — поселение этого же времени. На Западном холме помимо обломков посуды IV—V вв. найдены черепки сосудов типа обнаруженных на Хумаринском селище VIII—VI вв. На Южном холме располагалось поселение предскифского и раннескифского времени, в культурном слое которого находился несколько более поздний могильник. На поверхности холма видны остатки прямоугольных в плане сооружений из известняковых плит, поставленных на ребро, и плохо отесанных брусков. Как выяснилось при раскопках, это были погребения. Кроме того, во многих местах найдены большие завалы из камней, видимо, остатки разрушенных построек, но не могил. В культурном слое обнаружены обломки глиняной посуды типа хумаринских из раскопа III, каменные земледельческие орудия — обломки жерновов, овальные зернотерки, терочники, песты, а также куски самана. Материк находился на глубине 0,40 м от поверхности. Отметим, что на Тамгацикском поселении, так же как и на Хумаринском, культурный слой обнаружен только на холмах.

Могилы на Южном холме имели различное устройство. Встречались ямы метровой глубины, в плане овальные (табл. 11, рис. 2) и прямоугольные (почти квадратные), края которых были обложены на поверхности камнями (табл. 11, рис. 1); каменные ящики из плит, поставленных на ребро (табл. 11, рис. 3—4), прямоугольные, реже квадратные в плане; могилы неправильной формы, в виде трапеции (табл. 11, рис. 1) или ромба, со стенками из каменных брусков и каменных плит, положенных плашмя. Ориентация могил различная — с юго-востока на северо-запад, с запада на восток, с юга на север, с юго-запада на северо-восток. Покровных плит не сохранилось, в некоторых могилах обнаружены плиты, выстилающие дно. Человеческие кости были в полном беспорядке. Очевидно, большинство этих могил являлись коллективными усыпальницами. Наряду с человеческими костями найдены кости коня, в основном зубы, но есть и кости конечностей. Конские зубы лежали вместе с удилами. В могилах найдены миски — целые или в обломках, в некоторых из них или возле лежали раковины каури (*surgea moneta*). Вероятно, эти раковины представляли собой какую-либо ценность, а может, были частью ожерелья⁴³.

Керамика, обнаруженная в этом могильнике, лепная, серая, изредка красная. Формы сосудов — миски, горшки, кружки, есть сосуды на кольцевой ножке (табл. 11, рис. 5—7). Орнамент геометрический, из врезанных линий. Некоторые сосуды на сгибах украшены овальными налепами. Сосуды по форме, тесту и орнаменту имеют многочисленные аналогии в памятниках VI—V вв. Северного Кавказа — в Луговом, Моздокском, Минераловодском и других могильниках, а также в памятниках VI в. до н. э. Карачаево-Черкесии: Хумаринское поселение, раскоп III, Учкуланское поселение, Кызыл-Калинский могильник,

отчасти Таллыкский курган, курган у Карабашева и могильники на р. Алибечке на Домбайской поляне. Имеются аналогии и в Усть-Лабинском втором могильнике⁴⁴.

Некоторые обломки с Южного и особенно Западного холма (обломки пифосов с бордюром из овальных вдавлений по краю отверстия и др.) аналогичны находкам с более ранних участков Хумаринского поселения (VIII—VII вв.) и Инжиччукунского могильника.

В керамике тамгацких погребений обнаруживается значительное сходство со среднекубанской меотской керамикой (поддоны на кольцевой ножке, миски, сосуды с биконическим туловом и др.). В то же время керамика, особенно с резным геометрическим орнаментом, имеет аналогии в комплексах позднекубанского времени Пятигорья и более восточных районов Северного Кавказа: Образцы тамгацкой керамики показаны на табл. 11 и 12а, 12б.

Весьма разнообразны изделия из железа и бронзы. Железные ножи с горбатой спинкой и ножи типа так называемых бритв, втульчатый наконечник копья с узким спицевидным пером и другие предметы вооружения аналогичны найденным в могильниках VI в. Карачаево-Черкесии и в могильниках этой же эпохи других районов Северного Кавказа — Минераловодском, Исти-су, Бойси-Ирзо (Чечено-Ингушетия)⁴⁵ и др. Удила железные кольчатые, иногда витые, а также бронзовые стремчковоидные удила (табл. 12б, рис. 15, 16) характерны для памятников скифского времени конца VII—VI вв. — Келермесского кургана и др.⁴⁶ Кинжал-акинак с брусковидным навершием и бабочковидным (или сердцевидным) перекрестьем (табл. 12б, рис. 18) весьма характерен для скифской культуры и датируется VI в. до н. э.⁴⁷ Наконечники стрел скифского типа, втульчатые, бронзовые и железные (табл. 12б, рис. 10—14), наиболее близки келермесским (вторая четверть VI в. до н. э.), но есть, очевидно, относящиеся и к началу V в. до н. э.⁴⁸.

Украшения — железные булавки «без головки» (табл. 12б, рис. 17) — позднекубанского типа⁴⁹; бронзовая подвеска с каплевидным приливом — «грибочком» (табл. 12а, рис. 6) сходна с подобной подвеской из Карабашева и др.

Итак, поселение на Южном и Западном холмах Тамгацка относится, судя по скудным остаткам керамики, которая аналогична древней хумаринской, к VIII—VI вв. Могильник на Южном холме, основываясь на многочисленных аналогиях с памятниками VI в. до н. э. и отчасти с памятниками VI—V вв., можно датировать VI в. до н. э. или VI — началом V в. В керамике наблюдается сходство со среднекубанской меотской керамикой, керамикой «скифоидных» форм (сосуды с биконическим туловом, типа скифских корчаг) и керамикой Северного Кавказа позднекубанского времени районов более восточных, чем Карачаево-Черкесия. Особенно близки аналогии из Пятигорья. Часть оружия и принадлежности конской упряжи — скифского типа, а украшения — позднекубанского.

К VI в. до н. э. относится Кызыл-Калинский могильник, исследованный автором этих строк⁵⁰. Аул Кызыл-Кала находится в верховьях р. Джегуты, в 30 км к юго-востоку от Черкесска. Могильник обнаружен на холме, расположенном с западной стороны горного отрога, на котором высится башня Гошаях-Кала. Могилы часто видны на поверхности — они представляют собой овальные и прямоугольные ямы, края которых на поверхности выложены крупными, плохо отесанными камнями (табл. 13а, рис. 1—2). Внутри выкладки были заполнены мелкими и крупными камнями. Ориентация могил — с юга на север и с запада на восток. Все могилы оказались потревоженными. Погребения пред-

ставляли собой коллективные усыпальницы — в каждой могиле обнаружены кости нескольких скелетов взрослых и детей, а также зубы коня и удила. Среди обломков мисочек найдены раковины каури. В одной из могил (№ 2), в северо-западном углу, был найден тайник, в котором обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа VI в. до н. э., несколько крупных бронзовых бус, литые головки медведей и баранов и некоторые другие предметы (табл. 13б, рис. 9—25).

Керамика — лепная, из серой, чаще коричневой глины — горшочки, мисочки, кружки с биконическим туловом (табл. 13а, рис. 3—5). На сгибах сосудов иногда овальные налепы (там же, рис. 6, 7). Аналогии этой керамике имеются в Тамгацикском, Учкуланском, Минераловодском могильниках, Карабашевском кургане, в раскопе III Хумаринского селища. Наконечники стрел VI в. до н. э. скифского типа (табл. 13б, рис. 15—25). Ножи с горбатой спинкой (табл. 13б, рис. 28), железные кольчатые удила, трехкольчатые псалии, железные булавки без головки (табл. 13б, рис. 8, 13, 14) обычны для северокавказских памятников VI в. до н. э. Бронзовые украшения позднекобанского типа — обломки бронзовой дуговой фибулы с орнаментом «елочкой», крупные массивные бусы, в том числе ажурные (как из Карабашева), подвески — головки баранов и медведей. Головки медведей, подобные кызыл-калинским, найдены В. И. Долбежевым в раннесредневековой катакомбе у сел. Гоуст Чечено-Ингушской АССР и нами в одной из могил позднекобанского времени у сел. Верхний Чегем на горе Донгат⁵¹. Пряслице глиняное биконическое (табл. 13б, рис. 27), как с Хумаринского поселения. Бусы янтарные и пастовые. Итак, наконечники стрел и предметы конского снаряжения в этом могильнике носят скифский характер, остальные вещи — позднекобанского типа.

Находки предметов позднекобанского времени сделаны в верховьях реки Теберды на Домбайской поляне. В 1954 г. на территории альпинистского лагеря «Софруджу» рабочими был обнаружен могильник — пять курганов из камня, 5—8 м в диаметре, 0,5—0,6 м в высоту⁵². В курганах найдены: фрагменты бронзового греческого шлема (судя по обломкам, аттического, V—IV вв.⁵³), массивные бронзовые цепи, браслеты-«шины», массивные гладкие гривны с расплюснутыми концами, имеющими лавролистную форму, орнаментированными гравированными узорами (лесенки и кружочки); фибулы дуговые, на дуге поперечные и продольные насечки; пружина трехвитковая, иглодержатель удлиненный, на конце загибается вверх и увенчивается шишечкой (табл. 15, рис. 17), такая форма иглодержателя придает этим фибулам некоторое сходство с более поздними арбалетовидными фибулами; железные вещи — два втульчатых наконечника копий, железный короткий меч, железная секира и др. Аналогии этим вещам (кроме фибул) имеются в Таллыке, в Казбекском кладе (Дарьяльское ущелье), в Луговом и Нестеровском могильниках Чечено-Ингушской АССР и в других комплексах VI в. до н. э. и отчасти VI—V вв.

В Ставропольском музее имеются находки с Домбайской поляны, часть которых была опубликована А. Л. Нечитайло⁵⁴. Интересный комплекс извлечен из каменного ящика, накрытого плитой, находившегося на глубине 0,50 м, случайно открытого рабочими. В числе прочих вещей в ящике найдена серебряная шейная гривна с утолщенными концами, бронзовые колокольчики, цепи и дуговые фибулы, подобные описанным выше из курганов «Софруджу». А. Л. Нечитайло справедливо указывает, что домбайские фибулы по форме приемника отличаются от кобанских. Она высказывает предположение, что вещи домбай-

ских могильников местного производства и характеризуют прикубанскую культуру⁵⁵.

В 1964 г. при строительстве моста через р. Алибечку на Домбайской поляне на левом ее берегу рабочими было обнаружено погребение. Курганной насыпи не было. По показаниям рабочих, могильное сооружение, сделанное из камня, было ориентировано с запада на восток, в восточном конце находился человеческий череп. В могиле было много угля. Часть вещей из этого погребения была передана нам (табл. 15, рис. 1—16): обломки лепных сосудов из коричневой глины (типа хумаринских из раскопа III и кызыл-калинских); железные предметы — втульчатые наконечники копий, листовидный и втоковидный, серповидный нож типа тамгацикских; бронзовые украшения — маленькие колокольчики с боковой щелью, браслеты бронзовые с утолщениями и шишечками на концах, трехлепестковые подвески, наконечники, фибулы типа найденных в «Софруджу»; бусы — стеклянные и пастовые, более всего — биконические синие и желтоватые (как в могильниках Нестеровском, Луговом и Исти-су в Чечено-Ингушской АССР). Судя по аналогиям, погребение можно датировать VI—V вв.

Отдельные находки позднекобанского типа известны и в других местах Карачаево-Черкесии. Так, могильник этого времени с каменными ящиками без курганных насыпей случайно найден местными жителями на правом берегу Большого Зеленчука, в ауле Вако-Жиле (табл. 14а, рис. 10—16). В дольменообразном склепе у аула Коба-Баши, между ст. Сторожевой и Преградной, среди вещей сарматского типа (см. далее) найдены два предмета позднекобанского облика — бронзовая пряжка-крюк (табл. 14б, рис. 16), тождественная обнаруженной в одном из кумбултских склепов позднекобанского времени Нижней Рутхи в Северо-Осетинской АССР⁵⁶ и массивный колокольчик (табл. 14б, рис. 18), подобный извлеченному из Казбекского клада VI—V вв.⁵⁷. Видимо, здесь наблюдается случай вторичного использования более древних вещей. Такую же картину мы наблюдаем и в некоторых других могильниках Северного Кавказа сарматского времени. Так, в некоторых погребениях Северного кладбища у аула Верхний Кобан, относящихся к первым столетиям нашей эры, найдены пряжки-умбоны позднекобанской культуры VI—V вв.⁵⁸.

Вещи V в. до н. э. обнаружены в разрушенном кургане у клуба на хуторе Дружба — на левом берегу Кубани, напротив Черкесска. Диаметр кургана 24 м, высота — 1,60 м. Западная часть насыпи была снесена. В восточной части находилось разрушенное погребальное сооружение из досок и булыжника, ориентированное с севера на юг. В сооружении найдены лежащие в беспорядке кости от нескольких костяков. К востоку от сооружения обнаружены кости головы лошади с остатками железных кольчатых удиц. Из этого кургана происходят: черепки лепного сероглиняного тонкостенного сосуда, с лощением и орнаментом из круглых ямочек (табл. 15, рис. 19); ручка от сосуда; два бронзовых наконечника стрел (табл. 15, рис. 20) — трехгранные, со скрытой втулкой, обычные для скифской культуры V в. до н. э.⁵⁹; не менее 150 бронзовых чешуек от панциря (табл. 15, рис. 21—23), подобные чешуйки, в частности, найдены в кургане скифской культуры V в. до н. э. у сел. Гойты в Чечено-Ингушской АССР⁶⁰; три бусины — одна стеклянная зеленоватая дольчатая, вторая бочонковидная пастовая желтоватосерая с белыми глазками, третья сердоликовая шаровидная; обломки кольчатых удиц и других железных предметов. Аналогии датируют представленный комплекс V веком до н. э. К какой культуре следует отнести этот памятник — местной или, например, скифской, сказать

трудно, так как погребальное сооружение было разрушено и точно установить погребальный обряд не удалось. Заметим только, что местное население в этот период не хоронило умерших в погребальных сооружениях с деревянными конструкциями.

На южной окраине хутора Дружба обследованы два поселения. На втором из них (южном) среди прочих находок нами обнаружена лепная миска, лощеная, хорошей формовки, темно-серого цвета (табл. 16а, рис. 4). По определению Е. И. Крупнова, она относится к позднескифскому времени — к IV в. до н. э. На южной окраине хутора Дружба школьниками, членами краеведческого кружка Черкесского дворца пионеров, найден бронзовый псалий S-видной формы, с грибовидными шишками на концах и двумя петлями. Такой же псалий происходит из Семибратних курганов, из погребения кургана № 7, датированного второй или третьей четвертью IV в. до н. э.⁶¹ Таким образом, в районе хутора Дружба обнаружены предметы скифского типа V и IV вв. до н. э.

* * *

Изучая памятники Карачаево-Черкесии предскифского и скифского (точнее, позднекобанского) времени, мы наблюдаем черты преемственности между памятниками обоих хронологических этапов. Есть некоторые общие элементы в инвентаре — керамике, бронзовых украшениях и т. д. На поселениях — Хумаринском, Тамгацикском и Учкуланском — жизнь не прерывалась и в предскифский и в скифский периоды. Таким образом, есть основания предполагать, что на этой территории в скифский период продолжалось развитие древней местной культуры абorigенного населения. Влияние скифской культуры прослеживается только в изменении некоторых видов вооружения и конского снаряжения и, возможно, в появлении обычая хоронить умерших с конем, точнее, с головой коня. О проникновении самих носителей скифской культуры на территорию Карачаево-Черкесии можно говорить пока только в самой предположительной форме. Может быть, они проходили в Закавказье через Марухский перевал, как полагает В. П. Любин, может быть, оседали в некоторых районах — главным образом предгорных и степных. Возможно, носителями скифской культуры оставлены памятники VI—IV вв. на границе между степью и предгорьями Карачаево-Черкесии, подобные курганам и поселению у хутора Дружба. Но для доказательства этого положения нужны дополнительные подтверждения.

Что же представляла собой местная культура Карачаево-Черкесии скифского времени?

Поселения этого времени — открытого типа, расположены преимущественно на холмах. Погребальные сооружения были самые разнообразные: бескурганные захоронения в ямах, овальных и прямоугольных, края которых на поверхности земли были обложены камнями; в каменных ящиках; в наземных сооружениях из каменных плит и каменных брусков (Тамгацик, Кызыл-Кала, Учкулан, Домбайская поляна, Вако-Жиле и др.), а также подкурганные погребения в каменных гробницах (Домбайская поляна), в сооружениях из досок и бугельника (хутор Дружба).

Ряд черт сближают эту культуру с культурой того же времени в более западных районах. Так, подкурганные погребения Домбайской поляны в каменных ящиках и гробницах можно сопоставить с подобными же подкурганными захоронениями у ст. Бесленевской⁶² и восточночерноморского побережья⁶³. Имеется сходство и в характере поселений. Так, в Закубанье Н. В. Анфимовым выделена своеобразная лабинская группа поселений — они не имеют сплошной территории и

оборонительных сооружений. Культурный слой скопляется в виде небольших холмообразных возвышений, в некоторых случаях — на вершинах древних курганов⁶⁴. К такому же типу, как отмечалось, принадлежат и поселения скифского (и предскифского) времени Карачаево-Черкесии — Хумаринское, Тамгацикское и др.

На поселениях и в погребениях скифского времени Карачаево-Черкесии найдены миски на высоком поддоне, характерные для раннемеотских памятников конца VII—VI вв.⁶⁵, но несвойственные, как нам известно, позднекобанской культуре. Как и в Закубанье, в верховьях Кубани встречены корчаги, биконические глиняные пряслица с орнаментом и некоторые другие однотипные предметы.

Но культура скифского времени Карачаево-Черкесии, несмотря на многие черты сходства с раннемеотской культурой Закубанья, все же сильно отличается от нее. Нет грунтовых бескурганых погребений, столь характерных для меотской культуры. В инвентаре отсутствуют такие характерные для меотской культуры предметы, как чарки. Большая часть погребений бескурганная, в каменных ящиках, в овальных и прямоугольных ямах, края которых выложены на поверхности камнями. Погребения с каменными кладками характерны для Балкарии, каменные ящики являются обычной формой погребального сооружения для памятников скифского, позднекобанского времени Пятигорья и Кабардино-Балкарии.

Таким образом, судя по формам погребального сооружения, могильники скифского времени, известные на территории Карачаево-Черкесии, следует отнести к памятникам позднекобанского периода на Северном Кавказе, точнее, к группе памятников этого времени Пятигорья и Кабардино-Балкарии.

Инвентарь погребений и находки на поселениях, как правило, носят позднекобанский облик.

Напомним, что для позднекобанской культуры характерны следующие черты: 1) в погребениях встречено значительное количество железных изделий; 2) при анализе предметов вооружения и конского снаряжения, а также некоторых украшений прослеживаются элементы, свойственные скифской культуре; 3) в инвентаре отсутствуют бронзовые топоры, кинжалы, браслеты со спиралью, широкие пластинчатые пояса, высокие пряжки, булавки с большой раскованной головкой и некоторые другие бронзовые вещи, столь характерные для классической кобанской культуры; 4) появляются новые формы бронзовых изделий — пряжки-умбоны, булавки без головки (подобные есть и из железа), весловидные булавки, овальные и круглые, часто витые гривны, фибулы с тонкой дугой из четырехгранного в сечении прута, маленькие колокольчики, пряжки-крючки и некоторые другие предметы⁶⁶.

Все эти черты мы находим, анализируя памятники скифского времени Карачаево-Черкесии.

Конечно, эти памятники имеют и локальные особенности, отличающие их от памятников позднекобанской культуры Центрального Кавказа и заставляющие отнести их к кабардино-пятигорскому варианту позднекобанской культуры Северного Кавказа [формы керамики (миски и пр.)] с резным геометрическим узором; формы некоторых бронзовых украшений (головки медведей и баранов и некоторые другие украшения). Есть некоторые предметы, которые встречены только на территории Карачаево-Черкесии (например, дуговые «арбалетовидные» фибулы с Домбайской поляны, табл. 15, рис. 7).

Итак, культура скифского времени Карачаево-Черкесии, как и в более ранние эпохи, носит смешанный характер. В ней прослеживаются

некоторые элементы скифской культуры, в гораздо большей степени элементы раннемеотской культуры Закубанья, но преобладают черты позднекобанской культуры, характерные для кабардино-пятигорского ее варианта.

Если судить по известным нам археологическим памятникам, на территории Карачаево-Черкесии в скифское время продолжали жить потомки носителей кобанской культуры. В этот же период на территории Карачаево-Черкесии присутствовал и меотский элемент, органически родственный носителям закубанской культуры, связываемой с ранними меотами. Может быть, это были потомки создателей прикубанской культуры, которая в более раннюю эпоху была представлена на территории Карачаево-Черкесии и которая, как отмечалось, связывалась с древнейшими предками меотов.

Проникновение носителей скифской культуры на территорию Карачаево-Черкесии (в пограничные районы степей и предгорий), может быть, и происходило, но пока точных доказательств этого в археологических материалах не имеется.

САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (III в. до н. э.— IV в. н. э.)

Термин «сарматский» в данном случае условный. Указанный период охватывает значительный отрезок времени — от появления сарматов на Северо-Западном Кавказе до гуннского нашествия, т. е. до эпохи раннего средневековья.

Археологическая культура этого периода обычно именуется меотской, меото-сарматской, сармато-меотской. Эта культура генетически связана с культурой местного населения предшествующего времени, однако в ней появляются элементы, характерные для культуры сарматов. Особенно отчетливыми элементы сарматской культуры становятся в первые века нашей эры. В различной степени проявляется влияние и античной культуры.

Меото-сарматская культура Восточного Причерноморья и Закубанья представлена укрепленными поселениями — городищами, грунтовыми бескурганными могильниками, курганными могильниками с различными типами погребальных сооружений.

Поселения меото-сарматской культуры (в основном первых веков нашей эры) открыты Н. В. Анфимовым у западных границ Карачаево-Черкесии, на р. Урупе, у станиц Советской, Бесскорбной, Попутной, Отрадной. Поселения представляют собой укрепленные городища. Так, на левом берегу р. Урупа, в районе ст. Советской, обнаружены четыре городища, овальных в плане, окруженных рвом. В культурном слое этих городищ найдены одноручные кувшины и миски (иногда с желобчатым бортиком), обломки горшков и небольших сосудов типа кружек и чаш, двуручные чаши, днища на кольцообразной ножке, ручки от канфарообразных сосудов. Попадались лепные крупные горшки с высокой шейкой и глиняные лампы. Встречены также каменные зернотерки, зерна обгоревшей пшеницы, кости коровы, лошади, овцы⁶⁷. Материал урупских и заурупских городищ подобен материалу из Усть-Лабинского могильника № 2 и других комплексов меото-сарматской культуры. По словам Н. В. Анфимова, урупские городища, судя по остаткам материальной культуры (своеобразные глиняные лампы, лепные горшки с высоким вертикальным венчиком), примыкают к Армавиру-Ладужской группе правобережных кубанских городищ⁶⁸.

Поселения и могильники сарматского времени известны и на терри-

тории Карачаево-Черкесии⁶⁹. Напротив Черкесска, на левом берегу Кубани, на южной окраине хутора Дружба, находятся два береговых мыса, на которых расположены городища, укрепленные рвами, — первое (северное) и второе (южное)⁷⁰. В 1968 г. экспедицией КЧНИИ под руководством автора этой работы были начаты раскопки на втором городище.

Обнаружен археологический материал, датируемый V—IV вв. до н. э. — II—III вв. н. э., в том числе обломки привозных амфор и местных сероглиняных сосудов, лепных и гончарных, глиняные пряслица и рыболовные грузила, костяные и роговые поделки, стеклянные и пастовые бусы, обломки бронзовых фибул и браслетов. К наиболее интересным находкам относятся изделия из голубой египетской пасты — рубчатые бусы и скарабей. Из каменных предметов назовем жернова, зернотерки, топорики. Весьма обилен остеологический материал — кости домашних и диких животных. Характер культуры меотский, хотя имеются и некоторые сарматские черты. Сарматским влиянием мы объясняем появление сосудов, ручки которых напоминают животных, вылепленных чаще всего схематично, но иногда и очень реалистично. Некоторые предметы из этого городища изображены на нашей табл. 16а (рис. 1—14).

Материал сарматского времени имеется на Учкуланском поселении. Керамика серая, лепная и гончарная, с лощеной поверхностью. Преобладают фрагменты мисок и кувшинов меото-сарматского типа. Найдены обломки кувшинов с зооморфными стилизованными ручками.

По дороге из Карачаевска в Кардоник, у 27-й шахты, обнаружен комплекс вещей: грушевидный кувшин (табл. 16б, рис. 18), миска, круглое зеркало с боковой ручкой (табл. 16б, рис. 20) и др. Особо следует упомянуть о двух серебряных Т-образных фибулах. На иглу одной из этих фибул был надет скарабей из голубой египетской пасты (табл. 16б, рис. 21). Около Карачаевска, у Таллыка и в районе Дружбинского городища найдены терракотовые позолоченные бляшки с рельефным изображением Деметры и Медузы Горгоны. Горгона представлена в архаической трактовке — язык высунут, лицо широкоскулое, уродливое (табл. 16б, рис. 15). Подобные же бляшки найдены в погребениях III—I вв. Усть-Лабинского могильника № 2⁷¹.

На р. Бижгон преподаватель Проваторов нашел комплекс вещей, в состав которого входили стеклянная чаша (типа изображенной на рис. 8, табл. 17б) и зеркальце с боковой ручкой. В карьере между курортом Теберда и аулом Верхняя Теберда в грунтовых могилах, перекрытых деревом, вместе с костями людей и лошадей обнаружены вещи II—III вв., в частности длинный прямой железный меч с опаловым навершием. В разрушенных каменных гробницах в районе аулов Учкулан и Хурзук Т. М. Минаевой и автором этой работы найдены вещи сарматского типа — зеркальца с боковой ручкой, однолезвийный кинжал-палаш и др.

Погребения сарматского времени открыты на р. Урупе. Одна из могил у ст. Советской была выложена сырцовым кирпичом⁷².

Довольно много находок сарматского времени — последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры — найдено у ст. Усть-Джегутинской. Любопытно, что в одной из грунтовых могил обнаружена бронзовая овальная пряжка с боковым отростком и тремя шишечками на рамочке (табл. 16б, рис. 16). Такие пряжки не характерны для Северо-Западного Кавказа, но очень обычны для Центрального Кавказа на втором этапе позднекобанской культуры — III в. до н. э. — III в. н. э.⁷³

У ст. Усть-Джегутинской в разрушенных могилах найдены также ве-

щи I—II вв. — глиняные кувшины и круглое зеркальце с боковой клиновидной ручкой, имеющие аналогии в сарматских поволжских погребениях⁷⁴.

Могильник позднесарматского времени исследован Т. М. Минаевой на третьей части городища Адиюх. Погребенные лежали в продолговатых ямах, стенки которых были обложены камнями или каменными плитами, поставленными на ребро. Скелеты ориентированы головой на запад. В одном случае женский скелет помещался на боку, в скорченном положении (как в Гилячском могильнике). Ноги другого были скрещены в голенях (как в могильниках IV—V вв. Байтал-Чапканском кактакомбном и Тамгацикском грунтовым). Инвентарь (аналогичный инвентарю из могил IV в. до н. э. Тамгацикского могильника) — кувшины со стилизованной зооморфной ручкой, Т-образные фибулы и др. Т. М. Минаева датирует этот могильник III—IV вв. и на его примере показывает связь между захоронениями позднесарматского и раннеаланского времени⁷⁵.

Интересный комплекс происходит из подземного дольменообразного склепа Коба-Баши между ст. Сторожевой и Преградной, осмотренного нами в 1961 г.⁷⁶ Покровные плиты склепа находились на глубине 0,40 м от поверхности земли. Стенки склепа образованы поставленными на ребро каменными плитами. В плане склеп прямоугольный, ориентирован с юга на север (табл. 17а, рис. 1, 2). В целом склеп похож на дольмен. Сходство с дольменом усиливалось из-за входа-лаза. Этот вход был детально изучен Л. Г. Нечаевой при осмотре склепа в 1966 г. Вход-лаз помещался в верхней части стенки, непосредственно под покровными плитами. Он имел почти прямоугольную форму с несколько закругленными внизу углами. Длина склепа 2,13 м (с юга на север), ширина — 1,84 м, высота от дна до покровных плит — 1,21 м. По рассказам местных жителей, в склепе было восемь костяков. Все лежали головой на север. Некоторые «лежали один на другом», т. е., очевидно, были сдвинуты при повторных захоронениях. Здесь же, в северной части, обнаружены кости животных (овцы и др.), галька и др.

Сосуды сероглиняные, лепные и гончарные. Сочетание лепной и гончарной посуды вообще характерно для меото-сарматской культуры⁷⁷. Большая часть сосудов имеет аналогии в комплексах меото-сарматской культуры первых веков нашей эры Северо-Западного Кавказа (например, кувшин с сосцевидными налепами, табл. 17а, рис. 5). Заслуживает внимания канфарообразная чаша (табл. 17а, рис. 3) — наиболее ранний предмет из всего комплекса. Не совсем сходные, но подобные этой чаше канфары встречены в погребениях третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника № 2 (III—I вв.)⁷⁸ и на Раевском городище⁷⁹. Предметом, датируемым наиболее поздним временем, является гончарный кувшин со сплюснуто-шаровидным туловом и кольцевой ручкой на нем (табл. 17а, рис. 7). Сходные кувшины обнаружены в Ясеново-полянском могильнике (случайная находка, по-видимому, IV—V вв.) и в Пашковском 1-м могильнике IV—V вв.⁸⁰ Фибулы «с подвязанной ножкой» (табл. 17б, рис. 13) относятся к II—III вв., остальные вещи — дисковидные зеркала, стеклянная чаша, стеклянные бусы, а также железные предметы (табл. 17б, рис. 12, 14—16) — датируются в пределах третьей и четвертой хронологических групп Усть-Лабинского могильника № 2 (т. е. от III в. до н. э. до II в. н. э. включительно).

Таким образом, инвентарь Коба-Башинского склепа датируется в пределах от III—I вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. Конечно, эта датировка очень широка, и при дальнейшем изучении будут найдены аналогии, которые позволят несколько сузить эти хронологические рамки.

Очевидно, этот склеп содержал повторные захоронения, служил местом успокоения представителей нескольких поколений (что обычно для склеповых сооружений Северного Кавказа), и поэтому такая широкая датировка комплекса вещей не должна удивлять.

Характер найденных предметов более меотский, чем меото-сарматский. Форма погребального сооружения — каменный дольменообразный склеп — местная, не сарматская. Наличие в погребении галек также говорит о принадлежности склепа скорее к меотской, нежели к сарматской, культуре⁸¹.

На территории Карачаево-Черкесии известны и курганные могильники сарматского времени. Таким могильником является могильник, расположенный в 17 км к западу от Кисловодска, в Мало-Карачаевском районе Карачаево-Черкесии, у аула Учкекен, часть курганов которого была доследована и раскопана экспедицией КЧНИИ под руководством автора этих строк в 1961 г.⁸²

Курганные насыпи в плане круглые или овальные. Иногда насыпь окружена рвом. Могильные ямы — в центре или в каком-либо поле кургана. В одной из боковых стенок ямы был вход в катакомбу. Катакомба иногда располагалась под углом к могильной яме (табл. 18, рис. 3). Находки в катакомбах скудные, так как катакомбы были ограблены в древности: колесовидный псалий, относящийся к I—II вв.⁸³, куски мелкокольчатой кольчуги, аналогичной кольчуге, обнаруженной в курганах Золотого кладбища в начале нашей эры⁸⁴, обрывки железной и бронзовой цепи, куски мела, обломки сероглиняных и красноглиняных сосудов местного изготовления, фрагменты сосудов из красной и розовой глины, очевидно, боспорского происхождения (табл. 18, рис. 4—6). Основываясь на этих датировках, считаем возможным отнести учкекенские подкурганные погребения к рубежу и началу нашей эры. Из перечисленных находок особенно интересна железная цепь. Подобная железная цепь (вместе с бронзовым котлом) найдена в кургане сарматского времени у ст. Курджипской, в Северском кургане; найдены также маленькие глиняные горшочки в катакомбах сарматского периода Нижне-Джулатского могильника⁸⁵.

По устройству погребальных сооружений Учкекенский могильник ближе всего к подкурганному катакомбному могильнику начала нашей эры на Средней Кубани, так называемому Золотому кладбищу. Вокруг насыпи курганов Золотого кладбища, в плане овальных, ров, погребения располагались иногда на периферии кургана, катакомбы часто под углом к могильной яме⁸⁶. Все эти признаки присущи и курганам Учкекенского могильника. Таким образом, есть основания считать учкекенские подкурганные катакомбные захоронения и подкурганные погребения Золотого кладбища памятниками одного круга.

В 5 км к западу от Учкекена находится аул Терезе. На южной окраине этого аула, на левом берегу Подкумка, расположен курганный могильник. Внешне курганы такого же типа, как и в Учкекене. Несколько курганов этого могильника были разрушены во время работ по добыче гравия. Погребальные сооружения под насыпями двух типов — катакомбы (такого же типа, как и в Учкекене) и прямоугольные ямы, стенки которых выложены камнями.

Из курганов этого могильника происходят: обломки сосудов — сероглиняных с лощеной, серой и коричневой поверхностью, красноглиняных; фрагменты амфор из розовой и желтой глины; обломки металлических сосудов — серебряных и бронзовых (в том числе фрагмент сосуда из тонкой листовой бронзы — в виде маски, изображающей кудрявую женскую головку, высотой 9 см); целые бронзовые сосуды — тазы,

ведра, котлы; обломки стеклянных сосудов, один из стеклянных сосудов имел ажурную серебряную оправу с растительным орнаментом, в основании оправы — надпись греческими буквами; железные орудия труда — топорики, обломок серпа; железное оружие — длинные (длинной 82 см) прямые мечи без перекрестья, трехлопастные черешковые наконечники стрел, обрывки кольчуги (как из Учкекена); принадлежности конского снаряжения, в том числе кольчатые удила — массивные, серебряные, с продолговатыми позолоченными бляшками, кольцо от конской уздечки (табл. 19, рис. 3); железный светильник в виде чаши; бронзовые украшения и принадлежности одежды — пряжки, узорчатая подставка для зеркала и др.

Вещи, обнаруженные в Терезинских курганах, имеют аналогии в курганах Золотого кладбища и в других комплексах Северо-Западного Кавказа, датируемых в пределах I — начала IV в.⁸⁷

Уникальной находкой является кувшин из серой глины позднесарматского типа, но с изображением на тулове лица и рук (табл. 19, рис. 6, а, б).

В кургане, находящемся между Учкекеном и Терезе, при строительных работах найден комплекс золотых и серебряных украшений с вставками из алмадина и цветного (преимущественно красного) стекла — пряжки, бляшки, подвески и др. (табл. 19, рис. 8—12). Этим вещам можно найти аналогии в погребениях IV в. н. э. Керчи и в других памятниках. В этом кургане обнаружены также угольки, кусочки стеклянных сосудов и обломок ручки глиняного сосуда в виде скобы с отростком (табл. 19, рис. 10). Такие ручки имеются на сосудах Тамга-цикского могильника из захоронений IV в. н. э.

Таким образом, в окрестностях Учкекена и Терезе в курганных могильниках, содержащих погребения в катакомбах и в прямоугольных ямах с каменной обкладкой, обнаружен богатый инвентарь, который мы можем датировать первыми веками нашей эры (от рубежа нашей эры до IV в. включительно).

* * *

Систематическое изучение памятников сарматского времени Карачаево-Черкесии еще только начинается, и пока трудно сказать что-либо определенное о характере поселений и погребальном обряде. Но уже теперь ясно, что обряд погребения и форма могильного сооружения в сарматское время на изучаемой нами территории были весьма разнообразными. В горных районах (например, в окрестностях Учкулана) в сарматское время местное население продолжало хоронить умерших в сооружениях типа каменных гробниц, как и в более древние периоды. На Урупе известны бескурганные погребения в грунтовых могилах и в гробницах, выложенных сырцовым кирпичом, — последние характерны для Тамани и для других районов Восточного Приазовья. Бескурганным погребением является подземный дольменообразный склеп Коба-Баши. Под курганными насыпями встречены катакомбы (Учкекен, Терезе) и прямоугольные ямы с каменной обкладкой (Терезе).

Подобное разнообразие в обряде погребения и в форме могильного сооружения, на наш взгляд, свидетельствует о пестроте этнического состава населения Карачаево-Черкесии в сарматское время.

В горных районах продолжало жить местное население, потомки носителей кобанской культуры, — им принадлежали и поселения и могильники типа учкуланских. Наличие же в этих районах некоторых вещей сарматского типа скорее всего объясняется обменом⁸⁸.

Грунтовые и сырцовые могилы на Урупе есть все основания считать меотскими — и по форме могильного сооружения, и по обряду погребения, и по инвентарю они сближаются с одновременными захоронениями среднего Прикубанья и более восточных районов⁸⁹.

Дольменообразный склеп Коба-Баши сооружен, по-видимому, в древнейших традициях дольменного строительства, также свойственных далеким предкам меото-адыгов. В этом погребении наблюдаются и некоторые другие черты, свойственные обряду и инвентарю меотских захоронений, в том числе и наличие галек. Многие предметы инвентаря Коба-Башинского склепа подобны меотским из Усть-Лабинского № 2 и других меотских могильников. Особенно показателен в этом отношении канфарообразный сосуд — такие сосуды характерны именно для меотской культуры и возникли у меотов в качестве подражаний античным образцам.

Итак, в сарматское время на территории Карачаево-Черкесии, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, продолжали жить древние местные племена, потомки носителей кобанской культуры, и древнейшие предки адыгов — меоты (или какие-либо родственные им племена).

Как же обстояло дело с появлением сарматских этнических элементов? Проникали ли сарматы на территорию Карачаево-Черкесии, и если проникали, то какие именно сарматские племена?

Как отмечалось, в предгорных районах Карачаево-Черкесии, таких, как окрестности станиц Усть-Джегутинской, Таллык и других, обнаружено довольно много предметов сарматского типа — некоторые из них относятся к последним столетиям до нашей эры, но большинство датируется первыми веками нашей эры. Может быть, погребения в районе ст. Усть-Джегутинской и в других равнинных и предгорных местностях Карачаево-Черкесии принадлежат сарматским пришельцам, хотя точно выяснить это можно будет только после установления и изучения погребального обряда этих предгорных захоронений. Возможность заселения Карачаево-Черкесии сарматами на рубеже нашей эры как будто бы подтверждается и письменными источниками. Так, Плиний Секунд сообщает о сарматском племени епагерритах. «В тылу его [города Питиунта] в Кавказских горах живет сарматский народ Епагерриты, а за ним — Савроматы»⁹⁰. Ю. С. Гаглойти и И. С. Каменецкий предполагают, что епагерриты жили на территории современной Карачаево-Черкесии⁹¹, которая через Клухорский и другие перевалы соединяется с Сухуми и Пицундой — древними Диоскурией и Питиунтом. Таким образом, территория Карачаево-Черкесии оказывается действительно «сзади», т. е. северо-восточнее Пицунды, в Кавказских горах. Конечно, и данные письменных источников, и археологические материалы, которые могут служить подтверждением пребывания сарматов на территории Карачаево-Черкесии, нуждаются еще в дальнейшем тщательном изучении.

Однако уже в настоящее время известны памятники, которые, на наш взгляд, являются достоверным доказательством пребывания в этих местах сарматов уже на рубеже нашей эры. Мы имеем в виду учкекенские и терезинские подкурганые катакомбные погребения, которые есть все основания связывать с одним из сарматских племен, а именно с аланами.

Большинством советских исследователей в настоящее время признано, что аланы в Предкавказье появляются в I в. н. э. и что именно этому сарматскому племени принадлежит катакомбная форма погребального сооружения⁹².

Подкурганные катакомбные погребения начала нашей эры тянутся по предгорьям Северного Кавказа от среднего Прикубанья (Золотое кладбище) до Чечено-Ингушетии (могильник Алхан-Кала). Одним из звеньев этой цепи и являются подкурганные катакомбы Учкекена и Терезе. Наиболее близкой аналогией этих могильников можно считать погребения Золотого кладбища. Но на Терезинском могильнике наряду с подкурганными катакомбами встречены одновременные им подкурганные погребения другого типа — в прямоугольных ямах с каменной выкладкой. Это сугубо местная форма погребального сооружения. Таким образом, на Терезинском могильнике в одно и то же время совершались захоронения как аланов, так и местных жителей. Такое совместное пользование одним и тем же кладбищем может говорить об отсутствии антагонизма между пришлым, аланским, и местным населением. Скорее всего уже с первых веков нашей эры какая-то часть аланских пришельцев, поселившихся в предгорьях Карачаево-Черкесии, стала сливаться с местными кавказскими племенами.

* * *

Археологические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что в эпоху раннего железа на территории Карачаево-Черкесии продолжалось развитие древних местных культур, основы которых были заложены еще в предшествующие тысячелетия. Судя по археологическим памятникам, местное население Карачаево-Черкесии в изучаемый период включало две основные этнические группы: 1) горские племена, носители кобанской культуры, и их потомки; 2) носители прикубанской культуры, обычно связываемые с древнейшими предками адыгов. Возможно, потомкам этих «прикубанцев» принадлежат памятники меотской культуры, открытые на Урупе и на Кубани у хутора Дружба. С предками адыгов скорее всего следует связать и подземный дольменообразный склеп Коба-Баши. Выше мы отмечали, что дольменная форма погребального сооружения была свойственна древнейшим предкам адыгов, тогда как для кобанской или сарматской культуры она не характерна.

Следует отметить, что далеко не всегда можно провести резкую грань между памятниками двух основных намеченных групп — кобанско-позднекобанской и прикубанско-адыго-меотской. В некоторых могильниках и особенно на поселениях мы наблюдаем сочетание элементов обеих культур — явление вполне закономерное при длительном мирном совместном проживании представителей различных этнических групп.

Судя по данным археологии, до рубежа нашей эры на территории Карачаево-Черкесии крупных включений иноплеменного элемента в местную этническую среду не было. Возможно, что в степные и предгорные районы проникали отдельные группы носителей скифской, а затем сарматской культуры, но точных данных для обоснования этого положения пока мы не имеем.

С рубежа нашей эры Предкавказье, в том числе и предгорные районы Карачаево-Черкесии, стали заселять сарматские племена алан — это документировано появлением подкурганных катакомбных погребений типа терезинских и учкекенских. В высокогорные местности Карачаево-Черкесии аланы до IV в. не заходили.

Памятники эпохи раннего железа, известные на территории Карачаево-Черкесии и в прилегающих к ней районах, свидетельствуют о

том, что население этих мест в тот период занималось земледелием, скотоводством, охотой; процветало керамическое производство; население было знакомо с добычей и обработкой металла — железа, а также и меди.

На всех поселениях в значительном количестве обнаружены каменные земледельческие орудия — овалы зернотерки, песты и др. На поселении скифского времени (Заслонкинском) в одной из печей найдены обуглившиеся зерна какого-то злака, по-видимому пшеницы. Обуглившиеся зерна пшеницы встречены на Урупских городищах сарматского времени. В одном из Терезинских курганов найден обломок железного серпа. Для хранения зерна использовались большие пифособразные сосуды, обломки которых во множестве попадались на поселениях.

Обычной находкой являются кости домашних животных — лошади, коровы, овцы. О разведении молочного скота и переработке молочных продуктов свидетельствуют обломки глиняных сосудов с дырочками; такие сосуды использовались для приготовления сыра. Занятия овцеводством подтверждают находки амулетов — бронзовых подвесок в виде бараньих головок. Охотничьими амулетами являлись бронзовые подвески, напоминающие по форме головки диких животных (медведя и др.).

Следы железоделательного производства обнаружены на Хумаринском поселении, керамического — на Заслонкинском, где открыта небольшая гончарная печь. Возможно, такая же печь была и на Хумаринском поселении, в раскопе III, где найден обломок сопла. О развитии металлодобывающего и металлообрабатывающего дела, совершенствовании керамического мастерства свидетельствуют значительные находки металлических изделий — железных и бронзовых — и глиняных сосудов довольно высокого качества, несомненно местного производства. В кобанское и позднекобанское время сосуды были лепные, но тщательно изготовленные из хорошо отмученной глины, часто лощеные, покрытые сложным и красивым орнаментом. В сарматское время (очевидно, с рубежа нашей эры) на территории Карачаево-Черкесии появляется глиняная посуда местного производства, сделанная на гончарном круге.

Найдены пряслица и иголки, что говорит об изготовлении ниток и шитье одежды. Сырьем служила овечья шерсть.

Для кобанского и позднекобанского времени характерны поселения открытого типа, без укреплений, расположенные, преимущественно на холмах. Открытые поселения были и в сарматское время (например, Учкуланское). С V—IV вв. в некоторых районах появляются укрепленные городища, защищенные рвами (на р. Уруп; на Кубани у хутора Дружба). Жизнь на этих городищах продолжается и в сарматское время. Жилища, очевидно, были турлучные, иногда на каменных фундаментах (Заслонкинское, Хумаринское поселения, раскоп V). Для обогрева и приготовления пищи в жилище устраивались печи (обнаружены в Заслонках), глинобитные, под у них был сложен на субструкции, состоявшей из слоя известковой крошки с мелкой галькой и отдельных фрагментов керамики. Субструкция пода отделялась от слоя плоских голышей, лежавших в основании печи, глиняной обмазкой⁹³. Кроме печей существовали и очаги, над которыми подвешивались металлические (очевидно, бронзовые) котлы на железной цепи. Бронзовые котлы обнаружены в Терезинских курганах, железная цепь — в Учкеевском кургане. В Закубанье, у ст. Курджипской, как отмечалось, найден бронзовый котел, скрепленный с железной цепью. Освещалось

жилище глиняными лампами и железными светильниками типа найденного в Терезе.

В позднекобанский период на территорию Карачаево-Черкесии стали проникать импортные вещи — бусы из стекла, сердолика, янтара, некоторые изделия из металла, например греческий шлем V—IV вв. с Домбайской поляны. IV—III вв. датируется золотая монета, найденная у аула Адиль-Халк, — статер Александра Македонского. В сарматское время количество импортных вещей резко возрастает: бронзовая и серебряная посуда античного типа (например, из курганов Терезе), стеклянные чаши, стеклянные бусы, бусы из различных полудрагоценных камней, другие украшения из полудрагоценных камней (навершие мечей, геммы и пр.), серебряные фибулы, серебряные пряжки, золотые пряжки и бляшки со вставками из полудрагоценных камней и цветного стекла, терракотовые бляшки с изображением Деметры и Медузы Горгоны, скарабеи, бусы, подвески из голубой египетской пасты, глиняная посуда (миски из розовой глины типа учкекенских), амфоры (очевидно, с вином) и т. д.

Импортные вещи в основном имеют греко-римский облик. Доставляться они могли через Боспор, но также и через Диоскурию. В Диоскурию путь вел через Клухорский перевал, который с глубокой древности использовался для связей с восточночерноморским побережьем. О значении Диоскурии как важного торгового пункта для населения Кавказа, в том числе и Северного, писал Страбон⁹⁴.

Говоря об общественном строе населения Северо-Западного Кавказа, в том числе и Карачаево-Черкесии, в эпоху раннего железа, мы должны отметить, что только у синдов сложились классовые отношения, возникло рабовладельческое государство (в V в. до н. э.). Для всех остальных племен Северо-Западного Кавказа рассматриваемая эпоха была временем становления и расцвета военной демократии⁹⁵.

¹ Е. И. Крупнов, Раннежелезный век, стр. 130.

² Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 11, табл. 3; его же, Раннежелезный век, стр. 338.

³ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 116—120; о памятниках VIII—VII вв. см. следующие работы А. А. Иессена: К вопросу о памятниках VIII—VII вв.; Некоторые памятники VIII—VII вв.; Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 11, табл. 3; его же, Раннежелезный век, стр. 332—333, 338.

⁴ Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, табл. 3, 14—16.

⁵ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 88—116. По терминологии А. А. Иессена, это памятники основной группы.

⁶ И. И. Аханов, Геленджикские подкурганные дольмены, стр. 139—149.

⁷ Там же, стр. 149; Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, стр. 11, табл. 3.

⁸ Н. В. Анфимов, Некоторые вопросы изучения.

⁹ Н. В. Анфимов, Протогеотский могильник.

¹⁰ Н. В. Анфимов, Протогеотский могильник, стр. 126. Некоторые предметы из Николаевского могильника показаны на нашей табл. 4, рис. 6—8.

¹¹ П. А. Дитлер, Могильники в районе п. Колосовка, стр. 140—144, 166.

¹² Е. П. Алексеева, Находки эпохи поздней бронзы, стр. 236—241.

¹³ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 89, рис. 15; стр. 90, рис. 17, 18; стр. 91, рис. 20, 4; Н. М. Егоров, Боргустанский клад 1941 г., рис. на стр. 293, внизу.

¹⁴ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 82, рис. 5, 1, 2.

¹⁵ Н. М. Егоров, Могильник у реки Эшкакон, стр. 136, рис. 58, 5.

¹⁶ И. И. Аханов, Геленджикские подкурганные дольмены, стр. 147, рис. 4, 8—10; Н. В. Анфимов, Протогеотский могильник, табл. IV, 7, 8.

¹⁷ Н. М. Егоров, Могильник у реки Эшкакон, стр. 137, рис. 59, 6.

¹⁸ Е. П. Алексеева, Позднекобанская культура, табл. XI, 28; Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, табл. 3, 24.

¹⁹ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 426, табл. 4, 5.

²⁰ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 93, рис. 22.

²¹ Н. М. Егоров, Могильник у реки Эшкакон, стр. 137, рис. 59, 2; Е. И. Крупнов, Древняя история, табл. 68, 2.

- ²² П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, рис. 55.
- ²³ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 240, табл. 33, 3.
- ²⁴ Н. М. Егоров, Могильник у реки Эшкакон, стр. 138, рис. 60, 2 (миска).
- ²⁵ Е. И. Крупнов, Древняя история, табл. 4, 8, 32.
- ²⁶ Т. М. Минаева, Археологические памятники Черкесии, стр. 277, рис. 4в; Б. Е. Деген-Ковалевский, Курганы в Кабардинском парке, стр. 213—317, табл. 11, 2, 2, и др.
- ²⁷ А. А. Формозов, Археологические исследования, стр. 58, рис. 15, 3. См. табл. 4, рис. 9 данной работы.
- ²⁸ Е. И. Крупнов, Древняя история, табл. 23, 2, 6.
- ²⁹ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов, Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.
- ³⁰ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 121.
- ³¹ Д. В. Деоник, Е. И. Крупнов, Змейское поселение, стр. 28—33.
- ³² И. И. Аханов, Геленджикские подкурганские дольмены, стр. 147, рис. 4, 11, 14; Е. И. Крупнов, Древняя история, табл. 9, 2, 3; 28, 3, 4; 34, 8.
- ³³ Я. А. Манандян, О некоторых проблемах истории, стр. 44—45; Е. И. Крупнов, Киммерийцы на Северном Кавказе; его же, Древняя история, стр. 56—59, 110—136; Л. И. Лавров считает, что киммерийцы двигались морским путем (Л. И. Лавров, О пути вторжения киммерийцев, стр. 223—225).
- ³⁴ Н. В. Анфимов, специально занимавшийся вопросом о киммерийцах на Северо-Западном Кавказе, отмечает следующее: «Общепризнанным в нашей советской литературе является то, что киммерийцы были основным доскифским населением нашего степного юга и что исходной областью их походов в Переднюю Азию являлось Предкавказье, точнее, Северо-Западный Кавказ. Но считать их аборигенами последнего, как делают некоторые исследователи, нет достаточных данных... В киммерийское время на Северо-Западном Кавказе, точнее, в Закубанье складывается древнемеотская культура аборигенного населения, принадлежащего к иберо-кавказской языковой группе, отличного от киммерийцев» (Н. В. Анфимов, Сложение меотской культуры).
- ³⁵ Н. В. Анфимов, Новые материалы; его же, Памятники сарматского времени.
- ³⁶ Н. В. Анфимов, Исследование памятников, стр. 71—72.
- ³⁷ Там же, стр. 72.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ В. П. Любчин, Находки скифской эпохи, стр. 253—261.
- ⁴⁰ Там же, стр. 258.
- ⁴¹ Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 17; ее же, Карачаевцы и балкарцы, стр. 10, табл. VIII, 3—6, 8; стр. 86—87.
- ⁴² Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 15, табл. 7—9; ее же, Племена позднекобанской культуры, стр. 47—48, табл. 4; Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 143, рис. 12; стр. 181.
- ⁴³ В Перкальском могильнике в мисках найдены бусы (Н. М. Егоров, Могильник скифского времени, стр. 61); в Ясеново-поляном могильнике обнаружено ожерелье из раковин каури (П. А. Дитлер, Могильники в районе п. Колосовка, стр. 132, 141).
- ⁴⁴ О сосудах на кольцевой ножке из Усть-Лабинского 2-го могильника см.: Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник, стр. 165, рис. 3; стр. 167, рис. 4, 6; стр. 176, рис. 8.
- ⁴⁵ Н. М. Егоров, Могильник скифского времени, стр. 54, рис. 17, 15 и др.; О. А. Артамонова-Полтавцева, Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 48, рис. 19, 6, 7; 22, 2 и др.
- ⁴⁶ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв., стр. 113, рис. 1; стр. 118, рис. 7.
- ⁴⁷ Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии, табл. 3, 33.
- ⁴⁸ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв., стр. 116, рис. 4; Б. Н. Граков, Техника изготовления наконечников стрел, стр. 72, рис. 1, 2.
- ⁴⁹ Ср. подобные украшения из Северной Осетии: из Корцы (МАК, VIII, табл. 26, 8); Западного могильника у сел. Кобан (Е. П. Алексеева, Позднекобанская культура, табл. XI, 56).
- ⁵⁰ Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы, стр. 8, табл. 1—3; ее же, Племена позднекобанской культуры, стр. 47—48, табл. 4.
- ⁵¹ ОАК за 1890 г., стр. 93, рис. 37; Е. П. Алексеева, Археологические раскопки, стр. 197; табл. 228, табл. V, 5.
- ⁵² И. З. Теплицкий, Исторические памятники Ставрополя, стр. 97; Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, табл. 4, 1. Материал находится в музее Тебердинского гос. заповедника.
- ⁵³ Греческие шлемы V—IV вв. обнаружены в нескольких местах Северо-Западного Кавказа. См.: П. А. Дитлер, Аттический шлем из станицы Темнолесской. На территории Карачаево-Черкесии, насколько нам известно, такая находка сделана впервые.

- ⁵⁴ А. Л. Нечитайло, Домбайские могильники, стр. 76—77.
- ⁵⁵ Там же, стр. 77.
- ⁵⁶ Е. П. Алексеева, Позднекобанская культура, табл. VIIIБ, 24.
- ⁵⁷ Из Казбекского клада: МАК, VIII, стр. 150, стр. 137; из склепов Нижней Рут-
хи: Е. П. Алексеева, Позднекобанская культура, табл. IXА, 5.
- ⁵⁸ Е. П. Алексеева, Позднекобанская культура, табл. I, 1.
- ⁵⁹ П. Д. Либеров, Хронология памятников Поднепровья, табл. 1, 84, 85;
В. И. Марковин, Скифские курганы у сел. Гойты, стр. 164, рис. 4, 5 — курган V в.
до н. э.
- ⁶⁰ В. И. Марковин, Скифские курганы, стр. 163, рис. 3, 2.
- ⁶¹ А. К. Коровина, К вопросу об изучении, рис. 10, 2.
- ⁶² ОАК за 1895 г., стр. 27—29, 130—134; К. Ф. Смирнов, Основные пути раз-
вития, стр. 8.
- ⁶³ Так, у хутора Рассвет, в районе Анапы, обнаружены подкурганные захороне-
ния VI—IV вв. в плитовых гробницах. Инвентарь местного типа. Ю. С. Крушкол
считает эти захоронения синдскими (Ю. С. Крушкол, Археологические исследования
древней Синдики, стр. 67—79).
- ⁶⁴ Н. В. Анфимов, Из прошлого Кубани, стр. 34.
- ⁶⁵ В. П. Шилов, Население Прикубанья.
- ⁶⁶ Е. П. Алексеева, Позднекобанская культура, стр. 195 и др.
- ⁶⁷ Н. В. Анфимов, Новые материалы, стр. 72—85; его же, Памятники сармат-
ского времени, стр. 88—93.
- ⁶⁸ Н. В. Анфимов, Новые материалы, стр. 77.
- ⁶⁹ Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культуры.
- ⁷⁰ В 1934 г. Дружбинские поселения обследовал П. Н. Шишкин. На втором Друж-
бинском городище (которое П. Н. Шишкин называет Дружбинским селищем № 1) был
обнаружен грунтовый могильник сарматского времени (П. Н. Шишкин, Материалы
к археологической карте Черкесской автономной области, лл. 3—62, табл. I—XVIII).
- ⁷¹ Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник, стр. 187, рис. 14, 27.
- ⁷² Н. В. Анфимов, Могильники сарматского времени, стр. 88—93.
- ⁷³ Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культур,
табл. XI, 68.
- ⁷⁴ А. Л. Нечитайло, Археологические разведки, стр. 313—314.
- ⁷⁵ Т. М. Минаева, Городище Адюх в Черкесии.
- ⁷⁶ Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культур,
стр. 143—158; 170—175, табл. 3—13.
- ⁷⁷ «Очерки истории Адыгеи», стр. 49.
- ⁷⁸ Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник, стр. 170, рис. 4—10.
- ⁷⁹ В. И. Сизов, Восточное побережье Черного моря, стр. 122, рис. 32, 33.
- ⁸⁰ П. А. Дитлер, Могильники в районе п. Колосовка, табл. VI, 1, 2; М. В. По-
кровский, Пашковский могильник № 1, стр. 167 — один из сосудов, изображенных
на рис. 8.
- ⁸¹ Гальки встречаются в меотских могилах с древнейших времен — в Николаев-
ском могильнике, в Пашковском 3-м могильнике, в погребениях IV—III вв.
(К. Ф. Смирнов, Меотские могильники, стр. 239, 296, 299); в могилах VI—V вв.
и III—I вв. Усть-Лабинского могильника № 2 (Н. В. Анфимов, Меото-сарматский
могильник, стр. 159, 169). Гальки обычно оказывались в головах и ногах погребенных
или в глиняных сосудах. В Коба-Башинском склепе они лежали в головах. Отметим,
что галек найдено восемь — столько же, сколько костяков.
- ⁸² Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культур,
стр. 158—164, 175—176, табл. 16—19.
- ⁸³ К. Ф. Смирнов, Северский курган, стр. 40; В. Б. Виноградов, Сарматы,
стр. 33.
- ⁸⁴ Э. Ленц, Описание оружия, стр. 123, рис. 5.
- ⁸⁵ Н. В. Анфимов, Позднесарматское погребение из Прикубанья, стр. 215;
К. Ф. Смирнов, Северский курган, стр. 16, рис. 9; М. П. Абрамова, Раскопки
Нижне-Джулатского могильника.
- ⁸⁶ Н. И. Веселовский, Курганы Кубанской области. Подугольные катакомбы
во время раскопок 1901 г. были им обнаружены под курганами 7, 16, 18, 22, 40.
См.: Отчет о раскопках в Кубанской области, Архив ЛОИА, ф. 1, 1901, № 193,
чертежи на лл. 44об. 46, 47, 48—49об., 54об.
- ⁸⁷ Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культур,
стр. 139—143, табл. 20—23.
- ⁸⁸ Некоторые предметы сарматского типа, такие, например, как зеркальца с боко-
вой ручкой, очевидно, в порядке обмена проникали в самые высокогорные районы Се-
верного Кавказа, где их и находят в сугубо местных захоронениях. Так, например,
такие зеркальца встречались в погребениях сел. Верхний Кобан, относящихся к позд-
некобанскому второму этапу, т. е. к сарматскому времени (Е. П. Алексеева,
Позднекобанская культура, табл. I, 13 и др.).

⁸⁹ Н. В. Анфимов, Памятники сарматского времени, стр. 88—93.

⁹⁰ Плиний Секунд, Естественная история, VI, 15.

⁹¹ В письме Ю. С. Гаглойти автору данной работы от 8 ноября 1966 г. Ю. С. Гаглойти высказывается в пользу сарматской принадлежности эпигерритов; И. С. Каменецкий, Отзыв на 1-ю главу макета I тома «Очерков истории Карачаево-Черкессии», март 1966 (машинопись). Этническую принадлежность эпигерритов в указанном отзыве И. С. Каменецкий не определяет. За консультацию приношу благодарность Ю. С. Гаглойти и И. С. Каменецкому.

⁹² Обстоятельная библиография по данному вопросу приведена в работе: Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культур, стр. 200—210. К названным в этой работе исследованиям А. А. Спицына, Ю. А. Готье, К. Ф. Смирнова, Л. Г. Нечаевой, В. А. Кузнецова, М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, В. Б. Виноградова и других авторов рекомендуем статьи, опубликованные в 1967—1968 гг.: В. Б. Виноградов, Археологические памятники, стр. 134—136; 140; М. П. Абрамова, Раннесредневековые погребения, стр. 153—156; е е же, Раскопки Нижне-Джуглатского могильника, стр. 94—95.

⁹³ Н. В. Анфимов, Исследование памятников раннежелезного века, стр. 72.

⁹⁴ Страбон, География, XI, 2, 16; е го же, Хрестоматия, XI.

⁹⁵ Е. П. Алексеева, Социальный строй, стр. 55 сл.

ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(V — первая половина XIII в. —
до монгольского нашествия)

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Бурные события рубежа античности и раннего средневековья — падение Римской империи, крушение рабовладельческого строя, нашествие иноплеменников — не обошли стороной и Северный Кавказ. В результате гуннского нашествия произошли изменения на этнической карте Северного Кавказа. Как известно, гунны в конце IV в. н. э. вытеснили алан из Предкавказья, и аланы заняли горы и предгорья Северного Кавказа от Лабы и Урупа до р. Ассы в Чечено-Ингушетии. Таким образом, территория Карачаево-Черкесии была заселена аланами. Продвижение алан из степных и предгорных районов Карачаево-Черкесии в более высокогорные можно проследить на материале аланских катакомбных могильников. Раннеаланские подкурганные катакомбы первых веков нашей эры (не позднее IV в.) известны только на грани степей и предгорий (например, у селений Учккен и Терезе, недалеко от Кисловодска). Катакомбы рубежа IV—V вв. были обнаружены в предгорных районах (например, могильник конца IV—V в. в местности Байтал-Чапкан, на самой высшей точке водораздела Кубани и Малого Зеленчука, к югу от горы Эльбурган). Более поздние, скальные катакомбы встречаются уже в таких высокогорных местностях, как верховья Урупа (у хутора Ильич) и верховья Лабы (на Большой Лабе, в Мошевой балке).

Данные об аланах, в том числе и населявших верховья Кубани и Зеленчуков, имеются в раннесредневековых письменных источниках.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ЭТНОГЕОГРАФИИ ЗАПАДНОЙ АЛАНИИ

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что верховья Кубани и Зеленчуков, т. е. территория нынешней Карачаево-Черкесии, являлись западной частью Алании. Так, из сообщений византийского автора VI в. Менандра можно сделать вывод, что владения аланского правителя Сароя находились в верховьях р. Кофина (Куба-

ни), недалеко от Аясилии (Абхазии) ¹. Другой автор VI в., Прокопий Кесарийский, замечает, что «за пределами абасгов, до Кавказского хребта, живут брухи, находясь между абасгов и аланов» ². Таким образом, владения алан помещаются где-то недалеко от абазгов. В соседстве с Абхазией были расположены и владения аланского царя Итаза (что вытекает из рассказа автора рубежа VIII—IX вв. Феофана Исповедника) ³. Масуди прямо говорит, что «народ, соседний со страной алан, называется абхаз» ⁴. Термины «аланы» и «Алания» так прочно закрепились за верховьями Кубани (нынешний Карачай), что сохранились здесь вплоть до XIX в. (см. гл. VI).

Исходя из сказанного, не остается сомнений в том, что западная ветвь алан обитала в непосредственном соседстве с абхазами, т. е. в верховьях Кубани и Зеленчуков.

Нерешенными остаются другие вопросы, важнейшие из которых следующие: во-первых, какая именно из аланских группировок населяла верховья Кубани; во-вторых, где проходила граница между верхнекубанскими аланами и закубанскими адыгами (кашак-касах); в-третьих, какие этнические группы кроме алан населяли верховья Кубани; в-четвертых, какие иноплеменные включения в состав населения верхнего Прикубанья наблюдались уже после прихода в эти места алан.

Для решения первого вопроса обычно привлекают известный отрывок из нового списка «Армянской географии VII в.»: «Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку. Во-первых, народ Агванов (не Албан), Ашдигор на юге. С ними вместе живут Хебуры, Кутеты, Аргвелы, Мардуйлы и Такуйры. За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем» ⁵.

Еще В. Ф. Миллер высказал весьма обоснованное предположение, что агваны — это часть алан, живущих в верховьях Кубани. Термин «агван» встречается еще в одном месте «Армянской географии VII в.»: «Между болгарами и Понтийским морем живут народы: Гарши, Куты и Сваны до г. Питиунта на морском берегу страны Авазов (Абазгов), где живут апшилы и абхазы до приморского своего города Севастополя и далее до р. Дракона, текущей из Агван (не Албании) и отделяющей Абхазию до страны Егер» ⁶. В. Ф. Миллер полагал, что р. Дракон — это Кодор, а термин «агван» внесен переписчиком по ошибке вместо термина «алан» ⁷. Таким образом, эти агваны-аланы жили где-то недалеко от истоков Кодора. Истоки же Кодора, как известно, находятся несколько юго-восточнее Клухорского перевала.

В новом издании «Армянской географии VII в.», выполненном С. Т. Еремянном, приведенный выше первый отрывок переведен следующим образом: «Племя аланов Аш-Дигор и к югу живущие вместе с ними хебуры и кудеты и аргуелы, т. е. Маргуелы и Скюмы, т. е. Такуеры» ⁸. Здесь термин «агван» заменен термином «аланы» и аланы отождествляются с ашдигорами. Такой же точки зрения в этом вопросе придерживается и Ю. С. Гаглов, который начало данного отрывка предлагает читать так: «Народ (или племя „аланов-ашдигор“ ⁹)», т. е. вместо названия «агван» стоит «аланы», частью которых были ашдигоры.

В. А. Кузнецов также полагает, что агваны — это западная часть алан ¹⁰.

Итак, агваны — это аланы, которые населяли высокогорные районы верховьев Кубани. Восточнее и, возможно, северо-восточнее агван

жили ашдигоры, а «*вместе с ними*» (курсив наш.—Е. А.) — хебуры, кутеты, аргвелы, мардуйлы и такуйры. Далее к востоку (и, очевидно, к северо-востоку) располагались аланы-ардозцы, которых исследователи, начиная с В. Ф. Миллера, согласно отождествляют с аланами, населявшими Орджоникидзевскую равнину в Северной Осетии, а также районы, расположенные к западу и к востоку от нее¹¹.

Из приведенного выше текста «Армянской географии VII в.» (в переводе К. П. Патканова) можно заключить, что хебуры и прочие названные племена жили вместе с агванами и ашдигорами, но не вместе с аланами-ардозцами. В переводе А. Сукри этот отрывок представлен несколько иначе: «Во-первых, албанцы (агваны) и ашдигоры, живущие вместе с ними; хебуры, кутеты, аргвелы, мардуйлы, такуйры»¹². Если следовать переводам К. П. Патканова и С. Т. Еремяна, то нужно признать, что хебуры и прочие перечисленные племена жили не в Восточной, а в Западной Алании вместе с аланами-агванами и ашдигорами, к югу от этих последних. В таком случае возможно, что некоторые из названных племен обитали вместе с агванами и ашдигорами и на территории Карачаево-Черкесии в более южных, т. е. более высокогорных, районах, чем аланы.

Таким образом, «Армянская география VII в.» в какой-то степени могла отразить сложный этнический состав населения верховьев Кубани и Зеленчуков и наряду с аланами указать названия каких-то местных, неаланских племен.

Весьма спорен вопрос об ашдигорах. Ряд исследователей название «ашдигор» предлагают читать как «ас-дигор» и отличают ас-дигоров от дигоров (вспомним, что в переводе К. П. Патканова кроме «ашдигор» названы еще и «дигоры»: «За Дигорами в области Ардоз...»). В «Очерках истории СССР» (III—IX вв.) предлагается следующая локализация четырех групп, которые считаются аланскими: агваны — в верховьях Кубани; ашдигоры (ас-дигоры) — в Кабардино-Балкарии; дигоры — в Западной Осетии, нынешней Дигории; собственно аланы — в Восточной Осетии, в области Ардоз, т. е. в долине, где расположен ныне Орджоникидзе¹³.

Большая часть авторов, занимающихся аланами, ашдигоров (ас-дигоров) отождествляют с дигорами и считают, что ашдигоры (ас-дигоры) являлись западной частью алан¹⁴.

По В. А. Кузнецову, дигоры — это местные, кавказские племена, населявшие горные районы верховьев Кубани и Кабардино-Балкарии¹⁵. Этноним «дигор», не объяснимый из иранского языка, «по-видимому, относился к автохтонной части населения верхнего Прикубанья»¹⁶. Следуя за В. И. Абаевым, предположившим, что «корень диг тождествен с дег в а-дег-е — черкесы», В. А. Кузнецов полагал возможным этноним «дигор» считать «адыгским по происхождению, что является лишним подтверждением правильности определения основного слоя населения верховьев Кубани как меото-адыгского»¹⁷.

Термин «асы», как известно, второе название алан. Согласно В. А. Кузнецову, в Алании существовали два союза племен — Аланский (восточный) и Асский (западный), связанный с верховьями Кубани. «Естественно будет предположить, — замечает В. А. Кузнецов, — что этот этноним (Аш-Ас.—Е. А.) принадлежал той группе сармато-алан, которые заселили район верхнего Прикубанья, т. е. второму основному этническому компоненту. Если это так, то в составном этнониме Ашдигор — Ас-Дигор — совершенно реально отразился и смешанный состав населения верхнего Прикубанья, и его этническая и языковая природа»¹⁸.

В. А. Кузнецов называет ашдигоров «древним иранским населением» верхнего Прикубанья. Наряду с этим древним иранским населением здесь археологически намечается, по-видимому, субстратный меото-адыгский слой и более поздние тюркские элементы. Ас-дигоры, ашдигоры, дигоры «Армянской географии VII в.», по мнению В. А. Кузнецова, были потомками сираков и предками осетин-дигорцев. Ас-дигоры населяли верховья Кубани, южные районы Пятигорья и Кабардино-Балкарии. Потомки же аорсов, аланы-ардозцы, носители катакомбной культуры и глиняных курильниц, занимали более северные районы Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии¹⁹.

Итак, судя по данным византийских авторов, аланы (вернее, их западная ветвь) обитали в непосредственном соседстве с Абхазией, т. е. в верховьях Кубани и Зеленчуков, на территории современной Карачаево-Черкесии. Исходя из показаний «Армянской географии VII в.», можно заключить, что в верховьях Кубани жили аланы-агваны и аланы-ашдигоры (ас-дигоры). Некоторые исследователи отождествляют агванов и ашдигоров. В отношении ашдигоров нам кажется близким к истине предположение В. А. Кузнецова о том, что ашдигоры — это этническая группа, образовавшаяся от смешения пришельцев — алан (асов) с местным, автохтонным населением верховьев Кубани. Это положение подтверждается археологическими материалами, о чем будет сказано дальше. Несколько противоречит этому положению то обстоятельство, что название «асы» закрепилось не за населением верховьев Кубани, а за этнической группой, расположенной значительно восточнее этих мест, а именно за балкарцами. Что касается Верхней Кубани, то, как уже отмечалось выше, за этой территорией закрепилось название «Алания», а за ее населением (карачаевцами) — «аланы», но не асы. Впрочем, здесь же следует оговориться, что карачаевцы и балкарцы в прошлом составляли один народ (см. гл. V), унаследовавший оба названия алан — и «аланы» и «асы».

Если для ответа на первый вопрос, какие именно аланы населяли верховья Кубани, мы находим некоторые материалы в «Армянской географии VII в.», то на второй вопрос — о границе между адыгами и аланами — письменные источники ответа не дают. Прокопий упоминает о зихах вслед за аланами и абазгами, т. е. о тех зихах, которые жили «на берегу Понта Евксинского»²⁰. Данные о закубанских зихах-адыгах у Прокопия мы не находим. Авторы X в. Масуди и Константин говорят не только о приморских, но и о закубанских адыгах, причем адыги рассматриваются как непосредственные соседи алан. «За царством аланов, — пишет Масуди, — находится народ, называемый кашак»²¹. Константин отмечает, что на восточном берегу Черного моря, от р. Укрух (рукав Кубани) до р. Никопсиса (Нечепсухо) простиралась Зихия. «Выше Зихии лежит земля, называемая Папагией, а выше той страны лежит так называемая Касахия. Выше же Касахии находятся Кавказские горы, а за горами — земля Аланская»²². Как мы видим, локализация адыгов, особенно закубанских (кашаков-касахов и папагов), имеющаяся в письменных источниках, весьма неопределенна и не представляет возможности выяснить, где же проходила граница между закубанскими адыгами и верхнекубанскими аланами.

Письменные источники не дают ответа и на вопрос о том, какие племена кроме алан жили в верховьях Кубани в период раннего средневековья. Правда, если придерживаться переводов К. П. Патканова и С. Т. Еремяна, то можно предположить, что некоторые из неаланских племен, названных «Армянской географией VII в.» (хебуры, куте-

ты, аргвелы, мардуйлы, такуйры), могли обитать и в верховьях Кубани. Однако какие именно из перечисленных племен жили на интересующей нас территории и к каким этническим группам они принадлежали, мы не можем указать: сведения «Армянской географии VII в.» об этих неаланских племенах слишком неопределенны.

Письменные источники не дают ответа и на четвертый вопрос — об иноплеменных включениях в местную этническую среду.

Как мы видим, сведения раннесредневековых письменных источников по этногеографии интересующей нас территории в изучаемый период весьма скудны и не позволяют с большей или меньшей полнотой осветить поставленные проблемы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Обратимся теперь к археологическим памятникам и попытаемся внести некоторую ясность в вопрос о том, каков был этнический состав населения Карачаево-Черкесии в эпоху раннего средневековья, какие этнические группы жили здесь с глубокой древности, когда и какие новые включения были в местную этническую среду. Ответ дают в основном материалы могильников, поэтому в настоящей главе речь пойдет главным образом об этом виде памятников. Памятники мы делим на три хронологические группы — V—VII вв., VIII—IX вв. и X — первая половина XIII в. (до монгольского нашествия). Территориально памятники будут перечисляться с запада на восток — по бассейнам рек (начиная с их истоков, т. е. с юга на север) ²³.

Характеристика памятников будет предельно краткой, так как раннесредневековым памятникам Карачаево-Черкесии посвящена работа Т. М. Минаевой, которая готовится к изданию.

V—VII века

К этому периоду относится ряд городищ и селищ. Наиболее ранним является Узун-Колское городище. Судя по расположенным около него могильникам, жизнь в нем началась с III в. и продолжалась до начала VIII в. Ко второй половине IV—V в. относятся селища в местности Тамгацик и у аула Карт-Джурт, а также нижний слой Гилячского городища. V—VII вв. датируется Казыл-Калинское селище. С VI в. началась жизнь на городище Адюх и на Эльбурганском селище, с VII в. — на городище Учкулька (Учкурка) ²⁴.

Могильники интересующего нас времени следующие:

1. Мошевая балка, расположенная в 5 км южнее пос. Курджинова, на правом берегу р. Большой Лабы. Скальные катакомбы, погребения в нишах, вырубленных в скале. Наиболее ранний материал, происходящий из этого могильника, датируется VI—VII вв. ²⁵.

Скальные катакомбы открыты Т. М. Минаевой в местности Бескес, несколько северо-западнее Мошевой балки, на левом берегу Большой Лабы.

2. Хутор Ильич на р. Урупе вне пределов Карачаево-Черкесии, но в непосредственном соседстве с ней. Скальные катакомбы с деформированными черепами (в Гамовском ущелье и на р. Куве). Материал датируется VI—VII вв. ²⁶.

3. Ст. Преградная. Близ этой станицы, в районе Круглого Яра, на р. Урупе, обнаружена группа вещей VI—VII вв. ²⁷.

4. Местность Боготобагде в окрестностях ст. Зеленчукской. В подземной каменной гробнице — вещи VI—VII вв.²⁸.

5. Тамгацкий могильник — на Северном холме, в 3 км севернее аула Жако и в 3 км восточнее правого берега Малого Зеленчука. Грунтовые погребения, покрытые каменными плитами, без наружных признаков. Есть деформированный череп и костяки со скрещенными голенищами. Иногда одна рука положена на таз. Материал IV—V вв.²⁹ (см. табл. 20а, б, рис. 1—11).

6. Катакомбный могильник в местности Байтал-Чапкан, между Эльбурганом и Кубиной. Есть деформированные черепа и костяки с перекрещенными голенищами. Найдена статуэтка из мела. Дата памятника — конец IV—V вв.³⁰.

7. Сентинский могильник — у Сентинского храма, на левом берегу р. Теберды, в 18 км южнее Карачаевска, над аулом Нижняя Теберда. Наземные и полуподземные гробницы, в фасадной части которых имелось четырехугольное отверстие. Подобные гробницы были и в пещерах, находящихся выше Сентинской горы. Среди прочего материала встречены вещи V—VII вв.³¹.

8. Гилячский могильник. Подземные гробницы с инвентарем IV—V вв. Есть деформированные черепа. Встречаются костяки со скрещенными голенищами и костяки (женские), лежащие в скорченном положении. Иногда одна рука положена на таз.³²

9. Могильник в Карачаевске. На западной окраине Карачаевска при строительных работах открыты подземные каменные гробницы. Материал относится к V—VII вв., хранится в музее Карачаево-Черкесского государственного педагогического института.

10. Урочище Куутум под горой Эльбрус. Подземные каменные гробницы, отмеченные на поверхности четырехугольными выкладками из камней. Дата — III—V вв.³³.

11. Могильник в местности Узун-Кол, в верховьях р. Уллу-Кам. Подземные гробницы с лежанками и грунтовыми могилами, дно которых посыпалось древесным углем. Черепа деформированные. Дата погребений — III—V и VI—VII вв.³⁴.

12. Могильники на горе Кльян-Кала, на правом берегу Кубани, в 8 км севернее аула Карт-Джурт. Подземные и полуподземные каменные гробницы. В некоторых из них имеется материал IV—VI вв.³⁵. Подобные же гробницы встречаются в этих местах и на левом берегу Кубани, в местностях Кой-Боулар, Ачи-Баши, Гара-Туз и др. В Гара-Тузе подземные гробницы обозначены на поверхности кругами из камней.³⁶

13. Могильники на р. Индыш. Наземные гробницы встречены по всему течению р. Индыш. Особенно много памятников в урочище Индыш-Баши и Сынла. На Индыш-Баши (между верховьями рек Индыш и Индыш-Артыкол) более 100 наземных гробниц с четырехугольными отверстиями в фасадной стене. Есть двухэтажные гробницы. В гробницах найдены вещи IV—VI вв.³⁷. В урочище Сынла обнаружены полуподземные гробницы с четырехугольным отверстием в фасадной части. В некоторых гробницах есть вещи VII в.³⁸.

14. Ущелье р. Мары. В разных местах при строительных работах здесь обнаружены подземные гробницы. В гробницах деформированные черепа и глиняная посуда IV—V вв. типа гилячской. Материал находится в музеях краеведения в Ставрополе и Черкесске.

15. Правый берег Кубани, окрестности пос. Шестая шахта (в 6 км к югу от Хумаринского городища). При земляных работах разрушен

каменный ящик с вещами IV—V вв. Материал поступил в КЧНИИ от С. Д. Мастепанова (табл. 21б, рис. 11—30).

16. Хумаринское древнее селище, раскоп III. Экспедиция КЧНИИ 1963—1964 гг. открыла здесь могильник типа Тамгацикского. Погребения грунтовые, покрытые каменными плитами.

17. Могильники в районе пос. Коста Хетагуров (б. Осетинско-Георгиевского на левом берегу р. Кубани, у Шоанинского храма). Подземные гробницы с деформированными черепами. Инвентарь V—VII вв.³⁹.

18. Ст. Усть-Джегутинская. Разрушенный могильник типа Узун-Колского и Гилячского⁴⁰.

19. Кызыл-Кала. В верховьях р. Джегуты, на холме, с западной стороны горного отрога, на котором находится башня Гошаях-Кала, к югу от могильника VI в. до н. э., о котором шла речь в гл. II. Найдены могилы продолговатой формы, выложенные по бокам мощными плитами, поставленными на ребро (см. рис. 1). На поверхности обозначены прямоугольными выкладками из камней. Находки V—VII вв.⁴¹.

Итак, для погребений V—VII вв., известных на территории Карачаево-Черкесии, характерно прежде всего то, что они не имели курганных насыпей и иногда обозначались на поверхности. Только в трех могильниках они обозначены на поверхности каменными выкладками: прямоугольными (Кызыл-Кала, Куутум) и круглыми (Гара-Туз). Могильные сооружения можно разделить на пять типов: 1. Грунтовые могилы, иногда покрытые каменными плитами (Тамгацик, Хумара, Узун-Кол и др.). 2. Наземные гробницы с входом в фасадной части, иногда двухэтажные (Индыш, Кльян-Кала, Гиляч — одна гробница). Эти гробницы можно назвать склепами. 3. Полуподземные гробницы. Под землей — тыльная часть. Входное отверстие — в фасадной части (Сенты, Кльян-Кала, Сышла). Этот вид погребального сооружения также можно причислить к склепам. 4. Подземные гробницы (Гиляч, Узун-Кол, Боготобагде, Куутум, Мара, у пос. Коста Хетагуров, Усть-Джегутинская, Карачаевск и др.). Некоторые из них имеют внутри полки. Склепами эти гробницы можно назвать только условно, так как у них нет бокового входа. 5. Катакомбы. Их для конца IV—VII вв. известно немного, но все же они есть — земляные в местности Байтал-Чапкан и скальные (Мошечая балка, Бескес, хутор Ильич). Возможно, что к VII в. относится часть земляных и скальных катакомб Рим-Гор-

Рис. 1. Кызыл-Кала. Могильник V—VII вв. Могила 1. Вид с юга на север. Экспедиция КЧНИИ 1960 г.

ского могильника и скальные катакомбы Хасаутского могильника (см. далее) ⁴².

Грунтовые могилы характерны для местного кавказского населения, в частности для меотов. Различные погребальные сооружения из камня также свойственны местным кавказским племенам с древнейших времен. Что же касается катакомб, то они, как отмечалось выше, характерны для сарматского племени алан. В катакомбах Байтал-Чапкана и Урупа отмечены и другие черты, присущие сармато-аланскому погребальному обряду: деформация черепов, скрещенные голени, наличие меловой статуэтки и др. Но здесь же следует отметить, что сармато-аланские черты в обряде и инвентаре отчетливо прослеживаются и в ряде некатакомбных захоронений: во многих могильниках мы встречаем деформированные черепа, скрещенные голени, руки, положенные на таз, уголь или толстый слой глины на дне могилы. В инвентаре имеются некоторые предметы, характерные для сармато-аланской культуры: глиняные сосуды с зооморфными ручками, металлические зеркала, длинные прямые мечи и железные крупные черешковые трехлопастные наконечники стрел сарматского типа.

Таким образом, в могильниках Карачаево-Черкесии конца IV—VII вв. можно проследить и местные и сармато-аланские черты.

VIII—IX века

Материал VIII—IX вв. обнаружен на городищах: Гилячском, Адигском, Учкульском (Учкурском), Индышском (Сынла), Рим-Горском и некоторых других, а также селищах: Эльбурганском, Бесленевском и др.

К VIII—IX вв. относятся следующие могильники:

1. Могильник в Мощевой балке — скальные катакомбы и погребения в нишах ⁴³, подземные каменные гробницы под навесом. Материал из этих гробниц датируется в основном VIII—IX вв. Покровные плиты гробниц на глубине 0,40—0,60 м от поверхности «пола» навеса. Стенки гробниц сложены из небольших каменных брусков и снаружи обмазаны глиной. В некоторых случаях дно выстлано каменными плитами. На дне гробниц лежала ржаная и пшеничная солома, на ней — грубая ткань, на которую клали покойного. Под головой подушка, набитая соломой. Погребения одиночные. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад, иногда на запад ⁴⁴.

В могильнике прекрасно сохранились ткани, а также деревянные, костяные и роговые вещи (табл. 24).

Материал VIII—IX вв. имеется в скальных катакомбах Бескеса, в балке Каменистой, на левом берегу р. Большой Лабы, несколько северо-западнее Мощевой балки.

2. Хутор Ильич. В погребениях балки Гамовской (характер погребальных сооружений не уточнен) найдены вещи VIII—IX вв. Хранятся в школьном музее хутора Ильич.

3. Могильники на р. Кривой. На мысу, образованном слиянием Кяфара и Кривой, обнаружен могильник — более 100 наземных гробниц. На правом берегу Кривой — другой могильник (более 50 наземных гробниц). В фасадной стене гробниц — четырехугольное отверстие ⁴⁵.

4. Нижний Архыз — на правом берегу р. Большого Зеленчука. Рядом с городищем, на склоне хребта Ужум, располагается могильник, состоящий из полуподземных гробниц, тыльная часть которых была углублена в склон. В фасадной части — отверстия. Могильник отно-

сится к VIII—XII вв. Около Нижнего Архыза имеются также разрушенные погребения с вещами VIII—IX вв.⁴⁶

5. Так называемый Зеленчукский клад, найденный под полом Северного зеленчукского храма. Очевидно, «клад» представлял собой комплекс вещей из погребения, накрытого сверху каменными плитами, скрепленными цементом. Среди золотых вещей, украшенных драгоценными камнями,—перстней, бляшек, бус, сережек, бубенчиков и др.—найден алмаз с арабской надписью армянского царя Ашота, IX в.⁴⁷

6. В Зеленчукском районе в разных местах обнаружены сосуды «салтовских» форм VIII—IX вв. (Карачаево-Черкесский областной музей. Коллекция доктора В. И. Телеги.)

7. Могильники на городище Адюх. Часть погребений третьей части городища Адюх датируется IX в. и позднее. Погребальные сооружения представляли собой удлиненно-прямоугольные ямы, стенки которых были обложены каменными плитами, поставленными на ребро, часть являлась подземными гробницами. Погребения дохристианские⁴⁸.

8. Ущелье р. Гоначхир. Здесь в 1909 г. Г. Прозрителев под скальным навесом обнаружил деревянные гробы, на которых были видны куски березовой коры. Костей в них не было. Г. Прозрителев предположил, что здесь трупы сжигались. Его предположение подтвердилось в 1910 г., когда на этом же месте был найден маленький гробик, обернутый в березовую кору, с пеплом и обгоревшими костями⁴⁹. В 1927 г. на поляне урочища Коначхир, под перевалом Клухор, близ слияния р. Коначхир (Гоначхир) с р. Аманауз, А. Н. Дьячков-Тарасов в пещере обнаружил погребение в ящике из березовой коры, содержащем золу. Там были обнаружены три браслета, клинок ножа, железное кольцо, два железных бубенца, очень большая железная фибула и черепок глиняной посуды⁵⁰. Железные фибулы датируются VIII—IX вв. Такие фибулы найдены, например, в могилах третьей группы Борисовского могильника. Очевидно, погребения с трупосожжением следует отнести к этому периоду.

9. Амгатинский могильник. Раскопан местными жителями. Вещи подобны найденным в Мощевой балке. Среди находок золотая византийская монета — солид Константина IV Погоната (668—685)⁵¹.

10. Могильники на Сентинской горе. Наземные гробницы. Полуподземные гробницы с четырехугольным отверстием в фасадной части. Подземные «каменные гробы», очевидно, каменные ящики⁵². Среди находок — серьга в виде неполного колечка с граненой головкой на одном из концов. Такие серьги на Северном Кавказе датируются VIII—IX вв.

На восточном склоне горы грунтовые могилы и могилы прямоугольные в плане, со стенками, обложенными камнями. Преобладающая ориентация — с юга на север. Материал в основном относится к VIII—IX вв., хотя есть и более поздние находки, например обломки стеклянных браслетов⁵³.

11. Река Индыш. Наземные гробницы с четырехугольным отверстием в фасадной стене. Найдены серьги со столбиком в виде нитки бус и другие вещи VIII—IX вв.⁵⁴.

12. Урочище Сылла. Скальные катакомбы, предположительно относимые к IX—X вв. Наземные гробницы с материалом IX—XII вв.⁵⁵.

13. Хасаутский могильник. Скальные катакомбы, погребения в нишах, в склепах и в каменных ящиках. Судя по инвентарю, значительная часть этих погребений относится к VIII—IX вв.⁵⁶.

14. Рим-Горский могильник. Катакомбы скальные; земляные, грунтовые могилы. В некоторых погребениях — материал VIII—IX вв.⁵⁷.

Особенностью Хасаутского и Рим-Горского могильников (так же как и могильника Мошевой балки) является хорошая сохранность деревянных, роговых и костяных предметов, в Хасаутском могильнике — тканей.

К VIII—XII вв. относятся скальные катакомбные могильники, исследованные Т. М. Минаевой в местности Токмак-Кая (окрестности Сары-Тюза), на городище Гиляч, близ аула Хурзук, на балке Кубрани, на водоразделе рек Малого и Большого Зеленчука, в ущелье Индыш-Баши и р. Кир-Кол и в других местах⁵⁸.

Итак, в VIII—IX вв. погребальные сооружения были те же, что и в предыдущую эпоху. Преобладали подземные гробницы, хотя довольно многочисленны были и наземные и полуподземные. Встречались грунтовые могилы, а также удлинённо-прямоугольные, стенки которых были обложены каменными плитами, поставленными на ребро. Как особенность именно этого периода следует отметить увеличение числа захоронений в скальных катакомбах. Именно VIII в. (и более поздними) датируется большинство известных в Карачаево-Черкесии скальных катакомбных захоронений. Погребённые обычно лежали в вытянутом положении, на спине. Ориентировка неустойчивая, но довольно часто встречается западная. Очень хорошее представление о погребальном обряде того времени даёт могильник под скальным навесом в Мошевой балке и на Рим-Горе. Почти во всех остальных могильниках VIII—IX вв. погребения разрушены и разграблены.

Х — первая половина XIII века

В этот период продолжается жизнь на городищах Адиевском, Гилячском, Учкурском, Рим-Горском и др.; на селищах Усть-Тебердинском, Эльбурганском, Зеленчукском и др. К этому времени относятся городища у аула Ахмет-Кая на Лабе, Урупское у хутора Ильич, ряд городищ на р. Кривой (Шпиль и др.), городища на Кяфаре; Верхне-Архызское, Нижне-Архызское, Хумаринское, Кубинское, Кызыл-Калинское, Дружбинское (см. гл. IV).

К этому периоду относятся христианские храмы и некоторые башни, известные в Карачаево-Черкесии.

Могильников интересующего нас времени открыто довольно много, гораздо больше, чем памятников этого рода более ранних эпох.

1. Мошевая балка. Некоторые погребения этого могильника относятся к X—XII вв.

2. Памятники на р. Бижгон (Бежгон). Каменные кресты с греческими надписями⁵⁹, каменные статуи «христианских рыцарей»⁶⁰, могильник, состоящий из нескольких десятков наземных гробниц в верховьях Бижгона⁶¹.

3. Памятники на р. Кяфар. В 16 км южнее ст. Сторожевой, на левом берегу р. Кяфар, открыт обширный могильник из наземных каменных гробниц — прямоугольных в плане, с двускатными покрытиями, с круглым или квадратным отверстием в фасадной части⁶². В Сторожевой и ее окрестностях обнаружены каменные кресты, некоторые с греческими надписями, каменные барельефы, плиты с геометрическими изображениями (кресты, кружочки с крестами в середине, трапеции, изображения в виде букв Н и У), каменные статуи — мужские и одна женская. Каменные гробницы и другие погребения, курганы, городища⁶³.

4. Памятники на р. Кривой. Наземные гробницы, часть которых содержат материал X—XII вв. Наземные дольменообразные склепы. Стены, сложенные из двух-трех хорошо отесанных массивных плит, покоились на каменном цоколе, иногда имевшем ступеньки. В передней стенке — круглое или овальное отверстие, перекрытие плоское (двускатное встречено один раз). На внешних стенах встречаются изображения людей, животных, птиц, кресты, тамги, геометрический орнамент, иногда культовые сцены. Особо отметим одинаковое во всех случаях изображение собаки: вытянутые вперед ноги, раскрытая пасть с длинным языком, торчащие уши и завернутый вверх хвост. Как справедливо замечает В. А. Кузнецов, такая трактовка на Северном Кавказе традиционна и известна еще в эпоху кобанской культуры. В. А. Кузнецов датирует эти склепы X—XII вв.⁶⁴

5. Могильник у сел. Верхняя Ермоловка, в местности Иордан. Вещи X—XII вв. (табл. 276, рис. 25—28).

6. Памятники в окрестностях аула Архыз в верховьях Большого Зеленчука. «Старое Жилище» (в 45 км южнее Нижнего Архыза) на правом берегу Большого Зеленчука. Среди прочих памятников здесь обнаружена зеленчукская плита, надпись на которой читается на основе дигорского диалекта осетинского языка и датируется X—XI вв.⁶⁵. «Церковная поляна» — в 3 км западнее аула Архыз. В этой местности имеются храмы и могильники.

7. Памятник у сел. Нижний Архыз. Городище с храмами и часовнями. В балке Подорванова — пещерные могильники с материалом X—XII вв.⁶⁶. В некоторых пещерных могильниках встречаются каменные или деревянные гробы⁶⁷. На склонах гор вокруг Нижне-Архызского городища обнаружены погребения в каменных ящиках⁶⁸, подземные, полуподземные и наземные гробницы⁶⁹; на территории самого Нижне-Архызского городища могильники с каменными ящиками, расположенные ярусами⁷⁰ (раскопки В. А. Кузнецова в 1960—1962 гг.). В частности, большой могильник с каменными ящиками, лежащими в несколько ярусов, находится у Северного зеленчукского храма. Могильник датируется XI—XIV вв.⁷¹. Подобные же каменные ящики, расположенные в два яруса, отмечены и при раскопках И. И. Мизиева в 1966 г. на левом берегу Большого Зеленчука, напротив Нижне-Архызского городища. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на запад (по христианскому обряду). Но в могилах были куски угля и мела, реальгар или толченый кирпич, у некоторых погребенных под головой каменные плиты. Это уже черты языческого, сармато-меотского обряда.

8. Сел. Нижняя Ермоловка. Могильники с каменными ящиками, в которых найдены стеклянные браслеты и другие вещи X—XII вв. (раскопки В. А. Кузнецова в 1954 г.).

9. Ст. Зеленчукская. В окрестностях этой станицы отмечены остатки каменных крепостей, каменные плиты, кресты и столбы, южнее по ущелью Большого Зеленчука — каменные статуи и кресты⁷².

10. Верховья Малого Зеленчука, Марухи и Аксаута. Гробницы наземные, полуподземные и подземные⁷³. У ст. Кардоникской — каменные плиты, обломки крестов⁷⁴.

11. Аул Жако. Правый берег Малого Зеленчука. Христианский могильник X в. Могилы узкие, прямоугольные в плане, трапецевидные в разрезе (см. рис. 2). Стенки могил обложены каменными плитами⁷⁵ (табл. 276, рис. 16—24).

12. Могильники в первой и третьей частях городища Адюх. Обряд погребения христианский, X—XI вв. Погребения узкие, вырубленные в

скале ямы, стенки которых обложены каменными плитами (в первой части городища); каменные ящики (в третьей части городища) ⁷⁶.

13. Аулы Алибердуковский и Хабез (б. Касай-Хабль). Погребения в каменных ящиках; скальные погребения; каменные кресты (отмечены Е. Д. Фелицыным на его археологической карте Кубанской области, изданной в 1882 г.).

Рис. 2. Жако. Могильник X—XI вв. Могила 13. Вид с востока на запад. Экспедиция 1953 г.

14. Ущелье р. Гоначхир. Погребения под каменными глыбами-навесами, где лед не тает даже летом.

15. Могильники на р. Муху. Материал IX—XII вв. из этих могильников находится в музее Тебердинского заповедника.

16. Ущелье р. Амгаты. Пещерные захоронения с мумифицированными телами. Материал (железные ножницы и пр.) не ранее X—XII вв. ⁷⁷.

17. Аул Верхняя Теберда. Остатки дольменообразных склепов того же типа, как на р. Кривой ⁷⁸.

18. Пещерные погребения в окрестностях Сентинского храма. В пещерах обнаружены «деревянные полати» и каменные гробы. Находки—стеклянные браслеты и прочие вещи—X—XIII вв. Есть мумифицированные трупы ⁷⁹.

19. В трех километрах к юго-востоку от Сентинского храма, в местности Кала-Сырты, часовня и могильник (небольшие каменные гробницы с четырехугольными отверстиями в передней части). Среди находок стеклянные браслеты ⁸⁰.

20. Могильники на склонах Сентинской горы, вокруг Сентинского храма. Наземные и полуподземные гробницы с отверстиями в фасадной части (см. рис. 3 и 4). Материал IX—XI вв. ⁸¹ Могила, вырубленная на плато скалы и на карнизе восточного склона, с вещами IX—X вв. ⁸² (табл. 26а, б, рис. 1—23).

21. Могильник на городище Гиляч. Могила IX—XI вв. представляют собой ямы удлиненно-четырехугольной формы, стенки которых выложены камнем, сверху могилы покрыты плитами (эти сооружения — разновидность подземных каменных гробниц) ⁸³.

22. Могильники на левом берегу р. Теберды. В двух-трех километрах выше слияния Теберды и Кубани находятся полуподземные гробницы с отверстиями в фасадной части; подземные гробницы; в двух километрах выше по Теберде — наземные и полуподземные гробницы. Среди находок обломки стеклянных браслетов.

23. На правом берегу Теберды, в пяти километрах южнее пос. Коста

Хетагуров (б. Георгиевско-Осетинского), гробницы с четырехугольным отверстием (наземные или полуподземные, из сообщения В. М. Сысоева неясно)⁸⁴.

24. Дардонский могильник — на юго-западной окраине Карачаевска, на левом берегу Теберды. Подземные каменные гробницы, прямоугольные в плане. Внутри гробниц в стенках ниши, а на дне гробниц слой золы. Погребенные в некоторых случаях помещались на досках. В могильнике встречены и каменные ящики, дно которых посыпано золой или углем. Костяки иногда лежали в скорченном положении. Одно погребение находилось в естественном углублении в скале.

Характерным типом погребального сооружения Дардонского могильника являются подземные каменные склепы. Вход в склеп — в виде полукруглого отверстия — находился в восточной (при ориентировке склепа с востока на запад) или в северной (при ориентировке север — юг) стене. Как отмечает А. К. Кузьминов, входное отверстие затыкалось пробкой из камня. В одном из склепов вдоль длинных стен были сооружены лежанки (каменные плиты, на них доски). Три склепа (в том числе № 22, раскопанный К. Т. Чагаровым) состояли из двух помещений, соединенных по длинной оси. В первом (северном) входа не было, в него можно было попасть только через верх. Из этого помещения в южное вел вход — через полукруглое отверстие, пробитое в стене. Над отверстием высечен крест, края плиты ступенчатые (табл. 31, рис. 1). Подобная плита есть в одном из склепов на р. Кривой. Один из склепов был двухэтажным.

Грунтовые погребения — овальные и прямоугольные ямы, покрытые каменными плитами. Среди погребенных в этом могильнике есть захороненные по христианскому обряду. Материал могильника датируется IX—XII вв.⁸⁵ (см. табл. 30—33).

25. Усть-Тебердинские могильники, по левому берегу р. Теберды. Они тянутся приблизительно на полтора километра от устья Теберды до балки за шахтой № 1. Могилы в грунтовой прямоугольной яме, выложенные по стенкам битым камнем (разновидность подземных гробниц). Узкие каменные ящики. Подбой в скале, наземные гробницы. Некоторые женские костяки имели слегка согнутые конечности. Инвентарь, IX—XI вв.⁸⁶.

Рис. 3. Наземная гробница на Сентинской горе. Экспедиция КЧНИИ 1959 г.

26. Истоки Кубани, левый берег Учкулана. В двух километрах выше слияния его с Хурзуком находится могильник, подобный Усть-Тебердинским⁸⁷.

27. Ущелье р. Мары. Подземные гробницы и другие виды погребальных сооружений. Из этих могильников происходят различные предметы, в частности железный серп⁸⁸.

28. Пос. Шестая шахта на правом берегу Кубани, в трех километрах южнее аула Хумары. Каменные ящики и другие погребальные

Рис. 4. Полуподземная гробница на Сентинской горе. Экспедиция КЧНИИ 1959 г.

сооружения. Краеведом С. Д. Мастепановым в этих местах найдено много натальных крестов, в том числе и относящихся к X—XIII вв.

29. Памятники в окрестностях аула Хумары. На правом берегу Кубани, рядом с Хумаринским городищем, обнаружены скальные катакомбные могильники (в балке Инал). На левом берегу Кубани, около Шоанинского храма и севернее его, наземные и подземные каменные гробницы и ящики, каменные кресты, иногда с греческими надписями, каменные плиты с изображением креста, зверей и геометрических знаков, надгробия в виде каменных столбов⁸⁹. В Шоанинском храме погребения в деревянных гробах и в гробах, сплетенных из прутьев⁹⁰. Близ Шоанинского храма пещерные погребения⁹¹.

На правом берегу Кубани, в двух километрах выше моста через Кубань, в б. Георгиевском поселке, в Шубертовой балке, погребение в скале, наземная гробница. Найдены стеклянные браслеты и другие предметы, относящиеся ко времени не ранее конца IX и не позднее начала XIII в.⁹².

30. Памятники у сел. Каракент, на правом берегу Кубани, в семи километрах к северу от сел. Коста Хетагуров. Каменные плиты без надписей и каменные кресты⁹³. На северной окраине Каракента христианский могильник. Могилы грунтовые, покрытые каменными плитами. Иногда стены могил обложены поставленными на ребро каменными плитами. В одном случае погребальное сооружение представляло собой подземную гробницу (см. рис. 5 и 6). Костяк помещался

на досках, лежащих на толстом слое глины, покрывавшем дно. В могилах много угля. В одном из погребений (детском) найден горшочек с ручкой. Дата находок — X—XI вв. (исследования Е. П. Алексеевой 1954 г., табл. 27а, рис. 1—15).

31. Памятники у аула Кубина на правом берегу Кубани, в 20 км южнее Черкесска, близ устья пересохшей речки Байтал-Чапкан. Остат-

Рис. 5. Каракент. Могильник X—XI вв. Могила 8. Экспедиция КЧНИИ 1959 г.

Рис. 6. Каракент. Могильник X—XI вв. Могила 8. Вид с запада на восток. Экспедиция КЧНИИ 1959 г.

ки древнего кладбища, каменные кресты, плиты с четырехугольными отверстиями (подставки для крестов), камни и плиты с изображением оленей, человека, крестов, греческих букв⁹⁴.

На Кубинском городище могильники разного типа и разных периодов. Там есть христианский могильник, относящийся примерно к XI в.: погребения в каменных ящиках. На поверхности могилы обозначались либо овальными бугорками, либо правильным кругом из битых камней. Над одной из могил подставка для креста. Из вещей, происходящих из этих могил, следует отметить пряжку-сюльгаму типа найденных в Саркеле в беловежском слое XI в.⁹⁵ На этом городище есть также кипчацкие курганы XII в., адыгские курганы XIV—XVI вв., могильник XVII в., предположительно ногайский (см. ниже).

32. Памятники по р. Индыш. На р. Индыш и в верхнем ее течении (которое именуется Марджа) имеются песчаниковые статуи, наземные каменные гробницы с четырехугольным отверстием в фасадной части. Стенки гробниц сложены из нескольких каменных брусков, скрепленных глиной. Крыша из нескольких плит, образующих пирамиду⁹⁶. В местности Джащатык-Кала, в шести километрах к востоку от пра-

вого берега Кубани, на р. Мардже,— наземные гробницы с четырехугольным отверстием в фасадной части.

Более 100 наземных гробниц (в том числе и двухэтажных) открыты В. М. Сысоевым в местности Индыш-Баши. Перекрытия двускатные, преобладают пирамидальные. Стенки гробниц промазаны глиной, смешанной с навозом⁹⁷.

Наземные гробницы по Индышу осматривались и частью обследовались в предвоенные годы и во второй половине 60-х годов⁹⁸. Часть этих гробниц И. М. Мизиев датирует IX—XII вв. (см. стр. 85).

К VIII—XII вв. относятся скальные катакомбные погребения, обследованные Т. М. Минаевой в верховьях балки Шубшурук, в местности Токмак-Кая, у городища Гиляч, близ аула Хурзук, в балке Кубранской, на водоразделе рек Большого и Малого Зеленчуков, в ущельях Индыш-Баши и в местности Бескес. Часть скальных и земляных катакомб Рим-Горского могильника также датируется XII—XIII вв. Всего на территории Карачаево-Черкесии известно более 500 скальных катакомбных погребений. Есть они и восточнее Карачаево-Черкесии, но именно для территории Карачаево-Черкесии этот вид погребальных сооружений наиболее типичен.

Итак, для интересующего нас периода наиболее характерны следующие формы погребального сооружения:

1. Подземные гробницы, иногда с нишами и полками, без бокового входа.

2. Наземные и полуподземные гробницы (иногда двухэтажные), с отверстием в фасадной части. В некоторых случаях стенки гробниц сложены из камня на глиняном растворе и обмазаны снаружи и внутри глиной. Так как эти гробницы имеют вход в боковой стенке, то их можно назвать и наземными склепами.

3. Каменные ящики, длинные и узкие, предназначенные для одного погребения, причем погребенный, как правило, в вытянутом положении в отличие от каменных ящиков кобанского и позднекобанского времени, широких, прямоугольных, иногда близких в плане к квадрату, предназначенных для одного или нескольких погребений, в которых погребенный — в скорченном положении.

4. Узкие ямы, прямоугольные, сигаровидные или овальные, стенки которых были обложены по краям каменными плитами, поставленными на ребро.

5. Грунтовые ямы, как правило, овальные, без каменной обкладки. Иногда покрывались каменными плитами, положенными вдоль или поперек.

6. Дольменообразные наземные склепы (реки Кривая, Верхняя Теберда) встречались реже.

7. Подземные склепы с боковым входом. Иногда состояли из двух помещений, причем одно из них являлось как бы входной ямой, или «колодцем», как это характерно для земляных катакомб (сопоставление Л. Г. Нечаевой). Средневековые подземные склепы известны нам только в Дардонском могильнике.

На поверхности подземные погребальные сооружения отмечались бугорками из камней, кругами или четырехугольниками из камня, а также каменными надгробными сооружениями, характерными для христианского погребального обряда — каменными крестами, плитами, столбами, иногда с греческими надписями. В Кубинском могильнике в одной из могил найдена каменная подставка для креста.

Каменные ящики и грунтовые ямы, как обложенные камнем, так и без камня, предназначались для одиночных захоронений, остальные

погребальные сооружения — для коллективных (иногда парных) разновременных погребений. В некоторых случаях встречались в них и одиночные захоронения.

Ориентировка неустойчивая, хотя западная — характерная для христианского обряда — встречается весьма часто. Положение погребенных, как правило, вытянутое, на спине. Иногда руки скрещены на груди или на животе либо одна рука лежит на груди или на животе. Помимо вытянутых скелетов встречены чуть скорченные костяки, обычно на правом боку. Такие погребения были как коллективные, так и одиночные, женские и мужские. Поэтому предположение Т. М. Минаевой о том, что в скорченном положении клали только женщин в парном с мужчиной захоронении, кажется нам несостоятельным.

Из других особенностей обряда укажем обычай класть покойных на доски — такой же обряд наблюдался и в Балкарии, в захоронениях XI—XII вв., осмотренных нами в 1959 г. в могильнике Байрым у аула Верхний Чегем. В погребениях на дне часто находят слой золы или угля, изредка слой глины. В Нижне-Архызском могильнике кроме угля найден толченный кирпич, реалгар и мел. В этом же могильнике под головой погребенного иногда находили каменную плитку. С подобным явлением мы встречаемся в левобережном Зеленчукском могильнике, напротив Нижнего Архыза и в поздней группе могил Адиухского могильника.

В погребениях, совершенных по христианскому обряду, в ряде случаев почти не встречалось вещей, что весьма характерно для этого обряда. Но в значительном числе захоронений, также христианских (например, в ряде погребений Дардонского могильника), обнаружено много вещей, среди которых и оружие. Вообще надо сказать, что христианский обряд в верховьях Кубани далеко не всегда и не везде соблюдался строго и последовательно, об этом свидетельствует не только наличие оружия, керамики и других вещей, но и отсутствие строгой западной ориентировки, различное положение покойного, не соответствовавшее христианскому обряду.

Для данного периода (так же, впрочем, как и для VIII—IX вв.) характерны различные виды скальных захоронений. Их можно разделить на две группы — погребения в естественных углублениях скал и захоронения в искусственных углублениях.

К первой группе относятся погребения в расселинах скал, под скальными навесами, в естественных пещерах, ко второй — погребения в скальных катакомбах и нишах. Последние часто напоминают ниши и пещеры естественного происхождения, и иногда трудно бывает определить, является та или иная ниша делом природы или рук человеческих.

В скальных погребениях естественного и искусственного происхождения погребенные лежали на доске, на бересте, на слое угля и, наконец, в каменных гробницах. Весьма часто в этих захоронениях мы находим деревянные (обычно дубовые) гробы. Так, например, в Рим-Горских скальных катакомбах XI—XII вв. погребенные лежали в деревянных гробах⁹⁹. Другой особенностью скальных захоронений является хорошая сохранность тканей, деревянных и роговых изделий. Иногда обнаруживались мумифицированные тела людей и животных. Объяснялось это сухостью и хорошей естественной вентиляцией.

При изучении археологических памятников верховьев Кубани, в частности могильников, бросается в глаза их многообразие. Объясняется это не только различными религиозными верованиями, но и пестротой этнического состава населения.

Выше уже отмечалось, что верховья Кубани являлись западной частью средневековой Алании. В таком случае здесь должны были жить собственно аланы, как таковые, — носители иранской речи, катакомбно-го обряда погребения и других особенностей материальной и духовной культуры, которые исследователи обычно связывают с аланами.

То, что иранская речь издавна звучала в верховьях Кубани, доказано на основании топонимического материала лингвистами В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым¹⁰⁰. Зеленчукская надпись X в. свидетельствует о том, что носители иранской речи населяли верховья Кубани и в интересующее нас время. Как уже отмечалось выше, эта надпись читается на основе дигорского диалекта осетинского языка¹⁰¹.

Как далеко на запад распространялась территория, населенная носителями иранской речи? Наибольшее количество топонимов иранского происхождения встречается в верховьях Кубани примерно до Лабы. Западнее Лабы насчитывается только шесть иранских топонимов¹⁰². Следовательно, Лабу в известной степени можно считать лингвистическим рубежом между территориями распространения адыгской и иранской речи. На восток от верховьев Кубани также зафиксированы иранские топонимы, в частности на территории Балкарии.

Что же говорят археологические памятники об ираноязычном населении Карачаево-Черкесии, в частности об аланах, для которых характерен обычай погребать своих умерших в катакомбах?

Наиболее западным районом, где встречены средневековые катакомбы, является Большая Лаба — могильники в Мощевой балке и в местности Бескес, которая находится на левом берегу Большой Лабы. Если это действительно самая крайняя точка распространения аланских катакомб на западе, то тогда границей между аланами и адыгами в данном районе следует считать не водный рубеж Большой Лабы, а горный отрог, отделяющий долину Большой Лабы от долины Малой Лабы. В таком случае справедливо предположение Д. Иловайского, основанное на данных Константина Багрянородного, о том, что между Касахией и Аланией находился какой-то горный отрог¹⁰³. Подтверждается и указание Константина о том, что «выше Касахии находятся Кавказские горы», что территория Касахии вплотную примыкала к горному хребту. Действительно, бассейн Большой и Малой Лабы расположен в очень высокогорной местности. Далее на север граница между адыгами и аланами могла проходить и по водному рубежу — Лабе. Но средневековые археологические памятники этой местности еще не исследованы, так что пока приходится довольствоваться только лингвистическими данными, говорящими в пользу этого положения.

Долгое время в верховьях Кубани был известен только один катакомбный могильник — Байтал-Чапканский конца IV—V вв. Это дало повод некоторым исследователям, в частности В. А. Кузнецову, преуменьшить роль аланского элемента в верховьях Кубани¹⁰⁴. Однако последние исследования Т. М. Минаевой, открывшей на Верхней Кубани очень много скальных катакомб, справедливо связываемых ею с аланами¹⁰⁵, заставляют пересмотреть вопрос об удельном весе алан в составе населения этих мест в средние века. Сотни скальных катакомб, сосредоточенных в верховьях Кубани и характерных именно для этой территории, могут говорить только о том, что процент алан в населении верхней Кубани был очень значительным.

Жили ли на территории Карачаево-Черкесии кроме алан и другие ираноязычные племена, потомки других сарматских племен? Ведь черты сарматского обряда погребения (деформация черепов, скрещенные голени, обычай класть руки на таз, уголь и глина на дне могил)

встречаются не только в катакомбных погребениях, но и в могилах другого типа, известных на Верхней Кубани. Так, в Адихских могилах III—IV вв., представлявших собой продолговатые ямы, стенки которых были обложены камнями или каменными плитами, поставленными на ребро, отмечен случай захоронения умершего с перекрещенными голенями (см. гл. II). В Тагацикском могильнике IV—V вв. в грунтовых могилах под каменными плитами помещались костяки с перекрещенными голенями, с кистями рук, положенными на нижнюю часть живота. Костяки лежали на толстом слое глины. Отмечен случай деформации черепа. В Гилячских подземных гробницах IV—V вв. встречены костяки с перекрещенными голенями и с кистями рук, положенными на таз, черепа погребенных деформированы. В Узун-Колских подземных гробницах IV—V вв. черепа погребенных также деформированы. В подземных гробницах и грунтовых могилах VI—VII вв. того же могильника дно было посыпано древесным углем, черепа костяков деформированы. Ориентация неустойчивая — есть западная, юго-западная, восточная. В инвентаре ряд предметов сармато-аланской культуры, кувшины с зооморфными, сильно стилизованными ручками, орнаментированные металлические зеркала с петлей на оборотной стороне и некоторые другие вещи.

В. А. Кузнецов, как отмечалось выше, считает, что в верховьях Кубани жили потомки сираков, предки дигорской группы осетин¹⁰⁶. Не отрицая того, что на территории современной Карачаево-Черкесии могли жить не только аланы, но и потомки других сарматских племен, в частности сираков, мы должны сказать, что прочных археологических доказательств этого положения пока не имеется.

Сармато-аланские черты погребального обряда в некатакомбных погребениях середины I тысячелетия н.э. не могут служить достоверным свидетельством принадлежности этих могильников каким-то сарматским, неаланским племенам. Скорее всего более правильным будет другое объяснение: не все аланские группы сумели сохранить присущую им форму погребального сооружения — катакомбу. Поселившись среди местных племен, некоторая часть алан восприняла от местного населения отдельные формы погребальных сооружений, сохранив при этом ряд черт своего погребального обряда.

Попытка связать Нижне-Архызский могильник XI—XIV вв. с потомками сираков, сделанная В. А. Кузнецовым, на наш взгляд, кажется неубедительной, о чем мы скажем дальше.

И наконец, пока у нас нет достоверных доказательств проникновения на территорию Карачаево-Черкесии других сарматов, кроме алан, в сарматское время. Как мы показали в главе II, с аланами можно связать подкурганые катакомбные могильники рубежа нашей эры в Учкене и Терезе. С другими же сарматскими племенами, в частности с сираками, пока не связывается ни один из памятников сарматского времени, известных на территории Карачаево-Черкесии.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении археологический материал дает основание утверждать, что в период раннего средневековья аланы в верховьях Кубани жили и удельный вес их в составе населения Верхней Кубани в то время был достаточно высоким. Может быть, кроме алан здесь жили и другие ираноязычные племена, в том числе потомки сираков, но этот вопрос еще нуждается в дальнейшей разработке.

Однако нельзя полагать, что в верховьях Кубани в эпоху раннего средневековья жили только одни аланы. Еще в 1960 г. нами было высказано мнение, что раннесредневековое население Кубани было сме-

шанным, состоящим из местного, коренного населения и пришельцев — алан¹⁰⁷. Эта точка зрения была принята В. А. Кузнецовым¹⁰⁸ и другими исследователями.

В главах I и II мы отмечали, что в кобанское и позднекобанское время в верховьях Кубани жили носители двух культур — кобанской и прикубанской, связанной с древнейшими предками адыгов-меотов¹⁰⁹. Далее, в сарматское время на территории Карачаево-Черкесии мы также находим как потомков древних «кобанцев», так и древних предков адыгов — какую-то этническую группу, родственную меотам. С ними мы связываем городище у хутора Дружба и подземный дольменообразный склеп в Коба-Баши, в котором кроме канфарообразных сосудов и других вещей, свойственных сармато-меотской и собственно меотской культуре, имелись и гальки. Гальки — характерная часть меотского обряда погребения.

С вторжением алан в горы Карачаево-Черкесии какая-то часть местного населения могла быть уничтожена, а какая-то вытеснена со своих первоначальных мест обитания. Но нельзя истребить или вытеснить все население значительного района, весьма густо заселенного до прихода алан, как показывают археологические памятники. Особенно трудно сделать это в горной местности, где местные племена, гонимые неприятелем, всегда могут найти убежище в труднодоступных, высокогорных ущельях. Поэтому естественнее считать, что значительная часть местного населения — как потомки «кобанцев», так и древнейшие адыги — продолжала жить в верховьях Кубани и в аланское время. Аланы и аборигены частью смешались, частью же продолжали сохранять свое этническое лицо, что и нашло отражение в археологических памятниках.

Итак, местное коренное население — это, во-первых, потомки «кобанцев» и, во-вторых, протоадыги.

Дать какое-либо другое название потомкам «кобанцев», более конкретное, связанное с какой-либо исторически известной этнической группой, мы затрудняемся. Кобанский субстрат явился как бы основой для формирования не одного, а нескольких северокавказских народов — карачаево-балкарцев, осетин и вайнахов (чеченцев и ингушей). Выше мы указывали, что характерными видами погребальных сооружений в верховьях Кубани в эпоху средневековья были: каменные ящики; могилы, отмеченные на поверхности прямоугольными выкладками из крупных камней, заполненными мелкими камнями; прямоугольные ямы, стенки которых были обложены каменными плитами, поставленными на ребро, или крупными камнями; грунтовые ямы овальной формы без каменной обкладки, иногда покрытые каменными плитами; подземные каменные гробницы без бокового входа. Но в таких сооружениях хоронили в этих местах и в эпоху бронзы и в кобанское и в позднекобанское время. Так, в курганах II тысячелетия до н. э. известны грунтовые погребения, покрытые плитами (Адыге-Хабль) и плитняковые гробницы (Эркин-Юрт, Усть-Джегутинская). К кобанскому времени принадлежат погребения в каменных ящиках у аула Инжиччукун. VI в. до н. э. датируются каменные ящики Тамгацкского (древнего) могильника и прямоугольные и овальные в плане ямы, обложенные по краям крупными камнями (Тамгацк, Кызыл-Кала, Учкулан). Рецидивом более древних эпох является обычай погребать умерших на боку, в скорченном положении, встреченный в могилах, выложенных каменными плитами, в каменных ящиках и в подземных гробницах (в могильнике III—IV вв. на Адиухском городище и в раннесредневековых могильниках — Гилячском, Усть-Тебердинском, Дардонском).

В ряде вещей аланской культуры Северного Кавказа, в том числе и верховьев Кубани, сохраняются сарматские формы. К таким вещам относятся длинные прямые мечи без перекрестья, крупные железные трехлопастные наконечники стрел, металлические зеркала, фибулы с «подвязанной» ножкой, зооморфная ручка у глиняных сосудов. Но не менее отчетливо выступают особенности, корни которых можно найти только в кобанской культуре. Так, многие детали в формах и орнаменте керамики обычны не для сарматской культуры, а для местной культуры еще с кобанского времени. Например, для кобанской культуры характерны ручки с трапецевидной площадочкой в верхней части, сосцевидные налеты на тулове сосудов, геометрический орнамент — треугольники, заполненные косыми линиями, семечковидные вдавлилки и др. Подобные же виды орнамента и подобные детали сосудов мы встречаем и у сосудов аланского времени (см. табл. 37).

Бронзовые украшения в виде кругов с четырьмя спицами, пряжки с изображением оленей и других животных, столь характерные для кобанской культуры, обычны и для комплексов аланской культуры (табл. 37, рис. 1—13). Большой интерес в этом отношении представляют булавки и ухвертки, увенчанные бараньей головкой (типа найденной нами в Сентинском могильнике, табл. 26, рис. 17). Ухвертки — чрезвычайно характерная вещь для комплексов аланской культуры. А баранья головка, их украшающая, сделана в традициях кобанской культуры, для которой обычны бронзовые привески в виде головки барана. Как мы уже отмечали, изображение собаки на «дольмене» XI—XII вв. на р. Кривой выполнено в типично кобанском стиле. Кобанские формы сохраняют некоторые другие предметы, например извещены железные топоры, имеющие форму бронзовых кобанских ¹¹⁰.

Все сказанное позволяет заключить, что аланская культура Северного Кавказа, в том числе и Карачаево-Черкесии, имеет кобанскую основу. Другими словами, в создании средневековой аланской культуры наряду с аланами активное участие приняли и местные племена, потомки древних «кобанцев». Как отмечалось выше, часть «кобанцев» могла смешаться с аланами — этим, очевидно, и объясняется появление таких могильников со смешанным местным и сармато-аланским обрядом, как Тамгацикский, Гилячский и некоторые другие. Однако значительная часть местного населения на протяжении всего раннего средневековья продолжала сохранять свой «кобанский» погребальный обряд и многие другие черты материальной и духовной культуры.

До сих пор мы говорили о той части верхнекубанского местного населения, которая генетически связывается с древними «кобанцами». Но ведь до прихода алан, а затем вместе с аланами в верховьях Кубани жили и протоадыги. Каким образом их этнические особенности отражались в раннесредневековых археологических памятниках Верхней Кубани?

Прежде всего, некоторые из перечисленных нами форм погребальных сооружений могли в одинаковой степени принадлежать как потомкам «кобанцев», так и меото-адыгам. К таким общим формам могут относиться узкие длинные каменные ящики, каменные гробницы без бокового входа, погребения в ямах, стенки которых были обложены каменными плитами, грунтовые могилы. Известно, что на восточном побережье Черного моря синдо-меоты в скифское время хоронили своих умерших в плитняковых гробницах (курган у Анапы, у хутора Рассвет); в период позднего средневековья восточнопричерноморские адыги погребали своих умерших под курганами в узких длинных каменных ящиках (см. ниже). В Закубанье, в горных районах, меоты в сармат-

ское время хоронили своих покойников в ямах, стенки которых были выложены каменными плитами (подкурганые погребения у ст. Бесленевской). Этот обычай существовал в тех местах у адыгов и в период средневековья (например, погребения под скальными навесами у ст. Баркаевской). В предгорных местностях меоты с древнейших времен хоронили умерших в грунтовых могилах.

Подобные сооружения из камня бытовали и у носителей кобанской культуры, а грунтовые могилы — у сарматов.

Но в верховьях Кубани встречается такой вид погребальных сооружений, который можно связать только с адыгами — для «кобанцев» и сармато-алан он не характерен. Речь идет о наземных гробницах с боковым входом и дольменообразных склепах, которые В. А. Кузнецов с полным основанием, как нам кажется, считает древнеадыгскими¹¹¹.

По нашему мнению, к этой группе памятников, продолжающих дольменную традицию, можно отнести и подземные сооружения, такие, как дольменообразный склеп сарматского времени Коба-Баши и подземные гробницы с боковым входом (или склепы) Дардонского средневекового могильника.

Следует вспомнить и еще об одной особенности адыгского обряда — обычае класть голову покойника на каменную плитку. Следы этого обычая отмечены в Нижне-Архызском могильнике XI—XIV вв. и в некоторых других могильниках. Еще в древности меоты клали под голову покойника глиняную миску¹¹². Этот обычай возрождался у адыгов и в более позднее время. Так, в адыгских курганах XIII—XV вв. встречаются костяки, под голову которых был подложен черепок глиняного сосуда, медные и серебряные блюда, каменные плитки, деревянные дощечки (стр. 182).

Говоря об этой особенности Нижне-Архызских погребений, а также о других языческих элементах обряда — наличии в могилах угля, мела, реальгара, толченого кирпича, В. А. Кузнецов пишет следующее: «Языческие особенности обряда весьма интересны, ибо они дают возможность сделать предположения относительно этнической принадлежности могильника. Древесный уголь, реальгар и мел характерны для меото-сарматских могильников Прикубанья первых веков н.э.; подкладывание миски под голову погребенного (у нас миска заменена плиткой) также характерно для меотских могил Прикубанья. Таким образом, зафиксированные нами пережиточные языческие черты погребального обряда позволяют исследованный у северного храма могильник связать с адыгским населением — прямыми потомками смешанного меото-сарматского населения Прикубанья первых веков н.э.»¹¹³. В своей более поздней работе В. А. Кузнецов Нижне-Архызский могильник предположительно связывает не только с «адыгским населением», но и с «христианизированным местным населением сармато-сиракского происхождения»¹¹⁴. В эту среду, по его мнению, проникали и меото-адыгские этнические элементы, чем и может объясняться наличие каменных плиток под головой у некоторых погребенных. Но в данном случае обычай подкладывать под голову плитку В. А. Кузнецов не считает определяющим. К более важным он относит такие признаки, как наличие мела, угля, реальгара и толченого кирпича. Эти признаки, по мнению В. А. Кузнецова, могут говорить о том, что данный могильник мог принадлежать и далекому потомкам сарматов, в частности сиракам. Согласиться с этим трудно, так как наличие в могиле реальгара и толченого кирпича, т. е. красящего красного вещества, характерно не только для сарматов. В верховьях Кубани, как и во многих других местах, красная краска в погребении встречается еще в эпоху меди и бронзы (например,

в курганах III—II тысячелетий у ст. Усть-Джегутинской). Что касается мела и угля, то наличие их в могилах действительно характерно для сарматского обряда погребения. Однако нет никаких оснований считать эти черты именно сиракскими. Это общесарматские черты, которые наблюдаются и у сираков, и у аорсов, и у алан¹¹⁵. Пережитки этого обряда сохраняются в эпоху средневековья — вспомним, что в Байтал-Чапканских катакомбах найдена меловая статуэтка, а угольная подстилка отмечена в Змейских катакомбах. Поэтому правильнее было бы считать погребальный обряд Нижне-Архызского могильника местным, по-видимому адыгским, включающим черты и аланского обряда.

Есть ли адыгские черты в инвентаре раннесредневековых памятников Карачаево-Черкесии? В могильниках встречались отдельные сосуды адыгского типа, например бутылковидный сосуд в Узун-Колском могильнике¹¹⁶ и кружка с боковым сливом (с «носиком на себя») из катакомбы мебельной фабрики у Кисловодска, за пределами Карачаево-Черкесии, но в непосредственном соседстве с Мало-Карачаевским районом¹¹⁷. Однако эти единичные сосуды скорее всего могли попасть сюда в результате обмена с адыгами, жившими западнее Лабы, в Закубанье и Восточном Причерноморье. Более массовым материалом являются обломки красноглиняных сосудов с полосатым и сетчатым лощением, найденные на городищах Карачаево-Черкесии — Кубинском, Хумаринском и других — в слоях X—XIII вв. Как мы показали в другой нашей работе¹¹⁸, полосатое и сетчатое лощение на красноглиняной посуде характерно именно для адыгской раннесредневековой (и позднесредневековой) керамики. Красноглиняная керамика, принадлежащая аланской культуре позднего этапа раннего средневековья, обычно украшалась орнаментом из врезанных линий (линейный узор, волна и др.). Далее, по словам В. М. Сысоева, в одном из поселений Зеленчукского района найдена красноглиняная керамика, украшенная валиками, на которых сделаны вдавления овальной формы. Керамика датируется X—XIII вв. Подобная же керамика найдена на восточном побережье Черного моря, на Раевском городище, в крепости Мамай-Кале, около Сочи, и в других местах¹¹⁹. Подобный орнамент не характерен для аланской керамики X—XIII вв., но обычен для адыгской керамики этого времени и более ранней¹²⁰.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что раннесредневековой керамике верховьев Кубани и Зеленчуков, относящейся к аланской культуре, присущи особенности, которые роднят эту керамику с адыгской раннесредневековой посудой более западных районов.

В связи с вопросом о возможности проживания адыгов в верховьях Кубани в эпоху раннего средневековья необходимо коснуться и интереснейшего могильника в Мощевой балке. Там есть катакомбы, которые связываются с аланами. Но есть погребения и иного рода — под скальным навесом, в подземных прямоугольных каменных гробницах. Обычай хоронить покойников под скальными навесами в прямоугольных ямах, обложенных камнями, существовал и у закубанских адыгов (например, погребения под скальными навесами у ст. Баракаевской)¹²¹. Инвентарь погребений под скальным навесом Мощевой балки несколько напоминает инвентарь Баракаевских подскальных захоронений. Впрочем, во многом это может объясняться значительной общностью материальной культуры, существовавшей в VIII—IX вв. на большой территории. Но здесь интересно другое: изучая черепа из Мощевой балки, В. П. Алексеев пришел к выводу, что, «по-видимому, антропологический тип, представленный в материале из Мощевой балки, и был той основой, на которой сформировались физические осо-

бенности предков современных адыгов, оставивших могильники XIV—XVI вв.»¹²².

Таким образом, и антропологический материал подтверждает положение о том, что в эпоху раннего средневековья адыги жили среди алан и других племен в верховьях Кубани, на р. Лабе и к востоку от нее — в пределах территории западного варианта аланской культуры, выделенного В. А. Кузнецовым.

О пребывании предков абазин в верховьях Кубани в эпоху раннего средневековья пока трудно сказать что-либо определенное. С предками абхазцев и абазин мы считаем возможным связывать обряд кремации (см. гл. V). Отдельные случаи трупосожжения, относящиеся, по-видимому, к раннесредневековому времени, на территории Карачаево-Черкесии зафиксированы в ущелье правого притока р. Теберды — Гоначхира, на пути от Клухорского перевала. Если связать эти трупосожжения с протоабазинами, то можно предположить, что отдельные протоабазинские племена уже в эпоху раннего средневековья проникли через перевалы (например, Клухорский) на территорию современной Карачаево-Черкесии, хотя вряд ли эти включения в местную этническую среду были особенно значительными.

Переходим к вопросу о заселении верховьев Кубани тюркскими племенами. Эпизодические случаи проникновения тюрков на Верхнюю Кубань, очевидно, имели место еще в VI в. Так, в 568 г. византийское посольство во главе с Земархом было направлено к правителю тюрков Западно-Тюркского каганата Дизабулу-Истеми. На обратном пути Земарх вместе с ответным посольством Истеми прошел на восточный берег Черного моря через владения аланского правителя Сароя (Сарозия, Сародия)¹²³. Эти владения были расположены в верховьях р. Кюфина (Кубани).

Между 567 и 571 гг. тюрки Западно-Тюркского каганата овладели Северным Кавказом. Очевидно, в конце 80-х годов VI в., во время смут в каганате, они отошли обратно, на восток. По словам предводителя этих тюрков Турксанфа, сына Истеми, в числе подвластных им народов были и аланы¹²⁴. Основной территорией обитания тюрков Турксанфа было Приазовье и Предкавказье, но, возможно, тюрки в тот период проникали и в Аланию, в частности на Верхнюю Кубань, хотя прямых доказательств этого пока нет.

В середине I тысячелетия н. э. в Предкавказье появились болгары, принадлежавшие к тюркоязычным племенам. После смерти предводителя болгар Кубрата, во второй половине VII в., часть болгар ушла на Дунай, часть — на Волгу. В последние годы было высказано предположение, что какая-то группа болгар в это время могла проникнуть в некоторые районы Северного Кавказа, вплоть до Кавказского хребта¹²⁵.

В настоящее время многие исследователи считают, что особый тип глиняной посуды — так называемые котлы с внутренними ушками, или внутренними ручками (см. табл. 23 а, б, рис. 4, 12), — принадлежит болгарам¹²⁶. Действительно, подобные котлы найдены только в районах, которые связываются с расселением отдельных групп болгар: 1) в Нижнем Подонье, на Таманском полуострове, в Северном Приазовье — на поселениях салтово-маяцкой культуры; эта территория или, во всяком случае, значительная часть ее входила в приазовскую Великую Болгарию; 2) в Среднем Подунавье, в частности Дунайской Болгарии. Указанное обстоятельство позволяет считать гипотезу о болгарской принадлежности котлов с внутренними ушками весьма правдоподобной.

В. А. Кузнецов обратил внимание на то, что котлы с внутренними ушками имеются и на Северном Кавказе. Датируются они VIII в. и позднее и сосредоточены в районе Кисловодска. Таким образом, заключает В. А. Кузнецов, есть основание полагать, что болгары действительно к началу VIII в. проникли на Северный Кавказ и поселились в окрестностях нынешнего Кисловодска¹²⁷. Автор данной работы разделяет этот вывод В. А. Кузнецова.

Благогатные районы Пятигорья издавна привлекали пришельцев. Вспомним, что именно здесь, в долинах Эшкакона и Подкумка, поселились первые аланские племена, проникшие на территорию Карачаево-Черкесии на рубеже нашей эры, еще до гуннского нашествия. Таким же образом могли поселиться здесь и болгары на рубеже VII—VIII вв. Одним из центров их расселения, очевидно, было Рим-Горское городище. На нем обнаружена самая большая концентрация котлов с внутренними ушками. Так, в 1961 г. нами в небольшом раскопе, заложенном на Рим-Горском городище (24 кв. м, глубина 0,50 м), обнаружено более 30 внутренних ушек и около тысячи обломков стенок котлов данного типа. Это был преобладающий вид керамики. И только изредка попадалась сероглиняная и краснойглиняная керамика, обычная для поселений Карачаево-Черкесии X—XII вв.¹²⁸. Отдельные находки котлов с внутренними ушками известны и в других местах Карачаево-Черкесии, причем сосредоточены они в основном на правом берегу Кубани: в таких местах, как Джеганас, Джегута, Кызыл-Кала, Учкулька, Хумара (вне Хумаринского городища), городище напротив Карачаевска, на Индыше, в урочище Сынла. Попадались обломки таких котлов и западнее этой территории, например на городищах Адюх и Гиляч.

Наиболее ранняя из известных находок обломков котлов с внутренними ушками сделана нами на Кызыл-Калинском селище, материал которого, весьма близкий Узун-Колскому, относится к VII в., может быть, к рубежу VII—VIII вв.¹²⁹. Так, например, на этом селище найдены обломки сосудов с сосцевидными налечами. Подобные сосуды бытуют до конца VII в., в VIII в. они исчезают (табл. 23, рис. 3—10).

Таким образом, если признать справедливость гипотезы о проникновении на Северный Кавказ болгар в конце VII — начале VIII в., тогда следует заключить, что болгары жили в восточных районах нынешней Карачаево-Черкесии, в долинах Эшкакона и Подкумка. Может быть, часть болгар проникла и западнее, на правобережье Кубани, от Усть-Джегутинской до Индыша. Но, может быть, появление котлов с внутренними ушками на правом берегу Кубани объясняется лишь тесными взаимосвязями между жителями правобережья Верхней Кубани и их непосредственными соседями — «кисловодскими» болгарями.

На правом берегу Верхней Кубани есть памятник, достоверно свидетельствующий о пребывании здесь тюркоязычного населения в IX—X вв., — мы имеем в виду тюркские рунические надписи IX—X вв., обнаруженные на внутренней стороне блоков, из которых была сложена оборонительная стена Хумаринского городища¹³⁰. А. М. Щербак относит знаки западнотюркской рунической письменности, к которой принадлежат и хумаринские надписи, к так называемому печенежскому алфавиту. Оставить надписи Хумары, по его мнению, могли болгары, печенеги хазарские или хазары¹³¹. В. А. Кузнецов создателями хумаринской письменности считает древних болгар¹³².

В верховьях Кубани есть еще один вид памятников, который можно связать с тюрками, — это статуи воинов, на шлемах и на плечах которых высечены кресты (табл. 25, рис. 9). Лицо статуи не монголоидное, как у кипчакских каменных баб, а удлиненное, европейского типа.

Судя по высеченным на статуях крестам, эти статуи следует датировать не ранее X в. (начало распространения христианства в этих местах). В более ранние периоды подобных статуй на Северном Кавказе не было. По мнению В. А. Кузнецова, эти статуи можно сопоставить с некоторыми тюркскими статуями VII—IX вв. Южной Сибири, Монголии и отчасти Средней Азии. На этом основании В. А. Кузнецов делает вывод, что указанные статуи верховьев Кубани могут принадлежать какому-то тюркскому племени, пришедшему вместе с половцами-кипчаками из Центральной и Средней Азии в верховья Кубани¹³³. Мы считаем, что если нижней датой появления этих статуй считать X в., а половцы-кипчаки пришли в южнорусские степи только в середине XI в. (а в горные районы Северного Кавказа — еще позднее), то можно предположить, что каменные статуи данного типа принадлежат какому-то тюркскому племени, которое проникло в верховья Кубани еще до кипчаков, в период расцвета в этих местах христианства, и под влиянием местного населения приняло христианскую веру.

И в заключение раздела о тюркском населении Верхней Кубани в эпоху раннего средневековья скажем несколько слов о половцах-кипчаках¹³⁴. Специально этим вопросом в отношении Ставрополя, и в частности Карачаево-Черкесии, занималась Т. М. Минаева¹³⁵. На территории Карачаево-Черкесии ей удалось выделить небольшую, но очень выразительную группу археологических памятников, которую можно связать с половцами-кипчаками.

У аула Кубина расположены городище и могильник X—XI вв., о котором шла речь выше. На площади городища обнаружено еще несколько разнородных и разновременных могильников, в том числе несколько курганов, которые Т. М. Минаева справедливо считает половецкими. Насыпи небольшие и невысокие (диаметр от 4 до 7 м, высота от 0,2 до 0,5 м). Могилы, располагавшиеся под центром насыпи, имели овальную форму и были обложены булыжником. Костяки лежали вытянуто, на спине, головой на запад и северо-восток. Рядом с захоронениями людей были погребения коней. Иногда находили целый конский костяк, иногда — его части (табл. 39, рис. 1). Сличая археологические признаки, выделенные С. А. Плетневой для пяти групп погребений, Т. М. Минаева приходит к заключению, что кубинские курганы ближе всего к четвертой группе — группе половецких курганов. Совпадают такие черты погребального обряда, как наличие каменной обкладки насыпи (курган № 1), положение погребенных, их ориентировка, форма могильной ямы, отсутствие керамики и наличие костей коня. В кубинских курганах нет деревянных гробов и надмогильных перекрытий, но, как отмечает С. А. Плетнева, не в каждом погребении встречаются совокупно все признаки. Курганы находились на поселении X—XI вв., следовательно, заключает Т. М. Минаева, они могли возникнуть не раньше самого конца XI в. В то же время эти курганы не могут датироваться позднее XIII в., так как в XIV в. и в последующие века на этом месте жили адыги, на что указывает адыгский курганный могильник XIV—XVI вв., расположенный здесь же, на территории Кубинского городища¹³⁶.

В 1957 г. на южной окраине аула Икон-Халк автором этой работы был осмотрен разрушенный курган высотой 0,6 м, диаметром 8 м. В этом кургане кроме человеческих костей найдены обломки железных предметов, в том числе фрагменты железного стремени с петлей, пробитой в его вершине, типа стремени, происходящего из половецкого кургана XII в. у хутора Каменка Винницкой области¹³⁷. По-видимому, курган у аула Икон-Халк также можно считать половецко-кипчакским, так

как аланы не хоронили умерших под курганами. Адыгские же курганы на этой территории датируются временем более поздним — начиная с XIV в. Кроме того, согласно обряду погребения адыгов, живших в период позднего средневековья на территории Карачаево-Черкесии, стремясь и другие принадлежности конской упряжи в могилу класть не полагалось.

Т. М. Минаева перечисляет также отдельные находки предметов, которые можно считать половецкими, — костяные и деревянные наклад-ки от седел с кружковым орнаментом и др.¹³⁸.

В верховьях Кубани найдены и каменные бабы. На карте Е. Д. Фе-лицына одна указана к западу от Армавира, вторая — северо-западнее сел. Кубанского, третья — в ст. Сторожевой. Каменные бабы обнару-жены также у ст. Преградной, у аула Таллык (в 18 км восточнее Чер-кесска) и у ст. Исправной. Последняя хранится в настоящее время в областном музее в Черкесске (см. табл. 25, рис. 10а, б).

Т. М. Минаева справедливо отмечает, что каменные бабы Карачае-во-Черкесии отличаются от подобного же рода памятников типично степного облика. Но отличаются они и от каменных статуй воинов, о которых речь шла выше¹³⁹. Отличие заключается не только в трактовке позы, предметов вооружения и других деталей, но и в характере ли-ца. Лицо каменной бабы из ст. Исправной явно монголоидное, не име-ющее ничего общего с лицами «христианских каменных воинов».

По-видимому, каменные статуи типа исправненской действительно являются разновидностью каменных баб и принадлежат кипчакам, по-селившимся на территории Карачаево-Черкесии, судя по кубинским па-мятникам, в самом конце XI в.

Вначале, как полагает Т. М. Минаева, кипчаки высоко в горы не за-ходили — они заняли степные и предгорные районы Карачаево-Черке-сии, по линии Сторожевая — Зеленчукская — Кубина¹⁴⁰. Возможно, жившее здесь ранее население было частично вытеснено в более высо-когорные местности. Этим Т. М. Минаева объясняет затухание жизни на некоторых предгорных городищах в конце XI в. — Адиухском, Ку-бинском, поселениях Эльбурганском, Ново-Кувинском и др. И наобо-рот, с этого времени, пишет исследователь, увеличивается число посе-лений в самой глубине предгорий и у входов в горные ущелья, по обе-им сторонам Кубани, выше аула Хумары¹⁴¹.

Итак, в эпоху раннего средневековья верховья Кубани населяли аланы. Аланы проникали в предгорные и степные районы Карачаево-Черкесии еще с рубежа нашей эры (подкурганные катакомбы начала нашей эры у аулов Учккен и Терезе). Горные области аланы заселили с конца IV в., после гуннского нашествия. Часть алан, очевидно, смеша-лась с местным населением, часть же сохранила свое этническое лицо — иранский язык и катакомбный обряд — вплоть до конца раннесредне-вековой эпохи; вспомним зеленчукскую надпись X—XI вв. и скальные катакомбы X—XII вв.

Наряду с аланами в верховьях Кубани продолжало жить и абори-генное население. Автохтонов этих мест можно разделить на две груп-пы: к первой группе относятся потомки древних «кобанцев», ко вто-рой — древние адыги. Как потомки «кобанцев», так и адыги хоронили своих умерших в погребальных сооружениях, продолжающих традиции местных, кавказских могильных сооружений, свойственных как «кобан-цам», так и протоадыгам, — в каменных ящиках, подземных гробницах без бокового входа, в могилах, стенки которых были выложены камен-ными плитами, в грунтовых ямах, прикрытых каменными плитами, и др.

С потомками «кобанцев» следует связывать, на наш взгляд, такие формы погребальных сооружений, как могилы, обозначенные на поверхности прямоугольными выкладками из крупных камней, заполненными внутри мелким камнем (типа Кызыл-Калинского могильника V—VII вв.).

С адыгами связываются подземные и надземные каменные гробницы с боковым входом и дольменообразные склепы, генетически восходящие к древним дольменам. Пребывание адыгов в этих местах в эпоху раннего средневековья подтверждается и некоторыми данными антропологии (анализ краниологического материала из Мощевой балки).

Возможно, с VI в. в верховья Кубани эпизодически проникали тюрки Западно-Тюркского каганата. С конца VII в. район Кисловодска заселили болгары. Может быть, болгары поселились и на правобережье Верхней Кубани, где обнаружена болгарская керамика — котлы с внутренними ушками. В IX—X вв. в верховьях Кубани жила какая-то тюркская этническая группа, оставившая хумаринские этнические надписи. Можно предположить, что в X в. сюда проникла новая волна тюрок, с которыми следует связывать каменные статуи воинов X—XII вв. И наконец, в конце XI в. в степных и предгорных районах Карачаево-Черкесии стали появляться половцы-кипчаки, что засвидетельствовано кипчаками подкурганскими захоронениями людей вместе с конем и кипчаками каменными бабами. В горные районы в конце XI—XII вв. кипчаки еще не заходили.

Таковы основные вехи этнической истории Карачаево-Черкесии в эпоху раннего средневековья.

¹ Менандр Византиец, стр. 382—383; В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 55; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 136.

² Прокопий из Кесарии, Война с готами, стр. 383. В другом труде Прокопия аланы также упоминаются рядом с абасгами (авазгами): «Здесь (в соседстве с Иверией и горой Кавказ) обитают разные народы. Между ними аланы и авазги, издревле христианам и римлянам дружественные» (Прокопий Кесарийский, История войн, кн. II, стр. 211).

³ Феофан Исповедник, стр. 286—288; В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 57—58.

⁴ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 204.

⁵ К. П. Патканов, Из нового списка, стр. 30.

⁶ Там же, стр. 29.

⁷ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 111.

⁸ Цит. по Ю. С. Гаглюеву («Сведения „Армянской географии“», стр. 187).

⁹ Там же.

¹⁰ В. А. Кузнецов, Некоторые вопросы, стр. 53, прим. 4.

¹¹ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 107; Ю. С. Гаглюев, Сведения «Армянской географии», стр. 189; В. А. Кузнецов, Некоторые вопросы, стр. 53, и другие исследования алановедов.

¹² Цит. по Ю. С. Гаглюеву («Сведения „Армянской географии“», стр. 185).

¹³ «Очерки истории СССР, III—IX вв.», стр. 618, прим. 6.

¹⁴ См.: Ю. С. Гаглюев, Сведения «Армянской географии», стр. 187—190.

¹⁵ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 73—74, 85—86, 131. Карта на стр. 161, рис. 37.

¹⁶ Там же, стр. 72.

¹⁷ Там же, стр. 72—73.

¹⁸ Там же, стр. 73.

¹⁹ В. А. Кузнецов, Некоторые вопросы, стр. 47 (карта), стр. 52—64.

²⁰ Прокопий из Кесарии, Война с готами, стр. 383; Прокопий Кесарийский, История войн, стр. 221.

²¹ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 206.

²² Константин Багрянородный, Об управлении государством, стр. 21.

²³ См. в настоящей книге карту «Археологические памятники Карачаево-Черкесии».

²⁴ Т. М. Минаева, Очерки по археологии, стр. 56 и сл.; Е. П. Алексеева,

- Археологические раскопки, стр. 75; ее же, Карачаевцы и балкарцы, стр. 21—22, 86; Б. Д. Гальперина, В. П. Любин, Раннесредневековое городище Учкулъка, стр. 273.
- ²⁵ А. А. Иерусалимская, О северокавказском «шелковом пути», стр. 56.
- ²⁶ Письмо М. Н. Ложкина автору данной работы от 20 февраля 1961 г. С материалом, который хранится в школьном музее хутора Ильич, мы ознакомились летом 1962 г.
- ²⁷ Т. М. Минаева, Находка близ ст. Преградной, стр. 133—135.
- ²⁸ В. Тимофеев, Отчет проверочным раскопкам могильников, стр. 174—175; В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 51—52, рис. 16, 9—11.
- ²⁹ Е. П. Алексеева, Археологические раскопки, стр. 73—79.
- ³⁰ Т. М. Минаева, Могильник Байтал-Чапкан; ее же, Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии; ее же, Очерки по археологии, стр. 48—53.
- ³¹ ОАК за 1899 г., стр. 52—55.
- ³² Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 273—290, 294—298.
- ³³ Т. М. Минаева, Из истории, стр. 231.
- ³⁴ Т. М. Минаева, Поселение в устье р. Узун-Кол, стр. 193—204.
- ³⁵ В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия, стр. 155—156.
- ³⁶ Там же; см. также: В. М. Сысоев, Карачай, стр. 109—110.
- ³⁷ ОАК за 1898 г., стр. 140; В. М. Сысоев, Карачай, стр. 108; И. Хурумов, Древние гробницы, стр. 20.
- ³⁸ И. М. Мизиев, Первые раскопки, стр. 85.
- ³⁹ В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 127—128, 131; его же, Археологическая экскурсия, стр. 145.
- ⁴⁰ Т. М. Минаева, Поселение в устье р. Узун-Кол, стр. 195.
- ⁴¹ Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы, стр. 14, 60, табл. IV.
- ⁴² См. работы Т. М. Минаевой и В. А. Кузнецова в «Библиографии».
- ⁴³ А. А. Иерусалимская, О северокавказском «шелковом пути», стр. 56—71.
- ⁴⁴ Исследования Е. А. Милованова и наши обследования в 1966 г. Материал находится в школьном музее пос. Курджиново.
- ⁴⁵ В. А. Кузнецов, Наземные гробницы, стр. 88; его же, Аланские племена, стр. 45.
- ⁴⁶ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 45—46, 60—61; его же, Археологические исследования, стр. 91—92.
- ⁴⁷ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 53—56. Комплекс хранится в ГИМ.
- ⁴⁸ Т. М. Минаева, Городище на балке Адюх, стр. 133—136; ее же, Городище Адюх в Черкесии, стр. 113—114; ее же, Очерки по археологии, стр. 60.
- ⁴⁹ Г. Н. Прозрителев, Древние Тебердинские могильники, стр. 4—6.
- ⁵⁰ А. Н. Дьячков-Тарасов, Археологические разведки, стр. 83.
- ⁵¹ Т. М. Минаева, Могильник, стр. 277—278, рис. 8—10.
- ⁵² И. А. Владимиров, Отчет о раскопках 1899 г., лл. 22об., 23.
- ⁵³ Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 61—64; табл. 13, 3; 13; 14; 15; 1—3.
- ⁵⁴ ОАК за 1898 г., стр. 40; рисунки вещей — в «корочках» А. А. Спицына, л. 211.
- ⁵⁵ И. М. Мизиев, Первые раскопки, стр. 86.
- ⁵⁶ М. М. Ковалевский, И. Иванюков, У подошвы Эльбруса, стр. 83—112; «Указатель памятников», стр. 389—392.
- ⁵⁷ А. П. Рунич, Катакомбные могильники, стр. 241—244; А. П. Рунич, Н. Н. Михайлов, Городище Бургусант-Кала.
- ⁵⁸ Т. М. Минаева, Новый вид погребальных сооружений, стр. 136—137.
- ⁵⁹ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 377.
- ⁶⁰ Г. Н. Прозрителев, Древние памятники, стр. 4, 7, 11.
- ⁶¹ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 275.
- ⁶² Е. Д. Фелицын, Западнокавказские дольмены, стр. 84—85.
- ⁶³ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 377, 441; И. Помяловский, Сборник греческих и латинских надписей, стр. 8, 11; МАК, VII, стр. 123—124, 141—142; Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 266—267.
- ⁶⁴ См. работы В. А. Кузнецова: Археологические разведки, стр. 345—351; Наземные гробницы, стр. 83—89; Аланские племена, стр. 45—52; Средневековые дольменно-образные склепы, стр. 106—117.
- ⁶⁵ В. Ф. Миллер, Древне-осетинский памятник, стр. 110—118; В. А. Кузнецов, Новые данные, стр. 193—199; А. М. Лысенко, Экскурсия в урочище «Старое Жилище», стр. 41—42.
- ⁶⁶ «Отчет», стр. 362—366; В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 120—122; В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 45—46, 50—51.
- ⁶⁷ Г. Прозрителев, Археологическая находка, стр. 2.
- ⁶⁸ В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 120—122.
- ⁶⁹ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 45—46, 50—51.

- ⁷⁰ «Отчет», стр. 363; «Древне-христианские храмы», стр. 6—10; В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 117—122; 131.
- ⁷¹ В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 86—89; его же, Раскопки аланских городов, стр. 115.
- ⁷² «Отчет», стр. 360—361; МАК, VII, стр. 138—139, № 4; стр. 139, № 5; стр. 141, № 20; стр. 141—142, № 22; стр. 142, № 24.
- ⁷³ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 75.
- ⁷⁴ «Отчет», стр. 359.
- ⁷⁵ Е. П. Алексеева, Археологические раскопки, стр. 78.
- ⁷⁶ Т. М. Минаева, Городище на балке Адиюх, стр. 132—134; ее же, Городище Адиюх в Черкесии, стр. 111, 113—114; ее же, Очерки по археологии, стр. 60.
- ⁷⁷ И. А. Владимиров, Развалины старинного храма, стр. 104—106; А. Н. Дьячков-Тарасов, Археологические разведки, стр. 83.
- ⁷⁸ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 53.
- ⁷⁹ И. А. Владимиров, Отчет о раскопках 1899 г., лл. 24—26об.; ОАК за 1899 г., стр. 52—56.
- ⁸⁰ ОАК за 1898 г., стр. 40; В. М. Сысоев, Карачай, стр. 105—106.
- ⁸¹ «Отчет», стр. 359; В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 128—131; его же, Карачай, стр. 105; А. Н. Дьячков-Тарасов, Археологические разведки, стр. 83—84.
- ⁸² Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 25.
- ⁸³ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 277—290, 300.
- ⁸⁴ В. М. Сысоев, Карачай, стр. 109. В долине Теберды (точно место не указано) отмечены каменные статуи — целые и в обломках (там же, стр. 113—114).
- ⁸⁵ А. К. Кузьминов, Средневековый могильник; К. Т. Чагаров, Средневековый склеп.
- ⁸⁶ Т. М. Минаева, Могильник, стр. 261.
- ⁸⁷ Т. М. Минаева, Из истории, стр. 230.
- ⁸⁸ А. Н. Дьячков-Тарасов, Археологические разведки, стр. 83; Т. М. Минаева, Из истории, стр. 228—231.
- ⁸⁹ МАК, VII, стр. 139—140; И. Помяловский, Сборник греческих и латинских надписей, стр. 10, 18—19; И. Бернадацци, Христианские древности, стр. 187; А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 386; В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 126—128; его же, Археологическая экскурсия, стр. 144—145.
- ⁹⁰ «Отчет», стр. 353—354.
- ⁹¹ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 386; В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 128.
- ⁹² В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия, стр. 151.
- ⁹³ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 388; «Отчет», стр. 352.
- ⁹⁴ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 383; «Отчет», стр. 352.
- ⁹⁵ Т. М. Минаева, Городище близ аула Кубины, стр. 164—165, 182.
- ⁹⁶ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 389; И. Помяловский, Сборник греческих и латинских надписей, стр. 11, № 19; В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия, стр. 159—163.
- ⁹⁷ В. М. Сысоев, Карачай, стр. 106—107.
- ⁹⁸ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 75; Я. А. Федоров, Городище Джашырын-Кала; обследования в этих местах проводила Л. Г. Нецаева.
- ⁹⁹ А. П. Рунич, Катакомбные могильники, стр. 241—244; В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 28.
- ¹⁰⁰ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 8—9, 112—116; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 249, 250, 272, 275, 285 и др. В Карачае и Балкарии имеется более 20 топонимических терминов, объясняющихся на основе иранских языков. К этим терминам можно было бы добавить и другие, например название местности Дардон у Карачаевска, где открыт вышеописанный могильник. Здесь же следует сказать, что некоторые топонимы, относимые В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым к иранским, тюркологами Карачаево-Черкесии в настоящее время считают тюркскими (Ш. Х. Акбаев, Х. И. Хаджилаев, У. Б. Алиев, К. Т. Лайпанов и др.). См.: К. Т. Лайпанов, О тюркском элементе, стр. 212—213.
- ¹⁰¹ В. Ф. Миллер, Древне-осетинский памятник, стр. 110—118; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 260—270. В последние годы сделаны попытки прочесть зеленчукскую надпись на основе данных адыгского языка (А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники) и тюркского языка (М. Кудоев, Зеленчук Джазыуну Малкъяр). Эти попытки не получили признания среди исследователей. См.: В. И. Абаев и В. А. Кузнецов, [Рец. на:] А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники; Г. Ф. Турчанинов, Выступление на сессии, стр. 271.
- ¹⁰² В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 8—9; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 285, 310—311; В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 70.
- ¹⁰³ В начале главы мы приводили сообщение Константина о том, что «выше Казахии находятся Кавказские горы, а за горами — земля Аланская». Таким образом,

получается, будто Касахия была отделена от Алании горами. Д. Иловайский считает, что здесь под «горами» Константин подразумевал не Кавказский хребет, а какой-то горный отрог (Д. Иловайский, Разыскания, стр. 336).

¹⁰⁴ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 70.

¹⁰⁵ Т. М. Минаева, Новый вид погребальных сооружений, стр. 136—137.

¹⁰⁶ В. А. Кузнецов, Некоторые вопросы, стр. 62—63.

¹⁰⁷ Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 26—27.

¹⁰⁸ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 63.

¹⁰⁹ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 124.

¹¹⁰ Е. И. Крупнов, Об этногенезе осетин, стр. 158—159; его же, Проблема происхождения осетин, стр. 22—41. Вопрос о преемственности кобанской и аланской культур (в частности, на материалах Учкуланского поселения, исследованного нами в 1959 г.) подробно рассматривался в другой нашей работе: Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы, стр. 12—13, 64—70 и др., табл. I, IV—XIII вв.

¹¹¹ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 64—66.

¹¹² В. А. Городцов, Елизаветинское городище; Н. В. Анфимов, Исследование памятников, стр. 72; И. С. Каменецкий, Население Нижнего Дона, стр. 16—17.

¹¹³ В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 87—88.

¹¹⁴ В. А. Кузнецов, Некоторые вопросы, стр. 64.

¹¹⁵ В. Б. Виноградов, Сарматы, стр. 49 и др. Как отмечалось, кусок мела найден нами в раннеаланском катакомбном подкурганном захоронении в Учкене (курган № 1).

¹¹⁶ Т. М. Минаева, Поселение в устье р. Узун-Кол, стр. 199, рис. 7, 1.

¹¹⁷ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 28, 136, рис. 3В—17; ср. адыгские: Е. П. Алексеева, Материальная культура, табл. VIII, 9 и др.

¹¹⁸ Е. П. Алексеева, Материальная культура, стр. 158, 173.

¹¹⁹ В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия, стр. 168—169. В. М. Сысоев сравнивает эту керамику с опубликованной В. И. Сизовым: В. И. Сизов, Черноморское побережье, стр. 6, рис. 2, 3; стр. 128, рис. 47.

¹²⁰ Е. П. Алексеева, Материальная культура, стр. 158, 173.

¹²¹ П. А. Дитлер, Отчет, стр. 47—95.

¹²² В. П. Алексеев, Антропологический тип адыгов, стр. 219.

¹²³ Менандр, Отрывки, стр. 382—383; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 136; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 38, 46. Земарх прошел в Апислию Даринским путем, оставив слева Мисимийский путь. Даринский путь сопоставляется с Марухским перевалом (см.: Ф. Дюбуа де Монпере, Путешествие, стр. 153—156; З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 62). Мисимийский путь, позднее называемый Абхазским, шел через Клухорский перевал (З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 69).

¹²⁴ Менандр, Отрывки, стр. 416—420; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 137—138; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 47, 117.

¹²⁵ Н. Я. Мерперт, К вопросу, стр. 24; В. А. Кузнецов, Археологические разведки, стр. 214—216; его же, Глиняные котлы, стр. 38 (там же приведена библиография); Я. А. Федоров, Г. С. Федоров, Ранние булгары.

¹²⁶ По этому вопросу см.: Н. Я. Мерперт, К вопросу, стр. 32; его же, Разделы о болгарях, — в кн.: «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 611—615; И. И. Ляпушкин, Памятники, стр. 146—147; С. А. Плетнева, Средневековые поселения; В. А. Кузнецов, Глиняные котлы, стр. 37—39.

¹²⁷ В. А. Кузнецов, Археологические разведки, стр. 214—216.

¹²⁸ Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы, стр. 26—27, табл. XVII. Следует отметить, что на Рим-Горском городище жили не только одни болгары, но и представители других этнических групп. Так, сотни аланских катакомб, обнаруженных на Рим-Горе А. П. Руничем, свидетельствуют о многочисленном аланском населении в этом районе в течение всего раннего средневековья. Таким образом, болгары на Рим-Горском городище жили вместе с аланами, как и на других поселениях этого периода, в частности, в районах салтово-маяцкой культуры.

¹²⁹ Там же, стр. 21—22, табл. XIV—XV.

¹³⁰ Ščerbak A. M., Les inscriptions inconnues, стр. 283—290; В. А. Кузнецов, Надписи Хумаринского городища, стр. 298—305.

¹³¹ Ščerbak A. M., Les inscriptions inconnues, стр. 288.

¹³² В. А. Кузнецов, Надписи Хумаринского городища, стр. 303. Как пишет В. А. Кузнецов, на Нижне-Архызском городище был найден черепок с руническим знаком, а в Пятигорском музее краеведения хранится глиняный сосуд, на тулове которого процарапана надпись, относящаяся к руническим (там же, стр. 305).

¹³³ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 62, 75.

¹³⁴ О половцах-кипчаках и их археологических памятниках см.: С. А. Плетнева, Печенеги, торки, половцы, стр. 151—226; М. И. Артамонов, История хазар,

стр. 421—425, 450; Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы; в этих исследованиях приведена обширная библиография.

¹³⁵ Т. М. Минаева, К вопросу о половцах, стр. 167—196.

¹³⁶ Там же, стр. 167—172.

¹³⁷ С. А. Плетнева, Печенеги, торки, половцы, стр. 179, рис. 15, 2.

¹³⁸ Т. М. Минаева, К вопросу о половцах, стр. 172—175, 193.

¹³⁹ Там же, стр. 187.

¹⁴⁰ А. А. Иессен южную границу распространения половцев на Северном Кавказе проводил примерно по линии Армавир — Пятигорск — Калмыцкие степи (А. А. Иессен, Археологические памятники, стр. 30). При современном состоянии археологических исследований Т. М. Минаева считает возможным наметить ее южнее: Сторожевая — Зеленчукская — Кубина — Пятигорск — Калмыцкие степи (Т. М. Минаева, К вопросу о половцах, стр. 190).

¹⁴¹ Т. М. Минаева, К вопросу о половцах, стр. 190—191.

ГЛАВА IV

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЭКОНОМИКА

В степных районах Северного Кавказа в период раннего средневековья, как и в древности, основным видом хозяйственной деятельности являлось кочевое скотоводство. Яркую картину кочевого образа жизни предкавказских алан, доходивших «с целью грабежа или охоты» «до Меотийских болот», дает автор IV в. н. э. Аммиан Марцеллин. «У них [алан] не видно ни храмов, ни даже покрытых соломой хижин». «Аланы... живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромное пространство». «У них [алан] нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травоя место, они располагают в виду круга свои кибитки... истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках»¹.

Такой же образ жизни вело и тюркоязычное население степной части Северного Кавказа — от гуннов до ногайцев.

Иная картина наблюдалась в предгорной и горной частях Северного Кавказа, в частности на территории Карачаево-Черкесии. В этих районах помимо скотоводства продолжало существовать и развиваться земледелие, о чем говорят археологические находки и некоторые данные письменных источников. Таким образом, местное население продолжало сохранять оседлый, земледельческий образ жизни. Более того, если на эту территорию проникали группы кочевников из степного Предкавказья, они рано или поздно также становились оседлыми земледельцами. Так было с аланами, болгарами, кипчаками, а позднее — в XVII в. — и с ногайцами.

У населения Карачаево-Черкесии в период раннего средневековья существовало домашнее производство, некоторые виды ремесла, был развит внешний обмен. Центрами ремесла и обмена являлись поселения, если не все, то, во всяком случае, наиболее крупные из них. Об этом дают представление раннесредневековые археологические памятники Карачаево-Черкесии.

Хозяйство

Данные о земледелии мы находим главным образом в материалах поселений. На поселениях найдены зерна культурных растений, обломки пифосов, служивших, в частности, для хранения зерна, жернова, зернотерки, изредка железные земледельческие орудия.

Так, на Тамгацикском поселении IV—V вв. найдена шелуха от зерен проса — дикого и культурного, каменные земледельческие орудия: песты, жернова, зернотерки, ступа, в одной из построек — округлая в плане зерновая яма².

В могильниках VIII—IX вв. и более поздних найдены так называемые тесла-мотыжки (типа изображенной на табл. 26, рис. 13). Большая часть их представляла собой орудия для обработки дерева и скобления кожи после снятия шкуры с убитого животного. Но некоторые орудия этого рода, более массивные и значительных размеров, могли действительно использоваться как мотыги для обработки земли. В ущелье Мары и в других местах найдены железные серпы, но датировка их точно не установлена³.

Пифосы, в обломках и целые, — обычная находка для городищ X — начала XIII в.: Кубинского, Нижне-Архызского, Хумаринского, Адиюхского и др. Жернова в значительном количестве обнаружены на Хумаринском городище (конец IX — начало XIII в.), в Усть-Тебердинском могильнике X—XI вв. Каменные ступы и жернова весьма часто встречаются на поселениях X—XII вв.: Усть-Тебердинском, Ново-Кувинском, Гилячском, Адиюхском. Особенно много каменных земледельческих орудий обнаружено на Кубинском городище (круглые каменные жернова, каменные ступы и толкачи к ним для обработки зерна на крупу и др.)⁴.

О развитии земледелия в верховьях Кубани дает нам представление Адиюхское городище⁵, на котором имеются два культурных слоя — нижний (VI—IX вв.) и верхний (X—XII вв.).

В нижнем культурном слое найдены зерновые ямы, помещения для размола зерна и ямы-погребка. Все эти сооружения были размещены впритык друг к другу, некоторые являлись смежными. Зерновых ям конусовидной формы открыто довольно много. Дно их плоское или слегка вогнутое. Диаметр от 1,4 до 1,8 м, глубина от 1,5 до 1,8 м. Ямы вырубались в скальном материке, а при слабом грунте стенки их выкладывались камнями. Иногда стенки ям смазывали глиной, а горловину выкладывали камнем. Зерновые ямы размещались группами, от двух до четырех ям в группе⁶. В 1955 г. во второй части Адиюхского городища, возле двух зерновых ям, ниже пола небольшого сооружения, где производился размол зерна, найдены зерна проса, пшеницы, ячменя. Некоторые зерна обуглены. Анализ злаков произведен Ф. Х. Бахтеевым. Подавляющее большинство зерен пшеницы отнесено к мягкой (*Triticum aestivum* L.), только очень немногие напоминают *Tr. sphaerococcum* и *Tr. compactum*. Ячмень относится к двурядным пленчатым формам — *H. vulgare* var. *nutans* Schubl. или *H. vulgare* var. *medicum* Cogn. Эти ископаемые зерна ячменя меньше, чем современные. Найдены всего лишь три зерна ржи — по-видимому, в данном случае, это был сорняк⁷. Более всего зерен проса.

Приблизительно к X в. на городище Адиюх зерновых ям уже не копали. Однако, как резонно замечает Т. М. Минаева, это не может говорить об упадке земледелия, так как орудия для обработки зерна в основном находились именно в верхнем слое X—XII вв. Очевидно, зерно стали хранить в наземных каменных сооружениях, в плетеных постройках, известных нам по этнографическим материалам⁸.

Железные и каменные сельскохозяйственные орудия, найденные в верхнем слое Адиюхского городища, разнообразны и довольно совершенны. Здесь обнаружен небольшой серп (табл. 28б, рис. 8) и плужный нож-чересло (табл. 28б, рис. 12). Он представляет собой массивный железный нож длиной 45 см с четырехгранной в сечении толстой

(1,9 см) тыльной стороной. Наибольшая ширина лезвия — 5,5 см. Чересло прикреплялось вертикально к дышлу плуга для надрезывания пласта почвы, который должен быть перевернут идущим сзади лемехом. Подобные же чересла, как указывает Т. М. Минаева, обнаружены на правобережном Цимлянском городище⁹. Чересло — принадлежность не примитивного, а усовершенствованного плуга, поэтому находка его свидетельствует не только о существовании плужного земледелия, но и о его весьма высоком техническом уровне¹⁰.

Жернова были двух типов — крупные (от 45 до 67 см в диаметре) и небольшие (от 30 до 32 см в диаметре). Последние, судя по этнографическим аналогиям, Т. М. Минаева считает просорушками. Встречались каменные ступки и толкачи-песты к ним. В таких ступках изготавлялась крупа¹¹.

На Большом Зеленчуке, в местности «Старое Жилище» (у Архыза), Г. Н. Прозрителев и А. М. Лысенко обнаружили «рожь-самосеянку»¹². По словам Х. О. Лайпанова, на склонах Большого Зеленчука встречается «рожь-многолетка», над определением которой работали селекционеры Тебердинского государственного заповедника¹³.

Экспедицией 1940 г. под руководством К. М. Петрелевича в долинах верховьев Большого Зеленчука, Марухи и Теберды, в лесу, обнаружены следы бывлой земледельческой культуры. Камень снесен в кучи. Видны русла арыков, главным образом оросительных. Около развалин древних построек во множестве встречаются остатки былых садов — одичавшие яблони, груши, алыча и др.¹⁴. В Верхнем Архызе и в других местах видны следы террасного земледелия. В верховьях р. Большой Лабы, в долине Загедана, в очень высокогорной местности Л. Апостолов в конце прошлого столетия видел дикую рожь, настолько чистую и высокую, как будто она была возделана самым тщательным образом в этом же году¹⁵. Может быть, это следы древних посевов.

На Рим-Горском городище VII—XII вв. найдены обугленные зерна ячменя, пшеницы, проса, каменные жернова¹⁶.

Данные раннесредневековых письменных источников о земледелии у населения Северного Кавказа, в частности у алан-ясов и зиков-черкесов, очень скудны. Из рассказа автора XIII в. Юлиана мы можем заключить, что у алан существовало пашенное земледелие, они разводили просо, что среди других сельскохозяйственных орудий у них была коса, что такие сельскохозяйственные операции, как пахота, помол зерна и другие, имели большое значение в хозяйстве. Для этого старались покупать таких невольников, которые умели выполнять подобную работу¹⁷.

О земледелии и садоводстве у русских, черкесов и ясов до покорения их монголо-татарами писал ал-Омари (XIV в.): «До покорения этой страны она была повсюду возделана. Теперь видны остатки этой возделанности. В ней растут виноград, гранат, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи. Это остатки от прежних посевов»¹⁸.

На средневековых поселениях Карачаево-Черкесии среди прочих находок обнаружены кости домашних животных. Кости коровы, лошади, свиньи, овцы и птицы (утки) во множестве найдены на Тамгацком поселении IV—V вв.¹⁹. Довольно много костей домашних животных (коров, лошадей, овец, коз, свиней) попадалось на городище Адюх, причем в нижнем слое (VI—IX вв.) их было больше, чем в верхнем (X—XII вв.). На Адюхском городище имеются специальные помещения, в которых, по мнению Т. М. Минаевой, держали рогатый скот и лошадей²⁰. На Учкульском городище VIII—X вв. обнаружены кости домашних животных, принадлежавшие, по определению

Н. К. Верещагина, теленку, корове, овце и лошади²¹. На Кубинском городище большая часть найденных костей домашних животных принадлежит овце; найдено много костей коровы, меньше — лошади и свиньи. Разводилась и домашняя птица, но, очевидно, в небольшом количестве, так как на городище найдена только одна птичья кость²². В некоторых хозяйствах для содержания скота имелись специальные пристройки²³. Находки на Нижне-Архызском городище показывают, что в составе стада преобладал мелкий рогатый скот²⁴. Очень много костей домашних животных (в основном овцы и коровы) находилось в слое XII — начала XIII в. Хумаринского городища. Подобные же находки были и в слое конца IX—XI вв., но в меньшем количестве²⁵.

Итак, судя по остеологическим находкам, население Карачаево-Черкесии в период раннего средневековья разводило овец, коров, лошадей, коз, свиней. На многих городищах (Нижне-Архызском, Кубинском и др.) преобладающими являлись кости овец, что говорит о большом значении овцеводства. Очевидно, это была доминирующая отрасль скотоводства. В связи с этим следует упомянуть о находке ножниц для стрижки овец в верхнем слое городища Адюх²⁶.

Трудно сказать что-либо определенное о формах скотоводства в этот период. Надо думать, что в горных местностях оно было полукочевое, т. е. летом скот содержался на летних, горных пастбищах, а зимой — на зимних, в более равнинных местах. В предгорных районах скотоводство, очевидно, было стойловым, т. е. зимой скот содержался вблизи поселений, а в наиболее холодное время — в стойлах. Летом же скот угоняли в горы на коши. Примером такого коша является Узун-Колское поселение IV—VII вв. в верховьях Кубани. Жилища этого поселения не отличались прочностью, строились наскоро и, по-видимому, часто переносились с места на место. Располагались они по площади поселения без всякого определенного плана. При них не было ни пристроек для скота, ни сооружений для хранения пищевых запасов, ни ям хозяйственного назначения. На основании этих признаков Т. М. Минаева считает эти постройки летними жилищами, необходимыми для жилья в период сезонного выпаса скота. Загоном для скота служили круглая площадка, обнесенная земляным валом, где могло поместиться от 1200 до 1500 овец, и узкие длинные помещения, примыкающие к ней с северной стороны, куда могли загонять крупный рогатый скот. Географические условия здесь весьма благоприятны для сезонного выпаса скота. Летом здесь не слишком жарко из-за высоты и близости Эльбруса. Здесь нет хищных зверей и насекомых, которые бы беспокоили животных. Эта местность используется для летнего выгона скота и в настоящее время. Постоянных поселений здесь не было, как предполагает Т. М. Минаева, из-за снеговых заносов и суровости климата зимой²⁷.

Помимо Уллу-Камского ущелья скот в летнее время содержался и на других горных пастбищах. Так, Б. Д. Гальперина и В. П. Любин полагают, что с «зимней базы» — Учкульского городища — летом скот выгонялся на склоны Пастбищного и Скалистого хребтов и в другие горные местности²⁸.

О скотоводстве у черкесов и ясов, в частности о разведении молочного скота, а также о пчеловодстве мы находим свидетельства у ал-Омари²⁹.

Народы Карачаево-Черкесии раннесредневекового периода практиковали охоту и рыболовство. На поселениях найдены кости косули, зубра, лисицы, медведя и других диких животных, а также клыки кабана и рога оленя³⁰. Изготавливались специальные наконечники стрел

для охоты на крупного и мелкого зверя и водоплавающую птицу (для этого рода охоты в виде «ласточкиного хвоста»). О рыболовстве свидетельствуют находки рыболовных крючков и грузил³¹. Кости крупных рыб найдены на Кубинском городище и на городище Адюх³².

Итак, судя по археологическим находкам, скотоводство — разведение крупного рогатого скота, лошадей и особенно овец — играло большую роль в хозяйстве раннесредневекового населения Карачаево-Черкесии. О формах его нам судить трудно, но скорее всего оно было отгонным в предгорных местностях и полукочевым в горах. В высокогорных местностях сохранились сезонные кошевые поселки. Существовало птицеводство, пчеловодство, охота и рыболовство.

Наряду со скотоводством развивалось и совершенствовалось земледелие. Не позднее X в., судя по находкам на городище Адюх, земледелие стало плужным. Урожай убирали серпами и косами, для размола зерна употреблялись различные виды жерновов. Высевались просо, а также мягкая пшеница, ячмень, очевидно, рожь. О довольно высоком уровне земледелия у населения Северного Кавказа в период, предшествовавший татаро-монгольскому нашествию, свидетельствуют некоторые данные письменных источников.

В раннесредневековую эпоху производство в Карачаево-Черкесии в основном было домашним. Однако существовали и некоторые виды ремесла, в частности связанные с выделкой металлических вещей и глиняной посуды. Добыча и обработка металла, кузнечное и оружейное дело, ювелирное искусство, изготовление высококачественной глиняной посуды требовали специальных приспособлений и навыков, поэтому они раньше других видов домашнего производства стали превращаться в ремесла.

На территории Карачаево-Черкесии известны выходы металлических руд — медных, серебросвинцовых, железных (см. Введение). Известны и разработки этих руд, но, к сожалению, они в большинстве случаев не поддаются датировке. Пункты, где зафиксированы следы добычи или выплавки медной руды, отмечены А. А. Иессеном на реках Марухе, Теберде, Муху, в верховьях Кубани³³. В. А. Кузнецов пишет о древних выработках медной руды на р. Большой Зеленчук, на горе Пастуховой (см. стр. 41). Т. М. Минаева в ущелье р. Марухи открыла следы выработки руд³⁴. Первый из пунктов, где имеются следы таких рудных разработок, обнаружен на склоне, обращенном к урочищу Ретыщик (так местное население называет широкую, открытую долину в том месте, где кончаются теснины Марухи). Здесь встречены железные шлаки вместе с углями и сажей. Шлаки тяжелые по весу, видимо со значительным количеством невыплавленного металла.

Второй пункт находится на левом берегу р. Марухи, в 18—19 км выше по течению, на восточном склоне горы Большой Карабек. Здесь в скале имеется пещера, образовавшаяся в результате искусственной выемки породы. К пещере ведет древняя дорога, высеченная на склоне скалы. Пещера имеет два ответвления. В первом из них обнаружена круглая яма. На полу пещеры большое скопление золы, перемешанной с измельченной в порошок породой. Скопление золы говорит о том, что выработка производилась с помощью огня. В золе найдены несколько обломков глиняной посуды, обломки костяного орудия в виде двусторонней пилки и четыре диоритовых молота. Керамика средневековая, частью лепная, частью гончарная, имеются экземпляры с лошением. Таким образом, есть все основания полагать, что в период раннего средневековья в Карабекской пещере производилась разработка руды³⁵.

На Нижне-Архызском городище в одном из помещений найдены остатки небольшого горна для выплавки железа. Горн состоит из трех камер. Одна из камер вплотную примыкала к стене здания, сверху была накрыта разбитой плитой, с соседними камерами не сообщалась. Внутри найдено несколько древесных угольков. Две другие образованы тремя большими тесаными камнями (один из них со сквозным отверстием), поставленными на торец. Пол камер выложен плоскими закопченными камнями. Камни, составляющие камеры, прокалены и растрескались, а на поверхности, обращенной внутрь горна, образовались шлаковые накали. Вторая и третья камеры были заполнены кусками железного шлака. Куски шлака лежали и на участке пола перед камерами. Всего из горна и с производственной площадки извлечено 205 кусков шлака, некоторые весом в несколько килограммов. Анализ шлака показал большое содержание магнетита и, следовательно, высокое качество руды. На основании исследования шлака установлено, что процесс плавки был сыродутным. Вокруг горна найдены кусочки прокаленной глины и обнаружен толстый слой древесного угля, что несомненно связано с работой горна³⁶.

Куски железного шлака (как правило, тяжелого) встречены на ряде поселений — у хутора Ильич, у Нижнего Архыза, на «Церковной поляне» и некоторых других. В очень большом количестве мы обнаружили их на Хумаринском городище, главным образом на склонах холма с цитаделью. На этом же холме, у подножия цитадели, мы нашли очень много кусков обгоревшей прокаленной печины — возможно, эти куски — остатки разрушенных печей для выплавки железа.

Каменные литейные формы обнаружены в некоторых пунктах западнее и восточнее Карачаево-Черкесии. Так, форма в виде прямоугольного бруска для отливки креста-тельника происходит с городища X—XII вв. у хутора Ильич на Урупе. В окрестностях Кисловодска найдены каменная форма для отливки зеркала со звездчатым орнаментом и обломок другой такой же формы (табл. 236, рис. 11).

Судя по многочисленным археологическим находкам (см. табл. 20, 21, 24—29, 31—33), в эпоху раннего средневековья в верховьях Кубани местными мастерами-металлистами изготавливались различные металлические вещи: орудия труда, предметы быта, предметы вооружения и конского снаряжения, украшения, принадлежности одежды, предметы культа (кресты). Железодельное производство совершенствуется с течением времени. В VIII—IX вв. осваивается изготовление новых видов предметов вооружения и конского снаряжения, расширяется производство некоторых орудий труда (тесел, мотыг, топоров и т. п.). В X—XIII вв. наблюдается дальнейшее развитие оружейного мастерства, кузнечного дела, в частности производства орудий труда — земледельческих и др.

О высоком уровне оружейного и кузнечного мастерства у населения Северного Кавказа в XIII в. мы можем судить по сообщению В. Рубрика о том, что аланы умели хорошо делать латы и являлись «отличными кузнецами». Латы у алан приобретали воины из других народов, в том числе татары³⁷. Здесь речь идет об аланах, живших в восточных или в центральных районах Северного Кавказа. Но надо думать, что эта характеристика может относиться также и к аланскому и неаланскому населению Западной Алании, т. е. верховьев Кубани. Судя по приведенным выше данным археологии о добыче и обработке металла в верховьях Кубани, а также по продукции местных мастеров-металлистов, оружейное, кузнечное и ювелирное дело в этих местах отнюдь

не отставало от этих видов ремесла в других районах Северного Кавказа.

Весьма важной отраслью местного производства было гончарное дело. В эпоху раннего средневековья, как и в более ранние периоды, население Карачаево-Черкесии продолжало пользоваться лепной посудой, изготавливавшейся в каждой семье, очевидно женщинами, для нужд данной семьи. Но помимо домашнего производства глиняной, главным образом кухонной, посуды существовало и ремесленное керамическое производство — об этом свидетельствуют массовые находки глиняных сосудов отличного качества, сделанных на гончарном круге, иногда с клеймом мастера-гончара на дне; значительна стандартизация форм и орнамента. В V—VII вв. керамика верховьев Кубани была преимущественно лепная (хотя и очень тщательно изготовленная), клейма на доньшках встречаются изредка. По-видимому, в этот период керамическое дело еще не выделилось в ремесло. С VIII—IX вв. вся керамика становится гончарной, а на дне сосудов появляются клейма³⁸. Следовательно, можно говорить о появлении с этого времени на Верхней Кубани гончарного ремесла. Расцвет керамического ремесленного производства падает в этих местах на поздний период — начиная с X в.

Несколько слов о других видах производства, которые могли выделиться в ремесло.

В раннесредневековых комплексах Карачаево-Черкесии обнаружены бусы, в том числе стеклянные; для памятников VIII—IX вв. характерны стеклянные перстни, для погребений и поселений X—XIII вв. — стеклянные браслеты. Стеклянные изделия, как правило, были привозными. Однако существует гипотеза о зачатках местного стеклоделательного производства. Так, по мнению В. Б. Деопик (Ковалевской), в VIII в. на Северном Кавказе на базе серебросвинцовых руд Центрального Предкавказья возникло производство многосвинцовых бус, т. е. бус из свинцово-кремнеземного стекла, содержащего до 70% окиси свинца³⁹. Очевидно, речь идет о производстве бус простейшего типа. Как известно, значительные залежи серебросвинцовых руд имеются не только в центральных районах Предкавказья, но и в верховьях Кубани (Худесские месторождения). Возможно, на базе этих месторождений существовало производство бус и на территории Карачаево-Черкесии. В связи с этим небезынтересно будет заметить, что в 1961 г. экспедицией КЧНИИ на Рим-Горе обнаружены кусочки стеклянного шлака⁴⁰.

Довольно высокого уровня достигло строительное дело. В верховьях Кубани открыты многочисленные остатки каменных оборонительных сооружений, храмов, жилых построек. Очевидно, подобные сооружения возводились специалистами, мастерами-каменщиками. Возможно, знаками этих мастеров являются тамгообразные изображения на каменных блоках оборонительной стены Хумаринского городища (аналогичные знакам-клеймам гончаров на дне глиняных сосудов). Обычно знаки помещались не на внешней, а на внутренних плоскостях блоков (т. е. на тех плоскостях, которые были обращены внутрь кладки стены). Образцы этих знаков см. на рис. 13, табл. 35.

Таким образом, есть все основания полагать, что монументальные сооружения верховьев Кубани возводились местными мастерами, тем более что на территории Карачаево-Черкесии и самые простейшие раннесредневековые каменные постройки (например, жилища Узун-Колского поселения), и мощные оборонительные сооружения (стены вокруг городов), и стены многих церквей построены по одному принципу — в два панциря с забутовкой. Так, в 1951 г. на Адиухском горо-

дище Т. М. Минаевой была раскрыта небольшая церковь⁴¹. Стены ее толщиной 0,90 м сохранились на высоту 0,60—0,80 м. Основание здания лежало на слое извести и глины. Панцири стен сложены из грубо отесанного камня на красной местной глине. Пространство между панцирями забито мелким камнем, щебнем и глиной. Более сложно устройство Хумаринской оборонительной стены, хотя в основу положен тот же принцип — два панциря с забутовкой. Хумаринская стена возведена не прямо на скале, а на слое глины толщиной до полуметра. Внешний и внутренний панцири стены сложены на хорошем известковом растворе из больших, прекрасно отесанных песчаниковых блоков. Блоки положены следующим образом: два-три яруса в длину, следующие два-три яруса в ширину стены. Промежуток между панцирями заполнен битым камнем, цементированным глиной. Ширина стены достигала 6 м, высота сохранившейся части — свыше 2 м. На некоторых участках стена с внутренней стороны в нижней части была, очевидно, ступенчатой⁴².

Известен и другой принцип кладки — без забутовки. Отесанные бруски камня клались плашмя вдоль стены в несколько рядов в ширину стены и в несколько слоев в высоту и размещались друг над другом, как правило, в шахматном порядке. Бруски клались насухо, иногда на глине, иногда на известковом растворе. Так обычно складывались стены башен, некоторых церквей, а иногда жилищ и могильных сооружений (например, Дардонский склеп, табл. 30).

Для тески камня существовали специальные инструменты, один из которых обнаружен на Адюхском городище (табл. 28б, рис. 11). Следует отметить, что некоторые сооружения, в частности большие зеленчукские храмы, возводились местными каменщиками под руководством иноземных архитекторов и мастеров. Многочисленные каменные земледельческие орудия, в частности жернова, также, очевидно, изготовлялись «мельничьими» мастерами. Возможно, были и специалисты по изготовлению мелких каменных бытовых предметов — пряслиц и оселков (табл. 28а, рис. 4).

Значительная часть необходимых вещей изготовлялась в процессе домашнего производства членами семьи для нужд данной семьи из сырья, добытого ими самими, а не полученного в результате обмена.

По данным этнографии известно, что выделка костяных и деревянных изделий, а также шорное дело являлись обязанностями мужчин. Сохранились орудия для обработки дерева и кожи — скребки, тесла и др. В погребениях обнаруживаются костяные изделия — пуговицы, проколки, шилья, игольники (иногда орнаментированные сетчатым узором), накладки на рукояти ножей, на шкатулки и колчаны; обломки кости и оленьего рога со следами обработки; роговые стаканы с деревянным дном; деревянные изделия обычно не сохраняются, но в некоторых комплексах они обнаружены: так, в Мошевой балке найдены остатки лука, колчана, древки стрел, рукояти тесел и топоров, ковшики (табл. 24, рис. 13), пеналы (табл. 24, рис. 1); в Сентинском могильнике — колчан, обтянутый кожей (раскопки И. А. Владимирова в 1899 г.); в Хасаутском могильнике — деревянные древки стрел и части луков; в Рим-Горском катакомбном могильнике найдены деревянные сосуды, седла, круглые столики. Весьма часто в погребениях встречаются деревянные гребни (табл. 24, рис. 8).

Женщины делали нитки и ткани, шили одежду, головные уборы, обувь, различные другие предметы из тканей и кожи (например, кожаные футляры для зеркал, ладанки, кисеты и пр.). На поселениях и в погребениях найдены пряслица — глиняные и каменные: плоские

круглые, сплюснуто-шаровидные, шаровидные, в виде усеченного конуса (табл. 28а, рис. 4; табл. 31, рис. 11). В могильниках Мощевой балки и Хасаута найдены остатки ткацких станков⁴³. Встречены костяные и медные игольники, шилья, ножницы, ножи (в женских захоронениях), кабаньи клыки-лощила, каменные утюжки. Предметы рукоделия обычно находились в женских погребениях.

Обычную одежду шили из тканей собственного изготовления, сотканых из шерстяных, конопляных и льняных ниток. Иногда местные мастерицы ткали ткани из импортного шелка (см. могильник в Мощевой балке). Нарядную одежду шили из привозных шелковых тканей.

Иногда в погребениях находят обрывки одежды, остатки войлочных и кожаных изделий. Очень хорошо сохранились одежда, головные уборы и обувь в могильнике в Мощевой балке. Ткани — шерстяные, шелковые, полотняные, сотканые из нитей конопли. В ряде случаев принадлежности одежды шились из тонкой кожи типа замши.

Как пишет А. Иерусалимская, изучавшая ткани из Мощевой балки, поступившие в Государственный Эрмитаж в 1925 г., привозная шелковая ткань разрезалась на небольшие куски (произвольно, без учета узора) и эти куски нашивались льняными нитками на полотняную основу длиннополого кафтана — по обшлагам, по всему рукаву, по подолу, иногда по всему кафтану⁴⁴. По находкам из Мощевой балки, сделанным в последние годы, мы имеем довольно отчетливое представление об одежде средневековых обитателей этих мест. И мужчины и женщины носили короткие штаны типа трусов. К ним кожаными подвязками пристегивались длинные матерчатые чулки, доходившие почти до паха. На ногах ноговицы — кожаные, типа ботишков, с каблучками и без них, иногда с загнутыми вверх носками. Кафтан доходил обычно до колен. Он часто шился на подкладке (из полотна или из тонкой кожи). У женщин под кафтаном была длинная рубаша с длинными рукавами, с четырехугольным вырезом у шеи типа «каре». Головные уборы кожаные и матерчатые, обычно конические⁴⁵.

Следует отметить, что изделия домашнего производства, судя по имеющимся в нашем распоряжении археологическим материалам, отличались тщательностью выделки, довольно высоким качеством, а в ряде случаев изяществом форм и орнамента.

Обмен

Археологические исследования на территории Карачаево-Черкесии говорят о том, что в эти места в довольно значительном количестве попадали самые различные предметы иноземного происхождения. Некоторые из этих вещей могли представлять собой добычу, захваченную во время военных походов (например, дорогие украшения), некоторые могли быть получены в качестве платы и награды за военную службу (например, серебряные наборные «юстиниановские» пояса типа найденного у ст. Преградной). Но большая часть многочисленных предметов иноземного происхождения, таких, как глиняные сосуды, недорогие металлические украшения, бусы и другие изделия, обнаруженные в верховьях Кубани, могли попасть сюда именно в результате обмена.

На раннесредневековых поселениях Карачаево-Черкесии в слоях VIII—IX и особенно X—XIII вв. во множестве найдены обломки красноглиняных амфор. Часто среди прочих археологических находок, полученных с того или иного поселения, этот материал преобладает. Но, к сожалению, очень редко выпадает возможность более или менее точно воссоздать форму амфоры, так как обломки — это обычно мел-

кие фрагменты ручек, стенок, иногда горлышек. Обломки, по которым можно было бы воссоздать форму донышек, нам не попались ни разу. Амфоры обычно красноглиняные, тесто в изломе кирпично-красное, малиновое, очень редко желтовато-оранжевое. Поверхность их красная, розовая, кремовая, желтоватая. Горлышко узкое, довольно высокое, сужающееся кверху. Венчик в верхней части расположен в горизонтальной плоскости или скошен наружу. Ручка в сечении овальная, часто с наружным продольным ребром-выступом. Горлышко и тулово амфор желобчатое, часто стенки амфор не желобчатые, а покрыты врезанным линейным зональным орнаментом (табл. 35, рис. 4).

Обломок верхней части желобчатой амфоры найден на Хумаринском городище. Ручки не возвышаются над горлышком (табл. 35, рис. 2). А. Л. Якобсон, видевший эту находку, датирует ее VIII—IX вв.⁴⁶ Материала VIII в. на Хумаринском городище пока не встречено. Керамика же IX в. имеется, так что, очевидно, амфору следует отнести к IX в. Кроме желобчатых на Хумаринском городище найдены в очень большом количестве обломки амфор с врезанным линейным орнаментом (табл. 35, рис. 4, 5). Очень много фрагментов амфор — ручек и стенок с линейным орнаментом — обнаружено нами на Рим-Горе и других раннесредневековых поселениях Карачаево-Черкесии. По-видимому, желобчатые амфоры — более ранние (VIII—IX вв.), а амфоры с зональным линейным врезанным орнаментом — более поздние. Обычно их обломки встречаются в слоях X—XIII вв.

Судя по обломкам, аналогии нашим амфорам имеются в памятниках VIII—XIII вв. Тамани, Крыма, Нижнего Дона, в частности в Саркеле — Белой Веже⁴⁷. Может быть, верхнекубанские амфоры частью изготавливались на месте, например на Хумаринском или Рим-Горском городищах. Однако пока доказательств местного производства амфор у нас нет. Вероятнее предположить, что в этих амфорах в верховья Кубани импортировалось вино и масло. Судя по аналогиям, найденные здесь амфоры могут быть крымского и таманского происхождения. На Тамани же, как показали исследования археологов, существовали мастерские по производству амфор⁴⁸.

На Северо-Западный Кавказ из Византии, Ирана, Крыма поступала поливная керамика — красноглиняная, иногда белоглиняная; полива — желтая, зеленая, коричневая. Зеленая и коричневая керамика могла поступать из Закавказья. Позднее, во второй половине XIII—XV вв., сюда проникала золотоордынская с голубой поливой⁴⁹. На Зеленчукском, Хумаринском, Сентинском и других поселениях верховьев Кубани в слоях, датирующихся не ранее XII в., обнаружены фрагменты поливной посуды — красноглиняной, с зеленой или желтой поливой, с подглазурной росписью коричневыми линиями. По типу эта керамика ближе всего к поливной красноглиняной посуде крымского и таманского происхождения. Однако окончательных выводов о происхождении подобной керамики пока сделать не представляется возможным, так как обнаруженный материал весьма скуден.

В могильниках и на поселениях раннесредневекового времени найдены импортные стеклянные сосуды. Так, в могильнике Узун-Кол (VI—VII вв.) встречен рюмкообразный сосуд (табл. 22а, рис. 8). Как полагает Н. П. Сорокина, рюмкообразные сосуды привозились с Ближнего Востока, очевидно из Сирии и Палестины⁵⁰. В погребениях Гилячского могильника (IV—V вв.) найдены обломки бокалов или бальзамариев прозрачного желтовато-зеленоватого стекла. В одной из могил оказалась бутылка с граненым туловом из прозрачного бесцветного стекла. Аналогии этой бутылке (хотя и не совсем точные)

Т. М. Минаевой были обнаружены в керченских гробницах III — начала V в. ⁵¹.

Фрагменты стеклянных сосудов — бокалов, рюмок и др. — найдены в могильниках Мощевой балки, Сынла; катакомбном Рим-Горском; на поселениях Рим-Горском, Гилячском, Нижне-Архызском и др. Стекло тонкое, обычно прозрачное, желтоватого или зеленоватого цвета. Иногда на стекле показан рельефный орнамент: так, на обломке сосуда с Рим-Горского городища орнамент в виде «врезанных» кружков. На Нижне-Архызском городище, около Северного зеленчукского храма, попадались осколки оконного стекла. Доставлялось оно, по-видимому, из мастерских Ближнего Востока и применялось обычно для застекления окон храмов ⁵².

В верховьях Кубани в большом количестве найдены стеклянные браслеты. На поселениях попадают их обломки, а в погребениях — обычно и целые экземпляры. Как правило, браслеты в сечении круглые, треугольные, плоскоовальные и плоские (последние неширокие, шириной по 6—8 мм), с ребристой поверхностью. Изредка попадают ложновитые, или, как их еще называют, рубчатые. Следов спайки не видно, чаще же место спайки декоративно оформлено — в виде овального или сердцевидного наплыва, треугольника или овального углубления и др. (табл. 276, рис. 29, 30; табл. 33а, рис. 1). Преобладает синий и черный цвет, но встречается желтый, коричневый, зеленый, рубиновый.

Откуда привозились эти браслеты? В. В. Кропоткин считает гилячские браслеты предметом византийского импорта ⁵³. Может быть, стеклянные браслеты попадали на Верхнюю Кубань из Тмутаракани? Известно, что стеклянные браслеты, изготовленные в тмутараканских мастерских, вывозились за пределы Тмутаракани — в Херсонес и, возможно, в Саркел ⁵⁴. Нет ничего невероятного в том, что они могли вывозиться и в глубинные районы Северного Кавказа, в частности в верховья Кубани. Но стеклянные браслеты изготавливались и в Закавказье и отсюда импортировались на Тамань ⁵⁵ и в другие районы Северного Кавказа. Топография находок браслетов в верховьях Кубани, в ущельях Зеленчука и Теберды на пути к перевалам в Закавказье, говорит скорее в пользу того, что браслеты доставлялись сюда из Закавказья, будучи и византийского и собственно закавказского происхождения.

Стеклянные перстни не так часто, но встречаются в могильниках в виде отдельных находок. Эти перстни подобны найденным в Песчанке и в других могильниках VIII—IX вв. ⁵⁶. В верховьях Кубани такие перстни из темного стекла происходят из могильников VIII—IX вв. (в районе Курджинова, недалеко от могильника в Мощевой балке и у хутора Ильич). В Усть-Тебердинском могильнике, в погребении IX—X вв., найдены два перстня черного стекла с глазками. У одного глазок из голубой пасты, впаянной в массу стекла, второй имеет красный глазок с желтыми пятнышками ⁵⁷. Стеклянные перстни, найденные в Тмутаракани, по мнению Ю. Л. Шаповой, закавказского происхождения ⁵⁸. По-видимому, из Закавказья подобные перстни доставлялись и в верховья Кубани.

Бусы в раннесредневековых комплексах Карачаево-Черкесии встречены самые различные — из стекла, пасты, глины, полудрагоценных камней (сердолика, янтаря, хрусталя, халцедона, гагата и др.). Вопрос о бусах подробно разработан в специальных исследованиях В. Б. Деопик (Ковалевской) ⁵⁹, поэтому здесь мы ограничимся несколькими краткими замечаниями. В комплексах V—VII вв. бусы как из полудрагоценных камней, так и стеклянные встречаются довольно

часто. Еще больше бус в комплексах VIII—IX вв., причем преобладают стеклянные, из которых отметим очень характерные для аланской культуры VIII—IX вв. крупные бипирамидальные бусы из зеленоватого («бутылочного») стекла (табл. 24, рис. 4), найденные в могильниках в районе Курджинова и в других местах. В более восточных районах Северного Кавказа таких бус много в катакомбах Су-Аргом (Чми, Северо-Осетинская АССР), Гоуст (Чечено-Ингушская АССР) и в других местах (хранятся в ГИМ).

В памятниках X—XIII вв. бусы встречаются сравнительно редко, иногда как единичные находки. Есть стеклянные бусы (в том числе двойные и тройные, посеребренные и золоченые), весьма характерны сплюснуто-шаровидные сердоликовые бусины (попадают в единичных экземплярах на скелетах), встречаются сердоликовые бочонковидные и призматические, плоские ромбические янтарные бусы, крупные подвески из сердолика и янтаря. Реже встречаются мелкие синие, а также глазчатые и мозаичные стеклянные и янтарные бусы (табл. 27, рис. 11—14, 20—24).

Выше мы отмечали, что есть основания говорить о местном производстве некоторых видов стеклянных бус. Однако в подавляющем большинстве бусы были привозные: стеклянные — из стран Ближнего Востока; из полудрагоценных камней — из Византии, Ирана, Индии⁶⁰. Янтарь мог доставляться не только из Прибалтики, но и с Приднепровья⁶¹.

Привозными были раковины каури (добываемые в Индийском океане) и некоторые другие виды раковин, из которых изготовлялись перламутровые подвески и бляшки типа бляшки-розетки из Мощевой балки (табл. 24, рис. 7), подобной найденным в катакомбах IX в. Дуба-Юрт в Чечено-Ингушской АССР⁶².

На Нижне-Архызском городище найдена костяная резная обкладка от византийской шкатулки X—XII вв.⁶³.

Из Византии, очевидно, поступали предметы христианского культа, такие, как иконка, найденная Нарышкиным в Северном зеленчукском храме; бронзовый литой «честной крест» с греческой надписью и датой 1067 г., там же обнаруженный В. А. Кузнецовым; кадильницы, омофоры и прочие вещи, встречавшиеся в погребениях и в культурном слое вокруг Сентинского и других храмов.

В могильниках IV—VI вв. встречаются металлические полихромные украшения со вставками из цветных камней (преимущественно красноватых тонов) и из красного, желтого, зеленоватого стекла. К таким находкам можно отнести украшения Терезинского кургана, круглые фибулы с соколиными головками из Байтал-Чапкана и Гиляча, бляшки различной формы с цветными вставками из этих же могильников, серебряную пряжку с сердоликом на щитке из Байтал-Чапканского могильника и некоторые другие украшения. По типу и манере орнаментации эти предметы ближе всего к той группе изделий, которые долгое время были зарубежными учеными ошибочно причислялись к предметам так называемого готского стиля. Как доказано работами советских исследователей, эти украшения изготовлялись в мастерских Боспора (Керчи). Мастерские Боспора не были полностью уничтожены готами и гуннами. В изделиях этих мастерских вплоть до VII в. продолжал сохраняться сармато-аланский полихромный стиль, сформировавшийся в мастерских позднеантичного Пантикапея, хотя продукция причерноморских ремесленников огрубела и варваризовалась⁶⁴. Скорее всего украшения полихромного стиля, найденные в верховьях Кубани, являются изделиями боспорских мастеров.

У ст. Преградской, на р. Уруп, вместе с бронзовыми пряжками и бляшками пояса «юстиниановского» типа найдены серебряные бляшки в виде человеческой фигурки и льва с раскрытой пастью (табл. 22а, рис. 3, 4). Т. М. Минаева справедливо усматривает аналогии этим находкам в Мартыновском кладе VI в.⁶⁵ Для бляшки в виде льва можно привести аналогию из Дигории (Камунты, или Кумбулты)⁶⁶. Подобные украшения для местного производства не характерны, но вопрос о том, откуда они могли попасть на Уруп, пока остается открытым.

Серьги с длинной подвеской из шариков типа происходящих из Индыша и Мощевой балки, по мнению Г. А. Ломтатидзе, к которому присоединяется и В. Б. Деопик, могут быть закавказского происхождения⁶⁷.

Среди раннесредневековых ювелирных изделий Карачаево-Черкесии особняком стоят предметы Зеленчукского клада — группа золотых украшений с драгоценными камнями: бляшки, перстни, серьги с длинной подвеской, шаровидные бубенцы, в том числе с эмалевыми розетками, и другие вещи. Как отмечалось, в состав этого клада входит альмандиновая печать с арабской надписью армянского царя Ашота I (855—891), тесно связанного с Арабским халифатом⁶⁸. Трудно сказать, где именно изготовлены драгоценные предметы, входящие в состав Зеленчукского клада, но попали они на Зеленчук, очевидно, из Закавказья, возможно из Армении.

В числе нательных крестов, найденных в верховьях Кубани, имеются и кресты-складни, так называемые энколпионы XI—XII вв. Энколпионы обнаружены в церкви на городище Адиях⁶⁹, в церкви № 6 Нижне-Архызского городища (2 экземпляра), в районе Карачаевска. В. А. Кузнецов приписывает энколпионам древнерусское происхождение⁷⁰. Т. М. Минаева сопоставляет адияхский энколпион с херсонесскими, но добавляет, что такие энколпионы весьма часто встречаются в развалинах древнерусских городов домонгольского периода, в слоях XI—XII вв.⁷¹

Таким образом, есть все основания полагать, что верхнекубанские энколпионы являются изделиями древнерусских мастеров. Очень может быть, что энколпионы попали сюда из мастерских Киева⁷².

Пряжку-сюльгаму X—XI вв., найденную на Кубинском городище (табл. 28б, рис. 13), Т. М. Минаева сопоставляет с древнерусскими пряжками. «Не случайно, — замечает Т. М. Минаева, — время появления пряжки на Кубинском городище совпадает с образованием Тмутараканского княжества на Тамани и укреплением славянского населения на Нижнем Дону после похода Святослава на хазар (X в.)»⁷³.

Возможно, вещи древнерусского происхождения — кресты, некоторые украшения — попадали в верховья Кубани из Тмутаракани или через Тмутаракань⁷⁴.

Несколько замечаний о привозных тканях. Как отмечает Масуди, кашаки (в частности, их женщины) «одеваются в белое, в румскую парчу, в ярко-алую ткань (сиклатун) и в различные парчовые ткани, затканые золотом»⁷⁵. Из этого отрывка мы можем заключить, что на Северо-Западный Кавказ попадали дорогие ткани иноземного происхождения, в частности румская (византийская) парча.

Археологические материалы подтверждают это положение. Обрывки иноземных шелковых тканей обнаружены в могильниках Мощевой балки и в Хасауте. Из Мощевой балки в Государственном Эрмитаже хранится 143 фрагмента, из Хасаута в Эрмитаже и в ГИМ — 65 фрагментов. А. А. Иерусалимская, изучая эти ткани, установила, что

большая часть их является согдийскими и принадлежит к типу «занданчи»⁷⁶. Есть также фрагменты византийских и китайских шелковых тканей и один обрывок ткани иранского происхождения (из Мощевой балки), относящийся к послесасанидскому времени (конец VIII — начало IX в.). Любопытно, что были обнаружены шелковые ткани местного происхождения, сделанные из привозного сырья и напоминающие привозные (главным образом согдийские) образцы. Некоторые из найденных в Мощевой балке тканей относятся к VII и даже VI в., есть ткани X—XI вв., но преобладают VIII—IX вв. В Хасауте есть ткани VII в., выделяется группа тканей X—XIII вв., но основная часть обнаруженных фрагментов, так же как и в Мощевой балке, относится к VIII—IX вв.

Находки столь большого количества дорогих тканей, по заключению А. А. Иерусалимской, говорят о накоплении богатств у значительного слоя местного населения.

Далее, они свидетельствуют о том, что через эти места проходил постоянно действующий торговый путь из Средней Азии в Византию, тот самый «шелковый путь», о существовании которого высказал предположение еще А. Н. Дьячков-Тарасов⁷⁷.

Согд, находившийся на «великом шелковом пути» из Китая на Запад, начиная с VI в. освоил собственное производство шелковых тканей и искал рынков сбыта. Этот рынок был найден в Византии, а путь к нему согдийские купцы проложили через Северный Кавказ, таким образом они оставляли в стороне территорию враждебного им Ирана⁷⁸. «Шелковый путь» шел по берегу Аральского моря, северному берегу Каспия с переправой через Волгу, затем по Северному Кавказу «до Алании», откуда по Даринской дороге (т. е. очевидно, через Марухский перевал) купцы переправлялись в Закавказье, в Апполию и шли затем до Фазиса (Риона), Трапезунда и Константинополя⁷⁹. Торговле согдийских купцов покровительствовали турки Западно-Тюркского каганата⁸⁰.

Местное население, владея подступами к перевалам, по-видимому, взимало пошлину шелком с проходивших караванов. Но возможно, что местные жители и сами были втянуты в транзитную торговлю между Византией и Средней Азией⁸¹.

Из изложенного видно, что торговую деятельность в верховьях Кубани вели согдийские и другие иноземные купцы. Сюда проникали даже китайские купцы, если верно предположение А. А. Иерусалимской, что в Мощевой балке погребен китайский купец⁸². Однако с VIII—IX вв. здесь, очевидно, появляются и местные купцы. Так, автор рубежа VIII—IX вв. Феофан Исповедник, говоря об аланах, под которыми нужно понимать верхнекубанских алан, отмечает, что эти аланы заявили Льву Исаврянину: «Ты пойдешь в Авазгию; *мы имеем с ними общение, и наши купцы всегда ходят туда* (курсив наш.—Е. А.)»⁸³. Здесь, несомненно, речь идет о регулярных торговых рейсах, которые совершали купцы из верхнекубанской части Алании в Абхазию. Надо думать, что эти купцы не иноземцы, а происходят из местного, аланского или неаланского населения, коль скоро они названы «наши купцы». Известия об аланских купцах, действовавших на восточном побережье Черного моря и в Крыму, имеются и у более поздних авторов⁸⁴.

В верховьях Кубани обнаружено несколько византийских монет. На Амгате найдена просверленная золотая монета Константина IV Погоната (668—685)⁸⁵, в Сентинском храме — золотая монета Василия II и Константина VIII (976—1025)⁸⁶, на Нижне-Архызском горо-

дище — медная монета Константина Багрянородного (945)⁸⁷, на «Некрасовской скале», т. е. на Хумаринском городище, по словам А. Фирковича, была обнаружена медная стертая монета, по-видимому византийская⁸⁸. Как любезно сообщил мне М. Н. Ложкин, на городище, у хутора Ильич, найдена золотая монета Никифора III (1078—1081).

Индикации византийских монет обнаружены в могильниках Мощевой балки и Рим-Горском. Последние сняты с монет VII в.

На территории Карачаево-Черкесии найдены и грузинские монеты. Так, по словам А. Фирковича, на огороде Надеждинского укрепления (ст. Сторожевая) открыт клад грузинских монет царицы Русудани (1227)⁸⁹. На берегу Большого Соленого озера, в 18 км к востоку от Черкесска, обнаружена серебряная золотоордынская монета⁹⁰.

Итак, судя по довольно значительному количеству раннесредневековых импортных вещей, найденных на территории Карачаево-Черкесии, население этих мест в тот период было связано торговыми взаимоотношениями с соседними и более отдаленными странами и народами. Весьма заметны связи с Византией. Из Византии доставлялись шелковые ткани, бусы из полудрагоценных камней, украшения из металла и кости, предметы христианского культа и, очевидно, стеклянные браслеты. Большая часть вещей византийского происхождения и византийских монет, обнаруженных в верховьях Кубани, относится к X—XI вв. Надо думать, последнее обстоятельство связано с христианизацией Алании (в том числе ее западной, верхнекубанской части), проводимой Византией через посредство абхазских царей начиная с X в.

Прослеживаются связи с Ближним Востоком — отсюда поступали стеклянные сосуды, бусы и оконное стекло. Из Ирана доставлялись бусы из полудрагоценных камней, иногда шелка (VIII—IX вв.). Шелковые ткани попадали в эти места из Китая. Из Индии могли поступать раковины каури и бусы из полудрагоценных камней. Существовали связи со Средней Азией. Из Согда в верховья Кубани попадало много шелковых тканей (особенно в VII—IX вв.).

Весьма оживленными были торговые связи с Закавказьем. Из сообщения Феофана Исповедника можно заключить, что в начале VIII в. торговые сношения существовали между верхнекубанскими аланами и авазгами⁹¹. Из Закавказья поступали медные, серебряные и золотые украшения, иногда с цветной эмалью, с вставками из полудрагоценных камней (типа вещей из Зеленчукского клада). Предметами более массового потребления являлись закавказские серьги с длинной подвеской из нескольких шариков (VIII—IX вв.), стеклянные перстни (VIII—IX вв.) и некоторые виды стеклянных браслетов (X—XIII вв.). Любопытную находку представляет собой клад монет Русудани. Возможно, из Закавказья (в частности, из Грузии) поступали некоторые предметы христианского культа (железные кресты). Косвенно подтверждает такое предположение тот факт, что у черкесов крест называется «джур», «джори» от грузинского «джвари». Примечательно, что на Урупе, у хутора Ильич, существует церковь, выстроенная в стиле грузинской церковной архитектуры XI—XIII вв.⁹². Впрочем, производство железных крестов могло быть освоено и на месте, например в таких пунктах, как Нижне-Архызское городище.

С Руси, возможно через Тмутараканское княжество, в верховья Кубани поступали кресты-энколпионы, а также, может быть, некоторые металлические украшения.

На протяжении всего раннего средневековья существовали связи с Крымом. Весьма распространенными были полихромные украшения

IV—VII вв., которые изготовлялись скорее всего в Боспоре (Керчи). Очевидно, частично из Крыма поступали амфоры с вином, поливная красноглиняная керамика.

С Таманского полуострова, а также восточночерноморского побережья в глубинные районы Северо-Западного Кавказа, в том числе и в верховья Кубани, по-видимому, поступали амфоры с вином, глиняные сосуды специфической формы (типа бутылкообразных, подобных найденным в Узун-Колском могильнике). Не исключена возможность, что из Тмутаракани в верховья Кубани проникали некоторые виды стеклянных браслетов и предметы христианского культа, о чем речь шла выше. Впрочем, существование связей с Тмутараканью нуждается в дальнейших дополнительных доказательствах.

О существовании обмена между местными, северокавказскими народами из-за большого сходства материальной культуры судить очень трудно. Но такие связи, несомненно, были. Одним из доказательств этого может являться наличие сосудов аланского типа у адыгов в Закубанье и в Восточном Причерноморье⁹³ и сосудов адыгского типа у алан⁹⁴. По свидетельству Масуди, кашаки-адыги изготовляли высококачественную льняную ткань — тала, которая шла на вывоз⁹⁵. Относительно алан таких данных нет. Нет также доказательств того, что в Алании выращивался лен. Однако на территории Алании, в том числе и в верховьях Кубани, зафиксированы остатки тканей и ниток из льна. Очевидно, эти нитки и ткани были импортными, и нет ничего невероятного в том, что часть их могла быть получена от ближайших соседей — кашаков-адыгов, изготовлявших такие ткани специально на обмен.

Внешний обмен население Северо-Западного Кавказа могло производить через Таматарху и Севастополис (Сухуми). Для населения территории Карачаево-Черкесии наиболее вероятным был второй из названных пунктов. Древние торговые пути, проходившие через верховья Кубани, связывали Северный Кавказ с Восточным Причерноморьем и Закавказьем, а оттуда — с Византией, Ираном и другими странами. Торговые пути шли через перевалы — Клухорский (по р. Теберде), Марухский, Пишишский, Санчарский (по Большой Лабе). Остатки древних дорог, заросших лесом, сохранились в ряде мест Карачаево-Черкесии. Так, по наблюдениям В. А. Кузнецова, древние дороги имеются у пос. Нижний Архыз — они идут по плато и удобным гребням хребта Ужум.

От северных границ территории нынешней Карачаево-Черкесии шел путь на запад — на Дон и на восток — на Волгу.

Торговля была меновая. Свою монету местное население не чеканило. Отдельные монеты иноземного происхождения, попавшие в эти места, по-видимому, использовались в качестве украшений — об этом говорит тот факт, что некоторые из них (например, монета Константина Погоната с Амгаты) имеют отверстие для подвешивания. Косвенным свидетельством использования монет как украшения для головного убора является обычай изготовлять индикации византийских монет и нашивать их на головной венчик.

Что же поставляло местное население иноземным купцам в обмен на ткани, стеклянные и глиняные сосуды, украшения, вино и другие товары? Точных данных по этому вопросу для периода раннего средневековья мы не имеем ни в письменных источниках, ни в археологических материалах. Но по аналогии с другими эпохами, о которых имеются сведения в источниках, мы можем сказать, что местное население в обмен на иноземную продукцию, очевидно, поставляло скот, хлеб, мед,

воск, меха, кожи, лес, металл, некоторые изделия из металла, кожи и дерева⁹⁶, может быть рабов.

О внутреннем обмене у нас данных нет. По мнению З. Н. Ванеева, этот вид обмена в Алании хотя и существовал, но в незначительной степени. К определенным дням приурочивались ярмарки и базары⁹⁷. Материалов, подтверждающих это положение, З. Н. Ванеев не приводит. Однако нет ничего невероятного в том, что в крупных населенных пунктах, таких, как Нижне-Архызское, Хумаринское, Гилячское, Адихское, Рим-Горское городища, местное население могло производить обмен продуктами и изделиями местного производства. Так, на Гилячском городище имелась городская площадь, которая могла выполнять функции базарной⁹⁸. К вопросу о роли больших населенных пунктов как центров ремесла и обмена мы еще вернемся.

Поселения

В верховьях Кубани и Зеленчуков в настоящее время зафиксировано около 40 крупных городищ и селищ⁹⁹. Эта территория, являющаяся западной частью Алании, вполне оправдывает характеристику, данную Масуди владениям аланского царя: «Его (аланского царя. — *Е. А.*) царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоят [где-нибудь] петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений»¹⁰⁰. Действительно, раннесредневековые поселения на территории Карачаево-Черкесии, особенно по долинам рек, тянутся почти непрерывной цепью. Расстояние между ними иногда не превышает двух-трех километров (например, между Эльбурганским и Инжиччукунским селищами, между Инжиччукунским селищем и Адихским городищем, между Адихским городищем и Тамгацикским поселением и т. д. — таких примеров можно было бы привести много не только по правобережью Малого Зеленчука, но и по долинам других рек Карачаево-Черкесии).

В ряде случаев поселения расположены группами — по два, по три поселения — на Кыфаре, на р. Кривой, на Большом Зеленчуке, около аула Архыз, у Ново-Кувинского, у Инжиччукуна, на р. Гиляч, в устье р. Теберды, у хутора Дружба, у аула Псыж, у аула Абазакт и в других местах. Иногда наблюдается «скопление» небольших селищ около значительного городища, например Инжиччукунские и Эльбурганские селища находятся по соседству с Адихским городищем; несколько поселений на р. Гиляч расположено в непосредственной близости от Гилячского городища. Иногда большие городища находятся на разных берегах одной и той же реки, напротив друг друга, в частности городища у аула Архыз, Хумаринское и Каракентское городища, Учкульское и Кубинское и др.

Поселения конца IV—V вв. обычно не имеют оборонительных сооружений, но расположены в таких местах, которые имеют надежные естественные укрепления, — на высоких мысах в долинах рек (например, Карт-Джуртское и Гилячское поселения)¹⁰¹ или даже на плоскогорьях водоразделов (Тамгацикское и Кызыл-Калинское).

Очевидно, с VI в. возникают городища с оборонительными сооружениями типа Адихского и Узун-Колского. Однако большая часть известных нам городищ датируется временем начиная с VIII—IX вв. и позднее (Учкульское, Гилячское, Кубинское городища на р. Кривой и др.). Многие городища возникли только в X в. и относятся к концу раннесредневекового периода (X—XII вв.) — группа городищ на Большой Лабе и Урупе, Нижне-Архызское городище и т. д. Хумаринское горо-

дище датируется IX—XIII вв. Но сохранившаяся оборонительная стена выстроена во второй половине этого периода, очевидно в XI в. Были ли оборонительные сооружения до этого времени и если были, то как они выглядели — сказать трудно, так как при раскопках их не обнаружено. Городища обычно, как и в более раннее время, располагались на высоких мысах, на выступах первых надпойменных речных террас. Но встречались городища и непосредственно в долине реки, на ее берегу — Нижне-Архызское, Каракентское и др.

Одновременно с городищами существовали и селища, также в долинах рек, иногда на первой надпойменной террасе, а иногда непосредственно на берегу реки (например, Учкуланское, Бесленевское и др.).

Рис. 7. Кызыл-Калинское городище. Участок оборонительной стены, ограждавшей с юга первую часть городища. Экспедиция КЧНИИ 1960 г.

Очевидно, селища представляли собой поселки сельского типа, тем более что в некоторых случаях можно проследить концентрацию этих селищ вокруг какого-либо крупного городища.

Городища укреплялись рвами, валами и каменными стенами. Как правило, оборонительные сооружения строились только с той стороны, которая не была защищена самой природой: так, городища, расположенные на мысах, имели оборонительные сооружения с напольной стороны (Адиюхское, Кызыл-Калинское (рис. 7), Учкулское и многие другие). Но в некоторых случаях вся территория городища обносилась стеной, например на Хумаринском городище. Стены обычно складывались в два панциря с забутовкой. Панцири сооружались из хорошо отесанных каменных блоков. Толщина стен различная. Так, на Адюхском городище толщина стены не превышала одного метра, на Нижне-Архызском достигала двух метров, а на Хумаринском доходила до шести метров. Иногда стены укреплялись башнями, обычно квадратными в плане.

Как отмечает В. А. Кузнецов, наличие каменных оборонительных стен — характерная особенность городищ верхнего Прикубанья. В Пятигорье и в Кабардино-Балкарской АССР каменных стен вокруг горо-

дищ не имеется¹⁰². Иногда в систему обороны города включались пашни, выгоны, сенокосы (например, на городище у хутора Ильич).

Очень часто внутри городища существовало внутреннее укрепление — цитадель. Таким образом, городище разделялось как бы на две части: внутреннюю крепость («кремль») и остальную часть, также укрепленную с наружной стороны. К таким «двухчастным» городищам с цитаделью относятся Хумаринское, Гилячское, Учкульское. Имеются и трехчастные городища: Адюхское и Кызыл-Калинское. В таком случае «кремлем» являлась вторая часть городища, а первая, как полагают некоторые исследователи, была уже внутренней крепостью самого «кремля».

Не всегда удается установить точную дату сооружения наружных и внутренних укреплений — это дело будущих исследований. Но известны случаи, когда внутренние укрепления возникали или приобретали дополнительные оборонительные сооружения в поздний период существования городища (например, городище Адюх).

Городище Адюх расположено напротив аула Хабез, на правом берегу р. Малый Зеленчук, на мысу, образованном балкой Адюх (с севера) и излучиной Малого Зеленчука (с юга). На самом краю городища, над Малым Зеленчуком, высится башня Адюх, построенная в 60-х годах XVIII в.¹⁰³. Городище исследовалось Т. М. Минаевой в 1951—1955 гг.¹⁰⁴. Состоит оно из трех частей. Первая расположена на мысу, где высится башня Адюх, отделенная от второй части рвом. Вторая часть от третьей также отделена рвом. Третья, самая большая по площади часть городища со стороны поля защищена каменной стеной. У балки Адюх в стене имеются ворота. Вторые ворота находятся над обрывом Малого Зеленчука (табл. 28а, рис. 1). Культурный слой городища имеет два горизонта — нижний (VI—IX вв.) и верхний (X—XII вв.).

В первой части городища обнаружен культурный слой, свидетельствующий о существовании здесь поселения. Позднее на этом месте были выстроены христианская церковь (в которой при раскопках среди прочих вещей найден крест-энколпион из низкопробного серебра XI—XII вв.) и христианский могильник.

Вторая часть городища в V—VI вв. служила местом культовых действий — здесь встречены захоронения головы и ног коня, очаг, выложенный камнем, и вертикально стоящий камень в центре круга, высеченного в материковой породе. Между VII и X вв. вторая часть городища была плотно застроена. Здесь находились жилища, помещения для размола зерна, погреба, дворики, подземелье, которое Т. М. Минаева называет тюрьмой. Отметим, кстати, что и на Рим-Горском городище есть подземелье, которое, по мнению А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова, также предназначалось для содержания заключенных. Вторая часть городища была отделена от третьей стеной с башнями, ограждавшей всю эту группу построек с востока. С наружной стороны этой стены находились длинные просторные помещения для скота. В поздний период существования городища (очевидно, позднее X в.) здесь была выстроена вторая стена и вырыт ров между второй и третьей частью городища. Таким образом, в поздний период существования городища (между X и XII вв.) первая и вторая его части были полностью отрезаны, отгорожены от третьей.

В третьей части городища открыт мавзолей и жилые постройки. Эти постройки значительно хуже, чем строения второй части городища. Так, жилище у городской стены в третьей части городища было выстроено из грубо отесанного камня на глине, тогда как во второй части имеются

монументальные постройки, стены которых были возведены из тщательно отесанного камня на известковом растворе.

На городище найдено значительное количество обломков глиняной посуды, каменные жернова, ступы, песты, камни, каменные молоты и др. В верхнем культурном слое второй части городища обнаружены: обломки стеклянных браслетов, каменные земледельческие орудия, глиняные пряслица, глиняный светильник; железные предметы — серп, плужный нож — чересло, ножницы для стрижки овец, орудие для тески камня, плоский черешковый наконечник стрелы с порошком и др.

Кости животных обнаружены главным образом в нижнем слое городища, в частности во второй его части. Найдены кости домашних животных: коровы, лошади, овцы, козы, свиньи; кости диких животных: оленя, косули, кабана; кабаньи клыки, куски оленьего рога со следами обработки; кости рыб и птиц.

Весьма важен факт существования «городища в городище». Как отмечалось, первая и вторая части городища тщательно отгораживались от третьей в начальный период существования этого населенного пункта и еще более — в поздний период. В этой обособленной части и постройки были лучше, монументальнее, разнообразнее, и находки богаче.

Таким образом, городище Адюх представляет большой интерес для изучения социально-экономической жизни населения этих мест в ранне-средневековую эпоху.

Основным типом жилища на верхнекубанских поселениях была наземная постройка, хотя иногда встречались полуземлянки и землянки. Так, на Кубинском городище наряду с наземными жилищами обнаружена землянка, стены которой были обмазаны глиной и побелены. На Кубинском и Тамгацикском поселениях встречены каменные постройки, пол которых был ниже уровня материка. Т. М. Минаева считает, что это остатки полуземлянок. Но возможно, это подвальное помещение обычных наземных построек.

Стены построек (особенно на селищах), очевидно, были турлучные. Иногда турлучные постройки возводились на каменных фундаментах (например, на Тамгацикском поселении). Но на городищах, как правило, стены построек возводились из тесаных кусков камня местных пород, иногда насухо, иногда на скрепляющем растворе. Встречались кладки из плохо обработанных камней на глине, но наряду с ними обнаружены кладки из хорошо отесанных камней на цементующем растворе. Эту разницу Т. М. Минаева, как отмечалось, объясняет социальными причинами. В некоторых случаях стены жилищ складывались из булыжника на глине. Каменные стены домов обмазывались глиной и белились.

Любопытные каменные постройки обнаружены на городище Шпиль. Стенки жилищ здесь складывались из крупных плит песчаника насухо. Иногда стены построек возводились на цоколе. Видны дверные проемы. Стены жилищ на Узун-Колском поселении были сложены как крепостные стены храмов — в два панциря с забутовкой. Вход в жилище находился или посередине одной из поперечных стен, или в углу (угловой вход был и у некоторых жилищ на Адюхском городище).

Пол построек обычно земляной, глинобитный. В редких случаях вымощен каменными плитами (Тамгацикское поселение, Адюхское городище). Крыша, судя по узун-колским жилищам, имела деревянный настил, покрытый хворостом, землей и глиной, т. е. была плоской. В одной из построек Нижне-Архызского городища найдены куски коричнево-красной глины — остатки плоской обвалившейся крыши, как полагает В. А. Кузнецов. Но, очевидно, существовали и другие типы крыш — со

скатами, покрытые соломой. На городищах у хутора Ильич и у Нижне-го Архыза попадались обломки кровельной черепицы.

В плане жилища были четырехугольные (как правило, прямоугольные). Размеры жилищ обычно небольшие — 12—16 кв. м. Состояли чаще всего из одного помещения. Но встречались жилища из нескольких помещений, например на городище Шпиль, поселении Тамгацик. В жилищах имелись хозяйственные ямы, а иногда — погребки. Вдоль стен в некоторых случаях тянулись каменные нары и лежанки. В жилищах были печи и очаги. Интересно, что на печи одного из жилищ городища Адюх найдена свалившаяся вытяжная труба из прутьев, обмазанных глиной, т. е. дымарь, обычный для горских построек вплоть до самого недавнего времени. Как полагает Т. М. Минаева, уже в то время существовали и надочажные цепи. Печи и очаги располагались, как правило, либо в углу, либо около одной из стен построек. Однако известны случаи, когда очаги находились посередине жилищ (например, на Гилячском и Адюхском городищах). Освещались жилища глиняными светильниками типа найденного на городище Адюх в виде стержня с расширенным основанием и блюдцеобразной верхней частью, в которой сделаны четыре круглых углубления для фитилей.

Рядом с жилищами иногда оказывались мощные дорожки и мощеные дворики, различные хозяйственные постройки, помещения для содержания скота, погреба и т. п. (например, во второй части городища Адюх). Такие отдельные усадьбы и дворы в некоторых случаях имели ограды, сложенные из каменных брусков или из булыжника (Верхне-Архызское и Нижне-Тебердинское поселения).

Плотность застройки была различной. На открытых поселениях типа Тамгацикского постройки располагались свободно, довольно далеко друг от друга, без всякого плана. В пределах же укрепленных городищ застройка была плотной. На некоторых городищах выявлены улицы. Так, три улицы и переулки обнаружены на Нижне-Архызском городище. На Верхне-Архызском городище отмечены улицы с каменными выкладками по бокам¹⁰⁵. На Гилячском городище узкие проходы между домами были укреплены камнями в виде ступеней. На этом же городище открыто несколько лестниц, идущих с более высоких на более низкие участки поселений.

На городищах, как правило, имелись церкви. Иногда наряду с христианскими храмами встречались и языческие капища — более ранние, чем храмы (на Адюхском городище), а также одновременные (или почти одновременные) храмам (на Гилячском и Нижне-Архызском городищах). Существовали городские кладбища.

На городище Гиляч выявлена городская площадь, а на Нижне-Архызском — мастерская для производства железных изделий. На Хумаринском и других городищах во множестве попадались обломки железного шлака. На Адюхском городище найдены печь для выжигания извести и железное орудие для тески камня. Обычным и самым массовым материалом на поселениях является керамика, в том числе хорошего качества, часто с клеймом на дне. Встречались куски кости и рога со следами обработки, некоторые с начатой, но незаконченной распиловкой. Кроме предметов местного производства попадались и вещи явно привозные и изредка — монеты.

Перечисленные находки говорят о том, что перед нами поселения городского типа, в которых существовало не только домашнее производство, но и некоторые виды ремесла — гончарное, металлообрабатывающее, строительное. Имел место обмен. Городища являлись центрами религиозной и, очевидно, культурной жизни.

Попытки отождествить верхнекубанские городища с какими-либо городами, упоминавшимися в письменных источниках, были сделаны только в отношении двух городищ — Нижне-Архызского и Хумаринского.

Еще в 1802 г. майор Потемкин в одном из Зеленчукских храмов видел написанный на стене образ Николая Чудотворца и по бокам его головы греческую надпись: «Осиос Николаос, Аспе патрос» — «Святой Николай, покровитель Аспе». П. Бутков предположил, что Аспе — это название города, где находятся зеленчукские храмы, и отождествил Аспе с сиракским городом Успой¹⁰⁶, о котором говорит Тацит¹⁰⁷. Е. Г. Пчелина считает это предположение правильным и называет Нижне-Архызское городище «сирако-аланским городом Успе»¹⁰⁸. Полагая, что отождествление Нижне-Архызского городища с тацитовской Успой неправомерно. Успа, согласно Тациту, находилась в трех днях пути от Танаиса, т. е. в бассейне Нижней, а никак не Верхней Кубани. Судя по описанию Тацита, по внешнему виду она никак не походила на верхнекубанские укрепления с каменными стенами, в частности на Нижне-Архызское городище. Укрепления Успы возводились из плетней и прутьев с насыпавшейся между ними землей. И наконец, если бы на месте Нижне-Архызского городища в I в. н. э. находился большой сарматский город, каким была, судя по описанию Тацита, Успа, то в нижних слоях Нижне-Архызского городища должен был быть представлен обильный материал I в. н. э. сарматского облика. Между тем раскопки этого поселения дают только средневековый материал не ранее чем X в. Таким образом, тацитовской Успой Нижне-Архызское городище быть никак не может.

Так что пока вопрос о названии города остается открытым. В отношении Нижне-Архызского городища есть еще одно интересное и весьма правдоподобное суждение. Еще В. Ф. Миллер в 1893 г. высказал предположение о том, что зеленчукские храмы и расположенное здесь городище были центром Аланской епархии¹⁰⁹. В. А. Кузнецов отмечает, что время и новейшие археологические исследования доказали правильность этого предположения. Согласно В. А. Кузнецову, Северный зеленчукский храм был кафедральным храмом Аланской епархии, местопребыванием аланских митрополитов. Северный зеленчукский храм был не только значительнее всех прочих северокавказских храмов по площади, но и имел такие детали, как притворы с культовыми нишами, нартекс, крещальню, солею, трехступенчатый синтрон, каменный престол. Здесь же, в западной части храма, был найден бронзовый «честной крест» с греческой надписью: «Обновлен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой пресвитером. Года от Адама 6575-го Индикта 5-го» (т. е. 1067 г.)¹¹⁰. «Честному кресту» в X в. посвящались особые праздники и службы¹¹¹. Северный зеленчукский храм, тесно связанный с группой абхазских храмов X в., и прежде всего с Лыхненским, построен в стиле византийской церковной архитектуры. Некоторыми чертами Северный храм перекликается с рядом архитектурных памятников X в. Болгарии и Киевской Руси¹¹².

Нижне-Архызское городище — один из интереснейших памятников не только Карачаево-Черкесии, но и всего Северного Кавказа, поэтому на нем мы позволим себе остановиться несколько подробнее. Городище расположено в ущелье р. Большого Зеленчука, в 22 км южнее ст. Зеленчукской. Оно тянется по правому берегу Зеленчука от так называемой балки «Бандитской» до Буковского моста. Длина его 4,5 км. Сведения об этом городище и о трех больших («зеленчукских») храмах, на нем расположенных, имеются в дореволюционной литературе¹¹³.

В 1940 г. городище обследовалось экспедицией, возглавляемой К. М. Петрелевичем¹¹⁴. С 1960 по 1968 г. здесь проводил экспедиции В. А. Кузнецов (от ИА АН СССР, СОНИИ, в 1962 г. — совместно с КЧНИИ)¹¹⁵. На городище повсюду видны развалины построек, остатки стен, руины церквей и часовен. Сохранились фундаменты и стены больших четырехугольных сооружений, сложенных из хорошо отшлифованного камня. Четко прослеживаются три улицы и соединяющие их переулки. Город был обнесен стеной. Экспедицией обследованы участки городской стены, въезд и ворота в город. Ширина стены до 2 м, высота 1,5 м. Стена у Северного зеленчукского храма защищала с севера не только небольшой поселок епархии у этого храма, но и все городище. Культурный слой городища датируется X—XII вв. В поселке у Северного храма слабо выражен и более поздний слой — XIII—XIV вв.

У Северного зеленчукского храма исследовался могильник XI—XIV вв. В культурном слое у этого храма и на других участках городища найдены: обломки оконного стекла¹¹⁶ и стеклянных сосудов — рюмок, бокалов; железные кресты, обломок металлического зеркала, медная византийская монета Константина Багрянородного 945 г., сильно стертая, без отверстия; керамика — пифосы, амфоры, кувшины, горшки. Цвет в основном красный, розовый, желтый, есть серый. Орнамент врезанный линейно-волнистый и сетчатый, лощеный. Есть сосуды, привезенные из Закавказья, в частности из Абхазии. Кроме трех больших храмов на городище раскопано еще 10 церквей. В апсиде церкви № 6 найдены половинки двух бронзовых крестов-энколпионов XI—XII вв. древнерусского происхождения, стеклянные браслеты, бронзовая копушка. В церкви № 10 найдены два маленьких железных клепаных крестика X—XII вв. В кладке церкви две песчаниковые плиты, на которых были арабские кufические надписи XI—XII вв. Вначале эти плиты служили мусульманскими надгробиями¹¹⁷, а потом были использованы как строительный материал. В церкви № 11 обнаружены: пластинка от железного креста, обломок светло-зеленого стеклянного сосуда, черепа трех оленей с отпиленными рогами. Церкви небольшие, одноапсидные, сложены из битого подтесанного камня насухо. Датируются XI—XII вв.

В центре городища, недалеко от храма № 4 (около центральной улицы города, к северу от балки Подорвановой), обнаружен комплекс из пяти помещений. В плане здание прямоугольное, стены сложены из камня-плитняка насухо. Первое помещение представляло собой мастерскую по изготовлению железных изделий. Внутри помещения у юго-западной стены находились остатки горна, о котором шла речь выше. В горне выплавлялось железо. Находка такого горна — первая известная на территории средневековой Алании.

Недалеко от церкви № 8 (помещавшейся на скалистом мысе горы Церковной) найдена постройка, ориентированная с северо-запада на юго-восток, состоящая из двух помещений. Здесь найдено 25 целых железных крестов и их части в виде тонких железных пластинок. Кресты относятся к X—XII вв. По мнению В. А. Кузнецова, это было местное дохристианское святилище, позднее связанное с культом креста, известного у адыгов под названием «джори» (грузинское «джвари») — «крест»¹¹⁸.

Таким образом, Нижне-Архызское городище было не только религиозным, но и экономическим центром. Здесь добывалась и обрабатывалась железная руда, производились изделия из железа. На плато против Нижнего Архыза обнаружены выработки железной руды. Нижне-Архызское городище было расположено на самом коротком и удобном пути из Абхазии и Византии на Северный Кавказ. Путь этот шел

через Санчарский перевал и далее, по ущелью Большого Зеленчука. В районе Нижнего Архыза сохранились остатки древних дорог, заросших лесом. Они идут по плато и по гребням хребта Ужум¹¹⁹. На городище обнаружено много вещей — как импортных, так и сделанных местными мастерами. Судя по всему, этот город являлся довольно значительным центром ремесла и обмена.

Хумаринское городище называли «турецкой крепостью». Е. Д. Фелицын полагал, что это «генуэзская крепость»¹²⁰. Есть еще местное название городища — «Некрасовская скала»¹²¹.

Еще Нарышкины резонно указывали, что турецкой крепостью это укрепление быть не могло, так как рядом с ним, у самого подножия горы, на берегу Кубани, находился высокий каменный столб с высеченным на нем изображением креста (соседство турецкого гарнизона не пощадило бы этот памятник)¹²². Турецкие крепости строились в этих местах много позднее (в XVII в.), причем, как правило, деревянные. Об этом мы находим сведения у турецкого автора XVII в. Эвлии Челеби.

Генуэзские крепости на Северо-Западном Кавказе датируются XIII—XV вв. (см. гл. VI), а укрепления Хумаринского городища были построены в период раннего средневековья. Жизнь на нем началась в конце IX в. и в XIII в. уже закончилась. Исходя из этих хронологических расчетов, Хумаринское городище никак не может быть «генуэзской крепостью», как думал Е. Д. Фелицын.

Что касается казаков-некрасовцев, которые якобы в XVIII в. на пути в Турцию останавливались и жили на этой «скале», то нужно заметить следующее. Остатков жизни на городище после XIII в., за исключением случайных находок, нет. Среди случайных находок есть глиняная казачья трубка-люлька XVII—XVIII вв. (табл. 34, рис. 8). Таким образом, в XVII—XVIII вв. казаки могли заходить на это городище. Но это не могли быть некрасовцы, так как последние старюверы и табака не употребляли.

Есть еще одно соображение относительно Хумаринского городища. Согласно церковным преданиям, в середине VII в. св. Максим Исповедник был сослан в укрепление Схимарис, пограничное с аланами¹²³. В грузинских летописях XI в. это место переведено так: «Тут Максима заточили в крепость Гимар, что недалеко от страны овсов»¹²⁴. А в Четьи-Минеях читаем: Максим Исповедник был сослан «в страну скифскую, которая в Европе Алания нарицаемая, в граде Схимар»¹²⁵. Схимарис — Гимар — Схимар некоторыми исследователями предположительно отождествлялся с «крепостью на Кубани», т. е. с Хумаринским городищем¹²⁶.

Это предположение опять-таки не вяжется с хронологией памятника — на Хумаринском городище нет слоя VII в.¹²⁷.

Несколько слов о Хумаринском городище как об археологическом памятнике. Аул Хумара находится на правом берегу р. Кубани, в 40 км южнее Черкесска и в 11 км севернее Карачаевска. Над аулом, с восточной его стороны, высится гора Калеж (Калеж — по-черкесски «Старая крепость»), вершина которой представляет собой плоское плато. С северо-западной стороны горы находится балка Инал, а с юго-восточной — балка Шугара. На плато горы Калеж располагается средневековое городище. Городище окружено каменной стеной, которая ныне имеет вид вала. Стена укреплена девятью башнями, в настоящее время представляющими собой округлые в плане курганообразные возвышения. Сходится стена у вершины холма в северо-восточной части городища. Этот овальный в плане холм расположен на горловине, отделяющей плато горы Калеж от остальной площади нагорья.

В период, когда на городище существовала жизнь, склоны холма были вымощены каменными плитами. Как говорят старожилы, по южному склону холма на его вершину вела каменная лестница, остатки которой сохранялись еще на их памяти. Сейчас здесь можно видеть обломки каменных плит, возможно остатки этой лестницы. На вершине холма находилось искусственное укрепление — цитадель. Здесь был оборонительный пункт, защищавший городище с напольной стороны, здесь же был и въезд на городище. С обеих сторон холма на горловине оставались сравнительно узкие участки, шириной по 50 м, через которые можно было проникнуть на городище. На этих участках были сооружены дополнительные укрепления. Между склоном к балке Шугара и холмом была вторая («внешняя») стена длиной 47 км. В стене имелись ворота шириной 5 м. Точно такая же стена с воротами была и по другую сторону холма, в промежутке между его подножием и балкой Инал. Перед этой внешней стеной с напольной стороны был вырыт ров шириной 7 м. Ров шел от края плато (у балки Шугара) через холм (примерно на половине его высоты) и далее, от подножия холма к краю плато у балки Инал (см. план Хумаринского городища, табл. 34, рис. 1). В северо-западной части городища имеется овальное возвышение с остатками каменной кладки. Дорога на городище в настоящее время идет по склону горы Калез со стороны балки Шугара. Площадь городища в пределах городской стены свыше 5 га.

Хумаринское городище издавна привлекало внимание путешественников и исследователей. О нем упоминают Нарышкины, видевшие здесь остатки каменных фундаментов жилищ, а также в одном из углов вала «развалины большой круглой башни»¹²⁸. У В. М. Сысоева представлен вид Хумаринского городища по фотографии Е. Д. Фелицына¹²⁹. В 1908 г. городище было осмотрено экспедицией преподавателей. Один из участников этой экспедиции, Н. Е. Талицкий, в своей работе «Очерки Карачая» приводит довольно подробное описание городища. В частности, Н. Е. Талицкий отмечает, что склоны холма, на котором располагалась цитадель, были вымощены каменными плитами¹³⁰.

В советское время городище осматривали К. М. Петрелевич, Т. М. Минаева и другие исследователи, однако раскопок там не производилось. Открытые на городище тюркские рунические надписи IX—X вв., о которых шла речь выше, вновь привлекли внимание ученых к этому памятнику. В 1960—1961 гг. здесь провел рекогносцировочные работы отряд Северокавказской археологической экспедиции, возглавляемый В. А. Кузнецовым¹³¹. Была обмерена городская стена, исследован ее развал в том месте, где обнаружены рунические надписи, в восточной части городища, над балкой Шугара (см. табл. 34, рис. 1а). В заложенном шурфе была обнаружена красноглиняная керамика XII—XIII вв., подобная найденной на распаханной площади городища.

В 1963—1964 гг. на городище проводила исследования экспедиция КЧНИИ, возглавляемая автором настоящей работы. Исследовались городская стена в северо-западном углу городища, овальный холм в этой же части, цитадель, склоны холма, на котором она расположена, наружные укрепления с обеих сторон цитадели, за пределами городской стены (см. табл. 34, рис. 1д—е). Выяснилось, что у подножия цитадели, так же как и за пределами городища, с напольной стороны, существовало древнее селище с материалом VIII—VI вв. (см. гл. II). На самой площади городища, за пределами холма с цитаделью, древний материал не обнаружен.

Средневековый культурный слой городища делится на два горизонта — нижний с серой нелощеной керамикой, орнаментированной врезан-

ным линейным, иногда линейно-волнистым узором (IX—XI вв.), и верхний (XII—XIII вв.) с красноглиняной керамикой, украшенной линейно-волнистым орнаментом (очень много обломков амфор) (см. табл. 34 и 35). Впрочем, красноглиняная посуда попадалась иногда и в нижнем слое. Так, к нижнему слою относится верхняя часть красноглиняной желобчатой амфоры IX в., о которой шла речь выше (табл. 35, рис. 2). В верхнем слое очень много костей домашних животных. У подножия холма с цитаделью найдены несколько железных предметов (табл. 34, рис. 9, 10), очень большое количество кусков железного шлака и куски

обгоревшей, прокаленной печины, может быть остатки печей для выплавки железа.

Очень много каменных земледельческих орудий, в том числе круглые жернова.

Из других находок следует упомянуть фрагменты красноглиняной керамики с сетчатым лощением адыгского типа (табл. 35, рис. 10—12), сердоликовую бусину, каменные шаровидные булыжники, имеющие вид пращи, помещавшиеся обычно у городской стены, с внутренней ее стороны. Любопытна также находка медной византийской монеты, о которой говорил А. Фиркович.

При раскопках выяснилось, что городская стена построена не прямо на скале, а на слое глины, который по своей толщине и высоте соответствует нижнему горизонту культурного слоя городища с материалом IX—XI вв. Это может говорить в пользу того, что

Рис. 8. Хумаринское городище. Каменный блок из оборонительной стены с тамгообразным знаком. Экспедиция КЧНИИ 1964 г.

стена построена не ранее конца XI в. Конечно, пока это только предположение, так как обследованные участки стены сравнительно невелики и притом сильно разрушены.

На каменных блоках, из которых была сооружена стена, высечены тамгообразные знаки (см. рис. 8 и табл. 35, рис. 13), возможно знаки мастеров-строителей. Раскопки на цитадели показали, что она представляла собой овальное в плане (25×20 м) искусственное сооружение высотой 5 м, сделанное из земли, камня и дерева. Земляная насыпь была укреплена мощными деревянными балками и заключена в каменный панцирь. В верхних слоях насыпи, образующей цитадель, найдена средневековая керамика, в основном красноглиняная. В нижней части насыпи обнаружена керамика VIII—VI вв. Очевидно, в древности на этом холме был участок поселения. Цитадель же сооружена в эпоху

«средневековья. По словам местных жителей, при земляных работах будто бы были открыты части керамической трубы, по которой на городище поступала с гор вода. Наличие подобного водопровода раскопками пока не подтвердилось, но следует отметить, что естественные источники воды на городище отсутствуют. Родники расположены довольно далеко от городища, на месте построек нынешней фермы совхоза «Маринский». Спуск же к ручьям, текущим в балках Шугара и Инал, весьма опасен, а подъем тяжел. Таким образом, обитатели городища должны были каким-то образом разрешить проблему водоснабжения (особенно во время осад).

Около городища, в балке Инал, обнаружены скальные катакомбы.

Материала более позднего, чем XIII в., на городище не имеется. Возможно, он погиб в результате монгольского нашествия. В связи с этим следует упомянуть, что на северо-восточных подступах к городищу, с напольной стороны, на тропинке между холмами найден крупный плоский железный наконечник стрелы ромбической формы (табл. 35, рис. 14). Этот наконечник относится к типу 49 по классификации А. Ф. Медведева. Наконечники данного типа, как отмечает А. Ф. Медведев, были занесены в Восточную Европу во время монгольского нашествия во второй половине XIII в.¹³²

Говоря о крупных раннесредневековых поселениях Карачаево-Черкесии, следует упомянуть и о Рим-Горском городище. На этом городище с 1936 г. ведет раскопки А. П. Рунич (в последние годы совместно с Н. Н. Михайловым). Следы поселения обнаружены как на плато Рим-Горы, которая является естественной крепостью, так и у подножия этой горы. Во время земляных работ в западной части городища А. П. Руничем прослежены очертания остатков зданий. Установлены границы городища, которое занимало 15—16 га. Сама Рим-Гора по площади равна 16,3 га.

Обнаружены остатки фортификационных сооружений (вала, башни, караульных помещений, комнаты для стражи, тюрьмы). На вершину крепости вели четыре лестницы с соответствующими защитными устройствами. На поселении обнаружено значительное количество различной керамики, обугленные зерна ячменя, пшеницы, проса, железные тесла, оселки, каменные жернова, остатки ремесленного производства, железные и бронзовые обрезки листовой бронзы. Как отмечают А. П. Рунич и Н. Н. Михайлов, городище возникло в VII в. н. э. и перестало существовать в XI—XII вв.¹³³

Во время наших работ на Рим-Горском городище в 1961 г. здесь были обнаружены стеклянные шлаки, что говорит о стеклоделательном производстве (возможно, об изготовлении бус). Таким образом, город был ремесленным и, очевидно, торговым центром, так как находился на важном торговом пути (см. выше).

К числу довольно крупных городищ кроме Рим-Горского, имеющих сравнительно большую площадь, относятся Хумаринское, Кызыл-Калинское, Учкульское и Адиухское (см. табл. 34, 23, 22, 28, где представлены схематические планы этих городищ с указанием масштаба).

В верховьях Кубани известны укрепленные поселения несколько иного типа — небольшие по площади (занимающие обычно не более 2—3 га), состоящие из укрепления (цитадели) и прилегающего к нему небольшого поселения, иногда с наружными укреплениями, иногда без них. Эти поселения, к сожалению, почти не изучены. Расположены они в стороне от торговых путей (каковыми являются речные долины), часто в очень труднодоступных местах. К таким поселениям можно отнести следующие:

1. Токмак-Кайское поселение с укрепленной цитаделью. Общая площадь не более 3 га. Расположено в 12 км к северо-востоку от аула Сары-Тюз, который находится на правом берегу Кубани.

2. «Башня Тамары» — в 5 км к юго-востоку от пос. Шестая шахта, также на правом берегу Кубани. Площадь не более половины гектара.

3. «Аргы-Кала» — в 5 км к югу от аула Нижняя Теберда и в километре к востоку от правого берега р. Теберды. По-видимому, эти поселения являлись не городами, а замками.

4. В 1967 г. Т. М. Минаевой начаты раскопки городища Инджур-Гата, которое, очевидно, также было феодальным замком, а не городом¹³⁴, — об этом свидетельствуют местонахождение городища (не в долине Кубани, а в ущелье небольшой речки) и незначительные его размеры (менее гектара).

Городище Инджур-Гата расположено на левом берегу Кубани, в ущелье речки Инджур-Гата, на пятом километре от аула Кумыш по трассе на Кардоник. Находится оно в хорошо защищенной местности. С западной, северной и восточной сторон городище ограждено крутыми берегами речки Инджур-Гата. Со всех сторон городище окружено стеной, сложенной насухо из слегка подтесанного камня. В западной стене проем шириной до четырех метров. Здесь, очевидно, были ворота. К воротам подходила древняя дорога. В восточной части городища находилось возвышение в виде бугра высотой пять метров. Исследования выяснили, что «бугор» представляет собой остатки каменных зданий из хорошо отесанных больших блоков. Здания с четырех сторон были окружены мощными стенами. «Бугор» являлся цитаделью городища. Возле него обнаружен могильник с захоронениями по христианскому обряду. Общая протяженность городища с востока на запад — 110 м, с севера на юг — 80 м. Т. М. Минаева датирует городище IX—XI вв.¹³⁵

Несколько слов о топографии городищ. Большинство их находится в предгорной зоне. Но следы их обнаружены и в очень высокогорных местах — в долине р. Теберды, вплоть до Домбайской поляны; на р. Большой Зеленчук, в ее истоках; на речках Кизгыч, Пшиш, Архыз, София; на Большой Лабе, у Курджинова. В истоках же Кубани, южнее слияния рек Хурзук и Учкулан, насколько нам известно, укрепленных городищ не было. Исключение — Узун-Колское городище, представляющее собой поселок сезонного, кошевого типа. Чем же объясняется такое расположение городищ? Дело, очевидно, не только в суровости зимы, как полагает Т. М. Минаева. Как известно, к долине р. Теберды с побережья Черного моря ведет удобный Клухорский перевал, на Большую Лабу и оттуда в ущелье Большого Зеленчука — не менее удобный Санчарский перевал. К истокам же Кубани ведут перевалы значительно менее удобные и более труднодоступные. Естественным кажется предположение, что в очень высокогорных местах крупные укрепленные городища возникали в том случае, если эти местности находилось на перевальных торговых путях. Если же высокогорная местность находилась в стороне от торговых путей, то в ней могли быть либо сезонные укрепленные коши, либо поселения без оборонительных сооружений, поселки сельского типа. Для возникновения городской жизни здесь не было условий, так как не было возможностей ни для широкого развития земледелия, ни для обмена.

Как и когда прекратилась жизнь на городищах? В зоне, расположенной между степными и предгорными районами, это произошло в XII в. (Кубинское, Адиухское городища). Т. М. Минаева объясняет это появлением половцев-кипчаков. В предгорных местностях жизнь на поселениях длилась дольше. Так, на Хумаринском городище имеется архео-

логический материал XII—XIII вв. Как отмечалось выше, есть основания высказать предположение, что Хумаринское городище погибло в результате монгольского нашествия. Вплоть до конца XIV в. продолжалась жизнь в городищах, расположенных в горных ущельях. Так, на Нижне-Архызском городище, хоть и слабо, прослеживается слой XIII—XIV вв. (у Северного зеленчукского храма). Могильник у этого храма, как отмечалось, датируется XI—XIV вв. включительно. Очевидно, жизнь на Нижне-Архызском городище окончательно замерла в результате похода Тимура в конце XIV в.¹³⁶

Конечно, кроме нашествия чужеземных войск причины гибели городищ могли быть и другие. Очевидно, немалую роль здесь сыграли внутренние междоусобицы и стихийные бедствия — сползание с гор лавин и селей (потоков грязи и камней), а также, возможно, и землетрясения. Так, при изучении Северного зеленчукского храма было отмечено расширение цоколя и фундамента за счет ступенчатости. Судя по археологическим материалам Грузии, расширение основания имело антисейсмическое назначение¹³⁷. Некоторые городища, как, например, Верхне-Архызское, расположенное в 40 км южнее Нижнего Архыза, погибло в результате сползания селей и лавин. Жители городища пытались предотвратить бедствие и сооружали каменные валы — лавинорезы — на пути лавин и селевых потоков¹³⁸. Однако в период между XIII и XV вв. наступило сильное увлажнение климата и зимы стали особенно снежными. Как полагает гляциолог проф. Г. К. Тушинский, проводивший экспедиции в районе Архыза, именно тогда под снежными лавинами был погребен город, расположенный в этой местности в эпоху средневековья¹³⁹. Письменных источников, подтверждающих эту точку зрения, мы не знаем.

Таким образом, трагические события XIII—XIV вв. — нашествия монголов и Тамерлана, внутренние феодальные междоусобицы, природные стихийные бедствия — привели к прекращению жизни на городищах и селищах бассейна Верхней Кубани и Зеленчуков.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Раннее средневековье — это период распада первобытнообщинного строя (V—VII вв.), возникновения и развития феодальных отношений (VIII—XIII вв.). Ниже будет дана краткая характеристика намеченных этапов общественного развития в той мере, в какой это позволят имеющиеся в нашем распоряжении материалы.

Распад первобытнообщинного строя (период военной демократии V—VII вв.)

Ф. Энгельс характеризует период военной демократии следующим образом: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в общую территорию всего народа. Военный вождь народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными

«функциями народной жизни»¹⁴⁰. Для периода военной демократии характерно также разложение родовой общины: «Отдельная семья, — указывает Ф. Энгельс, — становится хозяйственной единицей общества»¹⁴¹. Таким образом, родовая община распалась на отдельные семьи, каждая из которых стала самостоятельной хозяйственной единицей, а из этих семей на основе принципа соседства группировалась соседская община.

Как проходил процесс разложения родовой общины и образования общины соседской в период раннего средневековья на интересующей нас территории, сказать трудно, ибо никаких данных по этому вопросу в письменных источниках не содержится. Почти ничего не дает для решения этой проблемы и археологический материал. Попытки использовать археологические данные для освещения процесса распада первобытнообщинного строя в советской литературе имели место. Так, Б. А. Рыбаков отмечает, что процесс выделения отдельных семей — «дымов» — у славян во второй половине I тысячелетия н. э. проявился в переходе от родовых усыпальниц к курганам, насыпанным над одним или двумя умершими (мужем и женой)¹⁴². Родовых усыпальниц в период раннего средневековья на территории Карачаево-Черкесии уже не было. Раннесредневековые захоронения (в том числе и погребения V—VII вв.), как правило, были индивидуальные, изредка семейные (очевидно, в скальных катакомбах, гробницах, склепах). Иногда встречаются парные захоронения (например, в одной из катакомб Байтал-Чапканского могильника обнаружено погребение мужчины и женщины, надо думать мужа и жены). Таким образом, если руководствоваться высказанным выше соображением Б. А. Рыбакова, то археологический раннесредневековый материал Карачаево-Черкесии (включая и могильники V—VII вв.) говорит скорее о существовании здесь соседской общины, состоящей из самостоятельных семей, нежели общины родовой.

О том, что «война и организация для войны» были в то время «регулярной функцией народной жизни», свидетельствуют и археологические и письменные источники. Все мужское население было вооружено. Во всех мужских погребениях этого времени, даже в бедных, мы находим оружие. Письменные источники этого периода пестрят сообщениями о том, что аланы, зихи (адыги), джики (адыги и предки абазин) и другие северокавказские племена принимали активное участие в войнах византийцев, грузин, персов¹⁴³. За военную службу они получали плату и подарки — драгоценные вещи, золото и серебро¹⁴⁴, во время походов захватывали богатую добычу.

Были и другие пути накопления богатств. Обогащение той или иной семьи, очевидно, зависело от ряда благоприятных обстоятельств. Но, как правило, в первую очередь богатели семьи представителей родо-племенной знати — вождей, жрецов, военачальников. Так, если раньше военачальники являлись только предводителями в военных походах, то теперь они оказывались владельцами крупных материальных ценностей. Пользуясь властью, они захватывали не только львиную долю военной добычи, но и лучшие участки земли и скот, все более и более подчиняя себе обедневших общинников. Вначале этих вождей выбирали, но постепенно власть их превращалась в наследственную. Наиболее могущественные становились во главе крупных союзов племен. «Грабительские войны, — писал Ф. Энгельс, — усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала тер-

пят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати»¹⁴⁵.

О таких вождях, «князьях», «правителях» мы находим сведения в письменных источниках. Так, во второй половине VI в. н. э. в верховьях Кубани, как уже отмечалось выше, большим влиянием пользовался вождь Сарой (Сародий, Сарозий). Менандр называет его «вождем» (отрывок 4), «владельцем» (отрывок 22) и «князем аланским» (там же)¹⁴⁶. Феофан Византиец именует Сароя «царем аланов»¹⁴⁷.

Перемены в социальной жизни общества постепенно привели к изменению облика поселений. Вокруг поселений возводятся стены с башнями, для того чтобы охранять скот и другие ценности и от внешнего врага, и от своих же соплеменников. О возникновении укрепленных поселений как о явлении, характерном для завершающего этапа периода военной демократии, пишет Ф. Энгельс: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»¹⁴⁸. Нам известны внешние укрепления на городище Узун-Кол (не позднее VII в.)¹⁴⁹ и внутренние укрепления на второй части городища Адюх, относящиеся к VII—IX вв.¹⁵⁰. Однако для V—VII вв. подобные примеры единичны. В основном возникновение укрепленных поселений с оборонительными сооружениями, как внешними, так и внутренними, относится уже к следующему историческому этапу, который начинается с VIII в. н. э.

Возникновение и развитие феодальных отношений (VIII—XIII вв.)

В настоящее время большинство советских историков и археологов считают, что зачатки феодальных отношений в Алании возникли в VIII—IX вв.¹⁵¹. Несмотря на скудость имеющихся в нашем распоряжении источников, следует признать, что данное положение отнюдь не лишено основания.

Период VIII—IX вв. характеризуется общим подъемом экономики как на Северном Кавказе, так и за его пределами. На территории распространения салтово-маяцкой культуры, в областях, где кочевники перешли к оседлой жизни, были освоены пашенное земледелие и различные ремесла — гончарное, железоделательное, ювелирное и др. Помимо кочевий и открытых поселений возникают замки и города. Особенно много городов было в Приазовье, в развитых торговых областях¹⁵². В VIII—IX вв. переживала подъем Восточная Таврика¹⁵³. На Таманском полуострове в VIII и в начале IX в., по словам А. Л. Якобсона, «наступило настоящее возрождение»¹⁵⁴. Это возрождение А. Л. Якобсон объясняет главным образом благоприятной политической обстановкой, сложившейся в то время (затишье в борьбе со степняками, ослаблением Византии), а также притоком населения с Северного Кавказа (из Прикубанья) и Приазовья (черных болгар). Пришельцы вливались в общинные поселения и способствовали их росту и укреплению¹⁵⁵. По мнению С. А. Плетневой, развитие ремесла и торговли на Тамани, в частности в Таматархе, объяснялось включением этих мест в сферу влияния Хазарского каганата¹⁵⁶.

Общий экономический подъем охватил и Северокавказскую Аланию. Алания покрылась густой сетью поселений. «Основная масса известных сейчас аланских городищ и поселений, — отмечает В. А. Кузнецов, — дает керамический материал начиная с VIII в. и позже. Таковы городища верховьев Кубани, района Пятигорска, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии»¹⁵⁷. Действительно, наибольшее

число поселений, известных нам в верховьях Кубани, относится к VIII—IX вв. и позднее. С VIII—IX вв. увеличивается число крупных поселений — городищ, в том числе с двухчастным и трехчастным делением (Учкулька, Адиух и др.). В VIII—IX вв. в Алании развивается и специализируется производство железных изделий, в частности оружия и предметов конского снаряжения. В верховьях Кубани появляется ремесленное производство глиняной посуды и, очевидно, стеклянных бус. Ширится обмен, в частности на территорию Карачаево-Черкесии увеличивается приток импортных шелковых тканей. У Феофана Исповедника есть сообщение о том, что в начале VIII в. у верхнекубанских алан были купцы, которые с торговыми целями регулярно посещали земли авазгов.

Экономический подъем, наблюдавшийся в Алании в целом и в ее западной части, на территории Карачаево-Черкесии, объяснялся прежде всего причинами внутреннего порядка — развитием местных производительных сил. Возможно, определенную положительную роль сыграла и благоприятно сложившаяся политическая обстановка, о чем пишут А. Л. Якобсон и С. А. Плетнева, в частности сам факт существования Хазарского каганата. Следует учитывать также и такой фактор, как увеличение плотности населения, отчетливо заметное на интересующей нас территории начиная с VIII—IX вв. Рост населения происходил не только за счет естественного прироста, но и включения пришлых, в частности тюркоязычных, племен (болгар, возможно, хазар и др.).

В. А. Кузнецов высказал предположение, что болгары, заняв район Кисловодска, вытеснили оттуда алан. Это предположение базировалось на том, что якобы в районе Кисловодска неизвестны аланские погребения VIII—IX вв. — катакомбы¹⁵⁸. С. А. Плетнева отсутствие катакомб VIII—IX вв. в районе Кисловодска и Пятигорска объясняет уходом алан из этих мест, к которому их вынудил поход арабского полководца Мервана в 735 г. Эти аланы, по мнению С. А. Плетневой, поселились в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона и принесли туда катакомбный обряд захоронения¹⁵⁹.

Однако, как показали исследования А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова, в окрестностях Пятигорска и Кисловодска известно значительное число катакомбных захоронений, которые датируются временем более поздним, чем VII в. Так, около Кисловодска в настоящее время открыто более 20 катакомбных могильников, датируемых от V до IX в. включительно, без пропуска столетий. На каждом из них обнаружено по нескольку десятков катакомб (вплоть до 40)¹⁶⁰. Как мы отмечали в главе III, скальные катакомбы в верховьях Кубани, насчитывающиеся сотнями, также датируются VIII в. и позднее. Таким образом, приток болгар и других тюрков в верховья Кубани и в район Кисловодска отнюдь не был связан с уходом из этих мест алан. Аланы здесь оставались, а появление новых пришельцев увеличивало плотность населения, что приводило к росту числа поселений и экономическому развитию данных районов.

Изменения в экономике повлекли за собой изменения в социальных отношениях. Процесс выделения и обогащения знати становится все более интенсивным, что и отразилось на внешнем облике поселений: на городищах с двухчастным и трехчастным делением цитадель противопоставляется остальной части поселения — она снабжается дополнительными внутренними укреплениями и становится местом обитания выделявшейся знати. Власть представителей нарождавшейся феодальной верхушки в этот период значительно возрастает. Из сообщения Феофана Исповедника нам известно, что аланы (надо полагать, запад-

ные, верхнекубанские) были объединены под властью некоего Итаза, которого Феофан именует «царем алан».

Таким образом, VIII—IX века представляют собой новый этап в социально-экономическом развитии населения юга нашей страны, в том числе и Северокавказской Алании, частью которой была территория Карачаево-Черкесии. Это этап возникновения феодальных отношений.

Археологические материалы и раннесредневековые письменные источники не содержат данных, на основании которых мы могли бы судить о земельных отношениях и других важных сторонах общественного строя населения верховьев Кубани в изучаемую эпоху. Однако мы все же имеем представление о некоторых отличительных особенностях социально-экономического развития населения Алании, в частности западной, на позднем этапе раннего средневековья. И эти особенности позволяют характеризовать общественный строй Алании в X—XIII вв. как раннефеодальный.

Мы можем говорить о наличии таких прогрессивных черт феодализма, как развитие пашенного земледелия, горнорудного дела, выделение из домашнего производства некоторых видов ремесла, расширение обмена. Мы можем говорить об имущественной дифференциации, о разделении общества на «простых людей» — крестьян и на «знатных» и «властных» — феодалов и, наконец, о существовании таких характерных для феодализма явлений, как черты государственности, феодальный город, феодальная раздробленность, феодальная иерархия, церковь.

Возникновение и укрепление феодальных отношений на Северном Кавказе объяснялось прежде всего развитием производительных сил, однако следует учитывать и общение со странами, у которых уже существовал феодальный строй, — Византией, Абхазо-Грузинским царством и др.¹⁶¹ Как справедливо отмечает З. В. Удальцова, «не следует забывать, что воздействие стран с более развитыми феодальными отношениями на страны, развивавшиеся медленнее, было подчас весьма велико»¹⁶².

Рассмотрим наиболее важные из тех явлений, которые характеризуют общественные отношения на изучаемой территории в X—XIII вв. как раннефеодальные.

Выше мы говорили о развитии земледелия, которое становится плужным, о расширении скотоводства (вспомним костные находки из верхних слоев Хумаринского городища). Увеличивается добыча руды. Из железа изготавливаются различные необходимые предметы, в том числе земледельческие орудия и прочие орудия труда, — об этом говорят находки на Нижне-Архызском, Хумаринском, Адихском и других городищах (железные шлаки, мастерская по изготовлению железных предметов на Нижне-Архызском городище, железные орудия труда в верхнем слое Адихского городища и др.).

Из домашнего производства выделяются некоторые виды ремесла: появились специалисты-гончары, ставившие свое клеймо на дне сосуда, кузнецы, оружейники, ювелиры, мастера рудодобычи, плавки и литья металлов, мельничьи мастера, каменщики. Расширяется внешний обмен, особенно с Византией и Закавказьем. Развитие ремесла должно было привести и к появлению зачатков внутреннего обмена, так как сельское население могло предъявлять известный спрос на изделия городского ремесла, например, железные части плуга, серпы и другие сельскохозяйственные орудия, на гончарную глиняную посуду и др. Взамен же, очевидно, оно поставляло продукты сельского хозяйства и сырье. Есть сведения об аланских купцах, которые вели торговые операции за пределами Алании. Известны монетные находки. Особо отметим клад монет

грузинской царицы Русудани. Как известно, в монетных кладах деньги становятся сокровищем, а функция денег как сокровища характерна именно для феодального общества¹⁶³.

Весьма важный для нашей темы материал дают раннесредневековые поселения. В верховьях Кубани в изучаемый период существовали поселения различного вида.

Значительная часть их, как было уже отмечено, представляла собой поселки сельского типа — селища.

Некоторые небольшие поселения с укрепленной центральной частью (типа Токмак-Кайского), очевидно, следует отнести к категории замков. Замки, как известно, в отличие от городов не являлись торгово-ремесленными центрами. Действительно, небольшое поселение, примыкающее к Токмак-Кайской цитадели, вряд ли могло быть средоточием значительного ремесленного производства. Местоположение Токмак-Кайского поселения в глубине водораздела, в стороне от торговых путей, какими являлись речные долины, говорит о том, что оно не могло служить удобным пунктом для обмена. Замками, очевидно, были сравнительно небольшие, хорошо укрепленные крепости, «орлиные гнезда», находившиеся в труднодоступных горных местностях¹⁶⁴, такие, как «башня Тамары» на правобережье Кубани или «Аргы-Кала» на правобережье Теберды. Удаленность этой крепости от основных мест обитания долины Теберды видна даже из названия крепости — «Аргы-Кала» (по-карачаевски значит «Дальняя крепость»).

Большие укрепленные поселения, расположенные преимущественно по долинам рек, судя по их внешнему виду и обнаруженным там находкам, вполне могли быть поселениями городского типа, центрами ремесла и обмена. Очень интересны в этом отношении городища Адюхское, Гилячское, Хумаринское, Нижне-Архызское, Рим-Горское и др.

Как известно, к числу внешних признаков, характеризующих данное поселение как феодальный город, относится наличие крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, церквей, наружных оборонительных сооружений, защищавших город¹⁶⁵.

Эти признаки мы находим у ряда верхнекубанских городищ. Городища имели цитадель, где находилась знать (при двухчастном делении поселения). При трехчастном делении можно говорить о наличии внутреннего укрепления для предводителя. Примером такого поселения может служить городище Адюх. Как отмечалось, городище состояло из трех частей. Уже в ранний период существования этого городища (с VII в.) первая и вторая его части обособлялись от третьей, основной. В поздний период (между X и XII вв.) эти части при помощи дополнительных укреплений окончательно отгораживаются от третьей. Строения во второй части городища возведены из хорошо отесанных брусков, скрепленных на цементе, тогда как в третьей части постройки сложены небрежно, из плохо отесанного камня на глине.

За пределами цитаделей жило простонародье, значительную часть которого, очевидно, составляли ремесленники. Наличие на городищах следов сельскохозяйственной деятельности не противоречит данному положению. Известно, что население феодального средневекового города полностью никогда не порывало с сельским хозяйством: существовало огородничество, садоводство, разводился скот, домашняя птица¹⁶⁶. Кварталов ремесленников, специализирующихся на определенных видах ремесла, на верхнекубанских городищах пока не выделено — это дело будущих исследований. Лишь на некоторых городищах можно отметить участки, где существовали определенные виды ремесленного производства, в частности железоделательного. Так, по мнению исследователей-

археологов, скопление железного шлака в определенных местах городищ, очевидно, может служить указанием на то, что на этих участках располагались кварталы ремесленников-металлистов¹⁶⁷. На Хумаринском городище скопления железных шлаков обнаружены в основном в северо-восточной части городища, вокруг цитадели. На Гилячском городище открыт участок, населенный, по-видимому, ремесленниками¹⁶⁸. На Нижне-Архызском городище мастерская по изготовлению железных вещей находилась в центральной части города. Кроме железоделательного на городищах обнаружены следы и других видов производства, в частности ювелирного. Так, известны находки каменных литейных форм для отливки крестов (хутор Ильич) и зеркал (район Кисловодска). Найдены орудия труда ремесленников, многочисленные изделия местных мастеров (керамика, металлические и каменные предметы), а также импортные вещи, в том числе значительное количество обломков тарной посуды (амфор), свидетельствующее о массовом потреблении населением привозной продукции.

На Гилячском городище открыта базарная площадь. Почти все известные нам крупные городища, за редким исключением, имели церковь, городское кладбище. Мощные оборонительные сооружения защищали город от нападения врага.

Таким образом, судя по признакам, характерным для средневекового феодального города, верхнекубанские крупные городища X—XIII вв. — это поселения городского типа.

Как мы видим из описания верхнекубанских городищ, большинство из них возникло около замков-цитаделей. Подобным же образом возникали многие города на Руси¹⁶⁹, в районе распространения салтово-маяцкой культуры¹⁷⁰ и в Западной Европе¹⁷¹. Исключение составляет Нижне-Архызское городище. Здесь не выявлено крепости-цитадели, но на территории этого города открыто более 13 церквей. По вполне справедливому предположению В. А. Кузнецова, на Нижне-Архызском городище, у Среднего зеленчукского храма, был расположен монастырь¹⁷² и, очевидно, город возник под его защитой, как это происходило в Европе¹⁷³.

Несколько слов об этническом составе городского населения верховьев Кубани. Известно, что население многих средневековых городов было разноязычным. Примеры этому можно найти и в Крыму, и на Нижнем Дону, и в других местах¹⁷⁴. Разноязычным было население городов Тамани¹⁷⁵. Надо думать, так же обстояло дело и в городищах изучаемой нами территории, во всяком случае в наиболее крупных из них. Так, на Хумаринском городище, судя по находкам тюркских рунических надписей, жило тюркоязычное население. Но там же обитали ираноязычные аланы, судя по катакомбам, обнаруженным рядом с городищем. На Рим-Горском городище, в слоях IX—XII вв., нами в значительном количестве обнаружены обломки котлов с внутренними ушками, которые обычно связываются с болгарами. Возможно, болгарами оставлены и грунтовые Рим-Горские могильники, обследованные А. П. Руничем и нами (см. рис. 9). Но на том же городище известны и катакомбы X—XII вв., более 100 из которых исследованы А. П. Руничем. В одной из Рим-Горских катакомб найдена бусина с надписью, которую Г. Ф. Турчанинов читает, привлекая языки иранской группы¹⁷⁶. На Нижне-Архызском городище обнаружен обломок сосуда с тюркским руническим знаком. В могильниках Нижне-Архызского городища и его окрестностей прослеживаются черты и аланского и адыгского погребального обряда. И на том же Нижне-Архызском городище найдены плиты с арабскими надписями XI—XII вв. от мусульманских надгробий. Оче-

видно, эти надгробия были поставлены над могилами мусульман-чужеземцев (возможно, купцов), живших и умерших в этом городе. Представителям местного населения эти плиты принадлежать не могли, так как местное население в этот период мусульманство еще не исповедовало. Местные жители были христианами или язычниками.

Таким образом, верхнекубанские городища изучаемого периода по составу населения отнюдь не являлись

родовыми поселками. Разноязычное, разноплеменное население городища не могло принадлежать к какому-либо одному роду. Население городища формировалось по принципу соседской общины, что и характерно для средневекового феодального города.

По некоторым археологическим данным и намекам письменных источников мы можем судить об имущественной и социальной дифференциации, имевшей место в Западной Алании в X—XII вв. Имущественное расслоение можно наблюдать на материале могильников верховьев Кубани — там, где христианский обряд соблюдался недостаточно строго. Так, в Каракентском могильнике (севернее Карачаевска) из 30 разрушенных рабочими котлованов и раскопанных нами погребений 29 представляли собой грунтовые могилы, покрытые каменными плитами. И только одно погребение было совершено в монументальной подземной каменной гробнице. В Дардонском могильнике X—XII вв.

Рис. 9. Рим-Гора. Могильник X—XI вв. Могила 2. Вид с востока на запад. Экспедиция КЧНИИ 1961 г.

в Карачаевске встречены одновременные погребения в склепах и в грунтовых могилах, иногда даже не обложенных камнями. В более богатых погребениях было найдено оружие, украшения, шелковые ткани; в бедных — только железные вещи, медные пуговицы и сережки, обрывки холщовой ткани.

Константинопольский патриарх Николай Мистик (X в.) говорит о «знатных» и «властных» аланах, противопоставляя их «простым». «Ты сам понимаешь, — пишет Николай Мистик архиепископу Алании Петру, — что нелегко дается переход от языческой жизни к строгости Евангелия». Поэтому он советует Петру действовать отеческим убеждением, допускать строгость в отношении простых людей, но соблюдать крайнюю осторожность в отношении людей знатных и властных, «чтобы не отвращать от христианства весь новоприобретенный для церкви народ»¹⁷⁷.

«Простые люди», о которых говорит Николай Мистик, это, надо думать, крестьяне-общинники, основная масса производителей. Трудно сказать, какими повинностями они облагались. Существовала, очевидно,

воинская повинность и уплата дани. Данных о закреплении «простых людей» в тот период у нас нет. Косвенным свидетельством отсутствия крепостной зависимости в изучаемую эпоху является тот факт, что «простые люди» могли уйти со своих мест жительства в другие районы Северного Кавказа и даже за его пределы; выше приводились сведения о том, что аланы жили на Тамани, в Крыму, на Нижнем Дону, в Нижнем Поволжье и в других местах в качестве ремесленников, купцов и военной охраны.

Из крестьян-общинников по принципу соседской общины формировалось население городов Западной Алании. Крестьяне становились ремесленниками и, может быть, некоторые из них купцами.

Существовало рабство — об этом свидетельствует известный рассказ автора XIII в. Юлиана о том, что, проходя через Аланию, Юлиан и его спутники решили продать двух своих товарищей в рабство, но их никто не купил, так как они не умели ни пахать, ни молотить¹⁷⁸. Однако вряд ли рабов было много, во всяком случае, не рабы, а свободные крестьяне-общинники являлись основными производителями. По ретроспективным источникам мы можем сказать, что рабство носило патриархальный характер. Рабы выполняли домашние работы, а также, судя по сообщению Юлиана, использовались при пахоте и помоле. Существование патриархального рабства отнюдь не противоречит тому, что в Алании в это время уже установились раннефеодальные отношения¹⁷⁹.

Письменные источники, а тем более археологические материалы не содержат сведений о взаимоотношениях «знатных» и «простых», в частности нет никаких данных о классовой борьбе в этот период. Однако социальные противоречия в какой-то степени отразились в нартском эпосе, часть которого, как известно, складывалась в период становления феодальных отношений. Так, в нартском эпосе осетин, адыгов и других северокавказских народов есть рассказ о борьбе между сапогами из сафьяна и из сыромятной кожи, под которыми подразумевается знать и простолюдины, причем в рассказе проводится мысль, что победу обязательно одержит простолюдыне¹⁸⁰.

Судя по письменным источникам, категория «знатных» не была однородной. Источники говорят о просто «знатных» аланах и об аланских царях. У зихов-адыгов единого царя не было, но также были просто «знатные» зихи и зихские князья. О «благородных» зихах и зихском князе, жившем в Матрике, пишет Юлиан¹⁸¹. Персидский автор XIII в. Рашид ад-Дин рассказывает о «государе» черкесов Тукаре, который был убит в 1238 г.¹⁸²

Таким образом, в X—XIII вв. и у алан и у адыгов уже существовали элементы феодальной иерархии: во главе феодальной верхушки у зихов-адыгов стояли князья, а у алан — царь. Ниже на ступени феодальной лестницы находились просто «знатные», «благородные» зихи и аланы.

Представители нарождавшейся феодальной знати для борьбы друг с другом и защиты своих территорий от внешнего врага имели конные дружины. Как полагает М. Л. Стрельченко, довольно богатые погребения Убинского могильника, содержавшие большое количество оружия и некоторые предметы конского снаряжения, принадлежали конникам-дружинникам¹⁸³. Им же могли принадлежать богатые погребения с оружием Дардонского могильника, Рим-Горского катакомбного могильника и др. Пешее войско, надо полагать, состояло из общинников-крестьян¹⁸⁴.

К господствующей верхушке принадлежало духовенство. Может быть, уже в тот период существовали монастыри (например, в северной

части Нижне-Архызского городища). Как известно, монастыри являлись крупными феодальными владельцами, в распоряжении которых находились земли, скот и другое имущество.

Возникновение классового общества приводит к образованию государственности. «Родовой строй отжил свой век, — писал Ф. Энгельс, — он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен государством»¹⁸⁵. Родовые объединения сменились территориальными, возникла публичная власть, нуждавшаяся в особом аппарате управления — вооруженных отрядах людей, тюрьмах, принудительных учреждениях всякого рода; для содержания публичной власти были введены налоги¹⁸⁶. Таким образом, государство возникло «из потребности держать в узде противоположность классов»¹⁸⁷.

Как известно, период раннего феодализма у многих народов характеризуется созданием раннефеодальных монархий, объединявших старые племенные союзы. Возникновение этих «варварских» государств было связано с нарождавшимися классовыми, феодальными отношениями. В свою очередь формирующаяся государственная власть вмешивалась в процесс становления феодализма, активно способствуя его дальнейшему развитию¹⁸⁸.

Раннефеодальное объединение с чертами государственности существовало в X—XI вв. и на территории Алании¹⁸⁹. Кроме внутренних социальных причин (зарождение классовых отношений) образованию раннефеодального объединения у алан способствовали и внешнеполитические: хазары в 965 г. были разбиты Святославом, арабы ушли из Закавказья, укрепились связи с феодальными государствами — Византией, Абхазо-Грузинским царством и др.

Письменные источники — византийские, арабские, хазарские, грузинские и другие — говорят об Алании X—XI вв. как о независимой и могущественной стране, объединенной под властью единого царя, «владостодержца». Столицей Алании был город Ма-Ас, там же существовали и другие города, а также значительные военные силы.

Одним из важнейших центров Алании была территория современной Карачаево-Черкесии. Здесь было много природных богатств — руды, леса, строительного материала. Через эти места проходили важнейшие торговые пути. Здесь сосредоточивались крупные поселения городского типа, здесь же находился центр Аланской епархии, кафедральный собор (на Нижне-Архызском городище). В верховьях Кубани и Зеленчуков была резиденция аланских царей, в том числе, очевидно, Дургулея Великого (XI в.)¹⁹⁰.

Аланский царь, судя по сообщению Константина Багрянородного и других авторов X—XI вв., принадлежал к числу сильнейших владык того времени. О значении аланских царей говорят династические браки — византийские императоры, грузинские цари, русские князья женились на аланских царевнах и считали такие браки вполне равноправными. В случае необходимости аланский царь мог созвать народное ополчение в 30—40 тыс. человек¹⁹¹. Но была и постоянная сила, на которую опирался царь, — дружина, содержавшаяся на средства, получаемые в качестве дани, и на доходы от личного имущества царя¹⁹². О постоянных гарнизонах крепостей — до тысячи человек и более — сообщает, например, анонимный персидский автор X в.¹⁹³. Царь имел свиту, состоявшую из крупных феодалов. Так, упоминание о свите Дургулея имеется в грузинских летописях¹⁹⁴.

В XII—XIII вв. в Алании наступил период феодальной раздробленности. Об этом красноречиво говорят письменные источники: грузин-

ские летописи¹⁹⁵, данные арабского автора XIII в. Якута¹⁹⁶ и др. Яркую картину феодальных междоусобиц дает в своем рассказе Юлиан. У алан, пишет он, «сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подданным другого. Здесь постоянные войны князя с князем, местечка с местечком. Во время пахания все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются в поле, вместе косят на смежном пространстве и, вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные, а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек»¹⁹⁷. Таким образом, в Алании шла постоянная война «всех против всех», как говорил Ф. Энгельс.

Как отмечалось выше, в конце XI, XII и XIII вв. в верховья Кубани проникали кипчаки и селились там. У кипчаков, так же как и у алан, уже существовали феодальные отношения и черты государственности. С конца XI в. у кипчаков были сильные ханы, а в 70-х годах XII в. кипчаки южнорусских степей были объединены под властью хана Кончака¹⁹⁸. Поселившись в верховьях Кубани и Зеленчуков, кипчаки, очевидно, вошли в состав тех феодальных образований, которые существовали в то время (конец XI—XIII вв.) на этой территории.

Социальный строй любого общества в какой-то степени характеризует такая надстройка, как религия.

Христианство — религия классового общества. Оно могло укорениться только там, где сложились классовые, феодальные отношения. Именно поэтому попытки Византии приобщить к христианству население Северного Кавказа до X в., как правило, были бесплодными. И лишь с X в., судя по письменным источникам и археологическим материалам, христианство в ряде районов стало укореняться довольно прочно. Инициатором крещения алан стал константинопольский патриарх Николай Мистик (901—907 и 912—925), а посредником между византийцами и аланами был абхазский царь Георгий (921—955).

Верхнекубанская часть Алании, расположенная ближе других ее районов к Абхазии, подвергалась очень сильной христианизации — в этом мы убеждаемся, изучая археологические памятники X—XIII вв. Именно здесь в массовых масштабах встречаются каменные кресты и плиты с греческими христианскими надписями и насчитываются десятки погребений со скрещенными на груди руками. Здесь почти каждое крупное поселение имело христианскую церковь (рис. 10, 11). Таким образом, нужно признать, что не только царь и представители знати, но и значительное число простых жителей этой части Алании были христианами. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить весьма вероятное предположение о том, что на территории Карачаево-Черкесии, на Большом Зеленчуке, был центр Аланской епархии.

Кроме Византии христианство в Алании распространяла и Грузия. Об этом свидетельствует храм грузинской архитектуры XII в., открытый в последние годы на Урупе, у хутора Ильич, в верхнекубанской части Алании.

С распространением христианства значительное влияние приобретает церковь. На Северо-Западном Кавказе существовали епархии Константинопольского патриархата, т. е. имела место определенная церковная организация. Есть основания полагать, что подобная церковная организация в верхнекубанской Алании, в центре Аланской епархии, была довольно сильной. Как уже отмечалось, в местах скопления храмов (например, на Нижне-Архызском городище), видимо, существовали монастыри. По мнению А. Л. Якобсона, крестовокупольная архитектура (в традициях которой построены и зеленчукско-нижне-

Рис. 10. Сентинский храм X—XI вв. Вид с запада — северо-запада. Экспедиция КЧНИИ 1959 г.

архызские храмы) весьма характерна именно для монастырских храмов X в. и позднее¹⁹⁹.

Церковь, по выражению Ф. Энгельса, выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»²⁰⁰. Церковь опиралась на феодалов (вспомним наставления Николая Мистика о деликатном отношении к «знатым» и «властным» при обращении их в христианство) и сама была крупным феодалом. В свою очередь феодалы видели в церкви опору своего могущества и усиления эксплуатации крестьян. Христианство явилось идеологическим орудием угнетения зависимого населения. Судя по сообщениям письменных источников, христианство в первую очередь принимал сам царь и представители знати.

О довольно высоком уровне развития социальных отношений в верховьях Кубани говорит тот факт, что в изучаемый период здесь появились зачатки письменности (хумаринские рунические надписи IX—X вв., аланская надпись греческими буквами X—XI вв. на зеленчукской плите).

Итак, как справедливо писал еще в 1939 г. Б. Е. Деген-Ковалевский, «усиление и развитие феодальных признаков, наметившихся (в Алании. — Е. А.) еще в предшествующую эпоху, последовательно приводят

Рис. 11. Шоанинский (Хумаринский, Георгиевско-Осетинский) храм X—XI вв. Вид с севера. Экспедиция КЧНИИ 1959 г.

к значительному развертыванию торговли, к появлению городов, а в них иностранных элементов, к зачаткам письменности и внедрению христианства с церковным строительством, *в кавказских условиях всегда удовлетворяющим потребности феодальных отношений* (курсив наш. — Е. А.)»²⁰¹.

Таким образом, анализ многих явлений общественной жизни населения Алании, в том числе и верхнекубанской, говорит о том, что в VIII—IX вв. здесь зарождались, а в X—XIII вв. уже существовали раннефеодальные отношения.

Однако процесс феодализации не мог быть повсюду одинаково интенсивным и равномерным. Очевидно, феодальные отношения, как правило, быстрее и прочнее развивались в степных и предгорных районах Алании. Что касается высокогорных районов, у отрогов Эльбруса, лежащих в стороне от торговых путей и не имеющих следов городской жизни (известные в этих местах поселения, например Узун-Колское, являются сезонными поселками типа кошей), то здесь, надо думать, становление феодализма проходило весьма замедленными темпами.

Как известно, чем устойчивее общинные отношения, тем слабее и медленнее идет процесс феодализации. Община в тот период существо-

вала на всей территории Северокавказской Алании, но наиболее сильны общинные отношения были, по-видимому, именно в высокогорных местах. Устойчивость общины в высокогорных районах отмечена классиками марксизма. «Следы существования марки, — писал Ф. Энгельс, — сохранились до настоящего времени почти только в высокогорных местностях»²⁰².

Община в тот период, очевидно, уже повсеместно была соседской, хотя в ней долгое время сохранялись элементы общины родовой. Вырождалось это в том, что каждый член соседской общины в то же время признавал себя членом какого-либо определенного рода. Роды были знатные и незнатные, сильные и слабые. Род защищал интересы личной безопасности человека, в то время как с соседской общиной его связывали хозяйственные интересы²⁰³.

Представители местного и пришлого населения жили на одних и тех же поселениях, хоронили своих умерших на одних и тех же кладбищах. Конечно, при таком положении вещей разноречивое, разнородное население того или иного поселка не могло уже представлять собой родовую общину. Поселки формировались по принципу соседской общины, к чему местное и пришлое население по уровню развития производительных сил было уже подготовлено.

Итак, в интересующий нас период в Алании наряду с нарождавшимися и укреплявшимися феодальными отношениями существовала и община — соседская, с некоторыми элементами родовой. Элементы родовой общины, очевидно, крепче и дольше всего держались у населения высокогорных местностей.

Соседская община в отличие от родовой существовала и в эпоху феодализма. Соседская община боролась с притязаниями феодалов, выражавшимися прежде всего в захвате общинных земель и закреплении свободных общинников. Как писал Ф. Энгельс, община сохранялась «на протяжении всего средневековья в тяжелой непрерывной борьбе с землевладельческой знатью»²⁰⁴.

Это положение о сохранении соседской общины на протяжении всего средневековья, ее борьбе с посягательствами феодалов на общинные земли чрезвычайно важно для нас. Именно наличие соседской общины, общинного землевладения наряду с нарождавшимся феодальным землевладением — характерный признак земельных, а следовательно, и социальных отношений у северокавказских народов в средние века и много позднее.

В изучаемую эпоху в общественных отношениях населения Северного Кавказа, в том числе и верховьев Кубани, надо думать, продолжали существовать многие установления и обычаи, возникшие еще в период патриархально-родового строя: уважение к старшим, аталычество, левират, кровная месть, гостеприимство, куначество и др. Источники не сохранили сведений об этих явлениях в раннесредневековое время. Но естественно полагать, что они бытовали и в раннесредневековую эпоху, коль скоро многие из них сохранились и в более позднее время.

* * *

Территория современной Карачаево-Черкесии была одним из важнейших экономических, политических, религиозных и культурных центров Северокавказской Алании. Раннесредневековые археологические памятники этих мест и в меньшей степени письменные источники дают представление о развитии земледелия, скотоводства, домашнего произ-

водства, некоторых видов ремесла, обмена. Успехи в развитии хозяйства, обмена и градостроительства наблюдаются с VIII—IX вв. и особенно заметными становятся в X—XIII вв. На позднем этапе раннего средневековья в верховьях Кубани существовали не только сельские поселки, но и поселения городского типа, укрепленные стенами и башнями (рис. 12).

Подъем экономики объясняется прежде всего внутренними причинами — развитием производительных сил общества. Стимулирующее влияние на развитие экономики, культуры и феодализационных процессов в Алании (и прежде всего в ее западной, верхнекубанской, части) оказали и внешние причины: приток нового, главным образом тюркского, населения и укрепление связей с передовыми державами того времени — Византией, Абхазо-Грузинским царством и др.

Зародились феодальные отношения в Алании в VIII—IX вв., а сложились — в X—XIII вв. Процесс феодализации проходил неравномерно — в горных, удаленных от торговых путей районах этот процесс был очень замедленным.

Письменные источники, содержащие данные об общественных отношениях в Алании, очень скудны, археологические материалы также не вполне достаточны. Тем не менее мы можем сказать, что в Алании, в том числе и в западной, верхнекубанской ее части, в X—XIII вв. наблюдались такие характерные для

феодализма явления, как сравнительно высокий уровень экономического развития, городская жизнь, имущественная и социальная дифференциация, черты государственности, христианская церковь.

Но наряду с феодальными отношениями существовала община — соседская, с сильными элементами общины родовой. Кроме общины, общинного землевладения в этот период, как и в последующие столетия, продолжало существовать множество институтов патриархально-родового строя. Характеризуя феодальные отношения Северокавказской Алании на позднем этапе раннего средневековья, мы можем говорить только о раннем феодализме.

Рис. 12. Башня Гошайх-Кала (Мамна-Кала) XII в. над аулом Хурзук. (Фото С. Хапаева. 1968 г.)

¹ Аммиан Марцеллин, XXXI, 2,23; 2,27; 2,18—19.

² Е. П. Алексеева, Археологические раскопки, стр. 74.

³ А. Н. Дьячков-Тарасов, Археологические разведки, стр. 83.

⁴ Т. М. Минаева, Городище близ аула Кубины, стр. 184.

- ⁵ Т. М. Минаева, Городище на балке Адиух, стр. 142; ее же, Городище Адиух в Черкесии, стр. 118.
- ⁶ Т. М. Минаева, К истории земледелия, стр. 271—272; 274—275.
- ⁷ Там же, стр. 271—273, рис. 1, стр. 272.
- ⁸ Т. М. Минаева, Городище на балке Адиух, стр. 142; ее же, Городище Адиух в Черкесии, стр. 118; ее же, К истории земледелия, стр. 270.
- ⁹ Т. М. Минаева сравнивает чересло с плужными ножами, опубликованными И. И. Ляпушкиным (И. И. Ляпушкин, Памятники салтово-маяцкой культуры, стр. 117, рис. 10).
- ¹⁰ Т. М. Минаева, К истории земледелия, стр. 270.
- ¹¹ Там же, стр. 276—279.
- ¹² Г. Прозрителев, Археологическая находка, стр. 2; А. М. Лысенко, Старое жилище, стр. 41—42.
- ¹³ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 53.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ф. В. Навозова, Краснодарский край, стр. 64—65.
- ¹⁶ А. П. Рунич, Н. Н. Михайлов, Городище Бургусант-Кала, тез. 3.
- ¹⁷ Юлиан, стр. 999.
- ¹⁸ «Извлечения из сочинений арабских», стр. 233.
- ¹⁹ Е. П. Алексеева, Археологические раскопки, стр. 74.
- ²⁰ Т. М. Минаева, Городище на балке Адиух, стр. 142; ее же, Городище Адиух в Черкесии, стр. 118.
- ²¹ Б. Д. Гальперина, В. П. Любин, Раннесредневековое городище Учкулка, стр. 273.
- ²² О птицеводстве в Алании мы можем судить по известному сообщению Масуди о том, что, «когда утром [где-нибудь] запоят *петухи* (курсив наш.—Е. А.), ответ им доносится из других частей» (В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 205).
- ²³ Т. М. Минаева, Городище близ аула Кубины, стр. 184—185.
- ²⁴ В. А. Кузнецов, Города средневековой Алании, стр. 4.
- ²⁵ Е. П. Алексеева, Отчеты о раскопках экспедиции.
- ²⁶ Т. М. Минаева, Городище на балке Адиух, стр. 132; стр. 164, рис. 3, 4.
- ²⁷ Т. М. Минаева, Поселение в устье р. Узун-Кол, стр. 204—207. Кроме природных условий возникновению в этих местах поселений, в частности крупных, городского типа, на наш взгляд, препятствовала и отдаленность этих мест от торговых путей (стр. 149).
- ²⁸ Б. Д. Гальперина, В. П. Любин, Раннесредневековое городище Учкулка, стр. 273.
- ²⁹ «Извлечения из сочинений арабских», стр. 231, 234.
- ³⁰ Т. М. Минаева, Городище Адиух в Черкесии, стр. 143; ее же, Городище близ аула Кубины, стр. 185.
- ³¹ «Очерки по истории СССР, III—IX вв.», стр. 623, 636.
- ³² Т. М. Минаева, Городище близ аула Кубины, стр. 185. Участник экспедиции на городище Адиух Л. Н. Глушков пишет, что среди прочих находок на этом городище обнаружено каменное грузило от рыболовных сетей и кости рыб, местных и неместных, например осетровых (Л. Н. Глушков, О чем рассказывают раскопки, стр. 4).
- ³³ А. А. Иессен, Прикубанский очаг, стр. 77—79.
- ³⁴ Т. М. Минаева, Следы древних выработок, стр. 116—119.
- ³⁵ Там же, стр. 119.
- ³⁶ В. А. Кузнецов, Раскопки аланских городов, стр. 113—114.
- ³⁷ В. Рубрук, Путешествие, стр. 169.
- ³⁸ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 112—114.
- ³⁹ В. Б. Деопик, Стекланные, каменные и металлические украшения, стр. 14.
- ⁴⁰ Е. П. Алексеева, Отчет о работе экспедиции КЧНИИ в 1961 г.
- ⁴¹ Т. М. Минаева, Городище на балке Адиух, стр. 131. В расчистке этой церкви принимала участие и автор данной работы.
- ⁴² В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 93; Е. П. Алексеева, Отчет о работе археологической экспедиции КЧНИИ в 1964 г. Раскоп 1.
- ⁴³ А. А. Иерусалимская, О северокавказском «шелковом пути», стр. 58.
- ⁴⁴ А. А. Иерусалимская, К вопросу о торговых связях, стр. 35.
- ⁴⁵ Подробную статью об одежде из Мошевой балки готовит к печати Е. А. Милованов.
- ⁴⁶ Пользуюсь случаем принести благодарность Анатолию Леопольдовичу Якобсону за любезную консультацию.
- ⁴⁷ А. Л. Якобсон, Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 333, 339, 341, 343 и рисунки на этих страницах; С. А. Плетнева, Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 243, рис. 29.

- ⁴⁸ С. А. Плетнева, Средневековая керамика, стр. 67—72.
- ⁴⁹ Т. И. Макарова, Поливная керамика, стр. 74, 77—82, 84, 86, 90, 94—95.
- ⁵⁰ Н. П. Сорокина, Позднеантичное и раннесредневековое стекло, стр. 143—154.
- ⁵¹ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 294, рис. 22, 5, 6, на стр. 293.
- ⁵² Н. П. Сорокина, Позднеантичное и раннесредневековое стекло, стр. 159.
- ⁵³ В. В. Кропоткин, О производстве стекла, стр. 36.
- ⁵⁴ Ю. Л. Щапова, Стекланные изделия, стр. 103—109, в частности стр. 117.
- ⁵⁵ Там же, стр. 117—119.
- ⁵⁶ ОАК за 1898 г., стр. 124—135; ГИМ, 79/20а.
- ⁵⁷ Т. М. Минаева, Могильник в устье р. Теберды, стр. 268, 271, рис. 6, 11.
- ⁵⁸ Ю. Л. Щапова, Стекланные изделия, стр. 119.
- ⁵⁹ См. ее работы: Стекланные, каменные и металлические украшения, стр. 10—14; Классификация бус, стр. 49—51; Классификация и хронология, стр. 135—147; Производство и торговля народов, стр. 154.
- ⁶⁰ В. Б. Деопик, Классификация и хронология, стр. 135—147; Ю. Л. Щапова, Стекланные изделия, стр. 120—121.
- ⁶¹ К. Ф. Смирнов, О некоторых итогах исследования, стр. 159.
- ⁶² А. П. Круглов, Археологические раскопки, стр. 3—33, табл. 1, рис. 4.
- ⁶³ В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 88.
- ⁶⁴ В. В. Кропоткин, Население Юго-Западного Крыма, стр. 8—9; А. Л. Якобсон, Средневековый Крым, стр. 8, 14.
- ⁶⁵ Т. М. Минаева, Находка близ ст. Преградной, стр. 136—137.
- ⁶⁶ E. Chantre, Recherches anthropologiques, т. III, табл. XIX, 2.
- ⁶⁷ В. Б. Деопик, Классификация и хронология, стр. 132.
- ⁶⁸ В. А. Крачковская, Арабская надпись, стр. 116.
- ⁶⁹ Т. М. Минаева, Городище на балке Адюх, стр. 141.
- ⁷⁰ В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 90; его же, [рец. на:] Т. М. Минаева, Очерки по археологии Ставрополя, стр. 317.
- ⁷¹ Т. М. Минаева, Городище на балке Адюх, стр. 141.
- ⁷² Как отмечает В. А. Рыбаков, энколпионы, сделанные киевскими мастерами, расходились далеко за пределы Киева; некоторые из них оказались даже в Херсонесе (В. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, стр. 263). В период монгольского нашествия, по мнению В. А. Рыбакова, энколпионы попали на Северный Кавказ и в Поволжье вместе с их владельцами — киевлянами и другими русскими людьми, увезенными в плен. Так, киевские энколпионы, вышедшие в 1230 г. из мастерской в Старом городе, найдены в районе летних кочевий Батыя — на Северном Кавказе и в Поволжье (там же, стр. 455, 615). Полагаем, это только один из путей проникновения энколпионов на Северный Кавказ, возможно, энколпионы проникали сюда и иными путями, в частности в порядке обмена. Особенно это вероятно для высокогорных районов интересующей нас территории в домонгольское время. Подобные же соображения высказывает и В. А. Кузнецов (В. А. Кузнецов, Энколпионы Северного Кавказа, стр. 80—86).
- ⁷³ Т. М. Минаева, Городище близ аула Кубины, стр. 185; рис. 9,3 на стр. 166.
- ⁷⁴ Так, по мнению А. Л. Монгайта, крестики и некоторые металлические украшения древнерусского типа, найденные на Северо-Западном Кавказе, в частности на восточном побережье Черного моря, могли попасть сюда из Тмутаракани (А. Л. Монгайт, Некоторые средневековые археологические памятники, стр. 330—331).
- ⁷⁵ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 206.
- ⁷⁶ А. А. Иерусалимская, К вопросу о торговых связях, стр. 35; ее же, О северокавказском «шелковом пути», стр. 55—78.
- ⁷⁷ А. Н. Дьячков-Тарасов, Неизвестный древний торговый путь, стр. 148—156.
- ⁷⁸ А. А. Иерусалимская, К вопросу о торговых связях, стр. 38; ее же, О северокавказском «шелковом пути», стр. 72.
- ⁷⁹ А. А. Иерусалимская, О северокавказском «шелковом пути», стр. 72—73.
- ⁸⁰ Л. Н. Гумилев отмечает следующее: «Между 567 и 571 гг. тюркюты овладели всем Северным Кавказом и сомкнулись с владениями Византийской империи около Босфора. Возможно, они стремились там проложить новый караванный путь для своих друзей и советчиков — согдийских купцов» (Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 47).
- ⁸¹ А. А. Иерусалимская, О северокавказском «шелковом пути», стр. 73.
- ⁸² Там же, стр. 71.
- ⁸³ Феофан Исповедник, стр. 287.
- ⁸⁴ «Худуд ал-алам», стр. 31; «Извлечения из сочинений арабских», стр. 55, 98, 112 (данные ибн Абдизахры и Рукнеддина Бейбарса).
- ⁸⁵ Т. М. Минаева, Могильник в устье р. Теберды, стр. 278, рис. 10.
- ⁸⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов, Археологические разведки, стр. 83.
- ⁸⁷ В. А. Кузнецов, Раскопки аланских городов, стр. 115.
- ⁸⁸ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 385.

- ⁸⁹ Там же, стр. 377, 441.
- ⁹⁰ Хранится в Карачаево-Черкесском областном музее, г. Черкесск.
- ⁹¹ Феофан Исповедник, стр. 287.
- ⁹² М. Н. Ложкин, Новые сведения, тез. 1 и 3.
- ⁹³ Так, в Баракаевском могильнике под скальными навесами найден сосуд типа аланских с ручкой в виде буквы В (П. А. Дитлер, Отчет о раскопках 1962 г.). В Закубанье обнаружены трехручные яйцевидные сосуды аланского типа (Е. П. Алексеева, Материальная культура, стр. 216, табл. 1а, 19).
- ⁹⁴ Так, типично адыгская кружка с боковым сливом найдена у мебельной фабрики № 1 близ Кисловодска (В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 136, рис. 3В, 17).
- ⁹⁵ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 206.
- ⁹⁶ А. А. Иерусалимская, О северокавказском «шелковом пути», стр. 73.
- ⁹⁷ З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 76.
- ⁹⁸ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 300.
- ⁹⁹ Мелкие поселения в это число не входят.
- ¹⁰⁰ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 205.
- ¹⁰¹ Оборонительные укрепления городища Гиляч выстроены во второй период его существования, в IX—XII вв. Первоначальное же раннее поселение располагалось на высокой скале. Оборонительных сооружений этого раннего времени не обнаружено — очевидно, их не было (Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 273—277).
- ¹⁰² В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 59.
- ¹⁰³ Л. И. Лавров, О времени постройки, стр. 275—279.
- ¹⁰⁴ См. ее работы: Городище на балке Адюх, стр. 129—151; Городище Адюх в Черкесии, стр. 110—119; К истории земледелия, стр. 269—274; Городище Адюх в Черкесии (о раскопках 1954—1955 гг.); Очерки по археологии, стр. 57—60.
- В 1951 г. в работах экспедиции на городище Адюх принимала участие автор данной работы.
- ¹⁰⁵ И. М. Мизиев, Средневековая материальная культура, стр. 8.
- ¹⁰⁶ П. Бутков, Древности, стр. 432—434; И. Помяловский, Сборник греческих и латинских надписей, стр. 6, № 8.
- ¹⁰⁷ Тацит, Анналы, XII, 16.
- ¹⁰⁸ Е. Г. Пчелина, Греко-славянские эпиграфические памятники, стр. 299, прим. 4.
- ¹⁰⁹ В. Ф. Миллер, Древнеосетинский памятник, стр. 118.
- ¹¹⁰ Е. Ч. Скржинская, Греческая надпись, пер. на стр. 121.
- ¹¹¹ В. А. Кузнецов, Северный зеленчукский храм X в., стр. 149.
- ¹¹² Там же, стр. 149—150.
- ¹¹³ «Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский монастырь», стр. 7. Там имеется план этого городища, выполненный, по-видимому, Д. М. Струковым. Этот план воспроизведен В. М. Сысоевым (В. М. Сысоев, Поездка на реки, стр. 117, рис. 16).
- ¹¹⁴ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 52.
- ¹¹⁵ См. работы В. А. Кузнецова: Археологические исследования, стр. 86—91; Раскопки аланских городов, стр. 111—115; Северный зеленчукский храм X в., стр. 136—150; Древний город, стр. 4; Средний зеленчукский храм, стр. 137—147.
- ¹¹⁶ Осколки оконного стекла найдены главным образом вокруг Северного зеленчукского храма и внутри его. Таким образом, оконное стекло применялось для застекления храмов.
- ¹¹⁷ В. А. Крачковская, Два фрагмента арабских надписей, стр. 131—134; Л. И. Лавров, Эпиграфические памятники, ч. 1, стр. 60, № 8 и 9.
- ¹¹⁸ В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 91.
- ¹¹⁹ В. А. Кузнецов, Древний город, стр. 4.
- ¹²⁰ Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 6, 20, 23.
- ¹²¹ А. Фиркович, Археологические разведки, стр. 385.
- ¹²² Нарышкины, Отчет, стр. 358.
- ¹²³ И. Д. Мансветов, Сказание об Орентии, стр. 64—66; S. P. Migne, Patrologiae graecae, стр. 107, XXXIX.
- ¹²⁴ М. Г. Джанашвили, Известия, стр. 13.
- ¹²⁵ Четьи-Минеи, М., 1837, л. 114об.
- ¹²⁶ М. Г. Джанашвили, Известия, стр. 13.
- ¹²⁷ Б. Е. Деген-Ковалевский пишет о комплексе археологических памятников у сел. Хумара, включающем христианский храм, мощное укрепление, поселение и обширные могильники, имея в виду, очевидно, памятники на левом берегу Кубани, у бывшего Хумаринского укрепления. Известно, что Шоанинский храм иногда называют и Хумаринским. «Недаром именно к этому селищу, — продолжает Б. Е. Деген-Ковалевский, — позднее народное и литературное предание относит пребывание протосафария Льва, а впоследствии кафедру епископа Аланского (Вахушти)» (Б. Е. Деген-Ковалевский, Аланы, стр. 443).

- ¹²⁸ «Отчет», стр. 352, 358.
- ¹²⁹ В. М. Сысоев, Поездка на реки, табл. XX, внизу, стр. 128.
- ¹³⁰ Н. Е. Талицкий, Очерки Карачая, стр. 6, 7, 11.
- ¹³¹ В. А. Кузнецов, Археологические исследования, стр. 93; его же, Надписи Хумаринского городища, стр. 299.
- ¹³² А. Ф. Медведев, Ручное метательное оружие, табл. 23, 39; ср. также 30 Б, 45 — тип 49; стр. 69.
- ¹³³ А. П. Рунич, Н. Н. Михайлов, Городище Бургусант-Кала.
- ¹³⁴ Участница раскопок городища Инджур-Гата А. Л. Нечитайло называет это городище замком (А. Л. Нечитайло, Раскопки в ущелье Инджур-Гата, стр. 4).
- ¹³⁵ Т. М. Минаева, Раскопки городища Инджур-Гата, стр. 97—98.
- ¹³⁶ По мнению В. А. Кузнецова, в результате похода Тимура в 1396 г. перестала существовать Аланская епархия, центр которой находился на Нижне-Архызском городище (В. А. Кузнецов, Северный зеленчукский храм X в., стр. 150).
- ¹³⁷ Там же, стр. 147.
- ¹³⁸ И. М. Мизиев, Отчет, стр. 20—23.
- ¹³⁹ Г. К. Тушинский, Ледники, снежники, лавины, стр. 272—280; И. М. Мизиев, Отчет, стр. 22—23. И. М. Мизиев полагает, что воспоминание о страшном событии — движении лавин, все разрушавших на своем пути, — отразилось в самом слове «Архыз»: «ирхи» по-карачаевски «лавины», «ыз» — «след»; «ырхи-ыз» — «следы лавины». Еще в XIX в. этот район назывался Ирхыз, затем «Ирхыз», «Ырхыз» превратилось в «Архыз» (там же, стр. 23; см. также: И. М. Мизиев, Верхний Архыз).
- ¹⁴⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Происхождение семьи, т. 21, стр. 164.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² «История СССР», т. I, стр. 355.
- ¹⁴³ Е. П. Алексеева, Материалы, стр. 222; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 619—621.
- ¹⁴⁴ См., например, сообщение Прокопия о том, что в 549 г. Губаз, царь лавов, заключил наступательный союз с аланами и сабирами, обещав им за военную помощь три кентинария (300 фунтов) золота (Прокопий Кесарийский, История войн, стр. 230—231).
- ¹⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Происхождение семьи, т. 21, стр. 164.
- ¹⁴⁶ Менаандр Византиец, стр. 321, 383.
- ¹⁴⁷ Феофан Византиец, стр. 494.
- ¹⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Происхождение семьи, т. 21, стр. 164.
- ¹⁴⁹ Т. М. Минаева, Очерки по археологии, стр. 55.
- ¹⁵⁰ Т. М. Минаева, Городище Адлиух в Черкесии, тез. 6.
- ¹⁵¹ Б. Е. Деген-Ковалевский, Аланы, стр. 436—446; Б. В. Скитский, Аланское раннефеодальное образование, т. 1, стр. 51—54; Т. М. Минаева, Очерки по археологии Ставрополя, стр. 316. Указанной точки зрения придерживается и автор настоящей работы. Впервые это положение было высказано нами в статье, написанной в 1951 г. и использованной в качестве материалов для раздела «Северокавказские аланы» в кн. «Очерки истории СССР, III—IX вв.», стр. 631.
- ¹⁵² С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 5, 13, 24, 25, 43, 56.
- ¹⁵³ А. Л. Якобсон, Средневековый Крым, стр. 27, 34.
- ¹⁵⁴ Там же, стр. 34, 36.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ С. А. Плетнева, Средневековая керамика, стр. 67.
- ¹⁵⁷ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 112.
- ¹⁵⁸ Там же, стр. 30.
- ¹⁵⁹ С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 91, 184.
- ¹⁶⁰ За любезную консультацию приношу благодарность Н. Н. Михайлову. О кислородных катакомбах VII—VIII вв. см.: А. П. Рунич, Катакомбный могильник VII—VIII вв., стр. 208—214; его же, Катакомбы Рим-Горы, — СА, 1970, № 2, стр. 198.
- ¹⁶¹ См. об этом: Б. В. Скитский, Аланское раннефеодальное государственное образование, стр. 55—60; З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 136—144; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 350—364.
- ¹⁶² З. В. Удалцова, Задачи изучения, стр. 63.
- ¹⁶³ Б. Ф. Поршнев, Очерк политической экономики, стр. 124.
- ¹⁶⁴ Замки верховьев Кубани весьма напоминают средневековые замки Крыма. Вот как характеризует их А. Л. Якобсон: «Очень вероятно, что уже тогда (в 1253 г. — Е. А.) эти замки представляли собой резиденцию феодалов-землевладельцев в виде небольших крепостей, занимавших возвышенные места, иногда малодоступные и господствовавшие над окружающим населением. Остатки этих маленьких крепостей с примыкающими к ним поселениями (курсив наш. — Е. А.) в довольно большом количестве известны в нагорном Крыму и на южном побережье под местным татарским

названием «исар», «исарчик» (по-татарски. „стена“, „стенка“)» (А. А. Якобсон, Средневековый Крым, стр. 81—82).

¹⁶⁵ Б. А. Рыбаков, Киевская Русь, стр. 536.

¹⁶⁶ В качестве примера можно привести средневековый Херсон. В XII—XIII вв. Херсон был большим городом, центром развитого ремесла и обмена. Однако жители его в какой-то степени занимались и сельским хозяйством. А. Л. Якобсон по этому поводу пишет следующее: «...то, что может показаться признаком натурального хозяйства (в Херсоне.— Е. А.)—домашний размол муки, с которым связано домашнее хлебопечение, наличие в жилых усадьбах домашней птицы, мелкого скота и лошадей—является обычным в средневековом городе, в котором сельское хозяйство составляет характерный и неотъемлемый элемент всей его жизни» (А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес, стр. 100).

¹⁶⁷ Так, например, С. А. Плетнева, говоря о Саркеле, отмечает, что за воротами крепости, за рвом, было обнаружено большое количество железного шлака, и предполагает, что здесь мог находиться район кузнецов и, возможно, оружейников (С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 46).

¹⁶⁸ Т. М. Минаева, Раскопки городища Гиляч, стр. 123.

¹⁶⁹ Н. К. Воронин, П. А. Раппопорт, Археологическое изучение, стр. 15.

¹⁷⁰ С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 50.

¹⁷¹ Б. Ф. Поршнев, Очерк политической экономики, стр. 82.

¹⁷² В. А. Кузнецов, Города средневековой Алании; его же, Средний зеленчукский храм, стр. 147.

¹⁷³ Б. Ф. Поршнев, Очерк политической экономики, стр. 82.

¹⁷⁴ Так, в городах Крыма жили аланы, кипчаки, русские и др. (А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес, стр. 35—36). На поселениях салтово-маяцкой культуры обитали аланы и турки (М. И. Артамонов, Саркел—Белая Вежа, стр. 45—50; см. также указанные выше работы С. А. Плетневой). В Белой Веже в X—XI вв. кроме русских жили и турки (М. И. Артамонов, Саркел—Белая Вежа, стр. 82). На Волге в Сарай-Берке, по словам Ибн Баттуты (1304—1337), жили асы, кипчаки, черкесы, русские, представители других народностей («Извлечения из сочинений арабских», стр. 306).

¹⁷⁵ В Таматархе—Тмутаракани—Матрике жили адыги, аланы, болгары, кипчаки, греки, в X—XI вв.—русские и др. (С. А. Плетнева, Средневековая керамика, стр. 70—72).

¹⁷⁶ Г. Ф. Турчанинов, Разведки памятников, стр. 52.

¹⁷⁷ Ю. А. Кулаковский, Христианство у алан, стр. 4—5.

¹⁷⁸ Юлиан, стр. 1000.

¹⁷⁹ О существовании патриархального рабства в период феодализма см.: Б. А. Рыбаков, Введение,— в кн.: «История СССР», 1966, стр. 369. Н. Ф. Колесницкий по этому поводу пишет: «В раннюю пору феодализма (курсив наш.— Е. А.) рабство сохранялось как один из укладов экономики и рабы... составляли значительную группу эксплуатируемого населения. Работоторговля процветала в Европе до XII—XIII вв., а на Востоке и дольше» (Н. Ф. Колесницкий, О некоторых типических и специфических чертах, стр. 87).

¹⁸⁰ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, стр. 56—57; «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 13.

¹⁸¹ Юлиан, стр. 999.

¹⁸² «Извлечения из сочинений арабских», стр. 36.

¹⁸³ М. Л. Стрельченко, Вооружение адыгейских племен, стр. 157.

¹⁸⁴ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 78.

¹⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Происхождение семьи, т. 21, стр. 169.

¹⁸⁶ Там же, стр. 170—171.

¹⁸⁷ Там же, стр. 171.

¹⁸⁸ З. В. Удальцова, Задачи изучения, стр. 63.

¹⁸⁹ Об Аланской «державе», о чертах государственности в ней, об аланских царях, значении Алании в политической и социальной жизни Северного Кавказа см.: Б. Е. Деген-Ковалевский, Аланы, стр. 443—445; Б. В. Скитский, Очерки по истории; его же, Хрестоматия по истории Осетии; его же, главы II и III в кн.: «История Северо-Осетинской АССР», т. I; З. Н. Ванеев, Средневековая Алания (в частности, раздел «Проблема средневекового аланского государства», стр. 128—162).

¹⁹⁰ Как сообщают грузинские летописи, Дургудель ездил в Кутаис к своему зятю—Баграту IV (1027—1072) через Абхазию (М. Г. Джанашивили, Известия, стр. 33). В. Б. Пфаф такой маршрут Дургуделя объясняет тем, что его резиденция находилась в западной части Алании, поблизости от Абхазии, в верховьях Кубани (В. Б. Пфаф, Материалы для древней истории, стр. 37).

¹⁹¹ Как пишет Масуди, «аланский царь выступает с 30 тысячами всадников» (В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 205). Согласно грузинским

летописям, «Баграт пригласил к себе на помощь овского Дургулея с 48-тысячным овским ополчением» (М. Г. Джанашивили, Известия, стр. 33). Возможно, данные о численности войск преувеличены.

¹⁹² З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 151—152.

¹⁹³ «Худуд ал-алам», стр. 31.

¹⁹⁴ Как сообщают грузинские летописи, «по приглашению Баграта царь овсов Дургуль Великий через Абхазию прибыл в Кутаис, чтобы погостить у царя Баграта и царицы, сестры своей Борены. *С ним вместе были все князья Овсетии* (курсив наш.— Е. А.)» (М. Г. Джанашивили, Известия, стр. 36).

¹⁹⁵ В XII в., согласно грузинским летописям, Овсетию не представляла собой единого государства, а была разбита на княжества — «мтаварства» (М. Г. Джанашивили, Известия, стр. 36).

¹⁹⁶ Как отмечает Якут, у алан не было «большого города», т. е. столицы, и не было единого властителя. У каждого племени был свой «эмир» (Б. Дорн, Каспий, стр. 292).

¹⁹⁷ Юлиан, стр. 989—999.

¹⁹⁸ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы, стр. 221—224, 226.

¹⁹⁹ А. Л. Jakobson, Средневековый Херсонес, стр. 229.

²⁰⁰ Ф. Энгельс, Крестьянская война, т. 7, стр. 361.

²⁰¹ Б. Е. Деген-Ковалевский, Аланы, стр. 443—444.

²⁰² Ф. Энгельс, Марка, т. 19, стр. 333.

²⁰³ З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 148—149.

²⁰⁴ Ф. Энгельс, Марка, т. 19, стр. 337.

ЧАСТЬ III

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(вторая половина XIII—XVII в.)

ГЛАВА V

ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОСТЕЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Проблема зарождения и формирования народностей ставилась и в какой-то мере решалась советскими учеными как в предвоенные и военные годы, так и после Великой Отечественной войны.

После XX съезда КПСС, во второй половине 50-х и в 60-е годы, широко развернулось конкретное изучение истории народов нашей страны, начиная с их происхождения и формирования¹. Как правило, в монографиях, освещающих эти вопросы, и на специальных научных сессиях кроме частных, конкретных проблем затрагиваются и общие вопросы методического и методологического порядка. Вышли в свет работы по теории формирования народностей. Особо следует отметить монографию А. Г. Агаева «К вопросу о теории народностей»². Оживленная дискуссия по частным и общим проблемам происхождения и формирования народностей ведется на страницах советской периодической печати.

Постепенно выкристаллизовываются методические и методологические основы изучения этнической истории, накапливается фактический материал. Однако приходится признать, что многое до сих пор остается еще спорным и неясным.

Так, до сих пор нет полного единства по вопросу о соотношении археологических культур и этнических общностей, который является кардинальным при решении археологами проблем этнической истории³.

Как и большинство советских археологов, мы принимаем определение археологической культуры, выдвинутое А. П. Смирновым: археологическая культура, — это единство материальной культуры на определенной территории, характерное для определенного времени и отличное от другого единства⁴.

Этногенетическое исследование истории того или иного народа распадается на ряд вопросов. Прежде всего нужно установить, из каких компонентов сформировалась та или иная народность и какой из них был доминирующим, т. е. явился ядром складывающейся народности. Затем следует выяснить, как проходило формирование той или иной народности в течение определенного исторического этапа и когда можно констатировать у данной этнической общности наличие при-

знаков, характеризующих ее как народность. Тесно связаны с этими вопросами вопросы этногеографии — расселения и перемещения этнических групп.

При определении компонентов, принявших участие в образовании той или иной народности, выявлении ее основного этнического ядра, важнейшая роль принадлежит языкознанию, но необходимо учитывать и данные других дисциплин — истории, археологии, этнографии, антропологии⁵. Без всестороннего учета материалов этих наук этногенетическое изыскание может пойти по ложному пути, ибо не всегда история народа совпадает с историей языка — известны случаи смены и заимствования языка⁶. Поэтому между процессами глоттогенеза и этногенеза отнюдь нельзя ставить знака равенства. Решать вопрос об основном этническом ядре для каждого народа нужно конкретно, исходя из особенностей исторической обстановки, в которой проходило формирование той или иной народности.

С вопросом о доминантном значении одного из компонентов при формировании народностей тесно связана проблема пришлого населения (суперстрата) и аборигенов (субстрата). При завоеваниях, массовых перемещениях, переселениях, имевших место в период разложения первобытнообщинного строя, неизбежно происходило скрещение племен, племенных союзов — как родственных, так и неродственных. В результате возникали новые, более крупные этнические общности — народности. Вопрос о роли пришлого населения и аборигенов в формировании той или иной народности в настоящее время является предметом пристального внимания исследователей — лингвистов, археологов, антропологов и др. Многие археологи и антропологи приходят сейчас к выводу, что в ряде случаев именно субстратное воздействие определило качественные отличия той или иной народности, даже в случае когда язык возникшей народности принадлежит суперстрату, а не субстрату⁷.

Проблеме взаимоотношения суперстрата и субстрата был посвящен доклад антропологов В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлея на сессии в Кишиневе в 1967 г. На антропологическом материале докладчики показали, что в ряде случаев, когда новая этническая общность имеет язык суперстрата, мы имеем дело не с ассимиляцией завоевателями аборигенов, а с синтезом двух этносов. На основании антропологических материалов можно уверенно судить об удельном весе исходных компонентов, принявших участие в формировании народности. Примером таких народов, у которых в антропологическом типе преобладают местные, кавказские особенности при наличии языка суперстрата, докладчики считают осетин, карачаевцев, балкарцев и др.⁸.

Автор полностью согласен с приведенными положениями антропологов. Конкретное изучение истории народов Кавказа с всесторонним привлечением не только данных языка, но и антропологических, археологических, этнографических материалов показывает, что основным компонентом в формировании современных тюркоязычных и ираноязычных народов Кавказа, несмотря на наличие языка суперстрата, был местный, кавказский субстрат. Так решается вопрос в отношении кумыков⁹. На наш взгляд, есть все основания так решить этот вопрос и в отношении осетин¹⁰, а также карачаевцев и балкарцев¹¹.

По вопросу о признаках народности, отличающих ее от племени и нации, а также об этапах формирования народности продолжают дискуссии. Однако по ряду положений уже достигнуто известное единство точек зрения. Установлено, что для первобытнообщинного строя характерны такие категории, как род, племя. На заключительном этапе

первобытнообщинного строя, в период военной демократии, образуются крупные объединения, союзы племен. В эпоху раннеклассовых формаций из племенных объединений складываются народности. Там, где существовала рабовладельческая формация, образование народностей происходило в эпоху рабовладельческого строя. Там же, где первобытнообщинный строй, минуя рабовладельческую формацию, непосредственно переходил в раннефеодальный, возникновение и развитие народностей было обусловлено становлением и развитием феодальных отношений¹². Именно так обстояло дело на Северном Кавказе — процесс формирования народностей здесь был тесно связан с процессами становления феодализма.

На формирование народностей помимо внутренних, социальных причин определенное влияние оказывали и внешние, например перемещения этнических групп, связанные с вражескими нашествиями (гуннов, монголов и др.), что могло внести определенные коррективы в процессы образования народностей¹³.

Одним из показателей сложившейся народности является собирательное имя, под которым она становится известной соседям¹⁴.

Народность существует не только в раннеклассовые эпохи — при рабовладельческом строе и феодализме, но и при капитализме и социализме. За многовековой период своего существования народность как категория историческая не остается неизменной. Изучение закономерностей развития народности показывает, что она проходит различные этапы. Исследователи пытались найти термины для обозначения определенных фаз развития народности. Например, средневековая абхазская народность была названа «феодальной»¹⁵.

Вопросом о различных этапах развития народности занимался А. Г. Агаев. Первым этапом в развитии народности является, по А. Г. Агаеву, древняя народность, которая существовала в период рабовладельческого строя (там, где была рабовладельческая формация) или на рубеже первобытнообщинной и раннефеодальной эпохи и в период раннего феодализма (там, где промежуточной, рабовладельческой формации не было). В период развитых феодальных отношений складывались феодальные народности. К числу древних народностей А. Г. Агаев относит древнерусскую, адыгские (восточную и западную — кабардинскую) и ряд других¹⁶.

Мы принимаем термин «древняя народность» для обозначения самой первой фазы формирования народности. В условиях Северного Кавказа, как и в других местах, где не было рабовладельческой формации, возникновение древней народности было обусловлено появлением раннефеодальных отношений. В данной главе ставится вопрос о времени и конкретных условиях возникновения древних народностей — адыгской, абазинской, карачаево-балкарской и ногайской.

Процессы формирования народов тесно связаны не только с социально-экономическим развитием общества, но и с локальным размещением и передвижениями этнических групп, поэтому нам придется довольно подробно остановиться и на вопросах этногеографии.

На процессы формирования народностей Северного Кавказа значительное влияние оказали внешнеполитические события, в частности нашествия гуннов в IV в. и татаро-монголов в XIII в.

Как известно, в 1221—1222 гг. монголы разбили кипчаков и алан. Однако тогда они еще не завоевали этот край. Позднее, в 1237—1240 гг., татаро-монголы предпринимали длительные наступательные кампании, вторгаясь в высокогорные местности. После ухода монголов жители разоренных районов возвращались на свои пепелища¹⁷.

Татаро-монгольское нашествие вызвало новые значительные перемещения этнических групп и явилось определенным историческим рубежом не только в политической и экономической жизни северокавказского населения, но и в формировании народов Северного Кавказа, в том числе и населения Карачаево-Черкесии.

Рассмотрим процессы формирования каждого из четырех народов Карачаево-Черкесии в отдельности.

КАРАЧАЕВЦЫ

Самоназвание карачаевцев — «къарачайлы». Антропологически карачаевцы — характерные представители кавкасионского типа европеоидной расы¹⁸. Язык их относится к кипчакско-огузской (половецкой) подгруппе кипчакской группы тюркских языков¹⁹. Близкородственными карачаевцам являются балкарцы. В прошлом карачаевцы и балкарцы составляли одну этническую группу.

О происхождении карачаевцев существуют легенды, согласно которым родоначальник карачаевцев Карча был выходец из Анатолии или из Крыма²⁰. Эти версии были созданы представителями мусульманского духовенства и карачаево-балкарскими феодалами в период насаждения ислама Турцией и Крымским ханством. Справедливая критическая оценка их была дана на страницах советских изданий²¹.

В научной литературе о происхождении карачаевцев и балкарцев существуют самые различные теории. Авторы XVII в. Ламберти и Шарден полагали, что карачоли-харачиола (карачаевцы) происходят от гуннов²². Высказывались мнения о монголо-татарском²³, крымско-татарском²⁴, маджарском²⁵, ногайском²⁶, тюрко-болгарском²⁷ и даже славянском²⁸ происхождении карачаевцев и балкарцев. К. Кох, Г. Мерцбахер и А. Самойлович связывали карачаевцев и балкарцев с кипчаками²⁹. Некоторые дореволюционные авторы высказывали мнение и о местном, кавказском происхождении карачаевцев и балкарцев³⁰.

В современной зарубежной литературе до сих пор имеет хождение далекая от науки крымско-турецкая версия происхождения карачаевцев и балкарцев³¹.

В советской литературе существовали различные точки зрения по вопросам карачаево-балкарского этногенеза. Некоторые авторы находили зерно истины в татарской, в частности крымско-татарской, версии происхождения карачаевцев и балкарцев³². Выдвигалось положение о значительной роли хазарского компонента в этногенезе этих народов³³. Есть и другие суждения по этому вопросу³⁴.

Крымско-татарская, ногайская, хазарская, маджарская и некоторые другие версии, не имеющие серьезного научного обоснования, уже получили достойную критическую оценку в нашей литературе³⁵.

Значительное число сторонников имеет кипчакская версия карачаево-балкарского этногенеза³⁶. Большинство сторонников этой теории полагают, что кроме кипчаков, являвшихся доминантным компонентом, в формировании карачаево-балкарской народности приняли участие аланы, болгары и северокавказские племена.

Много сторонников имеет болгарская теория происхождения балкарцев и карачаевцев³⁷. Существует и аланская версия их происхождения. Известно, что карачаевцев долгое время называли аланами, а балкарцев — асами. Многие авторы полагают, что название «аланы»

произошло от наименования «Алания», которое сохранилось за верховьями Кубани и Зеленчуков и после того, как ираноязычные аланы покинули эти места. На балкарцев было перенесено и другое название алан — «асы»³⁸. Многие советские ученые в настоящее время считают, что ираноязычные аланы приняли участие в карачаево-балкарском этногенезе в качестве одного из основных компонентов³⁹.

Иногда в термин «аланы» вкладывается иное содержание. Так, Г. А. Кокиев писал, что об аланском компоненте следует говорить, употребляя термин «алан» в собирательном значении. По его мнению, этот термин был собирательным названием всех горских племен, за исключением кабардинцев⁴⁰.

Некоторые филологи и историки Карачаево-Черкесии высказывают положение о том, что часть алан была изначально тюркской. Именно эта часть была носителем этнонима «алан», и именно она была основным компонентом в формировании карачаево-балкарского народа⁴¹. Эта версия нами была подробно разобрана и высказаны соображения по поводу слабой аргументации, приведенной ее сторонниками⁴². Кратко изложим основные доводы авторов этой теории и мотивы, по которым, на наш взгляд, с этими доводами нельзя согласиться:

1. Слово «алан» тюркского происхождения.

Это положение нельзя считать окончательно доказанным. Существуют и другие гипотезы происхождения этого термина (например, гипотеза В. И. Абаева). Но даже если и будет доказано, что термин «алан» тюркский, это еще не значит, что носителями этого названия должны быть обязательно турки. В истории известно достаточно случаев, когда названия народов и даже их самоназвания не объясняются из их языков (например, самоназвание французов — «франсез» — происходит от названия германского племени франков; самоназвание славянского народа «болгары» — от тюрков-болгар и др.).

2. Слово «алан» как этническое обозначение есть только у карачаевцев. У других народов, в частности у осетин, его нет.

Это не соответствует действительности. Самоназвание «алан» имеется и у одного из туркменских племен⁴³. У убыхов было племя, носящее название «алань»⁴⁴. Термин «алан» как этническое название имеется и у ираноязычных народов. Так, один из пяти родов курдов, сардашта, называется «алан»⁴⁵. У осетин название «алан» сохранилось в форме «аллон»⁴⁶. Здесь уместно вспомнить, что автор II в. н. э. Птолемей называл Терек Алонга, а в «Армянской географии VII в.» это название передано как Аландон, т. е. «Аланская река»⁴⁷. Таким образом, слово «аллон», «алон» представляет собой одну из форм слова «алан».

3. В дошедших до нас остатках аланского языка есть тюркские слова и тюркские имена (например: Базук-Базык — «солидный»; Амбазук-Эм Базык — «самый солидный»; Амбал Анбалан-ал-бала — «первенец» или Акъ бала — «белый», т. е. «красивый», и др.).

Иранисты имена Базук, Амбазук, Анбал объясняют на основе осетинского языка («плечевая часть руки», «равноплечий», «товарищ»). Вообще же сам факт наличия тюркских имен у алан (например, Бордухан, мать царицы Тамары) еще не говорит об изначальной тюркоязычности алан. Тюркские имена, как известно, существовали у многих кавказских народов — адыгов, абазин и др.

4. В топонимике тех мест, где раньше жили аланы (не только в Карачае и Балкарии, но и в других местах Северного Кавказа), много тюркских элементов. Неиранскими являются названия Карачая, которые раньше объяснялись с помощью иранских языков. Такие названия

как Уллу-Кам, Хурзук, Загъзан (Загедан), тюркские. В Осетии немало тюркских названий (Терек, Гизель и др.).

Топонимика Карачая и Балкарии в основном действительно тюркская, и в этом ничего удивительного нет, так как тюрки проживали на этой территории более тысячи лет. Что касается тюркских названий в остальной части Северного Кавказа, то еще нужно доказать, что они карачаевские, а не кипчакские или ногайские. Нужно также учитывать данные исторической географии: так, Терек Птолемей называл Алонта, а Куму — Урсдон (названия, происходящие из иранских языков). И наконец, нет еще такого исследования, где были бы учтены все гидронимы и топонимы Северного Кавказа и показан удельный вес тюркских названий по отношению к таким же терминам нетюркского происхождения.

5. В катакомбах могильника Токмаккая есть тюркские рунические надписи.

По мнению изучавшей эти знаки Т. М. Минаевой и по нашему заключению, указанные знаки не являются надписями. Эти знаки разновременны и представляют собой тамги и различные изображения — людей, крестов, сабель и др. Подобные знаки высечены на камнях во многих местах Карачаево-Черкесии.

6. Предками карачаевцев не могут быть болгары или кипчаки, так как названия «болгары» и «кипчаки» не встречаются в фольклоре.

Но в карачаевском фольклоре не встречается и название «аланы».

7. Между языком болгар и кипчаков и языком карачаево-балкарцев нет прямой лингвистической связи.

С языком болгар действительно тесных связей не прослеживается. Что касается кипчакского языка, то он был джокающим, что показал еще Махмуд Кашгарский (XI в.), так же как и карачаево-балкарский. По всем классификациям карачаево-балкарский язык отнесен к группе кипчакских языков.

Таким образом, ни одно из приведенных доказательств изначальной тюркоязычности определенной группы алан, предков карачаево-балкарцев, нельзя считать научно обоснованным. Ни одно из приведенных выше соображений не может поколебать принятого учеными всего мира мнения об изначальной ираноязычности алан. Поэтому ниже мы будем говорить об участии в карачаево-балкарском этногенезе ираноязычных алан.

Значительное число сторонников имеет теория, считающая, что основным компонентом в формировании карачаевцев и балкарцев были местные, кавказские племена. Еще Н. Я. Марр отнес карачаевцев и балкарцев к группе «отуреченных (тюркизированных) яфетидов»⁴⁸. Справедливость этой точки зрения была признана многими учеными⁴⁹. Это мнение не потеряло интереса и в настоящее время при условии, конечно, что яфетиды понимаются здесь в узком смысле — как древнее коренное население Кавказа, а не в широком значении, какое придавал этому термину Н. Я. Марр в своих работах, опубликованных в более позднее время.

Число сторонников доминантного значения местного, кавказского компонента в карачаево-балкарском этногенезе увеличилось в последнее время в связи с накоплением и изучением антропологического и археологического материала. Этого взгляда придерживаются антропологи В. П. Алексеев, К. К. Джанберидзе, историк Ю. В. Бромлей⁵⁰, археологи Е. И. Крупнов⁵¹ и автор этих строк.

Как признано советскими исследователями, из всех существующих версий карачаево-балкарского этногенеза наиболее аргументированной

является кавказско-алано-болгаро-кипчакская. Наличие в этногенетическом процессе каждого из этих элементов имеет веские доказательства, и поэтому приходится признать, что все четыре этнические группы — кавказцы, аланы, болгары и кипчаки — приняли определенное участие в сложном процессе карачаево-балкарского этногенеза⁵². Рассмотрим каждый из этих предполагаемых компонентов в отдельности и попытаемся определить степень их участия в процессе формирования карачаево-балкарской народности.

Местный, горский компонент

Комплексное исследование проблемы происхождения карачаевцев и балкарцев представителями различных дисциплин показало, что корни данного этногенетического процесса уходят в древнюю, кобанскую эпоху.

Даже тюркский язык карачаевцев и балкарцев сохранил такие особенности, которые заставили языковедов 20—30-х годов — Н. Я. Марра, А. Самойловича, Н. Ф. Яковлева и других — считать карачаевцев и балкарцев «отуреченными яфетидами», т. е. тюркизированными кавказцами. В. И. Абаев убедительно показал, что в языке и фольклоре осетин, карачаевцев и балкарцев имеются обширные и распространенные схождения, не являющиеся поздним заимствованием, а идущие из глубоко местной, субстратной, кавказской среды⁵³. Общекавказскими являются многие географические названия, термины материальной культуры, названия растений, культовые термины и др. В карачаево-балкарском эпосе, преданиях, языческих верованиях наблюдается много элементов, общих для всех северокавказских народов. Так, у карачаевцев и балкарцев имеется нартский эпос, представленный у осетин, адыгов, абхазцев, чеченцев, ингушей, сванов и др. В настоящее время исследователи считают, что основное ядро нартских сказаний было создано в ранний период железного века, где-то около VIII—VII вв., т. е. в кобанскую эпоху⁵⁴. Творцами этого эпоса считаются племена кобанской, прикубанской и колхидской культур. Надо думать, что наряду с другими северокавказскими племенами создателями нартского эпоса были и далекие предки карачаевцев и балкарцев.

У многих кавказских народов существует культ бога охоты. У осетин этот бог именуется Афсати, у абхазцев — Абсат, у сванов — Апсай, у карачаевцев — Апсаты. Очевидно, этот культ существовал еще в кобанское время: так, на одном из кобанских топоров изображена сцена борьбы воина с семьей змеей — согласно преданию, это один из подвигов Апсаты⁵⁵. Весь пантеон карачаевцев и балкарцев, за исключением тюркского божества Тейри и некоторых христианских святых (Элия, Майрам, Тотур), кавказский. Например, покровитель скотоводства Аймуш у адыгов Емыш, у кабардинцев Аймыш; податель дождя, божество грома — Ишибла, адыгское Шыбле и др.⁵⁶.

Как показывают данные этнографии, материальная культура и искусство карачаевцев и балкарцев по своему облику чисто кавказские. Элементы некавказских культур (в частности, кипчакской) прослеживаются очень слабо. Конечно, многие черты культурной общности карачаевцев и балкарцев с другими кавказскими народами могут объясняться позднейшими заимствованиями. Но такое простейшее объяснение далеко не во всех случаях может быть признано удовлетворительным. Так, причины появления кавказских мотивов в орнаментальном искусстве карачаевцев и балкарцев нужно искать гораздо глубже.

Изучая орнаментальное искусство карачаевцев, Е. Н. Студенецкая наметила следующие исторические этапы. 1. Традиции древних культур кобанского и докобанского периодов. 2. Традиции аланского периода. 3. Традиции тюркского кочевого характера. 4. Более поздние заимствования у соседних народов⁵⁷.

Элементы культур кобанской и докобанской эпох выявляются в резьбе по дереву, золотом шитье и в войлоках с валяным узором. Орнамент этих войлоков геометрический, прямолинейный, напоминающий узоры на древних сосудах кобанского и докобанского времени. Основные его элементы — ромб, треугольник, квадрат⁵⁸. В золотом шитье, а иногда и на войлоках встречаются детали орнамента в виде стилизованной бараньей головки, бегущая спираль и некоторые другие элементы, характерные для орнаментального искусства кобанской и позднекобанской эпох⁵⁹. В главе III мы отмечали, что в аланской культуре раннего средневековья прослеживаются многие черты кобанской культуры. Позднее мы находим эти черты в материальной культуре и искусстве и позднесредневековых северокавказских народов, в частности осетин и карачаево-балкарцев. Таким образом, этнографические материалы подтверждают устойчивое бытование кавказского (точнее, кобанского) субстрата в карачаево-балкарском этносе.

Для решения интересующего нас вопроса на основе археологических материалов наиболее правильным мы сочли путь ретроспективный. В 1958 г. экспедицией КЧНИИ, возглавляемой автором этих строк, был обследован самый «старый» из могильников, заведомо принадлежащих карачаевцам, находящийся на южной окраине аула Карт-Джурт, на правом берегу Кубани. Карачаевцы полагают, что этому могильнику 400 лет. Раскопки подтвердили эту дату. Наземные сооружения этого могильника можно разделить на три типа: 1) курганообразные возвышения из камней, овальные, почти круглые в плане, диаметром 3,2 и 3,4 м, высотой до 0,40 м; в центре камней не было (табл. 38, рис. 1); 2) овальные в плане выкладки из округлых камней диаметром 3 м и более, высотой до 0,30 м (табл. 38, рис. 2); 3) прямоугольные в плане выкладки из крупных камней, заполненных мелким камнем. Длина до 4 м, ширина 2—3 м, высота до 0,50 м (табл. 38, рис. 3).

Обряд погребения был немусульманский. Как известно, при мусульманском обряде покойника кладут в нише, вырытой в стенке могилы, на правый бок, головой на запад, лицом к Мекке. Ниша отделяется от могильной ямы поставленной на ребро доской. Покойника заворачивают в материю — гроба не полагается. Вещей в могилу не кладут. Женщин хоронят глубже, чем мужчин. Ничего этого не было в Карт-Джуртском могильнике. Здесь и мужчины и женщины лежали на равной глубине, на спине, вытянуто, головой на запад, не в нише, а прямо в могильной яме. В могилах обнаружены остатки деревянных гробов, уголь и кое-какие вещи — ножи, железные скобы, серебряные колечки, серьги, медный наперсток, подобный найденным в склепах Чечено-Ингушетии⁶⁰. Находки в этих склепах датируются XVI — началом XVIII в.⁶¹

Погребения второго и третьего типов — с овальными и прямоугольными наземными выкладками — подобны наземным сооружениям некоторых погребений аланской эпохи, по внешнему виду иногда бывает даже трудно их различить. Так, могилы X—XI вв. с прямоугольными и овальными выкладками из камней были раскрыты нами в 1959 г. на горе Донгат у аула Верхний Чегем в Кабардино-Балкарской АССР⁶². В 1960 г. у аула Кызыл-Кал был исследован несколько более ранний

могильник с прямоугольными выкладками на поверхности (табл. 38, рис. 8в)⁶³. В могилах найдены обломки чернолощенных сосудов с продольными бороздками V—VII вв. Подобная посуда обнаружена, например, в Гижгидском могильнике VII в. в Кабардино-Балкарской АССР⁶⁴. Дальнейшие исследования показали, что традиция хоронить умерших в погребениях с прямоугольными и овальными выкладками из камней на поверхности земли уходит еще дальше в глубь времен. На Донгатском и Кызыл-Калинском могильниках нами были раскопаны погребения VI в. до н. э. с овальными и прямоугольными выкладками из камней на поверхности (табл. 38, рис. 8а, б; см. гл. II, стр. 60).

Кроме описанных выше у карачаевцев и балкарцев существовали и некоторые другие виды погребальных сооружений. Так, между селениями Мукуш и Кусарты в Балкарии В. А. Кузнецовым были открыты погребения XIV—XVI вв. в каменных ящиках, принадлежавшие балкарцам-басианам⁶⁵.

Итак, карачаевцы и балкарцы до принятия мусульманства хоронили своих умерших в каменных ящиках или возводили над их могилами овальные и прямоугольные кладки из крупных камней, заполненные мелкими камнями. Но такие же формы погребальных сооружений существовали в этих местах и в кобанское и в аланское время. Можно ли этот факт объяснить случайными совпадениями? Думается, что нет. Каменный ящик и каменная выкладка над погребением, кобанские мотивы в орнаментальном искусстве, культ бога Апсаты и нартский эпос являются наследием «кобанцев», тех далеких предков карачаево-балкарцев, которые представляли собой кавказский субстрат этих ныне тюркоязычных народностей.

Данные антропологии также свидетельствуют в пользу местного, кавказского происхождения карачаевцев и балкарцев. Как указывалось, карачаевцы и балкарцы относятся к кавкасионскому типу европеоидной расы. Рассматривая расовые типы первого порядка, В. П. Алексеев пришел к выводу, что у карачаевцев и балкарцев отсутствует монголоидная примесь. Отсюда автор делает вывод, что карачаевцы и балкарцы, так же как и кумыки, перешли на тюркскую речь без включения в свой состав значительного количества тюркоязычных элементов⁶⁶. При рассмотрении расовых типов второго порядка (например, по ширине лица) карачаевцы и балкарцы сближаются с горноосетинскими и северогрузинскими группами⁶⁷. Таковы заключения, основанные на соматологических данных.

Эти заключения подтверждают и палеоантропологические материалы. Так, например, была изучена краниологическая серия из раннебалкарского могильника XIII—XIV вв. в местности Байрым у аула Верхний Чегем в Балкарии. Погребенные в этом могильнике, по В. П. Алексееву, относились к широколицему кавкасионскому типу, такому же, как и современные балкарцы⁶⁸. Таким образом, для антропологического типа предков балкарцев и карачаевцев в XIII—XIV вв. характерны те же черты, что для современных балкарцев и карачаевцев.

Итак, не только современные карачаевцы и балкарцы, но и их предки, жившие в XIII—XIV вв., принадлежат к местному, кавкасионскому антропологическому типу.

В свете всех приведенных данных существование кавказского субстрата в карачаево-балкарском этносе, субстрата, явившегося основным ядром дальнейшего формирования карачаево-балкарской народности, кажется нам несомненным. Но кого конкретно понимать под этим субстратом?

Есть мнение, что кавказские предки карачаевцев и балкарцев были близкородственными сванам — такой точки зрения придерживаются некоторые антропологи⁶⁹ и этнографы⁷⁰. В. А. Кузнецов полагает, что кавказский компонент карачаево-балкарского этногенеза составляли племена дигоров, часть которых приняла участие в формировании карачаево-балкарской, а часть — осетинской народности⁷¹. Как показали исследования В. И. Абаева, термин «дигор» имеет кавказское происхождение⁷².

Мысль об общей этнической кавказской основе карачаево-балкарцев и осетин кажется нам справедливой. Это подтверждается данными антропологии, как можно видеть из приведенных выше заключений В. П. Алексеева. Наиболее правдоподобно это предположение в свете данных археологии. Культура древних предков карачаевцев и балкарцев и по месту и по характеру связывается с памятниками кобанского (точнее, позднекобанского) типа, а не с памятниками прикубанской или колхидской культуры. Если на территории Карачая и встречаются памятники прикубанской культуры (которые связываются с другим этническим массивом), то на территории Балкарии они совсем неизвестны. Древние же кавказские предки осетин более чем кто-либо другой являются носителями кобанской культуры. Таким образом, вероятнее всего, предки карачаево-балкарцев, так же как и осетин, — племена кобанской культуры. Конечно, эти «кобанцы» были теснейшим образом связаны и с племенами прикубанской культуры, древними предками адыгов, и с ближайшими закавказскими соседями, прежде всего с предками сванов.

Аланы

Изучая карачаево-балкарский язык, языковед-иранист В. И. Абаев пришел к выводу, что в этом языке имеется аланская (иранская) языковая подоснова⁷³. Существование аланского (иранского) пласта в карачаево-балкарском языке признают и тюркологи⁷⁴.

Данные этнографии до некоторой степени подтверждают выводы языковедов. Е. Н. Студенецкая, анализируя мотивы карачаево-балкарского орнамента, сделала заключение, что в узорах на войлоках и в золотом шитье карачаево-балкарцев наблюдаются традиции аланского периода⁷⁵. Интересны замечания Е. Н. Студенецкой относительно деревянной утвари карачаевцев. Деревянная утварь карачаевцев — чаши, черпаки, ложки, мотушки для ниток, вальки для белья — украшалась резным орнаментом. В некоторых деталях орнамента (зубцы, треугольники, спирали, трактовка животных, в частности баранов) прослеживаются традиции еще кобанской культуры. Обычай изображать животных (козлов и баранов) на ручках деревянных чаш, наблюдаемый у карачаевцев, говорит о сохранении некоторых сармато-аланских традиций, так как зооморфные ручки считаются признаком сармато-аланской посуды.

Археологический материал пока не позволяет установить генетические связи культуры карачаево-балкарцев с культурой собственно алан, носителей катакомбного обряда. Можно указать только на обычай носить складни-амулеты, наблюдаемый у карачаево-балкарцев и осетин. Двустворчатые складни с шерстяными нитками, очевидно являющиеся талисманом, найдены в аланских катакомбах⁷⁶.

Обратимся к данным письменных источников. Арабский автор первой половины XIV в. Абу-л-Фида сообщает, что к востоку от абхазов, на берегу моря, находится населенный пункт алан (Мединет Аллание)

Этот населенный пункт назван так по имени народа алан, который его населяет. Аланы — это тюрки, которые приняли христианство. Аланы в большом количестве разместились в этой стране также к западу от Ворот Ворот (Дарьяльского ущелья, по мнению Ю. С. Гаглойти⁷⁷). По соседству — народ тюркской расы, называемый ассы (аласс); этот народ того же самого происхождения и той же религии, как и аланы⁷⁸. Таким образом, тюрки-христиане — аланы и асы — представляются живущими на территории, расположенной к востоку от абхазов и к западу от Ворот Ворот. В числе других районов на этой территории находятся современные Карачай и Балкария.

Некоторые исследователи считают, что речь здесь идет об аланах-асах — осетинах и что тюрками Абу-л-Фида назвал их по недоразумению⁷⁹. Однако многие авторы полагают, что в данном случае под тюрками, аланами и асами Абу-л-Фиды скрываются карачаевцы и балкарцы⁸⁰. Мы считаем это положение справедливым. Возможность подобного допущения подтверждается другим источником. Так, Л. И. Лавров, анализируя грузинскую надпись XIV—XV вв. на кресте, найденном в селении Цховати (Ксанское ущелье), приходит к выводу, что в XIV—XV вв. в Балкарии жили басиане, т. е. балкарцы⁸¹, так как «басианами» грузины называют ту часть балкарцев, которые населяют Балкарское ущелье (верхнее течение Черема и прилегающие районы). По мнению В. А. Кузнецова, наименование «басиане» не что иное, как грузинская передача термина «асы». Басиане-асы явились одним из компонентов в формировании балкарцев. Связь балкарцев с асами прослеживается и в термине «тулас», который встречается у автора X в. Ибн Руста. «Тулас», «таулас», по словам В. А. Кузнецова, означает «горцы-асы», т. е. балкарцы и карачаевцы⁸². Таким образом, судя по данным ранне- и позднесредневековых письменных источников, название «асы» связывается с предками балкарцев и с самими балкарцами. Осетины до сих пор называют балкарцев «ассиаг», «ассон»⁸³.

Если название «асы» прочно утвердилось за балкарцами, то название «аланы» не менее прочно закрепилось за карачаевцами. Автор XVII в. Ламберти на своей карте карачаевцев (карачиолей) помещает к северу от верхнего течения р. Ингури, т. е. в верховьях Кубани. Несколько северо-западнее «карачиолей» (*caraccioli*) на карте помечено название «алани» (*alany*)⁸⁴. «Алани» значит ближе к истокам Коракса (Кодора), т. е. где-то на р. Теберде. Трудно определить, как в данном случае соотносятся термины «карачиоли» и «аланы». Может быть, аланами Ламберти называл западную группу карачаевцев.

Вахушти локализует алан, так же как и Ламберти, к северо-западу от сванов⁸⁵. Французский географ Гильом Делиль (1676—1726) на карте Грузии и Армении, составленной на основании грузинских данных, помещает Аланию на одном из левых притоков Кубани, на северо-запад от Сванетии, т. е. опять-таки примерно там, где аланы обозначены у Ламберти⁸⁶. И. Г. Гербер (1728) отмечал, что «от аланов есть также остаток. Они живут подле авгазов в ближайших горах к северо-востоку»⁸⁷. К северо-востоку от Абхазии, как известно, располагаются Карачай и Балкария. На «Генеральной карте грузинских царств — Кахети, Карталинии и смежных земель», составленной в конце XVIII в., карачаевцы и балкарцы отсутствуют, а на их месте показаны аланы⁸⁸. Я. Рейнеггс упоминает о немногочисленном «народце» эдеки-алан, живущем рядом со сванетами и говорящем на особенном наречии кавказско-татарского языка⁸⁹. Потоцкий получил известие об аланах, которые соседят со сванетами и насчитывают не более тысячи душ⁹⁰. В «Кратком описании Абхазии», датированном началом XIX в., говорит-

ся, что «от Сухума имеется дорожка через нижние горы в Цебели к аланам»⁹¹. Таким образом, аланы мыслятся живущими где-то около верховьев Кодора, где и помещал их Ламберти. В середине XIX в. некоторые авторы, говоря о карачаевцах, отмечали, что их также называли аланами⁹². На ряде карт второй половины XIX в. на р. Кодоре нанесено селение Аланда⁹³. Мегрелы до сих пор называют карачаевцев аланами⁹⁴. Слово «алан» как обращение друг к другу сохранилось у карачаевцев и по сей день (в смысле «друг», «приятель»).

Антропологические данные не позволяют говорить о значительном участии аланского компонента в карачаево-балкарском этногенезе. Так, изучая краниологический материал из аланских могильников Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, В. П. Алексеев пришел к выводу, что аланы относятся к узколицевому, умеренно-длинноголовому типу. Антропологический же тип карачаевцев и балкарцев (так же как осетин) отличается умеренной брахикрацией и широколициестью⁹⁵.

Итак, данные языка содержат определенные доказательства в пользу того, что аланы также являлись одним из компонентов карачаево-балкарского этногенеза. Письменные источники прямо говорят о том, что карачаевцы и балкарцы являются последними носителями этнонимов «аланы» и «асы». Очень незначительный этнографический материал указывает на связь материальной культуры и изобразительного искусства алан с культурой и искусством карачаево-балкарцев. Археологический же материал таких связей почти не представляет. Данные антропологии генетической связи между аланами и карачаево-балкарцами не доказывают. Таким образом, мы не можем отрицать участия аланского компонента в карачаево-балкарском этногенезе, но не можем и утверждать, что этот компонент был особенно значительным.

Болгары и другие докипчакские турки

Многие авторы, сторонники болгарской версии происхождения балкарцев и карачаевцев, основывались прежде всего на сходстве терминов «болгар» с «болкар» — «балкарцы»⁹⁶.

Известно, что болгары говорили на одном из тюркских языков. Сохранились образцы болгарской письменности⁹⁷. Сопоставляя один из этих текстов с балкарско-карачаевским, С. К. Бабаев и А. Х. Соттаев отмечают их близость⁹⁸.

Н. А. Баскаков указал, что для древнеболгарского языка характерны явления ламбдаизма и ротаизма, которых нет в карачаево-балкарском языке. Некоторые признаки болгарского языка в карачаево-балкарском имеются, но выражены слабо⁹⁹.

В карачаево-балкарский пантеон входит бог Тейри (Тенгри). Культ этого тюркского божества был известен на Северном Кавказе еще в домонгольское время. Так, об этом культе пишет армянский историк X в. Моисей Каланкатуйский¹⁰⁰. В. Ф. Каховский полагает, что Тейри был верховным богом болгар и савир¹⁰¹. Возможно, что культ Тейри был занесен на Северный Кавказ именно болгарями.

Судя по антропологическим материалам, у карачаевцев и балкарцев есть некоторые черты сходства с типом древних болгар, хотя вообще они принадлежат к другому антропологическому типу¹⁰².

Археологические данные говорят в пользу точки зрения о проникновении болгар в Пятигорье и, возможно, в некоторые восточные районы Карачаево-Черкесии (об этом свидетельствует наличие котлов с внутренними ушками, обычно связываемых с болгарями, см. гл. III). Возможно, болгарскими являются тюркские рунические надписи IX—

X вв. Хумаринского городища, хотя вопрос о болгарской принадлежности этих надписей еще нельзя считать окончательно решенным.

Итак, есть основания говорить о проникновении болгар в восточные районы Карачаево-Черкесии и об их участии в карачаево-балкарском этногенезе, хотя вряд ли это участие было особенно значительным.

В главе III мы отмечали, что кроме болгар на интересующую нас территорию во второй половине I тысячелетия н. э. могли проникать и другие тюрки, возможно тюрки Западно-Тюркского каганата (VI в.), тюрки, оставившие хумаринские надписи (если эти надписи не болгарские), и какая-то тюркская группа, которой принадлежат каменные статуи некипчакского типа.

С приходом болгар и других докипчакских тюрков начался процесс языковой тюркизации какой-то части аланского и доаланского населения Карачая и Балкарии. Факты языковой тюркизации нетюркского, в частности аланского, населения известны. Так, хорезмский ученый ал-Бируни (973—1048) писал о группе алан-асов, у которых язык был смешанный: он состоял из элементов хорезмского (т. е. иранского) и печенежского (т. е. тюркского) языков¹⁰³. Тот же процесс наблюдался и у алан, живших вместе с болгарами на территории распространения салтово-маяцкой культуры в VIII—начале X в. Как отмечает С. А. Плетнева, буквы тюркского алфавита и целые надписи, обнаруженные на камнях Маяцкого городища, на фляжках из Новочеркасска и других предметах, свидетельствуют, видимо о том, что официально принятые в Хазарском каганате язык и письменность и у алан и у болгар были тюркскими¹⁰⁴.

Можно думать, что те же процессы могли происходить и на территории Карачая и Балкарии после прихода сюда болгар и других тюрков в VIII—IX вв. Очевидно, местное население было разноязычным, что и облегчило тюркизацию языка. Кроме того, нужно учитывать еще одно обстоятельство. Н. Г. Волкова, занимавшаяся вопросами двуязычия на Северном Кавказе, отметила, что в широком распространении тюркских языков определенную роль, возможно, сыграла и их относительная фонетическая простота по сравнению с кавказскими¹⁰⁵. Может быть, это свойство тюркских языков также помогло им одержать победу над языками некоторых групп кавказского населения. Очевидно, помимо освоения алано-кавказским населением тюркского языка происходили и процессы метизации. На примерах более позднего времени из истории Северного Кавказа нам известно, что в случаях совместного проживания разных этнических групп на сравнительно небольшой территории, особенно при отсутствии религиозных барьеров, смешанные браки и последующая метизация неизбежны.

Еще в большей степени тюркизация населения Карачая и Балкарии была закреплена с приходом кипчаков.

Кипчаки

Исследования лингвистов показали, что кипчакский язык является «предком» карачаево-балкарского. В этом отношении очень интересно сходство карачаево-балкарского языка с языком кипчакско-латинско-венгерского словаря XIV в. «Кодекс Куманикус»¹⁰⁶.

Этнография дает немногочисленные, но весьма показательные примеры, говорящие о том, что кипчакский элемент был одним из компонентов карачаево-балкарского этногенеза. Орнамент аппликативных войлоков, изготавливаемых карачаево-балкарцами, выполнен в тюркских кочевых традициях и имеет сходство с орнаментом ногайским, казах-

ским, киргизским и др. Да и сам обычай изготовлять узорные войлоки, столь характерный для кочевников (например, для ногайцев), горским народам Кавказа не свойствен. Существование этого обычая у карачаевцев Е. Н. Студенецкая справедливо объясняет наследием кипчакских предков этого народа¹⁰⁷. Подобным же наследием является, по мнению Е. Н. Студенецкой, обычай строить многоугольные деревянные срубные жилища с центральным столбом — багъана, — прообразом которых служит кочевническая юрта¹⁰⁸.

Выше (гл. III, стр. 102) мы отмечали, что, судя по данным археологии (каменные бабы, курганы с конскими захоронениями), кипчаки заселяли предгорные районы Карачаево-Черкесии в конце XI—XII вв. В более высокогорные районы они проникли в XIII в., после монгольского нашествия. О том, что часть кипчаков, спасаясь от монголов в

Рис. 13. Карачаевский склеп-кешене XVII—XVIII вв. у аула Карт-Джурт. Экспедиция КЧНИИ 1958 г.

1222 г., ушла в горы, сообщает современник этих событий Ибн Асир¹⁰⁹. Кипчаки, проникшие в горы Северо-Восточного Кавказа, приняли участие в этногенезе кумыков; поселившись в горах Карачая и восточнее, они явились одним из компонентов в формировании карачаево-балкарской народности.

В археологических памятниках Карачая послемонгольского времени кипчакская линия прослеживается пока слабо. Попытки связать склепы «кешене» типа карт-джуртских (рис. 13) с половецкими гробницами «кезене», предпринятые Х. О. Лайпановым¹¹⁰, пока остаются необъяснимыми. Больше данных в пользу того, что «кешене», прямоугольные в плане склепы с двускатной крышей, — местного, кавказского происхождения¹¹¹.

Нам кажется, генетическую преемственность нужно искать в других формах погребальных сооружений. Так, одна из форм карачаевских захоронений — курганообразные возвышения (табл. 38, рис. 1) имеет аналогии в могильниках более раннего времени, известных на территории Карачая (у аулов Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук и в других местах). В 1896 г. В. М. Сысоев исследовал группу таких курганов, рас-

положенных в Уллу-Камском ущелье¹¹². Так же как и карачаевские курганообразные захоронения, эти курганы сложены либо целиком из камней, либо в центре камней не имеют. Высота небольшая — до 0,70—0,80 м, диаметр — 6—8 м. Покойников погребали либо в грунтовой могиле, либо в деревянном гробу, иногда в гробу из двух полукогод. Так же как и в карачаевских захоронениях, погребенные лежали на спине, головой на запад, лицом на юг (ср. табл. 39, рис. 2). Вещи обнаружены такие же, как и в карачаевских захоронениях, только более ранние, относящиеся к XIV—XVI вв., — ножи, скобы, огнива, колечки, серебряные серьги и др. Кроме аналогий с карачаевскими могильниками, некоторые черты сходства Уллу-Камский могильник имеет и с адыгскими курганными могильниками XIV—XVI вв. Но адыги в этих местах не жили — граница распространения заведомо адыгских могильников проходит по линии Карачаевска (см. ниже). Естественно предположить, что курганы типа уллу-камских принадлежат карачаевцам.

Уллу-камские курганы по некоторым чертам можно сопоставить еще с одним видом памятников — с кипчакскими курганами. Насыпи этих последних иногда бывают сложены целиком из камней, или в центре кургана может остаться свободное от камней пространство. Гробы дощатые, но встречаются и ладьевидные типа полукогод, как в уллу-камских курганах. Встречается ориентировка погребенных головой на запад, лицом на юг¹¹³. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что первая группа карт-джуртских карачаевских погребений XVII—XVIII вв. с курганообразными возвышениями через уллу-камские курганы связывается с кипчакскими курганными захоронениями.

Приведем некоторые соображения антропологов. Изучение кипчакских каменных статуй и погребальных масок говорит о том, что среди кипчаков были и европеоиды и монголоиды¹¹⁴. Как полагает В. П. Алексеев, судя по косвенным данным, у кипчаков должны быть черты монголоидности¹¹⁵. По-видимому, появлением кипчаков-монголоидов на территории верховьев Кубани можно объяснить наличие небольшой монголоидной примеси у населения Черкесии, установленной В. П. Алексеевым по черепам из адыгских могильников XIV—XV вв. Карачаево-Черкесии¹¹⁶.

В. П. Алексеев считает, что данные антропологии не дают оснований говорить о значительном включении кипчакского элемента в состав формирующейся карачаево-балкарской народности¹¹⁷.

Итак, лингвистический материал позволяет утверждать, что кипчакский язык был «предком» карачаево-балкарского языка, археологический свидетельствует о том, что еще в домонгольское время (с конца XI в.) кипчаки стали проникать на территорию Карачаево-Черкесии, этнографические и археологические материалы также в известной степени доказывают связи материальной и духовной культуры кипчаков и карачаево-балкарцев. Антропологические данные не противоречат кипчакской версии, но, судя по ним, нельзя утверждать, что среди прямых предков карачаево-балкарцев кипчаки составляли большинство.

Таким образом, все четыре компонента — «кобанцы», аланы, болгары (и другие докипчакские турки) и, наконец, кипчаки — приняли участие в формировании карачаево-балкарской народности. Данные всех дисциплин — антропологии, этнографии, археологии, фольклора — говорят о том, что основой формирования карачаево-балкарской народности, ее ядром были местные, горские кавказские племена, западная

ветвь носителей кобанской культуры. Так же как и у осетин, «кобанцы» явились кавказским субстратом карачаево-балкарской народности. В тюркском карачаево-балкарском языке отчетливо прослеживается древний кавказский языковой пласт. Впоследствии, очевидно начиная с IV в., часть кавказцев подверглась аланизации (иранизации), а затем, после проникновения в эти места тюрок (с рубежа VII—VIII вв., а может быть, и несколько раньше) началась тюркизация населения этих районов. Надо полагать, что в данном случае происходили не только процессы тюркизации языка, но и слияние местного и тюркского населения, процессы метизации. Проникновение в эти места кипчаков, особенно после монгольского нашествия, закрепило тюркизацию населения.

С этого времени, с рубежа XIII—XIV вв., на наш взгляд, мы уже можем говорить о карачаево-балкарской народности, которая имела свой язык, принадлежащий к языкам кипчакской группы, общность психического склада и культуры, что прослеживается, в частности, по памятникам материальной культуры. Существовала также известная территориальная общность — карачаевцы и балкарцы занимали смежную территорию у отрогов Эльбруса, на которой жили и позднее (ущелья Карачая и Балкарии). Более северные предгорные районы с рубежа XIII—XIV вв. были заселены адыгами.

Уже в первой половине XIV в., судя по сообщению Абу-л-Фиды, западная и восточная ветви карачаево-балкарской народности имели названия «аланы» и «асы», под которыми долгое время они были известны своим соседям. Существование не одного, а двух названий этой народности не противоречит положению о том, что в своей первооснове карачаевцы и балкарцы были единой древней народностью, — вплоть до настоящего времени известны случаи, когда две или несколько ветвей одной народности имеют разные названия (например, пронцы и дигорцы у осетин).

Позднее на основе древней карачаево-балкарской народности стали формироваться современные карачаевцы и балкарцы. Термины «карачаевцы» и «балкарцы» появляются в источниках начиная с XVII в. Но это не значит, что названия не могли возникнуть раньше, ведь если не считать свидетельства Абу-л-Фиды, в письменных источниках XIV—XVI вв. мы вообще никаких сведений о карачаевцах и балкарцах не имеем.

Первые письменные сведения о карачаевцах мы встречаем в некоторых русских и западноевропейских источниках XVII в.¹¹⁸

Так, в статейных списках (отчетах) русских послов Ф. Елчина и П. Захарьева, направленных в «Дидиянскую землю» (Мегрелию), сказано, что послы в 1639—1640 гг. на пути в Мегрелию и обратно проходили через «Карачаеву Кабарду». Исследователи полагают, что здесь речь идет о карачаевцах Баксанского ущелья¹¹⁹, хотя в последнее время это положение подвергается сомнению¹²⁰.

В отписке терского воеводы М. И. Волынского 1643 г. упоминаются карачаевские черкасы, т. е. карачаевцы, «в Кабарде... под Пяти Горам»¹²¹. Здесь неясно, какие карачаевцы имеются в виду — баксанские, верхнекубанские или, может быть, какая-то группа карачаевцев, обитавших в Пятигорье.

О карачиолях, или карачеркесах, упоминает Шарден, включая их в перечисление кавказских народов — сванов, аланов, жигов (зихов-адыгов) и др.¹²². По-видимому, речь у него идет о верхнекубанских карачаевцах, хотя точно определить местонахождение карачиолей из рассказа Шардена не представляется возможным.

Более точно локализует карачиолей другой автор XVII в. — Ламберти. На карте, приложенной к его труду, карачиоли-карачаевцы помещены северо-западнее сванов, т. е. на территории Карачая, в верховьях Кубани¹²³. «Описание Колхиды» Ламберти было издано в 1654 г., но сведения, приведенные в нем, относятся к более раннему времени, так как Ламберти жил на Кавказе (в Грузии) в 1630—1650 гг. Таким образом, карачаевцы в XVII в. жили не только на Баксане, но и в Большом Карачае.

Любопытно сопоставить с этими данными некоторые сведения карачаевских преданий. По преданиям, заселение карачаевцами долины Кубани относится к XIV в.¹²⁴ Таким образом, судя по устной народной традиции, карачаевцы живут в Большом Карачае около 600 лет, что и соответствует данным письменных источников и археологии, если говорить о карачаевцах, как таковых, а не об их отдаленных предках, которые населяли эти места еще ранее XIV в., с глубокой древности.

АДЫГИ

Черкесы, кабардинцы и адыгейцы происходят от одного общего корня — адыгов. «Адыга» до сих пор является самоназванием всех этих народов¹²⁵. По антропологическому типу эти народы относятся к южной ветви европеоидной расы. Адыгейцы принадлежат в основном к понтийскому типу, хотя в восточных этнографических группах наблюдается примесь кавкасионских элементов. Кабардинцы и черкесы занимают промежуточное положение между представителями понтийского и кавкасионского типов¹²⁶.

О происхождении адыгов существуют легенды, имеющие много вариантов. Сущность этих преданий сводится к тому, что адыги под предводительством Инала, Кеса или какого-либо другого вождя пришли из Аравии, Египта или Малой Азии (например, из Анатолии) и, покорив местное население, заняли Крым и восточночерноморское побережье Северо-Западного Кавказа¹²⁷. Некоторые авторы, как русские, так и зарубежные, искали в этих преданиях рациональное зерно¹²⁸. Но еще в дореволюционное время исследователи, критически относившиеся к этим легендам и понимавшие, что подобные легенды есть не только у адыгов, но и у других народов Кавказа, установили, что в период распространения ислама эти легенды насаждались мусульманским духовенством и промусульмански настроенной знатью, стремившейся таким образом доказать свое иноземное происхождение и этим возвыситься над остальным населением¹²⁹.

Весьма показательно, что почти все дореволюционные авторы так или иначе связывали адыгов-черкесов с древними меотами, синдами, керкетами, зихами и средневековыми зихами, папагами, касахами (кашками, касогами). Так, И. Г. Гербер сопоставлял касахов Константина с кабардинцами¹³⁰. И. А. Гильденштедт устанавливал прямую генетическую связь между казахами (касахами) Константина и черкесами (адиге)¹³¹. Я. Рейнегс и С. Броневский считали предками адыгов-черкесов зихов, покоривших синдов и керкетов¹³². Клапрот признавал генетическую линию развития между этнонимами кашак-кешек — касак-касах — черкесы (адиге)¹³³. Дюбуа де Монпере писал, что предки адыгов-черкесов — зихи, керкеты, синды, меоты и другие племена древности, а также средневековые зихи, папаги, касахи (кешеки)¹³⁴.

В дальнейшем почти все авторы исходили из того, что адыги-черкесы генетически связаны с названными выше племенами, хотя этниче-

ская принадлежность этих племен определялась не всегда одинаково, иногда им приписывалось сарматское, тюркское и даже славянское происхождение.

О происхождении адыгов-черкесов, об этнической принадлежности древних и средневековых племен, принявших участие в их формировании, дореволюционные русские и зарубежные авторы высказывали самые различные точки зрения. Предками черкесов считали выходцев из Аравии, Египта, Сирии¹³⁵, индоевропейцев, в частности сармато-алан и мидян, славян-чехов¹³⁶, тюркские племена (гуннов, хазар, коман, татар)¹³⁷, монголов¹³⁸, угро-финнов¹³⁹. Существовали теории смешанного происхождения адыгов-черкесов¹⁴⁰.

Выдвигались теории и местного, автохтонного происхождения адыгов¹⁴¹.

В зарубежной литературе, опубликованной после 1917 г., оригинальных суждений по вопросу происхождения адыгов-черкесов почти нет. По существу, повторяется то, что высказывалось дореволюционными авторами, зарубежными и русскими. В меньшей степени учитывается советская литература.

М. Эрберт утверждает, что предками кавказских народов, в частности адыгов, были яфетиды, в том числе яфетиды-алародийцы Геродота, а цементирующим ядром всех алародийцев были халды, жившие на юге. Приводится также мнение князя Трубецкого, возводившего печенегов к черкесскому племени¹⁴². В. Ф. Минорский разбирает вопрос об этнонимах «кашак», «касах», «касог», «черкес», в частности об этимологии этих терминов¹⁴³. В исследованиях Г. Вернадского высказываются некоторые суждения об этнических связях сармато-алан и предков адыгов. По его мнению, в IV и первой половине V в. многочисленные аланские объединения частично смешались с местными племенами Северного Кавказа, например с касогами-черкесами. Река Кубань называлась Антикит, по имени жившего на ее берегах племени антов, под которыми в данном случае Г. Вернадский подразумевает сармато-алан. Позднее вместо антов на берегах Кубани стали жить касоги, которые также стали называться антами по названию реки. Термин «адыге» произошел от названия «анты»¹⁴⁴.

Проблема происхождения черкесов посвящена монография А. Намитока. Суждения А. Намитока по этому вопросу носят весьма эклектический характер. Черкесы, по его мнению, связаны по происхождению с фракийцами, киммерийцами, азо-сармато-медокасситами и родственны пелазгам, этрускам, лигурийцам, медулам, либийцам, лелегам, луциям, карийцам, митанийцам, хиттитам и другим народам средиземноморского бассейна и Малой Азии, первым обитателям Европы, творцам цивилизации, которую приняли и развили греки¹⁴⁵.

Небольшой раздел о происхождении черкесов есть в книге Э. Саркисянца, который пишет, что предками черкесов являются «протокавказцы» — синдо-меоты, зихи, керкеты. Те из них, которые «выжили» после прихода киммерийцев, скифов, а затем гуннов, и явились ядром черкесов¹⁴⁶.

Советские исследователи считают, что древними предками адыгов были синды и другие меоты, а также зихи и керкеты. О происхождении предков адыгов существуют три гипотезы — северная, южная и автохтонная.

По мнению сторонников северного происхождения адыгов, до их переселения (в частности, кабардинцев) на современные места жительства они жили в Предкавказье, в северной части Ставропольского края, как считает, например, Г. Ф. Турчанинов, основываясь на чтении над-

писи из сел. Преградного¹⁴⁷, или вообще в пределах хазарских владений, входя в состав объединения кабаров¹⁴⁸. Обе эти версии получили должную критическую оценку в литературе: чтение преградненской надписи большинством исследователей признается неточным¹⁴⁹; что же касается «кабарской» гипотезы, то, кроме созвучия названий «кабары» и «кабардинцы»¹⁵⁰, никаких данных в ее пользу — ни в письменных источниках, ни в археологических материалах — не имеется.

К числу северных принадлежит и киммерийская гипотеза. Согласно этой гипотезе, предками адыгов или какой-то части древнеадыгских племен являются киммерийцы. Так, в некоторых археологических исследованиях высказывались суждения, что меотские племена, в частности синды, киммерийского происхождения¹⁵¹. Такая точка зрения основывалась прежде всего на совпадении территории размещения синдов и части киммерийцев (Тамань, район Анапы). Далее указывалось, что синды (в частности, представители синдо-меотской знати, погребенные в Северском кургане II—I вв.) погребались в каменных ящиках, так же как и тавры, потомки киммерийцев. Отсюда делался вывод о киммерийском происхождении синдов¹⁵².

Л. И. Лавров, также сторонник киммерийской гипотезы, формулирует ее несколько своеобразно. Приведя убедительные доказательства автохтонности предков адыгов и абхазов, живших на Северо-Западном Кавказе с глубокой древности, Л. И. Лавров приходит к неожиданному заключению, что «предки указанных народов составляли собой восточную группу киммерийских племен»¹⁵³. Таким образом, согласно Л. И. Лаврову, восточная группа киммерийцев является древнейшим населением Северо-Западного Кавказа, обитавшим здесь «с начала раннеметаллической эпохи, а может быть и с мезолита».

Современные представления о киммерийцах не согласуются с подобным утверждением — киммерийцы рассматриваются как степняки, а не как горцы. Основной территорией их обитания были степи Северного Причерноморья и Предкавказья¹⁵⁴. Конечно, киммерийцы проходили через Северо-Западный Кавказ, совершая военные походы начиная с VIII в. до н. э.¹⁵⁵ Может быть, они проникали сюда еще во II тысячелетии до н. э., если принять гипотезу о киммерийской принадлежности катакомбной культуры II тысячелетия до н. э. Однако нет никаких оснований считать киммерийцев коренным населением Северо-Западного Кавказа, послужившим этнической основой для образования мощного адыго-абхазского массива. Как отмечает Н. В. Анфимов, «в киммерийское время на Северо-Западном Кавказе, точнее, в Закубанье складывается древнемеотская культура аборигенного населения, принадлежащего к иберо-кавказской языковой группе, отличного от киммерийцев»¹⁵⁶.

Не может быть принят и довод Н. Пятышевой о киммерийской принадлежности погребений типа захоронения в Северском кургане: каменные ящики не киммерийская, а местная форма погребального сооружения, обычная для Северо-Западного и вообще Северного Кавказа с древнейших времен (вспомним, например, каменные ящики кобанской культуры).

Что касается племени синдов, находившихся в непосредственном контакте с киммерийцами, то в него могла влиться какая-то часть киммерийцев, но в основе своей оно было меотским, адыгским, как это и отмечено Страбоном (XI, 2, 11, 12). Дионисий Периегет (II в. н. э.), основывавшийся на более ранних источниках, не отождествляет синдов с киммерийцами, а называет их двумя разными племенами (V, 652—710).

Таким образом, ни письменные источники, ни археологические материалы не подтверждают киммерийской версии адыгского этногенеза.

Переходим к гипотезам южного происхождения адыгов. Н. Я. Марр в своих ранних работах писал, что адыги, абхазцы и ряд других кавказских народов принадлежали к средиземноморской, «яфетической» расе, к которой он относил также элламов, касситов, халдов, сумеров, хетов, митаннеев, урартийцев, пелазгов, этрусков, басков и некоторые африканские племена¹⁵⁷. Следуя теории Н. Я. Марра и приняв на веру предания о приходе адыгов из Египта и Анатолии, авторы книги «Адыгея» заявляют, что яфетические племена, среди которых были и черкесы, действительно пришли из Египта, двигаясь через Анатолию¹⁵⁸. По мнению И. А. Джавахишвили, племена скифов и сарматов, пришедшие на Кавказ не с севера, а с юга, принадлежали к северокавказским адыгейско-чечено-лезгинским народностям¹⁵⁹.

Некоторые авторы считают возможными предками черкесов (кашаров) и абхазцев (апшилов-апсиллов) племена касков-кашаров и абешла, живших в Малой Азии во II тысячелетии до н. э.¹⁶⁰ Кроме сходства этнических наименований в обоснование своей теории ее сторонники приводят еще два обстоятельства:

1. Некоторые языковеды считают, что в кавказских языках есть элементы, роднящие эти языки с мертвыми языками Передней и Малой Азии.

2. На территории Грузии есть топонимы абхазо-адыгского происхождения, которые, по мнению сторонников южной гипотезы, являются следами продвижения абхазо-адыгских племен с юга, из Малой Азии, через Грузию на Северный Кавказ.

Так, Е. С. Шакрыл в качестве примера приводит пять топонимов абхазо-адыгского происхождения, установленных на территории Грузии. По ее мнению, кашкар (адыги) и абешлаи (абхазцы) сформировались как отдельные этнические общности еще на территории Малой и Передней Азии. В III—II тысячелетиях происходило медленное и постепенное передвижение кавказских горцев, в том числе кашкарцев и абешлаев, из Малой Азии на Северный Кавказ. Продвижение закончилось примерно в I тысячелетии до н. э. Пришельцы нашли здесь местное население¹⁶¹. «Длительная борьба языков местного населения с языками пришлых народов, — заключает Е. С. Шакрыл, — завершается победой языков пришлых народов, то есть абхазо-адыгских, так как эти народы, очевидно, обладали более высокой культурой по сравнению с культурой местного населения»¹⁶².

Кроме языковедов, историков и этнографов теорию о переселении с юга кашаров и абешла признают и некоторые археологи, в частности Л. Н. Соловьев. В. И. Марковин по поводу взглядов Л. Н. Соловьева пишет: «Очень односторонним кажется нам и его (Л. Н. Соловьева. — Е. А.) мнение о происхождении ряда культур (катакомбной, северокавказской, древнеадыгской) в результате проникновения на Кавказ и влияния малоазийского племени кашаров. Такое толкование никоим образом не согласуется с археологическим материалом»¹⁶³. Действительно, данные археологии, свидетельствующие о существовании культурных связей между населением Северного Кавказа и Передней и Малой Азии, не дают тем не менее никаких оснований для утверждения, что в III—I тысячелетиях на Северо-Западный Кавказ с юга переселялись мощные волны малоазийских племен, обладавших к тому же культурой, превосходящей культуру местного населения¹⁶⁴.

Существует и теория автохтонного происхождения адыгов. К такой точке зрения склонялся Г. А. Кокиев¹⁶⁵, в настоящее время ее отстаи-

вают многие советские исследователи, в частности археологи А. П. Смирнов, Е. И. Крупнов, Ю. С. Крушкол¹⁶⁶ и другие, в том числе и автор этой работы.

Значительный вклад в теорию автохтонного происхождения адыгов и в установление преемственности меото-адыгских культур внес Н. В. Анфимов. На конкретном археологическом материале он убедительно показал, что раннесредневековая адыгская культура IV—VI вв. является дальнейшим развитием позднемеотской¹⁶⁷, что меотская культура на всех этапах ее развития генетически преемственна¹⁶⁸, а раннемеотская культура VI—V вв. тесно связана с местной культурой VIII—VII вв., которую Н. В. Анфимов называет древнемеотской¹⁶⁹, а эта последняя своими корнями уходит в позднебронзовую прикубанскую культуру¹⁷⁰, которую А. А. Иессен связывал с древнейшими предками адыгов.

Итак, в советской науке принято положение о том, что древними предками адыгов являются синды и меоты, а также керкеты и зихи. Древнеадыгские племена занимали восточное побережье Черного и Азовского морей и Прикубанье, в том числе и верхнее, где они жили среди других этнических групп. О том, что протоадыги в числе прочих племен населяли территорию Карачаево-Черкесии еще в древности, говорят памятники прикубанской культуры и могильные сооружения типа дольменного склепа Коба-Баши.

Археологические материалы со всей очевидностью свидетельствуют в пользу того, что адыги являются автохтонами Северо-Западного Кавказа. Несмотря на эпизодические включения в местную этническую среду иноплеменных элементов, основной этнический массив на Северо-Западном Кавказе сохранялся в течение всей древней эпохи (см. гл. I и II).

Анализируя средневековые памятники адыгов в закубанской части Северо-Западного Кавказа, мы прослеживаем генетическую связь этих памятников и с древнейшими адыго-меотскими¹⁷¹ и связь средневековых памятников между собой по хронологическим этапам.

Ряд меотских городищ Закубанья, возникших в III в. н. э. (Тахтамукаевское I, Гатлукаевское I, городище близ сел. Красного, Ново-Вочепшиновское, Пшекуйхабльское), продолжали существовать и в период раннего средневековья. Материал верхних слоев этих городищ, относящийся к V—VI вв., близок по характеру находок материалу из нижних слоев. Показательно присутствие глиняных стоячих плиток с расширенным основанием — и в древних и в раннесредневековых слоях. Такие плитки встречены и на городище у сел. Ново-Михайловского (IV—VI вв.), на берегу Черного моря¹⁷².

В V—VII вв., как и в древности, существовал обряд погребения в каменных ящиках и в грунтовых могилах, без курганных насыпей. Связи меотской и раннесредневековой адыгской культур прослеживаются на материалах могильников IV—VI вв. — Пашковского I и Ясеново-полянского. Могила грунтовая, прямоугольная, как и в меотских могильниках. Некоторые формы керамики (горшочки, кувшины, миски) продолжают традиции меотских форм сосудов. В Пашковском I могильнике встречены сосуды, поставленные в миску, — этот обычай чрезвычайно характерен для меотских могильников¹⁷³.

В VIII—IX вв. в Восточном Причерноморье и в Закубанье в обряде погребения появляются новые черты — кремация и, по-видимому, курганные насыпи. Но преобладающим остается обряд погребения без курганных насыпей, в каменных ящиках и в грунтовых могилах, характерных для адыго-меотской культуры раннего времени. Продолжается

жизнь на городищах и селищах, возникших в античное время и в VI в. н. э. Появляются такие характерные для адыгской керамики сосуды, как кувшины и кружки с боковым сливом (табл. 36б, рис. 4) ¹⁷⁴.

В X—XIII вв. не прекращается жизнь на многих поселениях Восточного Причерноморья и Закубанья, возникших в античное и ранне-средневековое время. Преобладающей формой погребального сооружения являются подкурганные захоронения, но каменные гробницы под курганами продолжают традиции более древних адыгских захоронений (некоторые исследователи сравнивают их даже с дольменами). Северная ориентировка погребенных в восточнопричерноморских подкурганных захоронениях связывает их с погребениями раннесредневекового Борисовского могильника. Инвентарь (например, сосуды с боковым сливом, наконечники копий с угловатыми выступами в основании пера и др. — см. табл. 36б, рис. 3—11) имеет аналогии с инвентарем адыгских памятников более раннего времени ¹⁷⁵.

Курганные могильники X — первой половины XIII в. (домонгольского времени) тесно связаны с адыгскими курганными могильниками второй половины XIII—XVI в., иногда даже трудно бывает провести грань между курганами домонгольского и послемонгольского периода. В курганах X — первой половины XIII в. встречается западная ориентировка погребенных, уголь в могилах, изредка дубовые колоды. Насыпи иногда овальные в плане, гробница не в центре кургана. В погребениях есть керамика. Все эти черты, как мы покажем ниже, характерны и для адыгских курганов послемонгольского времени — для западночеркесской группы. Инвентарь послемонгольского периода во многом сходен с инвентарем подкурганных и бескурганных адыгских погребений домонгольского времени. Показательно, что некоторые восточнопричерноморские и закубанские могильники мы должны датировать XI—XV, X—XIV, XII—XVI вв., т. е. эти памятники не прекратили своего существования во время монгольского нашествия и могут служить образцом генетической преемственности адыгской культуры домонгольского и послемонгольского времени ¹⁷⁶.

Кроме адыгских в Восточном Причерноморье и Закубанье были памятники и других этнических групп — абазин (см. следующий раздел) и с конца XI в. — кипчаков ¹⁷⁷.

В верховьях Кубани, на территории Карачаево-Черкесии, среди прочих памятников раннего средневековья выделяются и такие, которые можно связать с адыгами: наземные и подземные гробницы, наземные дольменообразные склепы, подземные склепы. Адыго-меотской традицией является обычай класть под голову покойника каменную плитку, наблюдаемый в Нижне-Архызском и других могильниках. С адыгами может связываться также могильник с подземными каменными гробницами в Мощевой балке (одновременный могильнику под скальными навесами у ст. Баракаевской, в Закубанье). Краниологический материал из могильника в Мощевой балке говорит о наличии адыгского элемента в этих местах в период раннего средневековья. Это тем более интересно еще и потому, что, по словам В. П. Алексеева, физический тип адыгов XIV—XVI вв. сформировался на базе антропологического типа, представленного материалом могильника из Мощевой балки. В свою очередь «вариации антропологического типа современных адыгейцев частично повторяются в краниологическом материале XIV—XVI вв., что говорит об их возникновении в эпоху средневековья, а может быть и в более раннее время» ¹⁷⁸. Таким образом, антропологический материал, так же как и археологический, свидетельствует о

непрерывном развитии адыгского этноса на территории Северо-Западного Кавказа начиная с очень давнего времени.

Разработка проблемы формирования адыгской народности еще только начинается. Как отмечал Е. И. Крупнов, основы будущих народностей Северного Кавказа, в том числе и адыгской, стали формироваться еще в процессе становления местных культур I тысячелетия до н. э.¹⁷⁹. Вопросами дальнейшего формирования адыгской народности занимался Л. И. Лавров¹⁸⁰. Процесс консолидации адыгских племен, пишет Л. И. Лавров, проходил неравномерно. В I тысячелетии до н. э. этот процесс наиболее интенсивным был у степных меотских племен, которые имели уже общее собирательное название «меоты», приводимое античными авторами. Проникновение в эти места сарматов, а затем нашествие гуннов помешали завершению процесса объединения меотов в единую народность. С I в. н. э. наиболее сильным становится одно из приморских племен — зихи. Приморские племена в период нашествия сарматов и гуннов оказались в лучшем положении, чем степные. Кроме того, Восточное Причерноморье было связано морскими путями с внешним миром. По этим причинам прибрежное адыгское племя зихов стало тем стержнем, вокруг которого начали объединяться племена Северо-Западного Кавказа. Территория племенного объединения, именуемого зихами, к середине I тысячелетия н. э. значительно увеличилась: если в I в. н. э. зихи помещались между Гагрой и Туапсе, то в V в. их территория расширилась до Пагры (Геленджика). Автор VI в. Прокопий, отмечает Л. И. Лавров, называет зихами всех адыгов, не упоминая других адыгских племен.

Но зихский племенной союз не мог объединить все родственные адыгские племена Северо-Западного Кавказа, по соседству формировались два других племенных союза — абхазский на юге и касожский в Закубанье¹⁸¹. Название «касог», «косог» в форме «косогдиане» впервые встречается у монаха Епифания (рубеж VIII — IX вв.), который помимо косогдиан называет еще и зихов. Константин Багрянородный (X в.) упоминает о зихах, касахах и папагах. Масуди (X в.) всех адыгов называет кашак (кешак, кашк). Он говорит о кашаках как о едином народе, имеющем единый язык, и локализует его между Черным морем и аланами, которые жили к востоку от Лабы. Единым народом считали касогов-адыгов и русские летописцы. Во всяком случае, до начала XIV в. (когда термин «касоги» сменяется названием «черкесы») других терминов, кроме «касоги», «косоги», для обозначения адыгских этнических групп в русских летописях не встречается.

Таким образом, заключает Л. И. Лавров, адыги как особая народность с единым языком в основных чертах сложились к X в. Но это был только первый этап формирования народности¹⁸².

Эта точка зрения принята в советской кавказоведческой литературе¹⁸³.

Действительно, анализ состояния экономики и многих явлений общественной жизни говорит о том, что к X в. у населения закубанской части Северо-Западного Кавказа, в том числе и у адыгов, уже существовали феодальные отношения¹⁸⁴. А это создавало предпосылки для завершения первого этапа формирования адыгской народности — создания древнеадыгской народности. В X в., согласно сообщению Масуди, адыги имели свой язык¹⁸⁵. Этот язык был очень устойчив и неизменно одерживал победу над языком иноплеменных пришельцев. Существовала известная общность территории: люди, говорящие на адыгском языке, совместно проживали в основном в Закубанье — от восточного берега Черного моря до Лабы. О какой-либо хозяйственной

общности говорить пока трудно, но этот признак, очевидно, и не является обязательным на раннем этапе формирования народности. Появилось сознание этнической общности, этнической принадлежности. Ведь вплоть до настоящего времени любой адыг, к какой бы этнической группе он ни принадлежал (в том числе и кабардинец), с гордостью называет себя «адыгэ» (точнее, «адыга»). По-видимому, сознание принадлежности к единой адыгской общности возникло именно тогда, когда образовалась древнеадыгская народность и еще не начался процесс дробления этой народности на различные этнические группы, которые отмечаются у адыгов в более позднее время. Существовали общие черты в культуре, в частности материальной, и это прослеживается при анализе археологических памятников. Показательно, что эта сложившаяся этническая общность имела уже собирательное имя (кашак-касоги), под которым она была известна соседям, причем не одному народу, а нескольким, и которое дошло до XIX в. в устах осетин и мегрелов.

На основе древнеадыгской народности, сложившейся в X в., происходило дальнейшее формирование адыгских этнических групп. Большую роль в ходе этого процесса играли перемещения и переселения некоторой части адыгов, имевшие место после X в., по причинам социально-экономического и политического порядка.

Выше отмечалось, что западной границей адыгской территории можно считать р. Лабу. Однако какая-то часть адыгов в древности и в период раннего средневековья жила восточнее Лабы, в верховьях Кубани, среди других племен. Имеются следы пребывания адыгов в домонгольское время и восточнее Верхней Кубани, на р. Этоке, — так называемый Этокский памятник. Памятник представляет собой статую юноши-воина. На памятнике есть надпись греческими буквами и дата. В надписи можно разобрать адыгское личное имя Мэмэ-мыкзуэ, которое ряд ученых считает кабардинским. В настоящее время большинством исследователей памятник датируется 1130 г.¹⁸⁶

Если эта дата верна, а в надписи на ней действительно есть именно кабардинские (а не общеадыгские) элементы, то данный памятник, по мнению Г. Ф. Турчанинова и Л. И. Лаврова, может служить свидетельством передвижения кабардинцев на восток, начавшегося еще до монгольского нашествия. Однако эта гипотеза нуждается в дальнейших серьезных подтверждениях. Массовое же переселение адыгов (в частности, кабардинцев) на восток, за Лабу, происходило лишь после татаро-монгольского нашествия.

Монгольское нашествие внесло значительные коррективы в этногеографию Северного Кавказа. В XIII в. монголы вытеснили алан из плоскостной Алании, в том числе и из предгорных районов нынешней Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Часть алан была вытеснена на восток, очевидно в горы нынешней Северной Осетии, другая — в высокогорные ущелья Карачая и Балкарии. Туда же были потеснены и кипчаки. Монголы в этих местах были недолго и вскоре их покинули. Таким образом, предгорья от Лабы до Терека оказались в основном свободными. Адыгские феодалы, уже давно стремившиеся к расширению своих пастбищ и пахотных земель, получили возможность занять огромную территорию, плодородную, богатую, удобную для скотоводства и земледелия¹⁸⁷.

Во второй половине XIII в. началось массовое заселение кабардинцами территории Пятигорья и нынешней Кабарды¹⁸⁸. О пребывании кабардинцев в Кабарде в XIV—XV вв. свидетельствуют археологические памятники — курганы кабардинского типа¹⁸⁹. Таким обра-

зом, во второй половине XIII—XIV вв. кабардинцы выделились из общей массы адыгов. Условно кабардинцев можно назвать восточными адыгами, все же остальные адыгские этнические группы в такой же степени условно мы называем западными адыгами. Западные адыги в письменных источниках более позднего времени в отличие от кабардинцев обычно именуются «закубанскими черкесами», «закубанцами», иногда просто «черкесами». В современной исторической литературе их называют «западными черкесами». Этим термином будем пользоваться и мы в настоящей работе.

Кроме термина «черкес», который с XIII—XIV вв. входит в литературу, для обозначения адыгов в византийских и итальянских источниках по-прежнему сохраняется термин «зихи».

Весьма важные материалы дают нам археологические памятники — адыгские курганные могильники второй половины XIII—XVI в., известные на территории от восточного берега Черного моря до рек Сунжи и Фортанги в Чечено-Ингушской АССР¹⁹⁰. По обряду погребения эти памятники можно разделить на три группы: восточнопричерноморскую, закубанскую и кабардинскую. Памятники первых двух групп относятся к западночеркесскому типу.

Восточнопричерноморская группа памятников обнаружена по берегу Черного моря — от Сочи и Красной поляны (на р. Мзымте) до Анапы и устья Кубани. Восточная (вернее, северо-восточная) граница проходит по линии р. Адагум. Курганные насыпи здесь не только круглые, но и овальные в плане, обложенные по основанию булыжником. Иногда насыпь целиком обкладывалась камнями. Захоронения встречались не только в центре, но и на периферии кургана. Погребения совершались на материке, в каменных гробницах. Встречались погребения на досках и в деревянных гробах (Борисовский курганный могильник). В некоторых случаях под насыпью гробница покрывалась булыжником, который укладывали в несколько рядов.

Погребения большей частью одиночные, иногда встречались коллективные — в одной гробнице до трех-четырех костяков. Иногда под одной насыпью бывало по несколько (до пяти) гробниц. Костяки лежали головой на север, реже — на запад, на спине, с вытянутыми руками. В Борисовских курганах встречались погребения со скрещенными на груди руками. В могилах у Анапы и Новороссийска найдены пательные кресты. В головах или в ногах покойника стояли красноглиняные кувшины. В одном случае (у Мысхако) под головой погребенного лежал черепок глиняного сосуда. Встречались захоронения со следами кремации, о чем речь будет далее, в разделе об абазинах.

Восточнопричерноморскую группу памятников естественнее всего связать с предками натухайцев, убыхов, шапсугов, живших в этих местах вплоть до XVIII—XIX вв. Изучая краниологический материал из курганных могильников Восточного Причерноморья, В. П. Алексеев установил, что вариации антропологического типа современных адыгейцев частично повторяются в краниологическом материале XIV—XVI вв., что говорит о возникновении этих вариаций в эпоху средневековья или даже ранее¹⁹¹.

Следующая группа памятников — закубанская — занимает большую территорию от нижнего и среднего течения Кубани на севере до Кавказских гор на юге, от р. Адагум на западе до верховьев Кубани на востоке. На этом пространстве в основном расположены курганы так называемого белореченского типа (ст. Андрюковская, Губская, Тульская, Белое, Хадыженская, Майкоп, Белореченская, Варениковская, Абинская, Ханская и др.). Погребения белореченской группы¹⁹²

находятся под курганами (в некоторых случаях обложенными камнями и окопанными рвом), в деревянных склепах или в грунтовой четырехугольной яме, иногда ступенчатой. В некоторых случаях свод склепа выкладывался из сырцового кирпича. Гробы деревянные, один — медный. Костяки лежали в вытянутом положении, головой на запад, большей частью по одному в погребении. Иногда встречались парные захоронения — мужчины и женщины. В гробах и вне их было много угля. Под головой, а иногда и под локтями погребенных находились серебряные блюда или чаши. В курганах белореченского типа покойник иногда покрывался парчовым покрывалом. В головах и ногах погребенных стояли сосуды: стеклянные, серебряные, реже глиняные (поливные и обычные красноглиняные).

В описании погребального обряда адыгов, приведенном автором конца XV в. Г. Интериано, мы находим черты, известные нам по раскопкам курганных могильников XIV—XV вв. — как общеадыгские, так и собственно белореченские¹⁹³. К общеадыгским чертам, отмеченным Г. Интериано, следует отнести обычай насыпать над захоронением курган, хоронить покойника в долбленной колоде, класть в могилу лук и стрелы. «Возвышенные лежа», о которых упоминает Интериано, очевидно, площадки белореченских погребений на горизонте под курганами¹⁹⁴. Обычай класть в могилу серебряные сосуды-кубки, о котором пишет Г. Интериано, является специфической особенностью белореченского погребального обряда. Из кургана у ст. Ханской извлечен череп, который относится к тому же типу, как и черепа из восточнопричерноморских курганов. Это свидетельствует о том, что антропологический тип современных адыгов представляет собой дальнейшее развитие антропологического типа позднесредневековых адыгов¹⁹⁵.

Курганы белореченского типа занимают восточную часть Закубанья. В западной части Закубанья расположены курганные могильники типа Убинского. Они отличаются от белореченских наличием большого количества местных красноглиняных сосудов. В белореченских же курганах посуда в основном серебряная, стеклянная и глиняная импортная¹⁹⁶. Отсутствие единства в погребальном обряде Закубанья говорит о том, что на этой территории жили различные адыгские этнические группы, погребальные обряды которых имели некоторые вариации.

Граница основной территории распространения курганов западночеркесского типа проходит примерно по р. Лабе. Наиболее восточные точки, где известны курганы западночеркесского, в частности белореченского, типа, известны на Большой и Малой Лабе, у станций Ахметовской, Губской и Андриюковской.

Западная граница основной территории распространения курганов кабардинского типа (Кабардино-Пятигорская группа) проходит по верховьям Кумы и Подкумка. Курганы кабардинского типа известны здесь у ст. Суворовской, Ессентуков, Кисловодска и восточнее¹⁹⁷. Между Лабой и Подкумком также есть курганные могильники кабардинского типа, но есть и могильники западночеркесского типа.

Курганные могильники западночеркесского и кабардинского типа объединяют следующие черты: 1. В том и в другом случаях курганные могильники обычно представляют собой скопления нескольких десятков курганных насыпей. 2. Курганы, как правило, небольшие, полушаровидные. 3. Костяки лежат в грунтовых могилах, чаще в деревянных гробах или колодах, в вытянутом положении, обычно головой на запад. 4. Гроб находится очень неглубоко, иногда почти на поверхности земли. 5. В могилах и в насыпях много древесного угля.

6. Погребальный инвентарь имеет много сходных черт, иногда доходящих до тождества¹⁹⁸.

Отличительные особенности западночеркесских могильников от кабардинских: 1. В западночеркесских могильниках встречаются насыпи не только круглые в плане, но и овальные. 2. Чаше, чем в кабардинских курганах, имеется несколько гробов под одной насыпью. 3. Погребения находятся не только в центре кургана, как в кабардинских курганах, но и на периферии курганного пятна, в каком-либо поле кургана. 4. В кабардинских курганах ориентировка выдержана строго на запад, в западночеркесских варьирует. 5. В западночеркесских курганах кроме грунтовых погребений и деревянных гробов имеются каменные гробницы (в Восточном Причерноморье). 6. В западночеркесских курганах есть глиняные местные сосуды (Восточное Причерноморье и Западное Закубанье) и глиняные импортные, стеклянные и металлические (Восточное Закубанье). В кабардинских курганах сосудов нет. Нам известны лишь два случая, когда в курганах кабардинского типа были встречены глиняные сосуды¹⁹⁹. 7. В кабардинских курганах встречаются рога козы и других животных. 8. Для кабардинских курганных могильников характерно удивительное единство погребального сооружения, обряда и инвентаря на большой территории — от Пятигорья до Чечено-Ингушетии. Западночеркесские же курганные могильники имеют и некоторые локальные отличительные особенности.

На территории Карачаево-Черкесии обнаружены бескурганные могильники послемонгольского времени²⁰⁰ и адыгские курганные могильники XIV—XVI вв.²⁰¹.

Большая часть курганных могильников XIV—XVI вв., раскопанных Т. М. Минаевой и автором данной работы, относится к курганам кабардинского типа. Насыпи полушаровидные, в плане круглые; костяки в дубовых колодах, расположенных строго под центром курганной насыпи, со строго выдержанной западной ориентировкой. Сосудов в погребениях нет, в некоторых курганах встречаются рога животных (например, в курганном могильнике Жако)²⁰². Кроме могильника у аула Жако к курганам кабардинского типа относятся могильники в устье Карабейгонки, у Кубины и др.²⁰³.

Но в курганах в верховьях речки Байтал-Чапкан найдена керамика. Один из сосудов мог быть привозным (хотя импортное происхождение его точно не доказано), сосуд же в другом кургане — местного изготовления. Как замечает Т. М. Минаева, адыгам, жившим на территории Карачаево-Черкесии в период позднего средневековья, было известно гончарное производство²⁰⁴. У некоторых адыгских групп, живших в этот период на территории Карачаево-Черкесии, существовал обычай, как мы видим на примере данного могильника, класть в могилу сосуды и оставлять осколки сосудов, разбитых во время трезны, в насыпях курганов²⁰⁵. В одном из курганов этого могильника погребение было не в центре, а в южном поле кургана.

Еще более показателен в этом отношении курганный могильник XIV—XV вв. у аула Бесленей²⁰⁶. Курганы в плане не только круглые, но и овальные (табл. 40, рис. 1). Дубовые гробы, обложенные булыжником, помещались не в центре курганного пятна, а, как правило, в южной его половине. Ориентированы гробы к югу (на запад — юг — запад и даже юго-запад). В бесленеевских курганах хотя и в небольшом количестве, но все же обнаружена керамика — обломки красноглиняных сосудов, иногда с орнаментом (врезанным мелковолнистым ногтевым типа орнамента на вещах, найденных в поздних курганах

Убинского могильника) (табл. 40, рис. 2). Найдены также украшения, подобные белореченским, например плоские медные височные подвески с выбитым орнаментом (табл. 40, рис. 4)²⁰⁷. Указанные особенности сближают Бесленевский курганный могильник с западночеркесскими.

Итак, в XIV—XVI вв. судя по территории распространения и характеру адыгских курганных могильников, адыги расселялись следующим образом.

В Закубанье, от восточного берега Черного моря, вплоть до Лабы (которая является восточным рубежом распространения курганов белореченского типа), размещались различные этнические группы западных адыгов. Основная территория обитания кабардинцев, судя по размещению курганов кабардинского типа, простиралась в этот период от Пятигорья (верховья Кумы и Подкумка) до рек Ассы и Фортанги в Чечено-Ингушетии. На территории между верховьями Лабы и верховьями Кумы и Подкумка, совпадающей в основном с территорией нынешней Карачаево-Черкесии, встречены курганные могильники — как кабардинские, так и приближающиеся по своему облику к западночеркесским. Отсюда можно сделать вывод, что в XIV—XVI вв. на территории Карачаево-Черкесии жили как кабардинцы, так и западные адыги, возможно бесленевцы.

Это положение подтверждается некоторыми письменными источниками XVII в. Так, по словам турецкого автора XVII в. Эвлии Челеби, западная граница Кабарды находилась в Бештаугорье, т. е. в Пятигорье, в верховьях Кумы и Подкумка²⁰⁸. К западу от Бештаугорья начиналась Черкесия, которая простиралась до восточного берега Черного моря. Таким образом, территория современной Карачаево-Черкесии, судя по данным Эвлии, являлась частью позднесредневековой Черкесии. Однако здесь среди прочих этнических групп обитали и кабардинцы. На реках Большой Дженджек и Дженджек (т. е. Большой и Малой Инджик — Зеленчук), по Эвлии, было несколько кабардинских «стоянок». Так, в пяти часах езды к востоку от р. Дженджек (т. е. Малый Зеленчук) находилась «стоянка» Дудургай²⁰⁹, где жили кабардинцы и абазинь-дударуковцы. Кабардинцы жили также в крепости Шадкирман, которая находилась в месте слияния Большого Зеленчука с Кубанью²¹⁰. Бесни (т. е. бесленевцы) обитали, как свидетельствует Эвлия Челеби, в верховьях Большой Лабы, Варпа (Урупа) и Пси (Кубани)²¹¹ (см. карту «Расселение этнических групп на Северо-Западном Кавказе в эпоху позднего средневековья»).

В русских документах XVII в. имеются указания на пребывание кабардинцев в верховьях Кубани²¹². Позднее, в конце XVIII — начале XIX в., на территорию Карачаево-Черкесии проникли новые волны кабардинских поселенцев.

В русских источниках XVII в. есть данные и о том, что бесленевцы в тот период населяли верховья Кубани. Так, в документе 1651 г. (сообщение кабардинского князя Мусала) говорится, что «Малый Ногай кочует за Кубаном, к Бисленею близко»²¹³. Из других источников нам известно, что ногайцы Малого Ногай в 50-х годах XVII в. уже кочевали в верховьях Кубани (см. раздел «Ногайцы» настоящей главы). Следовательно, бесленевцы, жившие по соседству с Малым Ногаем, занимали районы верховьев Кубани. На карте 1719 г. поселения Бесни (бесленевцев) показаны между Кубанью и Лабой²¹⁴.

Итак, уже в эпоху позднего средневековья на территории Карачаево-Черкесии обитали как кабардинцы, так и западноадыгские этнические группы (бесленевцы и, может быть, какие-либо другие). Таким образом, здесь в период позднего средневековья уже существовали

основные компоненты, из которых много позднее, в советское время, сформировалось современное черкесское население Карачаево-Черкесии.

АБАЗИНЫ

Абазины — самоназвание «абаза». Язык абазин имеет два диалекта — тапанта и шкарауа. К группе тапантовцев относятся лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы и джантемировцы; к группе шкарауовцев (ашхарцев) — там, кизилбек, баг, чегрей, баракай и мысылбай-башилбай. По антропологическому типу абазины занимают промежуточное положение между представителями понтийского и кавкасионского типов ²¹⁵.

В русских летописях XII—XIV вв. абазины, так же как абхазы и грузины, назывались «обез» ²¹⁶. В более позднее время и абхазцев и абазин называли «абаза». Лишь в конце XIX в. термин «абаза — абазинцы» сузился и стал обозначать северокавказских абазин, живших в бассейне Кубани и Кумы ²¹⁷.

Большинство дореволюционных авторов придерживались теории абхазского происхождения абазин ²¹⁸, хотя высказывались и другие точки зрения ²¹⁹.

В современной зарубежной литературе вопросам истории абазин уделяется мало внимания. Обычно абазины упоминаются в разделах, посвященных историческим судьбам адыгов или черкесов. Так, в статье «Кавказские народы» абхазцы и абазины рассматриваются как один народ, называющий себя «а-ап-с-уа» (т. е. «апсуа» — самоназвание абхазцев) ²²⁰. Согласно А. Намитоку, абазины — потомки асов, древних сарматов-языгов. Асы объединяли осетин и абазин. В то же время абазины родственны и черкесам. Они имеют общих предков — медес-меотов. Наименование «медес» сохранилось в названии одного из абазинских этнических подразделений — медовеевцев. Брухи Прокония Кесарийского — это абазины-баракаевцы; родственные баракаевцам баги (баговцы) — потомки папагов Константина Багрянородного ²²¹. Э. Саркисянц считает абхазцев и абазин одним народом. Абхазская народность, по его мнению, огрузиненные черкесы. В XVII в. часть абхазов («южночеркесские абхазы») переселилась с южной стороны Кавказа на северную ²²².

В советской литературе высказывались мнения о близости черкесского и абхазского этносов и языков ²²³.

О теории Г. А. Меликишвили, Е. С. Шакрыл и других авторов, сторонников малоазийского и переднеазиатского происхождения предков абхазо-адыгских племен (от кашков и абешла), речь шла выше (см. стр. 177).

В настоящее время в советской кавказоведческой литературе существуют три точки зрения на происхождение абазин:

1. Абазины являются частью абхазцев, выселившейся с побережья Черного моря на северные склоны Кавказского хребта. До переселения абхазы и абазины составляли одну народность.

2. Абазины в древности являлись особым народом. Близость абхазского и абазинского языков объясняется тем, что во второй половине I тысячелетия н. э. мелкие восточнопричерноморские племена, предки абазин, подверглись влиянию культуры и языка абхазов.

3. Абазины являются частью абхазцев, но обособление абазинской этнической группы внутри абхазского этнического массива произошло еще до переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта.

Наибольшее число приверженцев имеет первая точка зрения. По мнению А. Н. Генко, абазины-тапантовцы — часть абхазцев, которая в XII—XIII вв. спустилась в бассейн Верхней Кубани, в северокавказские предгорья, отделившись таким образом, от остальной массы абхазцев. Шкарауовцы еще сравнительно недавно обитали в горах, в верховьях Мзымты, Псоу и Бзыби, а также в верховьях Кубани, на Урупе, на Большой и Малой Лабе. В течение XVII в. эти горные племена заметно продвинулись на север и оказались, подобно тапантовцам, жителями равнин. В отдаленном прошлом абхазы и абазины составляли «единый в языковом отношении коллектив», но в настоящее время «абазинские наречия» являются самостоятельным языком²²⁴. С. Басария считал абазин выходцами из Абхазии, поселившимися на Северном Кавказе в XVII в. и в период более ранний²²⁵. Этнограф Ц. Н. Бжания полагал, что абазины — это часть абхазов, переселившихся одновременно из Абхазии в верховья р. Кубины (Кубань), Большого и Малого Зеленчуков, Урупа, Лабы и др. Тапантовцы переселились потоками из Абхазии начиная с XIV в. Ашхарцы (шкарауовцы) жили в горах Абхазии — в Псху, Ахчипсе, Псанаиане, Хуажве и в других местах. Они переселились в верховья Кубани и Зеленчуков около 100 лет назад²²⁶.

Языковеды приходят к следующим выводам. К. В. Ломтатидзе в своей работе, посвященной ашхарскому (шкарауовскому) диалекту абазинского языка, замечает, что «тапантский диалект сохранил вместе с другими абхазо-абазинскими диалектами единый грамматический строй и основной словарный фонд. Ашхарский диалект проявляет еще большую близость к южноабхазским диалектам»²²⁷. Х. С. Бгажба, сравнивая абхазские и абазинские диалекты, пришел к выводу, что в древности абхазцы и абазины составляли одну этническую группу, говорившую на одном языке, имевшем диалектные различия. Различия эти становились более ощутимыми со временем, но и до сих пор абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохраняя общность грамматического строя и основного словарного фонда²²⁸.

З. В. Анчабадзе полагает, что в эпоху средневековья предки абхазов и абазин составляли одну народность, которая отличалась относительной общностью языков и территории, а также общностью культуры и хозяйственного уклада²²⁹. «В XIX—XX вв. абазины сформировались в самостоятельную народность»²³⁰. В настоящее время абазины обитают на Северном Кавказе.

Г. П. Сердюченко, который также являлся сторонником абхазского происхождения абазин, сформулировал свою точку зрения несколько иначе, чем названные выше авторы. Он полагал, что абхазо-абазинские племена (именно абхазо-абазинские, а не просто абхазские) уже в XI—XII вв. обитали на севере от Кавказского хребта, в бассейне Кубани и в нижнем течении Дона. Именно их русские летописцы именовали «обезами». Позднее, в частности в XVII в., на восточном побережье Черного моря жили и абхазы и абазины. В настоящее время абазины говорят на языке отличном от абхазского²³¹.

Вторую точку зрения в ряде своих работ развивал и Л. И. Лавров²³². Коротко взгляды Л. И. Лаврова сводятся к следующему. Предки абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев и кабардинцев проживали на Северо-Западном Кавказе уже в глубокой древности — они ведут свое происхождение от восточной части киммерийских племен. В число предков этих народов входят синды, меоты, тореты, керкеты, ахеи, зихи и другие племена. К VIII в. н. э. саниги, абазги и апсилы консолидировались в абхазскую народность. Абазины же представля-

ют собой особый народ, отличный от абхазского и самостоятельный. Он формировался из мелких племен, проживавших к северо-западу от Абхазии. Эти племена во второй половине I тысячелетия н. э. испытали влияние культуры и языка абхазов. Но этот процесс не успел завершиться, так как слиянию этих племен с абхазцами помешало усиление черкесских племен в начале II тысячелетия н. э. В результате этого многие мелкие племена приморской и высокогорной части вместо абазинских диалектов стали пользоваться черкесскими. Так, очеркесились шапсуги, натхуаджи, абадзехи, гуагье, жаны, бжедуги и махоши. На восточночерноморском побережье в XVI в. лингвистическая граница между черкесами и абазинами проходила, судя по сообщению Герберштейна, недалеко от устья Кубани. По данным Жана де Люка (1625) и Эвлии Челеби (1641), эта граница отодвинулась на юг, до Туапсе (Кодош, Кютаси); в XIX в. она проходила еще южнее, в районе Сочи. Этот процесс Л. И. Лавров представляет себе не как вытеснение черкесами абазин, а как вытеснение абазинского языка черкесским.

Итак, абхазцы и абазины по своему происхождению два разных народа, считает Л. И. Лавров. Сходство терминов «абхазы» и «абаза», по мнению Л. И. Лаврова, ни о чем не говорит, так как большинство известных нам племенных названий Северо-Западного и отчасти Центрального Кавказа связано между собой и восходит к общему корню, на что неоднократно указывали Н. Я. Марр и сам Л. И. Лавров. Далее, по преданиям, абазины переселялись на Северный Кавказ не из Абхазии, а из Лазаревского, Туапсинского и Адлеровского районов. В более поздних своих работах Л. И. Лавров пишет, что «современные абазины — потомки разноязычного населения той части черноморского населения, которая расположена на северо-запад от нынешней Абхазии и частично в сопредельной части Абхазии»²³³. Таким образом, территория консолидации абазинской народности несколько расширяется, захватывая и часть Абхазии. Переселение абазин на Северный Кавказ относится к XIV—XVI вв.²³⁴

Ш. Д. Инал-Ипа склоняется к третьей точке зрения, сформулированной нами выше. Абазин он считает частью абхазцев, но полагает, что еще до переселения на Северный Кавказ абазины представляли собой *обособленную часть абхазского этнического массива*, населявшую северо-западные горные области Абхазии и прилегающие места, в том числе, может быть, частично, и какие-то территории за хребтом, и известную под своим особым племенным названием — *ашвуа*²³⁵.

Первую из изложенных выше точек зрения нельзя полностью принять хотя бы потому, что абазины, как таковые, известны не только на Северном Кавказе, но и на восточночерноморском побережье, в том числе и в Абхазии. На восточном побережье Черного моря абазины жили до 1864 г.²³⁶, т. е. до выселения в Турцию. Отдельные абазинские фамилии оставались на побережье, в том числе и в Абхазии, и позднее этой даты. Если бы абазины сформировались в народность, отличную от абхазской и самостоятельную, только после переселения на северные склоны Кавказского хребта, то на восточном побережье Черного моря абазин быть бы не могло, там должны были бы оставаться только одни абхазы. Ведь обратного переселения абазин в XVII—XIX вв. с северных склонов Кавказского хребта на побережье Черного моря истории не известно. Значит, абазины должны были оформиться в народность, отличную от абхазской и самостоятельную, еще до переселения их основной массы на Северный Кавказ.

Что касается второй точки зрения, то доводы в пользу ее не кажутся убедительными. Мы не считаем случайным сходство указанных терминов. Далее, предания о переселении абазин из Абхазии, вопреки заявлению Л. И. Лаврова, имеются — их приводят К. Сталь, С. Басария, К. В. Ломтатидзе, Ш. Д. Инал-Ипа и другие авторы²³⁷. Из Абхазии на территорию Карачаево-Черкесии ведут Клухорский, Марухский и Санчарский перевалы, которые были известны с глубокой древности и по которым проходили позднейшие скотопрогонные маршруты абхазцев. По этим перевалам, естественно, могло происходить переселение абазин из Абхазии в период позднего средневековья.

Третья точка зрения кажется наиболее приемлемой, о чем речь будет ниже.

Итак, несмотря на некоторые разногласия в вопросах абхазо-абазинского этногенеза, исследователи сходятся в мнении о том, что предки абхазов и абазин в древности и в эпоху средневековья занимали территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря, к северо-западу от Абхазии, примерно до Туапсе²³⁸. На рубеже нашей эры здесь обитали родственные племена, которые уже консолидировались в крупные племенные союзы. От Гагры до Сухуми размещались абазги. За ними, в горных районах побережья, жили саниги (очевидно, прежние гениохи), а к юго-востоку от абазгов и санигов по р. Коракс (Кодор) — апшили (апсилы). Древние греческие авторы называли апсилов кораксами, а р. Коракс (Кодор) — Апсилис²³⁹. В VI—VII вв. апсилы по-прежнему занимали юг Абхазии — от р. Галидзги до р. Гумисты. С запада эта территория омывалась Черным морем, с востока граница обитания апсилов проходила по линии Тусумэ—Цебельда. К востоку и северо-востоку от апсилов в горных районах жили мисимиане. Через их территорию проходили пути на Северный Кавказ по Клухорскому и, по-видимому, по Марухскому перевалам. Абазги обитали на побережье Черного моря на северо-запад от апсилов до р. Бзыбь.

Далее, на северо-запад от абазгов помещались саниги, или сагиды. Северная граница их проходила между реками Псоу и Мзымта²⁴⁰. Северо-западнее санигов, вплоть до Гагры — Геленджика, судя по данным Анонима V в. и Проконпия, обитали зехи-зихи²⁴¹. Как отмечалось, к середине I тысячелетия н. э. зихи поглотили ряд соседних родственных этнических групп, в том числе и ахеев²⁴².

В настоящее время большинство исследователей, в том числе и автор данной работы, приходят к выводу, что апсилы, абазги, саниги, мисимиане и отчасти зихи вместе с поглощенными ими ахеями являются древними предками абхазцев и абазин.

Название «абазги» стало именем не только абхазского народа, но и самоназванием абазин «абаза». Самоназвание абхазцев «апсуа» скорее всего происходит от «апсилов»²⁴³. Как показал Ш. Д. Инал-Ипа, мисимиане являются древнеабхазским племенем, близким апсилам²⁴⁴. Г. А. Меликишвили санигов предположительно считает сванами²⁴⁵, Л. И. Лавров — санами-жанами²⁴⁶, но большинство исследователей связывают санигов с абхазо-абазинским этническим массивом. З. В. Анчабадзе и Ш. Д. Инал-Ипа справедливо, на наш взгляд, отождествляют санигов с садзами²⁴⁷.

Что касается зихов, то они явились тем ядром, вокруг которого консолидировалась адыгская народность. Однако вполне вероятно, что какая-то группа зихов, соседившая с абазгами и санигами, могла принять участие и в формировании абхазо-абазинской этнической общности. Известно, что грузинские средневековые авторы называли

западных адыгов и абазин «джиками»²⁴⁸. Название «джики», восходящее к слову «зихи», сохранилось на восточном побережье Черного моря в форме «джикеты», или «джигеты», о которых шла речь выше.

Абхазская народность, как показали специалисты по истории Абхазии, в основном сложилась в VIII в. н. э.²⁴⁹

К VIII в. апсилы, абазги, мисимiane, саниги и южная часть зихов консолидировались в древнеабхазскую народность, из которой впоследствии выделилась абазинская народность. Когда же произошло это отделение?

Некоторый свет на этот вопрос, как нам кажется, может пролить известное сообщение Константина Багрянородного о том, что «от конца Зихии, то есть от реки Никопсиса, побережье занимает Авазгия до города Сотриуполя на прстяжении 300 миль»²⁵⁰. Сотриуполь обычно сопоставляется с Пицундой²⁵¹, расположенной несколько южнее р. Бзыбь; Никопсис (р. Нечепсухо) находится северо-западнее Туапсе. Как мы видим, «Авазгией» или «Абасгией» Константин называет не всю территорию, заселенную в средние века абхазами, простиравшуюся, как было сказано выше, на северо-запад от р. Галидзга. «Авазгия» Константина занимала только северо-западную часть Абхазии — от Пицунды и Бзыби до р. Псоу и далее восточное побережье Черного моря, вплоть до Туапсе и несколько севернее. Упомянута именно та местность, которая исследователями обычно связывается с областью древнего обитания абазин, — территория восточного берега Черного моря, между реками Бзыбь и Туапсе²⁵². Может быть, именно в «Авазгии» Константина и обитали абазины, представлявшие уже в тот период (X в.) обособленную часть абхазо-абазинского этнического массива. Кроме абазин в Авазгии могли жить и другие этнические группы, родственные как абхазам, так и адыгам.

Позднее территорию к северо-западу от р. Бзыбь, вплоть до р. Шахе, населяли садзы-джигеты и убыхи. Многие исследователи устанавливают родство между садзами-джигетами и убыхами²⁵³. Название юго-восточной ветви убыхов «сасше», возможно, связано с названием джигетов «садзы». У джигетов были ветви псху и ахчи-псоу, а северо-западная часть убыхов называлась «вардане» (вордане). Псху, Ахчипсоу и Вордане, согласно преданиям, являются исходными пунктами переселения абазин²⁵⁴.

Итак, садзы-джигеты и убыхи, обитавшие на территории бывшей «Авазгии» Константина, родственны между собой, и те и другие родственны абазинам. Не является ли это подтверждением мысли, что именно Авазгия была местом формирования абазинской народности, уже в X в. выделившейся из абхазо-абазинской этнической общности?

Таким образом, есть основания полагать, что образование древнеабазинской народности, отличной от абхазской и самостоятельной, падает на конец I тысячелетия н. э., когда у всех компонентов, из которых образовалась абазинская народность, уже сложились феодальные отношения и когда абазины, уже обособившись от абхазцев, занимали определенную территорию между Бзыбью и Туапсе («Авазгия» Константина). Может быть, к этому времени данная группа имела уже свое название, абхазцы могли именовать ее «ашва» (ашвуа), как полагает Ш. Д. Инал-Ипа. Грузины, возможно, называли их джиками, ведь именно на территории «Авазгии» Константина располагалась Джикетия грузинских авторов²⁵⁵. Уже в X в. могло возникнуть и самоназвание абазин «абаза», что и дало повод Константину именно эту территорию (а не территорию современной Абхазии) именовать «Авазгией», «Абасгией».

На северные склоны Кавказского хребта абазины переселились уже будучи абазинами, «абаза», а не абхазцами, «апсуа»²⁵⁶. Этой теме посвящена одна наша статья²⁵⁷.

Что же говорят археологические материалы по затронутым вопросам этнической истории абазин?

Археологи, работавшие в Абхазии, установили, что на этой территории начиная с X в. до н. э. наряду с обрядом трупоположения практиковался и обряд трупосожжения²⁵⁸. Следы трупосожжений встречались как в урнах, так и без них. В этом отношении интересен Гуад-Ихский могильник в Сухуми. Помимо трупоположений здесь обнаружены остатки трупосожжений — урновых и безурновых. При безурновом обряде могло быть неполное сожжение покойника (до обугливания костей) в удлиненных могильных ямах или полное сожжение праха и помещение его затем в округлые ямы. В инвентаре погребений есть предметы греческого происхождения, но в основном местные, колхидского облика; имеются некоторые аналогии с вещами позднекобанского типа. Дата могильника — VIII—III вв.²⁵⁹. Вне пределов Абхазии, к северо-западу от нее, нам известно одно древнее погребение со следами кремации — в Красной поляне, на р. Мзымте, в полууглубленном в землю помещении, сложенном из песчаниковых блоков. Дата погребения — вторая половина II тысячелетия до н. э. или начало I тысячелетия до н. э.²⁶⁰.

Таким образом, обряд трупосожжения в урнах и без них наряду с другими формами захоронений был характерен для древнего населения Абхазии начиная с X в. до н. э. На рубеже II—I тысячелетий обряд трупосожжения существовал и по соседству с Абхазией, в районе Сочи и Мзымты, на что указывает Красно-полянское погребение. Этот обряд был местный. Он не мог быть заимствованным, например, у греков (как полагают Б. А. Куфтин), так как греки появились здесь значительно позднее X в. до н. э.²⁶¹.

На территории Абхазии известны и более поздние захоронения со следами кремации. Так, в горной части Абхазии, северо-восточнее Сухуми, на пути к Клухорскому перевалу, у сел. Цебельда, исследованы могильники III—VI вв.²⁶². Захоронения были двух типов — трупоположения и трупосожжения. Сожжение могло быть полным и неполным. Как правило, прах помещался в урну и лишь в редких случаях сыпался на дно могилы. В качестве урн использовались большие красноглиняные пифосы, а также кувшины с двумя петлевидными ручками. Урна покрывалась красноглиняной тарелкой или миской, а в отдельных случаях кубкообразной вазой на высокой ножке. Предметы украшения помещались вместе с пеплом погребенного в урне. Возле оставлялись предметы вооружения — топоры, мечи, наконечники копий и стрел, щиты с умбонами. Иногда рядом с погребением клали труп коня с принадлежностями конской сбруи (на 100 погребений, исследованных в 1960—1962 гг., приходилось шесть конских захоронений)²⁶³. Предметы, найденные в цебельдинских погребениях, генетически связаны с вещами колхидо-кобанского типа. Цебельдинская культура, как пишет М. М. Трапш, есть «результат дальнейшего развития колхидской культуры»²⁶⁴.

Цебельдинские могильники связываются с апсилами, абазгами и другими древними племенами²⁶⁵, которые можно считать предками не только абхазцев, но и абазин, как мы отмечали выше. Таким образом, для предков абхазцев и абазин наряду с обрядом трупоположения характерен обряд трупосожжения — с урнами и без них.

Обратимся теперь к памятникам Северо-Западного Кавказа. На

восточном берегу Черного моря, северо-западнее Мзымты, погребений со следами кремации более ранних, чем VI в. до н. э., неизвестно. В Закубанье остатки трупосожжения встречены в одном из курганов скифской культуры VI в. до н. э. — у ст. Костромской²⁶⁶. Один курган со следами трупосожжения, также относящийся к VI в. до н. э., имеется на территории Карачаево-Черкесии, у сел. Карабашево (см. стр. 58). В инвентаре погребений заметно влияние скифской культуры. Отметим, что остатки трупосожжения иногда встречаются в скифских курганах VI—IV вв. на Украине (Смела), на Среднем Дону и в сакских — в Средней Азии²⁶⁷.

В античных колониях, расположенных в причерноморских и приазовских районах Северо-Западного Кавказа, трупосожжения практиковались начиная с VI в. до н. э. и вплоть до III в. н. э. включительно. Это был греческий обряд, наблюдаемый в греческих, иногда в греко-синдских погребениях. В некрополях Пантикапея, Фанагории, Кеп, Тирамбы и других населенных пунктов Боспора, а также Танаиса обнаружено много следов трупосожжений в урнах. Как правило, эти погребения бескурганные²⁶⁸. Есть бескурганные кремационные безурновые погребения — в могиле находились остатки сожженного праха и обгоревшие вещи. Такие погребения получили названия «жженные гробницы» или «жженные могилы». «Жженные могилы» обнаружены не только в грунтовых некрополях, но и в подкурганных погребениях. Так, они найдены под насыпью греко-синдского кургана «Большая Близница» IV в. до н. э.²⁶⁹. Таким образом, греческий обряд трупосожжения был отчасти заимствован эллинизированной местной синдской знатью. Остальные же местные племена продолжали хоронить умерших по своим обрядам, без кремации.

Итак, в I тысячелетии до н. э. обряд трупосожжения, существовавший у греков-колонистов и у скифов, был совершенно чужд местному населению Северо-Западного Кавказа.

Начиная с V в. н. э. трупосожжение становится довольно обычным видом захоронений на Северо-Западном Кавказе. Датируется этот вид захоронения V—XIV вв.

Погребения с остатками трупосожжения обнаружены в следующих пунктах Восточного Причерноморья:

1. Туапсе, на б. даче Киселева, курганный могильник с урнами, очевидно XIII—XV вв.

2. Сопино, у Ново-Михайловского, V—VI вв.

3. Архипо-Осиповка. Погребения в урнах, VIII—X вв.

4. Прасковеевка. Три кувшина с пеплом.

5. Река Жане. Трупосожжения в урнах. В частности, раскопаны два кургана, VIII—IX вв. Сожженный прах помещен в урнах. В насыпях встречены конские костяки.

6. Геленджик. Урна с жженными костями внутри, рядом с урной кривая сабля с крестовиной и серп; второе захоронение — сожженный прах в красноглиняной кружке.

7. Геленджик. Могильник в бухте. Подкурганные погребения с остатками трупосожжения в урнах, XI—XII вв. и позднее, очевидно до XIV—XV вв.

8. Геленджик. Могильник на северо-восточной окраине. Два кремационных погребения в урнах, одно датируется VI—VII вв., второе — X—XI вв.

9. Борисовский бескурганный могильник. Остатки двух трупосожжений в каменных ящиках, V—VI вв.; то же в каменных ящиках, одно в грунтовой могиле, VII в.; 45 каменных гробниц с остатками трупосож-

жения и 10 грунтовых ям, VIII—IX вв. Борисовский курганный могильник. Подкурганные погребения с остатками сожжения в красноглиняных урнах, XIV—XV вв.

10. Мыс Дооб, в северной части горы Дооб, рядом с селищем XI—XV вв. Курганы с остатками кремации и трупоположения, одно-временные селищу.

11. Кабардинка. Четыре пифоса с каменными крышками, где найден сожженный прах.

12. Пенайский мыс. 16 км к югу от Новороссийска. Курганный могильник с урнами.

13. Могильники в местности Мысхако. Встречаются погребения со следами кремации в урнах (например, в бывшей усадьбе Пенчула).

14. Новороссийск. Кремационные погребения в урнах, X—XII вв. В одной из урн сероглиняная миска, которой, очевидно, первоначально была покрыта урна.

15. Курганный могильник X—XII вв. в окрестностях Новороссийска, в Грушовой балке. Преобладает обряд трупосожжения — иногда без урн, а чаще в урнах.

16. На шестом километре железной дороги Новороссийск—Тоннельная — трехгубый оранжевый кувшин, вокруг него сабля и другие предметы, которые обычно сопровождают урны с пеплом умершего.

17. Раевская. Могильник XII—XV вв. у б. хутора Кобзы. Есть курганы с остатками трупосожжений в урнах.

18. В 7 километрах от Раевской и в 15 ст Анапы — курганный могильник XIII—XIV вв. Есть подкурганные захоронения в урнах.

19. Анапа. Курганный могильник XI—XIII вв. в местности «Макитра»²⁷⁰.

Единичный случай безурновой кремации отмечен на правом берегу Средней Кубани — в Пашковском I могильнике IV—V вв.²⁷¹

Средневековые кремационные погребения открыты и в Закубанье:

1. В Убинском могильнике X—XV вв. 30 безурновых погребений под курганными насыпями; погребальные урны на горизонте; вокруг урны испорченное оружие.

2. В Тахтамукаевском могильнике одно погребение VIII—IX вв. без курганной насыпи и без урны.

3. У Колосовки курганный могильник X—XI вв., в кургане № 1 два урновых захоронения, в кургане № 2 следы трупосожжения в прокаленной глине. Найдено конское снаряжение. Здесь же погребения IX—XI вв. без курганных насыпей, урновые и безурновые. Урны покрывались каменными плитками или галькой. Иногда вокруг урн — испорченное оружие.

4. У Баракаевской могильник VII—IX вв. под скальными навесами. Урновые и безурновые погребения. В одном из погребений принадлежности конской сбруи. Есть частичные трупосожжения. Кремация производилась в специальном очаге.

Есть сведения, что средневековые кремационные погребения встречаются в других районах Закубанья (Абинском, Майкопском и др.)²⁷².

В верховьях Кубани средневековые погребения со следами трупосожжения известны только в ущелье Гоначхира — правого притока р. Теберды. Это ущелье идет от Клухорского перевала. Пепел умерших помещался в деревянных гробиках и ящиках, обернутых в березовую кору. Судя по находке железной фибулы, эти погребения должны относиться к VIII—IX вв.

Итак, на восточном побережье Черного моря кремационный обряд погребения известен от Туапсе до Анапы. Датируются эти погребения

V—XIV—XV вв. Число их возрастало с VIII—XI вв. и особенно в X—XII вв. До IX—X вв. погребения были бескурганные (в каменных ящиках, грунтовых могилах, урнах). С IX—X вв. трупосожжение происходило под курганами — в урнах и без них. Урны прикрывались каменными плитками, в одном случае (в парке им. В. И. Ленина в Новороссийске), очевидно, урна была прикрыта миской. Вокруг урны помещалось испорченное оружие — сабли и другие предметы, иногда — принадлежности конской упряжи. В Архипо-Осиповке обнаружены четыре конских погребения. В двух погребениях были урны с сожженным прахом, в двух других — пустые урны. Дата — VIII—IX вв. На р. Жана раскопаны два подкурганных урновых погребения с кремацией VIII—IX вв. В курганах находились конские костяки. Конское захоронение было открыто в кургане 2-го Борисовского курганного могильника XIV—XV вв. На одних и тех же могильниках, как правило, обнаружены захоронения и с трупоположением и с трупосожжением. В двух могильниках (Борисовском бескурганном. VIII—IX вв. и в курганном X—XII вв. в Грушовой балке у Новороссийска) было найдено больше кремационных погребений, чем трупоположений.

Захоронения с кремацией в Закубанье относятся к VII—XII вв. Кремация производилась в урнах и без них, под курганными насыпями и без таких насыпей. Как и в Восточном Причерноморье, урны покрывались каменными плитками и вокруг них встречалось испорченное оружие, в частности согнутые сабли, иногда — принадлежности конского снаряжения. Случаев кремации ни в одном могильнике было не больше, чем трупоположений.

Кому же принадлежат эти кремационные погребения? Как уже было отмечено, местному, адыго-меотскому населению захоронения с кремацией были не свойственны. Значит, этот обряд был занесен на Северо-Западный Кавказ какими-то псефидскими племенами. Как мы отмечали выше, обряд кремации, практиковавшийся у греков и скифов, местным населением воспринят не был, и следовательно, средневековый обряд трупосожжения на Северо-Западном Кавказе нельзя считать «наследником» греческой или скифской кремации.

Высказывались предположения, что погребения со следами трупосожжения Борисовского бескурганного могильника VIII—IX вв. могут принадлежать славянам²⁷³. Однако эти захоронения и по обряду и по инвентарю связаны с более ранними погребениями местного типа²⁷⁴. И вообще трудно допустить, чтобы славяне жили с V по XIV в. в предгорных и горных районах Северо-Западного Кавказа, в таких, например, местах, как Колосовка на р. Фарс или Баракаевская. Нет никаких сведений на этот счет в письменных источниках, не подтверждается эта гипотеза и данными археологии: вещи, найденные в кремационных погребениях, в том числе и керамика, принадлежат не к славяно-русской, а к чисто местной, северо-западнокавказской культуре.

Более серьезного внимания заслуживает гипотеза о тюркской принадлежности подобных средневековых погребений Северо-Западного Кавказа. Во-первых, известно, что у ряда тюркских племен в период раннего средневековья трупосожжение практиковалось²⁷⁵. Далее, в кремационных погребениях Северо-Западного Кавказа находят иногда принадлежности конского снаряжения, в частности стремени и удила. И наконец, известно несколько случаев, когда среди остатков трупосожжений были найдены конские костяки.

Но если принять эту точку зрения, тогда встает вопрос: какие тюрки и в какой форме могли занести обряд трупосожжения на Северо-Запад-

ный Кавказ? Западные тюрки вместе с посольством Земарха проходили в VI в. по верховьям Кубани (см. стр. 100), но обряда трупосожжения VI в. н. э. в верховьях Кубани не установлено. На Северо-Западный Кавказ проникали и болгары, но обряд трупосожжения вряд ли можно считать для них характерным. Так, в могильнике Новый Пазар из 42 погребений только два с кремацией²⁷⁶. В Больше-Тарханском могильнике вообще нет трупосожжений. Судя по данным книги «Ранние болгары на Волге», трупосожжение, в сущности, было характерно не для болгар, а для именьковцев, живших на Средней Волге до прихода болгар²⁷⁷. Доказано, что на Северо-Западный Кавказ проникали и там селились кипчаки. Но следы огненного ритуала, встречающиеся в подкурганных кипчакских погребениях, представляют собой остатки обрядовых действий и тризн. Сожжение же праха умершего, судя по исследованиям С. А. Плетневой и Г. А. Федорова-Давыдова, для погребального обряда кипчаков отнюдь не характерно²⁷⁸.

Но представим себе, что обряд трупосожжения занесли на Северо-Западный Кавказ какие-то тюрки, приход которых в эти места другими источниками не засвидетельствован. Однако против этого говорит сам характер северо-запднокавказских погребений со следами трупосожжения. Здесь с самого начала появления этого обряда мы наблюдаем как урновые, так и безурновые трупосожжения, причем последние, по видимому, преобладают, но их нельзя считать характерной особенностью тюркского обряда кремации. Так, например, судя по материалам салтово-маяцкой культуры, кремационные погребения тюркоязычных племен были бескурганными и безурновыми²⁷⁹.

Наличие большого числа предметов вооружения и конского снаряжения в кремационных погребениях и могло бы свидетельствовать о принадлежности этих погребений тюркам, если бы их находили только в этих захоронениях. Однако подобные вещи и не в меньшем количестве обнаруживаются в этих местах и в синхронных погребениях с трупоположением. Что касается кремационных погребений с конскими костями, то из семи известных нам только одно, в Борисовском кургане № 2, относится к первой половине II тысячелетия н. э. Причем наличие конского захоронения вместе с захоронением людей считается признаком кочевнического, тюркского погребения. Далее, обряд погребения с конем и с принадлежностями конской упряжи, очевидно, не во всех случаях следует считать занесенным северными кочевниками, в частности тюрками. Выше отмечалось, что в Цебельдинском могильнике III—VI вв., в котором кроме трупоположений есть и трупосожжения, зафиксированы и конские захоронения²⁸⁰, и принадлежности конского снаряжения, и большое количество оружия, т. е. налицо все признаки, которые в литературе считаются специфически кочевническими, в частности тюркскими.

Конечно, при дальнейшем изучении данного вопроса может выясниться, что в некоторых случаях кремационные погребения были оставлены северными пришельцами, в том числе кочевниками-тюрками (подобно тому как в древности здесь изредка встречался обряд захоронения с трупосожжением, характерный для кочевников-скифов). Но в целом, по нашему мнению, источник распространения кремационного обряда у средневекового населения Северо-Западного Кавказа надо искать ближе, а не в Приднепровье, Поволжье или в Сибири.

В самом деле, если мы знаем, что обряд трупосожжения не был характерен для адыгов в древности, и не имеем веских оснований для утверждения о занесении этого обряда с севера и если нам известно, что кремация практиковалась у предков абхазов и абазин с глубокой

древности, то сам собой напрашивается вопрос, а не являются ли средневековые восточнопричерноморские и закубанские погребения с трупосожжением абазинскими²⁸¹.

Конечно, культура, представленная средневековыми кремационными захоронениями Северо-Западного Кавказа, требует дальнейшего изучения и сопоставления с материальной культурой средневековой Абхазии. Но уже сейчас можно сказать, что эта культура гораздо ближе к абхазской²⁸², нежели к культуре кочевников-тюрок, славян и других предполагаемых пришельцев, которые, по мнению некоторых исследователей, могли занести на Северо-Западный Кавказ обряд кремации.

Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении материалы, после XIV в. обряд трупосожжения на Северо-Западном Кавказе перестал существовать. По-видимому, абазин, поселившись среди адыгов, утратили свой погребальный обряд и стали хоронить умерших так же, как адыги. С распространением в некоторых местах христианства²⁸³, а позднее мусульманства обряд погребения, естественно, еще более нивелировался.

Итак, предки абазин, а затем и сами абазин населяли восточный берег Черного моря вплоть до Туапсе. Постепенно они расселялись и дальше, к северо-западу от Туапсе по морскому побережью до устья Кубани, и жили здесь среди адыгов. Если принять наше положение об абазинской принадлежности обряда трупосожжения в средние века в этих местах, то можно сказать, что продвижение абазин на северо-запад от основной территории их формирования началось с V—VI вв. (могильник V—VI вв. Сопино у Ново-Михайловского, 1-я и 2-я группы Борисовского могильника, V—VII вв.). В VIII—IX вв. кремационный обряд применяется шире и продвижение становится более интенсивным (Архипо-Осиповка, VIII—IX вв., Борисовский могильник, 3-я группа). С X в. и, очевидно, по XIV в. трупосожжение становится здесь обычным видом погребального обряда. Захоронения с кремацией этого периода известны от Туапсе до Анапы и Раевской. Следовательно, в X—XIV вв. абазин в значительном количестве населяли восточный берег Черного моря вплоть до Анапы и Раевской.

Позднесредневековые авторы обычно локализируют абазин между Бзыбью и Туапсе²⁸⁴. Однако и в период позднего средневековья отдельные группы абазин жили среди адыгов северо-западнее Туапсе, вплоть до устья р. Кубани²⁸⁵.

Когда же произошло переселение абазин на северные склоны Кавказского хребта? Погребений со следами трупосожжения, связываемых нами с абазинским этносом, в Закубанье открыто немного. Датируются они начиная с VII в. С IX—X вв. число их увеличивается. Подобный могильник в верховьях Кубани, в Гоначхирском ущелье, датируется, по-видимому, VIII—IX вв. Показательно, что этот могильник находится на пути из Абхазии (в частности, из Цебельды) на Северный Кавказ через Клухорский перевал. Таким образом, судя по погребениям с кремацией, проникновение на Северный Кавказ отдельных протоабазинских элементов начинается с VII—VIII вв.

Массовое движение абазин с восточного побережья Черного моря на восток и северо-восток началось тогда же, когда и движение на восток адыгов,— на рубеже XIII—XIV вв.

Большинство исследователей полагают, что первое письменное свидетельство о пребывании абазин в верховьях Кубани (и вообще на северных склонах Кавказского хребта) относится к концу XIV в. Персидский автор начала XV в. Низам ад-Дин-Шахи сообщает, что Тимур, пройдя по Верхней Кубани, очутился в «местности Абаса»²⁸⁶, т. е. во

владениях абазин в верховьях Кубани. Об этом же сообщает и персидский автор первой половины XV в. Шереф ад-Дин-Йезди²⁸⁷.

Свидетельством пребывания абазин в верховьях Кубани в XIII—XIV вв. может стать Ново-Кувинский могильник, если в дальнейшем удастся более прочно обосновать его принадлежность абазинам.

Абазины переселялись на северные склоны Кавказского хребта постепенно. С рубежа XIII—XIV вв. начали переселяться тапантовцы, позднее, вплоть до XVII в. включительно, — шкарауовцы²⁸⁸.

Очевидно, часть абазин двигалась вместе с черкесами по северным склонам Кавказского хребта. Но основная масса абазин переселялась через Белореченский и, очевидно, Санчарский, Марухский и Клухорский перевалы. К. Сталь приводит предание, согласно которому переселение абазин проходило через горные перевалы между верховьями рек Белой и Теберды²⁸⁹.

До недавнего времени, как отмечал Ц. Н. Бжания, использовались следующие скотопрогонные маршруты из Абхазии в верховья Лабы, Урупа, Зеленчука и Теберды: Мзымта — Кбаадс (Красная поляна) — верховья Большой Лабы; Бзыбь — Санчаро — Большая Лаба; Бзыбь — Псху — Большой Зеленчук; Бзыбь — Псху — Санчарский перевал — верховья рек Урупа и Загедана; Гума (в Абхазии) — реки Гумиста и Келасур — горный перевал — верховья Большого и Малого Зеленчука; Кодор — Лата — Клухор — Марух; Чхалта — Марух — реки Маруха и Аксаут; левый приток Латы Клухор — р. Теберда; р. Сакен — р. Учкулан. Одна из дорог по р. Сакен шла на пастбище Клухорского перевала. По Кодорскому ущелью проходил главный маршрут. Эта дорога издревле соединяла Абхазию с Северным Кавказом (Мисимийский, или Абхазский, путь, сейчас Военно-Сухумская дорога)²⁹⁰.

Перечисленные пути были известны населению Абхазии и прилегающих к ней с северо-запада районов с древнейших времен. Очевидно, они использовались и при переселении абазин на Северный Кавказ. Так, через Санчарский перевал абазины могли проникнуть на Лабу, а оттуда на Большой Зеленчук, в местность Архыз, где, согласно карачаевским преданиям, карачаевцы столкнулись с абазинами-кизилбековцами. Через Клухорский перевал абазины могли переселиться из Абхазии в долину Теберды, о чем говорят некоторые абазинские предания, приведенные С. Басарией²⁹¹. По преданиям абазин Кумско-Лоовского (Красновосточного) аула, они переселялись через Марухский и другие перевалы²⁹².

Начиная с XVI в. мы имеем более определенные сведения о северокавказских абазинах в письменных источниках. В русской летописи упоминается «Тутарык-князь, Езболуев княжей сын», который прибыл в составе «черкесского» посольства в Москву в августе 1555 г.²⁹³. По предположению Е. Н. Кушевой, этот же князь, «мурза Дударуко», назван в родословной кабардинских князей и мурз, составленной в XVII в. (в разделе «Род абазинских мурз») ²⁹⁴. Как справедливо полагает Е. Н. Кушева, Тутарык Езболуев, он же мурза Дударуко, очевидно, был родоначальник феодальной абазинской фамилии Дударуковых, а его брат, Алклыч Езбузлуков, — родоначальник Клычевых²⁹⁵.

В русском документе 1570 г. сказано, что кабардинский князь Темрюк приходил с детьми помогать «баазытцким черкасам» в борьбе против крымского царевича Адиль-Гирея²⁹⁶. «Черкасы баазытские», по мнению Е. Н. Кушевой, абазины²⁹⁷.

У Эвлии Челеби имеется рассказ о том, что в 70-х годах XVI в. в земле дударуковцев находился турецкий отряд. Как пишет Л. И. Лавров, здесь речь идет о северокавказских абазинах-дударуковцах²⁹⁸.

В «Родословной кабардинских князей и мурз XVII в.» отмечено, что Кайтука, внук Темрюка, «утонул на Кубане реке, как в добычу ездил под абазинцев»²⁹⁹. По мнению Л. И. Лаврова, Кайтука мог погибнуть в конце XVI в.³⁰⁰. Произошло это, очевидно, в верховьях Кубани, так как речь идет о районе, близком к Кабарде, следовательно, имеется в виду не Нижняя или Средняя, а Верхняя Кубань.

Источники XVII в. дают несколько более конкретные сведения о северокавказских абазинах. Е. Н. Кушева приводит ряд русских документов, проливающих свет на этот вопрос. В документах 1635 и 1642 гг. говорится, что «абазины» обитали на левом берегу Верхней Кубани, по соседству с Малым Ногаем и бесленеевцами («Малый Ногай за Кубаном кочевали вверх по Кубану реке меж Бесленей и Абазы»). В документе 1634 г. упоминается представитель феодальной абазинской фамилии Лоовых — мурза Отлепшукин Ловов (Лоовов), который приезжал в Терки шертовать царю Михаилу Федоровичу за себя и за других абазинских людей. В несколько более позднем документе, 1643 г., рассказывается, что для принесения шерти к «Пяти Горам» приехали мурзы, в том числе и абазинские — Хачака Янтемир, Саралп (Сарлап) Левов, Казый Доруков, Янсох Бийбердеев, Алкас Бегишев, Джаным Бабуков. Как справедливо замечает Е. Н. Кушева, в этом документе перечислены представители четырех из известных позднее пяти «племен» абазин-тапантовцев — Джантемировы, Лоовы, Дударуковы, Бибердовы. Джаным Бабуков, очевидно, представлял абазин-бабуковцев, не входивших в число основных тапантовских подразделений, Алкас Бегишев, возможно, из шкарауовского «племени» Баг³⁰¹.

«Стоянка Дудургай», где кроме дударуковцев жили и кабардинцы, находилась, по словам Эвлии, в пяти часах езды к востоку от р. Дженджек (Малый Зеленчук)³⁰². Следовательно, дударуковцы размещались между Малым Зеленчуком и Кубанью. Край племени Бебирдкач (бибердовцев) располагался на берегах Дженджека (Малого Зеленчука) и Кубани³⁰³. В другом месте Эвлия указывает, что крепость Бургустан входит в край Бебирдкач³⁰⁴. Следы Бургустанской крепости сохранились на правом берегу Подкумка. Следовательно, абазины-бибердовцы жили в то время и в Пятигорье.

Таким образом, в XVII в. на Северном Кавказе, в частности в верховьях Кубани и Зеленчуков, а также в Пятигорье, жили абазины-тапантовцы: дударуковцы (русский документ 1643 г., Эвлия); бибердовцы (русский документ 1643 г., Эвлия); лоовцы (русские документы 1643 и 1634 гг.); джантемировцы (русский документ 1643 г.). Клычевцы, возможно, упомянуты в русском документе XVI в. в лице князя Алклыча Езбузлукова. Из шкарауовцев есть упоминание о баговцах (русский документ 1643 г.). Карачаевские предания говорят о кизилбековцах. В документе 1643 г. говорится о бабуковцах, которые принадлежали к числу абазинских, очевидно тапантовских, «колен», но в группу основных тапантовских подразделений не входили³⁰⁵. По-видимому, переселение шкарауовцев на Северный Кавказ продолжалось и во второй половине XVII в. В источниках XVIII в. в числе абазинских «племен», населявших северные склоны Кавказского хребта, упоминаются все шесть шкарауовских подразделений — там, кизилбек, баг, чегрей, баракай и мысылбай-башилбай³⁰⁶.

НОГАЙЦЫ

«Ногай» — самоназвание ногайцев³⁰⁷. Ногайский язык относится к кипчакско-ногайской подгруппе кипчакской группы тюркских языков. В ногайском языке выделяются три основных диалекта: кубанский

диалект ногайцев Карачаево-Черкесии; ачикулакский диалект ногайцев, населяющих Ачикулакский район Ставропольского края, и караногайский диалект ногайцев, живущих в Караногайском и Кизлярском районах Дагестанской АССР,— караногайцев³⁰⁸.

В антропологическом типе ногайцев преобладают монголоидные элементы³⁰⁹.

В дореволюционной литературе высказывались мнения о том, что предками ногайцев являются татары³¹⁰, турки³¹¹, монголы³¹², печенег³¹³. Встречаются суждения о том, что ногайцы — народ смешанного, тюрко-татарского происхождения³¹⁴. Довольно много сторонников имеет версия о монголо-татарском³¹⁵ и монголо-кипчакском³¹⁶ происхождении ногайцев. Некоторые авторы называли ногайцев наследниками Золотой Орды³¹⁷.

Многие советские исследователи считают, что предками ногайцев были тюркские племена. Так, С. Е. Малов пишет следующее: «Образование ногайской орды относится к XIII—XIV вв., когда из общего конгломерата турецких (т. е. тюркских.—Е. А.) племен, говоривших (до XIII в.) на тогдашнем „каракалпакско-ногайском“, так сказать, языке, та часть из них, которая признала власть Ногая, пошла по определенному одному пути, она и стала ногаями с одним ногайским языком. Другая же часть турецких племен осталась вне этого политического объединения — это каракалпаки»³¹⁸.

Н. Ф. Яковлев отмечает, что «ногайцы — потомки татарской Золотой Орды, последние из сохранившихся на Кавказе тюрков — наиболее чистые в отношении языка»³¹⁹. И. Т. Мутенин предками ногайцев считает половцев³²⁰.

Проблема формирования ногайской народности на начальном этапе тесно связана с вопросом о выделении из Золотой Орды Ногайской орды, или Мангитского юрта. В центре внимания этот вопрос находится в исследовании М. Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды»³²¹.

М. Г. Сафаргалиев отмечает, что Ногайская орда, образовавшаяся в результате распада Золотой Орды, является «татарским государством». Название же «Мангитский юрт» это государство получило потому, что основатель его, Едигей, происходит из тюркизированного монгольского племени мангытов (мангитов)³²². К сожалению, эта проблема рассматривается М. Г. Сафаргалиевым в основном в политическом аспекте и по вопросам этнического порядка, в частности формирования ногайской народности, имеются лишь отдельные замечания³²³.

В советской литературе существует и несколько иная точка зрения, согласно которой помимо кипчаков (роль которых отнюдь не умаляется) в этногенезе ногайцев значительное участие приняли тюркизированные монгольские племена мангытов и конгуратов. «Монголы (в Дашт-и-Кыпчаке.—Е. А.) сами подвергались отюречению,— читаем мы в книге Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского,— вспомним судьбу двух больших монгольских племен кунгуратов и мангытов, которые стали впоследствии называться ногаями. Впрочем, в составе ногайцев кроме мангытов были и другие этнические элементы, как тюркские, так и монгольские»³²⁴. Таким образом, учитывается и роль монгольского элемента в формировании ногайской народности. Некоторые исследователи считают, что именно мангиты составили ядро Ногайской орды³²⁵.

Этническую историю ногайцев на раннем ее этапе до сих пор нельзя считать изученной, она требует специальных кропотливых исследований, и в данном разделе мы ограничимся лишь несколькими суждениями, отнюдь не претендуя на более полное разрешение данной проблемы, которая находится вне пределов нашей компетенции.

Образование ногайской народности связано с процессами, порожденными возникновением и укреплением феодальных отношений: распадом Золотой Орды, раздираемой феодальными междоусобицами, консолидацией ногайских племен вокруг наиболее сильных феодалов, князей-военачальников.

Значительную часть населения Золотой Орды составляли кипчаки. Еще в XVIII в. кипчаки растворили в своей среде монголов. В числе монгольских племен, воспринявших от кипчаков тюркский язык и культуру, были мангиты, значительное число которых входило в состав войск Ногая³²⁶.

В конце XIV в., когда Золотая Орда стала приходить в упадок, из нее выделилась Ногайская орда. Судя по имеющимся историческим данным, ядром, вокруг которого происходила консолидация Ногайской орды, были мангиты. Впрочем, существуют и другие точки зрения. Этот вопрос еще нуждается в дальнейшем изучении. Кроме мангитов, в состав Ногайской орды вошли другие монгольские тюркизированные племена, а также многочисленные тюркские, в основном кипчацкие, племена. Наименование «мангит» сохранилось за одним из подразделений, входивших в состав Ногайской орды, наименование «кипчак», «кыпчак», «купчак» — в названиях нескольких ногайских родов, которые так и именовались — «кипчакские». В Карачаево-Черкесии до сих пор имеются семьи, носящие фамилию Кипчаковы³²⁷.

Сказать более точно, какие именно ногайские группы входили в Ногайскую орду при ее образовании, мы не можем. Судя по данным эпоса Едигея, в формировании ногайской народности приняли участие следующие племена: кенегес, канглы, аргын, конграт, сырын (ширин), кыпчак, мангит, сун (уйсун) и, очевидно, найман, хотя найманы в эпосе Едигея не названы³²⁸. Из перечисленных племен мангит (мангит) относится, как уже отмечалось выше, к тюркизированным племенам монгольского корня. Вопрос о конгуратах и найманах спорен, некоторые полагают, что эти племена монгольского происхождения, другие считают их изначально тюркскими. Остальные названные племена тюркские.

Когда мангиты стали называть себя ногаями, пока не установлено. Исследователи полагают, что это произошло во второй половине XV в.³²⁹. Во всяком случае, термин «ногаи», «нагаи» мы уже встречаем в русских документах конца XV в.³³⁰. В западноевропейской литературе термины «ногайцы» и «Ногайская орда» впервые встречаются у Матвея Меховского (1517)³³¹, а в восточной литературе — у турецкого историка Джаннаби, умершего в 1590 г.³³². Известия о ранней истории ногайцев имеются у кастильца Клавихо (начало XV в.)³³³ и в некоторых других источниках³³⁴.

Основываясь на данных этих источников, а также на исследованиях русских и зарубежных авторов, посвященных данной проблеме, М. Г. Сафаргалиев следующим образом представляет образование Ногайской орды.

«Главой поколения ногайцев», по словам Джаннаби, был Едигей³³⁵. В течение 1391—1396 гг., в период борьбы Тимура и Тохтамыша, из Золотой Орды выделился Мангитский юрт во главе с Едигеем. По данным Клавихо, Едигей имел постоянно в своей орде более двухсот тысяч всадников. Мангитский юрт занимал территорию от Волги до Яика (Урала). Отдельные группы ногайцев кочевали и в других местах³³⁶. До самой смерти (1420) Едигей был князем Мангитского юрта. После его смерти Мангитский юрт пришел в упадок. Его могущество восстановил младший сын Едигея — Нуратдин. Однако князем Мангитского

юрта Нуратдин не назывался. В «Родословной книге татарских ханов», в разделе «Начало орде Ногайской и родословие князем и мурзам ногайским», Нуратдин (Мурадин) назван мурзой, а его сын Оказ — князем³³⁷. Этому Оказу (Оккасу, Воккасу) Матвей Меховский приписывает окончательное оформление Ногайской орды. Оккас был объявлен князем Ногайской орды в 1447 г.³³⁸

Период окончательного оформления Ногайской орды, на наш взгляд, следует считать первым этапом образования ногайской народности. В таком случае можно сказать, что древняя ногайская народность сформировалась к середине XV в. У нас нет данных о ногайском языке в интересующий нас период, но, по-видимому, язык всех ногайцев явился наследником кипчакского языка, принадлежал к кипчакской подгруппе тюркских языков. Трудно говорить о территориальной общности, так как ногайцы были кочевниками, но, во всяком случае, территория кочевий орды в целом и отдельных ее улусов определялась известными границами. Хозяйство кочевников-ногайцев носило ярко выраженный натуральный характер, поэтому о наличии развитых и устойчивых экономических связей в Ногайской орде говорить не приходится. Впрочем, как уже было отмечено, этот признак, не является обязательным для определения народности на первом, начальном этапе ее формирования.

Подразделения Ногайской орды — улусы представляли собой не родовые объединения, а феодальные образования, возглавляемые наследственными правителями, феодалами-мурзами. Структура Ногайской орды свидетельствует о том, что она не была союзом племен, характерным для первобытнородового строя, а являлась народностью, типичной для периода раннего феодализма. На всей обширной территории расселения улусов Ногайской орды ее население сознавало свою принадлежность к данной орде, т. е. считало себя ногайцами. Уже во второй половине XV в. эта народность имела собирательное имя «ногаи», «нагаи», под которым стала известна своим соседям.

Позднее на этой древней основе формировались новые этнические образования. Потомками Ногайской орды являются ногайцы верхнекубанские и ачикулакские и караногайцы.

В XVI в. в Ногайскую орду входили мангиты, найманы, кунграты, китаи, кипчаки, кияты, тангучаны, колгины, алчины, гублаки, канлыки, кирайты, байгуры, тайджуты, боргасмы, турхмены, аски³³⁹.

К середине XVI в. ногайцы занимали большую территорию — от Волги до Иртыша и от берегов Каспийского и Аральского морей до лесной полосы на севере³⁴⁰.

Вследствие феодальных междоусобиц в середине XVI в. началось дробление Ногайской орды. Часть кипчаков, кунгратов, алчинов соединились с казаками; мангиты, кунграты, кипчаки частично отошли к узбекам, а китаи — к башкирам³⁴¹.

Около середины XVI в. Ногайская орда разделилась на Больших и Малых Ногаев. Один из ногайских князей, Казый Ураков, не желая подчиняться «главному князю» ногайцев Исмаилу, откочевал со своими улусами на запад. Очевидно, во второй половине XVI в. от Большого Ногаи отделилось несколько подразделений — кубов, которые послужили впоследствии основой формирования караногайцев³⁴².

Малая орда кочевала на юге Украины, возле Крыма, заходила в нижнее Приднестровье и Приазовье, в Причерноморье, на Нижнюю, а позднее и Верхнюю Кубань. Согласно «Книге Большому Чертежу», «от Кубы [Кубани], от гор к Черному и Азовскому морям и до верху реки Маначи, от тех гор все кочевья Малых Ногаев Казыева улусу... А ниже

Улки горы, меж морь и гор, от Черного и от Азовского моря все кочевья Малых Ногаев»³⁴³. Большие Ногаи, судя по «Книге Большому Чертежу», продолжали кочевать между Волгой и Уралом («от верху Яика к Волге») и восточнее Урала — «от верху Бузувлуга» «до Синево (Аральского) моря»³⁴⁴.

В источниках XVII в. появляются новые названия подразделений ногайцев — джембойлуковцы (емболюковцы), джетысаны (едисаны, едисанцы), едишкульцы. Очевидно, эти подразделения принадлежали к Большому Ногаю, хотя этот вопрос нельзя считать решенным окончательно³⁴⁵. Джембойлуковцы жили по берегам Эмбы-Джемб, едисанцы обитали в Прикаспии и у Астрахани. Позднее Едисанская орда кочевала между Днепром, Днестром и Бугом.

В 20-х годах XVII в. в Поволжье появились калмыки, кочевавшие до этого в Сибири, на Тоболе и Иртыше. Под давлением калмыцких феодалов значительная часть Большого Ногаия в 1634 г. ушла с Волги на нижнее течение Дона. Таким образом, в состав приазовских ногайцев входили подразделения как Большого, так и Малого Ногаия. Значительная часть Большого Ногаия осталась на Волге³⁴⁶.

Вопрос о заселении ногайцами закубанской части Северо-Западного Кавказа исследователями специально не рассматривался. В дореволюционной литературе высказывалось мнение, что ногайцы поселились «по ту сторону Терека и Кубани», в Кавказских горах «в исходе XVII в. и в XVIII в.»³⁴⁷.

В работах советских авторов принята та же дата — конец (или вторая половина) XVII—XVIII вв.³⁴⁸. Е. Н. Кушева в своей книге «Народы Северного Кавказа» приводит данные русских документов 30-х годов XVII в., свидетельствующие о том, что уже в это время ногайцы кочевали в верховьях Кубани³⁴⁹.

В верховьях Кубани имеются археологические памятники (могильники) XVII—XVIII вв., которые можно предположительно считать ногайскими. Так, на городище Кубина, в низовьях речки Байтал-Чапкан (см. гл. VI), Т. М. Минаевой обнаружено 66 бескурганых погребений, отмеченных на поверхности каменными выкладками овальной формы. На одной из могил имеется вертикальный четырехгранный камень высотой 0,3 м. Т. М. Минаева раскопала три погребения. Костяки лежали в вытянутом положении, на спине. Следов гробов не обнаружено. Ориентировка различная (головой на северо-запад, запад, юго-запад). При костяках найдены железные ножицы (типа поздних портовых), однолезвийный кинжал и некоторые другие предметы, которые Т. М. Минаева датирует XVII—XVIII вв. По преданию, территория речки Байтал-Чапкан связывается с ногайцами. Название «Байтал-Чапхан» по-ногайски значит «конские скачки». Исходя из датировки могильника, народной традиции и данных топонимики, Т. М. Минаева в качестве рабочей гипотезы выдвинула предположение о ногайской принадлежности данного могильника³⁵⁰.

Это предположение кажется справедливым по следующим обстоятельствам. Овальными выкладками из камней отмечали в этот период (и ранее) свои погребения и карачаевцы, но Кубинский могильник мы не можем считать карачаевским, так как обряд погребения иной, чем в карачаевских могильниках этого времени (см. стр. 165 настоящего издания). Далее, карачаевцы жили значительно выше, южнее аула Кубины, который находится в предгорной зоне Карачаево-Черкессии, всего в 20 км южнее Черкесска. Устная народная традиция и топонимика по справедливости связывают эти места именно с ногайцами. Еще одна деталь: обычай ставить над могилой умершего невысокий вертикаль-

ный четырехгранный камень (отмеченный и на Кубинском могильнике), по нашим наблюдениям, характерен именно для ногайских могильников. Так, подобные вертикальные камни встречены нами на ногайском кладбище XVIII—XIX вв. у пос. Шестая шахта.

Наиболее ранние письменные источники, свидетельствующие о пребывании ногайцев в верховьях Кубани, относятся к 30-м годам XVII в.—мы имеем в виду русские документы, приведенные в книге Е. Н. Кушевой. В документе 1633 г. сказано, что Малый Ногай кочует «под Беслинцы», т. е. по соседству с бесленеевцами. В документе 1635 г. говорится, что те же ногайцы кочуют «за Кубаном... вверх по Кубану реке под горами, меж Бесленей и Абазы», т. е. в верховьях Кубани, между бесленеевцами и абазинами³⁵¹.

В русских документах 1640 г. Малые Ногаи указаны как соседи кабардинских князей Алегуки и Хотожуки³⁵². Алегукина (она же Хотожукина) Кабарда (или Казыевы улусы) находилась к северо-востоку от Карачая по рекам Балк (Палк, т. е. Малка) и Баксан³⁵³. Некоторые кабардинские кабаки («стоянки», по терминологии Эвлии) находились и западнее, на левом берегу Верхней Кубани (см. раздел «Адыги»). В числе этих кабаков были также кабаки Алегуки и Хотожуки. В статейных списках Ф. Елчина и П. Захарьева имеется сообщение, что Ф. Елчин, будучи «в Карачаях», т. е., очевидно, у баксанских карачаевцев, «ходил пировать к карачайским мурзам, к Ельбуздуке и к Галистану, и к матери их, и к зятю их, к ногайскому мурзе Урыстембеку»³⁵⁴.

Более точно установить местонахождение Малых Ногаев Касаева улуса нам позволяют русские документы 1642 и 1644 г. В документе 1642 г. читаем: «Покочевали де Алегук и Ходождук мурзы Казыевы со своими людьми со старых своих кочевных мест в сход к *Малому Ногаю за Кубань реку под Абазы* (курсив наш.—Е. А.)»³⁵⁵. В документе 1644 г. сказано, что кабаки Алегуки, Ходождуки и Малый Ногай находились на крымской стороне Кубани (т. е. на ее левом берегу), «под Бесленей»³⁵⁶.

Интересны документы «Донских дел», относящиеся к 40-м годам XVII в. Так, в документе 1646 г. приведены показания донского казака, бежавшего из Темрюка, где он был в плену: «Нагай де Меньшой и Казыев улус откочевали далече прочь, а которые кочевали под Азовом Большово Нагаю, и те де побежали с ними же вверх по Кубе реке, под снеговые горы, под Черкасского князя Алегуку... А писал де к ним крымский царь, велел им кочевать вверх по Кубе реке, а где тут кочевали, тут вам кочевать невозможно от русских людей»³⁵⁷. Аналогичные сообщения находим и в других документах «Донских дел»³⁵⁸.

Таким образом, судя по этим документам, на Верхнюю Кубань из-под Азова переселились ногайцы не только Малого, но и Большого Ногая. Переселились они туда, судя по данным материалам, по совету крымского хана, основанному на том, что между ногайцами и русскими (т. е. донскими казаками) иногда происходили столкновения.

Несколько позднее, в 1651 г., князь Мусал (Муцал) Черкасский писал, что «Малый Ногай кочует за Кубаном, к Бисленеем близко. А Малого Ногаю мурзы ко мне приказывали, что де к осени будут кочевать под Кабарду»³⁵⁹.

Эвлия Челеби отмечал, что на берегу р. Джеджек (Малый Зеленчук) имеется крепость. В ней поселились арсланбековские ногайцы, которые пришли с Волги, вытесненные оттуда калмыками³⁶⁰.

Под давлением калмыцких феодалов ногайцы Большого Ногая, в том числе арсланбековские, поселились и восточнее верховьев Ку-

бани, на Куме, у крепости Бургустан и в других местах Пятигорья. Как пишет Эвлия, эти ногайцы нашли здесь защиту и помощь кабардинцев³⁶¹.

Во второй половине XVII в. продолжается проникновение ногайцев на Верхнюю Кубань и в соседние районы. В верховья Кубани под натиском калмыцких феодалов откочевали джембойлуковцы, джетысаны (едисаны), едишкульцы и некоторые другие подразделения Большого Ногай. Калмыцкие тайши иногда заставляли часть ногайцев, в том числе джетысанских и джембойлуковских, возвращаться на Волгу. В 1696 г. «наиболее влиятельные мурзы» Большого Ногай, Джакташ и Акташ, ушли от Волги на Кубань, захватив с собой некоторую часть джетысанцев и джембойлуковцев³⁶².

В конце XVII—XVIII вв. ногайские орды — Буджакская, Едисанская, Джембойлуковская и Едишкульская — кочевали в степях Предкавказья и Северного Причерноморья до р. Прута. На территории Северного Кавказа обитали более мелкие орды — Тохтамышевская, Мансуровская, Кыпчаковская, Карамурзинская, Наврузовская.

Во времена Петра I новые группы ногайцев, кочевавшие ранее в астраханских степях, заселили территорию нынешней Карачаево-Черкесии. Они поселились на обоих берегах Кубани, начиная от того места, где впоследствии была основана ст. Баталпашинская, и до устья Кубани³⁶³. Согласно Гильденштедту, «по Кубани, около и между устьями рек Индшика и Арзы, кочуют ногайские татары, называемые Касай-аул... нагайцы, называемые Наурус-аул, живут около устья Лабы домами и неподвижными деревнями (т. е. оседло.— Е. А.)»³⁶⁴. Как мы видим, картина примерно та же, что и во времена Эвлии Челеби (XVII в.).

Кроме касеевцев, наурусовцев, едисанцев, джембойлуковцев и тохтамышевцев в течение XVIII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков поселились и другие ногайские подразделения — мангитовцы (мангытовцы), кипчаковцы, каспулатовцы, мансуровцы и др.

Судя по родовым знакам — тамгам, высеченным на надгробных плитах ногайских кладбищ аулов Эркин-Халк и Канглы, а также по сведениям, полученным от стариков, на территории Карачаево-Черкесии и в Пятигорье жили также наймановцы, киреитовцы, ураковцы, санглыбаевцы, карасовцы, байысовцы, карамурзинцы и др.³⁶⁵.

Часть ногайцев, поселившись в верховьях Кубани и Зеленчуков, никуда отсюда не уходила. Другая часть переселялась — на Волгу, в Западное Предкавказье, на Украину и даже в Бессарабию, но возвращалась обратно на Верхнюю Кубань.

Такова вкратце история заселения ногайцами территории Карачаево-Черкесии в XVII в.³⁶⁶

В результате этногенетических исследований автор пришел к следующим выводам.

Карачаевцы и балкарцы в прошлом составляли один народ. Основное ядро формирования карачаево-балкарской народности — это местные, горские племена, жившие в горах Карачая и Балкарии с глубокой древности. Условно мы называем эти племена «кобанцами», так как они оставили памятники кобанской культуры.

В конце IV в. на это местное ядро — «кобанцев» — наслоились ираноязычные аланы. Очевидно, часть кобанцев была иранизирована.

С рубежа VII—VIII вв., а может быть и несколько ранее, в вер-

хования Кубани и восточнее стали проникать тюркоязычные племена — болгары и др. Началась тюркизация кобанско-аланского населения. Процесс тюркизации завершился в конце XI—XIII в. с проникновением в эти места кипчаков. С рубежа XIII—XIV вв. мы можем говорить о древней карачаево-балкарской народности, западная ветвь которой называлась аланами, а восточная — асами. В источниках XVII в. мы уже встречаем наименования «карачаевцы» и «балкарцы».

Образование тюркоязычной карачаево-балкарской народности, в основе которой было местное, кавказское этническое ядро, для Кавказа явление не исключительное. На примере кумыков Дагестана мы видим, что подобные процессы происходили и при формировании некоторых других народностей Кавказа, в частности Северо-Восточного.

Адыги являются древним народом Северо-Западного Кавказа. Археологические памятники предков адыгов прослеживаются на Северо-Западном Кавказе с эпохи бронзы. В письменных источниках середины и второй половины I тысячелетия до н. э. сохранились названия древнеадыгских племен — меоты, зихи и керкеты.

В эпоху раннего железа, в период военной демократии, происходил процесс консолидации адыгских племен в крупные племенные союзы. В I тысячелетии до н. э. этот процесс был наиболее интенсивен у меотских племен, живших в степях и предгорьях Северо-Западного Кавказа. Этому процессу помешало проникновение степных сарматских племен и особенно гуннское нашествие. С начала нашей эры наиболее сильным становится одно из приморских адыгских племен — зихи. Зихи стали тем стержнем, вокруг которого начали объединяться адыгские племена. По соседству с зихами формировался другой союз адыгских племен — косожский (касожский). В конце I тысячелетия н. э. процесс консолидации зихских и касожских племен пошел по единому руслу.

Процесс складывания адыгской народности находился в прямой зависимости от возникновения и развития феодальных отношений. В X в., когда феодальные отношения у адыгов уже существовали, формирование адыгской народности на первом, начальном этапе завершилось — образовалась древняя адыгская народность.

После монгольского нашествия, на рубеже XIII—XIV вв., часть адыгов — кабардинцы — из Прикубанья переселились на восток и заняли территорию Пятигорья и современной Кабарды. С этого времени началось формирование двух ветвей адыгов — восточной (кабардинцы) и западной (западные, или закубанские, черкесы). Процесс формирования народности у кабардинцев проходил более интенсивно, чем у западных черкесов.

Окончательное завершение процесса формирования адыгских народностей произошло лишь в советское время, когда образовались три родственные народности — адыгейцы, черкесы Карачаево-Черкесии и кабардинцы.

Черкесы сформировались из некоторых кабардинских и западночеркесских групп (бесленевцев и др.).

Абазины и абхазцы — близкородственные народы. Предки у них общие — апсилы, абазги, саниги, мисимиане, отчасти зихи.

Эти племена занимали территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря к северо-западу от нее, примерно до Туапсе.

К концу I тысячелетия н. э. у всех этих этнических групп уже существовали феодальные отношения, следовательно, были условия для формирования народности. В VIII в. н. э. сформировалась древняя абхазская народность, из которой несколько позднее выделилась древне-

абазинская народность. Возможно, это произошло в X в. в. «Абазгии» Константина Багрянородного, простиравшейся от Бзыби до Нечепсухо. Во всяком случае, выделение абазинской народности из абхазской должно было произойти до рубежа XIII—XIV вв., т. е. до массового переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта. Переселялись на Северный Кавказ абазины уже будучи «абаза», а не «апсуа». Часть абазин осталась на восточном побережье Черного моря, в том числе и в Абхазии. В последующие периоды на основе этой древней абазинской народности формировались более поздние абазинские этнические образования.

Предками ногайцев являются тюркские (главным образом кипчакские) и тюркизированные монгольские племена. Большинство советских исследователей полагают, что ядром, вокруг которого происходила консолидация древненогайской народности, было монгольское племя мангитов, которое заимствовало язык кипчаков. Однако вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении.

Образование ногайской народности (на первом ее этапе) происходило с конца XIV до середины XV в. В конце XIV в. из Золотой Орды выделилась Ногайская орда, именовавшаяся первоначально Мангитским юртом. Окончательное оформление Ногайской орды связывается с правлением князя Оккаса, деятельность которого падает на середину XV в. С этого времени можно говорить о сформировавшейся ногайской (точнее, древненогайской) народности. Во второй половине XV в. появляется название «ногаи», «нагаи», под которыми ногайцы стали известны другим народам.

Этнический состав населения территории Карачаево-Черкесии во второй половине XIII—XVII в. был очень пестрым.

В высокогорных районах Верхней Кубани жили карачаевцы. Возможно, что состав населения Балкарии и Карачая в интересующий нас период не был статичен. Вполне вероятно, что происходили передвижения, переселения отдельных групп карачаевцев и балкарцев, вызванные давлением каких-либо других этнических групп, внутренними междоусобицами, поисками более удобных земель и т. п. Этим обстоятельством можно объяснить факт существования баксанских карачаевцев.

Адыги в числе других племен жили на территории Карачаево-Черкесии с древнейших времен. Однако массовое заселение адыгами этой территории произошло лишь после монгольского нашествия, с рубежа XIII—XIV вв. Судя по археологическим памятникам и данным Эвлии, уже в интересующий нас период здесь жили как западные черкесы (бесленевцы и др.), так и кабардинцы.

Абазины заселяли территорию Карачаево-Черкесии с XIV до XVII в. Первыми здесь поселились тапантовцы, позднее шкарауовцы.

Ногайцы поселились в этих местах, судя по письменным источникам, с 30-х годов XVII в. Дальнейшее изучение археологических памятников, связываемых с ногайцами, возможно, позволит отодвинуть эту дату до XVI в.

По данным письменных источников мы можем заключить, что в 30—40-е годы XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков из-под Азова поселились как Малые Ногаи (Касаев улус), так и Большие Ногаи, кочевавшие до этого под Азовом. Позднее, во второй половине XVII в., на Верхней Кубани поселились ногайцы Большого Ногай, которые ушли с Волги под давлением калмыцких феодалов. Проникновение ногайцев на территорию современной Карачаево-Черкесии продолжалось и в XVIII в.

²⁵ Так полагали Ю. Клапрот и другие авторы. См. сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 409; И. Дебу, О Кавказской линии, стр. 134; J. Bessé, Voyage en Crimée, стр. 66—67, 69, 113; [H. Vambergy], Das Türkenvolk, стр. 563—566.

²⁶ P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise, т. 1, стр. 407; С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, стр. 219—220; П. Зубов, Картина Кавказского края, ч. III, стр. 133; М. Ведеников, Взгляд на кавказских горцев, стр. 36; Н. Данилевский, Кавказ и его горские жители; Е. Вейденбаум, Путеводитель по Кавказу, стр. 124; В. М. Сысоев, Карачай, стр. 39—41 и др.

²⁷ См.: Н. Ходиев, Заметки о древних названиях, стр. 260; В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 103—104; К. Ган, По долинам Чороха, Уруха и Ардона, стр. 10; Б. Ланге, Балкария и балкарцы, стр. 2; № 287, стр. 2; Н. А. Караулов, 1. Болкары на Кавказе, стр. 133.

²⁸ И. А. Гильденштедт, Путешествие, стр. 384; И. Г. Георги, Описание, стр. 49; П. Бутков, О имени «Козак», стр. 190.

²⁹ K. Koch, Reise durch Russland, т. 1, стр. 328; Г. Мерцбахер, К этнографии Кавказских Альп, стр. 98; А. Самойлович, [рецензия] Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар».

³⁰ П. Бутков, О имени «Козак», стр. 202, прим. 42; Ф., Черкесы, казаки и адыхы, стр. 860; В. Я. Телцов, По истокам Кубани и Терека, стр. 196—197.

³¹ Bala Mirza, Karaçay ve Balkarlar, стр. 217—221; «Encyclopaedia Britannica», т. 13, стр. 232, 274—275.

³² У. Д. Алиев, Карачай, стр. 42; А. Ладыженский, Кабардинцы и балкарцы, стр. 38; П. Г. Акритас, Древнейшее название, стр. 213.

³³ Эта точка зрения высказывается в рукописи Чобан-заде «Краткий обзор сведений о карачаево-болгарском языке», о которой нам стало известно из статьи И. Тамбиева («Заметки по истории Балкарии», стр. 59, 62).

³⁴ Так, Б. Е. Деген-Ковалевский считал, что предками карачаевцев являются брухи, упоминаемые Прокопием Кесарийским (Б. Е. Деген-Ковалевский, Отчет о работах, стр. 27). Б. А. Алборов полагает, что предками карачаевцев и балкарцев являются среднеазиатские асы, относящиеся к тюрко-татарским племенам (в кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 108—112). Х. А. Поркшеян считает, что карачаевцы и балкарцы — это пришедшие из Крыма в 1639 г. кипчаки-чагатайцы (там же, стр. 176—184).

³⁵ См. сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 32, 92, 259, 266, 304, 326—327 и др. Так, в частности, В. П. Алексеев на антропологическом материале показал несостоятельность ногайской, хазарской и маджарской версий карачаево-балкарского этногенеза (В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 326—328; его же, Антропологический состав, стр. 158—171).

³⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов, О происхождении карачаевцев, стр. 328; А. Самойлович, Кавказ и турецкий мир, стр. 4; Л. И. Лавров, Происхождение балкарцев и карачаевцев, стр. 4; его же, О некоторых этнографических данных, стр. 63—69; Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 3—30, его же, К вопросу происхождения, стр. 70—80; Е. Н. Студенецкая, Карачаевцы, стр. 243—244; Н. А. Баскаков, Выступление на сессии в Нальчике, стр. 228—241.

³⁷ Н. В. Яковлев, Языки и народы Кавказа, стр. 2; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 172; С. К. Бабаев, О происхождении балкарцев и карачаевцев, стр. 38—62; А. Х. Соттаев, Происхождение балкарцев и карачаевцев, стр. 81—95; В. Ф. Каховский, Происхождение чувашского народа, стр. 285—286; В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 30, 62, 73—75, 86—88, 125—126; его же, Археология и происхождение карачаевцев и балкарцев.

³⁸ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 113; «Худуд ал-алем», пер. Минорского, стр. 445, прим.; А. Намиток, Происхождение черкесов, стр. 108; З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 34—35.

³⁹ См. указанные выше работы Х. О. Лайпанова, Л. И. Лаврова, Е. Н. Студенецкой, Н. А. Баскакова, В. А. Кузнецова; см. также: В. И. Абаев, Об аланском субстрате, стр. 127—134; Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы, стр. 11—16; Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 220—221.

⁴⁰ Г. А. Кокиев, К вопросу о происхождении.

⁴¹ У. Б. Алиев, Выступление на сессии в Нальчике, стр. 242—252; У. Б. Алиев, М. А. Хабицев, А. Д. Баучиев, К. Т. Лайпанов, О некоторых алано-тюркских памятниках; К. Т. Лайпанов, О тюркском элементе, стр. 207—241; Х. И. Хаджилаев, К топонимике Карачая. О тюркском происхождении этнонима «алан» см. указанное выше выступление У. Б. Алиева, а также: Х. И. Хаджилаев, К вопросу исследования, стр. 93; Ш. Х. Акбаев, К вопросу о происхождении этнонима «алан». О соотношении карачаево-балкарского языка с языком кипчаков и болгар см.: Ш. Х. Акбаев, Фонетика диалектов.

⁴² Е. П. Алексеева, Памятники меотской и сармато-аланской культур, стр. 240—247.

⁴³ С. Воллин, К истории древнего Хорезма.

- ⁴⁴ Л. Люлье, Черкесия, стр. 14.
- ⁴⁵ «Современный Иран», стр. 631.
- ⁴⁶ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 83.
- ⁴⁷ В. В. Латышев, Известия, т. II, карта; К. П. Патканов, Из нового списка, стр. 30; Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 85.
- ⁴⁸ См. работы Н. Я. Марра: Племенной состав населения Кавказа, стр. 13, 19, 25, 26; Яфетические языки, стр. 305; Балкаро-сванское скрещение, стр. 196—197.
- ⁴⁹ А. Самойлович, Кавказ и турецкий мир, стр. 4; И. Тамбиев, Заметки по истории Балкарии, стр. 62; А. Н. Дьячков-Тарасов, О происхождении карачаевцев, стр. 329; Н. Ф. Яковлев, Языки и народы Кавказа, стр. 9; Г. А. Кокеев, К вопросу о происхождении, стр. 3.
- П. Г. Акритас и М. М. Цораев считают, что ядром карачаево-балкарской народности были ассы — асы — ясы, т. е. не аланы, а коренные жители Кавказа (см. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 271, 277).
- ⁵⁰ См. перечисленные выше работы этих авторов.
- ⁵¹ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 396.
- ⁵² Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 310.
- ⁵³ В. И. Абаев, Общие элементы, стр. 83, 87—89; его же, Осетинский язык и фольклор, стр. 11—12.
- ⁵⁴ Сб. «Нартский эпос», 1957; Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 372—375.
- ⁵⁵ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, стр. 20, рис. 21—22.
- ⁵⁶ Л. И. Лавров, Из поездки в Балкарию, стр. 178; его же, Эпиграфические памятники, ч. 2, стр. 127—131; Х. О. Лаипанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 31—35.
- ⁵⁷ Е. Н. Студенецкая, Изобразительное искусство карачаевцев, стр. 369—370.
- ⁵⁸ Там же, стр. 369.
- ⁵⁹ Эти детали прослеживаются на ряде предметов карачаево-балкарской коллекции, хранящейся в Музее этнографии народов СССР в Ленинграде. Пользуясь случаем выразить благодарность Е. Н. Студенецкой за ее любезные консультации и ознакомление с коллекциями Музея этнографии народов СССР.
- ⁶⁰ Чечено-Ингушский музей краеведения, Кошк, № 1915; Эшкал, № 1916; Эрзи, № 1920; Герк, № 1229; Шуан, № 1919.
- ⁶¹ По вопросу датировки материала из указанных склепов Чечено-Ингушетии была получена консультация Евгения Игнатьевича Крупнова.
- ⁶² Е. П. Алексеева, Раскопки в районе сел. Верхний Чегем, стр. 195—198, 227—228, табл. IV, V. См. в настоящей работе табл. 38, рис. 8 г, д.
- ⁶³ Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкарцы, табл. V—VII.
- ⁶⁴ ОАК за 1898 г., стр. 37, рис. 50.
- ⁶⁵ В. А. Кузнецов, Археологические разведки, стр. 208.
- ⁶⁶ В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 319.
- ⁶⁷ Там же, стр. 321—322.
- ⁶⁸ Об этом В. П. Алексеев сообщил в своем докладе, прочитанном в октябре 1966 г. на сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. — «Антропологические данные к происхождению осетинского народа»; см. также: И. М. Мизиев, Средневековая материальная культура, стр. 11, 13.
- ⁶⁹ См. сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 225—226, 331.
- ⁷⁰ А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе, К вопросу о свано-балкарских этнокультурных взаимоотношениях, стр. 135—152.
- ⁷¹ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 86.
- ⁷² В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 45, 79.
- ⁷³ В. И. Абаев, Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке, стр. 132—133.
- ⁷⁴ Н. А. Баскаков, Выступление на сессии в Нальчике, стр. 238—240.
- ⁷⁵ Е. Н. Студенецкая, Изобразительное искусство карачаевцев, стр. 369—370.
- ⁷⁶ В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 39—40; рис. 5, 7—9, 13, 5—9.
- ⁷⁷ Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 174—175.
- ⁷⁸ Абу-л-Фида, стр. 286—287.
- ⁷⁹ Там же; см. также: З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 35.
- ⁸⁰ В. И. Абаев, Об аланском субстрате, стр. 131; В. А. Кузнецов, Аланские племена.
- ⁸¹ Л. И. Лавров, Расселение сванов, стр. 341—342.
- ⁸² В. А. Кузнецов, Аланские племена, стр. 73, 87; его же, Археология и происхождение, стр. 4.
- ⁸³ З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 21.
- ⁸⁴ Ламберти, табл. III, карта; см. карту «Расселение этнических групп на Северо-Западном Кавказе в эпоху позднего средневековья» в данном издании.
- ⁸⁵ Вахушти, География Грузии, стр. 237.
- ⁸⁶ J. Potosky, Voyage, т. I, стр. 147—148, прим. Ю. Клапрота.
- ⁸⁷ И. Г. Гербер, Известие, стр. 32.

- ⁸⁸ Г. А. Кокиев, К вопросу о происхождении.
- ⁸⁹ J. Reineggs, Allgemeine historische-topographische Beschreibung, т. I, стр. 15.
- ⁹⁰ J. Potocky, Voyage, т. I, стр. 146—181. Комментируя это сообщение Потockого (на стр. 147—148), Ю. Клапрот указывает, что на Северо-Западном Кавказе еще одно племя носит название «аланы». Это племя обитало на истоках Убуха, притока верхнего течения Шагваши-Белой. По-видимому, здесь идет речь об убыхском племени алань, которое знал и Л. Люлье (Л. Люлье, Черкесия, стр. 14).
- ⁹¹ Г. А. Кокиев, К вопросу о происхождении.
- ⁹² См., например: В., Турецкое племя, стр. 392.
- ⁹³ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, стр. 115.
- ⁹⁴ З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, стр. 33—34; Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 22—23.
- ⁹⁵ В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 330.
- ⁹⁶ См.: В. Ф. Миллер, Осетинские этюды.
- ⁹⁷ Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 106—115.
- ⁹⁸ Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», стр. 50—51, 83—84.
- ⁹⁹ Н. А. Баскаков, Выступление на сессии в Нальчике, стр. 234—235.
- ¹⁰⁰ Л. И. Лавров, Происхождение балкарцев и карачаевцев, стр. 5; Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 32.
- ¹⁰¹ В. Ф. Каховский, Происхождение чувашского народа, стр. 285—286.
- ¹⁰² В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 329—330.
- ¹⁰³ С. Волин, К истории древнего Хорезма, стр. 196; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 407.
- ¹⁰⁴ С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 185.
- ¹⁰⁵ Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия, стр. 27.
- ¹⁰⁶ Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 151—152; его же, Выступление на сессии в Нальчике, стр. 232, 237, 238; Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 71—72, и др.
- ¹⁰⁷ Е. Н. Студенецкая, Изобразительное искусство карачаевцев, стр. 370.
- ¹⁰⁸ Е. Н. Студенецкая, Поселения и жилища карачаевцев, т. I, стр. 356.
- ¹⁰⁹ «Извлечения из сочинений арабских», стр. 25.
- ¹¹⁰ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 18—19.
- ¹¹¹ В. А. Кузнецов, О книге Е. П. Алексеевой, стр. 321; И. М. Мизиев, Средневековая материальная культура, стр. 14—17.
- ¹¹² В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия, стр. 154—158.
- ¹¹³ С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы, стр. 175, рис. 13а, 2; Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы, стр. 124—127, 130.
- ¹¹⁴ С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы, стр. 210; Н. В. Пяташева, Железная маска из Херсонеса, стр. 20. Некоторые авторы, например З. В. Анчабадзе, обращали внимание на то, что в грузинских письменных источниках XII—XIV вв., сообщающих о кипчаках, ничего не сказано о сходстве кипчаков с монголами. На этом основании делается вывод, что среди кипчаков не было монголоидов, а все они были европеоидами (З. В. Анчабадзе, Кипчаки Северного Кавказа, стр. 120). Анализ кипчаковских каменных баб и погребальных масок опровергает это положение.
- ¹¹⁵ В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 328.
- ¹¹⁶ В. П. Алексеев, Антропологический тип адыгов, стр. 217, 220.
- ¹¹⁷ В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 329.
- ¹¹⁸ [С. А. Белокуров], Материалы для русской истории, стр. 303, 318.
- ¹¹⁹ М. А. Полиевктов, Экономические и политические разведки, стр. 37—39.
- ¹²⁰ Е. Н. Кушева высказала предположение, что Ф. Елчин и П. Захарьев по пути в Мегрелию побывали у верхнекубанских карачаевцев («Народы Северного Кавказа», стр. 171). Доводы, приведенные Е. Н. Кушевой, не кажутся нам убедительными. Однако сам вопрос требует пристального внимания и пересмотра. Ф. Елчин и П. Захарьев в Карачаеву Кабарду попали из Алегукиной Кабарды, которая располагалась действительно на Малке и Баксане. Но дело осложняется тем, что как раз в 40-х годах XVII в. кабаки Алегуки и Хатажуки находились на «крымской», левобережной стороне Верхней Кубани, по соседству с бесленеевцами, абазинами и Малыми Ногаями («Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 208, 248—250 и др.). Если Ф. Елчин и П. Захарьев прошли в Карачаеву Кабарду через верхнекубанскую Алегукину Кабарду, то тогда следует признать, что они должны были попасть не к баксанским, а к верхнекубанским карачаевцам.
- ¹²¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 222.
- ¹²² Шарден, стр. 21—22.
- ¹²³ Ламберти, стр. 213; карта на табл. III.
- ¹²⁴ Так, например, шестидесятилетний старик Джанкезов в 1896 г. говорил, что карачаевцы пришли на Кубань 587 лет назад, т. е. в 1309 г. (В. М. Сысоев, Карачаев, стр. 137). Мы не можем, конечно, считать эту дату точной, как не можем принять версии, предлагаемые преданиями, о том, что карачаевцы пришли из Крыма, Кашгаре

и т. п. Для нас здесь важно то, что согласно устной народной традиции карачаевцы живут в Карачае многие столетия, а не являются недавними пришельцами.

¹²⁵ Слово «адыге» связывали с названием острова в Керченском проливе Атех-Ада, со словом «ант-антыхе» и другими терминами. См.: Дж. Кокков, Кабардинские географические названия, стр. 167—170. Л. Г. Лопатинский сопоставил название «адыге-азыхе» с названием «дзихи-зихи» (Л. Г. Лопатинский. Заметки о народе адыге, стр. 1). В настоящее время И. Х. Калмыков высказал предположение о том, что термин «адыга» происходит от адыгского названия солнца — «дыгъа», «а-дыгъа» — «дети солнца» (И. Х. Калмыков, К вопросу об адыгских этнических названиях).

¹²⁶ «Народы Кавказа», т. I, стр. 28.

¹²⁷ См.: Эвлия. Путешествия, т. II, стр. 170. Эти легенды приведены в трудах Дж. Потоцкого, Я. Рейнегса, К. Роммеля, П. Буткова и других авторов. Из последних публикаций см.: М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, стр. 27—28. В книге «Адыгея» имеется другой вариант этого предания. Согласно этому варианту, адыги ушли из Анатолии потому, что им запретили поклоняться их древним божествам — Тлепшу и Мезитхе — и навязывали ислам (У. Алиев, Б. Городецкий, С. Сиюхов, Адыгея, стр. 33). Это же предание приведено и у А. Намитока (А. Намиток, Происхождение черкесов, стр. 26—27).

¹²⁸ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. II, стр. 74; Эвлия. Путешествия, прим., стр. 170; А. Намиток, Происхождение черкесов, стр. 2, 26—28; П. Короленко, Записки о черкесах, стр. 303.

¹²⁹ К. Сталь, Этнографический очерк, стр. 66; Г. Мерцбахер, К этнографий, стр. 76—77; Ф., Черкесы, казаки и адыхе, стр. 864 и др.

¹³⁰ И. Г. Гербер, Господина полковника Гербера примечания, стр. 316. Г. З. Байер, И. Болтин и Н. М. Карамзин, а затем и Ф. также связывали касовых Константина и касогов Нестора с черкесами-черкасами, но под черкасами они понимали казаков (козаков), см.: Г. З. Байер, Краткое описание, стр. 47, 57, 58, 79, 93; И. Болтин, Примечания на историю, стр. 339; Н. М. Карамзин, История Государства Российского, стр. 393—396; Ф., Черкесы, казаки и адыхе, стр. 847—861. Подобную точку зрения справедливой критике подверг еще В. Н. Татищев (В. Н. Татищев, История Российская, т. I, стр. 202—203; т. II, стр. 49).

¹³¹ Гильденштедт, Путешествие, стр. 135

¹³² J. Reineggs, Allgemeine historische-topographische Beschreibung, ч. I, стр. 237, 238, 240; С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. II, стр. 42—45.

¹³³ J. Klaproth, Reise in den Kaukasus, т. II, стр. 557—558.

¹³⁴ Дюбуа де Монпере, Путешествие, стр. 16, 19.

¹³⁵ О том, что в формировании адыгов-черкесов могли принять участие выходцы из Аравии, Египта или Сирии, писали В. Н. Татищев, Дж. Потоцкий, И. Болтин, Я. Рейнегс, К. Роммель, С. Броневский, Ф. Брун, П. П. Короленко, кн. Хаджимуков (см. прим. 140, стр. 211).

¹³⁶ К. Главани, Описание Черкесии, стр. 160; И. Г. Гербер, Известие, стр. 32; М. М. Щербаков, История Российская, стр. 146; А. Ашик, Боспорское царство, стр. 15; П. П. Короленко, Записки о черкесах, стр. 302; его же, Синдия, стр. 242—246; Д. Иловайский, Разыскания о начале Руси, стр. 241; П. Услар, Древнейшие сказания, стр. 446; J. Morgan, Mission scientifique, стр. 277; А. Лаппо-Данилевский, Древности кургана Карагодеуаш, стр. 100; С. Rommel, Die Völker des Caucasus, стр. 40; П. Бутков, О имени «Козак», стр. 186.

¹³⁷ Ферран, Путешествие, стр. 50; И. Г. Георги, Описание, ч. II, стр. 54; Л. М. Меликсет-Беков, Pontica Transcaucasica Ethnica, стр. 174; К. Koch, Reise durch Russland, т. I, стр. 328; М. М. Щербаков, История Российская, т. I, стр. 467; А. И. Мусин-Пушкин, Историческое исследование, стр. XXIX. О возможности участия тюркских племен в адыгском этногенезе писали также В. Н. Татищев, Я. Рейнегс, М. Ведеников, П. Бутков, С. Броневский, Ф. и др. (см. ниже, прим. 140).

¹³⁸ См. прим. 140.

¹³⁹ Такое предположение высказывал Дюбуа де Монпере (о черкесском языке, а не о самом народе) и автор статьи «Черкесы, казаки и адыхе».

¹⁴⁰ Так, В. Н. Татищев считал, что род черкесских князей пришел из Египта, а язык черкесов смешанный — египетско-татарский (В. Н. Татищев, История Российская, т. I, стр. 234). По мнению Я. Рейнегса, предками черкесов являются выходцы из Египта, а также сираки, жившие на Ахардее, и татары (J. Reineggs, Allgemeine historische-topographische Beschreibung, ч. I, стр. 237, 238, 240). И. Потоцкий полагал, что предками черкесов является «народ не местный», «меоты-магог», покоренные впоследствии пришельцами из Аравии (J. Potocky, Voyage, т. I, стр. 156, 253). Как пишет К. Роммель, черкесы в основе своей являются древними жителями Кавказа, покоренными в XIV—XVI вв. мамлюками, выселившимися из Египта (С. Rommel, Die Völker des Kaukasus, стр. 40—41). П. Бутков считал, что черкесы первоначально жили в Папагии, а в Касахии жили абазины-касахи (П. Бутков, О имени «Козак», стр. 184—192). С. Броневский отмечал, что синды (синдры)

происходит от кимвров или фраков; кабары-кабардинцы — хазарское колено, зихи = цихи = джики (ядро адыгов) в XIX в. овладели землями синдров, лазов и керкетов. С. Броневский признает и аравийскую версию (С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. II, стр. 42, 45, 74). Согласно М. Веденикову, «кавказские горы суть остатки готфов, алан, гуннов, хазар, половцев и монголов или монголо-татар» (М. Ведеников, Взгляд на кавказских горцев, стр. 33). По мнению Дюбуа де Монпере, кроме меотов, зихов, синдов и керкетов предками черкесов были и савроматы (Дюбуа де Монпере, Путешествие, стр. 16, 19, 35). Ш. Б. Ногмов считал, что предками адыгов являются анты-антыхе-адыге, и копты, и арабы, переселившиеся на восточный берег Черного моря (Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 70—73, 81). Кн. Хаджимуков тоже писал, что предки адыгов — анты, а аристократия происходит из рода Шам из Сирии (кн. Хаджимуков, Народы, стр. 2, 4, 13). Ф. считал, что черкесы-касоги, они же берендеи и черные клобуки, — народ тюркского происхождения. Остатком их являются карачаевцы и балкарцы. Адыги же — отличный от черкесов народ, происходящий от кабаров, находившихся в Хазарской державе. Но кто такие кабары — восточные финны или готы (!) — неизвестно (Ф., Черкесы, казахи и адыге, стр. 847—864). По словам Ф. Бруна, черкесы принадлежали «к числу колен хазарских». Признает он и арабскую версию происхождения черкесов (Эвлия, Путешествия, стр. 2, 4, 13).

¹⁴¹ К. Сталь, Этнографический очерк, стр. 64; Л. Люлье, Черкесия, стр. 5, 13; А.-Д. Г., Очерк горских народов, стр. 288; Н. Каменев, Бассейн Псекупса; R. Egskert, Der Kaukasus, стр. 109, 110; J. Morgan, Mission scientifique, стр. 277, 279; Г. Мерцбахер, К этнографии, стр. 76—77.

¹⁴² «Kaukasische Völker», стр. 253—254.

¹⁴³ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 132, 161, 206 и др.

¹⁴⁴ Г. Вернадский, Древняя Россия, стр. 147—148.

¹⁴⁵ А. Намиток, Происхождение черкесов, стр. 4, 5, 100 и др.

¹⁴⁶ Sarkisyanz E., Geschichte der Orientalischen Völker, стр. 99—100.

¹⁴⁷ У сел. Преградного, на р. Большой Егорлык, найден каменный крест с высеченной на нем надписью. По мнению Г. Ф. Турчанинова, надпись сделана русскими буквами на кабардинском языке и датируется 1041 г. (Г. Ф. Турчанинов, Эпиграфические заметки, стр. 77—80).

¹⁴⁸ См.: Дж. Н. Коков, Кабардинские географические названия, стр. 170—174.

¹⁴⁹ Л. И. Лавров, Происхождение кабардинцев, стр. 23. Чтение преграденской надписи не признается также Б. А. Рыбаковым и другими авторитетными учеными.

¹⁵⁰ Там же, стр. 19—20.

¹⁵¹ В. Д. Блаватский, Киммерийский вопрос и Пантикапей, стр. 18; М. И. Артамонов, О происхождении боспорских Спартокидов, стр. 34, 35.

¹⁵² Н. Пяташева, Предисловие, стр. 6.

¹⁵³ Л. И. Лавров, О происхождении народов, стр. 206.

¹⁵⁴ Из новых работ по этому вопросу см.: А. П. Смирнов, Скифы, стр. 35; А. М. Лесков, Новое в древней истории юга, стр. 16; его же, Предскифский период, стр. 2—3.

¹⁵⁵ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 56—59; 109—136.

¹⁵⁶ Н. В. Анфимов, Сложение меотской культуры, стр. 40.

¹⁵⁷ Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ, стр. 106—107, 114. Впоследствии Н. Я. Марр отказался от этой теории (критику взглядов Н. Я. Марра см.: Л. И. Лавров, О происхождении народов, стр. 193—194).

Суждения Н. Я. Марра по вопросам адыгского этногенеза хаотичны и противоречивы. Данные археологических исследований никак не согласуются с утверждением Н. Я. Марра о существовании какого-то единого народа «п», населявшего южное и восточное побережье Черного моря и оставившего свой след в названиях «Синоп», «Майкоп», «Анапа», «Пантикапей», и тем более не имеют ничего общего с теорией Н. Я. Марра об универсальной «яфетической стадии» социального развития, якобы пережитой «языками всех других систем» (Н. Я. Марр, Термин «скиф», стр. 27, его же, О происхождении имени «Анапа», стр. 273; его же, Яфетические языки, стр. 290).

¹⁵⁸ У. Алиев, Б. Городецкий, С. Сиюхов, Адыгея, стр. 22, 25.

¹⁵⁹ И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнологические проблемы, стр. 47—48.

¹⁶⁰ «Всемирная история», т. I, стр. 379, 515; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 87—90, 97, 120—122. По существу, этой же точки зрения придерживается и Ш. Д. Инал-Ипа, хотя он допускает и другую возможность: древнеабхазские, адыгские и западногрузинские народности могли образоваться в результате исторического развития многочисленных родственных племен, занимавших кавказское Причерноморье (Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 81—87).

¹⁶¹ Е. С. Шакрыл, К вопросу об этногенезе, стр. 205—221.

¹⁶² Там же, стр. 221.

¹⁶³ Л. Н. Соловьев, Новый памятник, стр. 170—173; В. И. Марковин, Культура племен, стр. 28.

¹⁶⁴ См. указанные выше работы А. А. Формозова, В. И. Марковина, А. А. Иессена, а также гл. I и II настоящей работы.

¹⁶⁵ Г. А. Кокеев, Некоторые сведения, стр. 12.

¹⁶⁶ А. П. Смирнов, К вопросу о формировании, стр. 90; Е. И. Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 153—154, 170; Ю. С. Крушкoл, Археологические исследования, стр. 47—110, в частности стр. 106; ее же, К вопросу об этногенезе синдов, стр. 156—161.

¹⁶⁷ Н. В. Анфимов, Из прошлого Кубани, стр. 89—90.

¹⁶⁸ Н. В. Анфимов, Основные этапы, стр. 4.

¹⁶⁹ Н. В. Анфимов, Сложение меотской культуры, стр. 41.

¹⁷⁰ Н. В. Анфимов, Протомеотский могильник, стр. 103—126.

¹⁷¹ См. перечисленные выше работы Н. В. Анфимова, исследования П. А. Дитлера («Могильники в районе п. Колосовка») и Е. П. Алексеевой («Материальная культура черкесов»).

¹⁷² См. тезисы докладов Н. В. Анфимова на сессиях ИА и ИЭ АН СССР, посвященных итогам полевых исследований истекшего года: Археологические работы на Черноморском побережье; Меотские племена Прикубанья; Городища Закубанья (Адыген); Памятники зихов в районе сел. Ново-Михайловского.

¹⁷³ К. Ф. Смирнов, Новые данные по сарматской культуре, стр. 113—125; его же, О некоторых итогах исследования, стр. 151—160; П. А. Дитлер, Могильники в районе п. Колосовка, стр. 148, 150, 156.

¹⁷⁴ Е. П. Алексеева, Материальная культура черкесов, стр. 164—169.

¹⁷⁵ Там же, стр. 170—184.

¹⁷⁶ Е. П. Алексеева, Материальная культура черкесов, стр. 170—184, 195—212.

¹⁷⁷ Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы, стр. 257—258.

¹⁷⁸ В. П. Алексеев, Антропологический тип адыгов, стр. 220; см. также стр. 218—219.

¹⁷⁹ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 395.

¹⁸⁰ Л. И. Лавров, О происхождении народов, стр. 196—203; его же, Адыги в раннем средневековье, стр. 41—42, 54—55; его же, Формирование адыгской народности, стр. 66—69.

¹⁸¹ Л. И. Лавров, Адыги в раннем средневековье, стр. 41.

¹⁸² Там же, стр. 42—43.

¹⁸³ См., например: «Народы Кавказа», т. I, стр. 70.

¹⁸⁴ Л. И. Лавров, Адыги в раннем средневековье, стр. 42—43; Е. П. Алексеева, Социальные отношения, стр. 95—101.

¹⁸⁵ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 206; Н. А. Караулов 1-й, Сведения арабских географов, стр. 55.

¹⁸⁶ В. В. Латышев, Кавказские памятники, стр. 46, табл. 161; Г. Ф. Турчанинов, К чтению надписи, стр. 511—519; Л. И. Лавров, Происхождение кабардинцев, стр. 24.

¹⁸⁷ Е. И. Крупнов, Отчет о раскопках в Кабарде, стр. 349; Л. И. Лавров, Происхождение кабардинцев, стр. 24—25.

¹⁸⁸ Л. И. Лавров, Происхождение кабардинцев, стр. 26; О. В. Милорадович, Кабардинские курганы, стр. 348—356; Н. А. Шафиев, К вопросу о времени расселения, стр. 159—162.

¹⁸⁹ В произведениях авторов XIII в. и более поздних — арабских, персидских, монгольских, западноевропейских — адыги именуются черкесами — сергесут-серкесут (С. А. Козин, Сокровенное сказание, стр. 189); циркасы, черкисы, черкизы (у Плано Карпини, Рубрука, у арабских и персидских авторов в «Извлечениях из сочинений арабских» и «Извлечениях из сочинений персидских»). Русские летописи в самом начале XIV в. именуют адыгов «черкасами» (см., например: ПСРЛ, т. X, стр. 184). Зихами названы адыги у Г. Интериано и в генуэзских источниках XIII—XV вв.

¹⁹⁰ Е. П. Алексеева, Очерки по истории черкесов, стр. 16—28.

¹⁹¹ В. П. Алексеев, Антропологический тип адыгов, стр. 208, 209, 220.

¹⁹² В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 165—213.

¹⁹³ Г. Интериано. О быте и нравах, стр. 736—738. Под курганами адыг-черкесы хоронили своих умерших и в XVII в. (Жан де Люк, Описание, стр. 491).

¹⁹⁴ В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 169.

¹⁹⁵ В. П. Алексеев, Антропологический тип адыгов, стр. 209, 220.

¹⁹⁶ Выделение в закубанской группе двух подгрупп адыгских курганных могильников XIII—XV вв. произведено М. Л. Стрельченко (см.: М. Л. Стрельченко, Материальная культура, стр. 6—7).

¹⁹⁷ О. В. Милорадович, Кабардинские курганы, стр. 344, карта.

¹⁹⁸ Там же, стр. 351.

¹⁹⁹ В. Б. Антонович, Дневник раскопок, стр. 238 (один кувшин из кургана у ст. Прохладной); Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев, Бамутский курганный могильник, стр. 234, рис. 14 (три кувшина из Бамутского могильника Чечено-Ингушской АССР). Обломки глиняных сосудов найдены также в позднесредневековом адыгском грунтовом могильнике у сел. Заюкова в Кабардино-Балкарской АССР (Н. А. Шафиев, История и культура кабардинцев, стр. 52).

²⁰⁰ К ним относится могильник у Северного зеленчукского храма в Нижнем Архызе (каменные ящики с инвентарем XI—XIV вв.) и Ново-Кувинский могильник XIII—XIV вв. Костяки лежат на спине, головой на запад, руки скрещены на груди или на животе; лежат они в грунтовых ямах, обложенных булыжником или деревом. Наружные признаки — положенные плашмя песчаниковые плиты (Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 291—296; ее же, Кабардино-черкесские курганные могильники, стр. 305).

²⁰¹ Адыгские курганные могильники известны у ст. Преградной, Зеленчукской, хутора Ново-Исправненского, Исправной, Инжиччукуна, Эльбурмана, у сел. Коста Хетагуров, у Красногорской, Усть-Джегутинской, в низовьях и верховьях реки Байтал-Чапкан, в устье р. Карабеггонки, у аулов Жако и Бесленей и в других местах Карачаево-Черкесии (Т. М. Минаева, Кабардино-черкесские курганные могильники, стр. 287—305; ее же, Археологические памятники, стр. 287—295; Е. П. Алексеева, Очерки по истории черкесов, стр. 68—69).

²⁰² Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 65; ее же, Очерки по истории черкесов, стр. 69.

²⁰³ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 284—291; ее же, Кабардино-черкесские курганные могильники, стр. 289—295; ее же, Городище близ аула Кубины, стр. 172.

²⁰⁴ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 281—283; ее же, Кабардино-черкесские курганные могильники, стр. 290—294; 299—304.

²⁰⁵ Т. М. Минаева, Кабардино-черкесские курганные могильники, стр. 300.

²⁰⁶ Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 36, 65; ее же, Очерки по истории черкесов, стр. 68—69; ее же, Материальная культура черкесов, стр. 189—190.

²⁰⁷ Ср. с белореченскими («Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 114, рис. 9).

²⁰⁸ Эвлия, рук., стр. 713—714; 766—767.

²⁰⁹ Там же, стр. 756—757.

²¹⁰ Там же, стр. 758—759.

²¹¹ Там же, стр. 753.

²¹² «Русско-кабардинские отношения», т. I, стр. 208, 248—250 и др.

²¹³ «Донские дела», кн. IV, стр. 442.

²¹⁴ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 142.

²¹⁵ «Народы Кавказа», т. I, стр. 28.

²¹⁶ Г. Г. Сулава, Что понимали в древней Руси под названием «обезы», стр. 158.

²¹⁷ Г. П. Сердюченко, Язык абазин, стр. 17.

²¹⁸ К. Главани, Описание Черкесии, стр. 154; Гильденштедт, Дневник путешествия, стр. 122—144; И. Георги, Описание, ч. II, стр. 57; J. Potocky, Voyage, т. I, стр. 147, 227, 253; P. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise, т. I, стр. 328; C. Rothmel, Die Völker, стр. 35—36; М. Л. Меликсет-Бек, Pontica Transcaucasica Ethnica, стр. 170—172; П. Бутков, О имени «Козак», стр. 188; С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. I, стр. 323—326, 331 и др.; С. Koch, Reise durch Russland, стр. 321—322; М. Ведеников, Взгляд на кавказских горцев, стр. 35; Дюбуа де Монпери, Путешествие, стр. 35—36; Л. Люлье, Общий взгляд, стр. 11, 13, 15 и др.; А. Берже, Краткий обзор, Тифлис, 1858, стр. 9—10; 14; А.-Д. Г., Очерк горских народов, стр. 304—309; [Ф. Торнау], Воспоминания кавказского офицера, стр. 413—425; Н. Каменев, Бассейн Псекупса, стр. 19; Е. Вейденбаум, Путеводитель, стр. 84; Е. Д. Фелицын, Примечания, стр. 34; егo же, Черкесы-адыге и западнокавказские горцы; Г. Мерцбахер, К этнографии, стр. 94, и другие авторы. Библиографию по этому вопросу см. Л. И. Лавров, «Обезы» русских летописей, стр. 161; Г. П. Сердюченко, Язык абазин, стр. 10—17.

²¹⁹ По мнению одних, абазинны — аборигены северных склонов Кавказского хребта (Ю. Клапрот, Л. Лопатинский). Оба названных автора указывали на родство абхазцев и абазин (J. Klaroth, Sur les anciens, т. I, стр. 447, 450; Л. Лопатинский, Заметки, стр. 3—4). Другие считали абазин частью черкесского народа (П. Зубов, Картина Кавказского края, стр. 93, 110; [И. Барбаро], Путешествие в Тану Иософета Барбаро, стр. 121; К. Сталь, Этнографический очерк, стр. 75; E. Chantre, Recherches anthropologiques, т. IV, стр. 9, 10, 112; S. Sommier, Note volante sur Karacai, стр. 444). Высказывались предположения, что предки абхазцев и абазин принадлежали к числу сарматских племен (J. Morgan, Mission scientifique, стр. 227); III Б. Ногмов считал, что ясы-опсы-осы — не осетины, а абазинны (Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 112). По мнению А. Грена, абазинны происходят от

апишилов «Армянской географии VII в.», абхазы же — от «абхазов», названных в этом же источнике (А. Грен. Краткий очерк истории, стр. 38).

²²⁰ «Kaukasische Völker», стр. 253—254.

²²¹ А. Намиток, Происхождение черкесов, стр. 106—107, 142—143.

²²² Sargisyanz E., Geschichte der Orientalischen Völker, стр. 62, 101, 103.

²²³ Н. Я. Марр, О происхождении имени «Анапа», т. V, стр. 272—273; его же, Племенной состав Кавказа, стр. 44—45; его же, Яфетические языки, т. 1, стр. 304; Н. Ф. Яковлев, Краткий обзор, стр. 128; его же, Языки и народы Кавказа, стр. 13.

²²⁴ А. Н. Генко, Абазинский язык, стр. 7—9.

²²⁵ С. Басария, Абазинский аул, стр. 5, 15.

²²⁶ Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов, стр. 75, прим. 2.

²²⁷ К. В. Ломтатидзе, Ашхарский диалект, стр. 339.

²²⁸ Х. С. Бгажба, Бзыбский диалект, стр. 368.

²²⁹ З. А. Анчабадзе, Из истории, стр. 205—206, прим. 6; стр. 69.

²³⁰ Там же, стр. 69, прим. 2.

²³¹ Г. П. Сердюченко, Язык абазин, стр. 8—25, 32.

²³² Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 162—166; его же, О происхождении народов, стр. 194—196, 199, 205—207; его же, Адыги в раннем средневековье, стр. 39—41.

²³³ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 8; его же, Абазины,— в кн.: «Народы Кавказа», т. 1, стр. 232.

²³⁴ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 9; его же, Абазины,— в кн.: «Народы Кавказа», т. 1, стр. 232.

²³⁵ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 370, прим. 1; см. также стр. 47, 52.

²³⁶ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 9.

²³⁷ См. об этом: Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 369—370.

²³⁸ Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 163—164; Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 88—90, 93, 96—97.

²³⁹ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, карта № 3; Ш. Д. Инал-Ипа, Об этногенезе древнеабхазских племен, стр. 9.

²⁴⁰ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 6—16, стр. 19, карта.

²⁴¹ Аноним V в. н. э.; Прокопий Кесарийский, История войн, кн. II, стр. 221; см. также: В. В. Саханев, Раскопки на Северном Кавказе, стр. 168—171.

²⁴² Л. И. Лавров, Формирование адыгской народности, стр. 68.

²⁴³ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 69; Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 77.

²⁴⁴ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 93—96.

²⁴⁵ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 91—92.

²⁴⁶ Л. И. Лавров, К истории бжедуг и жанеевцев, стр. 247—250.

²⁴⁷ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 206; Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 97. Садзы, или, иначе, джигеты, относятся к числу абхазских племен. Однако в них было наречие «асадзипсуа», которое, по мнению Х. С. Бгажбы, представляет собой «абхазо-абазинский диалект» (Х. С. Бгажба, Бзыбский диалект, стр. 290). Л. И. Лавров отмечает, что в XIX в. садзы-джигеты говорили по-абазински (Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 163). Садзы-джигеты делились на восемь ветвей: псху, ахчипсоу, айба, цандрипш (от сан-дрипш, т. е. от санигов, по мнению Х. С. Бгажбы), Гечьба (Кеч), Аредба, Цвиджа, Бага (С. Басария, Абазинский аул, стр. 19). Связь северокавказских абазин с садзами-джигетами доказывается тем, что общество Баг есть как у абазин, так и у джигетов. Князья и общество Кеч существовали и у абазин и у джигетов, причем джигеты Кеч обитали на р. Кеч, притоке р. Мзымты (Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 163; его же, О происхождении народов, стр. 204). Таким образом, саниги через садзов-джигетов генетически связаны не только с абхазами, но и с абазинами.

²⁴⁸ Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 166; З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 206.

²⁴⁹ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 62—70, 210—219; Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 69.

²⁵⁰ Константин Багрянородный, Об управлении государством, стр. 21.

²⁵¹ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 114—115.

²⁵² Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 163.

²⁵³ Л. Люлье, Черкесия, стр. 9; А. Н. Генко, О языке убыхов, стр. 233—234, 237—238; Л. И. Лавров, О происхождении народов, стр. 204; З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 209.

²⁵⁴ Л. И. Лавров, «Обезы», стр. 163; С. Басария, Абазинский аул, стр. 19.

²⁵⁵ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 206.

²⁵⁶ Как справедливо отмечает Л. И. Лавров, утверждение К. В. Ломтатидзе о том, что «живущие на Северном Кавказе абхазские племена» (как она называет абазин) будто бы «себя называют апсуа», не соответствует действительности

(Л. И. Лавров, Абазин, стр. 6). Во избежание недоразумений укажем, что аул Апсуа, бывший Шахгиреевский, был назван так только в советское время.

²⁵⁷ Е. П. Алексеева, К вопросу происхождения абазин.

²⁵⁸ Г. К. Шамба, Позднеантичные погребения, стр. 265.

²⁵⁹ М. М. Трапш, Некоторые итоги археологического исследования; Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш, Археологические исследования в Абхазии, стр. 115—128, в частности стр. 119.

²⁶⁰ А. Н. Мелихов, Памятники эпохи бронзы, стр. 45—46, 52.

²⁶¹ Г. К. Шамба, Позднеантичные погребения, стр. 265.

²⁶² М. М. Трапш, Памятники апсило-абазгской культуры; его же, Некоторые итоги раскопок, стр. 258—277; его же, Раскопки некрополя «Ахьацарахва», стр. 120; Г. К. Шамба, Позднеантичные погребения, стр. 262—266; Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин, Погребение VI в. н. э.

²⁶³ М. М. Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 259.

²⁶⁴ Там же, стр. 275.

²⁶⁵ М. М. Трапш, Памятники апсило-абазгской культуры.

²⁶⁶ ОАК за 1897 г., стр. 2—11.

²⁶⁷ А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки, стр. 22; Е. Г. Кастанаян, Обряд тризны, стр. 128; В. А. Башилов, Курганы с трупосожжением, стр. 151—157; С. П. Толстов, Среднеазиатские скифы, стр. 28, 34, 35.

²⁶⁸ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 330; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 40, 280, 292, 382; Е. Г. Кастанаян, Обряд тризны, стр. 128 и др.; ее же, Грунтовые некрополи, стр. 260, 271—276; Г. А. Цветаева, Грунтовой некрополь, стр. 64, 75, 85; М. М. Кобылина, Фанагория, стр. 39; В. Д. Блаватский, Раскопки некрополя Фанагории, стр. 189—240; его же, Второй год работ Синдской экспедиции, стр. 149—155; Н. И. Соколовский, Раскопки в Кепях, стр. 83—91; Н. П. Сорокина, Раскопки некрополя в Кепях, стр. 98—106, и др. См. также: Д. Б. Шелов, Раскопки Танаиса, стр. 74—80; его же, Некрополь Танаиса, стр. 6, 83—84.

²⁶⁹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 292.

²⁷⁰ Некоторые данные об этих погребениях опубликованы в следующих работах: А. А. Миллер, Разведки на Черноморском побережье, стр. 86; Н. В. Анфимов, Памятники зихов; его же, Зихский могильник; Д. Е. Щеглов, О работе Геленджикского музея, стр. 278—279, 282—286; Г. Чайковский, Случайные находки, стр. 75—76; В. Сизов, Черноморское побережье, стр. 65—67, 73—77; В. В. Саханев, Раскопки, стр. 75—219; А. Л. Монгайт, Некоторые средневековые памятники, стр. 328—330; А. А. Дикаленко, Курганы, стр. 81—85; ОАК за 1894 г., стр. 13, 82—85; за 1895 г., стр. 28, 135—137. О курганных могильниках с кремацией X—XII вв. в окрестностях Геленджика и о подкурганных кремационных погребениях VIII—IX вв. на р. Жанэ см.: В. Б. Ковалевская, Ю. Н. Воронов, Ф. Е. Михайличенко, Исследования средневековых памятников, стр. 124. Данные о раскопках Н. В. Анфимова в 1952 г. в Новороссийске и о раскопках М. Л. Стрельченко в 1962 г. в Грушовой балке у Новороссийска не опубликованы (см.: Н. В. Анфимов, Отчет об археологических работах; М. Л. Стрельченко, Отчет о раскопках).

Подробнее о погребениях со следами трупосожжения Восточного Причерноморья и Закубанья см.: Е. П. Алексеева, Материальная культура черкесов, стр. 195—214; ее же, Очерки по истории черкесов, стр. 62—69; ее же, К вопросу о происхождении.

²⁷¹ К. Ф. Смирнов, О некоторых итогах, стр. 159.

²⁷² М. Л. Стрельченко, Вооружение адыгейских племен, стр. 140—143; Н. В. Анфимов, Тахтумукаевский могильник, стр. 197; П. А. Дитлер, Могильники, стр. 150—156. Материалы раскопок П. А. Дитлера в 1962 г. у Колосовки (бескурганный могильник) и у Баракаевской не опубликованы (см.: П. А. Дитлер, Отчет археологической экспедиции; его же, Отчет об археологических экспедициях).

²⁷³ А. П. Смирнов, К вопросу о формировании, стр. 84—85.

²⁷⁴ А. Л. Монгайт, Некоторые средневековые археологические памятники, стр. 326; см. также стр. 325, 327—328.

²⁷⁵ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 222, 285, 331; Л. Н. Гумилев, Алтайская ветвь тюрко-туго, стр. 107; его же, Хазарское погребение, стр. 55; А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргз, стр. 17, 66, 104; М. И. Артамонов, История хазар, стр. 101, 175; «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» и др.

²⁷⁶ С. Р. Станчев, Новый памятник, стр. 121.

²⁷⁷ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков, Ранние болгары на Волге, стр. 152.

²⁷⁸ С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы, стр. 172—182; Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники, стр. 120—123.

²⁷⁹ С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 100—103.

²⁸⁰ Ш. Д. Инал-Ипа даже указывает, что захоронение боевого коня рядом с покойником является одной из характерных черт погребального обряда древнеабхазских племен в первой половине I тысячелетия н. э. (Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 94). О погребениях с конем у оседлых народов, в частности в центре Грузии, см.: Е. И. Круликов, Древняя история, стр. 303.

²⁸¹ Это предположение впервые было сформулировано мною в 1959 г. (Е. П. Алексеева, Очерки по истории черкесов, стр. 17). В 1965 г. созвучное мнение высказал Г. К. Шамба (Г. К. Шамба, Позднеантичные погребения, стр. 265).

²⁸² Е. П. Алексеева, К вопросу о происхождении.

²⁸³ Возможно, абазинским является христианский Ново-Кувинский могильник XIII—XIV вв. (Е. П. Алексеева, О чем рассказывают археологические памятники?, стр. 38; Т. М. Минаева, Очерки по археологии, стр. 102). Впрочем, определение этнической принадлежности этого уникального памятника требует дальнейших исследований.

²⁸⁴ Ламберти, стр. 210—211; д'Асколи, стр. 105; Жан де Люк, стр. 488—489; Эвлия, рук., кн. II, стр. 98; Эвлия, Путешествие, стр. 174—180.

²⁸⁵ С. Герберштейн, Записки, стр. 160; Н. Витсен, Север и восток, стр. 554; Эвлия, рук., кн. II, стр. 98—102; Эвлия, Путешествие, стр. 182.

²⁸⁶ «Извлечения из сочинений персидских», стр. 123.

²⁸⁷ Там же, стр. 183.

²⁸⁸ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 9.

²⁸⁹ К. Сталь, Этнографический очерк, стр. 65.

²⁹⁰ Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов, стр. 32, карта.

²⁹¹ С. Басария, Абазинский аул, стр. 8—9.

²⁹² Там же, стр. 9.

²⁹³ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 4.

²⁹⁴ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 155.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 22.

²⁹⁷ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 155.

²⁹⁸ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 13—14.

²⁹⁹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 384.

³⁰⁰ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 13. Как замечает Е. Н. Кушева, Мамстрюк, отец Кайтуки и сын Темрюка, жил во второй половине XVI в., умер в первые годы XVII в. (Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 154).

³⁰¹ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 156—158.

³⁰² Эвлия, рук., стр. 756—757.

³⁰³ Там же, стр. 764.

³⁰⁴ Там же, стр. 764—766.

³⁰⁵ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 27.

³⁰⁶ Там же, стр. 27—31.

³⁰⁷ О происхождении термина «ногай» существуют различные точки зрения. В настоящее время в литературе имеют хождение два толкования. М. Г. Сафаргалиев полагает, что слово «ногай» происходит от монгольского слова «нохай» — «собака», которая считалась тотемом некоторых монгольских племен. Так называли другие народы сначала Едигея, а потом его улусных людей. Позднее так стали называть себя сами ногайцы, которые до этого именовались мангитами (М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 225—226). Другие исследователи считают, что ногайцы получили свое название от имени темника Ногай, в войске которого было много мангитов (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 84—100; «Очерки истории СССР», стр. 465; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, стр. 37; Б. А. Гарданов, Исторический очерк, стр. 77; Л. Н. Кушелева, Ногайцы, стр. 391 и др.).

³⁰⁸ Н. А. Баскаков, Ногайский язык, стр. 165; Л. Н. Кушелева, Ногайцы, стр. 391.

³⁰⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические типы, стр. 26.

³¹⁰ Эвлия, рук., кн. II, стр. 27—28; Ферран, Путешествие, стр. 44; Пейсонель, Исследование торговли, стр. 13, 14, 19; Гильденштедт, Путешествие, стр. 108—110; Георги, Описание, т. II, стр. 30; Л. Лопатинский, Заметки, стр. 4.

³¹¹ J. Potocky, Voyage, т. I, стр. 128; Fr. Bodenstedt, Die Völker des Kaukasus, стр. 333—363; [H. Vambery], Das Türkenvolk, стр. 563; J. Morgan, Mission scientifique, стр. 264; Н. Аристов, Заметки об этническом составе, стр. 402.

³¹² И. Болтин, Примечания, стр. XIX; С. Броневский полагал, что ногайцы больше, чем другие татары, связаны по происхождению с монголами (С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. II, стр. 226).

³¹³ H. Howorth, History of the Mongols, стр. 1011.

³¹⁴ К. Сталь, Этнографический очерк, стр. 69; Г. Перетяткович, Поволжье в XV и XVI вв., стр. 135.

³¹⁵ В. Н. Татищев причислял ногайцев к татарам, но указывал, что предки татар — мунгалы (В. Н. Татищев, История Российская, т. I, стр. 423). Ю. Клапрот считал, что ногайцы — татары, но отличаются большой монголоидностью (J. Klapproth, Reise in den Kaukasus, т. I, стр. 286). Монголо-татарской версии происхождения ногайцев придерживались и другие авторы (С. Rommel, Die Völker, стр. 50, 71; А. Архипов, Татарское племя на Кавказе, стр. 481; Н. Дубровин, История войны, стр. 260—261; И. Бентковский, Историко-статистическое обозрение, стр. 2; E. Chantre, Recherches anthropologiques, т. IV, стр. 240; С. Hann, Aus dem Kaukasus, стр. 43).

³¹⁶ А. И. Мусин-Пушкин считал, что ногайцы — татары, но произошли от смешения монголов, туркоманов, куман, скифов и сарматов (А. И. Мусин-Пушкин, Историческое исследование, стр. 61); П. Бутков полагал, что предками ногайцев являются кипчаки, которых «собрал» Едигей, происходивший из племени мангит (П. Бутков, О Ногае, стр. 291); Л. Люлье называл ногайцев «остатками монгольской орды кипчак» (Л. Люлье, Черкесия, стр. 10); о монгольско-кипчакском происхождении ногайцев писали А.-Д. Г. и Е. Вейденбаум (А.-Д. Г., Очерк горских народов, стр. 286; Е. Вейденбаум, Путеводитель, стр. 125).

³¹⁷ Н. Карамзин, История государства Российского, т. V, стр. 293; F. Chaptou, Expedition, стр. 99, 123, 165; K. Koch, Reise durch Russland, т. I, стр. 135—136; М. Ведеников, Взгляд на кавказских горцев, стр. 32; С. В. Фарфоровский, Ногайцы Ставропольской губернии, стр. 3—4; Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды, стр. 1, 2, 37. Из современных зарубежных авторов этой точки зрения придерживается Э. Саркисянц (E. Sarkisyanz, Geschichte der Orientalischen Völker, стр. 298).

³¹⁸ С. Е. Малов, Заметки о каракалпакском языке, стр. 44.

³¹⁹ Н. Ф. Яковлев, Языки и народы Кавказа, стр. 9.

³²⁰ И. Т. Мутенин, Исторические сведения, стр. 129.

³²¹ М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 3—18, 31—37, 209—214, 225—231, 267—274.

³²² Там же, стр. 225—226.

³²³ См. там же, а также: М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 35.

³²⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 299.

³²⁵ Б. А. Гарданов, Исторический очерк, т. I, стр. 77; Л. Н. Кужелева, Ногайцы, стр. 391.

³²⁶ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 100.

³²⁷ П. Бутков, О Ногае, стр. 291; В. Д. Смирнов, Крымское ханство, стр. 323, 334, 443, 715; А. А. Новосельский, Борьба Московского государства, стр. 390; Н. А. Баскаков, Ногайский язык, стр. 141.

³²⁸ По этому вопросу меня любезно проконсультировал сотрудник КЧНИИ, специально занимающийся ногайским фольклором, — А. И. Сикалиев. Пользуюсь случаем выразить ему благодарность.

³²⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 298.

³³⁰ Например, см.: «Документы 80—90-х годов XV в.», — сб. РИО, 41, стр. 81, 89, 93, 95, 167, 168. В связи с этим хочется исправить неточность М. Г. Сафаргалиева, который утверждает, что «до XVI в. термин „ногайцы“ был неизвестен» (М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 226).

О перемене названия «мангиты» на «ногаи» мы имеем сведения в несколько более позднем русском документе. В «Казанском летописце», составленном в XVI в., читаем: «И приидоша Нагаи, прежде реченные Мангиты» (ПСРЛ, XIX, стб. 8). Речь идет о событиях 80-х годов XV в. (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, стр. 298).

³³¹ Матвей Меховский, Трактат о двух Сарматиях, стр. 92—93.

³³² М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 226; F. Chaptou, Expedition, стр. 372.

³³³ Клавихо, Дневник путешествия, стр. 337—342, 360.

³³⁴ Некоторые библиографические данные по источникам. в частности русским, см.: М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 225—231, прим.

³³⁵ Как отмечалось выше, Едигей происходил из рода мангитов. По Абд ар-Раззаку, Едигей еще именовался «Едигей-монгол» (В. В. Бартольд, Отец Едигея, стр. 797—804, в частности стр. 793—800. В этой статье имеется также библиография по эпосу «Сказание об Едигее и Тохтамыш»).

³³⁶ По-видимому, в конце XV и в начале XVI в. группы ногайцев проникали в Предкавказье, в частности в Пятигорье. Так, в одном русском документе этого времени (1492) сказано, что «Орда... поочевала к Пятма Горам» (сб. РИО, т. 41, стр. 167). Правда, названия «ногайская» в данном случае перед словом «Орда» не стоит, но по тексту видно, что эта орда пришла из Заволжья, т. е. с территории Мангитского юрта, простиравшейся от Волги до Урала.

³³⁷ «Родословная князей, в том числе ногайских», стр. 130.

³³⁸ М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 225—229.

³³⁹ М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 35, прим. 2.

³⁴⁰ Там же, стр. 35. См. также: Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре, стр. 36—42, где более подробно разбирается вопрос о расселении ногайцев в XVI—XVII вв. на основании русских, западноевропейских и турецких источников.

³⁴¹ Н. Аристов, Заметки об этническом составе, стр. 378; М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 35.

³⁴² Л. Н. Кужелева следующим образом представляет процесс образования караногайцев. В XVI в. часть ногайцев Большой орды из кубов кипчак, найман и других во главе с ханами Уракой и Карасой переселились с Волги на западное побережье Каспийского моря, в район между южным рукавом дельты Терека, Сулаком и Аксаем. Под давлением кумыков территория ногайцев была ограничена землями в низовьях Терека и Сулака. После убийства их предводителя, хана Башик-Баз-Кашбулата (в конце XVII в.), среди ногайских мурз началась борьба за власть. Четыре ногайских куба — кипчак, найман, терик и аскаштамгалиев (аскаштамгалы) — не хотели признать власть мурз и откочевали на левый берег Терека в Моздокскую степь. Согласно преданию, этих откочевавших ногайцев прозвали «караногайцами», т. е. простыми ногайцами, не имевшими ни мурз, ни князей. «Кара» — по-ногайски значит не только «черный», но и «простой» (Л. Н. Кужелева, Ногайцы, стр. 196).

³⁴³ «Книга Большому Чертежу», стр. 88, 92.

³⁴⁴ Там же, стр. 140, 147.

³⁴⁵ Так, к Большому Ногаю относит эти подразделения И. Бентковский, основываясь на архивных документах (И. Бентковский, Ногайцы, стр. 5). Некоторые авторы, например Л. Н. Кужелева, относят джетысан (едисанцев) к Малому Ногаю (Л. Н. Кужелева, Ногайцы, стр. 195). Часто в источниках и исследованиях Едиганская орда считается самостоятельной единицей наряду с Большой и Малой Ногайскими ордами (см., например: Н. Дубровин, История, т. I, стр. 260).

³⁴⁶ Н. Дубровин, История, т. I, стр. 260—265; И. Бентковский, Ногайцы, стр. 2—8; М. Л. Кичиков (Овчиров), К истории образования.

³⁴⁷ См., например: С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. II, стр. 213, 322.

³⁴⁸ «Народы Кавказа», т. I, стр. 392—393.

³⁴⁹ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 142, прим. 236.

³⁵⁰ Т. М. Минаева, Археологические памятники, стр. 296—298; ее же, Города близ аула Кубины, стр. 174.

³⁵¹ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 142, прим. 236.

³⁵² «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 186—188.

³⁵³ Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре, стр. 35.

³⁵⁴ [С. А. Белокуров], Материалы для русской истории, стр. 305.

³⁵⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 208.

³⁵⁶ Там же, стр. 250.

³⁵⁷ «Донские дела», кн. III, стр. 366.

³⁵⁸ Там же, стр. 4, 179 и др.

³⁵⁹ «Акты исторические», т. IV, стр. 158. Ср.: «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 244—246, документ 1644 г.

³⁶⁰ Эвлия, рук., стр. 757—758. Ср.: «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 244, документ 1644 г.

³⁶¹ Эвлия, рук., стр. 760, 764—767. См. также: М. Л. Кичиков (Очиров), К истории образования, стр. 43—45; 50, 58, 60.

³⁶² «Архив внешней политики России», фонд «Ногайские дела», оп. 127/1, 1754 г., ед. хр. I. С копией этого документа меня любезно познакомила В. П. Невская. Надо полагать, этой выпиской пользовался и И. Бентковский (см.: И. Бентковский, Ногайцы, стр. 8).

³⁶³ Ад. Берже, Краткий обзор, стр. 24.

³⁶⁴ Гильденштедт, Дневник путешествия, стр. 109.

³⁶⁵ Н. А. Баскаков, Ногайский язык, стр. 132—135; 141—142.

³⁶⁶ По этим вопросам см. также наши работы, опубликованные в 1957 г.: «Очерки по экономике и культуре народов Черкесии», стр. 36—44, и ст. «Ногайцы», — в сб. «Народы Карачаево-Черкесии», стр. 121—146.

ГЛАВА VI

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В настоящей главе будут освещены вопросы экономики и общественной жизни народов Карачаево-Черкесии в период позднего средневековья, в той мере, в какой позволяют это сделать имеющиеся в нашем распоряжении весьма скудные источники. Адыги и абазины в изучаемую эпоху, как и много позднее, жили чересполосно, и у нас нет оснований полагать, что виды их хозяйства и формы общественного строя резко отличались. Поэтому считаем возможным рассматривать вопросы социально-экономической жизни этих двух народов в одном разделе. Хозяйство же и некоторые детали общественного строя карачаевцев и ногойцев отличались, поэтому им посвящены специальные разделы.

КАРАЧАЕВЦЫ

Основным занятием карачаевцев было скотоводство, главным образом овцеводство. На некоторых поселениях Карачая, поздние слои которых доходят до XIV в. включительно, найдены кости домашних животных — овцы, коровы, лошади и других, причем преобладают кости мелкого рогатого скота. Примером может служить Нижне-Архызское городище (см. гл. IV, стр. 112). Предания (в частности, о Карче) и сказки (например, об Аймуше) отражают большую роль овцеводства в хозяйстве карачаевцев¹. Немалую роль в хозяйстве играло коневодство. О значении коневодства свидетельствует тот факт, что в карачаевском языке существует очень много названий мастей лошадей². Будучи искусными скотоводами, карачаевцы вывели особые породы овец и лошадей. Е. И. Крупнов, основываясь на исследованиях специалистов по животноводству, отмечает, что карачаевская овца была выведена в результате позднейшей метизации местной овцы более мясной степной породой, карачаевская же лошадь по своему физическому типу была ближе всего к кабардинской, но представляла собой самостоятельную породу, образовавшуюся от породы лошадей монгольского корня³. Повидимому, и карачаевская овца, и карачаевская лошадь были выведены не предками карачаевцев, а самими карачаевцами уже в послемонгольское время. Возможно, именно этим объясняется монгольское происхождение лошадей карачаевской породы и наличие признаков метизации степной породой карачаевской овцы.

Породу карачаевского крупного рогатого скота называют горной⁴. По мнению специалистов-животноводов, на которых ссылается Е. И. Крупнов, высокогорная порода крупного рогатого скота принадлежит к древним, аборигенным⁵.

Популярными божествами у карачаевцев считались Аймуш — покровитель овец и Долай — покровитель крупного рогатого скота⁶.

Об организации скотоводства у карачаевцев мы можем судить по данным этнографии. Из-за недостатка сенокосных угодий и выгонов вблизи аулов скот с летних пастбищ — джайлыков — перекочевывал на зимние — кыштыки. В аулах зимовала только очень незначительная часть скота — дойные коровы, рабочие быки и лошади. Их кормили сеном, скошенным на небольших сенокосных участках вблизи аулов — биченликах⁷. На летние пастбища со скотом иногда уходили не только пастухи-мужчины, но и члены их семей, женщины и дети⁸. Таким образом, перед нами типичный пример полукочевого скотоводства в горной местности. Летом скот содержался на летних высокогорных пастбищах, а остальное время года — на зимних. Иногда часть населения уходила на летние пастбища в горы. Население было оседлым и занималось земледелием⁹.

Очевидно, такая же форма скотоводства существовала у карачаевцев и в период позднего средневековья, так как природные условия в горных районах (отсутствие пастбищ вблизи аулов), по-видимому, не позволяли содержать основную массу скота около аулов весной, осенью и зимой.

Вопрос о зимних пастбищах уже в период позднего средневековья стоял весьма остро. Необходимость искать зимние пастбища вызывала столкновения карачаевцев с абазинами и главным образом с кабардинцами, что и нашло отражение в преданиях. Как отмечает Е. Н. Кушева, необходимость пользоваться зимними пастбищами на равнине привела к установлению зависимости балкарцев и карачаевцев от кабардинских феодалов, причем установление этой зависимости прослеживается уже по русским документам XVII в.¹⁰.

Как подсобный промысел существовала охота — об этом пишет Ламберти¹¹. Обширный материал по этому вопросу можно найти в народных преданиях и сказках.

Археологические исследования истоков Кубани показали, что на территории Карачая, вплоть до самых высокогорных районов, сохранились следы земледельческой культуры. Камень с полям собран в кучи, повсюду видны бывшие хозяйственные участки, арыки разного назначения, главным образом оросительные. Видны остатки садов — одиночные яблони, груши, алыча и др. На склонах встречается рожь-многолетка¹². Таким образом, древние горцы, предки карачаевцев, несомненно занимались земледелием и садоводством (см. гл. IV).

Одним из элементов, принявших участие в формировании карачаевцев, как отмечалось, являются кипчаки. Кипчаки были кочевниками, но уже в XII в. некоторая часть их стала переходить к оседлому, земледельческому образу жизни. Кипчаки выращивали просо, ячмень (арпа), бобовые культуры, (горох-бурчук), дыни, арбузы, лук, чеснок, мак, в меньшей степени пшеницу. Все эти термины есть в «Кодексе Куманикус». В этом словаре имеется также термин «плуг» — «сабан» и «железный плуг» — «сабан-темир»¹³. Это название сохранилось в карачаевском наименовании пахотного участка «сабан» и железного лемеха плуга (кала-джука) «сабан-темир»¹⁴. Кипчакам известна была и соха — «сука»¹⁵.

Однако большая часть кипчаков, живших в степях, продолжала оставаться кочевниками, и, только поселившись в горах и слившись с местным, горским земледельческим населением, кипчацкие пришельцы стали оседлыми земледельцами.

Древнейшей сельскохозяйственной культурой карачаевцев был ячмень-арпа, который разводился еще кипчаками. О возделывании этого злака есть сведения и в карачаевских преданиях (о Боташе и нашествии Тимура)¹⁶.

Культура земледелия была довольно высокой. Чтобы использовать землю под посевы и сенокосы, карачаевцы должны были проделать колоссальную работу по очистке участков от камней. Камни складывали в кучи. Так, примерно к XVII—XVIII вв. относятся огромные каменные кучи на Бегеуловском коше в Уллу-Камском ущелье. Почву тщательно удобряли и орошали при помощи целой системы оросительных ручьев, следы которых сохранились и до настоящего времени.

В карачаевском пантеоне были земледельческие божества — Дауле, бог земли, и Эрирей, бог молотбы¹⁷.

В период позднего средневековья в ремесло у карачаевцев, очевидно, выделились только добыча руды и кузнечное дело. Все остальные виды производства носили домашний характер. Об изготовлении каких-либо изделий на обмен мы сведений не имеем. Впрочем, такие вещи, как бурки и киизы¹⁸, могли быть использованы и для обмена.

Железо добывалось в Карачае во многих местах, в частности в Кубанском ущелье, возле аула Карт-Джурт, где в балке Сес-Кол до сих пор видны следы старых выработок руды и куски шлака. Предания связывают эти разработки с Боташем. Кроме железа в Карачае добывались свинец и медь. Из железа изготавливались кольчуги, наконечники стрел, ножи и другие предметы, некоторые из них обнаружены в могильниках Карачая позднесредневекового времени (например, ножи в Карт-Джуртском могильнике). Изделиями местных металлистов и ювелиров являются медные наперстки и некоторые серебряные и медные украшения (например, серьги), найденные в карачаевских могильниках (см. гл. V).

Согласно преданиям, карачаевцы с давних времен особым способом добывали серу и умели изготавливать порох. О том, что порох умели делать сваны и их соседи (в числе которых упоминаются и карачоли), пишет Ламберти¹⁹.

Из дерева изготавливалась значительная часть орудий труда, например плуги (къяладжюк), предметы быта: столики, скамеечки, чашки, ложки и пр., а также гробы-колоды. Карачаевцы хорошо освоили плотничество. Строили не только монументальные рубленые дома, которые стояли столетиями, но и более сложные деревянные сооружения. Это нашло отражение в фольклоре. Так, согласно преданию, Карча построил мост через Баксан.

Как и у всех народов Северного Кавказа, изготовлением деревянных вещей и шорным делом у карачаевцев занимались мужчины, одежду же шили женщины. Обрывки шерстяной, холщовой и шелковой одежды находят в Карачае в пещерах на мумифицированных трупах, но ни покроя одежды, ни датировку по этим обрывкам пока установить невозможно.

Некоторое представление о характере карачаево-балкарского костюма дает находка в балкарском могильнике XII—XIII вв. Байрым у аула Верхний Чегем. Сохранился женский костюм из шелковых и шерстяных тканей: шаровары; рубашка покроя кимоно, застегивающаяся спереди до талии; платье с меховой вставкой на груди; войлочная, покрытая шерстяной материей пятигранная пирамидальная шапочка; чулки из тонкой кожи и сапоги из грубой свиной кожи²⁰. По своему покрою этот костюм напоминает тот, который был открыт В. Б. Антоновичем в одном из погребений в Дзвгисе (Северная Ос-

тия)²¹. Г. И. Ионе высказывает также предположение, что некоторыми чертами этот костюм напоминал одежду кипчаков XII—XIV вв.²².

Из шерсти изготавливались войлочные изделия — бурки и киизы. Подобные войлоки, отличавшиеся красивой расцветкой и отличным качеством, изготавливали еще кипчакские предки карачаево-балкарцев²³.

Внутреннего обмена у карачаевцев в период позднего средневековья, очевидно, не было. Но внешний обмен, по-видимому, существовал, хотя и в ограниченном объеме, так как через территорию Карачая проходили древние торговые пути, которые использовались и в эпоху позднего средневековья. По горным тропам, через Клухорский, Марухский, Санчарский и другие перевалы, иноземные купцы везли товары на ослах или на арбах, в которые впрягали волов, а позднее лошадей. Эти товары — шелковые ткани, оружие, в частности сабельные клинки, и другие — могли попадать и к местному карачаевскому населению, как в качестве пошлины, так и в обмен на скот, продукты сельского хозяйства, некоторые изделия домашнего производства, например из войлока.

Очевидно, одной из важных статей обмена были невольники — ясырь (по-карачаевски «джесир»), хотя точных данных по этому вопросу для интересующего нас периода мы не имеем.

В XIII—XV вв. торговлю с народами Северного Кавказа вели генуэзцы²⁴, и поэтому торговые пути, проходившие по этим местам, в литературе обычно называются «генуэзскими». Еще Н. Каменев высказал предположение, что торговый генуэзский путь начинался от Анапы, где сохранились следы древней дороги. От Анапы этот путь шел на Хабльскую, Саратовскую, Ханскую Царскую (Новосвободную) и Псеменовскую, затем на Кяфар, Большой Зеленчук, ниже древнего поселения, где сохранились два христианских храма и часовни, далее через р. Маруху на р. Теберду к Кубани и в Карачай, откуда одна ветвь направлялась через Главный хребет в Цебельду, а другая шла к Тереку и по Тереку — к побережью Каспийского моря. На этом пути, заявляет Н. Каменев, генуэзцы имели укрепленные фактории и складочные пункты²⁵. Существование указанного генуэзского торгового пути признавали и другие исследователи — дореволюционные и советские²⁶.

А. Н. Дьячков-Тарасов считал, что через Карачай проходил торговый путь из Маджара в Пицунду, который являлся частью «шелкового пути» из Хорезма в Закавказье. Торговля по этому отрезку пути, проходившему через Карачай, в XIII—XV вв. велась генуэзцами. Транзитным пунктом в Карачае была, по мнению А. Н. Дьячкова-Тарасова, Хумара, а восточнее Карачая — Рим-Гора. Некоторые подтверждения существования такого торгового пути А. Н. Дьячков-Тарасов видит на карте Франциско Пицигани 1368 г.²⁷.

Не отрицая возможности прохождения генуэзского торгового пути именно через указанные места, считаем необходимым еще раз заметить, что на Хумаринском и Рим-Горском городищах ни нами, ни другими исследователями позднесредневекового материала пока не обнаружено.

О торговых связях населения Карачая с генуэзцами косвенно говорят следующие факты. В 1828 г. М. Купфер близ Хумары видел у казака саблю с надписью «Геноа». А. Н. Дьячков-Тарасов в Карт-Джурте обнаружил саблю с генуэзской надписью, в Хурзуке — палаш генуэзского типа (родовая реликвия Боташевых)²⁸.

У карачаевцев существовали эпизодические торговые связи и с другими народами. На основании преданий и этнографического материала можно судить о существовании обмена с грузинами, в частности сва-

нами. Из Грузии (Имеретии и Сванетии) карачаевцы в обмен на скот, овечью шерсть, бурки, войлок получали ткани, железо, соль, фрукты и пр.²⁹.

Ламберти, говоря о сванетах (сванах) и соседних с ними народах, в том числе о карачолях, писал, что, «нуждаясь в различных мелочных товарах, они в начале года толпами отправляются в Грузию, нанимаются там на полевые работы и в мастерские, а после уборки хлеба возвращаются оттуда, взяв в уплату за труд не деньги, которые были бы для них бесполезны, а медные бляхи, котлы, железо, холсты, сукна, соль. Они не хотят получать деньги, потому что потом их опять пришлось бы употреблять на те же товары»³⁰. Таким образом, обмен был безденежным.

На территории Балкарии в позднесредневековых могильниках находят иногда вещи иноземного происхождения — шелковые ткани, самшитовые гребешки, украшения³¹.

Статейные списки Елчина и Захарьева показывают нам один из путей, по которым к балкарцам и карачаевцам могли поступать импортные вещи. Елчин, по словам Захарьева, «торговал» в Карачаевой Кабарде с мурзами карачаевскими и черкесскими, меняя сукно и другие ткани, ножи, зеркала и прочие вещи на золотые и серебряные сосуды, серьги, перстни, «кызылбаские абасы», да еще оставался в большом барыше³². Сукна и некоторые другие вещи местные мурзы получали от русских послов в качестве подарков³³.

Таким образом, хотя хозяйство карачаевцев в позднесредневековую эпоху было натуральным, эпизодический обмен с соседними народами, с иноземными купцами, попадавшими на территорию Карачая, все-таки имел место. Этому способствовало то, что через Карачай проходили важнейшие перевальные пути, связывавшие Предкавказье с Западным Закавказьем.

О характере карачаевских поселений и жилищ мы можем судить только по данным этнографии. Монументальные рубленые жилища карачаевцев были чрезвычайно долговечны, поэтому есть основания полагать, что наиболее древние деревянные постройки старейших карачаевских аулов — Карт-Джурта, Учкулана, Хурзука, Дуута — относятся ко времени более раннему, чем XVIII—XIX вв.

Карачаевское селение и жилища по этнографическим материалам описаны Е. Н. Студенецкой³⁴.

В XVIII — первой половине XIX в. карачаевские аулы делились на небольшие поселки — тийре (кварталы). В каждом тийре жили члены одного рода. Тийре имело свое кладбище. Тийре располагались на расстоянии одного-трех километров друг от друга и объединялись в три больших селения (эль): Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук.

Жилые и хозяйственные постройки с крытыми или открытыми дворами составляли единый, хотя и созданный разновремененно комплекс. Постройки карачаевцев (как и баксанских балкарцев) возводились из массивных бревен. Крыша засыпалась толстым (до метра) слоем земли и имела двускатную форму. Очаг с дымарем находился у передней стены. Для более раннего периода типичны очаги в виде открытого огня посередине помещения. В плане постройки были прямоугольные, но сохранились и более древние многоугольные бревенчатые дома, крыша которых подпиралась массивным столбом — багъана, или беджена. Очаг располагался посередине.

Е. Н. Студенецкая полагает, что многоугольные постройки происходят от кипчакских юрт. Термин «багъана» в словаре тюркских наречий Р. Радлова объясняется как шест, которым поднимают и подпирают

кошмы или верхний круг юрты при ее постройке. Позднее этот столб иногда ставился в юрте в качестве опорного. У карачаевцев багыана имел и культовое значение, что говорит о том, что он являлся древним элементом жилища.

Срубные жилища кипчаки переняли у русского населения, с которым им приходилось сталкиваться в южнорусских степях. Поселившись в горах, кипчаки уже были знакомы со строительством срубных деревянных построек, а обилие строевого леса делало возможным их сооружение и дальнейшее распространение. Сначала деревянные постройки напоминали по форме юрты, а затем постепенно видоизменялись³⁵.

Гипотеза Е. Н. Студенецкой о кипчакском происхождении деревянных срубов может иметь некоторые основания. Действительно, такая форма жилища характерна только для карачаевцев и баксанских балкарцев. У других народов Северного Кавказа жилища были либо каменные, либо турлучные.

И в более ранние периоды (см. гл. IV, стр. 128) жилища в виде сруба для Северного Кавказа, в том числе и для территории Карачая и Балкарии, не характерны.

Однако балкарцы Чегемского и Черекского ущелий не восприняли кипчакских традиций в строительном деле. У них жилища каменные. Это можно объяснить, видимо, тем, что для черекских и чегемских балкарцев более сильными оказались традиции кавказской подосновы карачаево-балкарской народности. Могло также проявиться и позднее влияние соседей — осетин, которые тоже возводили свои постройки из камня.

Итак, в период позднего средневековья карачаевцы занимались скотоводством и земледелием, основные виды производства у них были домашние, в ремесло могли выделиться только добыча и обработка металла. Городов не было, хозяйство было натуральным. Однако говорить о полном отсутствии обмена мы не можем, так как через территорию Карачая проходили древнейшие торговые пути, которые использовались и в период позднего средневековья.

Вопрос о социальных отношениях у карачаевцев в интересующую нас эпоху решить довольно трудно, так как нет почти никаких источников. В некоторых работах дореволюционных и даже советских исследователей общественный строй карачаевцев представлялся как родовой³⁶. Работами Е. Н. Студенецкой и В. П. Невской убедительно доказано, что к началу XIX в. феодальные отношения у карачаевцев, несомненно, существовали, хотя развитие их тормозилось наличием сильной общины³⁷. Х. О. Лайпанов считает, что в XV—XVII вв. карачаевские и балкарские общества находились на стадии разложения родового строя и становления феодальных отношений³⁸. В Балкарии в XVI—XVII вв. шел процесс разложения родовых устоев и укрепления новых, феодальных порядков³⁹. Е. Н. Кушева утверждает, что «источники XVII—XVIII вв. не оставляют сомнения в том, что в это время феодальные отношения в Балкарии и Карачае уже имели место»⁴⁰.

Изучение ретроспективных источников и преданий позволяет заключить, что в позднесредневековую эпоху, как и много позднее, основой общественной жизни карачаевцев была соседская община⁴¹, в которой, однако, сохранились сильные пережитки общины родовой.

Предание гласит, что родоначальниками четырех карачаевских родов были товарищи Карчи — Будиян, Науруз, Адурхай и Трам. Затем к ним присоединились Хубия, Крымшамхал и кабардинские заложники Тохчук и Тамбий⁴². Позднее образовались другие роды. Роды делились на тукумы и атаулы⁴³.

Родовая солидарность была очень сильна. Всякий обязан был защищать интересы своего сородича, оказывать помощь в беде, в работе, при неурожае и т. п. Карачаевцы селились родовыми кварталами — тийре. На свадьбу и похороны собирались все члены рода. Покойников хоронили на родовых кладбищах. Старики в каждом роде являлись судьями и ведали всеми вопросами жизни рода. Род был строго экзогамным. Имелись случаи, когда в какой-либо род принимались члены другого рода. Из Сванетии, Мингрелии, Абхазии, Дагестана и Кабарды в Карачай стекались беглецы, в том числе рабы, иногда со своими семьями. Согласно преданиям, особенно много пришельцев было в период образования аулов Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук (XVI—XVII вв., а может быть, и несколько раньше)⁴⁴.

Скот первоначально находился в родовой собственности. Существовали родовые тамги на скот — Наурузовых (два варианта), Будиянов. Адурхаев и Трамов⁴⁵.

Очень сложен вопрос о землевладении и землепользовании. С одной стороны, очень долго сохранялось общинное и даже родовое владение землей, с другой — в силу природных условий довольно рано появилась подворная собственность на некоторые участки земли.

Согласно преданию, карачаевцы, придя в долину Кубани, нашли ее пустынной. Земель, годных для распашки и сенокоса, было немного. По одним рассказам, землю занимали роды — кому, где и сколько хотелось занять ее, с условием не стеснять ближайшего соседа. По другим данным, удобная земля в долине Кубани, ближайшая к поселениям, была разделена пришельцами в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей каждой семьи⁴⁶. Таким образом, если первый вариант предания отражает родовое владение землей, то второй говорит о пользовании землей отдельными семьями, т. е. о существовании соседской общины, в которой каждой семье наделяются определенные участки.

Родовая собственность на некоторые участки земли сохранялась у карачаевцев очень долго. Так, даже в конце XIX — начале XX в. зимние пастбища — таукишлыки — считались принадлежащими целому роду и использовались всеми членами его. Фактически, конечно, пастбища использовались далеко не в равной степени, так как количество скота в семьях одного рода было весьма различным⁴⁷.

Однако основной массив пахотных земель находился во владении соседской общины. Когда произошел переход от родовой общины к соседской, точно сказать трудно. Х. О. Лайпанов считает, что это произошло только в XVI в.⁴⁸. Судя по преданию о заселении карачаевцами Кубанской долины, возникновение соседской общины можно отнести и к более раннему времени (вспомним, что, по преданию, карачаевцы живут в Большом Карачае, т. е. в Кубанском ущелье, около 600 лет).

С периодом заселения карачаевцами долины Кубани связано еще одно предание, свидетельствующее о существовании общинного владения землей. В предании говорится, что народ, соблазненный рассказами Боташа, переселился на открытые Боташем земли в долину Кубани. Впоследствии Боташ вздумал завладеть этими землями. За это он был убит по приговору общины; оставшиеся после его смерти 12 сыновей переселились в Балкарию. Спустя некоторое время двое сыновей Боташа возвратились в свою общину, были приняты, наделены земельными участками наравне с прочими членами общины. Более того, для сыновей Боташа общинниками была проведена оросительная канава⁴⁹. Такой порядок свидетельствует об общинном праве владения землей. Правда, здесь неясно, какая это была община — родовая или сосед-

ская. Однако тот факт, что сыновья Боташа не стали пользоваться землей коллективно, вместе с другими членами общины, а были наделены индивидуальными участками, говорит скорее о том, что данная община была уже соседской, а не родовой.

Но наряду с общинным землевладением в Карачае очень рано возникла и семейно-индивидуальная собственность на отдельные участки земли. Подобная собственность создавалась в результате трудовой заимки и индивидуального труда семьи по ежегодной очистке участков. Если какая-либо семья очищала от камней участок земли, ранее непригодный для земледелия, этот участок становился собственностью данной семьи. «Поколение за поколением трудились на каменистых, сухих склонах, очищая террасы от камней и проводя к ним оросительные канавки»⁵⁰. Следы этих террасок и канав сохранились в Карачае и до настоящего времени.

Мы не можем сказать точно, когда появилась собственность на расчищенные таким образом участки земли, но надо думать, что в период позднего средневековья она уже существовала, так как природные условия в Карачае тогда были те же и земли, удобной для земледелия, было мало. Нехватка земли в связи с ростом населения чувствовалась настолько остро, что даже независимо от социальных различий в землевладении и землепользовании это должно было порождать необходимость очищать от камней неудобные участки земли. Изменения же в землевладении и землепользовании, вызванные социальными причинами (захват земли княжескими фамилиями), еще более обостряли эту необходимость.

Как и у всех народов Северного Кавказа, у карачаевцев сохранилось куначество, гостеприимство, взаимопомощь, уважение к старшим и другие обычаи, корни которых уходят в патриархально-родовой строй. Существовало аталычество и суд, который решал по адатам важнейшие дела.

В отношении кровной мести нужно сказать следующее. Выше мы приводили предание о возвращении детей Боташа в свою общину. Известно, что оросительные канавы находились в Карачае в общем пользовании. Оросительная же канава, проведенная для сыновей Боташа, стала их собственностью. Она называлась кан-илипин (кан — «кровь», илипин — «канава»), т. е. канава, проведенная за кровь. Таким образом, эта канава была выкупом за убийство, платой детям Боташа за кровь отца. Значит, уже в то далекое время кровная месть могла быть заменена выкупом. За убийство мстили кровью в редких случаях, когда убийца не мог заплатить выкуп или родственники убитого отказывались принять выкуп. Причем в этом случае родственники убитого убивали только убийцу, а не любого члена рода убийцы⁵¹. Примирение враждующих родов возможно было в случае усыновления (усыновляемый прикасался губами к груди матери семейства) или в случае если кто-либо из рода убийцы брал на воспитание ребенка из рода убитого. Так, по преданию, Давлет из рода Хубтиевых взял на воспитание одного из малолетних Хубиевых и тем положил конец кровавой вражде⁵².

Все сказанное отнюдь не означает, что карачаевцы в период позднего средневековья жили родовым строем и у них не было никаких признаков становления классовых, феодальных отношений. Вспомним, что феодальные отношения были и у алан, и у кипчаков, которые приняли участие в формировании карачаево-балкарской народности. В главе IV мы говорили, что на территории Алании, куда входили и верховья Кубани, существовало раннефеодальное образование с чертами госу-

Кипчакское общество XII—XIV вв. также было раннефеодальным. В «Кодексе Куманикус» имеются такие термины, как «князь» (тур. — бий, бей; лат.— барон; перс.— эмир), «домашние рабы», «раб» (кул), «рабыня» (карауаш) и др.⁵³, свидетельствующие о существовании в кипчакском обществе антагонистических классов.

Но чем же объяснить, что у предков карачаевцев были феодальные отношения, причем даже с чертами государственности, а у самих карачаевцев в период позднего средневековья феодальные отношения были менее развиты? На наш взгляд, объяснение может быть только одно, которое мы уже предлагали. Основным компонентом, участвовавшим в формировании карачаево-балкарской народности, были не аланы или кипчаки, а **местные, горские племена**. А у этих племен даже в период существования Алании общинные отношения были очень сильны. Феодализационные процессы в высокогорных районах Алании, находившихся в стороне от торговых путей, были весьма замедленны (см. гл. IV). Вот это-то основное ядро формирования карачаево-балкарской народности, явившееся хранителем многих устоев патриархально-общинных отношений, и определило характер общественного строя карачаевцев и балкарцев на более поздних этапах его исторического развития, в частности и в особенности в начальный период эпохи позднего средневековья (XIV—XV вв.).

Но уже в тот период, если основываться на данных преданий, в карачаевском обществе существовали элементы, характерные для феодальных отношений.

В карачаевских преданиях о брачных связях со сванами, о Карче и других упоминаются знатные фамилии. Эти знатные фамилии, в частности Крымшамхаловы, постепенно захватывали лучшие участки общинных земель. В преданиях также говорится о том, что всякие споры и недоразумения разрешались стариками, происходящими из среды «родоначальников», т. е. из этих знатных семей. И естественно, что эти старики, защищая свои интересы, создали обычай о наследовании занятых земель. В собственность знатных фамилий переходили прежде всего пахотные и покосные земли, пастбища же оставались общими⁵⁴. Предания глухо говорят о том, что уже во времена Карчи какая-то часть скота находилась во владении «влиятельных членов общины», так как всегда нужно было иметь какое-то количество скота для уплаты дани⁵⁵. Возможно, что уже в то время существовали фамильные тавро для клеймения скота (например, тавро Крымшамхаловых), хотя точных данных о времени появления фамильных тамг в Карачае у нас нет.

У карачаевцев есть много рассказов и песен о нападении на них враждебных племен с целью увода скота и пленников. По преданиям, карачаевцы держали стражу на всех горных проходах; стражники заблаговременно извещали жители селений и пастухов о приближающейся опасности. Обязанность защищать свою землю и дома лежала на всех без исключения карачаевцах. Во главе карачаевских отрядов, создававшихся для защиты от нападений врагов или для набегов, стояли опытные люди, знающие дороги, превосходящие других в смелости и отваге. За это они получали большую долю добычи, и в их руках сосредоточивалась власть. Так появлялись наиболее влиятельные члены общества⁵⁶.

Письменные источники XVII в. уже говорят и об эксплуататорах и об эксплуатируемых.

Карачаевские и балкарские князья (бии) в русских документах XVII в. именуются мурзами, иногда князьями и владельцами. Упоми-

наются и зависимые от этих мурз крестьяне — «ясачные мужики». Эти термины мы встречаем в русском документе 1629 г. (отписка воеводы Дашкова)⁵⁷, в статейных списках Ф. Елчина и Н. Захарьева (1639—1640), Толочанова и Иевлева⁵⁸.

В статейном списке Ф. Елчина и Н. Захарьева, как уже отмечалось, рассказывается о том, что Федот Елчин пировал у карачаевских мурз, братьев Ельбуздуки и Галистана, выменивая у них различные вещи. Х. О. Лайпанов полагает, что Ельбуздука и Галистан принадлежали к фамилии князей Крымшамхаловых. Имя Галистан встречается в карачаевских сказаниях⁵⁹.

Категории дворян не княжеского происхождения у карачаевцев не было.

Основную массу населения составляли свободные крестьяне-общинники, которые по-карачаевски назывались «уздени». Термин «езден» имеется в «Кодексе Куманикус» в том же значении, как и карачаевец⁶⁰. Следует, кстати, заметить, что термин «узден», означающий у карачаевцев свободного крестьянина, нельзя путать с тюркским термином «узденъ» русских документов, относящихся к адыгам. Там этим термином обозначались адыгские дворяне, о чем будет речь ниже.

Какие-то крестьяне уже закрепощались, очевидно, те, которые в русском документе 1629 г. именовались «ясачными мужиками». О том, что у карачаевцев и балкарцев уже в тот период были феодалы-землевладельцы и зависимые от них крестьяне, мы можем судить по более поздним источникам.

Так, грузинский автор XVIII в. Вахушти писал, что в Басиани (Балкарии) были помещики и крепостные крестьяне. Для XVIII в. такое положение было обычным, следовательно, полагает Т. Х. Кумыков, эти отношения сложились еще до XVIII в.⁶¹

Документы XIX в. говорят о том, что крепостные крестьяне у балкарцев несли повинности уже «20 колен», т. е. в течение многих столетий⁶².

Повинности крестьян определялись обычным правом. Денежной ренты не было, формы натуральной и отработочной ренты часто были завуалированы патриархально-родовыми пережитками. Об одном из видов повинностей — доставке феодалам хлеба с равнины в горы — сведения содержатся в документе 1629 г. — уже упомянутой выше отписке Дашкова. По источникам XVIII в., балкарцы и карачаевцы несли повинности не только в пользу своих господ, но и в пользу кабардинских феодалов — им они давали по одной овце с семейства в год⁶³.

Кроме крепостных и закрепощаемых крестьян (по-карачаевски — юльгюлю-кул) существовала еще более бесправная категория рабов-кулов (башсыз-кул). Рабы были в основном из иноплеменников, захваченных в плен или купленных⁶⁴. Кроме того, к карачаевцам из различных мест бежали люди, часть которых женилась на рабынях — карауаш — и становилась кулами⁶⁵. Кулов было немного⁶⁶, и они использовались как домашние рабы, недаром в «Кодексе Куманикус» они названы *andägięrci* (латинский перевод *fatulu*), что значит «домашние рабы»⁶⁷.

Перечисленные выше термины — «бии», «уздени», «каракиши» (черный узденъ, чернь), «карауаш», «кулы» — сохранились в карачаевском фольклоре. Верхушка называлась аксюек — «белая кость»; крестьянская масса — карахалк — «черная кость», «черный народ»⁶⁸. В карачаевском и балкарском фольклоре получили отражение не только социальное неравенство, но и социальная борьба. Так, в песне о Бек-Болате

рассказывается, как Бек-Болат, защищая народ, вступил в единоборство с князьями⁶⁹.

Итак, в период позднего средневековья в карачаево-балкарском обществе складывались отношения, характерные для периода раннего феодализма.

АДЫГИ И АБАЗИНЫ

Некоторые данные о хозяйстве адыгов и абазин мы имеем в письменных источниках. Так, позднесредневековые авторы сообщают, что черкесы и абазины разводили овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот, свиней и домашнюю птицу (кур), имели собак⁷⁰.

В курганных могильниках иногда находят кости и рога домашних животных. Так, рог быка обнаружен в одном из курганов у аула Жако. Косвенным свидетельством развития овцеводства является обычай класть в женские погребения ножницы для стрижки овец. Такие ножницы найдены в подкурганных женских захоронениях Бесленеевского, Жаковского и других курганных могильников Карачаево-Черкесии. В курганном могильнике в верховьях речки Байтал-Чапкан, а также в бескурганном Ново-Кувинском могильнике найдена скорлупа куриных яиц.

Кони ценились очень дорого. Коней разводила знать. Как пишет Г. Интериано, «в нем [коне] в особенности состояла их роскошь. Часто они готовы отдать все свое имущество за коня, который им приглянется; и нет у них вещи драгоценнее хорошего коня»⁷¹. За лошадьми был особенно тщательный уход. Использовались они для верховой езды. Тягловой силой были быки и, возможно, ослы.

Скот и продукты скотоводства часто предназначались для обмена. По количеству голов скота определялось богатство. Скот входил в состав калыма и служил для выкупа пленных. Приветствия сопровождались вопросом о здоровье скота⁷².

Важнейшими божествами у адыгов считались Зейгут (покровитель коней и наездников), Емиш (покровитель овец), Ахин (покровитель рогатого скота), Хакусташ (покровитель пахотных волов)⁷³.

Скотоводство у адыгов и абазин было отгонным. По этнографическим материалам известно, что с мая, как только начиналась жара и появлялись мухи и слепни, скот угоняли в горы. К сентябрю стада спускались с гор на равнины, где они паслись до первого снега (до ноября). После ноября скот размещали по зимним хуторам и кошам и кормили сеном. В марте и апреле его пасли на просторных юртовских (аульных) землях вокруг аула⁷⁴. Таким образом, на дальние зимние пастбища скот не отгонялся, и содержание скота на подножном корму сочеталось со стойловым содержанием и кормлением сеном. По-видимому, таков же был характер скотоводства и в период позднего средневековья. Юртовские, т. е. околааульные, земли в предгорьях, где размещались адыги и абазины, в то время были не менее обширны, чем в XVIII и XIX вв., и поэтому в дальних зимних пастбищах не было необходимости. Сенокосение в XVII в. адыги знали — об этом прямо говорит Тавернье⁷⁵. Ш. Б. Ногмов сообщает, что август у адыгов назывался «сенокосный месяц» (макоого маза)⁷⁶.

Известно, что адыги и абазины довольно часто меняли места жительства, переноса аулы с места на место. Многие исследователи объясняют такую «подвижность» потребностями скотоводства⁷⁷. Эта точка зрения не лишена оснований. Однако мы в одной из наших работ пытались показать, что подобная «подвижность» отнюдь не была обусловлена нуждами скотоводства (коневодства или овцеводства)⁷⁸. Коневод-

ство вовсе не требует перегона лошадей с места на место. Что касается овцеводства, то у карачаевцев, например, оно было развито не менее, чем у адыгов и абазин, но карачаевские аулы прочно оставались на своих местах в течение нескольких столетий.

Можно допустить, что в некоторых случаях переселения вызваны потребностями переложного земледелия (см. ниже). Но в основном причины переселения были политического порядка: стремление найти место, защищенное от нападения внешнего врага; распри между князьями, вследствие которых один или несколько князей, потерпевших поражение в борьбе со своими соперниками или просто не желавших жить в соседстве с враждебными князьями, забирали своих подданных и уходили на новые места жительства⁷⁹, тем более что в предгорной полосе тогда еще были свободные земли — «было куда переселяться». Переселения происходили не в определенные времена года (как это бывает при перемещениях, связанных с потребностями скотоводства), а раз в несколько лет, причем без соблюдения какой-либо регулярности.

Судя по сообщениям позднесредневековых авторов, значительную роль в хозяйстве адыгов и абазин играло пчеловодство и сбор меда диких пчел⁸⁰. Мед и различные напитки из него составляли необходимую принадлежность праздничного стола⁸¹. Мед и воск шли на обмен⁸². Полагают, что именно в период позднего средневековья бортничество пчеловодство уступило место сапеточному. Впрочем, в некоторых местностях это могло произойти и раньше⁸³. В пантеоне местного населения были особые божества — покровители пчеловодства. Так, у адыгов покровительницей пчеловодства считалась Мерием.

Рыболовство в тот период было развито в основном в приморских районах. О широком развитии его на территории Карачаево-Черкесии мы данных не имеем.

Охота как подсобный промысел существовала у адыгов и абазин и в интересующее нас время. Мясо многих животных употреблялось в пищу, из кости и рога изготовлялись различные изделия (некоторые из них находят в курганных могильниках), из шкур и кож шили одежду и головные уборы. Шкуры и кожи диких животных шли на вывоз. Охота также являлась видом спорта и развлечением для знати⁸⁴.

В горах охотились на оленей, кабанов, медведей, джейранов, туров, куниц и других зверей; на куропадок, фазанов; в заболоченных местах — на диких уток и гусей. Об охоте у адыгов и абазин имеются данные во многих позднесредневековых источниках⁸⁵. В курганах (в частности, у Бесленея и Жако) были обнаружены раздвоенные наконечники стрел, которые считаются охотничьими, клыки кабанов, соколиные костяки (в Пятигорье).

По поверьям, охотникам помогали охотничьи божества — Мезитх, или Мезитха, у адыгов, Абсат — у абазин.

Некоторое представление о земледелии у адыгов и абазин в позднесредневековую эпоху дают археологические находки на поселениях и в погребениях Восточного Причерноморья и отчасти Закубанья. Там нередко встречаются железные земледельческие орудия: лемехи, мотыги, серпы, топоры для подсечного земледелия и др.⁸⁶. В более восточных районах Закубанья, в частности на территории Карачаево-Черкесии, а также в Пятигорье и Кабарде земледельческие орудия в курганных могильниках не попадают. Но это не значит, что черкесы верховьев Кубани и кабардинцы земледелием не занимались. Отсутствие земледельческих орудий при погребенных объясняется, очевидно, особенностями погребального обряда, по которому подобные орудия класть в могилу не полагалось.

По сообщению позднесредневековых авторов, черкесы, абазинны и кабардинцы разводили просо, которое являлось главной зерновой культурой, сеяли ячмень, рожь. О разведении пшеницы мы сведений не имеем. Выращивались также фасоль, горох⁸⁷.

Земледелие было пахотным. Кроме железных плужных лемехов и сошников (типа обнаруженных в Восточном Причерноморье и в Закубанье), очевидно, использовались и деревянные пахотные орудия без железных частей, которые до нас не дошли. Н. Витсен сообщает о празднике первой пахоты⁸⁸. Судя по сообщению Интериано, пахота велась на быках⁸⁹. Зерно мололи на ручных каменных мельницах⁹⁰. Для обрушивания проса существовали специальные просорушки типа тех, которые находят, например, в верховьях Кубани (см. гл. IV). Из просяной, ячменной и, очевидно, ржаной муки пекли хлеб. Из обрушенного проса изготовляли пасту и хмельной напиток махсуму (бузу)⁹¹. Паста и махсума и в настоящее время входят в рацион адыгов и абазин.

Судя по имеющимся у нас данным, в интересующее нас время, как и в более поздний период, в предгорьях Северного Кавказа у адыгов и абазин господствовала переложная система земледелия. Витсен замечает, что черкесы не сеяли два раза на одном и том же месте⁹². Тавернье, говоря о кабардинцах, дает более полную картину переложного земледелия. «Черкесы (кабардинцы), — читаем мы у Тавернье, — не обрабатывают несколько лет подряд одно и то же поле, а переносят ежегодно свои плантации с места на место»⁹³.

С древнейших времен у адыгов и абазин было развито садоводство⁹⁴. Очевидно, фруктовые деревья выращивались адыгами и абазинами в период позднего средневековья и на территории Карачаево-Черкесии, хотя прямых данных об этом для интересующего нас периода мы не имеем.

О значении земледелия в хозяйстве свидетельствует адыгский пантеон. Главное божество черкесов — Созереш — было богом земледелия. Весьма уважаемыми божествами были Хакушташ — покровитель пахотных волов и Хятегуаш — покровительница садов⁹⁵.

У адыгов и абазин, как и у других народов Северного Кавказа, в эпоху позднего средневековья большая часть необходимых вещей изготовлялась в домашнем производстве членами данной семьи из сырья, получаемого в этой семье, а не вымененного или купленного. В ремесло выделялись только некоторые виды производства, связанные с добычей и обработкой металла. В курганных могильниках Карачаево-Черкесии, относящихся к XIV—XVI вв., находят металлические предметы, которые в подавляющем большинстве изготовлены местными мастерами — кузнецами, оружейниками и ювелирами. Из орудий труда можно назвать ножи, найденные в мужских и женских погребениях. В одном из женских погребений у аула Жако обнаружен нож, или кинжал, на рукоятке которого сохранились серебряные пластинки, покрытые гравированным растительным орнаментом (табл. 40, рис. 11 а, б, в.). Обычно рукоятки имели деревянную или костяную обкладку (в этих случаях с кружковым орнаментом). Представляют интерес ножницы пружинные для стрижки овец (табл. 41б, рис. 17), пила (из Байтал-Чапканского кургана).

Для оружия, и прежде всего сабель, характерно то, что полоса изогнута, рукоять наклонена по отношению к полосе под углом. Оба конца перекрестья также изогнуты по направлению к полосе (табл. 41а, рис. 12 а, б). Наконечники стрел черешковые, с порошком и валиком в основании пера. Перо — ромбическое, линзовидное, реже плоское в сечении. Очертания пера прямоугольные или ромбические (табл. 41а,

рис. 3). Длина пера — 5—6 см, длина черешка — до 4 см. Есть наконечники крупные — с длиной пера до 8—9 см. Встречаются раздвоенные охотничьи наконечники (табл. 41б, рис. 18). Кольца железные, круглые и треугольные от колчана (табл. 41а, рис. 5, 6).

К предметам быта и принадлежностям одежды относятся железные оковки и украшения от шкатулок, ножей; пластинки для скрепления бурки; кресала железные, кренделевидные и калачевидные, а также имеющие форму буквы В (табл. 41б, рис. 25), их часто находят вместе с кремешком; пряжки железные от одежды и обуви, прямоугольные и полуовальные, без рамок и с рамочками (табл. 41б, рис. 22).

В курганных могильниках встречаются изделия из меди и низкопробного серебра, которые будут описаны ниже.

Железо, медь, серебро и свинец добывались на месте. По словам автора 80-х годов XVII в. Кемпфера, адыги «очень трудолюбивы и добывают даже железо, которое они также куят и изготовляют из него разного рода орудия»⁹⁶. Руду добывали главным образом там, где ее выходы были на поверхности. Однако Тавернье указывает, что руда добывалась и в шахтах⁹⁷. Из русских источников XVII в. мы знаем, что местные мастера-кабардинцы добывали серебро и свинец в Балкарии (на Череке) и в Осетии (на Ардоне и Урухе)⁹⁸. О добыче железа в горах сохранились предания (например, у абадзехов)⁹⁹.

Железные изделия — орудия труда, оружие, домашняя утварь — изготовлялись местными мастерами на заказ. О ковке железа и изготовлении из него разного рода орудий мы узнаем из приведенного выше сообщения Кемпфера. Эвлия отмечает, что у народности Седеша (родственной абазинам. — Е. А.) среди прочих мастеров есть и кузнецы (дамирчилер)¹⁰⁰.

У абадзехов сохранилось предание об изготовлении из местного железа оружия, топоров, серпов, кос¹⁰¹.

Кузнечное дело пользовалось большим почетом. Кузница представлялась священным местом. Существовал культ железа. Покровителем кузнецов считался Тлебш.

Некоторые виды оружия изготовлялись не только мастерами, но и самими воинами. Так, Интериано пишет, что черкесы сами делали свои стрелы, «и в целом мире не найти стрел, которые хватали бы так далеко и имели бы столь закаленное острие»¹⁰².

У адыгов и абазин в позднесредневековый период значительного развития достигло ювелирное искусство. В курганных могильниках сохранились различные украшения и принадлежности одежды из низкопробного серебра и меди, сделанные местными мастерами.

К таким изделиям можно отнести серьги (табл. 41а, рис. 8), височные подвески (табл. 41б, рис. 7, 11), перстни (табл. 40а, рис. 8), поясные пряжки (табл. 41б, рис. 20, 26), наперстки (табл. 41б, рис. 24) и некоторые другие металлические предметы (табл. 41а, б).

Гончарное дело в позднесредневековую эпоху существовало только у тех абазин и адыгов, которые жили в Восточном Причерноморье и в Закубанье. Однако некоторые адыгские группы, жившие в верховьях Кубани, также, очевидно, изготовляли глиняную посуду и пользовались ею (стр. 184).

О существовании ремесленного производства у черкесов и абазин пишет Эвлия. Хотя, как было отмечено, к данным Эвлии мы должны относиться осторожно, ибо этот автор склонен к преувеличениям, мы не можем полностью игнорировать его сведения. Говоря о черкесах-бесни (т. е. о бесленеевцах), Эвлия замечает, что «многие из них занимаются ремеслом»¹⁰³. Эвлия обозначает его термином «сан'ат». Ремес-

ло процветало также у черкесов и абазин за пределами территории Верхней Кубани — у черкесов шефакийских в местности Бешку, у черкесов хатюкайских в стоянке Субай, у черкесов и абазин в местности Адемии¹⁰⁴. В крае Седеши¹⁰⁵ все занимаются ремеслом. Их портные шьют блузы с узкими воротниками. У них есть совершенные мастера портные и кузнецы («устанд-е камли дерзилери ве дамирчилер»)¹⁰⁶. Термин «мастер» Эвлия обозначает словом «устанд», а ремесленники, «люди ремесла», обозначаются у Эвлии словами «ахл'е сан'аи кавмладыр»¹⁰⁷.

Таким образом, судя по археологическим материалам и данным Эвлии, у адыгов и абазин, в том числе и живших на территории современной Карачаево-Черкесии, в период позднего средневековья существовали некоторые виды ремесла — кузнечное, оружейное, ювелирное, а может быть, и ряд других.

Основным видом домашнего производства было изготовление одежды, головных уборов, обуви. Всем этим занимались женщины. В Курганах при женских костях найдены каменные пряслица (табл. 41б, рис. 23), ножницы, наперстки, костяные игольники, железные и костяные иглы, костяные шилья (табл. 41б, рис. 15, 16), костяные булавки для продергивания шнура в шаровары, кабаньи клыки для выглаживания вышивки, мотки золотых ниток, неоконченное вышивание — аппликацией, золотом, серебром¹⁰⁸.

Женщины пряли шерсть — овечью и козью, ткали материю — сукна, тонкую шерстяную ткань. Из тканей собственного производства, а также привозных (шелковых, бархатных, полотняных, хлопчатобумажных) шились различные принадлежности одежды, головного убора, мешочки, кисеты и пр. — остатки их находят в курганах. Из шкур домашних и диких животных делали шубы и шапки; из кожи — чулки, ногвицы, башмаки, мешочки, походные стаканы, обивку колчана, сумки и т. д.; из войлока — «плащи»¹⁰⁹, т. е. бурки, шапки; из шерстяных ниток — вязаные и плетеные изделия.

Черкешенки и абазинки были искусными вышивальщицами. Остатки вышитых вещей находят в курганах. О знатных черкешенках Интериано пишет, что они «не занимались никакими другими работами, кроме вышивания или тканья, красиво вышивая кисеты для огнива и кожаные поясы»¹¹⁰. Тавернье писал о кабардинках, что они вышивают золотом и серебром седла, накладки колчанов и футляров для луков, башмаки и носовые платки¹¹¹. Черкешенки, по словам д'Асколи, «мастерицы по части шитья и по всем хозяйственным делам»¹¹².

Выделкой кожи и изготовлением кожаных изделий занимались и мужчины. По данным этнографии мы знаем, что мужским занятием является шорное дело, изготовление ремней, портупей и других кожаных вещей. В курганных могильниках находят ремни портупей от сабли и колчана и другие кожаные вещи. Попадают образцы юфти, довольно грубой — из кожи коровы, есть и тонкая юфть — из кожи яловки; тонкой выделкой сафьян из кожи козы. Дубление кожи производилось растительными дубителями. Выдубленная кожа довольно высокого качества¹¹³.

Изготовлением деревянных изделий также занимались мужчины. Орудия для обработки дерева обычно встречаются в мужских погребениях. Так, пила обнаружена в кургане № 4 курганного могильника в верховьях р. Байтал-Чапкан в мужском погребении. Мужчины изготавливали деревянные части орудий труда, оружие; чашки, ложки; люльки, столики, скамеечки и прочую мебель; шкатулки и другие предметы, обычные для горского быта, а также гробы. Некоторые деревянные из-

делия мы находим в курганах — шкатулки, гребни, деревянные части предметов вооружения; дубовые гробы-колоды.

Из кости изготовлялись различные вещи, которые встречаются в курганах: шилья, покрытые сетчатым орнаментом (табл. 41б, рис. 15, 16), накладки на ножи с кружковым орнаментом (табл. 40, рис. 9), иглы, игольники, гребни (табл. 40, рис. 10), накладки на колчан и др. Из камня делали жернова, пряслица, точилки (табл. 41а, рис. 1).

Адыгское и абазинское население верховьев Кубани и Зеленчуков, по-видимому, принимало участие в обмене с генуэзцами и другими иноземными купцами, проходившими по «шелковому пути», пересекавшему территорию Черкесии и Карачая. Сохранилась память о франках-ференках (т. е. генуэзцах), а также о генуэзцах под их собственным именем (гене, генез, джинуз, джену, гуэнес)¹¹⁴. По данным авторов XIX в., черкесы приписывали генуэзцам каменные башни в верховьях Кубани и Зеленчуков; на р. Аксауте, Кыфаре, Теберде¹¹⁵.

Черкесское «сом» — серебряный рубль — произошло от итальянской денежной единицы «сонм», или «сомм»¹¹⁶.

«Устав для генуэзских колоний» 1449 г. и другие документы дают представление о том, какими товарами обменивались с генуэзцами. Генуэзцы ввозили: соль, рис, мыло, ладан, мирру, горчицу, имбирь, пряности, бумагу для заклейки окон; различные хлопчатобумажные, льняные, итальянские сукна, шелк, бархат, букаран (муслин), бокасины — отрезы холста на мужскую рубашку; ковры, слоновую кость, фарфор; сосуды золотые, серебряные, медные, часто искусно орнаментированные; сосуды глиняные, поливные и стеклянные; золотые, серебряные и бронзовые украшения — перстни и др.; клинки сабель с выгравированными надписями. Вывозили: скот, продукты скотоводства, сало, мед, воск, меха, шерсть, лес, серебряную руду, фрукты, продукты домашнего производства¹¹⁷. Главной статьей генуэзского вывоза были невольники¹¹⁸. Через Индышское и Кубанское ущелья, через Нахарский (Махарский) и Клухорский перевалы сотни рабов перегонялись на невольничьи рынки, расположенные на восточном берегу Черного моря (у Анапы, Геленджика, Джубги, Псоу близ Адлера, у Сухума), а оттуда — на рынки Константинополя, Сирии, Египта. Персии¹¹⁹.

Говоря об обмене, который вели черкесы с другими народами. Интериано отмечает, что благородные черкесы куплей и продажей не занимались, считая это не дворянским делом¹²⁰. Однако, по словам того же автора, дворяне не гнушались работорговлей. Они нападали на крестьян, угоняли их детей и скот, уводили в другую страну и продавали¹²¹.

В курганных могильниках Карачаево-Черкесии изредка попадаются вещи импортного происхождения — перстни с цветными вставками, остатки шелковых тканей и ниток, обрывки шерстяных тканей, единичные бусы: сердоликовые, хрустальные, халцедоновые, гешировые (гагатовые), пастовые и стеклянные. На берегу Большого Соленого озера (в 18 км восточнее Черкесска по Пятигорскому шоссе) найдена серебряная золотоордынская монета XIII—XIV вв.

У авторов XVI в. и главным образом XVII в. мы находим довольно обстоятельные данные о приморской торговле черкесов и абазин¹²². Об обмене в глубинных районах Северного Кавказа некоторые сведения имеются у Эвлии. В Закубанье, в местности Адеми (может быть, на р. Пшиш и на нижнем течении Белой), на берегу р. Кызлар-Алган (?), ежегодно в сезон черешен, в июле месяце, под священным деревом, увешанным железными монетами (?), открывался большой базар. Приезжие гости из Москвы и из других мест обменивались товарами

с местными жителями, в частности с черкесами¹²³. В стоянке Дудургай, где жили кабардинцы и абазины-дударуковцы, расположенной между Кубанью и Джедджеком (Малым Зеленчуком), раз в году бывали базары, но денег там не было¹²⁴. На границе Кабартай, в местности Бештаг (т. е. в Пятигорье), недалеко от стоянки Бесильбай (башильбаевцев-абазин), находился храм Пенчхасан. Когда наступала весна, сюда приезжали купцы со своими товарами «со всех концов мира»¹²⁵. Эти сведения Эвлии явно преувеличены, но все-таки ими нельзя пренебрегать — они могут в какой-то мере свидетельствовать о существовании базаров и ярмарок в Закубанье, на Верхней Кубани и Зеленчуках и в Пятигорье.

Несколько слов о купцах. В XIII—XV вв. торговлю на Северо-Западном Кавказе вели купцы-иностранцы: генуэзцы, венецианцы, пизанцы, греки и др. Торговлей занимались также армяне, жившие в некоторых районах Северо-Западного Кавказа с XII в.¹²⁶

В XVI—XVII вв. торговлю вели главным образом купцы турецкие и прибывавшие на кораблях под турецким флагом. Торговлей в этих местах занимались и западноевропейские коммерсанты (сообщение Шардена).

В середине XVI в. упрочились связи между Западной Черкесией и Русским государством, и это, конечно, отразилось и на торговле. Авторы XVI в. отмечают, что в Москве и в других русских городах на ярмарках в числе прочих иностранных купцов можно было видеть и черкесов. Так, Генрих Штаден пишет, что в городе Холопьем (недалеко от Углича) «круглый год бывает торг... в числе прочих народов там были ногаи и черкесы»¹²⁷. Николай Варкоч, посетивший Русское государство в 1589 и 1594 гг., замечает, что в Москве «ведут торговлю многими превосходными товарами» приезжающие «в большом количестве туземные и иностранные *купцы* (курсив наш. — Е. А.) из очень далеких краев... Кабардинской, Грузинской, Сибирской. *Черкасской* (курсив наш. — Е. А.) и других земель»¹²⁸.

Если достоверны данные Эвлии, то русские купцы также приезжали к черкесам. Так, Эвлия сообщает, что в местность Адеми в Закубанье приезжали купцы из Москвы¹²⁹.

Из приведенных сообщений можно сделать два вывода. Во-первых, можно констатировать, что в XVI—XVII вв. у черкесов, кабардинцев и других народностей Кавказа существовали торговые связи с Россией. Во-вторых, у местного населения, в том числе и у черкесов, по-видимому, стала выделяться категория людей, занимающихся торговлей. Этот вывод находит подтверждение и в сообщении Эвлии о том, что «большинство людей рода Арт в крае Аббазе составляют купцы»¹³⁰. Речь идет об этнической группе, родственной абазинам, населявшей окрестности Адлера.

О внутреннем обмене у нас достоверных сведений нет. Можно только предположить, что на ярмарках, которые, по словам Эвлии, были в Закубанье, на Верхней Кубани и в Пятигорье, местные жители могли обмениваться вещами и продуктами не только с иностранцами, но и между собой. Так, из сообщения Эвлии следует, что черкесы-булаткай (темиргоевцы), жившие по берегам р. Саха-Куша (Схагуаша-Белая), обменивали «свои продукты и ручные изделия» «между собой»¹³¹.

В период позднего средневековья городов и городской жизни на территории Карачаево-Черкесии не было. Во второй половине XIII—XIV в. жизнь продолжалась на некоторых городищах в верховьях Кубани и Зеленчуков (Нижне-Архызское и Архызское городища), но и там она замирала и к концу XIV в. прекратилась.

Адыгские и абазинские поселения представляли собой открытые селища с легкими турлучными постройками. Судить о них мы можем по ряду селищ Восточного Причерноморья и Закубанья, которые были открыты благодаря наличию керамического материала. В верховьях Кубани и Зеленчуков адыгское и абазинское население глиняной посуды или не употребляло, или употребляло в ограниченном количестве (западноадыгские группы). Поэтому остатков позднесредневековых адыгских и абазинских поселений на территории Карачаево-Черкесии археологам обнаружить не удастся. О характере адыгских поселений и жилищ дает представление Г. Интериано. «В стране зихов,— пишет он,— нет ни одного стенами укрепленного города»¹³². В другом месте Интериано замечает, что дома зихов «построены из соломы либо дерева... все они живут в хатах из тростника либо соломы, и лишь немногие — в деревянных»¹³³. Жан де Люк сообщает, что черкесские жилища «состоят из двух рядов кольев, воткнутых в землю, между коими вплетают ветви; наполняют промежуток глиной и кроют их соломой; княжие дома построены из того же материала, только просторнее и выше. Деревни их расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными в одно с другими деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской конницы»¹³⁴.

Эвлия замечает, что каждый дом черкесов имеет по две двери, дома отапливаются очагами и в них есть отдельные комнаты для гостей¹³⁵. О характере абазинских селений и жилищ на территории Карачаево-Черкесии мы сведений не имеем — очевидно, они не отличались от черкесских.

О поселениях и жилищах прибрежных абазин (Атеме, Ашегали, Кютаси) пишет Эвлия. Так, села абазин Кютаси, живших в районе Туапсе, судя по словам Эвлии, расположены в горах, спускающихся к порту. Дома покрыты досками и камышом. Очаги находятся посередине дома. Группы домов (до 10) обносились деревянными решетками, похожими на ограду крепости; внутри помещался скот, охраняемый собаками. Дома всех абазинских родов расположены в лесу. Группа, состоящая из 10 домов, называется «кабак»¹³⁶.

Эвлия кратко характеризует «местечки», или «стоянки», закубанских черкесов.

Шефакийцы (очевидно, абадзеи) жили в крае Абазе (в Закубанье). Здесь среди просторных садов и деревьев разбросано по 10, 20, 40 домов шефакийских черкесов, вокруг них деревянные и соломенные постройки, похожие на крепость¹³⁷. «Бешку» — местечко шефакийских черкесов, откуда видны отроги Эльбруса, — по словам Эвлии, означает «трон». Здесь имеется 550 расположенных близко друг от друга домов из камыша и бязи. В этой местности нет ни садов, ни караван-сарая, ни бани. Ввиду отсутствия денег жители обменивают свои товары. Здесь имеется три тысячи воинов. Общее число населения 10 тысяч человек¹³⁸. Точно установить, где находится «Бешку», из рассказа Эвлии не представляется возможным, однако, очевидно, речь идет о какой-то местности Закубанья, сравнительно близкой к верховьям Кубани, коль скоро отсюда «видны отроги Эльбруса».

Местечко Бесни-Бай (бесленеевцев) расположено между двумя горами в ущелье. В обоих концах ущелья имеются другие местечки. Некоторые из поселений Бесни (бесленеевцев), по мнению Эвлии, «можно назвать городами». Многие из них (бесленеевцев) занимаются ремеслом¹³⁹.

О планировке адыгского поселения мы можем судить по описанию и рисункам Тавернье. Эти поселения, согласно Тавернье, имели форму

круга со свободной площадью внутри — для скота и колодца¹⁴⁰. Как пишет Ш. Б. Ногмов, адыги «издревле имели привычку располагать дома четырехугольником, так что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота»¹⁴¹.

В XIII—XV вв. на восточном побережье Черного моря и в низовьях Кубани были генуэзские города-колонии. О существовании генуэзских колоний на территории Карачаево-Черкесии мы данных не имеем. Обычно остатки городищ, башен и укреплений, связываемых народной и литературной традицией с генуэзцами, оказываются раннесредневековыми памятниками догенуэзского времени. Возможно, при дальнейших археологических исследованиях и будут найдены следы пребывания генуэзских купцов на территории Карачаево-Черкессии — остатки торговых центров, факторий, укреплений и т. д. Но пока никаких доказательств этого археологи в верховьях Кубани и Зеленчуков не обнаружили¹⁴².

Из письменных источников и народных преданий мы можем заключить, что в верховьях Кубани и Зеленчуков в поздний период позднего средневековья (XVII в.) существовали турецкие крепости. Так, по свидетельству Эвлии, в том месте, где Джеджек сливается с Кубанью, т. е. в районе нынешнего Невинномыска, находилась турецкая деревянная крепость Шадкирман квадратной формы. Там имелись баня, мечеть, караван-сарай¹⁴³.

Итак, в период позднего средневековья жилища адыгов и абазин представляли собой турлучные постройки, крытые соломой или деревом. Они имели несколько помещений, причем для гостей отводилась особая комната — кунацкая. Дом имел несколько дверей, все комнаты были непроходные, как и в более позднее время. В некоторых случаях очаг находился посередине помещения.

Селение располагалось кругом или четырехугольником. Внутри было пространство, где помещался скот. Здесь же находился колодец. Из более поздних источников нам известно, что в центре селения размещалась кузня и дом князя. Каменных или земляных оборонительных сооружений вокруг селения не было. Но группы домов внутри селения и все селение целиком ограждались изгородями из дерева и кустарника («деревянными решетками», как пишет Эвлия; «изгородью из сплетенных одно с другим деревьев», как отмечает Жан де Люк).

В XVII в. на этой территории были турецкие деревянные крепости.

Адыгские и абазинские селения представляли собой поселки сельского типа. Однако в некоторых из них жители занимались ремеслом, существовал безденежный обмен.

Обратимся к вопросам общественной жизни адыгов и абазин. Дореволюционные авторы специально не занимались социальными отношениями этих народов во второй половине XIII—XVII в. Советские исследователи в настоящее время признают, что в период позднего средневековья у всех народов Северо-Западного Кавказа, в том числе у адыгов и абазин, уже существовали феодальные отношения, хотя наряду с ними сохранялись ярко выраженные черты патриархально-родового строя.

Е. С. Зевакин и Н. П. Пенчко приводят убедительные факты того, что у народов Западного Кавказа, в частности у адыгов, во второй половине XIII—XV в. общество было уже феодальное, «на ранних ступенях его развития, где ясно видно деление на привилегированное меньшинство (князей) и угнетенную народную массу»¹⁴⁴. Е. Н. Кушева считает, что в XIV—XV вв. в Черкесии, «несомненно, процесс феодализации шел»¹⁴⁵. Процесс выделения феодальной знати убедительно

показала В. П. Левашева на материалах адыгского Белореченского могильника XIV—XV вв. По данным этого могильника можно с полным основанием «говорить о наличии феодальных отношений в черкесском обществе, укреплении которых способствовала и политическая обстановка эпохи — вассальная зависимость черкесских князей от ханов Золотой Орды»¹⁴⁶.

Источники XVI—XVII вв., по словам Е. Н. Кушевой, не оставляют сомнения в том, что в это время в Кабарде было классовое, феодальное общество¹⁴⁷. Уровень социально-экономических отношений у западных адыгов был близок к уровню развития этих отношений у кабардинцев¹⁴⁸. Е. С. Зевакин рассматривает адыгское общество XVI—XVII вв. как раннефеодальное¹⁴⁹. М. В. Цинцадзе пишет, что адыгейцы в рассматриваемый период находились на стадии раннего феодализма, в недрах которого еще отчетливо сохранились пережитки патриархально-общинного строя¹⁵⁰.

В. К. Гарданов говорит о наличии у адыгов к середине XV в. феодального общества¹⁵¹.

Л. И. Лавров указывает, что разделение абазин на различные сословно-классовые группы произошло еще до переселения их на Северный Кавказ. Это подтверждается сословной терминологией — названия абазинских сословий в подавляющем большинстве совпадают с соответствующими абхазскими или напоминают их. Переселение же абазин на северные склоны Кавказа, как уже отмечалось, произошло в XIV—XVI вв.¹⁵² Таким образом, в этот период у абазин уже должны были возникнуть феодальные отношения. Е. Н. Кушева считает, что уровень развития феодализма у абазин был низким, ниже, чем у адыгских племен¹⁵³. З. В. Анчабадзе указывает на неравномерность развития феодальных отношений у различных абхазо-абазинских групп в XVII в. — у прибрежных «племен» он был выше, чем у горных¹⁵⁴.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, есть основания полагать, что у адыгов и абазин, как и у других народов Северного Кавказа, в период позднего средневековья основой общественной жизни была соседская территориальная (сельская) община. Существовала большая патриархальная семья. Основными производителями были крестьяне, которые пользовались пастбищами и частью пахотной земли, находившейся в общинном владении.

Анализируя предания, собранные Ш. Б. Ногмовым, мы видим, что в начале интересующего нас периода (XIV—XV вв.) сословие «знатных» еще не было замкнутой кастой. Человек мог быть возведен в «знатное достоинство» независимо от его происхождения — за ум, храбрость, военные заслуги¹⁵⁵. В XVI—XVII вв. положение изменилось — сословие знати стало замкнутым, о чем речь ниже.

О пережитках патриархально-родовых отношений источники интересующего нас времени сообщают весьма определенно. Сохранились такие обычаи, как взаимопомощь, побратимство, куначество, гостеприимство, аталычество, калым, левират, уважение к старшим, в меньшей степени — кровная месть¹⁵⁶. Влиятельным органом было народное собрание. Со временем роль народного собрания уменьшалась. По сведениям русских документов, в XVI в. в нем еще участвовали «черные люди», для XVII в. таких указаний нет¹⁵⁷.

Споры решались третейским судом — о таких судах сообщает Интернано¹⁵⁸. Большую роль играли адаты — комплекс народных обычаев, определявших быт, культуру, этику, — и в то же время свод неписаных законов, в частности при разборе судебных дел. Позднее, с принятием мусульманства, особенно с XVIII в., все большую силу стал приобре-

тать шарият, насаждаемый промусульманской верхушкой. Однако полностью вытеснить суд по адатам шарият так и не смог¹⁵⁹.

Таким образом, в период позднего средневековья у адыгов и абазин феодальные отношения хотя и имели место, однако переплетались с перепитками патриархально-родового строя.

Письменные источники того времени содержат ряд указаний, позволяющих заключить, что в интересующую нас эпоху у адыгов и абазин складывались классы эксплуататоров — феодалов и эксплуатируемых — крестьян. Позднесредневековые авторы сообщают о том, что у адыгов были «знатные», «благородные» люди, имевшие своих подданных — крестьян, которых они эксплуатировали по своему произволу. Знатные обладали не только властью, но и богатством. Знатные мужчины и женщины одевались в шелковые и бархатные ткани иноземного происхождения, носили серебряные и золотые украшения, о чем пишет Интериано¹⁶⁰. О дорогих вещах внутреннего убранства жилища знати — золотых и серебряных сосудах — упоминают Интериано и д'Асколи¹⁶¹. Из рассказа д'Асколи мы узнаем, что знать пользовалась богато отделанным оружием, шлемами и пр.¹⁶². Знатных хоронили с особой торжественностью, клали им в могилу ценные вещи¹⁶³. Археологические находки подтверждают это¹⁶⁴. Знатные не принимали участия в общественно полезном труде¹⁶⁵. Единственным видом трудовой деятельности, который «благородные» считали достойным для себя, было разведение лошадей.

Знатные женщины не признавали никакой другой работы, кроме вышивания и ткачества¹⁶⁶. В основном знать занималась только военным делом, охотой и грабежами. Захват добычи — людей и скота — считался обычным и почетным времяпрепровождением знати. Знатные могли отнять у крестьянина жеребенка под тем предлогом, что разведение коней является занятием только благородных¹⁶⁷.

К числу лиц привилегированных относились и представители духовенства¹⁶⁸. Знать делилась на сословные группы.

На вершине феодальной лестницы у адыгов стояли князья — пши. Турецкими авторами они именуются «беки», западноевропейскими (например, автором начала XVIII в. Главани) — «беи», русскими источниками — «князья», «мурзы». Мурзами также назывались и сыновья князей¹⁶⁹. В генуэзских документах князь именовался доминус — «правитель»; там же встречается такое наименование феодала, как «феудатария»¹⁷⁰. Из среды знатных («нобилей») Интериано выделяет знатных «царского рода», очевидно, речь идет о князьях¹⁷¹. Генуэзские документы XIV—XV вв. говорят о зихских князьях, которые жили в генуэзских колониях и даже являлись их правителями¹⁷². Барбаро упоминает о князе («государе») Биберди, владения которого находились в районе Темрюка¹⁷³. Е. Д. Фелицын высказал предположение, что Биберди — по происхождению абазин, из абазинской фамилии Бибердовых¹⁷⁴.

В русских документах XVI в. упоминаются черкесские князья: жанеевский князь Сибок и абеслинский (т. е., очевидно, бесленеевский) князь Маашук Кануков¹⁷⁵. В источнике 1616 г. назван бесленеевский князь Хакечя (Хахечя) Бокин; в документе 1632 г. — бесленеевский князь Кануко¹⁷⁶.

В русских документах XVII в. и у Эвлии есть данные и о других адыгских князьях — жанеевских, шефакийских, адемийских, булткайских (т. е. темиргоевских) и др.¹⁷⁷. Память об адыгских князьях — Инале, Идаре, Антиноко, Канбулате и других — сохранили адыгские предания¹⁷⁸.

Князья часто выступали в роли военных предводителей, и поэтому считалось, что они должны уметь вести сражение и проявлять мужество в битве. Были князья, которые действительно отличались этими качествами¹⁷⁹.

Князья пользовались почетом и уважением. Им принадлежала значительная роль не только в политической, но и во внутренней, общественной жизни. Они судили своих подданных, им принадлежала главная роль в различных церемониях, обрядах и т. д. Так, во время особых церемоний, предшествовавших различным сельскохозяйственным работам, руководящая и почетная роль принадлежала «старшему в роде», каковым в интересующую нас эпоху далеко не всегда был старший в роде по возрасту, а все чаще и чаще становился князь — *chef*, как пишет Тавернье¹⁸⁰. В другом месте указывается, что правитель (*khan*) творил суд и расправу над своими подданными¹⁸¹.

В подчинении князя находились дворяне, которых русские источники называют «уздени», и простые люди — крестьяне. Свободные общинники-крестьяне в русских документах назывались «люди такой-то земли» (например, «люди Кумургейские земли» — крестьяне-общинники темиргоевцы)¹⁸².

Князья являлись собственниками скота и, очевидно, земли (о чем далее) и других материальных ценностей¹⁸³. Об обязанностях подданных по отношению к князьям источники сведений не сохранили, но по данным более позднего времени можно сказать, что дворяне должны были нести военную службу (в конном войске), а крестьяне выплачивали какую-то «дань» натурой.

О высоком положении адыгской знати, и прежде всего князей, говорят их родственные связи с царскими и княжескими фамилиями Турции, Крыма, Кавказа, в частности Грузии. Некоторые черкешенки были женами грузинских царей¹⁸⁴. Черкесские князья роднились с геноуэзской знатью¹⁸⁵. Многие черкешенки были женами крымских ханов и турецких султанов¹⁸⁶. Известно, что в 1561 г. Иван Грозный посылал сватов к жанеевскому князю Сибоку и кабардинскому князю Темрюку, на дочери которой Гошаней (Марии) он и женился.

Адыгские князья имели дружины, состоявшие из нескольких тысяч вооруженных всадников¹⁸⁷. С помощью дружины князь защищался от внешних врагов, нападал на них, а также держал в подчинении своих подданных.

Из различных документов, родословных, преданий нам известно, что княжеский титул передавался по наследству. Из источников более позднего времени мы знаем, что браки заключались только между представителями княжеских фамилий. При князе был совет и дружина из дворян. В отношении дворян права князя были несколько ограничены. В некоторых вопросах князя ограничивало народное собрание — из дворян и свободных крестьян — тльфокотлей. Так, без разрешения народного собрания князь не мог начать войну¹⁸⁸.

Таким образом, бесленеевские и другие западноадыгские князья, которые жили на территории Карачаево-Черкесии, а также кабардинские князья, селившиеся со своими кабаками на этой территории, являлись самостоятельными и полновластными владыками своего княжества.

Единого государства не было. «Между знатыми, — пишет Интериано, — есть такие, которые имеют вассалов, и все живут независимо друг от друга, не признавая над собой никого, кроме бога»¹⁸⁹. Всякие попытки объединения терпели крушение; это прекрасно отражено в адыгских преданиях, в частности в рассказе об Инале и его сыновьях¹⁹⁰. Между князьями шла постоянная борьба, причем иногда они призы-

вали на помощь своих врагов — крымских ханов. Д'Асколи сообщает, что «Чиркасия разделена между многими владельцами (баронами), ими называемыми беями. Они более склонны к междоусобицам, чем христиане. Всякий, кому не хватает сил своих подданных (вассалов), обращается за помощью к дружественному владельцу; дело доходит до того, что один из противников одерживает верх над другими. Этот последний, чувствуя себя оскорбленным, призывает на помощь хана...»¹⁹¹. Впрочем, далее д'Асколи замечает, что «теперь чиркасы... огляделись, прошло уже много лет, как они перестали звать хана»¹⁹².

Для дворян (уорки, ворки) в русских источниках существовал также термин «лучшие люди»¹⁹³. Об адыгских дворянах упоминают грузинские летописи¹⁹⁴.

Адыгское дворянство делилось на ряд степеней. По преданию, дворян разделил по степеням кабардинский князь Берслан Кайтукович Джанкутов, живший, согласно данным одной из родословных, одновременно с дедом (или отцом) Темрюка — Идаром¹⁹⁵. Если полагаться на эту родословную, то время деятельности князя Берслана можно отнести примерно к первой половине XVI в.

Берслан разделил узденей (т. е. уорков) на пять степеней: 1. Тлохотлеш. 2. Дижинуго. 3. Кодзь. 4. Пшиш-уорк, или берслан-уорк. 5. Уорк сшаотлук-гусса¹⁹⁶. По-адыгейски эти группы называются: тлакотлеш, дыженуго, о кодзи данных у нас нет, пшиуорк (беяслан, или беслень-орк), орк шаотлегуса¹⁹⁷.

В русских документах XVI—XVII вв., касающихся кабардинцев, встречаются термины «козлары», «дужнюки» (дужнюки), «лучшие и средние уздени», «дворовые уздени», «задворные уздени»¹⁹⁸. По мнению Е. Н. Кушевой, козлары — это тлакотлеш (не кодзь), дужнюки — деженуго (дижинуго). Дворовые и задворные уздени соответствуют низшим степеням адыгского дворянства. Дворовые уздени жили во дворе князя, они были выше задворных узденей, живших вблизи княжеского двора¹⁹⁹. В этих же документах, касающихся западных черкесов, выделяются категории князей («большова и меньшей братья»), мурз, узденей и людей такой-то земли, т. е. крестьян²⁰⁰.

Дворянство рассматривалось как родовое по мужской и женской линии. Дворяне имели герб — тамгу, передавали из поколения в поколение легенды о происхождении своих родов. Строго соблюдалось равенство брака; как пишет д'Асколи, «благородный чиркас родился лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое достоинство»²⁰¹.

Как правило, дворяне находились в подчинении какого-либо князя и назывались в русских документах этого периода «уздени князя такого-то». Из документов, относящихся к кабардинцам, известно, что уздени могли переходить от одного князя к другому. Уздени составляли конную дружину князя²⁰². Кроме военной службы, других повинностей они не несли.

Дворяне низших степеней являлись вассалами более крупных дворян. Они обязаны были участвовать в военных походах своего сюзерена, получая за это подарки. По словам Интериано, они одаривались одеждой²⁰³. Из более поздних источников нам известно, что «дворянский дар» (орк-тын), получаемый вассалом от сюзерена, состоял из скота, а также хлебных запасов и других продуктов²⁰⁴.

Из сообщений Интериано, Эвлии и других авторов мы можем заключить, что знатные являлись владельцами лошадей, быков, овец и другого скота²⁰⁵. По преданию, князь Берслан Кайтукович «изобрел для собственных своих и узденских лошадей особое тавро, называемое

ныне берслановским»²⁰⁶. Таким образом, есть основания полагать, что уже в интересующий нас период князья и дворяне, будучи собственниками скота, клеймили его не родовой, а фамильной тамгой.

Из источников более поздних нам известно, что князья и дворяне всех степеней владели землями, крестьянами и рабами. Даже дворяне низших степеней фактически владели деревнями, только их деревни и они сами были причислены к владению одного из тлакотлешей (тле-котлешей)²⁰⁷.

Прямых данных о существовании феодальной собственности на землю у адыгов в период позднего средневековья у нас нет. Это не удивительно: собственность феодалов на землю у северокавказских народов не была юридически оформлена; не было актов, закреплявших владение земель, постановлений о межах в ранних записях адатов. Западноевропейские источники также не вносят ясность в этот вопрос. Они говорят о «владениях» знатных людей, не раскрывая и не поясняя этого термина. Так, Интериано пишет, что знатные молодые люди охотились на крестьянских кур и поросят «в своих собственных владениях»²⁰⁸. Но не ясно, были ли эти люди только политическими владельцами земель, на которых жили их подданные — крестьяне, или являлись собственниками этих земель.

В связи с вопросом о феодальной собственности на землю небезынтересно будет коснуться проблемы кабаков. Эвлия Челеби в своем рассказе, говоря об абазинских и черкесских селениях, иногда употребляет термин «кабак». Так, например, на р. Лабе, по словам Эвлии, расположено село Кабак Яркуй, население которого состоит из Булткайского рода (т. е. темиргоевцев. — Е. А.). Здесь имеется 300 домов²⁰⁹.

Источники, относящиеся к западным черкесам, не позволяют раскрыть значение термина «кабак». Но по русским документам XVII в., относящимся к кабардинцам, можно представить себе более конкретно, что скрывается под этим термином. У нас нет оснований думать, что западночеркесские (бесленевские и др.) кабаки принципиально отличались от кабардинских, к тому же часть кабардинских кабаков (например, Алегуки и Хатажуки — Хотоджуки) в период позднего средневековья, в частности в XVII в., находилась на «крымской», левобережной стороне Кубани, в соседстве с бесленевцами, абазинами и Малым Ногаем, т. е. на территории нынешней Карачаево-Черкесии²¹⁰. Поэтому считаем уместным привести здесь некоторые данные о кабаках по кабардинским материалам.

Кабаком называлось селение, деревня. Обычно в ней было 100 и более дворов. Возникли кабаки как поселения крестьянской общины, а позднее стали единицей феодального владения. Большинство кабаков в XVI—XVII вв. и позднее были поселениями крестьян. Но некоторые, наиболее крупные, являлись центрами административной и хозяйственной жизни феодальных владельцев. В них кроме крестьян жили крупные и мелкие дворяне²¹¹.

Княжеские семьи владели своими подданными сообща, без раздела, подчиняясь старшему брату²¹². Так, Алегука и Хотоджука Казыевичи «с братьей» владели 50 кабаками, «а людей в них узденей добрых с 1000 с лишком конных да черных людей 2000 с лишком»²¹³. «У Илдара Ибакова с братьей кабаки и с козлары 40, а людей в них узденей 700 да черных с 1000 и больше»²¹⁴. Кабаками владели не только князья, но и дворяне первой и второй степеней: тлакотлешы (козлары) и деженуго (дужнюки)²¹⁵. Позднее деревнями могли фактически владеть и дворяне низших степеней. Для интересующего нас периода таких данных не имеется.

Кабаки назывались по имени князя или дворянина, которому они принадлежали (например, Шолоховы кабаки — по имени князя Шолоха; Хотовы кабаки — по имени козлара Хотова) ²¹⁶.

Кабаки передавались по наследству, а иногда и переходили к другой княжеской семье, например в том случае, если князя другой фамилии «отбивали» себе эти кабаки, т. е. отнимали их у владельцев при помощи вооруженной силы ²¹⁷.

Е. Н. Кушева отмечает, что в связи с подвижностью кабардинских кабаков феодальное владение не представляло собой твердо установившейся территории. Термин русских документов «владение» означал не столько определенную территорию, сколько зависимое от князя и мурзы население — узденей и крестьян, а затем уже земли, на которых велось их скотоводческое и земледельческое хозяйство ²¹⁸. Т. Х. Кумыков считает, что феодалы, будучи собственниками большого количества скота, должны были являться и собственниками пастбищ. Так как князьям и дворянам принадлежали люди, жившие в кабаках, то и земля, которой пользуются эти люди, должна принадлежать, по мнению Т. Х. Кумыкова, собственникам кабаков — феодалам ²¹⁹. На наш взгляд, это положение не вполне обоснованно. Феодал не мог владеть всей землей кабака, ибо общинная собственность на землю сохранялась не только в интересующий нас период, но и гораздо позднее. Князь же, считавшийся также членом общины, владел лучшими участками, но не всей пахотной землей. В общинном пользовании находились леса и выгоны. Если в княжеских кабаках жили дворяне высших степеней — козлары и дужнюки, то часть земель кабаков принадлежала этим дворянам.

Утверждению феодальной собственности на землю в некоторой степени способствовало и русское правительство. Так, по словам Олеария, кабардинский князь Мусал (30-е годы XVII в.) «получил после смерти брата своего ленное владение от великого князя» ²²⁰. Аналогичный факт отмечал Жан де Люк для западных черкесов. Он пишет, что между Таманью и Темрюком находится несколько деревень, жители которых говорят по-черкесски и по-турецки. «Эти деревни повинуются московскому царю и некоторым мурзам или особенным боярам его двора, которым они отданы в награду за службу» ²²¹. Несмотря на то что данное сообщение для XVII в. уже анахронизм (западные черкесы в это время не находились «под высокой рукой» московского царя), несмотря на его неопределенность (не ясно, какие именно бояре и мурзы Московского двора получили землю в Западной Черкесии — русские или черкесы, надо думать, что черкесы), это сообщение для нас важно потому, что здесь мы имеем указание на появление ленных форм феодального землевладения в Западной Черкесии.

Итак, прямых и точных данных о существовании феодальной собственности на землю у адыгов в период позднего средневековья у нас нет. Однако это может объясняться не тем, что таковая отсутствовала, а тем, что она не была юридически оформлена. Надо думать, что часть земли кабаков, во всяком случае та, на которой жили крепостные крестьяне, принадлежала феодалам — владельцам кабаков и крепостных крестьян. По-видимому, укреплению феодальной собственности на землю в какой-то степени способствовали связи с Русским государством.

Археологические памятники и некоторые данные письменных источников свидетельствуют о существовании отчетливой имущественной дифференциации. Так, на территории Карачаево-Черкесии в некоторых мужских захоронениях обнаружены сабли, перстни с цветными вставками и другие более или менее ценные вещи. В некоторых женских

могилах найдены серебряные украшения (серьги, височные подвески). В других погребениях (например, в курганном могильнике Жако) при мужских костях сабель не было, а женские украшения состояли из медных серег и подвесок. Еще более заметна имущественная дифференциация на примере таких могильников, как Белореченский в Закубанье, где наряду с богатыми были и довольно бедные захоронения²²². Из рассказов Интериано и д'Асколи мы можем сделать заключение, что далеко не все черкесы имели одинаковую одежду, вооружение, одинаковое убранство дома.

Жан де Люк, Олеарий и Эвлия сообщают о том, что у неимущих были бедные жилища, не было мебели в доме, хоронили они умерших очень скромно²²³. В стоянке Дудургай, где жили кабардинцы и абазинцы-дударуковцы, по словам Эвлии, были бедняки²²⁴. Тавернье замечает, что перед началом косябы жители селения приводили коз или баранов на ритуальный праздник, причем *более бедные* (*le plus pauvres*) *семейства* пригоняли одного барана от всех восьми или десяти семейств²²⁵.

Есть все основания предположить, что имущественная дифференциация в тот период вполне соответствовала социальной, т. е. бедняки, о которых говорят письменные источники, относились к низшим, крестьянским сословиям.

Что представляли собой эти низшие сословия? По источникам более поздним мы знаем, что простой народ делился на три основные группы: 1) свободные крестьяне-общинники (тльфокотли, тфокотли, тфэкотли, фокотли, тльхукотли); 2) крепостные крестьяне — пшитли; 3) рабы — унауты. Промежуточными категориями были оги и азаты. Оги происходили из пшитлей, которым за какие-либо услуги владельцы предоставляли более полные имущественные, семейные и личные права; азаты — зависимые крестьяне, получившие свободу от своих хозяев²²⁶. По преданию, на эти группы разделил крестьян князь Берслан Кайтукович²²⁷.

Свободные крестьяне-общинники тльфокотли составляли большинство населения Западной Черкесии и Кабарды в XVIII — начале XIX в.²²⁸, тем более это должно быть справедливо по отношению к интересующему нас периоду. Однако у Интериано нет упоминания о такой категории.

Этот автор делит население Зихни — Черкесии на четыре группы: знатные, вассалы, сервы и невольники²²⁹. Не встречается термин «тльфокотль» и в источниках XVII в. Одно из ранних упоминаний этого термина (в своеобразной форме), как пишет Е. Н. Кушева, обнаружено только в источнике конца XVIII в. — у турецкого автора Мохаммеда Нашем эфенди, который говорит о трех разрядах населения у черкесов — пши, уздени и токи²³⁰.

Е. Н. Кушева считает, что тльфокотли (тльхокотли) — это и есть «сервы» Интериано²³¹.

По нашему мнению, свободные крестьяне входили в категорию вассалов, которую выделяет Интериано. Таким образом, в эту группу входили и дворяне низших степеней, и свободные крестьяне. Западноевропейские авторы, писавшие об адыгах, не относили к «вассалам» только «мелких дворян». Так, у д'Асколи «вассалами» названы вообще все подданные какого-либо князя²³².

В том, что Интериано не мог уловить разницы между мелкими дворянами и свободными крестьянами, нет ничего удивительного. Даже в более поздних источниках, вплоть до XIX в., бедные дворяне и свободные крестьяне тльфокотли иногда относились к одной категории. Так, например, Е. С. Зевакин отмечает, что в литературе XVIII—XIX вв. «тфэкотлями иногда называли категорию низших дворян, которые находились в известной зависимости от тлектелешей»²³³. Таким образом, для

многих внешних наблюдателей принципиальной разницы между мелкими дворянами и свободными крестьянами не существовало, тогда как на самом деле, конечно, это было не так. Мелкие дворяне могли иметь землю, могли ее и не иметь — главным источником их существования было пожалование князя, собранное в качестве повинностей с крестьян. Свободные же крестьяне пользовались на основе общинного права земельными участками, жили за их счет и вообще за счет своего хозяйства и сами несли повинности — натуральные и отработочные.

В русских документах XVII в. тльфокотли именовались: «черные люди», «ясашные люди», «рядовые черкаса», «неименитые черкаса», «средние люди», «люди такой-то земли»²³⁴.

О положении тльфокотлей в интересующее нас время сведений нет. По более поздним данным мы знаем, что тльфокотли были лично свободны, пользовались землей на правах общинных собственников, имели скот, орудия труда, дом и другое имущество, имели семью. Они были основными производителями. Принимали участие в народном собрании. Имели определенные повинности — натуральные и отработочные, но эти повинности были завуалированы обычаями, сохранившимися со времен патриархально-родового строя. Так же как и мелкие дворяне, они иногда получали от дворян скот и припасы (уорк-тын) в качестве помощи. Это обстоятельство усиливало зависимость тльфокотля от дворян²³⁵. Из некоторых документов нам известно, что свободные крестьяне иногда должны были нести и воинские обязанности по отношению к владельцу²³⁶.

Среди тльфокотлей не было полного имущественного равенства. Некоторые богатели, сами становились владельцами крепостных крестьян и рабов. Наоборот, мелкие дворяне беднели, становились, по существу, крестьянами. Известен даже случай, когда один мелкий дворянин стал крепостным крестьянином²³⁷.

Крепостные крестьяне назывались пшитли. Полагаем, что сервами Интериано называл крепостных или закрепощаемых крестьян. Известно, что слово «серв» в Западной Европе означает «крепостной крестьянин», и скорее всего Интериано употребил его в этом, привычном для него значении. Как мы уже говорили, князь Берслан Кайтукович, выделивший, по преданию, группу крепостных крестьян, принадлежал к тому же поколению, что и Идар, отец или дед Темрюка. Если Берслан жил тогда же, когда и отец, а тем более дед Темрюка, то он мог быть современником Интериано и деятельность Берслана могла относиться к началу XVI или к концу XV в., т. е. к тому периоду, о котором писал Интериано. Следовательно, нет ничего невероятного в том, что уже во времена Интериано (конец XV в.) существовала категория крепостных или, во всяком случае, закрепощаемых крестьян.

Тавернье, так же как и Интериано, называл крепостных крестьян сервами. «Все крестьяне, — пишет он, — являются рабами правителя той местности, где они живут. Они обрабатывают земли и рубят дрова»²³⁸. Кемпфер в 80-х годах XVII в. подтверждает это сообщение Тавернье. «Все крестьяне, — пишет он, — рабы своих дворян, пашут землю, рубят дрова, исполняя другие тяжелые работы, и живут скудно»²³⁹.

Из этих сообщений видно, что крестьяне-сервы облагались отработочной повинностью. Очевидно, существовала и натуральная повинность продуктами, но об этом для данного периода мы сведений не имеем.

Гезар-Фенн сообщает, что у черкесов, живших от Жанэ вплоть до Кабарды²⁴⁰, «брат... полоняников позволительно... Они из страха перед крымским ханом преподносят черкесских невольников под именем подарка, потому что райя, обитающие в их деревнях, составляют собствен-

ность их беков»²⁴¹. Райя — это не рабы (по-турецки раб — «кул»). В Дагестане райатами называли пашенных, крепостных крестьян²⁴². По-видимому, и здесь имеются в виду крепостные или закрепощаемые крестьяне. Владелец мог их продать, подарить в качестве невольников, но рабами в полном смысле этого слова они не были. Из текста Гезар-Фенна видно, что райя являлись обитателями деревень, крестьянами, а не домашней прислугой князя или дворянина, каковыми обычно были рабы. Таким образом, есть основания полагать, что в данном случае черкесские райя, так же как и дагестанские райяты, были крепостными.

Из более поздних источников нам известно, что пшитли несли повинности в виде отработочной ренты и оброка. Пшитли имели скот, сельскохозяйственные орудия, жилища, но не имели земли — земля принадлежала их господину. Пшитли имели семью. Господин мог продать их. Категория пшитлей образовалась из закрепощаемых крестьян-общинников, пополнялась из рабов и пленников. По адату пшитли могли переходить к другому господину, но теряли при этом свой участок и имущество. Даже при этих обстоятельствах владельцы препятствовали переходу пшитлей к другому господину. Военной службы пшитли не несли²⁴³.

Рабы-унауты — это невольники, о которых упоминает Интериано, «ясырь» русских документов²⁴⁴. Основным источником формирования унаутов являлись пленные, обращенные в рабство во время междоусобных войн и столкновений. Рабство носило патриархальный характер. Рабы не были основными производителями, а, судя по данным источников XVIII—XIX вв., являлись в основном домашней прислугой²⁴⁵. О существовании домашней прислуги пишет Интериано²⁴⁶. Рабы не имели ни семьи, ни имущества, никаких прав. Владелец мог убить и продать их. Рабы бежали от своих господ. По словам Тавернье, существовало даже гадание, по которому господа узнавали, что их раб (d'un esclave) может убежать в данном году²⁴⁷.

У абазин были такие же сословия, как у адыгов. Князья именовались аха, крупная знать — амыстаду (у шкарауовцев — таваду), мелкая знать — амыста. Свободные крестьяне назывались акавы или тльфакошао, крепостные — лыг (у шкарауовцев — грыгва, т. е. мегрел), рабы — унавы, двэуа, хIайдвэй²⁴⁸. Некоторые из этих названий адыгские (тльфакошао, унавы). Большая же часть названий сословий совпадает с соответствующими абхазскими терминами или же напоминает их. Следовательно, разделение абазин на сословно-классовые группы произошло еще до переселения их на Северный Кавказ, как резонно замечает Л. И. Лавров²⁴⁹.

О социальной и имущественной дифференциации среди абазин, в том числе и среди тех абазин, которые жили на территории современной Карачаево-Черкесии, мы имеем некоторые сведения в позднесредневековых письменных источниках. Так, выше мы приводили сообщение Эвлии о том, что в стоянке Дудургай, населенной кабардинцами и абазинами-дударуковцами, находящейся между Верхней Кубанью и Малым Зеленчуком, жили бедняки. По некоторым данным мы можем судить о социальных группах абазинского общества.

Так, об абазинских князьях имеются упоминания в преданиях. Ш. Б. Ногмов называет двух сподвижников Инала (XV в.) — абазинских князей Аше и Шаше. Дочь князя Ашева была первой женой Инала²⁵⁰.

Об абазинских князьях, живших на восточном побережье Черного моря, сообщают Жан де Люк²⁵¹ и Эвлия. Как пишет Эвлия, восточно-причерноморские абазинские князья, «беки», имели вооруженные дружины, состоявшие из нескольких тысяч воинов²⁵². По словам того же

автора, у абазин Бебирдкач (бибердовцы, жившие в Пятигорье) правителями были четыре брата. Двое из них подчинялись кабардинским бекам и двое — тавустанскому султану²⁵³.

Имена абазинских князей имеются в русских источниках XVI—XVII вв. При Грозном выехал служить на Русь князь Казый — Василий Карданукович Черкасский. По предположению Е. Н. Кушевой, мурза Дударуко, названный в родословной XVII в. как дед Василия и отец Кардануко, является основателем абазинской княжеской фамилии Дударуковых и тождествен Тutoryку Езболуеву, который в 1555 г. приезжал в Москву с жанеевским князем Сибоком. Его брат Алкыч мог быть родоначальником фамилии Клычевых²⁵⁴. В документах 1634, 1643 и 1645 гг., опубликованных Е. Н. Кушевой, упоминаются абазинские мурзы Кумургука Отлепшукин Ловов и его брат Цека мурза; Хачака мурза Янгемир, Саралп мурза Левов (т. е. Лоов), Казый мурза Доруков, Янсох Бийбердеев, Алкас Бегишев, Джаным Бабуков, Тамбука Левов, Янхот Левов. Выше (стр. 198) мы приводили мнение Е. Н. Кушевой, которое мы разделяем, что здесь перечислены представители главнейших абазинских княжеских фамилий — Джантемировых, Лоовых, Дударуковых, Бибердовых. Джаным мурза Бабуков, возможно, представлял бабуковцев, Алкас Бегишев — Багошевых из баговцев, Тамбука Левов мог быть родоначальником владельцев Тамбукаевых²⁵⁵.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подразделения абазин носят имена своих феодальных владельцев (дударуковцы, лоовцы и т. п.). То же самое наблюдается и у некоторых прибрежных абхазских и абазинских групп. Так, З. В. Анчабадзе замечает, что упоминаемые в рассказе Эвлии названия — «Чач», «Чанды», «Арт» — восходят к фамильным названиям феодалов — Чачба, Цанба, Артба и др.²⁵⁶.

Князья имели вооруженную дружину и владели селением или несколькими селениями (например, в Большом Чанда под властью бека объединялось 25 селений). Эвлия называет кабаком поселение Кютаси, но в данном случае под кабаком он понимает не селение целиком, а обособленные части селения, каждая из которых укреплена, как замок²⁵⁷.

Крупным дворянам — амыстаду (аамыста ду, агIмыста ду) — принадлежали отдельные селения, где не было князей. Они имели дружину из мелких дворян. В переводе термин «аамыста ду» значит «большой дворянин». По мнению З. В. Анчабадзе, этот термин является буквальным переводом грузинского «дидебули азнаури» («великий дворянин»), бытовавшего в грузинской феодальной действительности лишь до XIV в., а затем замененного термином «тавад». Абхазы не знают термина «аамыста ду», называя крупных дворян атауд. Абазины-шкарауовцы называют крупных дворян как атауд, так и тавад. Таким образом, термин «амыстаду» возник у абазин-тапантовцев еще на побережье Черного моря до переселения их на северные склоны Кавказского хребта, не позднее XIV в.²⁵⁸. Но в таком случае нужно признать, что и социальная категория, соответствующая этому термину, возникла у абазин-тапантовцев не позднее XIV в. Подробности правового положения свободных крестьян-акавов неизвестны²⁵⁹. В русских документах XVII в. свободные абазинские крестьяне названы «абазинскими людьми», «людьми Абазинские землицы»²⁶⁰.

По поводу термина «грыгIва» по отношению к крепостным крестьянам З. В. Анчабадзе пишет, что он мог возникнуть у шкарауовцев не ранее XVII в.²⁶¹. Термин же «лыг» возник у тапантовцев раньше. Оба термина, а следовательно, и социальные группы, им соответствующие, — крепостные или закрепощаемые крестьяне, очевидно, появились

еще тогда, когда эти абазинские группы жили на побережье Черного моря.

Рабов было немного, и положение их не отличалось от положения рабов у адыгов²⁶².

Надо думать, что на развитие феодализационных процессов в абазинском обществе оказывал влияние и тесный контакт с кабардинцами и бесленеевцами, у которых феодальные отношения были довольно развиты. Известно, что в XVII в., а может быть и несколько ранее, абазины попали в зависимость от кабардинских и бесленеевских феодалов. Борьба между абазинами и кабардинскими и бесленеевскими князьями отражена в народных преданиях²⁶³. О зависимости абазин-бибердовцев от кабардинских беков пишет Эвлия.

Судя по преданиям и более поздним данным, причиной столкновений между абазинами, с одной стороны, и кабардинскими и бесленеевскими князьями — с другой, было то, что абазины, постепенно расселяясь по северным склонам Кавказского хребта, вышли в предгорные и равнинные районы и поселились на землях, которые кабардинские и бесленеевские князья считали своими. За это на абазин была наложена дань и они подвергались всяческому притеснению²⁶⁴.

Абазинские феодалы в свою очередь захватывали земли и считали себя их владельцами. Е. Н. Кушева отмечает, что из слов Кумургуки Лоова следует, что у абазин в XVII в., как и в Кабарде, «Абазинской землицей» владела большая феодальная семья под верховенством «большова» брата. В документе 1634 г. владельцами названы «12 братьев» во главе с «большим братом» — Цекой мурзой²⁶⁵.

Между различными социальными группами адыгского и абазинского общества в период позднего средневековья не было мира. Возникавшие трения и противоречия неизбежно должны были приводить к классовой борьбе, которая принимала пассивные, а иногда и активные формы.

Характерным явлением данного периода было то, что борьба против своих феодалов тесно переплеталась с борьбой против иноземцев, стремившихся укрепиться на Северо-Западном Кавказе, — сначала против генуэзцев, а потом против турок и крымских татар.

Местная знать поддерживала генуэзцев. Простой же народ не мог мириться с тем, что местная знать, а иногда и сами генуэзцы устраивали настоящие облавы на крестьян, угоняли в неволю молодых мужчин, женщин и детей²⁶⁶. Генуэзцы вмешивались во внутренние дела местного населения, запрещали местным жителям из простонародья держать дома оружие, генуэзские купцы заключали крайне невыгодные для местного населения торговые сделки, принуждая его к этим сделкам угрозами лишения соли. Все это приводило к восстаниям в генуэзских колониях. Любопытно, что к восставшим беднякам из местного черкесского и абазинского населения присоединялись и бедняки из среды самих генуэзцев. Генуэзские власти жестоко подавляли восстания, учиняя кровавую расправу с восставшими, «на страх» прочим. Однако социальных верхов местного населения эти меры не касались. Даже те черкесские и другие местные феодалы, которые выступали против господства генуэзцев на Западном Кавказе, репрессиям не подвергались, напротив, их пытались задобрить щедрыми дарами²⁶⁷.

Столкновения местных жителей с франками-генуэзцами происходили не только в генуэзских колониях на восточном берегу Черного моря и в низовьях Кубани. Адыгские предания сохранили нам память о борьбе с франками и в глубинных районах Северного Кавказа. Так, Дюбуа де Монпере приводит предание о том, что кабардинцы изгнали франков из района, где находится Хумаринский (Шоанинский) храм²⁶⁸.

С усилением крымско-турецкой агрессии начались выступления местного населения против крымских и турецких феодалов. Положение было такое же, как и в борьбе с генуэзцами. Часть местной знати поддерживала крымских и турецких феодалов, получала от них подарки, роднилась с ними, вступала в отношения аталычества. Простое население противилось притязаниям крымско-турецких захватчиков. Иногда к этим выступлениям примыкали и некоторые феодалы, преследуя, конечно, свои интересы.

К числу наиболее «мятежных» черкесов относились жанеевцы, прибрежные шефаки, черкесы, жившие в районе Тузлы²⁶⁹. О прибрежных шефаках Эвлия пишет, что они «платят десятину только тогда, когда их к тому принуждают, и вообще очень склонны к мятежам»²⁷⁰.

Данные о классовой борьбе в глубинных районах закубанской части Северо-Западного Кавказа до XVII в. отсутствуют. По-видимому, и до XVII в. имели место такие пассивные формы классовой борьбы, как бегство закрепощаемых крестьян и рабов от своих господ. В XVII в. случаи побегов рабов, судя по приведенному выше сообщению Тавернье, стали явлением весьма обычным. Убегали от своих хозяев и пшитли. Так, имеются сведения о том, что рабы и крепостные крестьяне бежали в Терки и к русским, принимали христианство и тем самым освобождались от неволи²⁷¹. Это бегство приняло столь массовый характер, что в конце XVII в. кабардинские князья и уздени обратились с челобитной на имя Петра I с просьбой, чтобы их слугителей из рабов, «бежавших к русским и принявших христианскую веру, для того чтобы освободиться от неволн», «возвращать к ним»²⁷².

В 30-х годах XVII в. классовые противоречия в Закубанье настолько обострились, что пассивные формы классовой борьбы уступили место активным.

Эти события имеют непосредственное отношение и к истории Карачаево-Черкесии, так как инициаторы вооруженного выступления против феодалов — абадзехи — в числе прочих районов населяли и юго-западную часть современной Карачаево-Черкесии — верховья Лабы.

Об этих событиях на основании преданий писали Д. Белль и Н. Каменев²⁷³. Их касались авторы брошюры «Адыгея»²⁷⁴. Более подробно эти события (с привлечением данных Н. Витсена) освещены в работах Е. С. Зевакина²⁷⁵ и В. К. Гарданова²⁷⁶.

Джемс Белль, посетивший Западную Черкесию в 1837, 1838 и 1839 гг., со слов старика черкеса Субаша записал, что около 200 лет назад между черкесским народом и знатью происходила борьба, в результате которой в стране впервые власть феодальной аристократии пошатнулась²⁷⁷. Н. Каменев в 1857 г. собрал и в 1867 г. опубликовал адыгские предания, в которых также сохранилась память об этой борьбе²⁷⁸. Так же как и у Белля, эти события приурочиваются к 30-м годам XVII в. Согласно Н. Каменеву, 236 лет назад, т. е. в 1631 г., абадзехи начали вытеснять бжедугских феодалов с верхнего и среднего течения Псекупса. Окончательное вытеснение бжедугов произошло в 1639 г. Бжедугские феодалы со своими подданными принуждены были покинуть эти места. «Абадзехи, — отмечает Н. Каменев, — были народ демократический. Они держали связь с простонародьем шапсугов, бжедугов и натухайцев, раздували ненависть к высшему сословию. Изменить внутренний строй у соседей было господствующим желанием абадзехов, уничтожить самоуправство князей было господствующим стремлением среднего сословия. При таком настроении умов революция стала неизбежной, и вот в последних годах прошедшего (XVIII в. — Е. А.), столетия она вспыхнула в шапсугских племенах. Псекупские абадзехи

не упустили случая принять горячее участие в возмущении среднего сословия против сословий привилегированных, и, несмотря на страшные потери, понесенные ими в Бзюкской битве, они поддержали упавший дух шапсугов и помогли им учредить народное собрание, основанное на выборном начале»²⁷⁹.

В XVIII в. в районе Закубанья, как известно, образовались так называемые демократические племена, изгнавшие князей. К этим «племенам» относятся кроме абадзехов шапсуги и натухайцы. Права и привилегии дворянства у этих племен были ограничены, а власть перешла к старшинам из среды наиболее влиятельных тльфокотлей. Однако «демократичность» общественного строя трех названных «племен» была весьма условна, так как «поднявшаяся на гребне антидворянского движения старшинская знать, по существу, была новой феодальной прослойкой неродовитого дворянства в его своеобразном кавказском варианте»²⁸⁰.

Таким образом, судя по преданиям, начало ожесточенной классовой борьбы в Закубанье относится к 30-м годам XVII в. То, что указанные события действительно происходили здесь в XVII в., подтверждается сообщением Витсена. Как пишет Витсен, «некий анонимный писатель, чье сочинение опубликовано в Париже в 1679 г. ... говорит про черкесов... что они истребили у себя крупную и мелкую знать и теперь управляются начальниками или вождями, которые живут в полном согласии с общиной»²⁸¹.

Предание, отражающее классовую борьбу в Кабарде, мы находим и в книге Ш. Б. Ногмова. Ш. Б. Ногмов рассказывает о «гордом» князе Кайтуко Тохтамышевиче, которого народ изгнал, и князь со своей семьей вынужден был жить в шалаше до тех пор, пока не обещал поступать с народом «по справедливости»²⁸².

Итак, в период позднего средневековья и у адыгов и у абазин уже существовали раннефеодальные отношения. Более отчетливыми, судя по источникам, они становятся в XVI и особенно в XVII в.; у адыгов (в том числе и у закубанских) классовые противоречия в XVII в. настолько обострились, что привели к активной классовой борьбе.

НОГАЙЦЫ

Основой хозяйства ногайцев было скотоводство ярко выраженного кочевого типа. Поселившись в XVII в. в закубанской части Северо-Западного Кавказа, в частности в верховьях Кубани, ногайцы в основном продолжали оставаться кочевниками-скотоводами. Говоря о ногайцах, обитавших в районе Крыма и западной части Северо-Западного Кавказа, Жан де Люк пишет следующее: ногайцы «питаются мясом и молоком, которого у них весьма много... Пьют ирам (айран), состоящий из кислого коровьего молока, смешанный с водой... в праздник они пьют кобылье молоко, которое у них называется кумысом... Скот служит для выкупа пленных... Скота у них очень много. Когда я был в Балюткос („деревня“) в стране черкесов, меня позвал в дом Демир („начальник крепости“). У него спросил я: сколько голов скота в его стаде пасется вокруг его кибитки? Из ответа оказалось, что более 400 000 (?) голов скота. Вот почему они никогда не остаются на одном месте, а беспрестанно переходят, отыскивая новые пастбища... Они народ кочевой. Их равнины представляют обширные хорошие пастбища. Очень много водится у них скота... Коровьего масла у них весьма много»²⁸³. По словам д'Асколи, ногайцы не сеяли, не жали, питались мясом, преимуществен-

но кониной, и пили кобылье молоко. Они вели кочевой образ жизни, переезжали с места на место в повозках, запряженных волами, разводили лошадей, овец, волов²⁸⁴. Как пишет Эвлия, ногайцы кочевали по горам и степям со своим скотом. Они впрягали верблюдов в телеги, на которых устанавливали свои войлочные кибитки²⁸⁵. Ни у одной татарской народности, заключает Эвлия, нет столько скота, сколько у ногайцев Чобан-Эли²⁸⁶.

Таким образом, в стаде кочевников-ногайцев были овцы, коровы, лошади и верблюды. Со своими многочисленными стадами ногайцы кочевали по предгорным районам Северо-Западного Кавказа в кибитках, установленных на телегах, в которые были впряжены волы или верблюды. Кибитки, или юрты, ногайцев, по словам д'Асколи, напоминали по форме «церковные купола», имели основу из тонких прутьев и покрывались войлоком. Наверху было отверстие для дыма²⁸⁷. Авторы XVII в. Какаш и Тектандер отмечают, что юрты ногайцев были очень красивы и сделаны из войлока и хлопчатобумажных тканей разного цвета²⁸⁸. Тавернье замечает, что у ногайцев юрты («шатры», как он их называет) служили убежищем для стариков, малых детей и рабов, которых запирали. Мужчины дома не сидели. Для молодоженов были отдельные шатры. Каждая девушка с 11—12 лет имела отдельную палатку на повозке, где сидела затворницей до замужества²⁸⁹. По словам Жана де Люка, каждая семья имела две юрты — меньшую для мужа с женой, большую для детей²⁹⁰.

Итак, основная масса ногайцев, поселившихся на левобережье Кубани, продолжала вести кочевой образ жизни. Однако какая-то часть закубанских ногайцев уже во второй половине XVII в. стала переходить к оседлому, земледельческому образу жизни. Этот постепенный переход и подметил Эвлия. Некоторые ногайцы в зимнее время обосновывались в каких-либо населенных пунктах или крепостях, где они устанавливали свои кибитки. Так, Эвлия указывает, что на берегу р. Дженджек (Малый Зеленчук) находилась крепость, построенная крымским ханом. Крепость была квадратной формы и имела деревянную «дверь» в северной стороне. В этой крепости жили арсланбековские ногайцы. Их «дома» были сделаны из войлока. В крепости были маленькая мечеть и один татарский имам. В окрестностях крепости находились каменные дома, которые принадлежали Арсланбеку и другим мирзам. Потолки этих «домов» были покрыты камышом²⁹¹.

К зимним стоянкам ногайцев относились и крепости Чобан-Эли и Чобан-Каласы, находившиеся, очевидно, недалеко от р. Псебай, в районе Малой Лабы. Эти ногайцы отчасти занимались земледелием, засевая определенные участки земли. «Все ногайские татары, — пишет Эвлия, — землю пахут при помощи верблюдов. Они сеют пшеницу, ячмень и просо»²⁹². Обрушенное просо ногайцы употребляли в пищу, приготавливая из него суп с маслом и молоком (щербу) и, подобно черкесам, напиток мексеме, бузу²⁹³.

Значительную часть необходимых вещей ногайцы выменивали на скот и продукты скотоводства. Но многие виды домашнего производства у них были. О домашнем производстве у кипчаков, предков ногайцев, сообщают В. Рубрук и Плано Карпини²⁹⁴. Некоторые заключения по этому вопросу можно сделать из сообщений Олеария²⁹⁵. Мужчины делали кибитки, занимались шорным делом. Женщины выделывали шкуры животных, изготавливали из жил нитки, шили шубы и шапки из овечьих шкур. Из кожи делали бурдюки, шили обувь (последнюю иногда изготавливали из привозного сафьяна). Делали войлоки, в том числе узорные, для покрытия юрт и других нужд. Одежду шили из инозем-

ных бумажных материй и из сукна. Женские кафтаны украшались богатой вышивкой.

При кочевом образе жизни у ногайцев не было условий для развития многих видов ремесла. Ремесла у них стали появляться при переходе к оседлому образу жизни. Так было, например, у ногайцев, поселившихся в Астрахани²⁹⁶. Возможно, то же происходило и с ногайцами, которые стали жить «неподвижными деревнями» на Лабе, на Верхней Кубани, на Зеленчуках и в других местах закубанской части Северо-Западного Кавказа. В таком случае железные ножницы, колечки, пряжки и прочие вещи, найденные в могильниках XVII в., которые мы предположительно считаем ногайскими (например, у аула Кубины), могут быть и изделиями ногайских мастеров.

Ногайцы, жившие в Поволжье и в других степных районах европейской и азиатской части юга нашей страны, имели весьма оживленные торговые связи с Россией и другими странами и народами. В Москву, Казань и другие русские города ногайцы гнали тысячи голов скота и получали за скот необходимые продукты и вещи²⁹⁷. В «Донских делах» есть сведения о том, что ногайцы, жившие в районе Темрюка, Азова, Тамани, получали от русских вино, мед, неводы и «коюки, в чем рыбу ловят»²⁹⁸.

О внешнем обмене ногайцев, живших в Закубанье, в частности в верховьях Кубани и Зеленчуков, мы данных не имеем. С соседними же северокавказскими народами, в частности с черкесами, обмен, безусловно, существовал. Так, польский дворянин Тарановский, проезжавший по Северо-Западному Кавказу в 1569 г., говорит, что черкесы торговали с ногайцами, поставляя последним сукна и другие предметы своего изготовления, а взамен получали от них овец и прочий скот²⁹⁹. Жан де Люк отмечает, что черкесы поставляли ногайцам просо в обмен на скот³⁰⁰.

В заключение раздела коснемся вопросов, связанных с общественным строем ногайцев.

Говоря о ногайцах конца XIV—XVI в., А. П. Окладников пишет, что «в Ногайской орде, несмотря на развитие феодальных отношений, долго существовали пережитки патриархального строя»³⁰¹. М. Г. Сафаргалиев, характеризуя особенности социальных отношений в Ногайской орде в XVI в., отмечает, что она была децентрализована: власть князя была очень слаба, каждый ногайский мурза, ставший нураддином или кековатом, считал себя самостоятельным государем³⁰². Приведенные М. Г. Сафаргалиевым материалы говорят о наличии раннефеодальных отношений в Ногайской орде при отчетливом сохранении черт патриархально-родового строя, например родо-племенного деления ногайского общества. С. А. Токарев характеризует социальный строй ногайцев в прошлом как «патриархально-родовой», находившийся в стадии разложения. Оформленных сословий, резко выраженного классового расслоения у ногайцев не было. Только у западных ногайцев под влиянием черкесов сложились сословные группы: султаны и мурзы, свободные и несвободные крестьяне³⁰³. С. А. Токарев отмечает также, что «у ногайцев до настоящего времени сохранились следы деления на племена»³⁰⁴. Л. Н. Кужелева замечает, что процесс классообразования в Ногайской орде начался еще в XV в.³⁰⁵. У ногайцев был класс феодалов и феодально-зависимое население. Но наряду с социальными различиями существовали пережитки родового деления. Ногайцы-кочевники сохраняли значительно больше черт патриархально-родового быта, чем кубанские ногайцы. Общественный строй ногайцев Л. Н. Кужелева характеризует как феодально-патриархальный³⁰⁶.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники говорят о том, что классовые, феодальные отношения складывались у предков ногайцев еще тогда, когда они были в составе Золотой Орды. В эпоху расцвета Золотой Орды вокруг наиболее крупных военачальников-феодалов стали группироваться отдельные кочевнические улусы.

В XV—XVII вв. у ногайцев уже существовали эксплуататоры и эксплуатируемые. Феодалы именовались в русских источниках «улусные лучшие люди»³⁰⁷, а простой народ — просто «улусные люди» или «черные люди»³⁰⁸. «Лучшие люди» находились на разных ступенях феодальной иерархической лестницы.

Во главе каждой орды стоял князь, а затем его наследник нураддин и военачальник — кековат. Вначале они подчинялись князю, но позднее занимали почти равное с ним положение. Каждый из них имел свой улус, определенные места кочевья, правил независимо от князя и пользовался известной частью доходов с орды³⁰⁹. Князь имел значительное войско. Так, Едигей, по словам Клавихо, имел постоянное войско — более 200 тыс. всадников³¹⁰.

В русских источниках князья назывались князьями или мурзами, в западноевропейских — мирзами, в турецких — беками. Сами ногайцы князей называли мурзами, хотя, по существу, мурзы — это категория знати, стоящая ниже князей.

В источниках упоминаются имена князей, владетелей орд — Едигея, Нуратдина, Оккаса (см. гл. V); князя Большой Ногайской орды Исмаила и князя Малой Ногайской орды Казыя, виновника распада Ногаев на Больших и Малых (XVI в.). В источниках XVII в. называются имена князей, которые кочевали в закубанской части Северо-Западного Кавказа, например в русских документах неоднократно встречается имя князя Касая, о чем мы уже говорили. Ф. Елчин и П. Захарьев упоминают ногайского мурзу Урыстамбеку, который был зятем карачаевских мурз Ельбуздуки и Галистана³¹¹.

Жан де Люк упоминает богатого ногайского мурзу Демира, который жил в Черкесии, в Балюткое³¹². Балюткой — Булткай (Булаткай) Эвлии находился на р. Белой, в районе проживания черкесов-темиргоевцев. Эвлия также указывает, что в этой местности вместе с черкесами жили и ногайцы³¹³. На Джэнджеке (Малом Зеленчуке) жил ногайский предводитель Арслан-бек вместе со своими мирзами³¹⁴.

Мурзы, или, правильнее, мурзы, стояли ступенью ниже князей. Они составляли ногайское дворянство. У ногайцев для обозначения дворян не было термина, отличного от того, который употреблялся для обозначения князей. Дворяне, как и князья, именовались мурзами. Мурзы владели улусами и простыми улусными людьми. Улусы они получали от князя в управление, но чаще право на управление передавалось по наследству³¹⁵.

Улусы были слабо связаны между собой. Ногайские мурзы, стоявшие во главе улусов, лишь условно признавали князей своими «старшими братьями». Каждый мурза считал себя господином в своих владениях³¹⁶.

По источникам более позднего времени нам известно, что у ногайцев существовала и мелкая знать — кайбаши³¹⁷.

Надо думать, что и в интересующий нас период кроме мурз, стоявших во главе улусов, были и более мелкие владетели, возглавлявшие племена (кубы) и роды. Дело в том, что у ногайцев долгое время сохранялось родо-племенное деление. Возможно, о таких владетелях пишет Тавернье. Говоря о ногайцах, он замечает: «Каждое племя (tribu) управляется ханом (khan)»³¹⁸. Хан в данном случае — не верховный

владыка орды или улуса, а предводитель более мелкого подразделения, племени.

К привилегированным сословиям принадлежало также довольно многочисленное мусульманское духовенство ³¹⁹.

Князья и мурзы владели значительными материальными ценностями, и прежде всего скотом. Так, у ногайского мурзы Демира, жившего в Черкесии, в Балюткое, было, по словам Жана де Люка, более 400 тыс. голов скота ³²⁰. Турецкие источники пишут о ногайских богатых людях, которые владели табунами скота в тысячу голов ³²¹. У князей и других знатных ногайцев, живших в Крыму, по данным д'Асколи, были селения и дворцы ³²². Около крепости на р. Дженджек, по словам Эвлии, находились каменные дома, которые принадлежали знатым ногайцам во главе с Арсланбеком ³²³.

Богатые и знатные носили одежду, отличную от одежды бедных. «Мурзы носят шапки из куньего меха, которые доставляют им из страны черкесов», — замечает Жан де Люк ³²⁴. Как пишет Тавернье, отличительным признаком ранга знатных ногайцев являлась шуба из шкуры волка. Тот же автор отмечает, что, когда умирал ногаец, родственники его приглашали муллу. Мулла читал молитвы у бедных (pauvres) три дня и три ночи, а у богатых (riches) — месяц и более ³²⁵.

О поволжских и других ногайцах известно, что их мурзам принадлежали пастбища и охотничьи угодья ³²⁶. Очевидно, так же было и у закубанских ногайцев, хотя в тех источниках XVII в., которые были в нашем распоряжении, прямых указаний на это найти не удалось.

Если «лучшие люди», зная, владели большими богатствами, то «черные люди» были настолько бедны, что не имели возможности приобрести даже бумажную материю и ели впроголодь. «У них [ногайцев], — отмечает Жан де Люк, — считается роскошью носить штаны из бумажной материи» ³²⁷. «Среди простонародья немало таких, которые никогда не едят хлеба» ³²⁸, — пишет д'Асколи. «Если кому-нибудь есть нечего, — читаем мы у Жана де Люка, — то идет туда, где едят» ³²⁹. Бедные юноши, не имея средств для калыма, устраивали скачки, чтобы выиграть приз и расплатиться за невесту ³³⁰.

Улусные, черные люди, холопы князей и мурз находились в зависимости от своих господ. Они должны были кочевать вместе с мурзами, во время походов являться с оружием и запасами продовольствия, «сколько одному человеку поднять можно», вносить определенную подать в пользу господина ³³¹.

Некоторое значение имело домашнее рабство. При дворе мурз на положении домашних слуг были пленные и купленные холопы (рабы). Труд рабов применялся и в хозяйстве при пастьбе скота, рытье колодцев, сборе топлива. Как сообщает М. Броневский, невольники у ногайцев роют колодцы, собирают и сушат навоз, который употребляется для топлива, пасут бесчисленные стада своих повелителей ³³².

Положение рабов, судя по источникам XVII в., было очень тяжелым. Часть рабов держали под замком ³³³. Другие, находившиеся на «свободе», должны были ночевать под открытым небом, на снегу и не допускались в кибитки даже в сильные морозы ³³⁴.

Некоторые из рабов-кулов со временем превращались в крепостных. Так, М. Г. Сафаргалиев приводит весьма любопытный русский документ 1629 г., из которого можно заключить, что некоторые рабы-кулы имели лошадей и другой скот. Основываясь на этом документе, М. Г. Сафаргалиев делает вывод, что у ногайцев даже холопы (рабы-кулы) имели скот. «Очевидно, — заключает М. Г. Сафаргалиев, — мы имеем дело с эволюцией холопа в крепостное состояние» ³³⁵. В разряд крепо-

стных (йоллы кул) переходили постепенно и многие лично свободные рядовые улусные люди³³⁶.

Закубанские ногайцы по своему развитию как экономическому, так и социальному, стояли выше других ногайцев, что отмечается многими исследователями³³⁷.

У ногайцев были сильны пережитки патриархально-родового строя: ответственность всего рода за проступок, совершенный сородичем, суд по обычаям, калым, гостеприимство, обычай кормить голодных бедняков из своей среды, если они придут «туда, где едят», о котором пишет Жан де Люк, и пр. Отец был полным властелином в семье. Существовали еще выборные должности военачальников в зависимости от личных качеств избираемого (храбрости и т. п.), но лишь из среды мурз³³⁸. Сохранилось родо-племенное деление на племена и роды.

Принимая во внимание все эти особенности, мы считаем не совсем верной характеристику социального строя у ногайцев в интересующую нас эпоху, да и в более поздние столетия, даваемую некоторыми исследователями. Так, С. А. Токарев пишет следующее: «Социальный строй ногайцев в прошлом может быть охарактеризован как патриархально-родовой строй, находившийся в стадии разложения. Оформленных сословий, резко выраженного классового расслоения у ногайцев не было. Только у западных ногайцев под влиянием черкесов сложились сословные группы: султаны и мурзы, свободные и несвободные крестьяне (освобождение зависимых сословий произошло в 1867 г.)»³³⁹.

Вполне солидаризуясь с точкой зрения автора в вопросе о том, что западные (в частности, прикубанские) ногайцы стояли на более высоком уровне социального развития, чем остальные ногайцы, мы не можем согласиться с ним в общей оценке социального строя ногайцев «в прошлом» как патриархально-родового, хотя и «находившегося в стадии разложения». Пережитки патриархально-родового строя, отмеченные у ногайцев, характерны и для других народов, в том числе и народов Северного Кавказа, вплоть до XIX — начала XX в. Однако это не дает основания считать, что у этих народов вплоть до начала XX в. был «патриархально-родовой строй в стадии разложения». Что касается сохранившегося у ногайцев деления на племена и роды, то это была только старая форма, которая наполнилась новым содержанием.

Приведенные выше данные говорят о заметной социальной и имущественной дифференциации в ногайском обществе XV—XVII вв. Следовательно, не сохранилась самая главная особенность рода — общее потребление, имущественное равенство. Ногайские «племена» и «роды» (так же как и западночеркесские «племена») были, по существу, уже зарождающимися ячейками феодального общества, хотя члены рода, по-видимому, оставались еще связанными общим происхождением. Правильно пишет А. Л. Якобсон, что «родовая организация татар (крымских и ногайских. — Е. А.) была лишь оболочкой для отношений, типичных для кочевого феодализма в том виде, в каком он сложился в монгольской империи Чингисхана в XII—XIII вв.; отсюда... вышли и татарские племена со своими вождями (беями), перенесшими... укоренившиеся на родине порядки»³⁴⁰.

Еще у предков ногайцев были антагонистические группы (вспомним кипчакских беев и ёзден, кулов и караушей в «Кодексе Куманикус»). У самих ногайцев в XV—XVII вв. были и мурзы (князья и дворяне), и «черные улусные люди», и рабы,— как же можно говорить о том, что у ногайцев «не было классового расслоения»?

Безусловно, феодализм у кочевников-ногайцев имел отличительные особенности, свойственные вообще кочевым народам³⁴¹. Но и эти осо-

бенности в закубанской части Северо-Западного Кавказа со временем утрачивались под влиянием соседства с адыгами и другими народами и в связи с постепенным переходом к оседлому образу жизни.

Социальный строй закубанских ногайцев во второй половине XVII в., как и строй других народов Северо-Западного Кавказа, можно характеризовать как раннефеодальный, с сильными пережитками патриархально-родовых отношений.

* * *

Резюмируем сказанное в настоящей главе. Говоря об экономике народов Северо-Западного Кавказа (в том числе и населения Карачаево-Черкесии) во второй половине XIII—XVII в., следует отметить, что на протяжении четырех с половиной столетий в хозяйственной жизни этих народов изменений произошло мало. Хозяйство было натуральным, техника производства рутинная, население разобщено, что и обусловило застойный характер производства. Большой урон экономике Северо-Западного Кавказа нанесло татаро-монгольское нашествие. Особенно пострадало земледелие. Нормальное развитие экономики тормозили и массовые передвижения населения, имевшие место после монгольского нашествия. Развитию экономики препятствовали также постоянные феодальные междоусобицы и неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, главным образом набеги крымских и турецких феодалов. Не всегда способствовали ликвидации натурального характера хозяйства и природные условия, в частности в высокогорных районах.

И все же нельзя утверждать, что на протяжении четырех с половиной столетий экономика Северо-Западного Кавказа, в том числе верховьев Кубани и Зеленчуков, не изменялась и оставалась на уровне рубежа XIII—XIV вв.

Главнейшими отраслями хозяйства были скотоводство и земледелие. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют установить, какой вид хозяйства — скотоводство или земледелие — был ведущим у населения Закубанья, в том числе и верхнего Прикубанья в период позднего средневековья. Очевидно, у различных этнических групп и в разных районах соотношение удельного веса скотоводства и земледелия в хозяйстве было различным, как и позднее, в XVIII — первой половине XIX в.³⁴² Но можно сказать, что вообще роль скотоводства по сравнению с раннесредневековым временем возросла. После такого переломного момента в историческом и экономическом развитии народов Северного Кавказа, каким было татаро-монгольское нашествие и походы Тамерлана, из всех отраслей хозяйства в лучшем положении оказалось скотоводство, как наименее пострадавший и наиболее быстро восстанавливаемый вид хозяйства.

С течением времени, особенно на втором этапе позднего средневековья, стало развиваться и совершенствоваться земледелие — об этом мы можем судить по данным Витсена, Тавернье и других позднесредневековых авторов. Земля под посевы обрабатывалась в основном плугом. Это подтверждают данные не только письменных источников, но и археологические находки в Восточном Причерноморье и в Закубанье. Продукты земледелия, в частности просо, использовались не только для внутреннего потребления, но и для обмена. Так, например, черкесы снабжали просом ногайцев. Земледелие с давними традициями существовало и у карачаевцев, и у адыгов, и у абазин. Во второй половине XVII в. к оседлому, земледельческому образу жизни стали постепенно переходить и ногайцы, поселившиеся на Лабе, Верхней Кубани, Зеленчуках.

У населения верховьев Кубани и Зеленчуков кроме домашнего производства существовали и некоторые виды ремесла, обработка прежде всего металлов — кузнечное, оружейное дело, ювелирное искусство.

О внутреннем обмене мы сведений не имеем. Если он и существовал, то, по-видимому, был развит очень слабо. Но о внешнем обмене у нас имеются вполне определенные данные. Развитию внешнего обмена у населения верховьев Кубани и Зеленчуков способствовало то обстоятельство, что через эту территорию проходили важнейшие торговые пути, связывавшие Предкавказье с Западным Закавказьем. Торговые караваны проходили через Клухорский, Марухский, Санчарский и другие перевалы Карачаево-Черкесии.

Для внешнего обмена местное население поставляло скот, продукты скотоводства, иногда продукты земледелия (просо) и домашнего производства, а также невольников. Обмен был безденежным. Торговлю вели иноземные купцы — генуэзцы и другие итальянцы, греки, армяне, турки и др. Но, судя по некоторым намекам, имеющимся в источниках XVII в., по-видимому, в это время были купцы и из местного населения. В XVI—XVII вв. у населения Закубанья и более восточных районов существовали эпизодические торговые связи с русскими. Следует отметить, что если генуэзцы и турки требовали от местного населения главным образом невольников, то в торговле с русскими этой статьи обмена не существовало.

Городов на территории Карачаево-Черкесии в период позднего средневековья не было. Однако это не означает, что некоторые крупные поселения не могли быть центрами определенных видов ремесла и, возможно, обмена. Для сравнения можно привести центры ювелирного дела в Дагестане, в частности аул Кубачи, которые также являлись поселениями сельского типа. Говоря о некоторых «стоянках» и «местечках» абазин и черкесов (в частности, черкесов-бесленевцев), Эвлия Челеби особо отмечает, что население этих поселков занималось ремеслом. Тот же автор называет несколько селений, вокруг которых происходили ярмарки.

Таким образом, даже те скудные данные, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что в Закубанье, в частности в верховьях Кубани, в период позднего средневековья производительные силы общества не стояли на месте, они развивались, хотя и медленными темпами.

Определенные сдвиги в развитии производительных сил оказывали влияние и на развитие производственных отношений, вносили коррективы в социальную жизнь общества.

Основой общественной жизни продолжала оставаться соседская община. Ее существование и является одной из особенностей раннего феодализма. Процессы становления феодализма, начавшиеся у предков народов Карачаево-Черкесии еще в период раннего средневековья, продолжались на территории Карачаево-Черкесии и в позднесредневековую эпоху. Татаро-монгольское нашествие, походы Тамерлана, последующие массовые передвижения населения сильно затормозили эти процессы, но не могли их ликвидировать.

Ведущие признаки, характерные для классического феодализма, на Северном Кавказе отсутствовали, о них мы просто не можем судить по состоянию источников. Так, ни у одного из народов Северного Кавказа в период позднего средневековья не было единого государства; отягощенность феодальных отношений патриархальными пережитками, господство натурального хозяйства, отсутствие городов приводили к отсутствию централизации и явных элементов государственности³⁴³. Для

политических отношений этого времени на Северном Кавказе характерна феодальная раздробленность, феодальные междоусобицы.

Так как не было феодальных городов, не было и организаций ремесленников и купцов — цехов и гильдий. Очень мало мы знаем о характере феодального землевладения, о повинностях крестьян по отношению к феодалам.

Однако нам известно, что у всех народов Карачаево-Черкесии в эпоху позднего средневековья уже существовали эксплуататоры — феодалы и эксплуатируемые — крестьяне.

Феодальная иерархия существовала, но в неодинаковой степени у разных народов. Так, у карачаевцев к феодалам относилось только сословие биев — князей. У ногайцев существовали и князья и дворяне, но и те и другие именовались одним термином — «мурзы». У адыгов и абазин были князья, крупные дворяне, мелкие дворяне и каждое из сословий имело свое определенное название.

Даже по тем скудным материалам, которые у нас имеются, мы можем сказать, что «неблагородные» («простые люди», «простонародье») в интересующий нас период не составляли единого целого. Основная их масса состояла из свободных крестьян-общинников, но уже существовала категория закрепощаемых крестьян. Эта категория формировалась отчасти из попавших в зависимость к феодалам свободных крестьян, отчасти из получивших некоторые права рабов. Наиболее определенные данные о существовании такой категории крестьян в интересующий нас период мы имеем в отношении адыгов. О положении у абазин мы можем судить только на основании терминологии, у карачаево-балкарцев и ногайцев — по некоторым намекам письменных источников.

Об отработочных повинностях крепостных или закрепощаемых крестьян мы находим некоторые данные в письменных источниках. По-видимому, существовала и продуктовая повинность, но об этом у нас данных нет.

У всех народов Карачаево-Черкесии в интересующее нас время существовала категория рабов. Но, по-видимому, рабов было немного и не они являлись основными производителями.

Феодалы владели материальными ценностями, скотом и, надо полагать, землей. Феодальная собственность, судя по тем косвенным данным, которые мы имеем, существовала в форме нераздельной фамильной собственности, т. е. владельцем земли считался не один какой-либо феодал, а все члены данной феодальной семьи, фамилии.

Таким образом, есть основания предполагать, что существовала собственность феодала на основные средства производства — на землю, скот — и неполная собственность на крепостных крестьян.

Усиление эксплуатации зависимых сословий приводило к обострению антагонистических противоречий. Формы классовой борьбы носили главным образом пассивный характер и выражались в основном в побегам крестьян и рабов от своих владельцев. Но у адыгов в XVII в. классовые противоречия настолько обострились, что привели к вооруженным выступлениям крестьян против феодалов.

Итак, говоря о позднесредневековой эпохе, мы можем отметить черты феодализма (в большей или меньшей степени) у всех народов Карачаево-Черкесии. Однако нужно подчеркнуть, что для общественного строя этих народов характерно сохранение сильнейших пережитков патриархально-родового строя.

¹ Н. С. Иваненков, Карачаевцы, стр. 32—39; Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 31—47; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 23.

- ² В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 23.
- ³ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 309.
- ⁴ В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 26.
- ⁵ Е. И. Крупнов, Древняя история, стр. 309.
- ⁶ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 32.
- ⁷ В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 30—31.
- ⁸ Очень показательны в этом отношении рисунки конца XIX—начала XX в.: «Женщины перед выездом на кош» («Народы Кавказа», т. I, стр. 248); «Возвращение с летнего коша» (В. П. Невская, Карачай, стр. 89).
- ⁹ О формах скотоводства, в частности о полукочевом скотоводстве, см. работу С. И. Руденко (С. И. Руденко, К вопросу о формах, стр. 3). Как пишет С. И. Руденко, при полукочевом скотоводстве существовала постоянная оседлость населения, у которого имелись жилища, куда оно ежегодно возвращалось. Но скот содержался не около селений, а на пастбищах, причем имелись пастбища как летние, так и зимние, а также весенние и осенние. Часть населения обычно уходила со скотом на пастбища.
- ¹⁰ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 171, 173. Так, по мнению Е. Н. Кушевой, зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов отражена в названии «Карачаева Кабарда» документа 1636 г. (там же, стр. 173).
- ¹¹ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 53.
- ¹² Ламберти, Описание Колхиды, стр. 2.
- ¹³ С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы, стр. 188—189; М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 74—76.
- ¹⁴ «Русско-карачаево-балкарский словарь», стр. 253.
- ¹⁵ М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, стр. 76.
- ¹⁶ Г. Чурсин, Экономическая жизнь; Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 10, 24.
- ¹⁷ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 31.
- ¹⁸ Киизы — изделия из войлока типа кошмы, более толстые и более тонкие, с узорами и без узоров.
- ¹⁹ Ламберти, стр. 211.
- ²⁰ Г. Ионе, О. Медведева, Чрезвычайное происшествие, стр. 3.
- ²¹ МАК, VIII, стр. 127, рис. 161.
- ²² Г. Ионе, О. Медведева, Чрезвычайное происшествие, стр. 3.
- ²³ В. Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 69—70.
- ²⁴ Следует отметить, что генуэзцы стремились проникнуть в глубинные районы Кавказа не только с торговыми целями. В горах Кавказа они добывали серебряную руду (Де ла Примодэ, История черноморской торговли, стр. 96).
- ²⁵ Н. Каменев, Развалины церкви, стр. 145.
- ²⁶ Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 24; Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 88; П. Г. Акритас, Древний торговый путь, стр. 197—219.
- ²⁷ А. Н. Дьячков-Тарасов, Неизвестный древний торговый путь, стр. 152—155.
- ²⁸ Там же, стр. 153—154.
- ²⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов, О происхождении карачаевцев, стр. 329—333; М. И. Абаев, Балкария, стр. 595.
- ³⁰ Ламберти, стр. 211.
- ³¹ В. А. Кузнецов, Археологические разведки, стр. 207—209.
- ³² [С. А. Белокуров], Материалы для русской истории, стр. 305.
- ³³ Там же, стр. 318.
- ³⁴ Е. Н. Студенецкая, Культура и быт, стр. 354—360.
- ³⁵ Там же, стр. 356.
- ³⁶ См. об этом: В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 8—11.
- ³⁷ Е. Н. Студенецкая, К вопросу о феодализме и рабстве; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 102.
- ³⁸ Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 78.
- ³⁹ «Очерки истории балкарского народа», стр. 37.
- ⁴⁰ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 172.
- ⁴¹ О карачаевской общине в XIX в. см.: В. П. Невская, Карачай в XIX в.
- ⁴² Н. С. Иваненков, Карачаевцы, стр. 27—30, 33—35, 39; Б. Миллер, Из области обычного права.
- ⁴³ В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 133—134.
- ⁴⁴ Н. С. Иваненков, Карачаевцы, стр. 29; У. Алиев, Карачай, стр. 12—33. Дата существования аула Карт-Джурт может определяться по дате могильника на южной окраине аула — XVII в. (см. гл. V).
- ⁴⁵ Е. Н. Студенецкая, Карачаевцы, стр. 261; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 29.
- ⁴⁶ Н. С. Иваненков, Карачаевцы, стр. 32.

- ⁴⁷ Е. Н. Студенецкая, Карачаевцы, стр. 260.
- ⁴⁸ Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 79.
- ⁴⁹ Б. Миллер, Из области обычного права, стр. 13; У. Алиев, Карачай, стр. 37.
- ⁵⁰ В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 80.
- ⁵¹ Б. Миллер, Из области обычного права, стр. 13.
- ⁵² Б. Миллер, Из области обычного права, стр. 5, 7, 10.
- ⁵³ Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 71.
- ⁵⁴ Н. С. Иваненков, Карачаевцы, стр. 34—35; А. Н. Дьячков-Тарасов, Социальные формации, стр. 142.
- ⁵⁵ И. Тамбиев, Карачай прежде и теперь, стр. 4.
- ⁵⁶ Н. С. Иваненков, Карачаевцы, стр. 30.
- ⁵⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 121; «Очерки истории балкарского народа», стр. 28—29.
- ⁵⁸ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 121; «Очерки истории балкарского народа», стр. 28—29; [С. А. Белокуров], Материалы для русской истории, стр. 305; М. А. Полиевктов, Посольство стольника Толочанова, стр. 32, 117, см. также: Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 173; Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 79.
- ⁵⁹ Х. О. Лайпанов, К истории, стр. 26; Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 173.
- ⁶⁰ Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 71.
- ⁶¹ «Очерки истории балкарского народа», стр. 30, 31.
- ⁶² Там же, стр. 31.
- ⁶³ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 173. Зависимость карачаевцев и балкарцев от кабардинских феодалов была установлена еще в XVII в.
- ⁶⁴ А. Н. Дьячков-Тарасов, Социальные формации, стр. 143.
- ⁶⁵ У. Алиев, Карачай, стр. 12, 38.
- ⁶⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов, Социальные формации, стр. 143.
- ⁶⁷ С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы, стр. 194—195.
- ⁶⁸ Х. О. Лайпанов, К вопросу происхождения, стр. 79; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 104.
- ⁶⁹ «Балкарская народная лирика», стр. 37; «Очерки истории балкарского народа», стр. 33.
- ⁷⁰ «Извлечения из сочинений арабских», стр. 231; [Барбаро], Путешествие в Тану, стр. 45; И. Шильтбергер, стр. 60; Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732, 735, 738; Жан де Люк, стр. 490—491; д'Асколи, стр. 125; Эвлия, Путешествие, стр. 179; Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108; кн. VII, стр. 747—749, 752—753; Тавернье, Путешествия, стр. 57; Н. Витсен, Север и восток, стр. 552; см. также: Л. И. Лавров, Развитие земледелия, стр. 219. Подробнее об этом см.: Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре, стр. 56—59; ее же, Экономика, стр. 155, 157.
- ⁷¹ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 735.
- ⁷² Н. Витсен, Север и восток, стр. 553, 557; Л. И. Лавров, Развитие земледелия, стр. 215, 218.
- ⁷³ Л. Люлье, Черкесия, стр. 123.
- ⁷⁴ «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 157.
- ⁷⁵ Тавернье, Путешествия, стр. 57.
- ⁷⁶ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 85.
- ⁷⁷ Такой точки зрения, например, придерживаются Е. И. Крупнов, В. П. Левашева (Е. И. Крупнов, К вопросу о поселениях, стр. 39—40; В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 211).
- ⁷⁸ Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре, стр. 81.
- ⁷⁹ Так, М. Селезнев пишет, что черкесы и кабардинцы «больше всех горцев склонны к оседлой жизни. К переселению же их вынуждали военные столкновения» (М. Селезнев, Руководство к познанию Кавказа, стр. 16). Многие другие авторы согласно утверждают, что причины частых переселений, черкесов, абазин и кабардинцев нужно искать в особенностях внешне- и внутривосточной жизни этих народов (см., например: Л. Лопатинский, Заметки, стр. 13—20; С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия, ч. II, стр. 182; Н. Дубровин, История, т. I, стр. 244—245; А.-Д. Г., Очерк горских народов, стр. 302—303, и др.). См. также: Л. И. Лавров, Абазины, стр. 18—19.
- ⁸⁰ «Извлечения из сочинений арабских», стр. 233; [Барбаро], Путешествие в Тану, стр. 45; д'Асколи, стр. 126; Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108; кн. VII, стр. 750—751.
- ⁸¹ д'Асколи, стр. 126; Эвлия, рук., стр. 718—728, 747—749; 752—753; Олеарий, стр. 390, 427, 463.
- ⁸² д'Асколи, стр. 100; Ж. Шарден, стр. 19.

⁸³ «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 161; Л. И. Лавров, Развитие земледелия, стр. 220.

⁸⁴ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 735; Жан де Люк, стр. 490; д'Асколи, стр. 427; Эвлия, рук., стр. 706—708; Тавернье, Путешествия, стр. 57; Л. Люлье, Черкесия, стр. 123.

⁸⁵ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732—735; Жан де Люк, стр. 490; д'Асколи, стр. 127; Тавернье, Путешествия, стр. 53; Эвлия, рук., стр. 706—708.

⁸⁶ Е. П. Алексеева, Очерки по истории черкесов, стр. 30—32; ее же, Очерки по экономике и культуре, стр. 50—55.

⁸⁷ «Извлечения из сочинений персидских», стр. 231; [Барбаро], Путешествие в Тану, стр. 45; Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 735; Жан де Люк, стр. 486, 490—491; д'Асколи, стр. 126; Эвлия, Путешествие, стр. 173—175; Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108; кн. VII, стр. 706—708, 752—753; Н. Витсен, Север и восток, стр. 529—553; Л. И. Лавров, Развитие земледелия, стр. 214—215; Тавернье, Путешествия, стр. 56.

⁸⁸ Н. Витсен, Север и восток, стр. 552.

⁸⁹ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732.

⁹⁰ Н. Витсен, Север и восток, стр. 529, 553.

⁹¹ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 735; Жан де Люк, стр. 486; д'Асколи, стр. 126.

⁹² Н. Витсен, Север и восток, стр. 552.

⁹³ Тавернье, Путешествия, стр. 56.

⁹⁴ Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108; см. также: Н. А. Тхагушев, Адыгейские сады.

⁹⁵ Л. Люлье, Черкесия, стр. 123.

⁹⁶ «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 163.

⁹⁷ Тавернье, Путешествия, стр. 53.

⁹⁸ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 103.

⁹⁹ Н. Дубровин, История, т. I, стр. 28; А. Н. Дьячков-Тарасов, Абадзехи, стр. 20.

¹⁰⁰ Эвлия, рук., стр. 746.

¹⁰¹ А. Н. Дьячков-Тарасов, Абадзехи, стр. 20.

¹⁰² Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 736.

¹⁰³ Эвлия, рук., стр. 754.

¹⁰⁴ Там же, стр. 732, 739—745.

¹⁰⁵ Седеш, или Садша — этническая группа, родственная абазинам, позднейшие садзы — джигеты (см. гл. V). Судя по данным Эвлии, жили к северо-западу от Адлера (Эвлия, рук., кн. II, стр. 98—102).

¹⁰⁶ Эвлия, рук., стр. 746.

¹⁰⁷ За консультацию по этому вопросу приношу благодарность сотруднику Института истории АН СССР А. П. Новосельцеву.

¹⁰⁸ В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 183.

¹⁰⁹ Д'Асколи, стр. 125—126.

¹¹⁰ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 736.

¹¹¹ Тавернье, Путешествия, стр. 65.

¹¹² Д'Асколи, стр. 126.

¹¹³ В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 178, 192.

¹¹⁴ Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 23; Е. П. Алексеева, Очерки по истории, стр. 8—9.

¹¹⁵ Дюбуа де Монпере, Путешествие, стр. 23; Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 24; Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 87.

¹¹⁶ Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 23.

¹¹⁷ «Устав для генуэзских колоний», стр. 804—805; Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 733—734; Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 5; Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 91—96.

¹¹⁸ «Устав для генуэзских колоний», стр. 803—804; Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 733; Ф. Брун, Черноморье, стр. 213; Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 20; Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 91—94; Л. И. Лавров, Очерки по истории; его же, Черкесия в XIII—XIV вв., стр. 4; А. М. Чиперис, К вопросу о социально-экономическом и политическом развитии.

¹¹⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов, Социальные формации, ч. 1, стр. 143.

¹²⁰ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 734.

¹²¹ Там же, стр. 733.

¹²² Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре, стр. 69—73.

¹²³ Эвлия, рук., стр. 739—745.

¹²⁴ Там же, стр. 756—757.

- 125 Там же, стр. 754—756.
 126 Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 82, 98, 124, 127.
 127 Цит. по Н. А. Смирнову («Иван Грозный», стр. 11).
 128 [Н. Варкоч], Описание путешествия, стр. 35.
 129 Эвлия, рук., стр. 739—745.
 130 Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108.
 131 Эвлия, рук., стр. 747—749.
 132 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 731.
 133 Там же, стр. 736.
 134 Жан де Люк, стр. 490.
 135 Эвлия, рук., стр. 718—728.
 136 Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108; Эвлия, Путешествия, стр. 179.
 137 Эвлия, рук., стр. 713—714.
 138 Там же.
 139 Там же, стр. 754.
 140 Тавернье, Путешествия, стр. 53—56, табл. VII.
 141 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 83.
 142 На территории Карачаево-Черкесии известно только одно строение из камня, относящееся к эпохе позднего средневековья,— это башня Гошayah-Кала у аула Кызыл-Кала. Однако связывать эту башню с генуэзцами нет оснований. Она не круглая, а прямоугольная в плане и очень напоминает башню Адюх XVIII в. у аула Хабез, но архаичнее последней. По-видимому, башню Гошayah-Кала можно отнести к XVI—XVII вв.
 143 Эвлия, рук., стр. 758—759.
 144 Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Из истории социальных отношений, стр. 9.
 145 «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 742.
 146 В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 212.
 147 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 108.
 148 Там же, стр. 148. Об особенностях феодальных отношений у западных адыгов см.: М. Б. Покровский, Адыгейские племена, стр. 119—120.
 149 «Очерки истории Адыген», т. I, стр. 168—192.
 150 М. В. Цинцадзе, Социально-экономическое и культурное положение, стр. 15.
 151 В. К. Гарданов, Общественный строй, стр. 126.
 152 Л. И. Лавров, Абазины, стр. 20, см. также стр. 9.
 153 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 159.
 154 З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, стр. 290.
 155 Ш. Б. Ногмов, говоря о событиях, происходивших между концом XIII в. и временем правления Темрюка (середина XVI в.), описывает битву, в которой отличился охотник Ортано. За совершенный в этом сражении подвиг «Ортано был награжден повышением в знатное достоинство» (Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 137).
 156 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732, 735; Жан де Люк, стр. 490—491; Тавернье, Путешествия, стр. 63—64; д'Асколи стр. 27; Эвлия, рук., стр. 718—728, 730—731 и др. В частности, Эвлия указывает, что абазины племени Дудургай (т. е. дударуковцы, жившие в то время на территории между Верхней Кубанью и Малым Зеленчуком) «очень гостеприимны» (Эвлия, рук., стр. 756—757). См. также: Л. И. Лавров, Абазины, стр. 6—8; Е. П. Алексеева, Верования, обычаи, стр. 183—190.
 157 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 119—120.
 158 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732.
 159 «Очерки истории Адыген», т. I, стр. 218—224.
 160 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 734.
 161 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 733; д'Асколи, стр. 127.
 162 д'Асколи, стр. 125.
 163 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 736—737.
 164 В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 212 и др.
 165 Тавернье, Путешествия, стр. 65.
 166 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 736.
 167 Там же, стр. 732.
 168 О том, что у адыгов были христианские священники, сообщает Интериано и Жан де Люк (Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 731, 737; Жан де Люк, стр. 491).
 169 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 108, 109, 148.
 170 Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 84, 106.
 171 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 734.
 172 Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 84, 85, 98, 100, 106, 107, 112, 113, 115, 119.
 173 [Барбаро], Путешествие в Тану, стр. 44—45.
 174 Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения, стр. 17—18.

- 175 ПСРЛ, XIII, первая половина, стр. 228, 259.
- 176 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 148, 151.
- 177 Там же, стр. 153 и др.; Эвлия, рук., стр. 713—714, 730—731, 739—745, 747—749, 750—751.
- 178 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 112—114 и др.
- 179 М. Броневский, Описание Крыма, стр. 350.
- 180 Тавернье, Путешествия, стр. 60.
- 181 Там же, стр. 64—65.
- 182 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 148—149.
- 183 Жан де Люк, стр. 490.
- 184 Ламберти, Описание, стр. 197.
- 185 Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 106.
- 186 В. Д. Смирнов, Крымское ханство, стр. 347—348.
- 187 Эвлия, рук., стр. 713—714, 730—731, 739—745, 747—749, 750.
- 188 М. В. Покровский, Адыгейские племена, стр. 123—124; «Очерки по истории Адыгеи», т. I, стр. 185—186.
- 189 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732.
- 190 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 114—115 и др.
- 191 Д'Асколи, стр. 125.
- 192 Там же.
- 193 См., например, сб. РИО, 59, СПб., 1887, стр. 480; док. № 31, 1555 г.
- 194 М. Г. Джанашвили, Известия грузинских летописей, стр. 56.
- 195 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 132.
- 196 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 147.
- 197 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 189.
- 198 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 110.
- 199 Там же, стр. 111.
- 200 Там же, стр. 148—149.
- 201 Д'Асколи, стр. 127.
- 202 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 111; см. также приведенную выше ссылку на показания Эвлия о существовании конных дружин при князьях.
- 203 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 734.
- 204 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 189.
- 205 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732; Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108.
- 206 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 148.
- 207 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 189.
- 208 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732.
- 209 Эвлия, рук., стр. 750—751.
- 210 «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 208, 248—250 и др.
- 211 Т. Х. Кумыков, К вопросу об общественном строе Кабарды, стр. 56.
- 212 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 113.
- 213 [С. А. Белокуров], Сношения России с Кавказом, стр. 7.
- 214 Там же, стр. 8.
- 215 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 115.
- 216 [С. А. Белокуров], Сношения России с Кавказом, стр. 4, 6, 8.
- 217 Там же, стр. 4.
- 218 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 115.
- 219 Т. Х. Кумыков, К вопросу об общественном строе, стр. 56—58.
- 220 Олеарий, стр. 369.
- 221 Жан де Люк, стр. 489.
- 222 В. П. Левашева, Белореченские курганы, стр. 212—213.
- 223 Жан де Люк, стр. 490; Олеарий, стр. 518—519; Эвлия, рук., стр. 718—728, 752—753.
- 224 Эвлия, рук., стр. 756—757.
- 225 Тавернье, Путешествия, стр. 56.
- 226 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 177—184.
- 227 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 147.
- 228 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 177.
- 229 Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 732.
- 230 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 149.
- 231 «Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в.», стр. 820.
- 232 Д'Асколи, стр. 125.
- 233 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 178.
- 234 Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 118—119, 148.
- 235 «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 177—179.
- 236 Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 180—181.
- 237 М. В. Покровский, Адыгейские племена, стр. 124.
- 238 Тавернье, Путешествия, стр. 371.

- ²³⁹ Цит. по: «Очерки истории Адыгей», т. I, стр. 180.
- ²⁴⁰ Западная граница Кабарды в XVII в., как мы отмечали в главе V, проходила в пределах Пятигорья, следовательно, территория, очерченная Гезар-Фенном («от Жана де Кабарды»), включала и нынешнюю Карачаево-Черкессию.
- ²⁴¹ Цит. по: В. Д. Смирнов, Крымское ханство, стр. 347—348.
- ²⁴² «Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в.», стр. 824.
- ²⁴³ «Очерки истории Адыгей», т. I, стр. 180.
- ²⁴⁴ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 118, 127—128.
- ²⁴⁵ «Очерки истории Адыгей», т. I, стр. 184—185.
- ²⁴⁶ Г. Интериано, О быте и нравах, стр. 737.
- ²⁴⁷ Тавернье, Путешествия, стр. 58.
- ²⁴⁸ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 21—22.
- ²⁴⁹ Там же, стр. 20.
- ²⁵⁰ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, стр. 112—123.
- ²⁵¹ Жан де Люк, стр. 489.
- ²⁵² Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—109; кн. VII, стр. 764.
- ²⁵³ Эвлия, рук., стр. 764. Л. И. Лавров предполагает, что тавустанский султан — это шамхал Тарковский (Л. И. Лавров, Абазины, стр. 14); Е. Н. Кушева, на наш взгляд, с большим основанием склонна считать, что тавустанский султан — это старший владетель Малой Кабарды, поскольку одна ветвь малокабардинских князей вела свой род от Таусалтана Янхотова (Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 160—161).
- ²⁵⁴ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 155.
- ²⁵⁵ Там же, стр. 156—157.
- ²⁵⁶ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 290.
- ²⁵⁷ Эвлия, Путешествия, стр. 179.
- ²⁵⁸ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 257.
- ²⁵⁹ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 22.
- ²⁶⁰ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 156.
- ²⁶¹ З. В. Анчабадзе, Из истории, стр. 257.
- ²⁶² Л. И. Лавров, Абазины, стр. 21.
- ²⁶³ Там же, стр. 9—12.
- ²⁶⁴ Л. И. Лавров, Абазины, стр. 10.
- ²⁶⁵ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 159. В данном документе 1634 г. сказано, что Кумургука заявил терским воеводам: «Брат его большой, Цека-мурза абазинской владетель, с ними, з братьею своею 12 человек, и со всеми своими абазинскими людьми... прислали ево, Кумургуку, «бить челом царю Михаилу Федоровичу» (цит. по: Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 156).
- ²⁶⁶ Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко, Очерки по истории, стр. 91, 112, 114.
- ²⁶⁷ Там же, стр. 80—84, 91, 97, 100, 104, 110—115, 128; они же, Из истории, стр. 3—10.
- ²⁶⁸ Дюбуа де Монпере, Путешествие, стр. 22—24.
- ²⁶⁹ Эвлия, рук., кн. II, стр. 102—108.
- ²⁷⁰ Эвлия, Путешествие, стр. 183.
- ²⁷¹ С сел. Терки в XVII в. имели связи не только кабардинцы, но и абазины и западные черкесы. Так, абазины приезжали в Терки для дипломатических переговоров (например, в 1634 г.; Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 156). Что касается западных черкесов, то, по словам Жана де Люка, к ним приходил иногда совершать таинство крещения священник из Терки (Жан де Люк, стр. 489). Поэтому искать спасения от неволи в Терках путем принятия христианства могли не только беглецы из Кабарды, но также рабы и крепостные, бежавшие с территорий, расположенных западнее Кабарды, в частности из закубанской части Северо-Западного Кавказа.
- ²⁷² Записка «О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской области», стр. 13. Копия настоящего документа была любезно передана мне проф. Б. В. Скитским.
- ²⁷³ J. S. Bell, Journal, стр. 146; В. К. Гарданов, Общественный строй, стр. 246; Н. Каменев, Бассейн Псекупса.
- ²⁷⁴ У. Алиев, Б. Городецкий, С. Сиюхов, Адыгея, стр. 33—34.
- ²⁷⁵ «Очерки истории Адыгей», т. I, стр. 190—192.
- ²⁷⁶ В. К. Гарданов, Общественный строй, стр. 246—250; см. также: В. К. Гарданов, Адыгские «братства», стр. 26—27.
- ²⁷⁷ J. S. Bell, Journal, т. II, стр. 146; В. К. Гарданов, Общественный строй, стр. 246.
- ²⁷⁸ Н. Каменев, Бассейн Псекупса.
- ²⁷⁹ Там же, № 14, стр. 55. Бзююкская битва (Бзююко-зауо) произошла в 1796 г.
- ²⁸⁰ М. В. Покровский, Адыгейские племена, стр. 130.
- ²⁸¹ Н. Витсен, Север и восток, стр. 554; «Очерки истории Адыгей», т. I, стр. 190.
- ²⁸² Ш. Б. Ногмов, История, стр. 133—134.

- 283 Жан де Люк, стр. 485—486. Балюткос, или Балюткой — селение в местности Бултай-темиргоевцев на р. Белой (Эвлия, рук., стр. 747—749).
- 284 Д'Асколи, стр. 130.
- 285 Эвлия, рук., стр. 709—711.
- 286 Там же. Крепость Чобан-Эли и соседняя с ней крепость Чобан-Каласы находились, как пишет Эвлия, недалеко от р. Песи-Байсы (там же, стр. 708—711). Песи-Байсы — очевидно, Псебай, в районе Малой Лабы. Если это сопоставление верно, то следует считать, что крепости Чобан-Эли и Чобан-Каласы располагались в непосредственном соседстве с юго-западными пределами современной Карачаево-Черкесии.
- 287 Д'Асколи, стр. 130—131.
- 288 Какаш и Тектандер, Путешествие в Персию, стр. 26—27. О том, что юрты ногайцев красиво оформлялись, войлоки, покрывавшие юрту, украшались вышивкой, имеются и этнографические данные (Г. Ананьев, Караногайцы, стр. 38).
- 289 Тавернье, Путешествия, стр. 69. А. Архипов также указывает, что у ногайских невест была отдельная брачная кибитка — атауй (А. Архипов, Этнографический очерк, стр. 347).
- 290 Жан де Люк, стр. 486—488.
- 291 Эвлия, рук., стр. 757—758.
- 292 Там же, стр. 709—711.
- 293 Там же; Жан де Люк, стр. 486, 487.
- 294 В. Рубрук, Путешествие, стр. 23, 69—70; Плано Карпини, История монголов, стр. 16.
- 295 Олгарий, стр. 404—405.
- 296 Там же, стр. 402.
- 297 Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре, стр. 76—79.
- 298 «Донские дела», кн. I, стр. 974, 981.
- 299 Цит. по: П. Короленко, Записки о черкесах, стр. 335.
- 300 Жан де Люк, стр. 486.
- 301 «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 465.
- 302 М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 35—42.
- 303 С. А. Токарев, Этнография народов СССР, стр. 307.
- 304 Там же.
- 305 Л. Н. Кужелева, Ногайцы, стр. 210.
- 306 Там же, стр. 393—395.
- 307 «Акты времени Лжедмитрия I», стр. 94; «Донские дела», кн. III, стр. 60, 100, и др.
- 308 «Акты исторические», стр. 262; СГГД, стр. 375, и др.
- 309 «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 466; см. также: М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 41.
- 310 Клавихо Рюи Гонзалес, Дневник путешествия, стр. 341.
- 311 [С. А. Белокуров], Материалы для русской истории, стр. 305.
- 312 Жан де Люк, стр. 486.
- 313 Эвлия, рук., стр. 747—749.
- 314 Там же, стр. 757—758.
- 315 Л. Н. Кужелева, Из истории ногайцев, стр. 210.
- 316 М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 41.
- 317 «Народы Кавказа», т. I, стр. 393.
- 318 Тавернье, Путешествия, стр. 68.
- 319 «Народы Кавказа», т. I, стр. 394.
- 320 Жан де Люк, стр. 486.
- 321 В. Д. Смирнов, Крымское ханство, стр. 703.
- 322 Д'Асколи, стр. 131.
- 323 Эвлия, рук., стр. 757—758.
- 324 Жан де Люк, стр. 487.
- 325 Тавернье, Путешествия, стр. 67, 71.
- 326 «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 465.
- 327 Жан де Люк, стр. 487.
- 328 Д'Асколи, стр. 130.
- 329 Жан де Люк, стр. 486.
- 330 Тавернье, Путешествия, стр. 71.
- 331 «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 466.
- 332 М. Броневский, Описание Крыма, стр. 357; см. также: М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 40; «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 466.
- 333 Тавернье, Путешествия, стр. 68.
- 334 Жан де Люк, стр. 487.
- 335 М. Г. Сафаргалиев, Ногайская орда, стр. 41.
- 336 «Народы Кавказа», т. I, стр. 394.

³³⁷ Там же, стр. 395; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, стр. 307.

³³⁸ «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», стр. 465—466; «Народы Кавказа», т. I, стр. 394.

³³⁹ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, стр. 307.

³⁴⁰ А. Л. Якобсон, Средневековый Крым, стр. 132.

³⁴¹ Исследование вопроса об особенностях феодализма у кочевых народов не входит в задачу данной работы. Отсылаю читателя к известной монографии Б. Я. Владимирцова (Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов). Из более новых работ см.: Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы, стр. 235—246; Л. П. Лащук, Опыт типологии, стр. 96—106, и др.).

³⁴² Л. И. Лавров, Абазины, стр. 17; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие, стр. 21; В. К. Гарданов, Общественный строй, стр. 61.

³⁴³ Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, стр. 129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили основные этапы этнического и социально-экономического развития населения Карачаево-Черкесии в древности и в эпоху средневековья, вплоть до XVII в. включительно.

Население этой территории с древнейших времен было разнородным, многоязычным. Этническая пестрота создавалась в основном за счет многократных включений в местную этническую среду иноплеменного населения. Притоку иноплеменников способствовало благоприятное географическое положение: через эти места проходили важнейшие коммуникации, связывающие Предкавказье с Западным Закавказьем.

Как показали археологические находки, территория Карачаево-Черкесии была обитаема с эпохи среднекаменного века (мустье). Известны в данной местности и археологические памятники меди и бронзы III—II тысячелетия. Анализ археологических памятников II тысячелетия до н. э. позволяет заключить, что уже в тот период территория Карачаево-Черкесии являлась стыком различных вариантов археологических культур бронзового века. Кроме местных культур на данной территории отмечены катакомбные погребения II тысячелетия до н. э., что свидетельствует о проникновении в эти места степных племен, вероятно родственных киммерийцам. Позднее эти пришельцы растворились в местной этнической среде. В кобанскую эпоху (XII—VII вв.) на территории Карачаево-Черкесии существовали две археологические культуры — кобанская и прикубанская. Кобанская культура связана с древним местным населением горных районов. Условно племена этой культуры мы именуем «кобанцами». Создателями прикубанской культуры являются протоадыги. Притока иноплеменного населения на территорию Карачаево-Черкесии в этот период по археологическим материалам не наблюдается.

В позднекобанское («скифское») время (VI—IV вв.) продолжается развитие местных археологических культур. Отмечено проникновение некоторых элементов скифской культуры. Может быть, сюда проникали и сами носители этой культуры, но в незначительном количестве. Так же как и «катакомбники», эти пришельцы растворились в среде местного населения.

Возможно, что в последние три столетия до нашей эры в некоторых степных и предгорных районах Карачаево-Черкесии поселились отдельные сарматские племена, но прямых доказательств этого пока не имеется.

На рубеже нашей эры в предгорья Карачаево-Черкесии, в частности в долины Эшакона и Подкумка, стали проникать сарматские племена

ираноязычных алан, которые оставили подкурганные катакомбные могильники. В горные местности аланы тогда еще не заходили.

В последней четверти IV в. н. э. в связи с гуннским нашествием аланские племена заняли горные районы Северного Кавказа, в том числе и ущелья Карачаево-Черкесии. Часть алан сохранила свой иранский язык и катакомбный обряд погребения вплоть до монгольского нашествия, другая часть смешалась с аборигенным населением.

С рубежа VII—VIII вв., а может быть и несколько ранее, на территории Карачаево-Черкесии стали селиться тюркоязычные племена, очевидно болгары и другие турки. Возможно, что часть аланского и неаланского населения этих мест была тюркизована новыми пришельцами.

С конца XI в. в предгорьях Карачаево-Черкесии появились половцы-кипчаки.

В период монгольского нашествия часть алан из равнинных и предгорных районов Карачаево-Черкесии была потеснена на восток, а часть — на юг, в горы. В горные места были отеснены и кипчаки.

На рубеже XIII—XIV вв. в горных районах Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, на современной территории Карачая и Балкарии, сформировалась карачаево-балкарская народность. В формировании ее приняли участие местные, кавказские племена (потомки носителей кобанской культуры), аланы и турки (очевидно, болгары и кипчаки). Основным компонентом этой народности, на наш взгляд, был местный, кавказский элемент, который «впитал» в себя все последующие включения — иранские и тюркские.

Не позднее XVII в. карачаевцы уже представляли собой самостоятельную народность, отличную от балкарской.

Отдельные адыгские племена среди других этнических групп жили на территории Карачаево-Черкесии и в древности и в период раннего средневековья. Однако основной территорией формирования адыгского этноса были более западные районы Северо-Западного Кавказа — Закубанье (к западу от Лабы) и Восточное Причерноморье и Приазовье. Предками адыгов являлись носители прикубанской культуры. В письменных источниках середины I тысячелетия до н. э. уже встречаются названия древнеадыгских племен — меоты, керкеты, зихи. В эпоху раннего средневековья адыгские этнические группы носили названия зихов и касахов (касогов). Есть основания полагать, что к X в. из отдельных адыгских этнических групп сформировалась древнеадыгская народность — адыге. Процессы этнического развития адыгской народности продолжались и в последующие столетия. Во второй половине XIII—XIV вв., после монгольского нашествия, часть адыгов переселилась на восток. К этому времени относится массовое заселение адыгами территории Карачаево-Черкесии, Пятигорья и Кабарды. В период позднего средневековья адыги разделялись на две группы — западные адыги (бесленевцы, жанеевцы, темиргоевцы и др.) и восточные (кабардинцы). На территории Карачаево-Черкесии, судя по археологическим памятникам и некоторым письменным источникам, в эпоху позднего средневековья обитали и западные адыги (бесленевцы и др.), и кабардинцы. Впоследствии сюда переселялись новые волны кабардинцев. Таким образом, современное черкесское население Карачаево-Черкесии сформировалось из западных адыгов (бесленевцев и др.) и кабардинцев.

Абхазо-абазинский этнос формировался на территории Абхазии и к северо-западу от нее, на восточном побережье Черного моря, примерно до Туапсе. Предками абхазцев и абазин были апсилы, абазги, мисимиа-

не, саниги и часть зихов. К VIII в. сформировалась в основном древне-абхазская народность. По-видимому, в X в. из нее выделилась древне-абазинская народность. Предки абазин и сами абазины, очевидно, проникали на северные склоны Кавказского хребта и до монгольского нашествия, но массовое заселение абазинами северных склонов Кавказского хребта началось лишь после монгольского нашествия — с рубежа XIII—XIV вв. Первое свидетельство письменного источника о пребывании абазин на территории Карачаево-Черкесии относится к XIV в. Процесс заселения абазинами Северного Кавказа продолжался до XVII в. Первыми переселились тапантовцы, а затем — шкарауовцы.

Древненогайская народность сформировалась в Поволжье к середине XV в. В формировании ее приняли участие тюркизованные монгольские племена (мангиты и др.) и многочисленные тюркские, в основном кипчакские, племена. Многие советские исследователи, занимающиеся историей ногайцев, полагают, что ядром формирования ногайской народности было монгольское племя мангитов, воспринявшее кипчакский язык. Этой точки зрения придерживается и автор данной работы. Однако существуют и другие мнения. Данный вопрос требует дальнейшего изучения. В середине XVI в. ногайцы разделились на Больших и Малых Ногаев. Последние кочевали западнее Поволжья, в Предкавказье и Приазовье. С 30—40-х годов XVII в. началось проникновение ногайцев в закубанскую часть Северо-Западного Кавказа, в том числе и на территорию Карачаево-Черкесии. Вначале здесь поселились приазовские ногайцы, состоявшие в основном из подразделений Малого Ногай и примкнувших к ним некоторых групп Большого Ногай. Впоследствии на территорию Карачаево-Черкесии проникали ногайцы и из других мест, в частности из Поволжья.

Изучая социально-экономические отношения населения Северо-Западного Кавказа, в том числе и Карачаево-Черкесии, в древнейший и древний период, мы можем заключить, что общество в ту эпоху находилось на стадии первобытнообщинного строя. Уже в начале медно-бронзового века, как это можно проследить по памятникам майкопской культуры, общество было патриархально-родовым. В начальный период освоения железа (первая половина I тысячелетия до н. э.) наступила эпоха разложения первобытнообщинного строя, названная Ф. Энгельсом периодом военной демократии. После гуннского нашествия, в первые столетия раннего средневековья (V—VII вв.), период военной демократии продолжался.

С VIII—IX вв. в Северокавказской Алании, западной частью которой являлась территория Карачаево-Черкесии, стали складываться феодальные отношения. Общественный строй Алании X—XIII вв. можно характеризовать как раннефеодальный. В X—XI вв. Алания представляла собой раннефеодальное образование с чертами государственности. Прослеживается социальная и имущественная дифференциация. Существовали городские поселения, христианские храмы, зачатки письменности. XII—XIII столетия являлись периодом феодальной раздробленности. Наряду с нарождавшимися и укреплявшимися феодальными отношениями в Алании продолжали сохраняться многие обычаи и установления патриархально-родового строя. Эти черты особенно сильны были у населения высокогорных районов, удаленных от торговых путей.

Монгольское нашествие затормозило социально-экономическое развитие Северного Кавказа, но, естественно, не могло остановить его совсем — раннефеодальные отношения, возникшие на Северном Кавказе еще в раннем средневековье, продолжали развиваться и в позднесред-

невековый период, особенно во второй половине этого периода (XVI—XVII вв.). Черты феодализма, особенно сильные у кабардинцев и бесленеевцев, были характерны и для других народов Карачаево-Черкесии — об этом свидетельствуют письменные источники, некоторые археологические материалы и данные преданий.

В период позднего средневековья у всех народов Карачаево-Черкесии существовали раннефеодальные отношения, хотя формирование этих отношений часто проходило в рамках установлений и норм, свойственных патриархально-родовому строю, причем весьма замедленными темпами.

Таковы основные выводы, к которым пришел автор в результате многолетнего изучения этнической и социально-экономической истории древнего и средневекового населения Карачаево-Черкесии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Древние авторы

Аммиан Марцеллин.
Плиний Секунд. Естественная история.
Страбон, География.
Страбон, Хрестоматия.
Тацит, Анналы.

Средневековые источники

- Абу-л-Фида — «Géographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français... par M. Reipauid», t. II, pt 1, Paris, 1848, стр. 286—287.
«Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», т. III, 1613—1645 гг., СПб., 1841; т. IV, 1645—1675 гг., СПб., 1842.
«Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606 гг.)». Под ред. Н. В. Рождественского, — «Материалы, изданные ОИДР при Московском университете», вып. 1, ЧтОИДР, кн. I (264), М., 1918.
Аноним V века. — Описание Понта Евксинского, 65.
«Армянская география VII в.» — К. П. Патканов, Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому, — ЖМНП, 1883, ч. 226, стр. 21—32.
[Барбаро И.], Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Пер. с итал. В. Семенова, — «Библиотека иностранных писателей о России», отд. 1, т. 1, кн. 1, СПб., 1836, стр. 1—140.
[С. А. Белокуров], Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым, вып. 1, 1578—1613 гг., М., 1889.
[С. А. Белокуров], Материалы для русской истории. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиянскую землю (1639—1640 гг.), М., 1888, стр. 257—376.
Броневский М., Описание Крыма. Пер. И. Г. Шершеневича, — ЗООИД, 1867, VI, стр. 333—367.
[Варкоч Н.], Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча, — ЧтОИДР, кн. 54, отд. 4, М., 1874, стр. 35.
Витсен Н., Север и восток. — Witsen N., Noord en Oost Tartarie offe Bondig ontwerp van eenige dier Landen en Volken, Amsterdam, 1705.
Герберштейн С. Г., Записки о московитских делах, введение, пер. с лат. и прим. А. И. Малеина, СПб., 1908.
«Грузинские летописи». — М. Г. Джанашивили, Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукегии, Дидоэгии, Тушетии, Аларин и Джикетии. О царях Хазаретии, Алгузиани, — СМОМПК, 1897, 22, стр. 1—196.
Д'Асколи. — «Описание Черного моря и Татарии. Составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Аскли, префект Каффы, Татарии и проч., 1634 г.». Пер. с итал. Н. Пименова, — ЗООИД, 1902, XXIV, стр. 89—180.
«Донские дела», кн. I, РИБ, т. 18, СПб., 1898; кн. II, РИБ, т. 24, СПб., 1906; кн. III, РИБ, т. 26, СПб., 1909; кн. IV, РИБ, т. 29, СПб., 1913.
Жан де Люк (Иоанн Луккский). — «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 г.». Пер. с франц. П. Юрченко, — ЗООИД, 1879, XI, стр. 473—493.
«Извлечения из сочинений арабских». — В. Г. Тизенгаузен, Сборник материа-

- лов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. «Извлечения из сочинений арабских», СПб., 1884.
- «Извлечения из сочинений персидских». — В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, «Извлечения из сочинений персидских», М.—Л., 1941.
- Интериано Г., О быте и нравах черкесов. — А. Н. Веселовский, Несколько географических и исторических сведений о древней России из рассказов итальянцев, — «Записки Имп. Русского географического общества по отделу этнографии», т. II, СПб., 1869, стр. 731—738.
- Какаш и Текандер, Путешествие в Персию через Московию. Пер. с нем. А. Станкевича, — ЧтоОИДР, кн. 2, М., 1896.
- Караулов Н. А., Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане, — СМОМПК, 1908, 38, стр. 55—56.
- Клавихо Рюи Гонзалес, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Пер. с исп. И. И. Срезневского, — «Сборник отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», 1881, т. XXVIII, № 1, СПб.
- «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и редакция Н. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.
- Константин Багрянородный, Об управлении государством, — ИГАИМК, 1934, 91, стр. 5—44.
- Ламберти А. — «Описание Колхиды, или Мингрелии, о. Ламберти, миссионера конгрегации для распространения христианской веры». Пер. с франц. П. Юрченко, — ЗООИД, 1877, X, стр. 178—224.
- Ламберти А., Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелиею. С картою. 1654 г. Пер. К. Гана, — СМОМПК, 1913, 43, стр. 1—233.
- Менандр Византиец. — «Византийские историки». Продолжение истории Агафиевой. Отрывки. Пер. С. Дестуниса, СПб., 1861, стр. 318—470.
- Меховский М., Трактат о двух Сарматиях, введение, пер. с лат. и комм. С. А. Аннинского, М.—Л., 1936.
- Олеарий А. — А. Ловягин, Новое описание путешествий на восток магистра Адама Олеария, кн. III—IV, Путешествие в Московию, СПб., 1906.
- «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, издаваемые в сборниках Русского исторического общества», — РИО, т. 41, СПб., 1884.
- Плано Карпини, История монгалов. Пер. А. И. Малеина. — В кн. Иоанн де Плано Карпини, История монгалов; Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны, введение, пер. и прим. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 1—62.
- [М. А. Полиевктов], Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650—1652 гг.), издал и введением снабдил М. Полиевктов, Тифлис, 1926.
- Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, Пер. С. Дестуниса, кн. I, СПб., 1876; кн. II, СПб., 1880.
- Прокопий из Кесарии, Война с готами, Пер. С. П. Кондратьева, М., 1950.
- «Путешествие в Персию через Московию». Пер. с нем. А. Станкевича, — ЧтоОИДР, кн. 2, М., 1896, стр. 26—27.
- «Родословная князей, в том числе ногайских», — «Временник Имп. Московского общества истории и древностей российских», кн. X, М., 1851, стр. 130.
- Рубрук В., Путешествие в восточные страны в 1253 г., — в кн.: Иоанн де Плано Карпини, История монгалов; Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны, введение, пер. и прим. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 65—178.
- «Русские документы XVI—XVII вв.», — в кн.: «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» (т. I, 2). Т. I. XVI—XVII вв., М., 1957.
- «Русские летописи». — «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ); т. I, вып. 1, Л., 1926; вып. 2, Л., 1927; вып. 3, Л., 1928; т. VII, СПб., 1856; т. IX, СПб., 1862; т. X, СПб., 1885; т. XI, СПб., 1897; т. XIII, первая половина, СПб., 1904; вторая половина, СПб., 1906; т. XIX, СПб., 1903; т. II, СПб., 1908; т. IV, ч. I, 1915; т. XXIV, Пг., 1921.
- «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел» (СГГД), ч. III, М., 1822.
- Козин С. А., Сокровенное сказание, М.—Л., 1941.
- Тавернье, Путешествия. — «Voyage de Tavernier en Turque, en Perse et aux Indes», ed. par J. B. J. Breton, т. I—VI, Paris, 1810.
- «Устав для генуэзских колоний, изданный в Генуе в 1449 г.». Пер. В. Юргевича, — ЗООИД, V, 1863, стр. 629—837.
- Феофан Византиец. — «Византийские историки». Выписки из «Истории» Феофана. Пер. С. Дестуниса, СПб., 1861, стр. 492—495.
- Феофан Исповедник. — «Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до

- царей Михаила и сына его Феофилакта». Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, — ЧтОИДР, кн. 1, 2, 3, М., 1884—1887, стр. 6—288.
- «Худуд ал-алам». — «Худуд ал-алам», рук. Туманского. Введение и указатель В. Бартольда, Л., 1930.
- «Худуд-ал-алам». Пер. Минорского. — «Hudud al'-Alam, "The Regions, of the World." A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. ...» London, 1937.
- Четъи-Мишен, М., 1837.
- Шарден. — «Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг.», Пер. Е. В. Бахутовой и Д. П. Носовича, — «Кавказский вестник 1900 и 1901 гг.», № 9, 10 (Тифлис, 1902), стр. 18—22.
- Шильтбергер И. — «Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1334 по 1427 гг.», Пер. Ф. Бруна, — «Записки Новороссийского университета», т. 1, вып. 1—2, Одесса, 1867, стр. 1—156.
- Эвлия, Путешествия, кн. II. — Ф. Брун, Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. Пер. с тур. на англ. Гаммера, с англ. на русск. Ф. Бруна, — ЗООИД, 1875, IX, стр. 161—188.
- Юлиан. — «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну привольных венгерцев, совершенном перед 1235 годом», — ЗООИД, 1863, V, стр. 998—1002.
- «Evliya Celebi seyahatnamesi», с. I—III, 1897; с. VII—VIII, İstanbul, 1928.
- «Patrologiae graecae». — S. P. Migne, Patrologiae graecae, pt XC. Paris, 1860.

Использованная литература

- Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7, стр. 327—345.
- Энгельс Ф., Марка, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
- Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 23—178.
- Абаев В. И., Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев, — «Язык и мышление», т. 1, Л., 1933, стр. 71—89.
- Абаев В. И., Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.
- Абаев В. И., Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 127—134.
- Абаев В. И., Кузнецов В. А., [рец. на:] А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники, Нальчик, 1963, — ВИ, 1965, № 12, стр. 151—154.
- Абаев М. К., Балкарция. Исторический очерк, — «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—17, 15 июля, стр. 595.
- Абрамова М. П., Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника, — УЗКБНИИ, 1967, XXV, стр. 153—155.
- Абрамова М. П., Раскопки Нижне-Джулатского могильника, — «Археологические открытия», № 2, 1938, стр. 94—95.
- Агаев А. Г., К вопросу о теории народности. Закономерности социалистического развития народностей в СССР, Махачкала, 1965.
- А.-Д. Г., Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии, — «Военный сборник», т. IX, СПб., 1860, стр. 273—324.
- Акбаев Ш. К., К вопросу о происхождении этнонима «алан», — «Ленинни Байрагы», 1963, № 80 (на карачаевском яз.).
- Акбаев Ш. К., Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения, Черкесск, 1963.
- Акритас П. Г., Древнейшее название горы Бештау, — ССИК, 3, 1954, стр. 208—214.
- Алексеев В. П., Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 312—332.
- Алексеев В. П., Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья, — ТАНИИ, 1961, II, стр. 208—320.
- Алексеев В. П., Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта, — «Антропологический сборник», вып. IV, М., 1963, стр. 28—64 (ТИЭ, 82).
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., К вопросу о роли переселения народов в формировании новых этнических общностей, — «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года», Кишинев, 1967, стр. 42—44.
- Алексеев В. П., Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождения балкарцев и карачаевцев, — УЗКБНИИ, 1967, XXV, стр. 158—171.
- Алексеев В. П., К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии, — УЗКБНИИ, 1967, XXV, стр. 177—191.

- Алексеев В. П., Расы человека в современной науке, — ВИ, 1967, № 7, стр. 71—86.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, — СЭ, 1968, № 2, стр. 35—45.
- Алексеева Е. П., Позднекобанская культура Центрального Кавказа, — УЗЛГУ, 1949, № 85, серия исторических наук, вып. 13, стр. 191—257.
- Алексеева Е. П., Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов), — ТЧНИИ, 1954, II, стр. 199—260.
- Алексеева Е. П., Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии, — КСИИМК, 1955, 60, стр. 73—79.
- Алексеева Е. П., Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв., Черкесск, 1957.
- Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П., Добровольное присоединение Черкесии к России, Черкесск, 1957.
- Алексеева Е. П., Аджиев И. М., Ногайцы, — «Народы Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1957, стр. 119—153.
- Алексеева Е. П., Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв., — ТКЧНИИ, 1959, III, серия историческая, стр. 3—83.
- Алексеева Е. П., О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии?, Черкесск, 1960.
- Алексеева Е. П., Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области, — СА, 1960, № 2, стр. 236—241.
- Алексеева Е. П., Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 96—107.
- Алексеева Е. П., Археологические раскопки в районе сел. Верхний Чегем в 1959 году, — ССИКБ, 1961, стр. 193—204.
- Алексеева Е. П., Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, Черкесск, 1963.
- Алексеева Е. П., Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии), — ТКЧНИИ, 1964, IV, серия историческая, стр. 146—252.
- Алексеева Е. П., Памятники меотской и сармато-аланской культур Карачаево-Черкесии, — ТКЧНИИ, 1966, V, серия историческая, стр. 132—260.
- Алексеева Е. П., Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, 1967, гл. I—IV, стр. 19—212.
- Алексеева Е. П., К вопросу о происхождении абазин по данным археологии, — ТКЧНИИ, VI, серия историческая, стр. 299—335.
- Алиев У., Городецкий Б., Сиюхов С., Адыгея. Адыгейско-Черкесская автономная область, — «Республики и области СССР. Северный Кавказ», вып. 1, Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев У. Б., Выступление на сессии в Нальчике в 1959 году, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 242—252.
- Алиев У. Б., Хабичев М. А., Баучиев А. Д., Лайпанов К. Т., О некоторых алано-тюркских памятниках в верховьях Кубани, — «Ленинни Байрагы», 1963, № 79 (на карачаевском яз.).
- Алиев У. Д., Карачай. Карачаевская автономная область. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк, — «Республики и области СССР. Северный Кавказ», вып. 2, Ростов-на-Дону, 1927.
- Ананьев Г., Караногайцы, их быт и образ жизни, — СМОМПК, 20, 1894, стр. 36—63.
- Антонович В. Б., Дневник раскопок, произведенных на Кавказе осенью 1879 г., — «Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета», М., 1879—1882, стр. 216—255.
- Анфимов Н. В., Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, — МИА, 1951, № 23, стр. 155—207.
- Анфимов Н. В., Позднесарматское погребение из Прикубанья, — «Археология и история Боспора. Сборник статей», вып. 1, Симферополь, 1952, стр. 205—218.
- Анфимов Н. В., Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья, — КСИИМК, 1952, 46, стр. 72—85.
- Анфимов Н. В., Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников), автореф. канд. дисс., изд. ИИМК, М., 1954.
- Анфимов Н. В., Памятники сарматского времени в долине р. Урупа, — КСИИМК, 1956, 65, стр. 88—93.
- Анфимов Н. В., Из прошлого Кубани, Краснодар, 1958.
- Анфимов Н. В., Племена Прикубанья в сарматское время, — СА, XXVIII, 1958, стр. 62—71.
- Анфимов Н. В., Протомеотский могильник с. Николаевского, — ТАНИИ, 1961, II, стр. 103—126.
- Анфимов Н. В., Тахтамукаевский могильник, — ТАНИИ, 1961, II, стр. 188—207.
- Анфимов Н. В., Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами

- Северного Причерноморья, — «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. Москва, 30 января — 4 февраля 1967 г.», М., 1966, стр. 40—41.
- Апфимов Н. В., Исследование памятников раннежелезного века на Кубани, — «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 71—73.
- Апфимов Н. В., Зихский могильник в урочище «Сопино», — ТАНИИ, IV (в печати).
- Апчабадзе З. В., Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.), Сухуми, 1959.
- Аристов Н., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», СПб., 1896, вып. III и IV, стр. 277—456.
- Артамонов М. И., Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 108—125.
- Артамонов М. И., Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северокавказской экспедиции), — ИГАИМК, 1935, 131.
- Артамонов М. И., Деген-Ковалевский Б. Е., Северокавказские аланы. Культура варваров юга СССР в V—VII вв., — «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», изд. ИИМК, под общ. ред. М. И. Артамонова (на правах рукописи), т. 1, кн. II, ч. III, М.—Л., 1939, стр. 186—189.
- Артамонов М. И., К вопросу об этногенезе в советской археологии, — КСИИМК, 1949, 29, стр. 3—16.
- Артамонов М. И., О происхождении боспорских Спартокидов, — ВДИ, 1949, № 1, стр. 29—39.
- Артамонов М. И., К вопросу о происхождении скифов, — ВДИ, 1950, № 2, стр. 37—47.
- Артамонов М. И., Саркел — Белая Вежа, — МИА, 1958, № 62, стр. 45—50.
- Артамонов М. И., История хазар, Л., 1962.
- Артамонова-Полтавцева О. А., Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, — СА, 1950, XIV, стр. 20—101.
- Архипов А., Этнографический очерк ногайцев и туркмен, — «Кавказский календарь на 1859 г.», Тифлис, 1858, стр. 347—355.
- Архипов А., Татарское племя на Кавказе, — газ. «Кавказ», 1859, № 86.
- Аханов И. И., Геленджикские подкурганные дольмены, — СА, 1961, № 1, стр. 139—149.
- Ашик А., Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, картами, планами и видами, ч. 1, Одесса, 1848.
- Бабаяев С. К., О происхождении балкарцев и карачаевцев, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 38—62.
- Бадер О. Н., Варианты культуры Кавказа в конце верхнего палеолита и мезолита, — СА, 1965, № 4, стр. 3—16.
- Байер Г. З., Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвышения оного под Российскую державу. Древние азовские и крымские известия. Пер. с нем. И. К. Тауберта, СПб., 1738.
- «Балкарская народная лирика», Нальчик, 1959.
- Бартольд В. В., Отец Едингея, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 797—804.
- Басария С., Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (к материалам по изучению абхазских племен), Сухум-кале, 1929.
- Баскаков Н. А., Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940.
- Баскаков Н. А., Выступление на сессии в Нальчике в 1959 г., — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 228—241.
- Баскаков Н. А., Тюркские языки, М., 1960.
- Башилов В. А., Курганы с трупосожжением у села Мастюгина, — СА, 1963, № 2, стр. 151—157.
- Бгажба Х. С., Бзыбский диалект абхазского языка, — ТАБХНИИ, 1957, XXVIII, стр. 353—458.
- Бекир, Предание о Карче, родоначальнике Карачая, — газ. «Кубанские областные ведомости». 1899, № 2.
- Бентковский И., Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы, ч. 1, Ставрополь, 1883.
- Берже А., Краткий обзор горских племен на Кавказе, Тифлис, 1858.
- Бернадацци И., Рапорт (докладная записка) Бернадацци генералу Емануэлю, — ЖМВД, 1830, ч. III, кн. 4, стр. 186—191.
- Бжания Ц. Н., Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки, Сухуми, 1962.
- Блаватский В. Д., Киммерийский вопрос и Пантикапей, — «Вестник МГУ», 1948, № 8, стр. 9—18.
- Блаватский В. Д., Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг., — МИА, 1951, № 19, стр. 189—240.

- Блаватский В. Д., Второй год работы Синдской экспедиции, — КСИИМК, 1953, 51, стр. 149—155.
- Бобринский А. А., Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887.
- Бобринский А. А., Мунчаев Р. М., Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе, — КСИА, 1966, 108, стр. 14—22.
- Болтин И., Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные ген.-майором Иваном Болтиным, т. I, СПб., 1788.
- [Броневский С.], Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семеном Броневским, ч. I и II, М., 1823.
- Брун Ф., Черноморье, — «Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852—1877 гг.)», Одесса, ч. I, 1879; ч. II, 1880.
- Брюсов А. Я., Археологические культуры и этнические общности, — СА, 1956, XXVI, стр. 5—27.
- Бураев Р. А., Экономико-географический очерк Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1961.
- Бутков П., О имени «Козак», — «Вестник Европы», 1822, № 23, стр. 182—204.
- Бутков П., О Ногае и всех прочих монгольских ханах Дашт-Кипчака, — «Северный архив», 1824, ч. 10, № 12, стр. 279—298.
- Бутков П., Древности, — «Библиографические листы Кеппена», 1825, № 30, стр. 431—433.
- В., Турецкое племя, — газ. «Кавказ», 1853, № 90.
- Ванеев З. Н., Средневековая Алания, Сталинир, 1959.
- Вахушти, География Грузии. Пер. М. Г. Джанашвили, — ЗКОРГО, 1904, XXIV, вып. V.
- Ведениктов М., Взгляд на кавказских горцев, — «Сын Отечества», СПб., 1837, ч. 188, стр. 21—59.
- Вейденбаум Е. Г., Путеводитель по Кавказу, Тифлис, 1888.
- Векилова Е. А., Раскопки Ахштырской пещеры, — «Археологические открытия 1965 года», М., 1968, стр. 48.
- Веселовский Н. И., Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе, — «Труды XII археологического съезда», т. I, М., 1905, стр. 341—373.
- Веселовский Н. И., Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время, — «Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии», Пг., 1922, т. XIII, № 6, стр. 1—37.
- Виноградов В. Б., Сарматы Северо-Восточного Кавказа, — ТЧИННИИ, 1963, VI.
- Виноградов В. Б., Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии, — УЗКБНИИ, 1967, XXV, стр. 134—140.
- Владимиров И. А., Развалины старинного храма близ речки Амгаты, — ИАК, СПб., 1901, 1, стр. 104—106.
- Владимиров И. А., Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области, — ИАК, СПб., 1902, 4, стр. 1—14.
- Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов, Л., 1934.
- Волин С., К истории древнего Хорезма, — ВДИ, 1941, № 1, стр. 192—196.
- Волкова Н. Г., Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, — СЭ, 1967, № 1, стр. 27—40.
- Воронин Н. К., Раппопорт П. А., Археологическое изучение древнерусского города, — КСИА, 1963, 96, стр. 3—7.
- «Всемирная история», т. I, М., 1956, стр. 379, 515.
- Гаврилова А. А., Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965.
- Гаглов Ю. С., Сведения «Армянской географии VII в.» об аланах, — ИСОННИИ, 1966, XXV. История, стр. 184—194.
- Гаглойти (Гаглов) Ю. С., Аланы и вопросы этногенеза осетин, Тбилиси, 1966.
- Гаджиев А. Г., Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии), Махачкала, 1965.
- Гайдукевич В. Ф., Боспорское царство, М.—Л., 1949.
- Гальперина Б. Д., Любин В. П., Раннесредневековое городище Учкулъка (Карачаево-Черкесия), — ТКЧНИИ, 1966, V, серия историческая, стр. 265—274.
- Ган К., По долинам Чороха, Уруха и Ардона, — СМОМПК, 1898, 25, стр. 1—48.
- Гарданов Б. А., Исторический очерк, — «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 63—137.
- Гарданов В. К., Адыгские «братства» в XVIII — первой половине XIX в., — СЭ, 1964, № 2, стр. 19—27.
- Гарданов В. К. [Б. А.], Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.), М., 1967.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х., Ранние болгары на Волге. Больше-Тарханский могильник, М., 1964.
- Генко А. Н., О языке убыхов, — «Известия АН СССР», VII серия, отд. гуманитарных наук, Л., 1928, № 1—10, стр. 227—242.

- Генко А. Н., Абазинский язык, М., 1955.
- Георги И. Г., Описание всех обитающих в Российском государстве народов. В четырех частях, ч. II. О народах татарского племени. Пер. с нем., СПб., 1796.
- Гербер И. Г., Господина полковника Гербера примечания к «Географии Российской Х в.», господином профессором Байером сочиненной, — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760.
- Гербер И. Г., Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г., — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760.
- Гильденштедт И. А., Путешествие. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина академика И. А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. Пер. К. Германа, СПб., 1809.
- Главани К., Описание Черкесии 1724 г. Пер. и прим. Е. Г. Вейденбаума, — СМОМПК, 1893, 17, стр. 149—190.
- Глушков Л. Н., О чем рассказывают раскопки. Из прошлого нашего края, — «Ставропольская правда», 26.XI.1955.
- Городцов В. А., Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г., — СА, 1936, I, стр. 171—186.
- Граков Б. Н., Техника изготовления наконечников стрел у скифов и сарматов, — «Техника обработки камня и металла» («Труды секции археологии и искусствоведения», — РАНИОН, т. V, 1), М., 1930, стр. 70—90.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.
- Грен А., Краткий очерк истории Кавказского перешейка, — «Университетские известия», Киев, 1895, № 7, стр. 1—69; № 8, стр. 71—124.
- Гумилев Л. Н., Алтайская ветвь тюрк-тугу, — СА, 1959, № 1, стр. 105—114.
- Гумилев Л. Н., Хазарское погребение и место, где стоял Итиль, — «Сообщения Гос. Эрмитажа», Л., 1962, вып. 22, стр. 55.
- Гумилев Л. Н., Древние тюрки, М., 1967.
- Данилевский Н., Кавказ и его горские жители, М., 1846.
- Дебец Г. Ф., Антропологические типы, — «Народы Кавказа», т. 1, М., 1960, стр. 26—32.
- Дебу И., О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, СПб., 1824.
- Деген-Ковалевский Б. Е., Отчет о работах на строительстве Баксанской гидроэлектростанции, — ИГАИМК, М.—Л., 1935, 110, стр. 11—28.
- Деген-Ковалевский Б. Е., Аланы в системе хазарского объединения, — «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», изд. ИИМК АН СССР, под общ. ред. М. И. Артамонова (на правах рукописи), т. 1, кн. II, ч. IV, М.—Л., 1939, стр. 436—446.
- Деген Б. Е., Курганы в Кабардинском парке города Нальчика, — МИА, 1941, № 3, стр. 213—316.
- Де ла Примодэ, История черноморской торговли в средних веках. Пер. с франц. В. Шостака, ч. I, Одесса, 1850.
- Деопик В. Б., Стекланные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа как исторический источник, автореф. канд. дисс., М., 1961.
- Деопик В. Б., Северокавказские аланы (с использованием материалов Б. Е. Деген-Ковалевского и Е. П. Алексеевой). Адыгские племена, — «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.», М., 1958, стр. 616—642.
- Деопик В. Б., Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв., — СА, 1959, № 3.
- Деопик В. Б., Классификация и хронология аланских украшений, — МИА, 1963, № 114, стр. 122—147.
- Деопик Д. Г., Крупнов Е. И., Змейское поселение кобанской культуры, — «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии», Орджоникидзе, 1961, стр. 11—36.
- Джавахишвили И. А., Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, — ВДИ, 1939, № 4(9), стр. 30—49.
- Джанашвили М. Г., Известия грузинских летописей и источников о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России, — СМОМПК, 1899, 26, стр. 1—104.
- Дикаленко А. А., Курганы в окрестностях г. Новороссийска по Сухумскому шоссе, — «Записки музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа», вып. 1, Новороссийск, 1916, стр. 81—85.
- Дитлер П. А., Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс, — ТАНИИ, 1961, II, стр. 127—187.
- Дитлер П. А., Аттический шлем из станицы Темнолесской, — СА, 1964, № 1, стр. 315—320.

- Долгих Б. О., О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири, — СЭ, 1952, № 1, стр. 51—59.
- Б. Дорн, Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря, СПб., 1875, стр. 292.
- «Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский монастырь», М., 1892.
- Дубровин Н., История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1. «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», кн. 1, «Кавказ», СПб., 1871.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Заметки о Карачае и карачаевцах, — СМОМПК, 1898, 25, стр. 49—91.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Сентинский храм и его фрески, Екатеринодар, 1899.
- Дьячков-Тарасов А. Н., В горах Большого и Малого Карачая, — СМОМПК, 1900, 28, стр. 1—121.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Абадзехи. Историко-этнографический очерк, — ЗКОРГО, 1903, XXII, стр. 1—50.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Бзюко-зау, — «Революция и горец», 1929, № 1—2, стр. 38—42; № 3, стр. 34—38.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Археологические разведки в Карачае в 1927 г., — «Бюллетень Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института», Ростов-на-Дону, 1927, № 2—4, стр. 83.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь, — ЗСККГНИИ, т. I, 1928, стр. 137—150.
- Дьячков-Тарасов А. Н., О происхождении карачайцев (основные положения доклада, прочитанного на заседании отдела культуры Северокавказского горского института). Археология Карачая, — ЗСККГНИИ, 1929, т. II, стр. 329—333.
- Дьячков-Тарасов А. Н., Незвестный торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ, — «Новый Восток», М., 1930, т. 28, стр. 148—156.
- Дюбуа де Монпере Ф., Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Пер. Н. А. Данкевич-Пушиной, — «Труды Института абхазской культуры», Сухуми, 1937, вып. VI.
- Егоров Н. М., Боргустанский клад 1941 г., — СА, 1951, XV, стр. 292—295.
- Егоров Н. М., Могильник скифского времени близ города Минеральные Воды, — КСИИМК, 1955, 58, стр. 53—62.
- Егоров Н. М., Могильник у реки Эшкакон, — КСИИМК, 1956, 64, стр. 135—140.
- Еремян С. Т., «Ашхарауц» («Армянская география VII века») — выдающийся памятник географии и картографии древнего мира, — «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1968, № 5(300), стр. 43—60.
- Зардалишвили Г., К установлению некоторых географических наименований Клухорского района, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1952, т. 84, вып. 3, май — июнь, стр. 310—312.
- Зевакин Е. С., Пенчко Н. А., Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв., — «Исторические записки», М., 1938, т. 3, стр. 72—129.
- Зевакин Е. С., Пенчко Н. А., Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в., — «Исторический журнал», М., 1940, т. 7, стр. 3—33.
- Зевакин Е. С., Георгий Интериано, — КСИЭ, М.—Л., 1947, III, стр. 79—81.
- Зубов П., Картина Кавказского края, ч. III, СПб., 1835.
- Иваненков Н. С., Карачаевцы, — ИОЛИКО, 1912, V, стр. 25—91.
- Иерусалимская А. А., К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье (несколько шелковых тканей из Мошевой балки), — «Сообщения Гос. Эрмитажа», Л., 1963, вып. 24, стр. 35—39.
- Иерусалимская А. А., О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье, — СА, 1967, № 2, стр. 55—78.
- Иессен А. А., Археологические памятники Кабардино-Балкарии, — МИА, 1941, № 3, стр. 5—50.
- Иессен А. А., Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, — МИА, 1951, № 23, стр. 75—124.
- Иессен А. А., К вопросу о памятниках VIII—VII вв. на юге европейской части СССР, — СА, 1953, XVIII, стр. 49—110.
- Иессен А. А., Некоторые памятники VIII—VII вв. на Северном Кавказе, — «Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)», М., 1954, стр. 112—131.
- Иловайский Д., Разыскания о начале Руси, изд. 2, М., 1882—1886.
- Инал-Ипа Ш. Д., Об этногенезе древнеабхазских племен, — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август. 1964 год», М., 1964.
- Инал-Ипа Ш. Д., Абхазы. Историко-этнографические очерки, Сухуми, 1965.
- Ионе Г., Медведева О., Чрезвычайное происшествие в археологии, — «Кабардино-Балкарская правда», 9.XII.1961.
- «История Северо-Осетинской АССР», т. 1, М., 1959.
- «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства»,

- изд. ИИМК АН СССР, под общ. ред. М. И. Артамонова, т. I, ч. I—II, III—IV, М.—Л., 1939 (на правах рукописи).
- «История СССР», т. 1, М., 1966.
- Калмыков И. Х., Черкесы, — «Народы Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1957, стр. 55—81.
- Калмыков И. Х., Культура и быт черкесов, абазин, ногайцев, — «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I, Ставрополь, 1967, стр. 372—394.
- Калмыков И. Х., К вопросу об адыгских этнических названиях, — ТКЧНИИ, VI, серия историческая, 1970, стр. 452—459.
- Каменев Н., Бассейн Псекупса, — газ. «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 2, 5, 14, 23, 27—29, 49.
- Каменев Н., Развалины церкви святого Георгия, открытой на р. Белой, — газ. «Кубанские войсковые ведомости», 1869, № 36, 37.
- Каменецкий И. С., Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э., автореф. канд. дисс., ИА, М., 1965.
- Карамзин Н. М., История Государства Российского, т. IV, V, VIII, IX, XII, СПб., 1817.
- Караулов И-й Н. А., Болкары на Кавказе, этнографический очерк, — СМОМПК, 1908, 38, отд. 1, стр. 131—150.
- Кастанаян Е. Г., Обряд тризны в боспорских курганах, — СА, 1950, XIV, стр. 124—138.
- Кастанаян Е. Г., Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и их местные особенности, — МИА, 1959, № 69, стр. 257—295.
- Кафоев А. Ж., Адыгские памятники, Нальчик, 1963.
- Каховский В. Ф., Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории, Чебоксары, 1965.
- Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, — МИА, 1949, № 9.
- Киселев С. В., Бронзовый век СССР, — «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 17—61 (МИА, № 130).
- Кичиков (Очиров) М. Л., К истории образования Калмыцкого ханства в составе России, — «Записки Калмыцкого научно-исследовательского института», Элиста, 1962, вып. 2, стр. 31—60.
- Кобылина М. М., Фанагория, — МИА, 1956, № 57, стр. 5—101.
- Ковалевский М., Иवानюков И., У подошвы Эльбруса, — «Вестник Европы», 1886, № 1, стр. 83—112.
- Ковалевская В. Б. (Деопик В. Б.), Производство и торговля народов Северного Кавказа в IV—IX вв. Тезисы, Баку, 1965, стр. 153—154.
- Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е., Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа, — «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 124—125.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1962 г., — КСИИМК, 1964, 98, стр. 73—80.
- Кокчиев Г. А., К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев, — «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 22—24.
- Кокчиев Г. А., Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев), Нальчик, 1946.
- Коков Дж. Н., Кабардинские географические названия. Краткий словарь, Нальчик, 1966.
- Колесницкий Н. Ф., О некоторых типичных и специфических чертах раннеклассовых обществ, — ВИ, 1966, № 7, стр. 82—91.
- Коридзе Д. Л., К истории колхидской культуры, Тбилиси, 1965 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Коровина А. К., К вопросу об изучении Семибратних курганов, — СА, 1957, № 2, стр. 174—187.
- Короленко П., Записки о черкасах. Материалы по истории Кубанской области, — «Кубанский сборник», Екатеринодар, 1908, т. XIV, стр. 297—376.
- Короленко П., Синдия, — там же, стр. 242—246.
- Косвен М. О., Этнография и история Кавказа, М., 1961.
- Крачковская В. А., Арабские надписи на камне из перстня с Зеленчука, — КСИИМК, 1946, 12, стр. 112—117.
- Крачковская В. А., Два фрагмента арабских надписей из Нижнего Архыза, — «Эпиграфика Востока», М.—Л., 1963, т. XVI, стр. 131—134.
- Кропоткин В. В., Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья, автореф. канд. дисс., изд. ИИМК, М., 1953.
- Кропоткин В. В., О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси, — КСИИМК, 1957, 68, стр. 35—44.
- Круглов А. П., Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г., — «Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории», Грозный, 1938, т. 1, стр. 3—33.

- Крупнов Е. И., Отчет о раскопках в Кабарде, — УЗКНИИ, 1948, IV, стр. 281—328.
- Крупнов Е. И., К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе, — КСИИМК, 1949, 24, стр. 27—41.
- Крупнов Е. И., Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа, — «Против вулгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 141—164.
- Крупнов Е. И., О происхождении и датировке кобанской культуры, — СА, 1957, № 1, стр. 56—79.
- Крупнов Е. И., Древняя история и культура Кабарды, М., 1957.
- Крупнов Е. И., Киммерийцы на Северном Кавказе по археологическим данным, — МИА, 1958, № 68, стр. 176—195.
- Крупнов Е. И., Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
- Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М., Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв., — «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 217—242.
- Крупнов Е. И., Раннежелезный век Северного Кавказа (опыт датировки памятников материальной культуры), — УЗИИЯЛ, 1965, XIV, серия историческая, стр. 325—341.
- Крупнов Е. И., Кавказ в древнейшей истории нашей страны, — ВИ, 1966, № 5, стр. 27—40.
- Крупнов Е. И., Проблема происхождения осетин по археологическим данным, — «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин», Орджоникидзе, 1967, стр. 22—41.
- Крупнов Е. И., Возникновение и развитие первобытного строя на территории Северо-Западного Кавказа и Кабардино-Балкарии, — «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, М., 1967, стр. 14—32.
- Крушкол Ю. С., Археологические исследования древней Синдики — Анапский район — экспедициями Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (МОПИ), — УЗМОПИ, 1963, т. CXV, всеобщая история, вып. 4, стр. 67—79.
- Крушкол Ю. С., К вопросу об этногенезе синдов, — в кн.: «Античное общество», М., 1967, стр. 156—161.
- Кудаев М., Зеленчук Джазыуну Малькъар тилни мурдорунда окъуб керюу, — «Коммунизме Джол», 14.II.1965, стр. 3 (на балкарском яз.).
- Кужелева Л. Н., Ногайцы, — «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 391—402.
- Кужелева Л. Н., Ногайцы. Из истории ногайцев XVIII — начала XX в., — УЗИИЯЛ, 1964, XIII, серия историческая, стр. 194—229.
- Кузнецов В. А., Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г., — МИСК, 1954, № 6, стр. 345—351.
- Кузнецов В. А., Об одном извращении истории народов Северного Кавказа, — ВИ, 1954, № 9, стр. 114—117.
- Кузнецов В. А., Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае, — КСИИМК, 1959, 76, стр. 83—89.
- Кузнецов В. А., Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Краткий отчет о работе разведочного отряда экспедиции ИА и КБНИИ в 1959 г., — ССИКБ, 1961, 9, стр. 205—216.
- Кузнецов В. А., Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья, — КСИИА, 1961, 85, стр. 106—117.
- Кузнецов В. А., Аланские племена Северного Кавказа, — МИА, 1962, № 106.
- Кузнецов В. А., Древний город в ущелье Большого Зеленчука, — «Ленинское знамя», 3.I.1962.
- Кузнецов В. А., Археология и происхождение карачаевцев и балкарцев, — «Ленинские Байрагъы», 19.VI.1963 (на карачаевском яз.).
- Кузнецов В. А., Надписи Хумаринского городища, — СА, 1963, № 1, стр. 248—305.
- Кузнецов В. А., Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.), — КСИА, 1963, 96, стр. 86—93.
- Кузнецов В. А., Города средневековой Алании, — «Социалистическая Осетия», 11.VIII.1963.
- Кузнецов В. А., Северный зеленчукский храм X в., — СА, 1964, № 4, стр. 136—148.
- Кузнецов В. А., Глиняные котлы Северного Кавказа, — КСИА, 1964, 99, стр. 34—39.
- Кузнецов В. А., О книге Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа», — УЗКБНИИ, 1965, XXIII, стр. 231.
- Кузнецов В. А., Древние выработки медной руды в верховьях реки Большой Зеленчук, — КСИА, 1966, 108, стр. 62—67.
- Кузнецов В. А., Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии, — «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин», Орджоникидзе, 1967, стр. 42—66.
- Кузнецов В. А., [ред. на:] Т. М. Минаева, Очерки по археологии Ставрополя, Ставрополь, 1965, — СА, 1967, № 3, стр. 317.
- Кузнецов В. А., Энколпионы Северного Кавказа, — «Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова», М., 1968, стр. 80—86.
- Кузнецов В. А., Средний зеленчукский храм, — СА, 1968, № 3, стр. 137—147.

- Кузнецов В. А., Новые данные о Зеленчукской надписи X века, — ИСОНИИ, 1968, XXVII, языкознание, стр. 193—199.
- Кузнецов С. С., Недра гор Северного Кавказа, М.—Л., 1953.
- Кузьминов А. К., Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска, — ТКЧНИИ, VI, серия историческая, 1970, стр. 396—422.
- Кулаковский Ю. А., Христианство у алан, — «Византийский временник», СПб, 1898, т. V, вып. 1 и 2, стр. 1—18.
- Кумыков Т. Х., К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г., — УЗКНИИ, 1954, IX, стр. 44—97.
- Кушева Е. Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI в. — 30-е годы XVII в., М., 1963.
- Лавров Л. И., Из поездки в Балкарию, — СЭ, М.—Л., 1939, II, стр. 175—181.
- Лавров Л. И., Черкесия в XIII—XIV вв., — «Красная Черкесия», 13 и 14.VI.1941.
- Лавров Л. И., «Обезы» русских летописей, — СЭ, 1946, № 4, стр. 161—170.
- Лавров Л. И., О времени постройки кабардинской башни на реке Малом Зеленчуке, — УЗКНИИ, 1948, IV.
- Лавров Л. И., Форма жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в. Исторический очерк, — СЭ, 1951, № 4, стр. 42—56.
- Лавров Л. И., Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в., — в кн.: «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 337—344.
- Лавров Л. И., Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в., — «Материалы по истории земледелия», сб. I, М., 1952, стр. 179—225.
- Лавров Л. И., О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. Материалы к обсуждению, — ССИК, 1954, 3, стр. 193—207.
- Лавров Л. И., Абазинь. Историко-этнографический очерк, — КЭС, I, М., 1955, стр. 5—47 (ТИЭ, XXVI).
- Лавров Л. И., Адыги в раннем средневековье, — ССИК, 1955, 4, стр. 19—64.
- Лавров Л. И., Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории, — СЭ, 1956, № 1, стр. 19—28.
- Лавров Л. И., О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию, — СА, 1965, № 3, стр. 223—225.
- Лавров Л. И., Происхождение балкарцев и карачаевцев, — КСИЭ, 1959, XXXII, стр. 3—7.
- Лавров Л. И., Абазинь, — «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 232—242.
- Лавров Л. И., Дольмены Северо-Западного Кавказа, — ТАБХНИИ, 1960, XXXI, стр. 101—178.
- Лавров Л. И., О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 63—69.
- Лавров Л. И., Нашествие монголов на Северный Кавказ, — «История СССР», 1965, № 5, стр. 98—102.
- Лавров Л. И., К истории бжедугов и жанеевцев, — УЗАНИИ, история и этнография, 1965, IV, стр. 247—250.
- Лавров Л. И., Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X—XVII вв., М., 1966; ч. 2. Надписи XVIII—XX вв., М., 1968.
- Лавров Л. И., Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев, — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. (11—13 апреля 1967 г.)», Л., 1967, стр. 30—31.
- Лавров Л. И., Формирование адыгской народности, — «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, М., 1967, стр. 66—69.
- Лавров Л. И., [реп. на:] А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники, Нальчик, 1963, — СА, 1968, № 3, стр. 270—274.
- Ладыженский А., Кабардинцы и балкарцы, — «Вестник знания», 1937, № 8, стр. 37—38.
- Лайпанов К. Т., О тюркском элементе в этногенезе осетин, — в кн.: «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин», Орджоникидзе, 1967, стр. 212—213.
- Лайпанов Х. О., К истории карачаевцев и балкарцев, Черкесск, 1957.
- Лайпанов Х. О., К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 70—80.
- Ланге Б., Балкария и балкарцы, — газ. «Кавказ», 1903, № 283, 287, 288, 294, 301.
- Лаппо-Данилевский А., Древности кургана Карагодеуашх как материалы для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до н. э., — «Материалы по археологии России», СПб., 1894, 13.
- Латышев В. В., Кавказские памятники в Москве, — «Записки Русского археологического общества», нов. сер., т. II, СПб., 1886, стр. 44—47.

- Лашук Л. П., Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов, — СЭ, 1968, № 1, стр. 96—106.
- Левашева В. П., Белореченские курганы, — ТГИМ, М., 1953, XXII, стр. 165—213.
- Ленц Э., Описание оружия, найденного в Кубанской области, — ИАК, СПб., 1902, 4, стр. 120—131.
- Лесков А. М., Новое в древней истории юга Украины, — «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г.», Кишинев, 1967, стр. 16.
- Лесков А. М., Предскифский период в степях Северного Причерноморья, — «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. Москва, 30 января — 4 февраля 1967 г.», М., 1966, стр. 2—3.
- Либеров П. Д., Хронология памятников Поднепровья скифского времени, — «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 132—167.
- Ломтатидзе К. В., Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов, Тбилиси, 1954 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Лопатинский Л. Г., Заметки о народе адыг вообще и о кабардинцах в частности, — СМОМПК, 1891, 12, стр. 1—10.
- Лысенко А. М., Экскурсия в урочище «Старое жилище» — будущий мировой курорт на Кавказе. «Город-сад, казачья Швейцария» на Кавказе, — «Долина Зеленчука („Старое жилище“ на Кубани). Новая горно-климатическая станция и дачная местность на Кавказе», Пг., 1917, стр. 39—46.
- Любин В. П., Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье, — КСИИМК, 1950, 73, стр. 33—38.
- Любин В. П., — Мезолитическая стоянка Явора, — КСИА, 1961, 84, стр. 45—48.
- Любин В. П., Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии, — ТКЧНИИ, 1964, IV, серия историческая, стр. 253—261.
- Любин В. П., Неолитическая стоянка на р. Овечка, — ТКЧНИИ, 1966, V, серия историческая, стр. 261—264.
- Люлье Л. Я., О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря, — «Закавказский вестник», 1848, № 13—16.
- Люлье Л. Я., Черкесия, Краснодар. 1927, стр. 5—16, 25—36.
- Ляпушкин И. И., Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, — МИА, 1958, № 62, стр. 85—150.
- Магомедов Р. М., Дзагурова В. П., Народы Советского Дагестана. Происхождение и расселение, Махачкала, 1966.
- Малов С. Е., Заметки о каракалпакском языке, Нукус, 1966.
- Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951.
- Манандян Я. А., О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1944.
- Мансветов И. Д., Сказание об Орентии, — «Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда», Тифлис, 1879, стр. 64—66.
- МАК, 1898, VII.
- МАК, 1900, VIII.
- Макарова Т. М., Поливная керамика Таманского городища, — в кн.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 73—101.
- Марковин В. И., Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.), — МИА, 1960, № 93.
- Марковин В. И., Скифские курганы у сел. Гойты, Чечено-Ингушетия, — СА, 1965, № 2, стр. 160—173.
- Марр Н. Я., Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. Рабочий проспект, Пг., 1920.
- Марр Н. Я., Яфетические языки, — Избранные работы, т. I, М.—Л., 1933, стр. 290—311.
- Марр Н. Я., Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры, — Избранные работы, т. I, М.—Л., 1933, стр. 79—124.
- Марр Н. Я., Балкаро-сванское скрещение, — Избранные работы, т. IV, М., 1937, стр. 167—197.
- Марр Н. Я., Термин «скиф», — Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 1—43.
- Марр Н. Я., О происхождении имени «Анапа», — Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 272—273.
- «Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов)». Отделение истории АН СССР. Отделение общественных наук АН Азербайджанской ССР, Баку, 1965.
- Медведев А. Ф., Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы; самострел). VIII—XIV вв., — «Археология СССР. Свод археологических источников», [вып.] EI — 36, М., 1966.
- Меликсет-Беков М. Л., Pontica Transcaucasica Ethnica. По данным Миня Медичи от 1815—1819 гг., — СЭ, 1950, № 2, стр. 163—175.
- Меликишвили Г. А., К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.

- Мелихов А. Н., Памятники эпохи бронзы в Красной Поляне, — «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. 1, Одесса, 1957, стр. 45—52.
- Мерперт Н. Я., Древнейшие болгарские племена в Причерноморье, — в кн.: «Очерки истории СССР, III—IX вв.», М., 1958, стр. 586—615.
- Мерперт Н. Я., К вопросу о древнейших болгарских племенах, Казань, 1957.
- Мерцбахер Г., К этнографии обитателей Кавказских Альп, — ИКОРГО, 1905, XVIII, № 2, стр. 69—130.
- Мизиев И. М., Первые раскопки в верховьях реки Индыш, — «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 85—86.
- Мизиев И. М., Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая (XII—XVII вв.), автореф. канд. дисс., ИА, М., 1967.
- Мизиев И. М., Верхний Архыз, — «Ленинское знамя», 8.VIII.1968.
- Мизиев И. М., Археологические разведки в верховьях реки Индыш в КЧАО в 1966 г., — ТКЧНИИ, VI, серия историческая, стр. 436—449.
- Миллер А. А., Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., — ИАК, СПб., 1909, 33, стр. 71—102.
- Миллер Б., В Карачае, — «Этнографическое обозрение», М., 1899, № 1—2, стр. 391—398.
- Миллер Б., Из области обычного права карачаевцев, — «Этнографическое обозрение», М., 1902, № 1, стр. 1—40.
- Миллер В. Ф., Осетинские этюды, ч. I, М., 1881; ч. III, М., 1887.
- Миллер В. Ф., Древний осетинский памятник в Кубанской области, — МАК, 1893, III, стр. 110—118.
- Миллер В. Ф., Касоги, — Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, Энциклопедический словарь, т. XIV-а, СПб., 1895, стр. 665—666.
- Милорадович О. В., Кабардинские курганы XIV—XVI вв., — СА, 1954, XX, стр. 348—356.
- Минаева Т. М., Могильник Байтал-Чапкан, — МИСК, 1950, 2—3, стр. 205—240.
- Минаева Т. М., Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, — МИА, 1951, № 23, стр. 273—301.
- Минаева Т. М., К истории археологических обследований верховьев реки Кубани, — «Ученые записки СГПИ», Ставрополь, 1951, т. VII, стр. 211—236.
- Минаева Т. М., Следы древних выработок металлических руд в ущелье реки Марухи, — КСИИМК, 1952, 48, стр. 116—119.
- Минаева Т. М., Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае, — МИСК, 1954, 6, стр. 287—305.
- Минаева Т. М., Археологические памятники Черкесии, — ТЧНИИ, 1954, II, стр. 261—300.
- Минаева Т. М., Могильники в устье р. Теберды, — МИСК, 1955, 7, стр. 261—289.
- Минаева Т. М., Городище Адюх в Черкесии, — КСИИМК, 1955, 60, стр. 110—119.
- Минаева Т. М., Городище на балке Адюх в Черкесии (предварительное сообщение о раскопках 1951 и 1952 гг.), — «Сборник трудов СГПИ», 1955, IX, стр. 129—172.
- Минаева Т. М., Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии, — СА, 1956, XXVI, стр. 236—267.
- Минаева Т. М., Находка близ ст. Преградной на р. Уруп, — КСИИМК, 1957, 68, стр. 133—137.
- Минаева Т. М., Поселение в устье р. Узун-Кол, — СА, 1960, № 2, стр. 193—207.
- Минаева Т. М., Городище близ аула Кубины в Черкесии, — ИСОНИИ, 1960, XXII, вып. IV, стр. 156—188.
- Минаева Т. М., К истории земледелия на территории Ставрополя, — МИСК, 1960, 10, стр. 267—282.
- Минаева Т. М., Новый вид погребальных сооружений в бассейне р. Кубани, — «Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований», Баку, 1965, стр. 136—137.
- Минаева Т. М., К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным, — МИСК, 1964, 11, стр. 167—196.
- Минаева Т. М., Очерки по археологии Ставрополя, 1965.
- Минаева Т. М., Раскопки городища Инджур-Гата, — в кн.: «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 97—98.
- Минаева Т. М., Раскопки городища Гиляч, — «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 123—124.
- Минорский В. Ф., История Ширвана и Дербенда X—XI вв., М., 1963.
- Монгайт А. Л., Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа, — СА, 1955, XXIII, стр. 321—340.
- Монгайт А. Л., Археологические культуры и этнические общности. К вопросу о методике историко-археологических исследований, — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 53—69.
- Мушин-Пушкин А. И., Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения, СПб., 1794.

- Мутенин И. Т., Исторические сведения о ногойцах и караногойцах, населяющих Грозненскую область, — «Известия Грозненского областного института и музея краеведения», вып. 1, 1947, Грозный, 1948, стр. 129—135.
- Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л., Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике, — СА, 1966, № 3, стр. 133—151.
- Невская В. П., Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период), Черкесск, 1960.
- Невская В. П., Карачай в пореформенный период, Ставрополь, 1964.
- Невская В. П., Карачай в XIX в. Эволюция аграрного строя и сельской общины, автореф. докт. дисс., Ростовский гос. университет, Черкесск, 1966.
- Навозова Ф. В., Краснодарский край, Краснодар, 1955.
- «Народы Кавказа», т. 1, М., 1960.
- «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957.
- «Нарты. Кабардинский эпос», М., 1957.
- Нечаева Л. Г., Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе, автореф. канд. дисс., Изв. ИИМК, Л., 1956.
- Нечаева Л. Г., Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе, — «Исследования по археологии СССР», сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 151—159.
- Нечаева Л. Г., Предварительные итоги изучения склеповых сооружений Северного Кавказа, — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 год (11—13 апреля 1967 г.)», Л., 1967, стр. 39—41.
- Нечитайло А. Л., Археологические разведки Ставропольского музея, — МИСК, 1964, 11, стр. 313—314.
- Нечитайло А. Л., Раскопки в ущелье Инджур-Гата, — «Ставропольская правда», 16.VIII.1967.
- Нечитайло А. Л., Домбайские могильники, — «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 76—77.
- Новосельский А. А., Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М.—Л., 1948.
- Ногмов Ш. Б., История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Нальчик, 1958.
- ОАК, 1890, 1894, 1895, 1897, 1898, 1899, 1901 гг.
- «О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июня 1959 года)», Нальчик, 1960.
- «Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1887 г.», — ИРАО, 1877, VIII, стр. 325—368.
- «Отчет о сессии по этногенезу марийского народа. Йошкар-Ола. 23—25 декабря 1965 г.», — СА, 1967, № 1, стр. 317—321.
- «Очерки истории Адыгеи», т. 1. С древнейших времен до 1870 г., Майкоп, 1957.
- «Очерки истории балкарского народа с древнейших времен до 1917 г.», Нальчик, 1961.
- «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1. С древнейших времен до 1917 г., Ставрополь, 1967.
- «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв.», М., 1958.
- «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.», ч. I. IX—XIII вв.; ч. II. XIV—XV вв., М., 1953.
- «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.», М., 1955.
- Павлов Д. М., Искусство и старина Карачая. История изучения. Описание археологических памятников, — СМОМПК, 45, 1926; отд. отт., Махачкала, 1927.
- Пейсонель М., Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1752 гг. В изложении Е. Д. Фелицына, Краснодар, 1927.
- Перетяткович Г., Поволжье в XV и XVI вв. Очерки из истории края и его колонизации, М., 1877.
- Плетнева С. А., Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях, — МИА, 1956, № 62, стр. 151—226.
- Плетнева С. А., Керамика Саркела—Белой Вежи, — МИА, 1959, № 75, стр. 212—272.
- Плетнева С. А., Средневековые поселения верховьев Северного Донца, — КСИИМК, 1960, 79, стр. 3—20.
- Плетнева С. А., Средневековая керамика Таманского городища, — в кн.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 5—72.
- Плетнева С. А., От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура, М., 1967.
- Покровский М. В., Пашковский могильник № 1, — СА, 1936, I, стр. 159—170.
- Покровский М. В., Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX века, — КЭС, II, М., 1958, стр. 91—138 (ТИЭ, 46).

- Полиевктов М. А., Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, Тифлис, 1932.
- Полиевктов М. А., Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1935.
- Помяловский И., Сборник греческих и латинских надписей Кавказа, СПб., 1881.
- Попова Т. Б., Племена катакомбной культуры, — ТГИМ, М., 1953, 24.
- Поркшеян Х. А., Происхождение балкарцев и карачаевцев в свете летописи Хачатура Кафаеци, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 153—185.
- Поршнев Б. Ф., Очерк политической экономии феодализма, М., 1956.
- «Природные богатства Северокавказского края», Москва—Пятигорск, 1935.
- Прозрителев Г. Н., Древние памятники христианства на Северном Кавказе, — СССК, 1. Ставропольская губ., 1906, стр. 1—16.
- Прозрителев Г. Н., Археологическая находка. Александро-Афонский зеленчукский монастырь, — «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», 1910, т. I, стр. 1—3.
- Прозрителев Г. Н., Древние тебердинские могильники, — «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», 1913, т. V, стр. 3—6.
- Пфаф В. Б., Материалы для древней истории осетин, — ССКГ, 1871, V, стр. 1—100.
- Пчелина Е. Г., Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе, — «Археографический ежегодник АН СССР за 1959 год», М., 1960, стр. 298—302.
- Пятышева В., Железная маска из Херсонеса. К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками, М., 1964.
- Пятышева Н., Предисловие, — К. Ф. Смирнов, Северский курган, — ТГИМ, вып. XI. Памятники культуры, М., 1953, стр. 5—6.
- Радде Г., Кавказский хребет (Большой Кавказ), — «Живописная Россия», СПб., 1883, вып. IX, стр. 19—44.
- Робакидзе А. И., Харадзе Р. Л., К вопросу о свано-балкарских этнокультурных взаимоотношениях, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 135—152.
- Ростовцев М. И., Скифия и Боспор, Л., 1925.
- Руденко С. И., К вопросу о формах скотоводства и о кочевниках, — «Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР», ч. I. Доклады за 1958—1961 гг., Л., 1961, стр. 2—15.
- Рунич А. П., Энеолитическое поселение близ Кисловодска, — СА, 1967, № 1, стр. 228—233.
- Рунич А. П., Катакомбные могильники в районе Кисловодска, — СА, 1963, № 3, стр. 241—244.
- Рунич А. П., Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска, — СА, 1968, № 3, стр. 208—214.
- «Русско-карачаево-балкарский словарь», под. ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева, М., 1965.
- Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси, М., 1948.
- Рыбаков Б. А., Введение, — «История СССР», т. 1, М., 1966, стр. 365—376.
- Рыбаков Б. А., Киевская Русь, — «История СССР», т. 1, М., 1966, стр. 476—572.
- Самойлович А., [рец. на:] Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар», — ЗВОРАО, СПб., 1913, т. XXI, вып. 4, стр. 0152—0161.
- Самойлович А., Кавказ и турецкий мир, Баку, 1926.
- Сафаргалиев М. Г., Ногайская орда во второй половине XVI в., — «Сборник научных работ Мордовского гос. педагогического института им. А. И. Полежаева», Саранск, 1949, стр. 32—56.
- Сафаргалиев М. Г., Распад Золотой Орды, — «Ученые записки Мордовского гос. университета», Саранск, 1960, вып. XI.
- Саханев В. В., Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., — ИАК, Пг., 1914, 56, стр. 75—219.
- Седов В. В., Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.), автореф. докт. дисс., ИА, М., 1966.
- Седов В. В., К происхождению белорусов. Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов, — СЭ, 1967, № 2, стр. 112—129.
- Селезнев М., Руководство к познанию Кавказа, кн. II, СПб., 1847.
- Сердюченко Г. П., Язык абазин, — «Известия Академии педагогических наук СССР», М., 1955, вып. 67.
- Сизов В., Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии, — МАК, 1889, II.
- Скитский Б. В., Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1917 г., — ИСОНИИ, 1947, XI.
- Скитский Б. В., Хрестоматия по истории Осетии, ч. 1, Орджоникидзе, 1956.
- Скитский Б. В., Аланское раннефеодальное государственное образование, — «История Северо-Осетинской АССР», т. I, М., 1959.

- Скржинская Е. Ч., Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ), — «Византийский временник», М., 1962, т. XXI, стр. 118—126.
- Смирнов А. П., К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным, — УЗКНИИ, 1948, IV, стр. 65—90.
- Смирнов А. П., К вопросу об археологической культуре, — СА, 1964, № 4, стр. 3—17.
- Смирнов А. П., Скифы, М., 1966.
- Смирнов В. Д., Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII века, СПб., 1887.
- Смирнов К. Ф., Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, — КСИИМК, 1950, 32, стр. 113—125.
- Смирнов К. Ф., О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана, — КСИИМК, 1951, 37, стр. 151—160.
- Смирнов К. Ф., Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, — КСИИМК, 1952, 46, стр. 3—18.
- Смирнов К. Ф., Северский курган, — ТГИМ, вып. XI. Памятники культуры, М., 1953.
- Смирнов К. Ф., Меотский могильник у ст. Пашковской, — МИА, 1958, № 64, стр. 272—312.
- Смирнов Н. А., Иван Грозный, Л., 1944.
- «Современный Иран» (справочник), М., 1957.
- Сокольский Н. И., Раскопки в Кепях в 1960 г., — КСИИМК, 1962, 91, стр. 83—91.
- Соловьев Л. Н., Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры, — ТАБХНИИ, 1958, XXIX, стр. 135—184.
- Соловьев Л. Н., Трапш М. М., Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти, — ТАБХНИИ, 1961, XXXII, стр. 115—128.
- Сорокина Н. П., Раскопки некрополя в Кепях в 1959—1960 гг., — КСИИМК, 1962, 91, стр. 98—106.
- Сорокина Н. П., Раскопки некрополя Кеп в 1961 г., — КСИИМК, 1963, 95, стр. 61—64.
- Сорокина Н. П., Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища, — «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 134—174.
- Соттаев А. Х., Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка, — «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 81—95.
- Сталь К., Этнографический очерк черкесского народа, — «Кавказский сборник», Тифлис, 1900, т. XXI, стр. 33—173.
- Станчев С. Р., Новый памятник ранней болгарской культуры. К вопросу о праболгарах, — СА, 1957, XXVII, стр. 107—134.
- Столяр А. Д., Мешоко — поселение майкопской культуры, — ТАНИИ, 1961, вып. II, стр. 73—98.
- Стороженко С. А., Черкесия, Ставрополь, 1951.
- Стрельченко М. Л., Вооружение адыгейских племен в X—XV вв., — «Материалы по изучению Краснодарского края», вып. I, Краснодар, 1960, стр. 140—157.
- Стрельченко М. Л., Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XII—XV вв., автореф. канд. дисс., ЛО ИА, 1969.
- Студенецкая Е. Н., К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае в XIX в., — СЭ, 1937, № 2—3, стр. 45—72.
- Студенецкая Е. Н., Карачаевцы (с использованием материалов Г. А. Сергеевой), — «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 243—269.
- Студенецкая Е. Н., Изобразительное искусство карачаевцев. Поселения и жилища карачаевцев, — «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I, Ставрополь, 1967, стр. 354—371.
- Сулава Г. Г., Что понимали в древней Руси под названием «обез»? — «История СССР», 1957, № 2, стр. 158.
- Сысоев В. М., Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г., — МАК, 1898, вып. VII, стр. 115—136.
- Сысоев В. М., Археологическая экскурсия по Закубанью, — МАК, 1904, вып. IX, стр. 89—169.
- Сысоев В. М., Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, — СМОМПК, 1913, 43.
- Талицкий Н. Е., Очерки Карачая, — СМОМПК, 1909, 40, стр. 1—53.
- Тамбиев И., Карачай прежде и теперь, Ростов-на-Дону, 1931.
- Тамбиев И., Заметки по истории Балкарии, — «Революция и горец», 1933, № 1—2, стр. 58—59.
- Татищев В. Н., История Российская, т. I, М.—Л., 1962; т. II, М.—Л., 1963.
- Теплицкий И. З., Исторические памятники Ставрополя, Ставрополь, 1960.
- Тепцов В., По истокам Кубани и Терека, — СМОМПК, 1892, 14, стр. 159—212.
- Тимофеев В., Отчет проверочным раскопкам могильников, проведенным в июле и августе месяцев 1908 г. в Баталпашинском отделе Кубанской области, — «Древ-

- ности. Труды Московского археологического общества», М., 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 174—175.
- Токарев С. А., К постановке проблемы этногенеза, — СЭ, 1949, № 3, стр. 12—36.
- Токарев С. А., Этнография народов СССР, М., 1958.
- Толстов С. П., Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий, — ВДИ, 1963, № 2, стр. 23—45.
- [Торнау Ф.], Воспоминания кавказского офицера, — «Русский вестник», № 9, стр. 5—79; № 10, стр. 391—459; № 11, стр. 5—83; № 12, стр. 391—451.
- Трапш М. М., Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг., — СА, 1955, XXIII, стр. 206—227.
- Трапш М. М., Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг., — ТАБХНИИ, 1963, XXXIII—XXXIV, стр. 115—128.
- Трапш М. М., Раскопки некрополя «Ахьацарахва» в сел. Цебельда Абхазской АССР, — «Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР», Баку, 1965, стр. 120.
- Третьяков П. Н., К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен, — «Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии 8—10 декабря 1964 г.», Саранск, 1965, стр. 7—17.
- «Труды по геологии и полезным ископаемым Северного Кавказа Северокавказского геологического управления», вып. 1, Ессентуки, 1938.
- «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. II, М.—Л., 1966.
- Турчанинов Г. Ф., Эпиграфические заметки, — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 509—520 (ч. I); 1948, т. VII, вып. 1, стр. 77—81 (ч. II).
- Турчанинов Г. Ф., О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркесского музея, — СА, 1964, № 1, стр. 72—87.
- Турчанинов Г. Ф., — Разведки памятников древнеосетинского (сармато-аланского) письма, — ИСОНИИ, 1964, XXIV, вып. 1. Языкознание, стр. 47—52.
- Турчанинов Г. Ф., Выступление на сессии, посвященной этногенезу осетин, в 1966 г., — «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин», Орджоникидзе, 1967, стр. 271.
- Тушинский Г. К., Ледники, снежники, лавины Советского Союза, М., 1963.
- Тхагушев Н. А., Адыгейские (черкесские) сады, Майкоп, 1956.
- Уварова П. С., Могильники Северного Кавказа, — МАК, 1900, VIII.
- Удальцов А. Д., «Теоретические основы этногенетических исследований». Тезисы доклада на сессии по этногенезу Средней Азии, — СЭ, 1947, VI—VII, стр. 301—303.
- Удальцова З. В., Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы, — ВИ, 1966, № 9, стр. 61—70.
- «Указатель памятников Российского исторического музея», М., 1893, стр. 389—392.
- Услар П., Древнейшие сказания о Кавказе, — ССКГ, 1881.
- Ф., Черкесы, Казаки и Адехэ, — «Русский вестник», М., 1863, т. 48, стр. 847—865.
- Фарфоровский С. В., Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк, — ЗКОРГО, 1909, XXVI, вып. 7.
- Федоров-Давыдов Г. А., Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники, М., 1966.
- Федоров Я. А., К вопросу об этногенезе кумыков, — «Исторические науки», 1959, № 1, стр. 104—116.
- Федоров Я. А., Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана, — СЭ, 1961, № 1, стр. 112—115.
- Федоров Я. А., Городище Джашырын-кала, — ИСОНИИ (в печати).
- Федоров Я. А., Федоров Г. С., Ранние булгары на Северном Кавказе, — ТКЧНИИ. VI, серия историческая, 1970, стр. 336—372.
- Фелицын Е. Д., Черкесы-адыге и западнокавказские горцы. Материалы для изучения горцев и принадлежавшей им страны, — «Кубанские областные ведомости», 1884, № 34, 36, 38, 40.
- Фелицын Е. Д., Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и в Кубанской области, — «Кубанский сборник», т. V, Екатеринодар, 1889, стр. 1—24.
- Фелицын Е. Д., Примечания, — М. Пейсонель, Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг., Краснодар, 1927.
- Фелицын Е. Д., Западнокавказские дольмены, — МАК, 1904, IX, стр. 1—87.
- Ферран, Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., Пер. П. Хиунова, — «Русский вестник», 1842, № 6, стр. 41—56.
- Фиркович А., Археологические разведки на Кавказе, — «Записки имп. Археологического общества», СПб., 1857, т. IX, стр. 371—405.
- Формозов А. А., Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае, — ТАНИИ, 1961, II, стр. 39—72.

- Формозов А. А., Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965.
- Хаджилаев Х. И., К топонимике Карачая, — ТКЧНИИ, VI, серия историческая, 1970, стр. 373—395.
- [Хаджимуков, князь], Народы Западного Кавказа по неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова, — «Кавказский сборник», Тифлис, 1910, т. XXX, стр. 1—50.
- Хицунов П., О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе, — газ. «Кавказ», 1846, второе полугодие, стр. 147—162.
- Ходнев Н., Заметки о древних названиях кавказских народов, — газ. «Кавказ», 1867, № 45.
- Хурумов И., Древние гробницы на р. Индыш, — СМОМПК, 1892, 13, стр. 20.
- Цветаева Г. А., Грунтовой некрополь Пантикалея, его история, этнический и социальный состав, — МИА, 1951, № 19, стр. 63—86.
- Цинцадзе М. В., Социально-экономическое и культурное положение адыгейцев в XVI—XVIII вв., автореф. канд. дисс., Тбилисский гос. университет, Тбилиси, 1962.
- Чагаров К. Т., Средневековый склеп Дардонского могильника, — ТКЧНИИ, VI, серия историческая, 1970, стр. 423—435.
- Чайковский Г., Случайные находки древностей в 1924—1927 гг. на Черноморском побережье (в окрестностях г. Новороссийска по данным местного музея природы и истории), — «Записки Северокавказского общества археологии, истории, этнографии», кн. 1, т. III, вып. 3—4. Ростов-на-Дону, 1927—1928, стр. 75—77.
- Чиперис А. М., К вопросу о социально-экономическом и политическом развитии адыгов в XIII—XV вв., — УЗКБГУ, 1957, вып. 13, стр. 65—76.
- Чурсин Г., Экономическая жизнь Карачая, — газ. «Кавказ», 1900, № 322.
- Шакрыл Е. С., К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов, — УЗАНИИ, 1965, IV. История и этнография, стр. 205—221.
- Шамба Г. К., Позднеантичные погребения нагорной Абхазии, — СА, 1965, № 2, стр. 262—266.
- Шафиев Н. А., К вопросу о времени расселения кабардинцев, — УЗКБГУ, 1966, 32, серия историко-филологическая, стр. 159—162.
- Шафиев Н. А., История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.), Нальчик, 1968.
- Шелов Д. Б., Раскопки Танаиса в 1955 г., — КСИИМК, 1959, 74, стр. 74—80.
- Шелов Д. Б., Некрополь Танаиса. Раскопки 1955—1958 гг., — МИА, 1961, № 98.
- Шилов В. П., Население Прикубанья в конце VII — начале IV в. до н. э. (по материалам городищ и грунтовых могильников), автореф. канд. дисс., ЛО ИИМК, М.—Л., 1951.
- Щапова Ю. Л., Стекланные изделия средневековой Тмутаракани, — «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 102—133.
- Щеглов Д. Е., О работе Геленджикского музея в 1955—1956 гг. Хроникальная заметка, — СА, 1957, № 4, стр. 278—279.
- Щербаков М. М., История Российская с древнейших времен, т. 1, СПб., 1901.
- Шукин И., Материалы для изучения карачаевцев, — «Русский антропологический журнал», М., 1913, № 1, 2, стр. 29—98.
- Якобсон А. Л., Средневековый Херсонес. XII—XIV вв., — МИА, 1950, № 17.
- Якобсон А. Л., Средневековые амфоры Северного Причерноморья, — СА, 1951, XV, стр. 325—344.
- Якобсон А. Л., Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры, М.—Л., 1964.
- Яковлев Н. Ф., Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков, — ЗСККГНИИ, т. 1, 1928, стр. 117—128.
- Яковлев Н. Ф., Языки и народы Кавказа, Тифлис, 1930.
- Bala Mirza, Çerkesler, — «İslam Ansiklopedisi», 25 cüz, İstanbul. 1945, стр. 375—385.
- Bala Mirza, Karçay ve Balkarlar, — «İslam Ansiklopedisi», 57 cüz, İstanbul, 1952, стр. 217—221.
- Bell James Stanislas, Journal d'une Residence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839, t. I—II, Paris, 1841.
- Berkok İsmail, Tarihte Kafkasya, İstanbul, 1958.
- Besse J. C., Voyage en Crimée, au Caucase, en Géorgie, en Arménie, en Asie Mineure et à Constantinople en 1829 et 1830, Paris, 1839.
- Bodenstedt Fr., Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen, Berlin, 1855.
- Chantre E., Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I—IV, Paris—Lyon, 1887.
- Charmoy F., Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, Khan de l'Oulous de Djoutchy, en 793 de l'Hegire ou 1391 de notre ère, — «Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St. Pétersbourg», VI série. Science politiques, histoire, philologie, t. 3, Pbg., 1835, стр. 89—505.
- «Encyclopaedia Britannica», vol. 1, 5, 13, Chicago — London — Toronto, 1957.

- Erckert R., *Der Kaukasus und seine Völker*, Leipzig, 1887.
 Hahn C., *Aus dem Kaukasus*, Leipzig, 1892.
 Howorth H., *History of the Mongols (from the 9th to the 19th Century)*, pt II, London, 1880.
 «Kaukasische Völker», — в кн.: Erbert Max, *Reallexicon der Vorgeschichte*, Bd 6, Berlin, 1926, стр. 249—263.
 Klaproth J., *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808*, Halle — Berlin, t. I, 1812; t. II, 1814.
 Klaproth J., *Sur les anciennes églises chrétiennes dans le Caucase au-delà du Kouban*, — «Nouveau Journal Asiatique», Paris, 1830, t. V, стр. 375—390.
 Koch K., *Reise durch Russland nach dem Kaukasischer Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838*, Stuttgart — Tübingen, Bd I, 1842; Bd II, 1843.
 Kroupnov E., *A propos de la chronologie de l'âge du fer au Caucase Nord*, — «VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapport et les informations des archéologues de l'URSS», Moscou, 1962.
 Morgan J., *Mission scientifique au Caucase — «Etudes Archéologiques et Historiques», t. II. Recherches sur les origines des peuples du Caucase*, Paris, 1889.
 Namitok A., *Origines des circassiens*, pt. I, Paris, 1839.
 Neumann K., *Russland und Tcherkessen*, Stuttgart — Tübingen, 1840.
 D'Osson M., *Des peuples du Caucase et des Pays au Nord de la mer Noire et de la mer Caspienne dans le dixième (X) siècle ou voyage d'Abou-el-Cassim*, Paris, 1828.
 Pallas P. S., *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den 1793 und 1794*, t. I—II, Leipzig, 1803.
 Potocky J., *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*, t. I—II, Paris, 1829.
 Reineggs J., *Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus*, t. I, St.-Pbg., 1796; t. II Hildesheim — Gothe — St.-Pbg., 1797.
 Rommel C., *Die Völker des Kaukasus nach den Berichten der Reisebeschreiber*, Weimar, 1808.
 Saint Martin V., *Les Abazes de la cote Circassienne: aperçu ethnographique et historique*, — «Nouvelles Annales des Voyages», Paris, 1854, t. 142, стр. 5—30.
 Sarkisyanz E., *Geschichte der Orientalischen Völker Russlands bis 1917*, München, 1961.
 Šcerbak A. M., *Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs occidentaux*, — «Acta Orientalia Hungarica», Budapest, 1962, t. XV, fasc. 1—3, стр. 283—290.
 Sommier S., *Note volante sui Karacai ed alcune Misure di Abasa, Kabardini e Abasèkh di Stephen Sommier*, — «Archivio per l'antropologia e l'etnologia», Firenze, 1901, vol. XXXI, стр. 413—459.
 [Vambery H.], *Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, geschildert von Hermann Vambery*, Leipzig, 1885.
 Vernadsky G., *Ancient Russia*, — «New Haven Yale University Press», London, 1944.
 Vernadsky G., *The Origins of Russia*, Oxford, 1959.
 Vivient de Saint-Martin, *Etudes ethnographique et historiques...* — «Nouvelles Annales des Voyages», Paris, 1848, t. 3 (119).
 Zichy E. de, *Voyages au Caucase et en Asie Centrale*, t. I—II, Budapest, 1897.

Тезисы

докладов, прочитанных на секционных заседаниях ежегодных сессий ИИМК, ИА и ИЭ АН СССР, посвященных итогам полевых исследований предшествующего года (машинопись)

- Абрамова М. П., *Раскопки Нижне-Джулатского могильника. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1967 г.*, М., 1968, апрель.
 Анфимов Н. В., *Археологические работы на Черноморском побережье в 1955—1956 гг. Тезисы доклада на сессии ИИМК и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1956 г.*, М., 1957, апрель.
 Анфимов Н. В., *Меотские племена Прикубанья в III—VI вв. Тезисы доклада на сессии ИИМК и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1957 г.*, М., 1958, апрель.
 Анфимов Н. В., *Городища Закубанья (Адыгеи). Тезисы доклада на сессии ИИМК и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1957 г.*, М., 1958, апрель.
 Анфимов Н. В., *Памятники зиков в районе сел. Ново-Михайловского (по материалам экспедиций 1956, 1958 и 1960 гг.). Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1960 г.*, М., 1961, апрель.
 Анфимов Н. В., *Некоторые вопросы изучения меотской культуры (по материалам*

- раскопок 1964—1965 гг.). Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной результатам полевых исследований 1965 г., М., 1966, апрель.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А., Погребение VI в. в сел. Цебельда. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1967 г., М., 1968, апрель.
- Ложкин М. Н., Новые сведения о распространении христианства на Северном Кавказе в средние века. Раскопки христианских храмов в Отрадненском районе Краснодарского края. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1965 г., М., 1966, апрель.
- Минаева Т. М., Городище Адиух в Черкесии (раскопки 1954—1955 гг.). Тезисы доклада на сессии ИИМК и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1955 г., Л., 1956, март.
- Нечаева Л. Г., О дольменах и дольменообразных склепах Верхнего Прикубанья. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1967 г., М., 1968, апрель.
- Рунич А. П., Михайлов Н. Н., Городище Бургусант-Кала, или Рим-Гора. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1967 г., М., 1968, апрель.
- Трапш М. М., Памятники апсило-абазгской культуры. Тезисы доклада сессии ИА и ИЭ, посвященной итогам полевых исследований 1961 г., М., 1962, март — апрель.

Архивные материалы

- Алексеева Е. П., Отчет о работе экспедиции КЧНИИ в 1961 г., — Архив КЧНИИ.
- Алексеева Е. П., Отчеты о раскопках экспедиции КЧНИИ на Хумаринском городище в 1963 г., — Архив КЧНИИ.
- Алексеева Е. П., Отчет о работе археологической экспедиции КЧНИИ в 1964 г., — Архив КЧНИИ.
- Анфимов Н. В., Отчет об археологических работах, проведенных Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем в 1952—1953 гг., — Архив ИА, № 817.
- Веселовский Н. И., Отчеты о раскопках в Кубанской области в 1901 и 1902 гг., — Архив ЛО ИА, ф. 1, 1901, № 103; 1902, № 93.
- Владимиров И. А., Отчет о раскопках в Кубанской области в 1899 г., — Архив ЛО ИА, ф. 1, 1899, № 102.
- «Выписка (подробнейшая) о ногайцах, с 1552 г. принявших Российское подданство; о разделении их на части: Большой Ногай, Малый Ногай и Джетысаны; о бытнии некоторых из них, то есть Джембулуков, в подданстве калмыками; о побеге оных Джетысанов и Джембулуков на Кубань под татарское покровительство и о бывшей от них с турецким двором переписке», — Архив внешней политики России (Архив МИД), ф. «Ногайские дела», оп. 127/1, 1754, ед. хр. № 1.
- Деген-Ковалевский Б. Е., Адыги, — в рук.: «История СССР», под ред. М. И. Артамонова и А. Ю. Якубовского, гл. III, — Архив ЛО ИА, ф. 35, оп. 2, № 727.
- Дитлер П. А., Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 г. в Лабинском (б. Ярославском) районе Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера, — Архив ИА, Р-1, № 2662.
- Дитлер П. А., Отчет об археологических экспедициях, проведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом в 1962 г. под руководством П. У. Аутлева при участии П. А. Дитлера, — Архив ИА, Р-1, № 2467.
- Записка «О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской области», — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, ф. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885, № 9333.
- Лайпанов Х. О., Петрелевич К. М., Сердобольская Л. А., Отчет о раскопках в Карачае в 1940 г., — Архив ЛО ИА, ф. 2, оп. 1, 1940, № 7.
- Мизиев И. М., Отчет об археологических работах экспедиции КЧНИИ в КЧАО в 1966 г., — Архив КЧНИИ.
- Петрелевич К. М., Чудесный памятник Карачая (гл. из работы «Основные линии археологии Карачая»), — Архив ЛО ИА, ф. 35, оп. 1, 1940, № 16.
- Смирнов А. П., Понятие «археологической культуры», Тезисы докладов на заседаниях сессии ИА и ИЭ АН СССР 1964 г., посвященной итогам полевых исследований 1963 г., М., 1964, стр. 6—7.
- Спицын А. А., «Корочки», — Архив ЛО ИА, ф. А. А. Спицына, № 303.
- Стрельченко М. Л., Отчет о раскопках в Грушовой балке близ Новороссийска в 1962 г., — Архив Краснодарского краевого историко-краеведческого музея.
- Шишкин П. Н., Материалы к археологической карте Черкесской автономной области, — Архив ЛО ИА, ф. 2, оп. 2, № 1406.
- Эвлии Челеби, Путешествия. Отрывки из II и VII книг. Русский перевод (машинопись), — рукоп. ф. ИИЯЛ ДагФАН, ф. Исторический отдел, № 421, д. 1157.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ — Акты исторические, издаваемые Археографической комиссией.
 ВДИ — «Вестник древней истории», М.
 ВИ — «Вопросы истории», М.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ГИМ — Государственный исторический музей.
 ДРВ — «Древняя российская вивлиофика».
 ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел», СПб.
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
 ЗКОРГО — «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», Тифлис.
 ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса.
 ЗСККГНИИ — «Записки Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института», Ростов-на-Дону.
 ИА — Институт археологии АН СССР.
 ИАК — «Известия Археологической комиссии», М.
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР (с 1959 г. — ИА).
 ИКОРГО — «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», Тифлис.
 ИОЛИКО — «Известия Общества любителей изучения Кубанской области», Екатеринодар.
 ИСОННИИ — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», Дзауджикау, Орджоникидзе.
 ИЧИННИИ — «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института», Грозный.
 ИЮОНИИ — «Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института», Цхинвали.
 ИРАО — «Известия Русского археологического общества», СПб.
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии».
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК» (с № 81 — КСИА).
 КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
 КЭС — «Кавказский этнографический сборник».
 ЛО ИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
 МАК — «Материалы по археологии Кавказа», М.
 МАР — «Материалы по археологии России», СПб.
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
 МИСК — «Материалы по изучению Ставропольского края», Ставрополь.
 ОАК — «Отчет Археологической комиссии».
 ПГПИ — Пятигорский государственный педагогический институт.
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 РИО — Русское историческое общество.
 СА — «Советская археология», М.
 СГАИМК — «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры».
 СГПИ — Ставропольский государственный педагогический институт.
 СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.

- ССИК — «Сборник статей по истории Кабарды», Нальчик.
ССИКБ — «Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии», Нальчик.
ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
СССК — «Сборник сведений о Северном Кавказе», Тифлис.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТАбхНИИ — «Труды Абхазского научно-исследовательского института», Сухуми.
ТАНИИ — «Труды Адыгейского научно-исследовательского института», Майкоп — Краснодар.
ТАС — «Труды Археологического съезда».
ТГИМ — «Труды Государственного Исторического музея».
ТИЭ — «Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», М.
ТКЧНИИ — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», Черкесск, Ставрополь.
ТЧНИИ — «Труды Черкесского научно-исследовательского института», Черкесск.
ТЧНИИ — «Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института», Грозный.
УЗАНИИ — «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института», Майкоп — Краснодар.
УЗИИЯЛ — «Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», Махачкала.
УЗКБГУ — «Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета», Нальчик.
УЗКБНИИ — «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», Нальчик.
УЗКНИИ — «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», Нальчик.
УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», Л.
УЗМГУ — «Ученые записки Московского государственного университета», М.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЧтОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

ТАБЛИЦЫ ИЛЛЮСТРАЦИИ

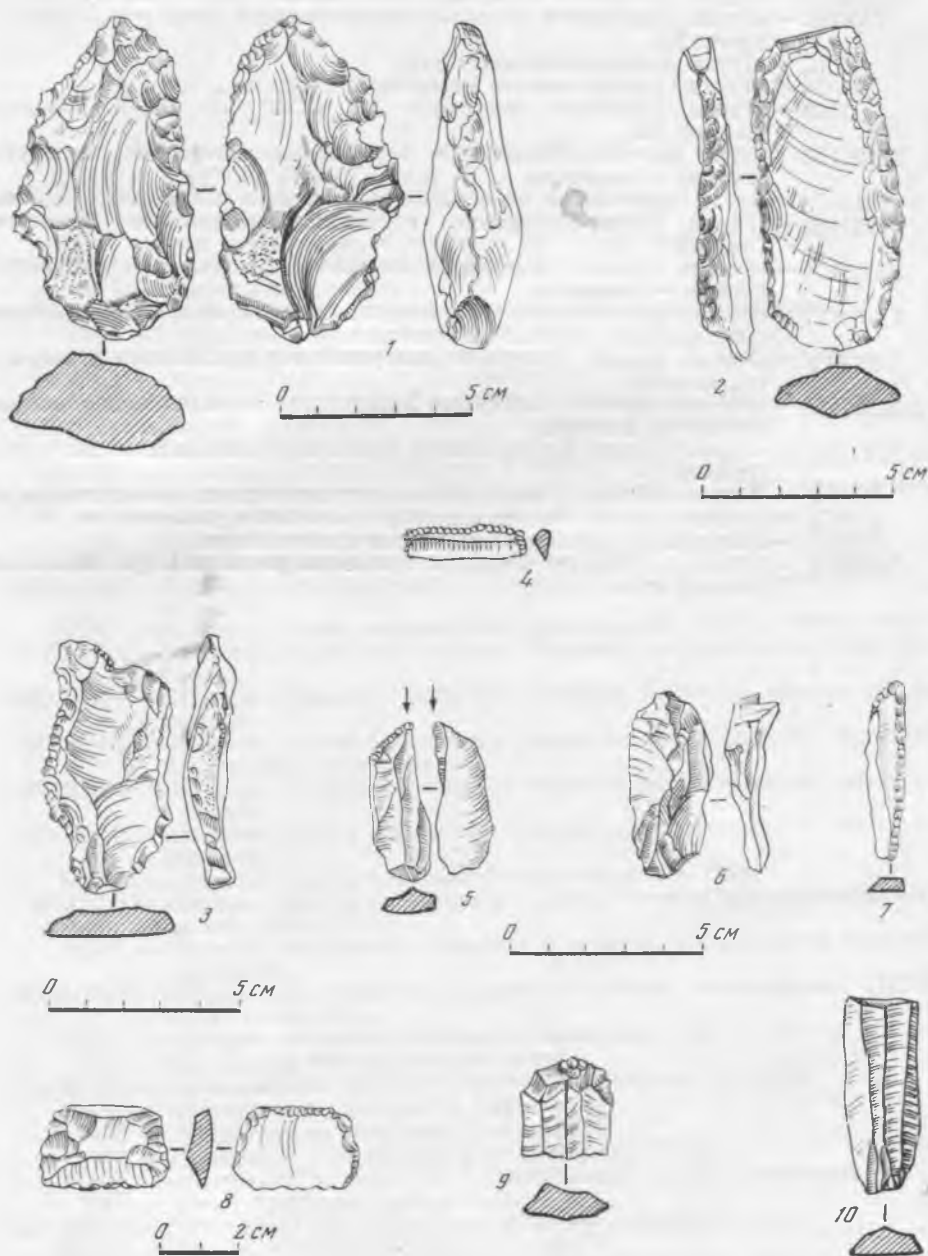

Табл. 1а. Находки каменного века (кремневые орудия) на территории Карачаево-Черкесии:

1 — ручное рубильце, эпоха мустье, Кардоник; 2 — скребло, эпоха мустье, Кардоник; 3 — скребло, эпоха мустье, Яворы; 4 — вкладыш, мезолит, Яворы; 5 — резец, мезолит, Яворы; 6 — концевой скребок, мезолит, Яворы; 7 — строгальный нож, мезолит, Яворы; 8 — трапецевидная пластинка «со струганой спинкой», неолит, р. Овечка; 9 — скребло, неолит, р. Овечка; 10 — усеченная микропластинка, неолит, р. Овечка (рис. 1—10 даны по В. П. Любину).

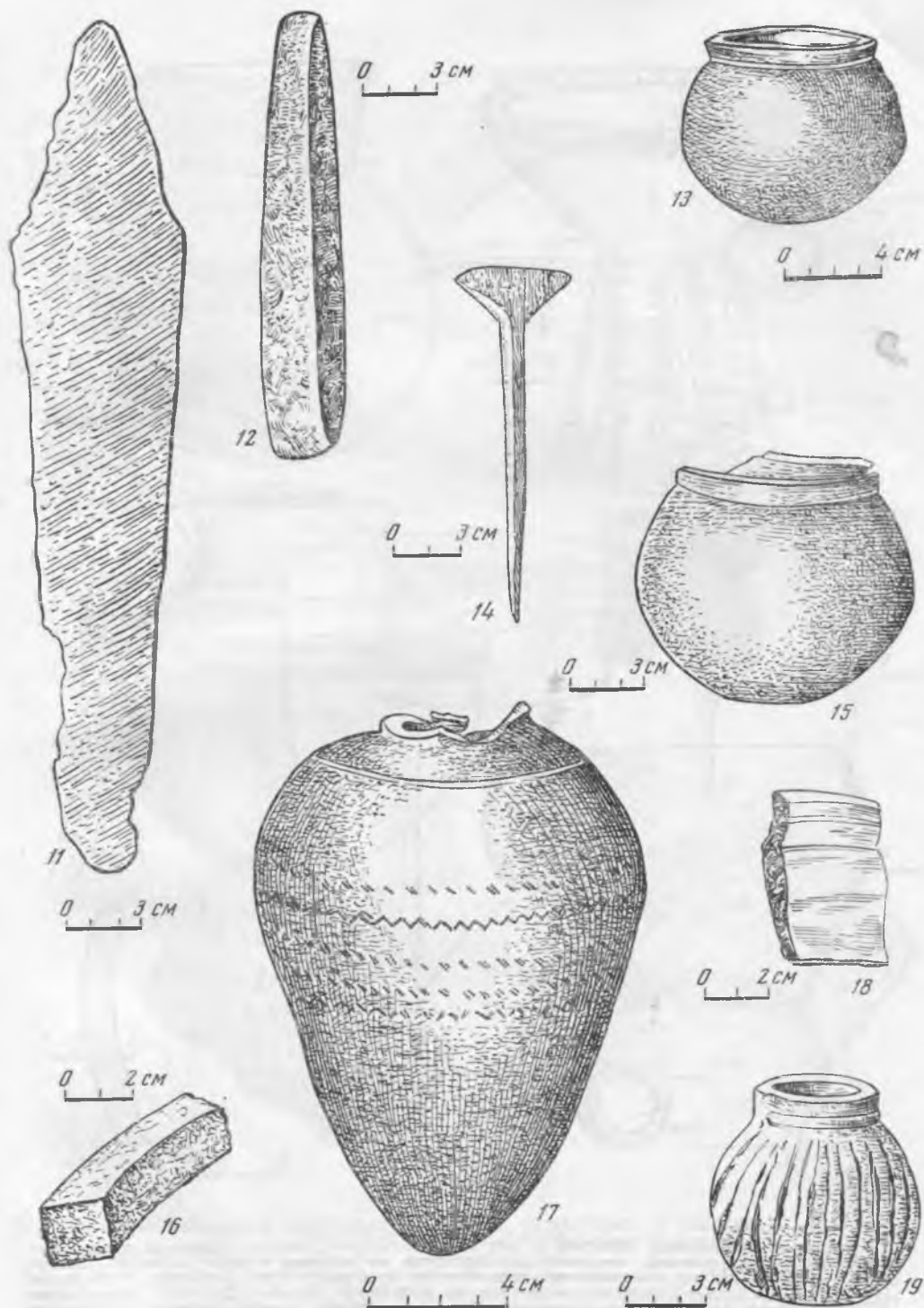

Табл. 16. Предметы майкопской культуры из курганного могильника III—II тысячелетий у ст. Усть-Джегутинской:

11 — бронзовый нож-кинжал; 12 — каменный топор-долото; 13 — глиняный сосуд из погребений первой группы; 14 — костяная булавка; 15 — глиняный сосуд из погребений второй группы; 16 — обломок каменного браслета; 17 — глиняный сосуд из погребений второй группы; 18 — обломок глиняной миски из погребений второй группы; 19 — рифленый глиняный горшочек из погребений второй группы (рис. 11—19 даны по Р. М. Мунчаеву и А. Л. Нечитайло).

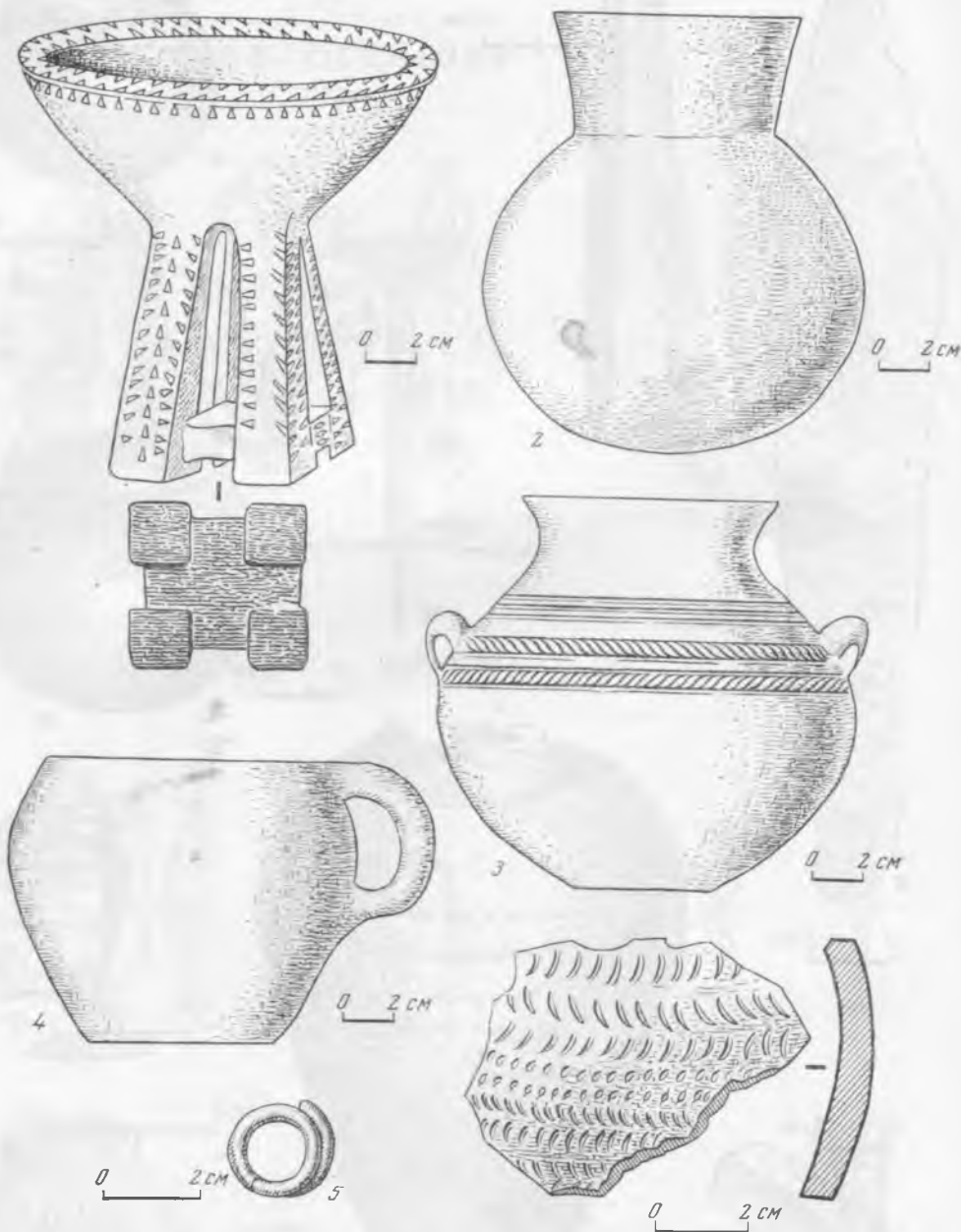

Табл. 2. Находки II тысячелетия до н. э. на территории Карачаево-Черкесии:

1 — глиняная курильница (найдена в 1962 г. у Большого Соленого озера на трассе Кубань-Калаусского канала); 2 — глиняный горшочек из кургана в ауле Бесленей (экспедиция КЧНИИ 1957 г.); 3 — глиняный горшочек из кургана в ауле Бесленей (экспедиция КЧНИИ 1957 г.); 4 — глиняный горшочек из кургана у хутора Дружба (экспедиция КЧНИИ 1956 г.); 5 — бронзовое височное кольцо из кургана у хутора Дружба (экспедиция КЧНИИ 1956 г.); 6 — обломок глиняного сосуда из кургана у аула Адыге-Хабль (по Т. М. Минаевой).

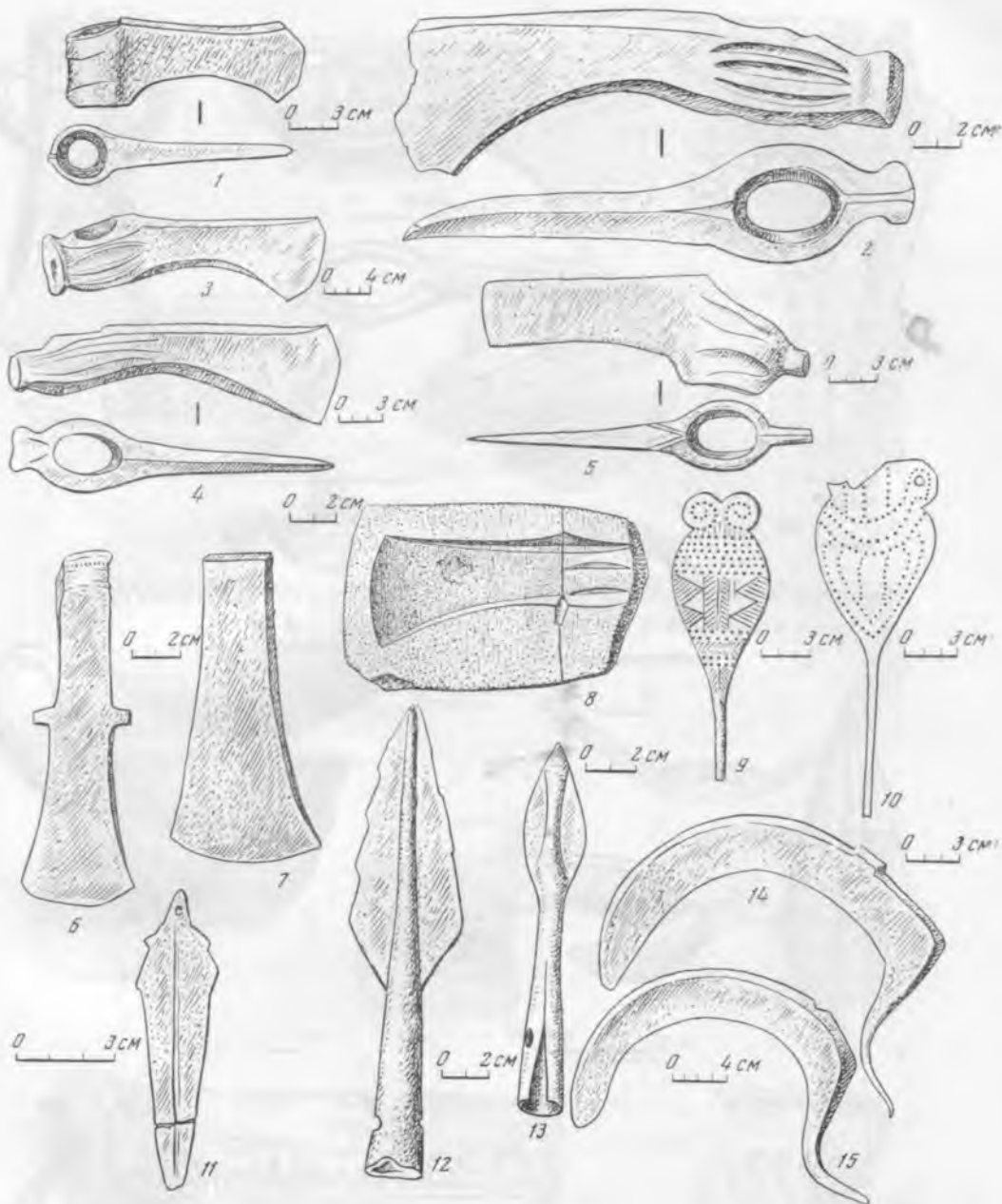

Табл. 3. Бронзовые изделия прикубанской культуры:

1 — топорик из Кубанской области; 2 — топорик, Учкулан; 3 — топорик, Карт-Джурт; 4 — топорик, Агур; 5 — топорик из Кубанской области; 6 — тесло, ст. Боргустанская; 7 — тесло, ст. Боргустанская; 8 — каменная форма для отливки топорика из Кавказского заповедника; 9 — булава из Карачая; 10 — булава, ст. Андрюковская; 11 — кинжал, Гончир; 12 — наконечник копья, Карачаевск; 13 — наконечник копья, Туапсе; 14 — серп, Агур; 15 — серп, Карт-Джурт (рис. 1—8, 10—15 даны по А. А. Иессену).

Табл. 4. Находки кобанского времени и VIII—VII вв.:

бронзовые предметы кобанского времени: 1—кинжал, Терезе; 2—топорик, Хураук; 3—фибула, Никитина поляна на р. Малая Лаба; 4—браслет, Майкоп; 5—импортный топор-кельт, р. Уруп (рис. даны по А. А. Иессену); предметы VIII—VII вв.: 6—бронзовый наконечник копья, Николаевский могильник; 7—бронзовый браслет, Николаевский могильник; 8—глиняная чарка, Николаевский могильник; 9—обломок глиняного сосуда из пещеры Хаджох (рис. 6—8 даны по Н. В. Анфимову, рис. 9 — по А. А. Формозову).

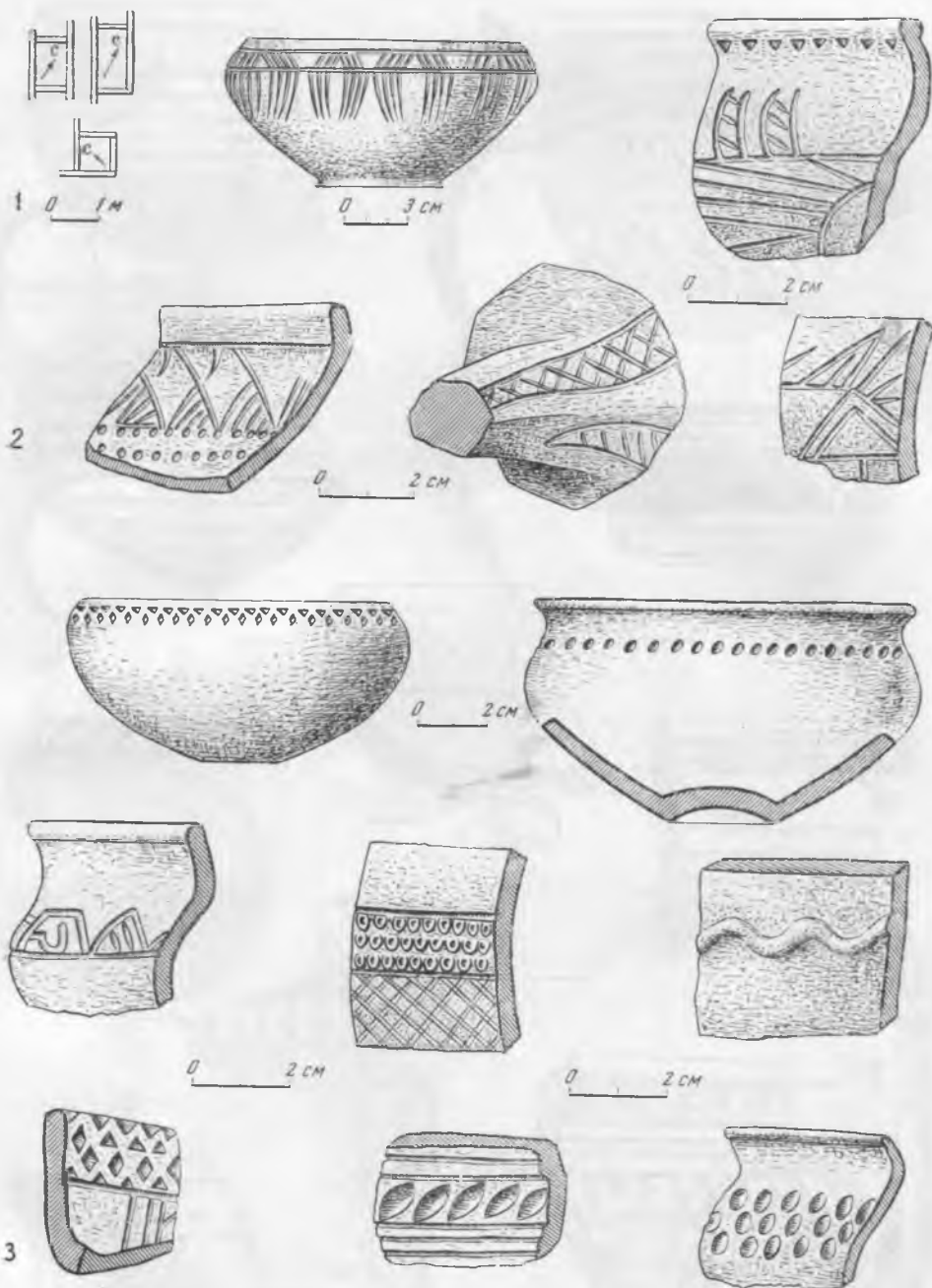

Табл. 5. Инжиччукунский могильник VIII—VII вв.:

1 — типы каменных ящиков; 2 — керамика с геометрическим орнаментом; 3 — керамика с рельефным орнаментом (экспедиция КЧНИИ 1957 г.).

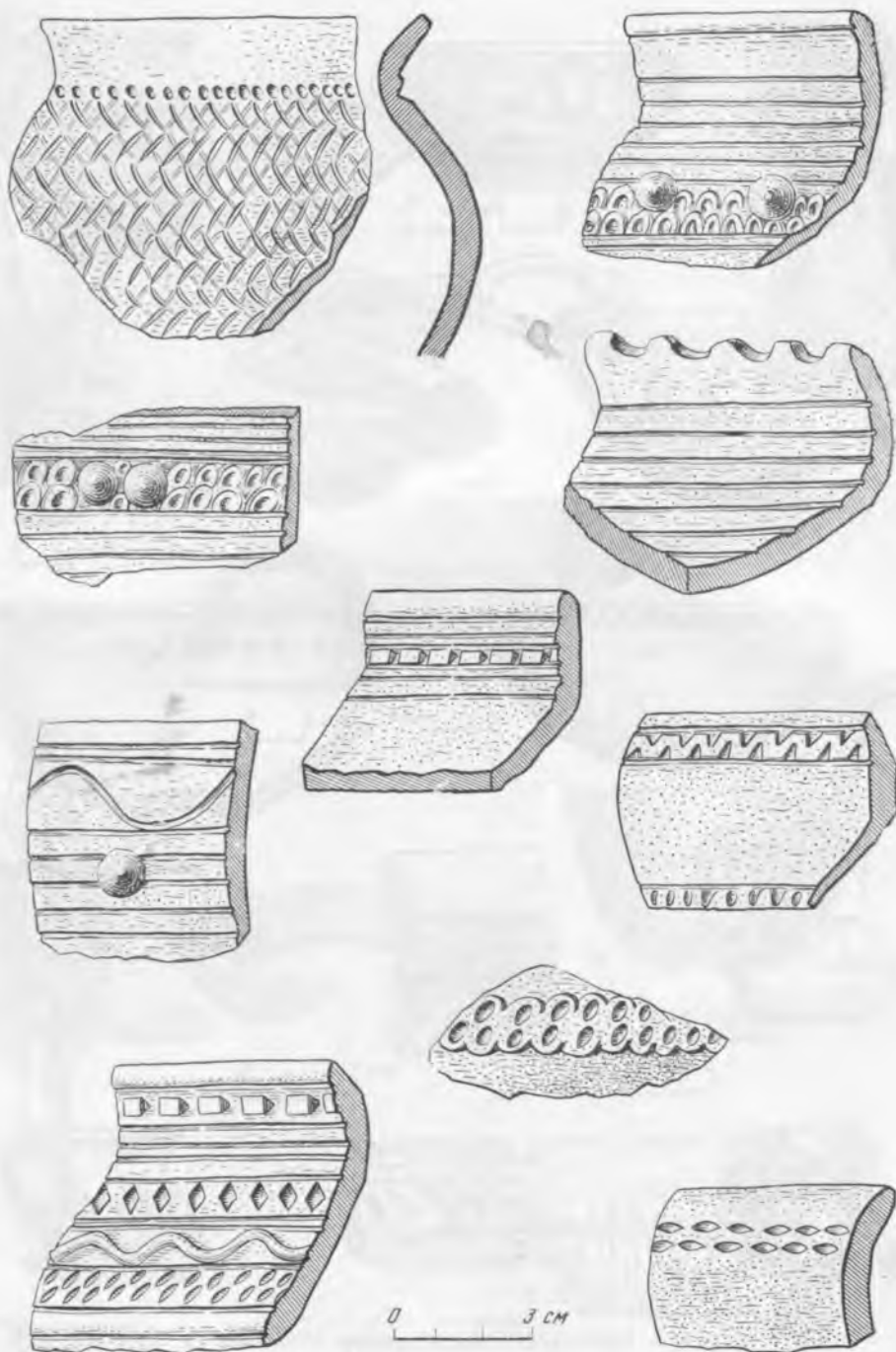

Табл. 6. Инжиичукурский могильник VIII—VII вв. Керамика с рельефным орнаментом (экспедиция КЧНИИ 1957 г.).

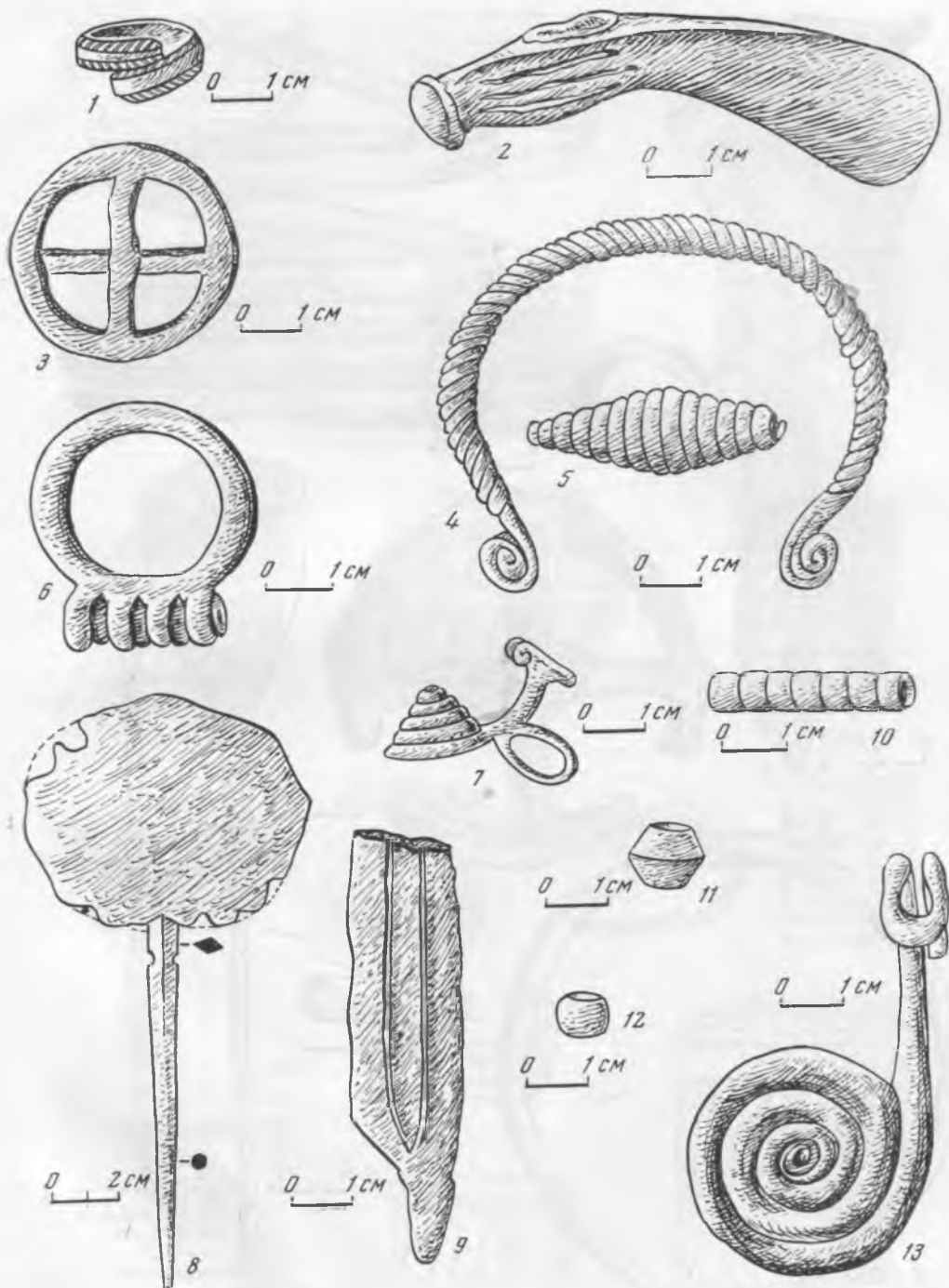

Табл. 7а. Инжиччукунский могильник VIII—VII вв.:

бронзовые предметы: 1 — перстень; 2 — топорик; 3 — грудная подвеска-колесико; 4 — витая гривна; 5 — биконическая спиральная пронизка; 6 — подвеска-кольцо; 7 — подвеска с головкой барана; 8 — булавка с овальной пластинчатой головкой; 9 — обломок ножа; 10 — цилиндрическая спиральная пронизка; 11 — бусина; 12 — бусина-скобочка; 13 — очковидная подвеска или пряжка.

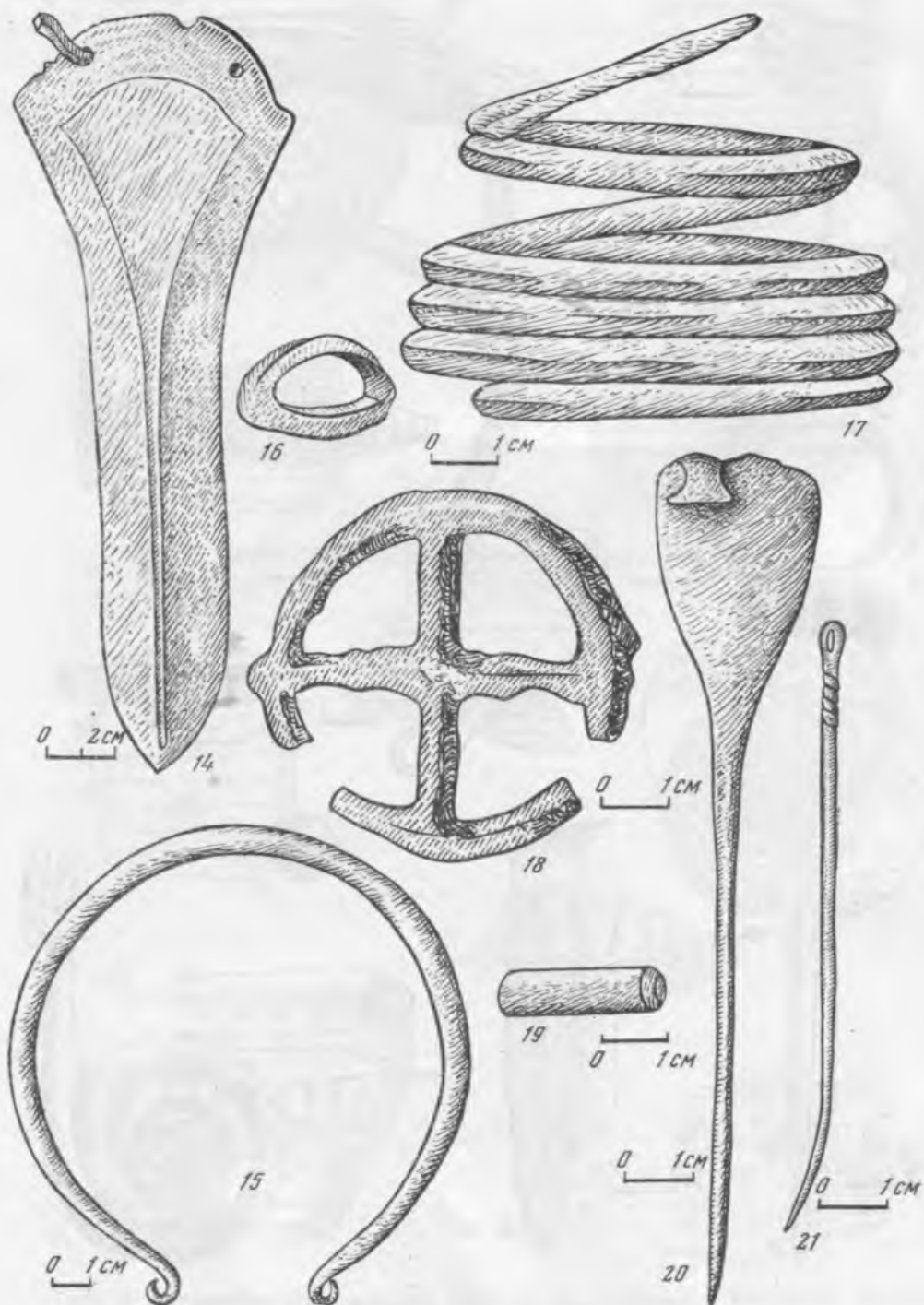

Табл. 76. Инжицчукунский могильник VIII—VII вв.:
 14 — пламенивидный кинжал; 15 — гладкая гривна; 16 — пронизка; 17 — браслет-«шина»;
 18 — подвеска-колесико; 19 — цилиндрическая пронизка; 20 — весловидная булавка;
 21 — иголка (экспедиция КЧНИИ 1957 г.).

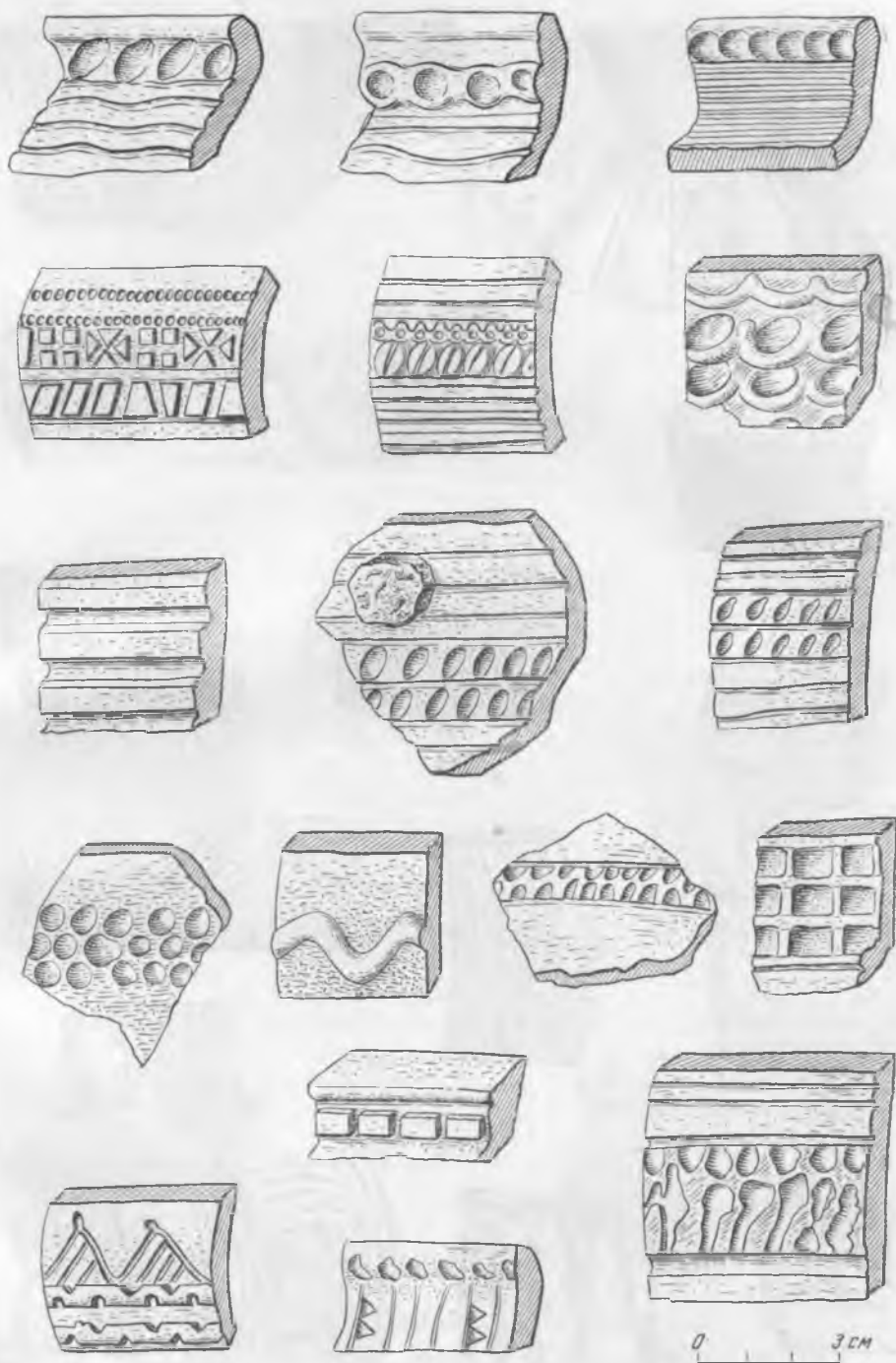

Табл. 8. Хумаринское поселение VIII—VI вв. Образцы керамики с рельефным орнаментом VIII—VII вв. (экспедиция КЧНИИ 1963—1964 гг.).

Табл. 9. Хумаринское поселение VIII—VI вв. Образцы керамики VIII—VII вв.:
 1—6 — с рельефным орнаментом; 7—13 — с геометрическим орнаментом; 14—16 —
 с орнаментом, выполненным лощением (экспедиция КЧНИИ 1963—1964 гг.).

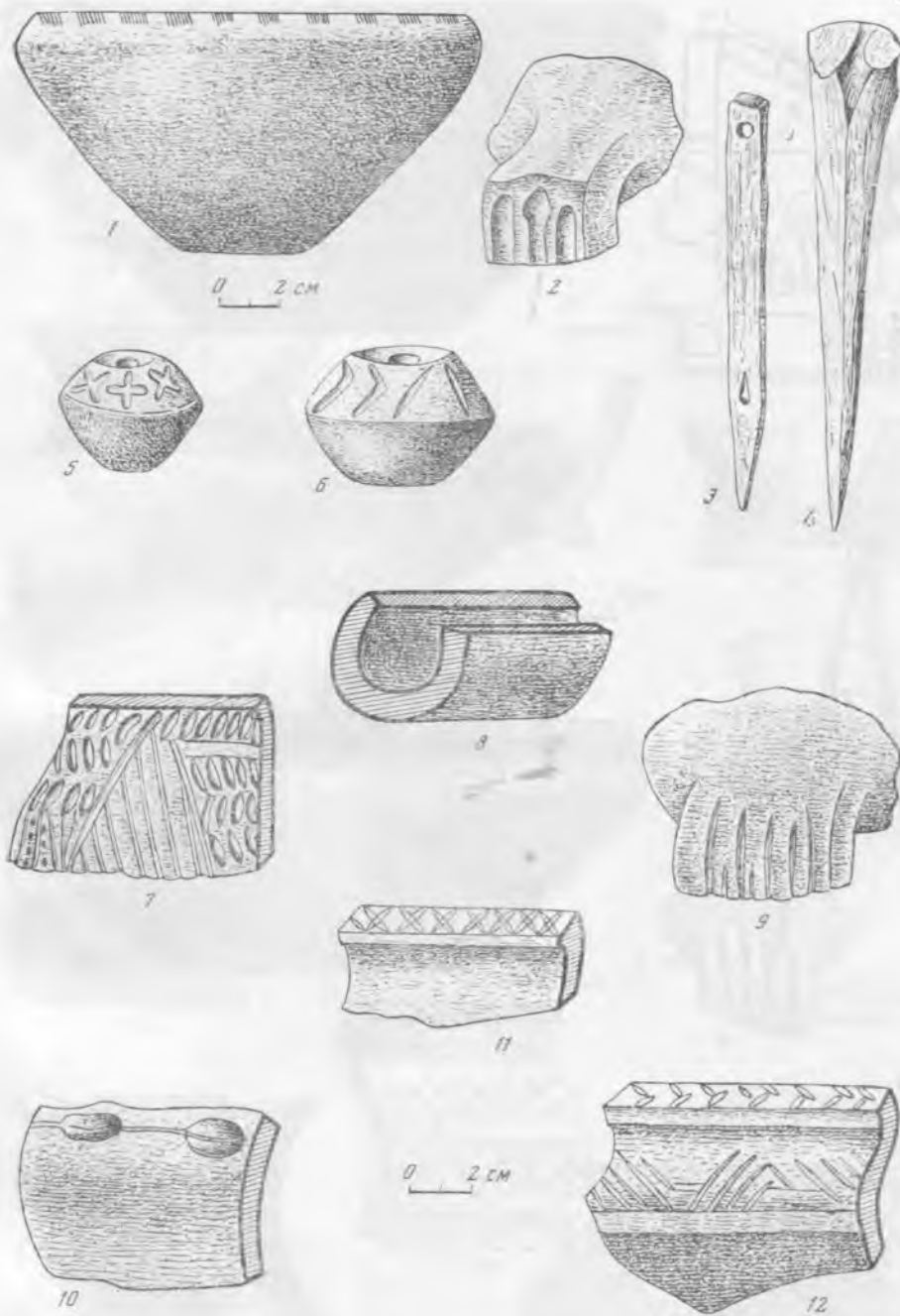

Табл. 10. Хумаринское поселение VIII—VI вв.:

предметы из раскопов V—VI (VIII—VII вв.): 1—глиняная миска; 2—обломок ручки глиняного сосуда; 3—костяное шило; 4—костяная проколка; 5, 6—глиняные пряслица; вещи из раскопа III (VII—VI вв.): 7—обломок глиняного сосуда с рельефным орнаментом; 8—обломок глиняной трубки (сопла?); 9, 10—фрагменты глиняных сосудов с рельефным орнаментом; 11, 12—обломки глиняных мисок с геометрическим орнаментом (экспедиция КЧНИИ 1963—1964 гг.).

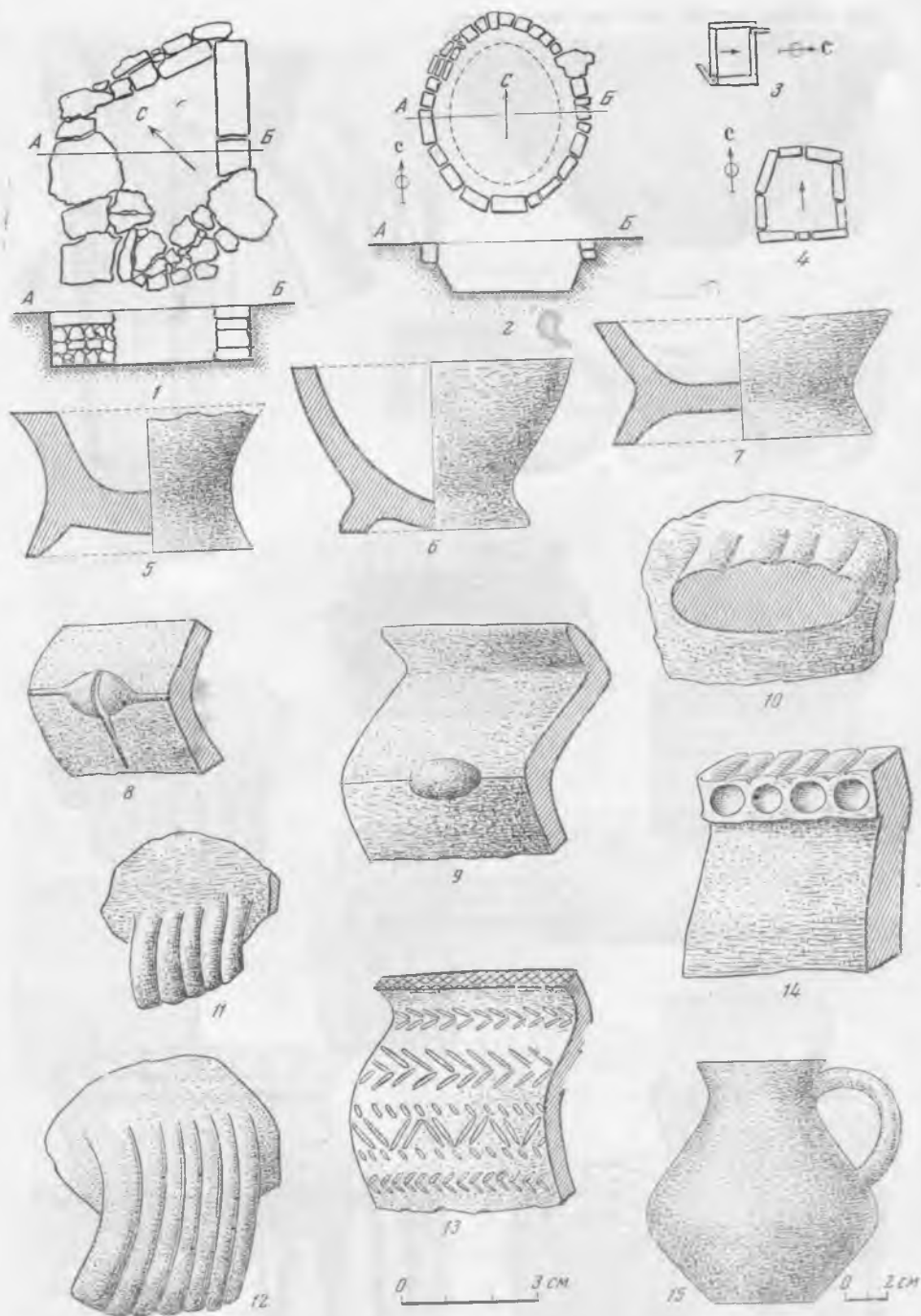

Табл. 11. Тамгацкий могильник VI в. до н. э. Тамгацкое поселение VIII—VI вв.: 1—4 — типы погребений; образцы керамики: 5—7 — донца сосудов на кольцевой ножке; 8—9 — фрагменты сосудов с овальными налепами; 10, 11, 12 — ручки с продольными бороздками; 13 — борт горшочка; 14 — борт пифоса; 15 — кружка с биконическим туловом (экспедиция КЧНИИ 1953—1954 гг.)

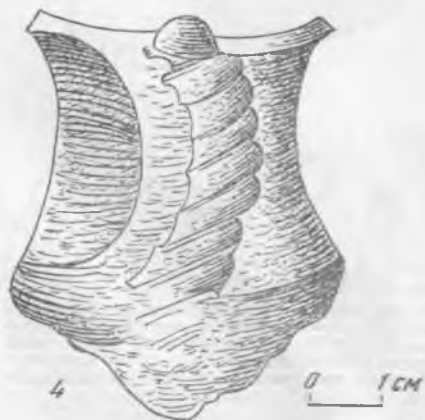
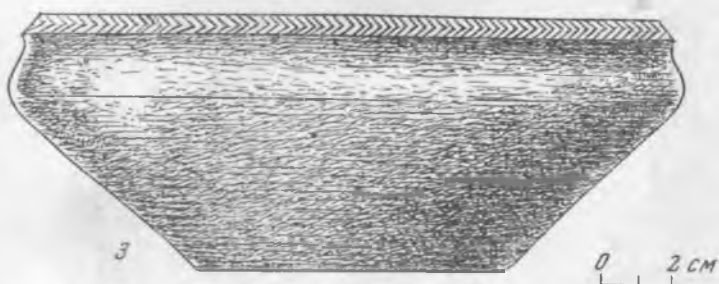
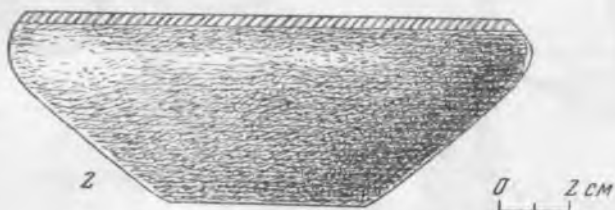
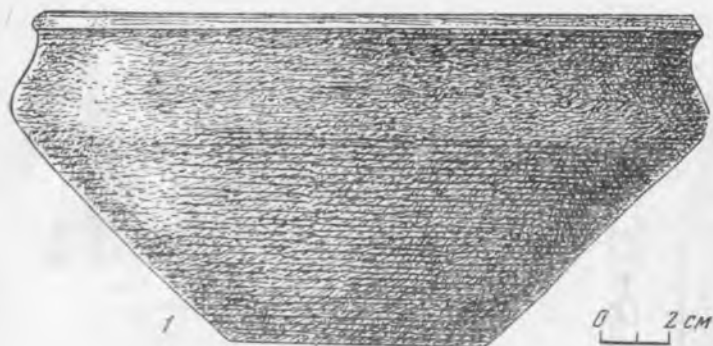

Табл. 12а. Тамгацикский могильник VI в. до н. э.:

1, 2, 3 — глиняные миски; 4 — обломок глиняной кружки; 5 — глиняная кружка;
6 — бронзовая подвеска; 7 — железный туалетный прибор.

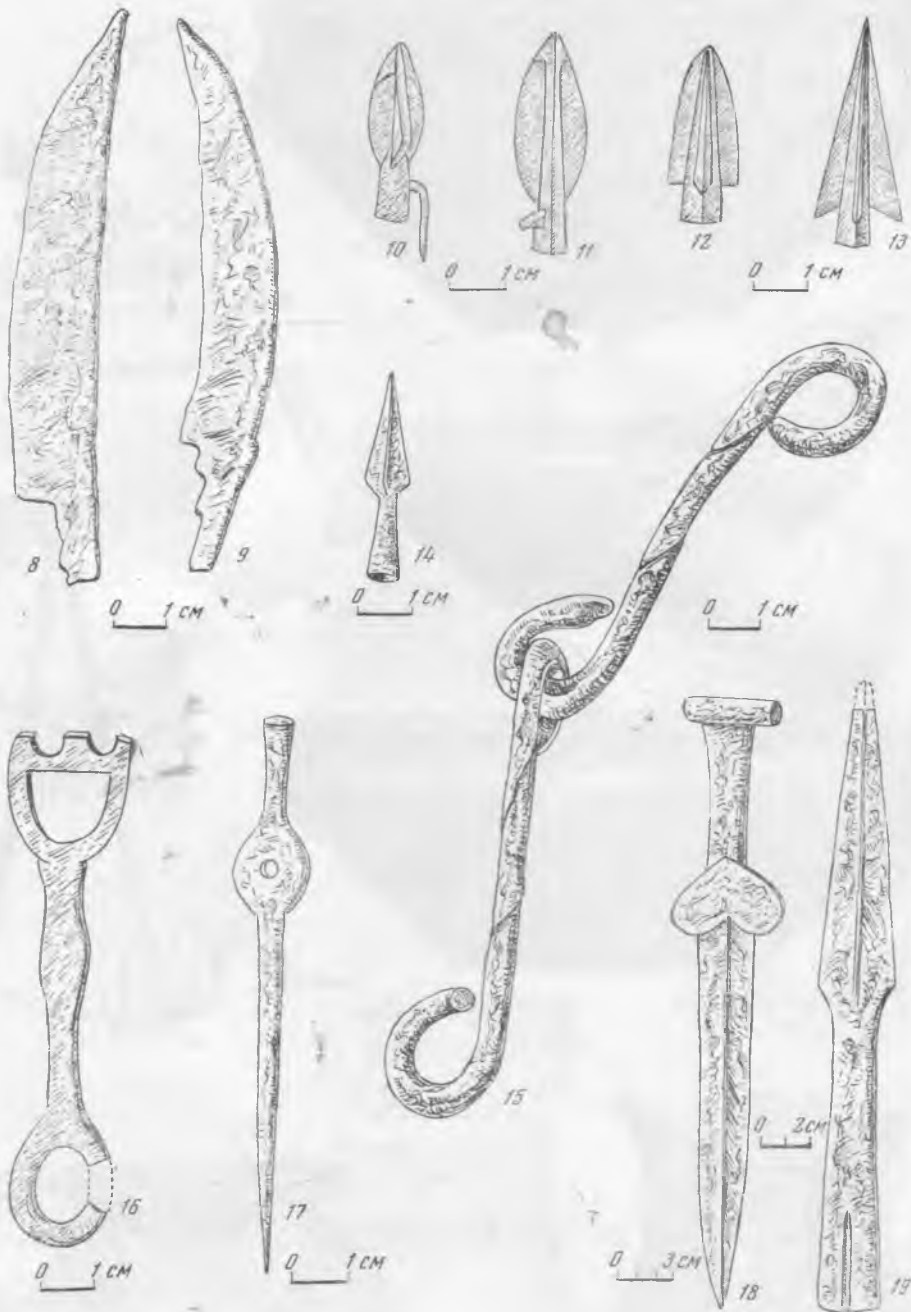

Табл. 126. Тамгацикский могильник VI в. до н. э.:

8, 9 — железные кривые ножи; 10, 11 — бронзовые втульчатые листовидные наконечники стрел (10 — с тремя лопастями, 11 — двухлопастный); 12, 13 — бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел; 14 — железный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы; 15 — железные удила; 16 — бронзовый стремечковидный псалий; 17 — железная булава; 18 — железный кинжал-акинак; 19 — железный наконечник копья (экспедиция КЧНИИ 1954 г.).

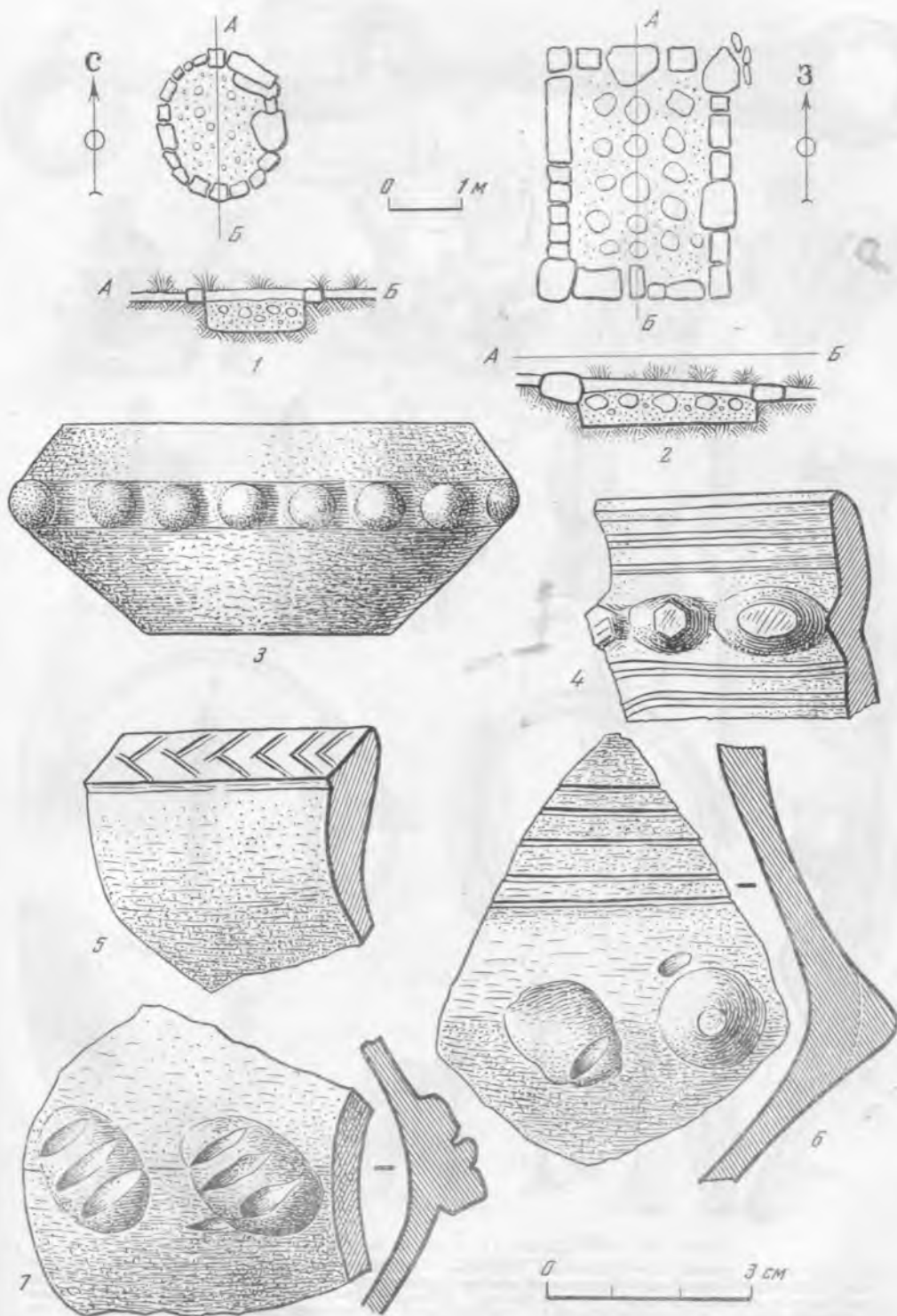

Табл. 13а. Могильник VI в. до н. э. у аула Кызыл-Кала:
1, 2 — типы погребений; 3—7 — образцы керамики.

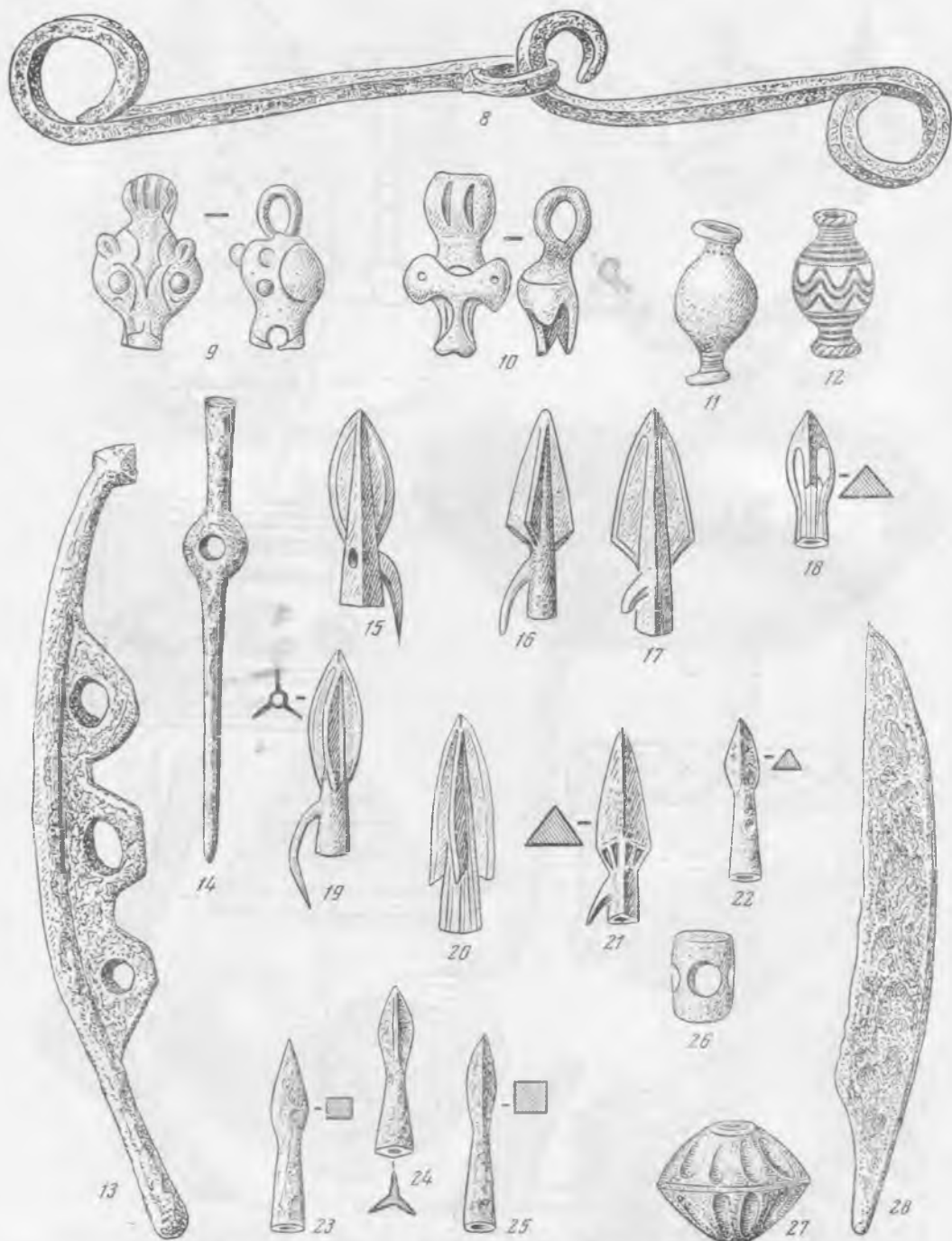

Табл. 136. Могильник VI в. до н. э. у аула Кызыл-Кала:

8 — железные удила; 9 — бронзовая подвеска — головка медведя; 10 — бронзовая подвеска — головка барана; 11 — бронзовая литая бусина; 12 — бронзовая литая ажурная бусина; 13 — железный псалый; 14 — железная булава; 15—21 — бронзовые втульчатые наконечники стрел: 15 — двухлопастный листовидный; 16 — трехлопастный с угловатыми лопастями; 17 — двухлопастный с угловатыми лопастями; 18 — трехгранный; 19 — трехлопастный с овальными лопастями; 20 — трехлопастный с угловатыми лопастями; 21 — трехгранный; 22—25 — железные втульчатые наконечники стрел: 22 — трехгранный; 23 — прямоугольный в сечении; 24 — трехлопастный; 25 — квадратный в сечении; 26 — бронзовый наконечник; 27 — глиняное пряслице; 28 — кривой железный нож (экспедиция КЧНИИ 1960 г.).

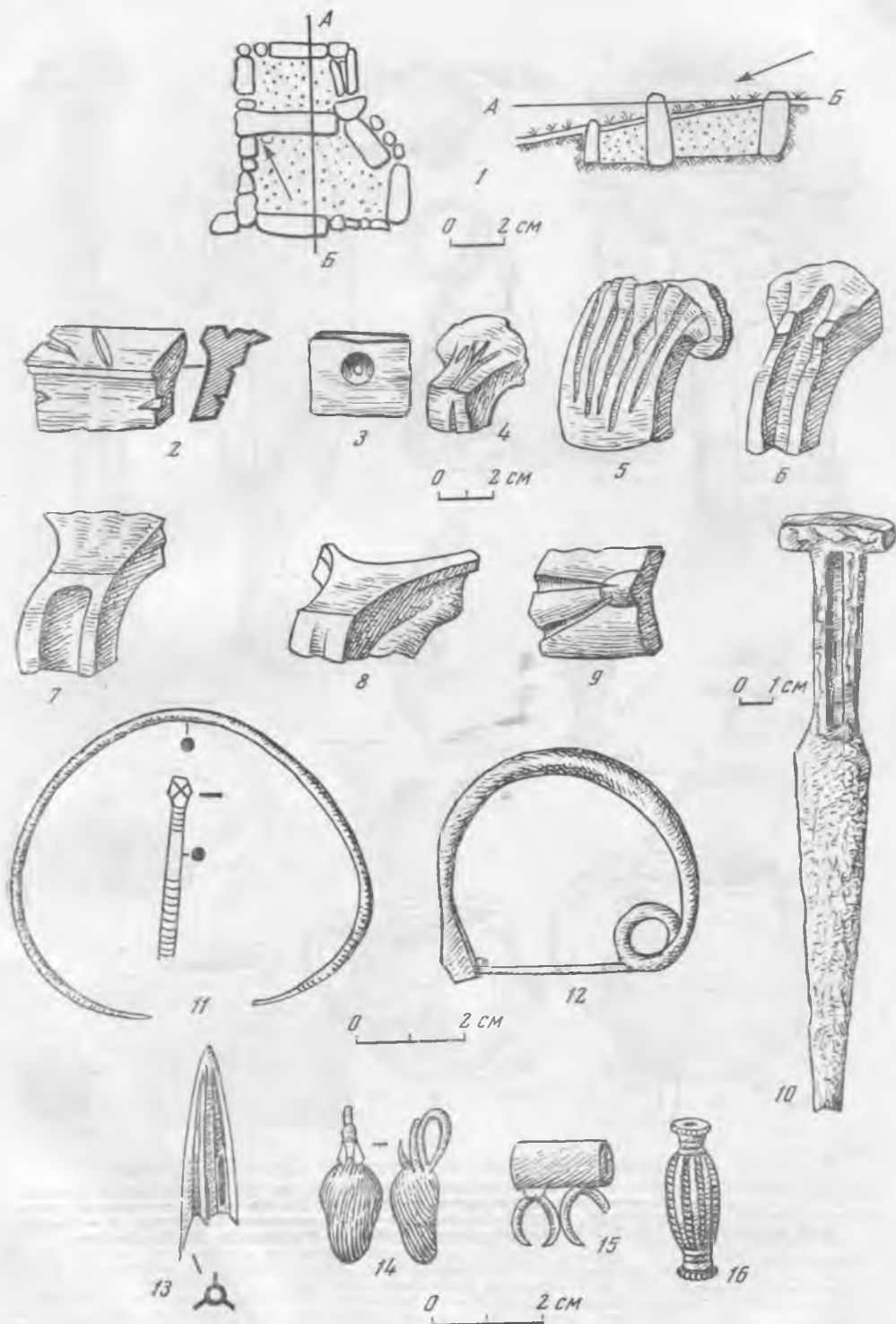

Табл. 14а. Находки VI—V вв. на территории Карачаево-Черкесии: Учкуланский могильник и поселение: 1—тип погребений; 2—образцы керамики из поселения (экспедиция КЧНИИ 1958 г.); комплекс из каменного ящика у аула Вако-Жиле: 10—железный кинжал; 11—бронзовый браслет; 12—бронзовая фибула; 13—бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с внутренней втулкой; 14—бронзовая подвеска в виде когтя; 15, 16—бронзовые проныки.

Табл. 146. Находки VI—V вв. на территории Карачаево-Черкесии:
 17, 18 — бронзовая пряжка-крюк и бронзовый колокольчик из Коба-Вашинского склепа;
 комплекс предметов из кургана у Карабашева: 19 — железный нако-
 лочник копья, 20 — железный кинжал-акинак; 21—22 — бронзовые подвески; 23 — желез-
 ный кривой нож; 24—27 — глиняные сосуды (рис. 19—27 даны по В. П. Любину).

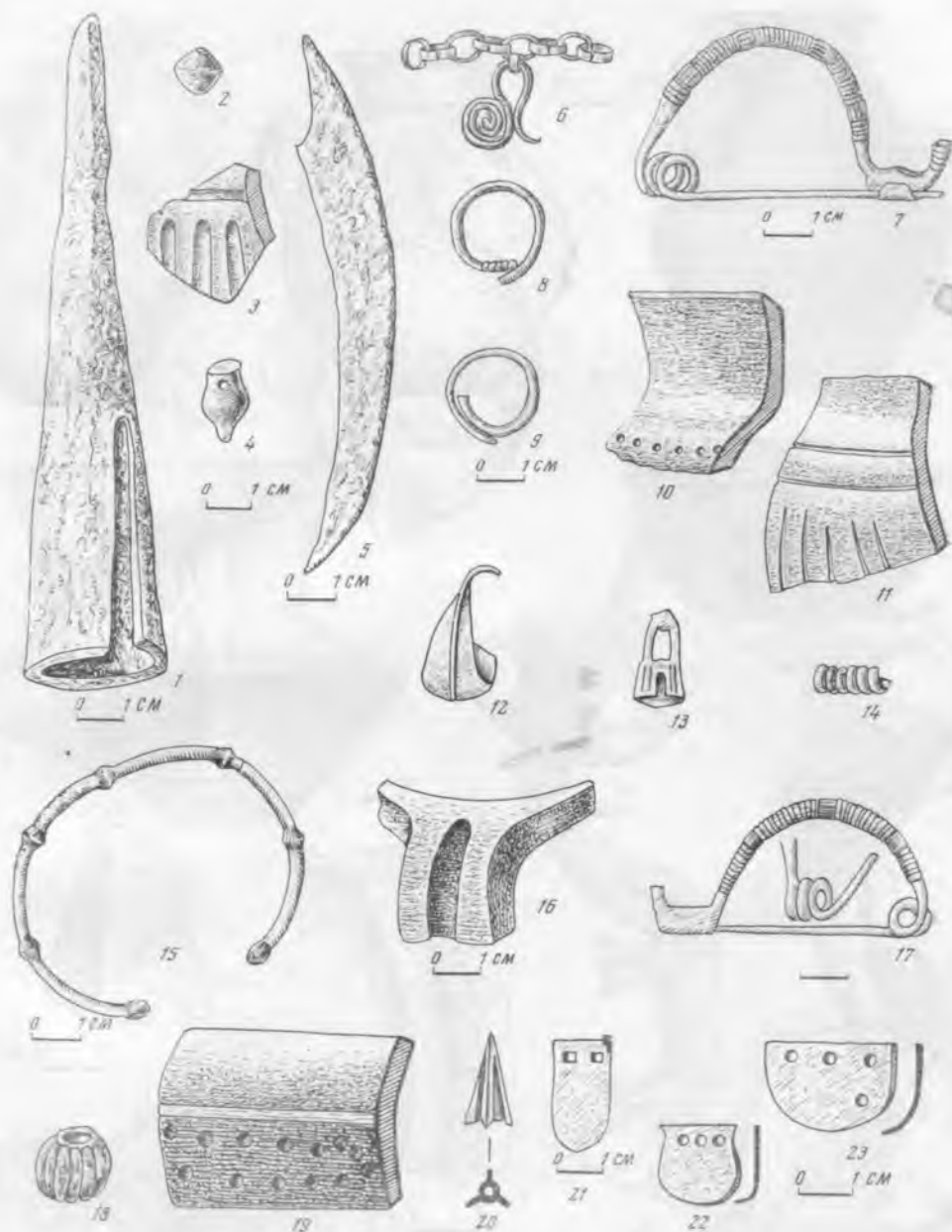

Табл. 15. Находки V—IV вв. на территории Карачаево-Черкесии:

комплекс из могилы у р. Алибечки на Домбайской поляне: 1 — железный наконечник копья; 2 — синяя стеклянная бусина; 3 — обломок дощенистого глиняного сосуда; 4 — бусина из мутно-белого прозрачного стекла; 5 — кривой железный нож; 6 — бронзовая цепочка с очкообразной подвеской; 7 — бронзовая фибула; 8 — бронзовая височная подвеска; 9 — бронзовая височная подвеска; 10, 11 — образцы керамики; 12 — обломок серебряной височной подвески; 13 — бронзовый колокольчик; 14 — бронзовая пронизка, или накончик; 15 — бронзовый браслет; 16 — ручка глиняного сосуда (случайная находка, 1964 г.); 17 — бронзовая фибула из могильника на Домбайской поляне (музей Тебердинского заповедника); комплекс предметов из кургана у хутора Дружба: 18 — бусина из зеленоватого стекла; 19 — обломок глиняного сосуда; 20 — бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с внутренней втулкой; 21—23 — бронзовые чешуйки от панциря (случайная находка, 1956 г.).

Табл. 16а. Находки сарматского времени на территории Карачаево-Черкесии: предметы из 2-го Дружбинского городища: 1-3 — глиняные кувшины; 4 — глиняная миска; 5 — глиняная кружка; 6-9 — ручки глиняных сосудов; 10 — глиняное грузило; 11 — обломок профилированного бортика глиняной миски; 12 — рубчатая бусина из голубой египетской пасты; 13 — глиняное пряслице; 14 — скарабей (экспедиция КЧНИИ 1968 г. Вещи из раскопок и подъемный материал).

Табл. 166. Находки сарматского времени на территории Карачаево-Черкесии:

15 — терракотовая рельефная позолоченная бляшка, Карачаевск (случайная находка); 16 — бронзовая пряжка, ст. Усть-Джегутинская (случайная находка); комплекс вещей из погребения у 27-й шахты, по дороге из Карачаевска в Кардоник; 17—19 — глиняные сосуды; 20 — зеркало из беловатого сплава; 21a — серебряная фибула с надетым на иглу скарабеем из голубой египетской пасты (случайная находка); 21b — то же, вид сверху.

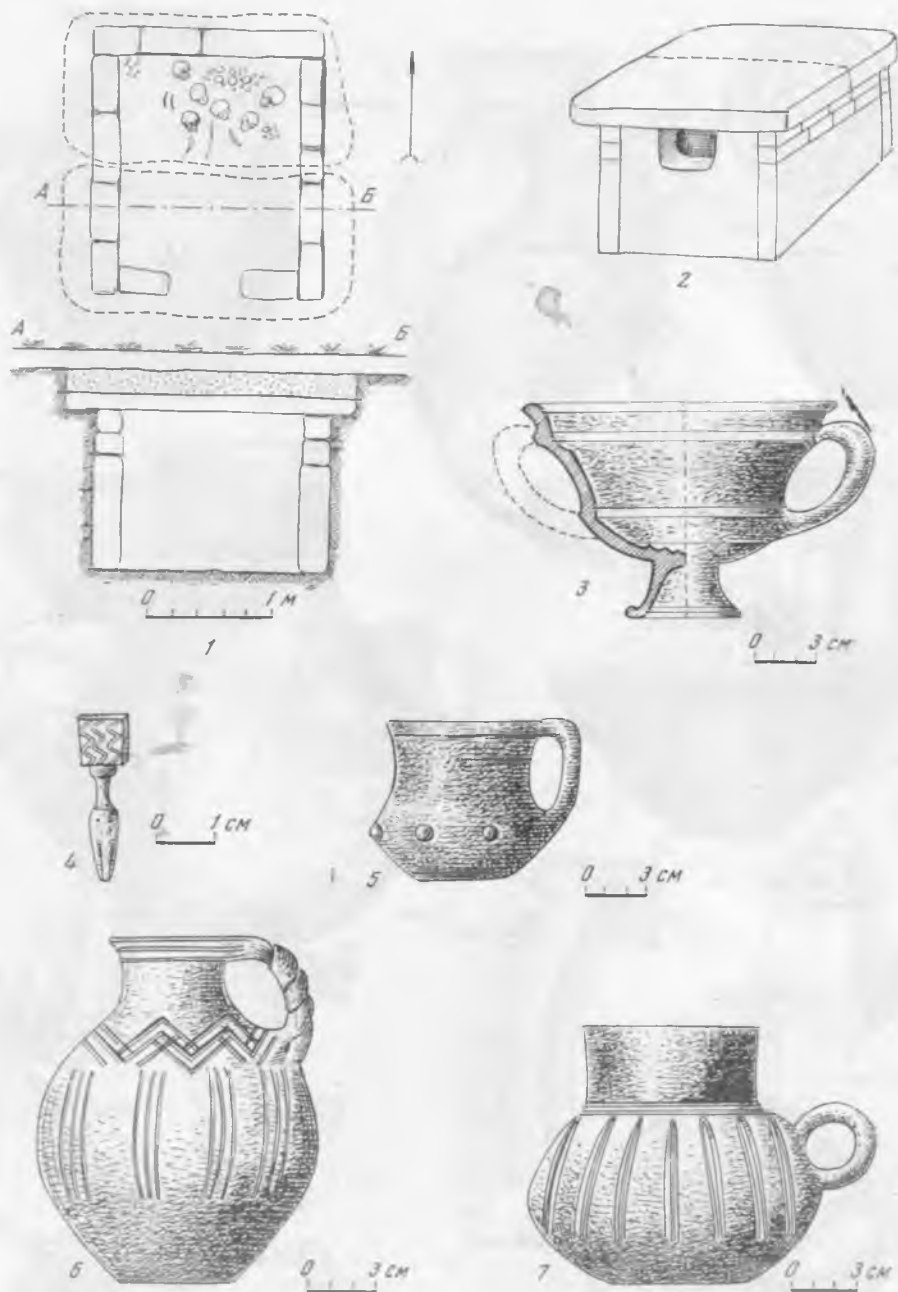

Табл. 17а. Подземный склеп сарматского времени у аула Коба-Баши (Кува):
 1 — план и разрез склепа; 2 — рисунок склепа, вид с юга; 3 — глиняная каифарообразная чаша; 4 — оусина из терракоты; 5 — лепной глиняный кувшин; 6—7 — гончарные глиняные кувшины.

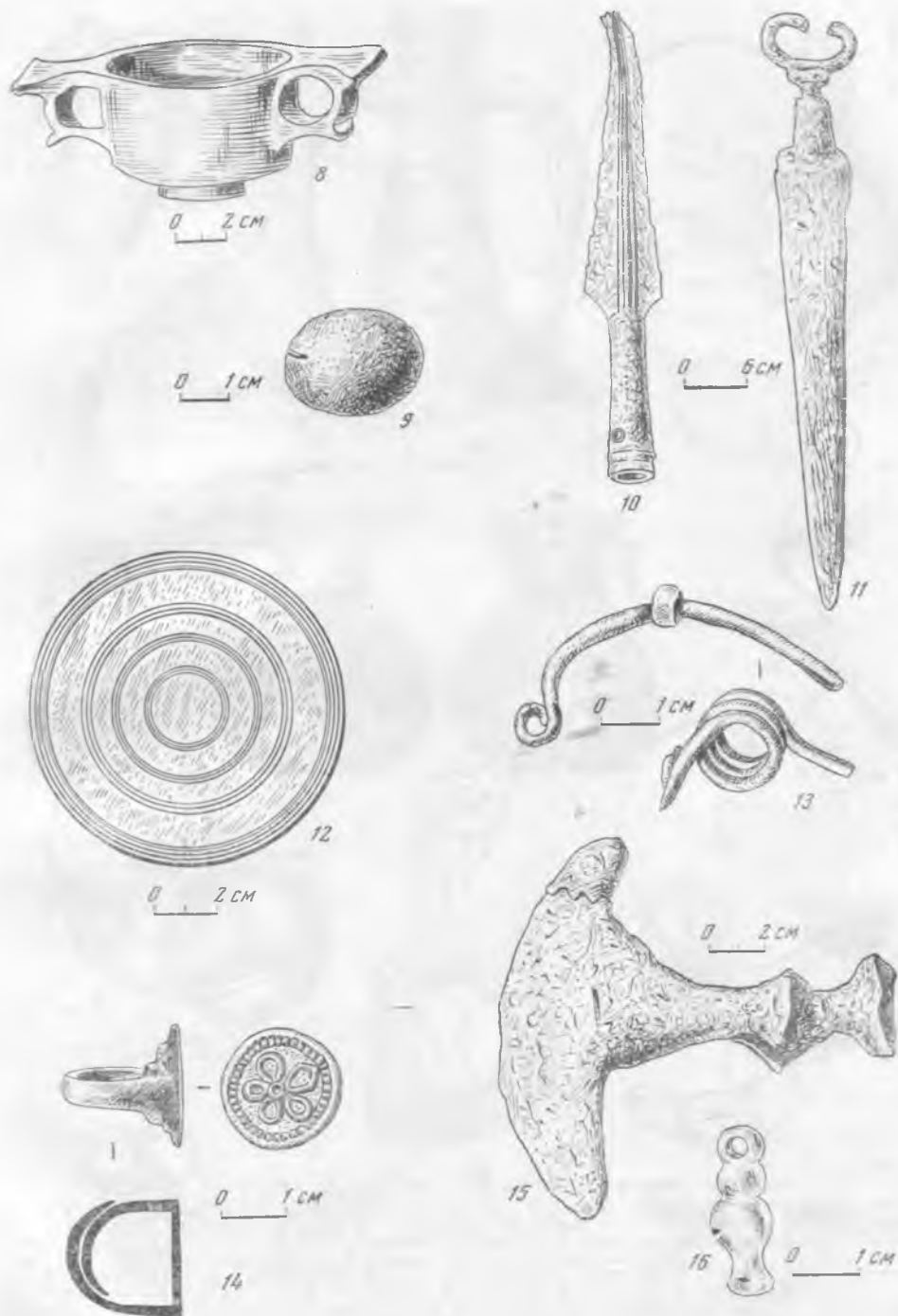

Табл. 176. Подземный склеп сарматского времени у аула Коба-Баши:

8 — стеклянная чаша; 9 — галька; 10 — железный наконечник копья; 11 — железный кинжал; 12 — бронзовое пластинчатое зеркало; 13 — бронзовая фибула «с подвязанной ножкой»; 14 — бронзовый перстень; 15 — железная секира; 16 — бусина из зеленоватого прозрачного стекла (доследования экспедиции КЧНИИ 1961 г.).

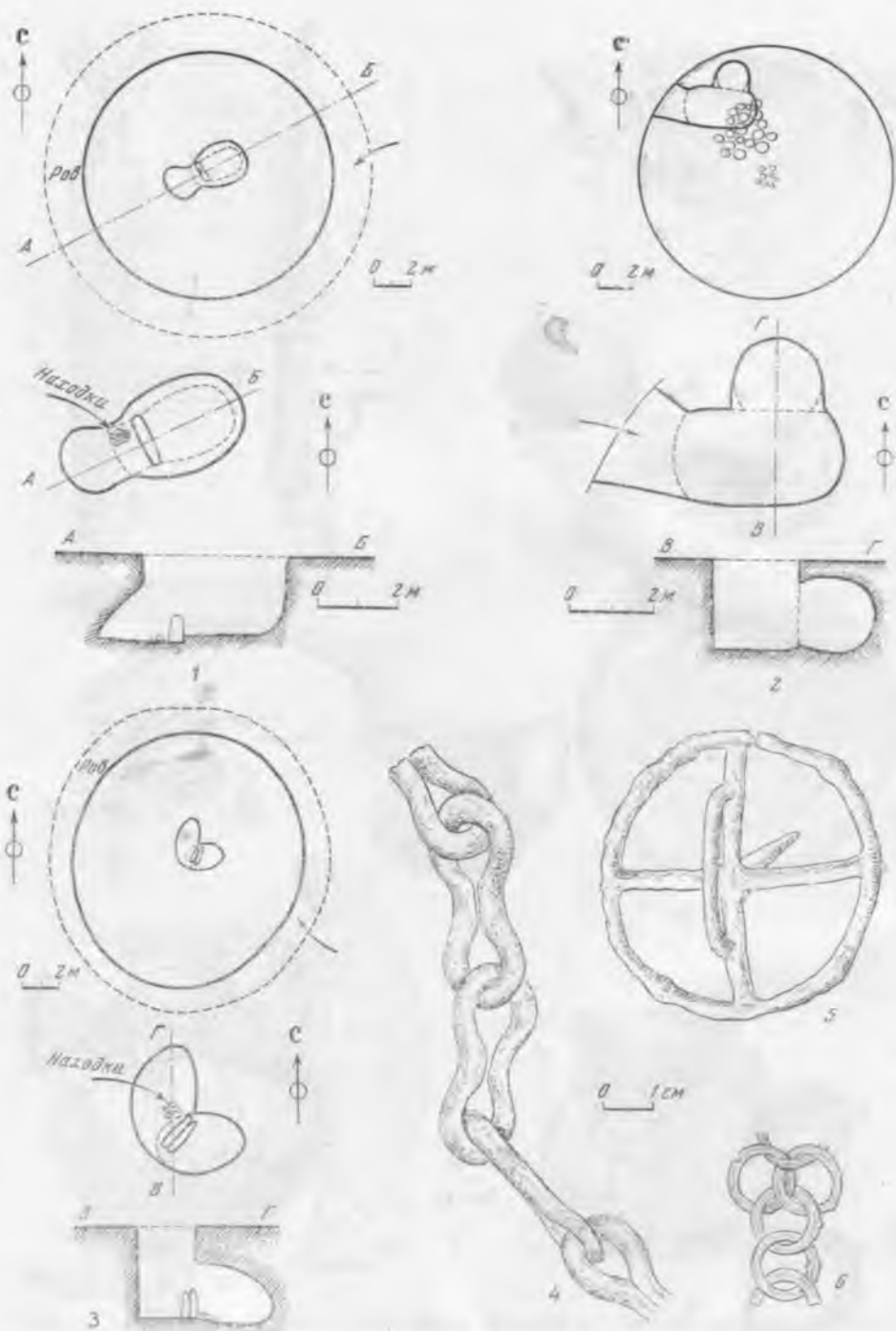

Табл. 18. Учкелен. Курганный могильник рубежа нашей эры:
 планы и разрезы курганов: 1 — курган № 1; 2 — курган № 2; 3 — курган № 3;
 вещи из кургана № 1: 4 — железная цепь; 5 — железный колесовидный псаий;
 6 — цепка из плоских бронзовых колец (доследования и раскопки экспедиции
 КЧНИИ 1961 г.).

Табл. 19. Терезе. Курганный могильник сарматского времени:

вещи из разрушенных курганов на левом берегу р. Эшакон:
 1 — ручка сероглиняного сосуда; 2 — горлышко амфоры; 3 — серебряное позолоченное кольцо от конской уздечки; 4 — железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы; 5, 7 — обломки серебряных сосудов; 6a — сероглиняный кувшин (вид сбоку), 6b — то же, вид спереди (случайные находки и исследования экспедиций КЧНИИ, 1961—1963 гг.); комплекс из кургана между аулами Терезе и Учкёкен: 8 — серебряная пряжка; 9 — золотая подвеска со вставками из красного стекла; 10 — ручка сероглиняного сосуда; 11 — золотая пряжка со вставкой из альмандин; 11a — сканный ободок щитка пряжки; 12 — золотая бляшка со вставками из красного стекла; 12a — ободок бляшки — катушечная филигрань (случайная находка 1960 г.).

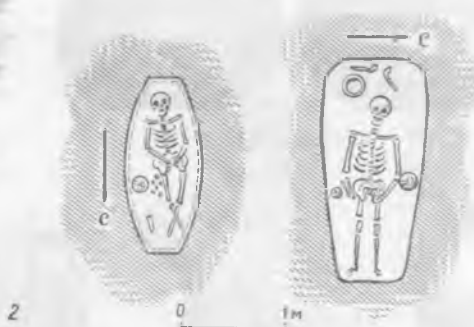
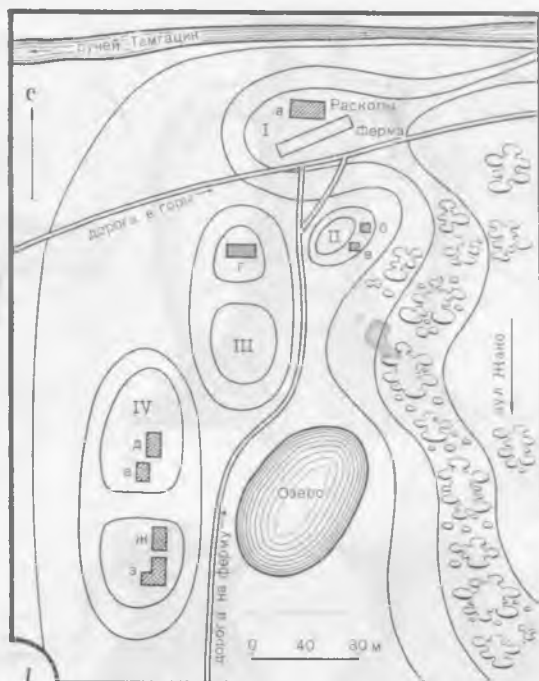

Табл. 20а. Находки IV—V вв. на территории Карачаево-Черкесии:

Тамгацикский могильник у аула Жако, IV—V вв.: 1—Тамгацик. Поселение и могильники. Схематический план; I—IV—холмы: I—Северный, II—Средний, III—Западный, IV—Южный; а—ж—раскопы экспедиции ЧНИИ—КЧНИИ 1952—1954 гг.: а—раскоп 1952—1953 гг.—могильник IV—V вв.; б—раскоп 1952 г.—поселение IV—V вв.; в—раскоп 1953 г.—поселение IV—V вв.; г—раскоп 1954 г.—поселение VI в. до н. э.; е и ж—раскопы 1954 г.—могильник VI в. до н. э. и поселение VII—VI вв.; 2—типы погребений Тамгацикского могильника IV—V вв.

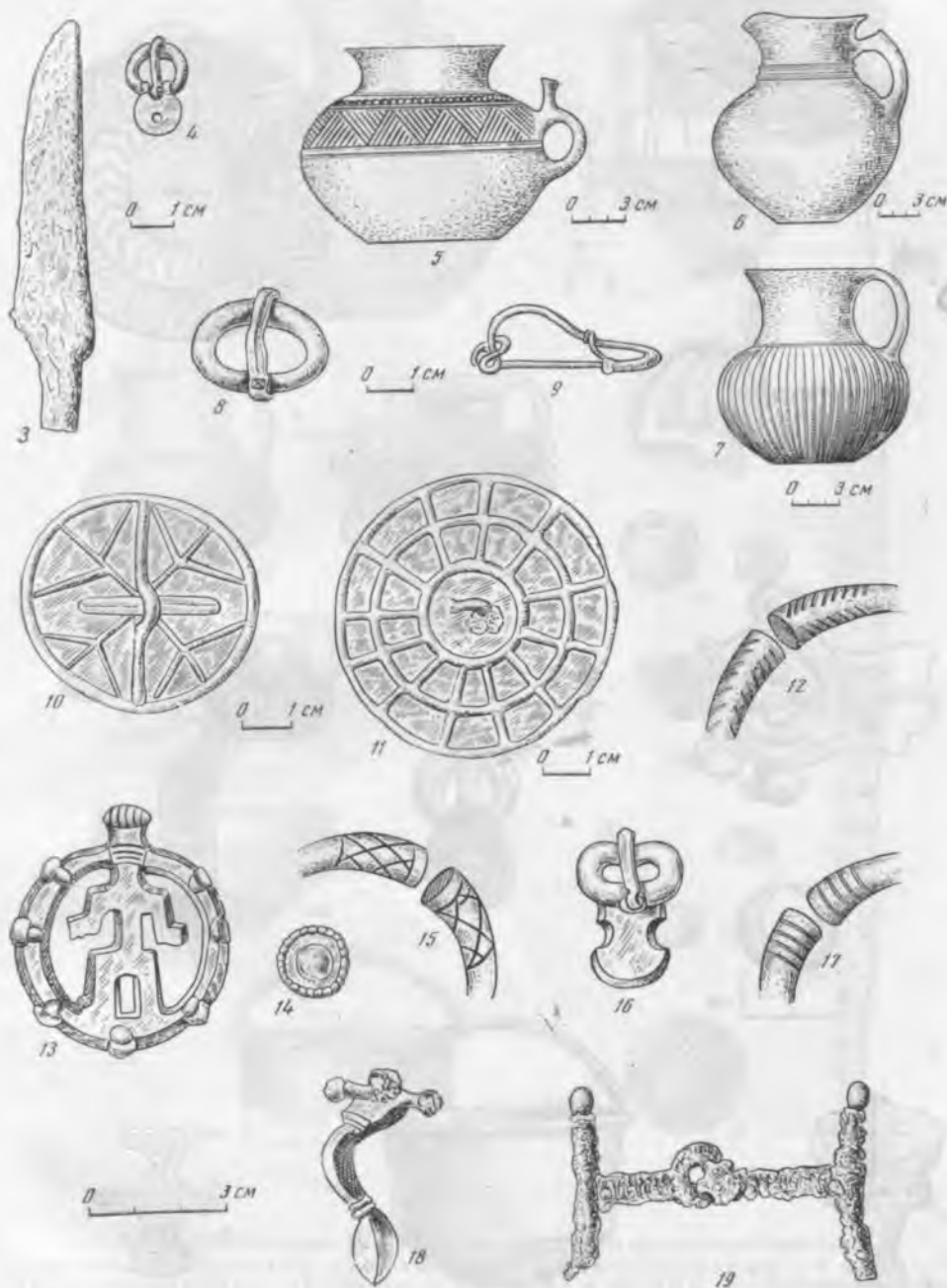

Табл. 206. Находки IV—V вв. на территории Карачаево-Черкесии:

вещи из погребений: 3 — железный нож; 4 — серебряная пряжка; 5—7 — глиняные сосуды; 8 — бронзовая пряжка; 9 — бронзовая фибула; 10, 11 — зеркала из белого сплава (высокооловинистая бронза) (экспедиция КЧНИИ 1952—1953 гг.); предметы из Гилляевского могильника IV—V вв.: 12 — бронзовый браслет; 13 — бронзовая подвеска; 14 — бронзовая бляшка; 15 — бронзовый браслет; 16 — бронзовая пряжка; 17 — бронзовый браслет; 18 — бронзовая фибула; 19 — железные удила с круглыми головками на псалиях; головки обтянуты медным листком (рис. 12—19 даны по Т. М. Минаевой).

Табл. 21а. Находки IV—V вв. на территории Карачаево-Черкесии:

Байтал-Чапканский катакомбный могильник IV—V вв.: 1—план и разрез катакомбы; 2—зеркало из беловатого сплава; 3—4—бронзовые подвески с соколиными головками, со вставками из цветного стекла; 5—бронзовая фибула; 6—серебряная пряжка со вставкой из сердолика; 7—бронзовая серьга калачиком; 8—бронзовая пряжка; 9—медный котел (рис. 1—9 даны по Т. М. Минаевой; 3, 8—находки из Гижгиды (Валкария), аналогичные байтал-чапканским); 10—бронзовая фибула, Хумара (по В. М. Сысоеву).

Табл. 216. Находки IV—V вв. на территории Карачаево-Черкесии.

комплекс предметов, найденный С. Д. Мастепановым в 6 км к югу от Хумаринского городища, в каменном ящике; 11 — бронзовая фибула; 12—15 — глиняные кувшины; 16 — глиняная миска; 17 — рубчатая бусина из голубой египетской пасты; 18 — фрагментированный медный котел; 19, 20 — бронзовые позолоченные бляшки; 21—28 — бусы из синего, голубого, зеленоватого и позолоченного стекла; 29 — пастовая мозаичная бусина; 30 — железный меч.

Табл. 22а. Находки VI—VIII вв. на территории Карачаево-Черкесии:

Сентинский могильник: 1, 2—бронзовые серьга и пряжка (раскопки И. А. Владимиров, 1899 г.); находки у ст. Преградной на р. Урупе: 3—серебряная бляшка в виде льва; 4—серебряная бляшка в виде человеческой фигурки; 5—бронзовая бляшка; 6—бронзовый наконечник от пояса; 7—бронзовая пряжка; вещи из Узун-Колского могильника: 8—рюкмообразный стеклянный сосуд, 9—железное стремя; 10—бронзовая бляшка; 11—медный флакончик; 12—красноглиняный бутылковидный сосуд (рис. 3—12—по Т. М. Минаевой).

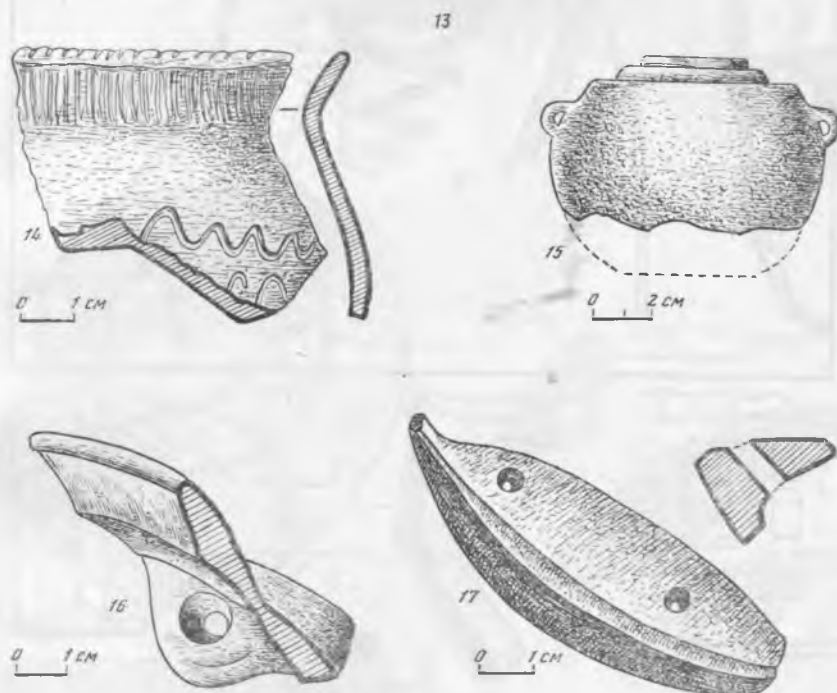
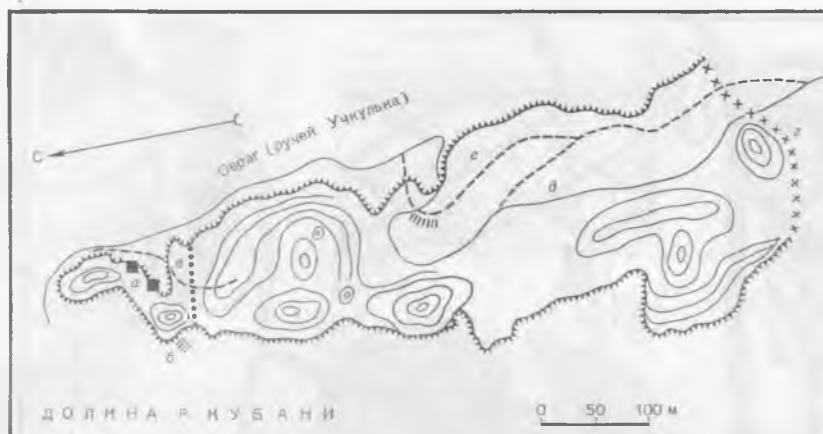

Табл. 226. Находки VI—VIII вв. на территории Карачаево-Черкесии: городище Учкулька: 13 — схематический план городища; а — остатки построек; б — ступени, высеченные в скале; в — остатки каменной стены; г — каменный вал; д — дороги; е — заброшенные дороги; обломки глиняных сосудов с Учкульского городища: 14 — обломок сероглиняного горшка; 15 — фрагментированный тонкостенный сероглиняный горшочек с чернолощеными стенками; 16 — обломок глиняного котла с внутренними ушками (ручками) (рис. 13—16 даны по Б. Д. Гальпериной и В. П. Любину); 17 — обломок глиняного сосуда с внутренними ушками (находка С. Д. Мاستепанова в окрестностях городища «башня Тамары»).

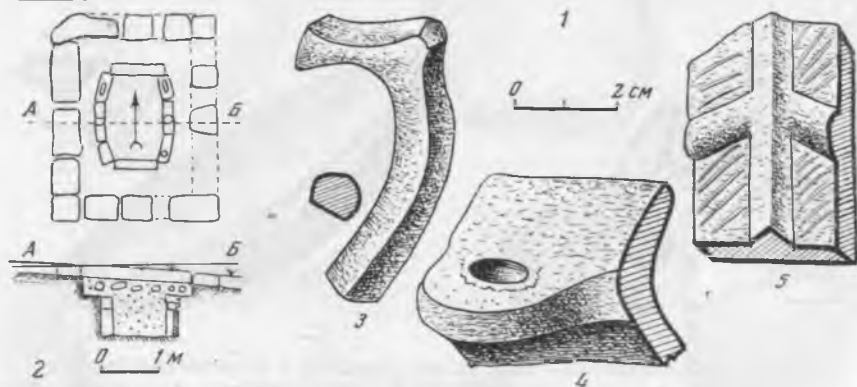
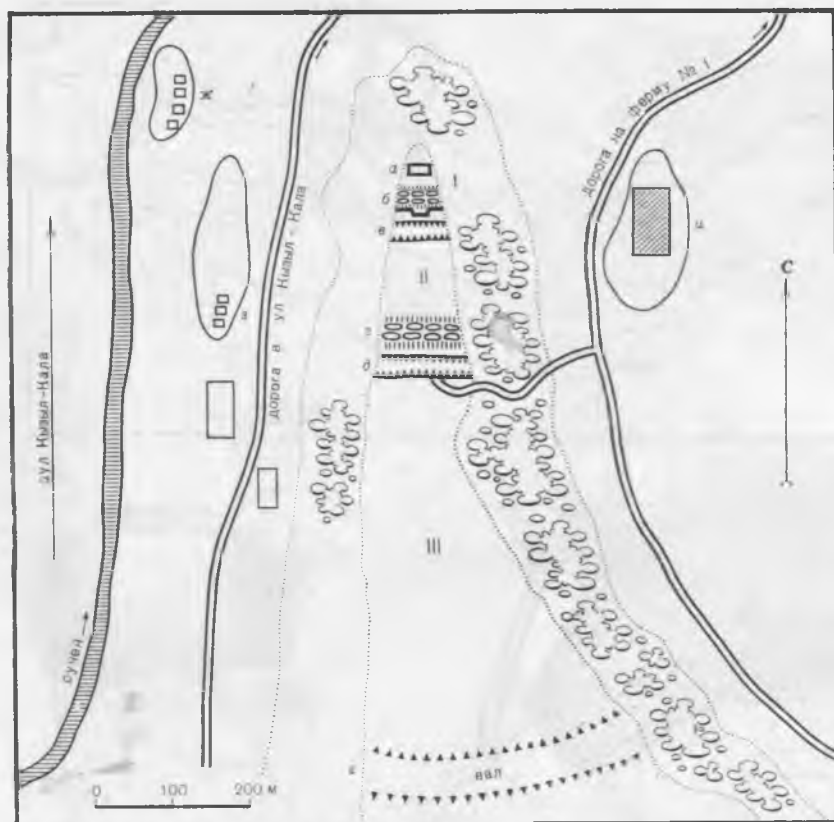

Табл. 23а. Памятники V—VIII вв. на территории Карачаево-Черкесии:

1 — городище Кызыл-Кала и прилегающие памятники. Схематический план: I, II, III — три части городища; а — башня Гошайх-Кала; б — каменный вал первой части городища; в — ров первой части городища; г — вал из камней второй части городища; д — ров второй части городища; е — вал третьей части городища; ж — могильник VI в. до н. э.; з — могильник V—VII вв.; и — селище V—VII вв.; 2 — тип захоронений Кызыл-Калинского могильника V—VII вв.; 3 — ручка красноглиняного сосуда; 4 — обломок котла с внутренними ушками; 5 — обломок керамики с рельефным орнаментом.

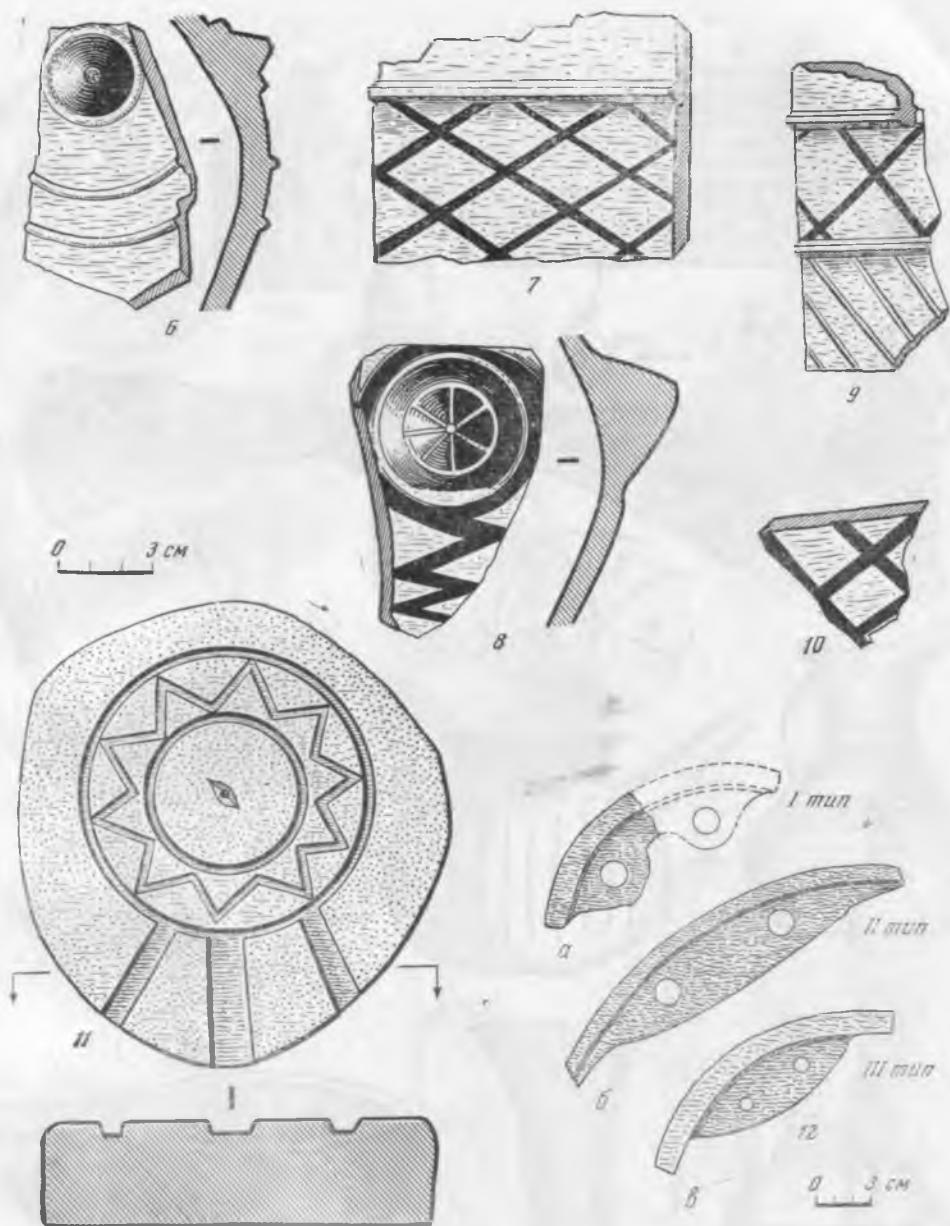
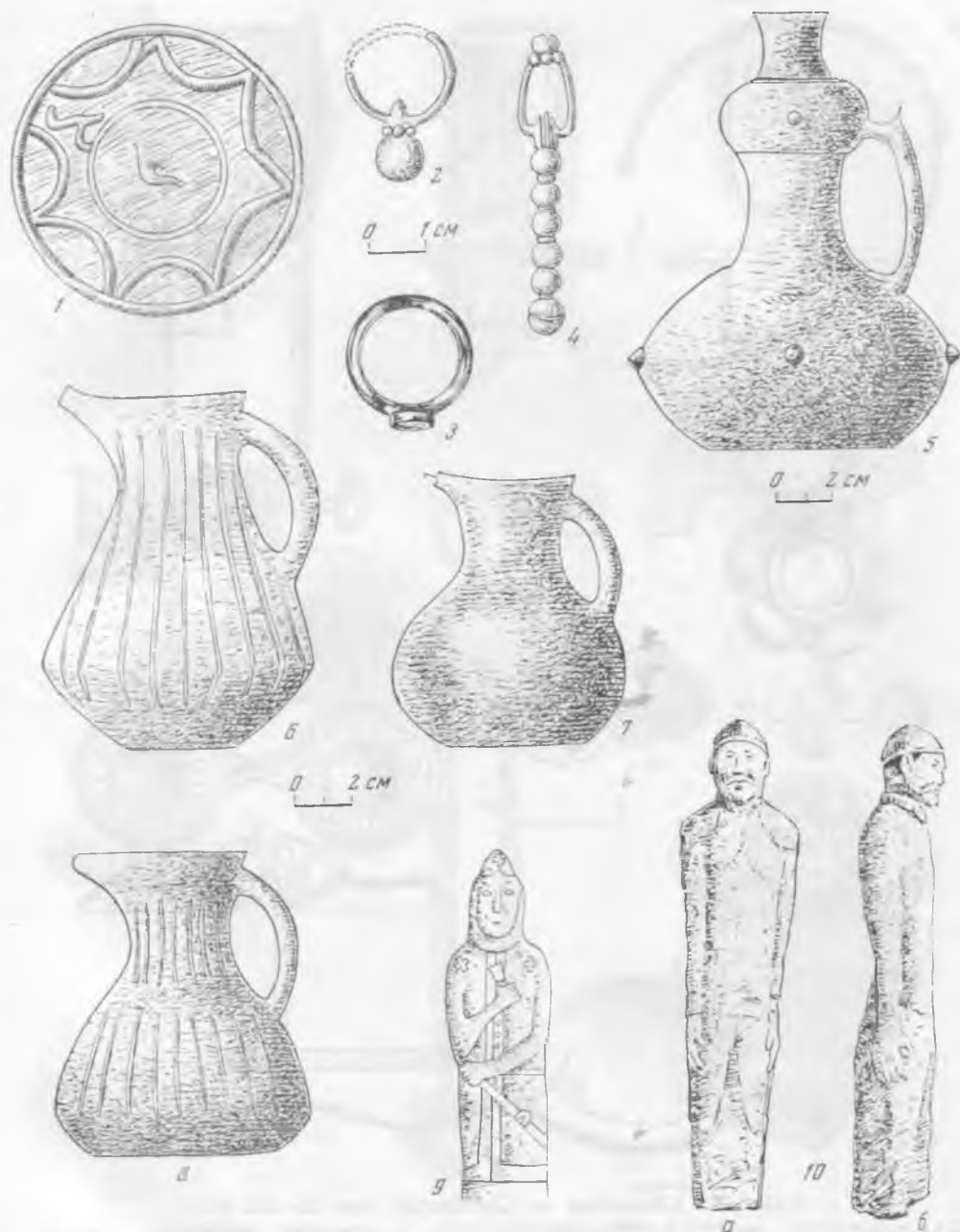

Табл. 236. Памятники V—VIII вв. на территории Карачаево-Черкесии:

6—10 — фрагменты сероглиняных сосудов, орнаментированных лощением, Кызыл-Калинское селище (экспедиция КЧНИИ 1960 г.); 11 — каменная форма для отливки зеркала (найдена в окрестностях Кисловодска). Публикуется по рисунку Н. Н. Михайлова; 12а, б, в — типы внутренних ушек глиняных котлов: а — первый тип; б — второй тип; в — третий тип.

Табл. 24. Предметы из могильника в Мощевой балке, VIII — начало X в.:
 1 — деревянный пенал; 2a — тесло-мотыжка на деревянной рукоятке, вид спереди; 2б — то же, вид сбоку; 3 — бронзовая серьга; 4 — бусина из прозрачного зеленоватого («бутылочного») стекла; 5 — бронзовый бубенчик; 6 — железная секира на деревянной рукоятке; 7 — перламутровая бляшка; 8 — деревянный гребень; 9, 10, 11 — глиняные кувшины; 12 — роговой стакан; 13 — деревянный ковш (раскопки Е. А. Милованова 1963—1966 гг.).

Габл. 25. Памятники VIII–XII вв. на территории Карачаево-Черкесии:

вещи VIII–IX вв. из балки Каменистой: 1—зеркало; 2—бронзовая серьга; 3—стеклянный перстень (находки Е. А. Милованова); 4—серьга из погребения на р. Индыш (раскопки В. М. Сысоева в 1898 г.); сосуды из коллекции врача В. И. Телеги (областной музей КЧАО, Черкесск); 5, 7, 8—сероглиняные кувшины из Зеленчукского района; 6—красноглиняный кувшин с полосатым лощением из Архыза; 9—каменная статуя христианского воина, ст. Сторожевая; 10а, б—каменная баба: а—вид спереди; б—вид сбоку; ст. Исправная (ныне находится в областном музее в г. Черкесске).

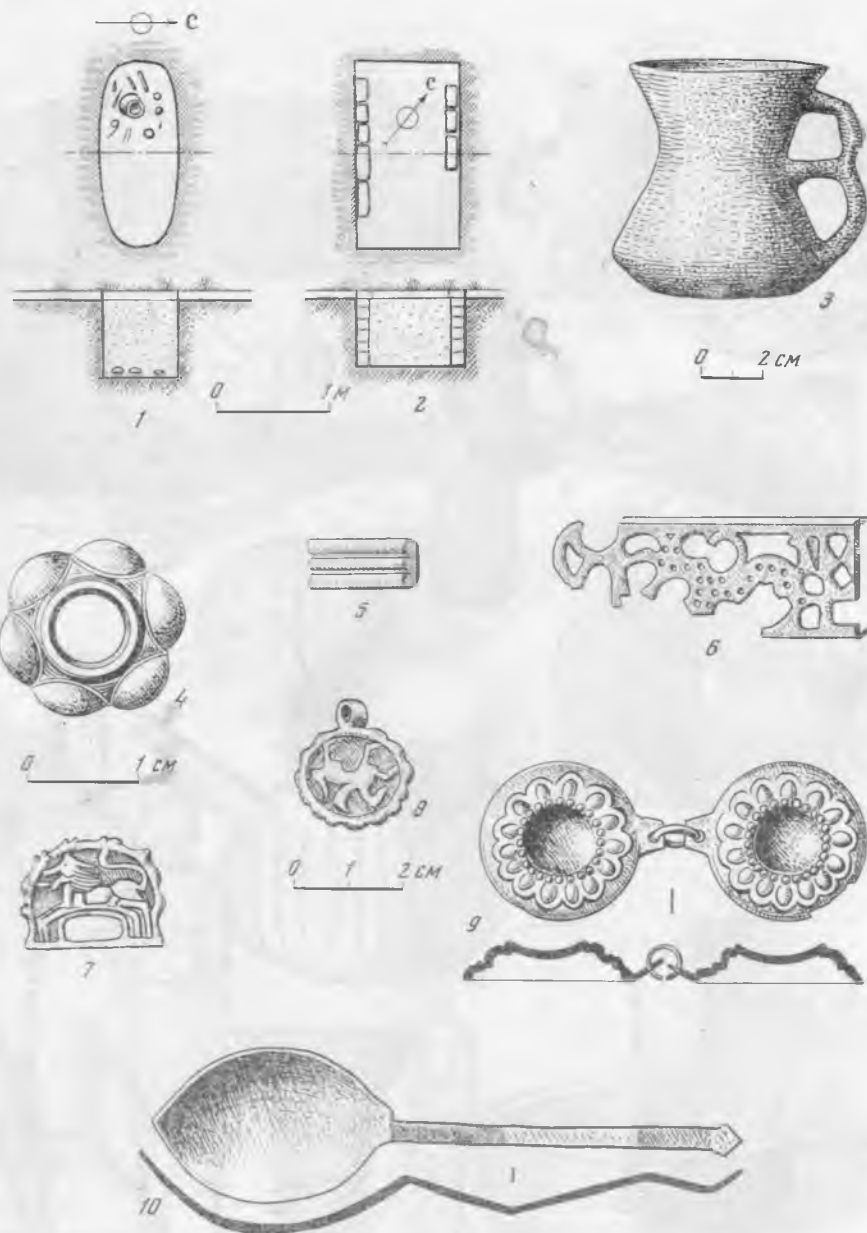

Табл. 26а. Памятники на Сентинской горе IX—XII вв.

Сентинский могильник IX—X вв.: 1, 2 — типы погребений; вещи из погребений: 3 — глиняная кружка; 4 — бронзовая бляшка; 5 — обломок браслета из темно-коричневого стекла; 6 — бронзовая ажурная пряжка; 7 — бронзовая бляшка; 8 — бронзовая бляшка-подвеска; 9 — бронзовый двусторчатый медальон; 10 — бронзовая ложечка.

Табл. 266. Памятники на Сентинской горе IX—XII вв.:

11 — железный нож; 12 — железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы; 13 — железное тесло; 14 — бронзовый витой стержень (браслет?); 15 — бронзовая бляшка; 16 — бронзовая височная подвеска; 17 — бронзовая ухвертка с головкой барана в верхней части; 18 — бронзовая ложечка; 19 — бронзовый крючок; 20 — бронзовая подвеска; 21 — железное навершие меча; 22 — бронзовая литая подвеска в виде бубенчика; 23 — свинцовый шарик; 24 — обломок красноглиняного сосуда X—XII вв. из поселения на Сентинской горе (экспедиция КЧНИИ 1969 г.).

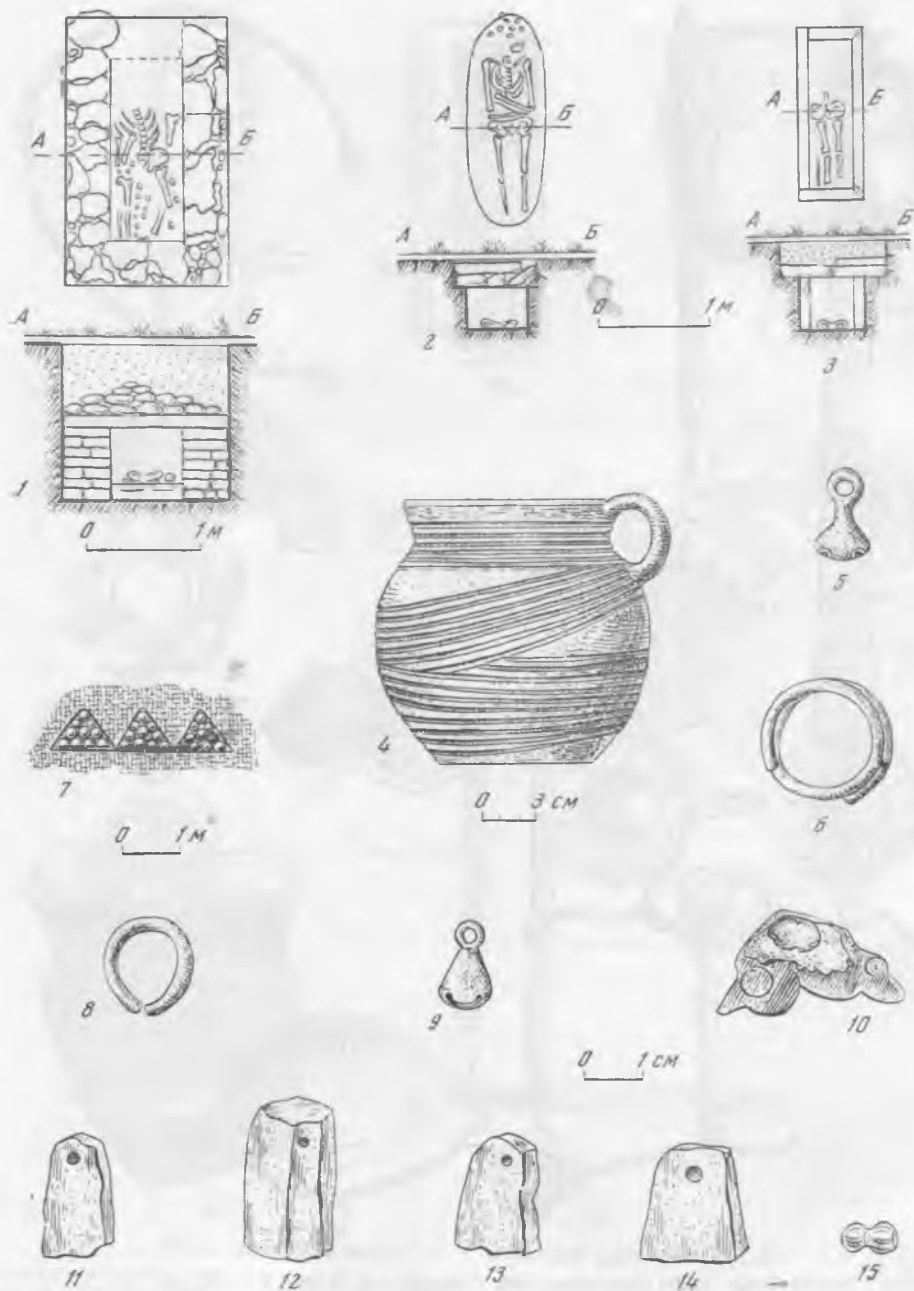

Табл. 27а. Памятники X—XII вв. на территории Карачаево-Черкесии:
 Каракентский могильник X—XI вв.: 1—3 — типы погребений Каракентского
 могильника; вещи из Каракентского могильника: 4 — сероглиняный горшок;
 5—10 — бронзовые украшения: 5 — пуговка; 6 — височная подвеска; 7 — бляшки, на-
 шитые на головной убор; 8 — височная подвеска; 9 — пуговка-бубенчик; 10 — бляшка;
 11—14 — янтарные бусины-подвески; 15 — стеклянная золоченая бусина.

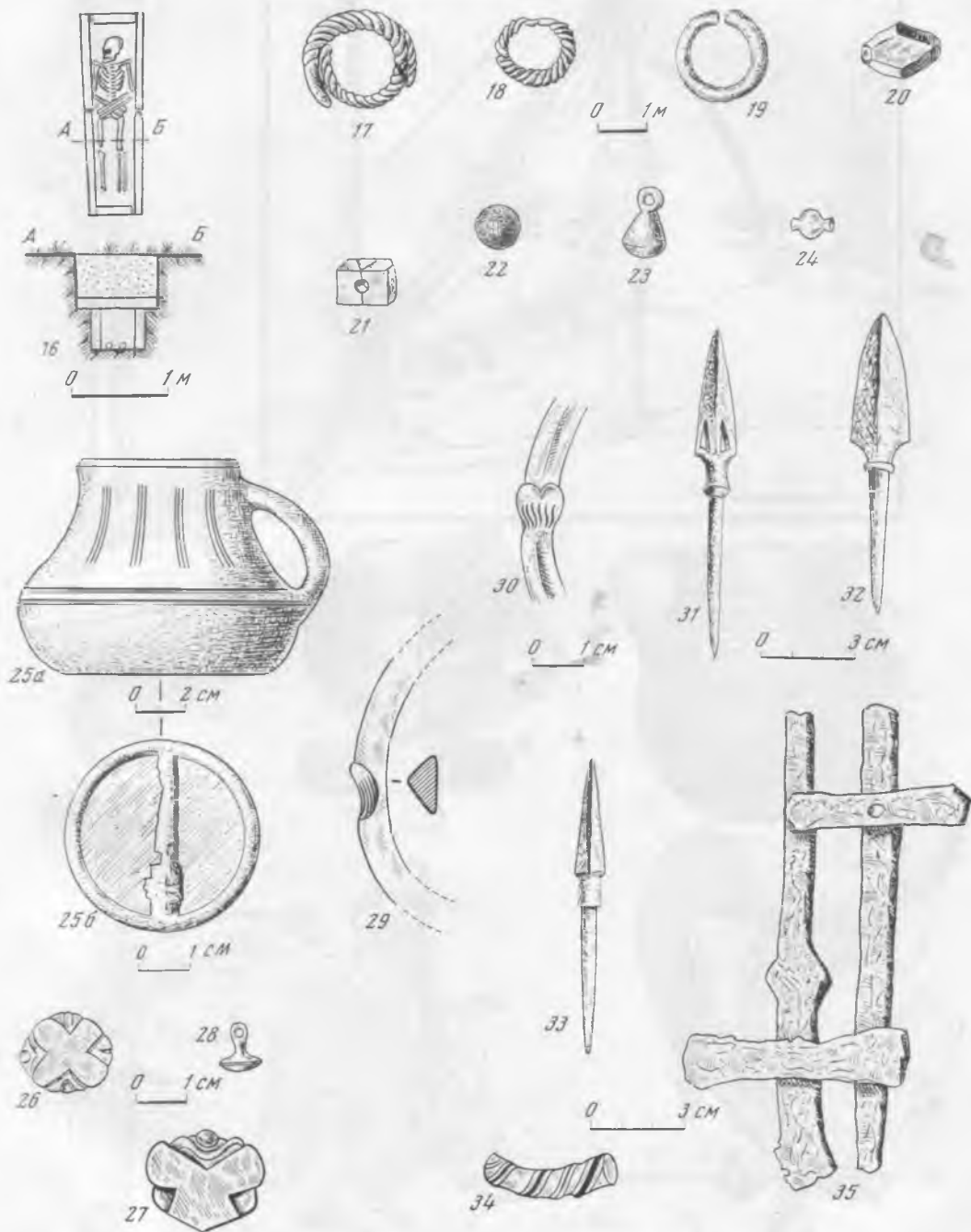

Табл. 276. Памятники X–XII вв. на территории Карачаево-Черкесии:

могильник у аула Жако, X–XII вв.: 16 – тип погребений; вещи из могильника: 17–19 – бронзовые сережки; 20 – сердоликовая бусина; 21 – янтарная бусина; 22 – сердоликовая бусина; 23 – бронзовая пуговка-бубенчик; 24 – стеклянная золоченая бусина; находки в местности Иордан, Зеленчукский район: 25a – красноглиняный кувшин; 25b – клеймо на дне этого кувшина; 26, 27 – бронзовые бляшки; 28 – бронзовая пуговка; 29–30 – типы спайки стеклянных браслетов (Усть-Тебердинский могильник); вещи из церкви Гилячского Городища X–XII вв.: 31–33 – железные наконечники стрел; 34 – обломок стеклянного браслета; 35 – железные кресты (рис. 29–35 даны по Т. М. Минаевой).

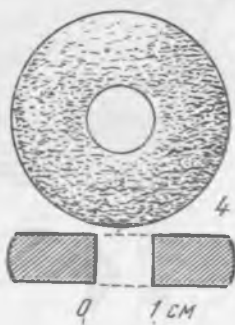
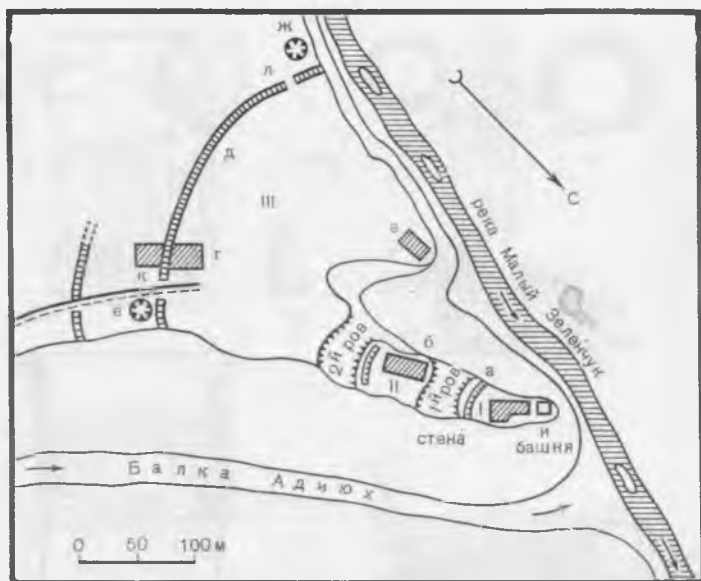

Табл. 28а. Памятники IX—XII вв. на территории Карачаево-Черкесии:

городище Адюх: 1 — схематический план городища Адюх; I, II, III — три части городища; а—г — места раскопок Т. М. Минаевой; д — городская стена; е, ж — ямы; з — остатки земляного вала или стены; и — башня Адюх; к, л — ворота; вещи из могильников на городище Адюх: 2 — сероглиняный кувшинчик; 3 — костяное шило, или проколка; 4 — каменное пряслице; 5 — бронзовый бубенчик; 6 — бронзовая серьга; 7 — бронзовая подвеска; 8 — железное серповидное орудие.

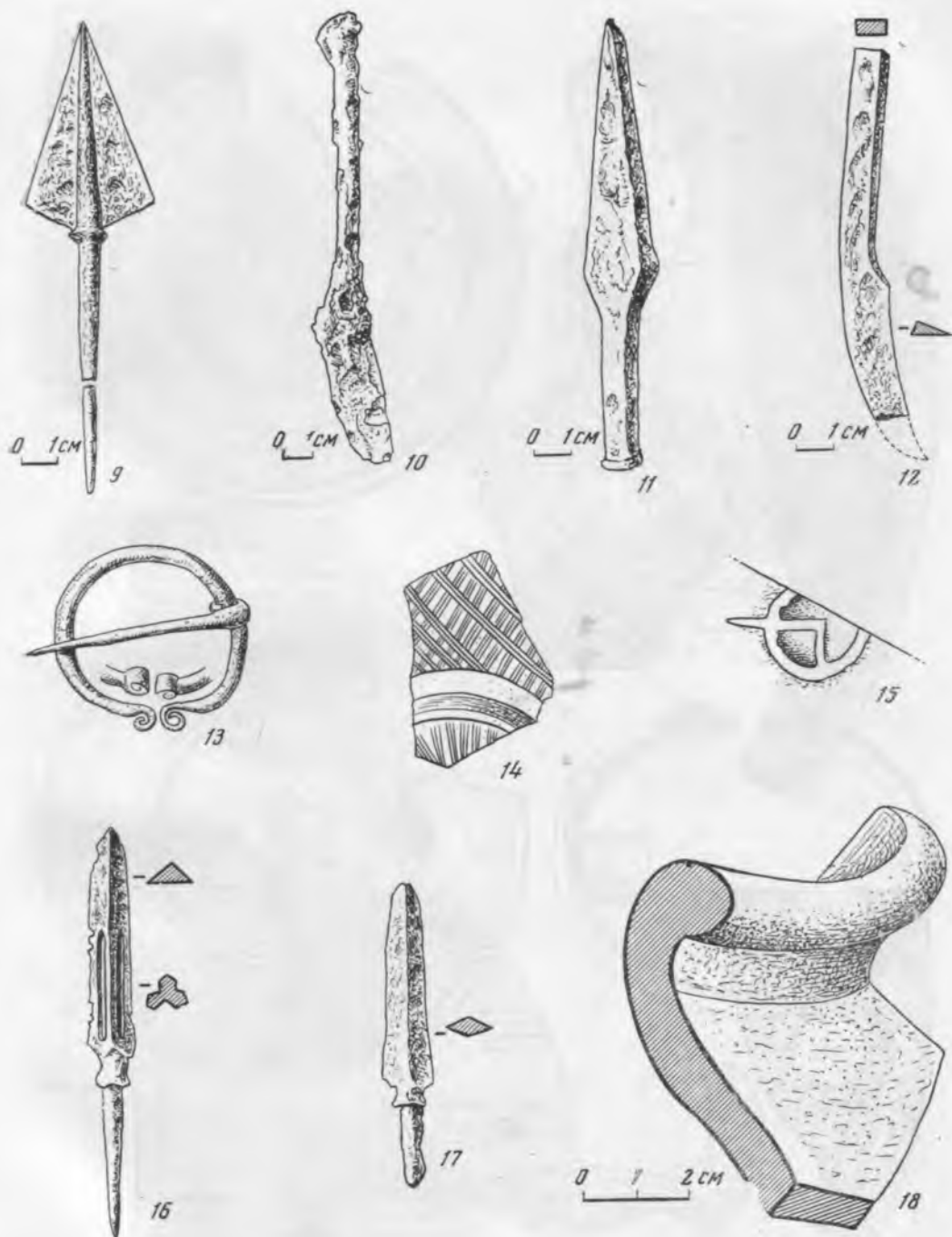

Табл. 286. Памятники IX–XII вв. на территории Карачаево-Черкесии: вещи из могильников на городище Адиюх: 9 – железный наконечник стрелы; 10 – половинка железных ножниц; 11 – железное орудие для тески камня; 12 – железный плужный нож – чересло; вещи с Кубинского городища: 13 – бронзовая пряжка-схляга; 14, 15, 18 – образцы керамики; 16, 17 – железные черешковые наконечники стрел (рис. 1–18 даны по Т. М. Минаевой).

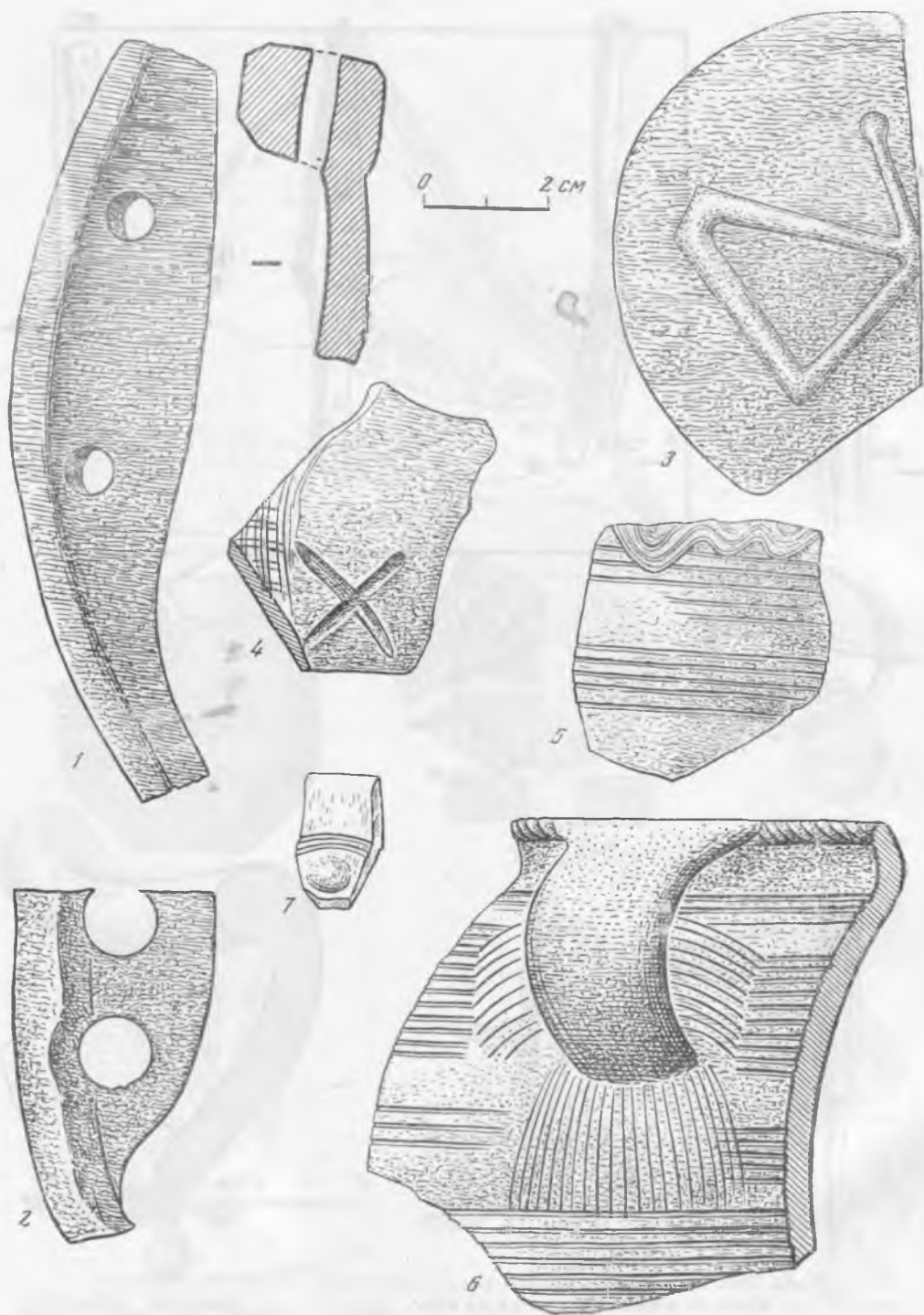

Табл. 29а. Памятники X–XII вв. на территории Карачаево-Черкесии: вещи с городища на Рим-Горе: 1, 2 — обломки котлов с внутренними ушками (1 — ушко второго типа; 2 — ушко третьего типа); 3 — обломок доньшка сосуда с клеймом; 4, 6 — обломки сероглиняных сосудов; 5 — фрагмент красноглиняного сосуда; 7 — осколок стеклянного сосуда (экспедиция КЧНИИ 1961 г.).

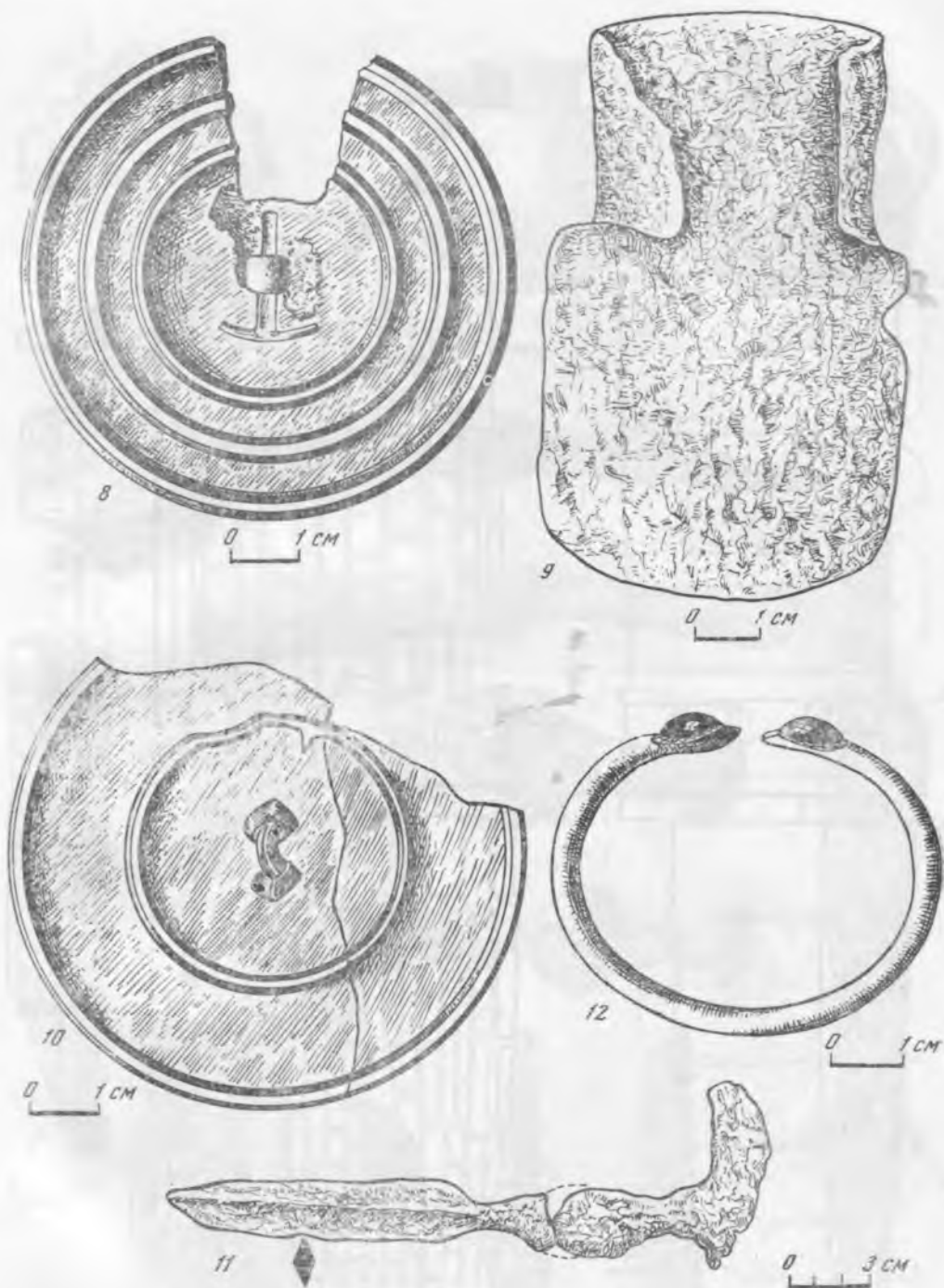

Табл. 296. Памятники X—XII вв. на территории Карачаево-Черкесии: вещи из могильника на р. Кривой: 8, 10 — металлические зеркала; 9 — железная мотыжка; 11 — железная секира; 12 — серебряный браслет с вставками из синего стекла (рис. 8—12 даны по В. А. Кузнецову).

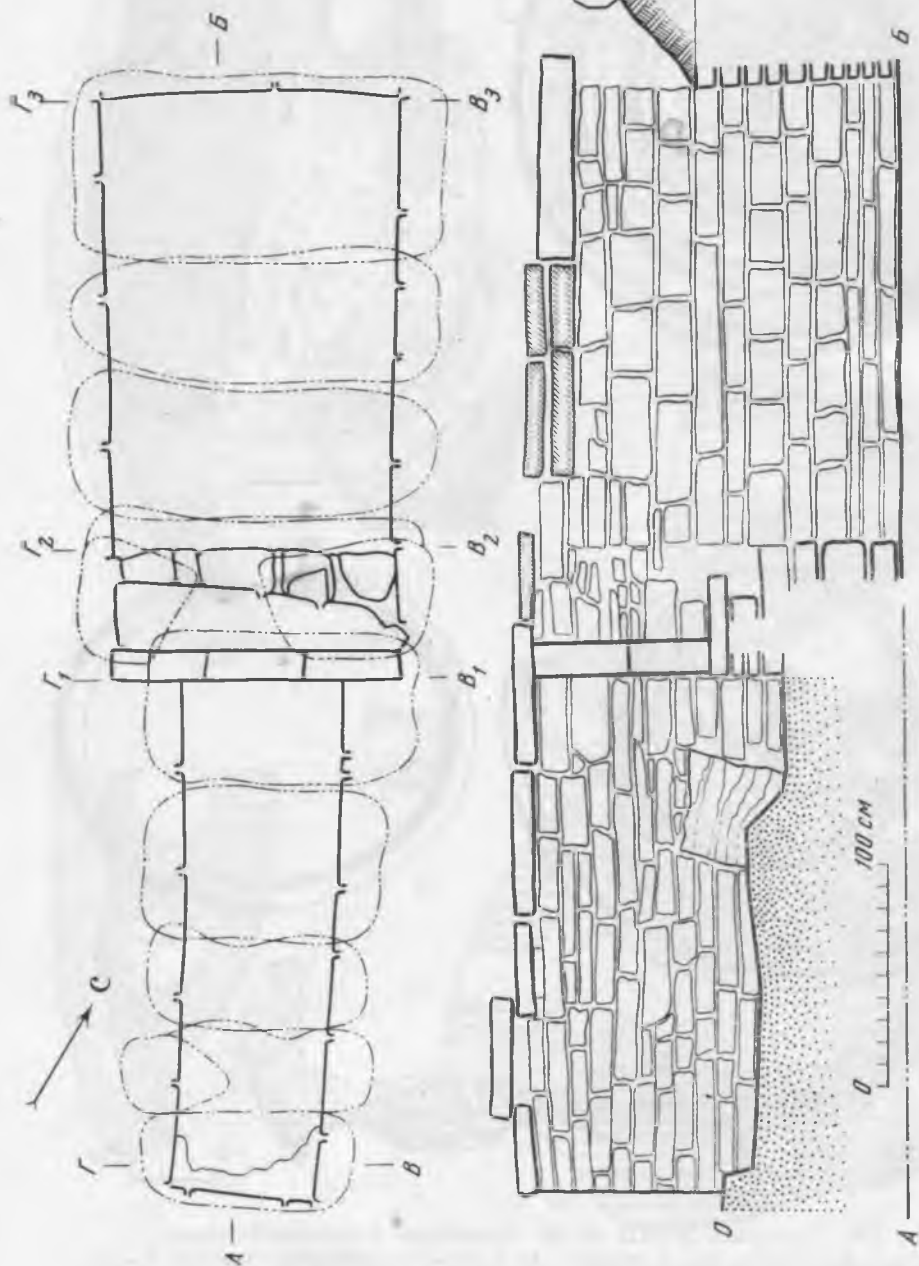

Табл. 30. Склеп № 22 Дардонского могильника. План и продольный разрез (чертеж Л. Г. Нечаевой см. в ст. К. Т. Чагарова, «Средневековый склеп Дардонского могильника», «Труды КЧНИИ», серия историческая, т. VI, Ставрополь, 1969).

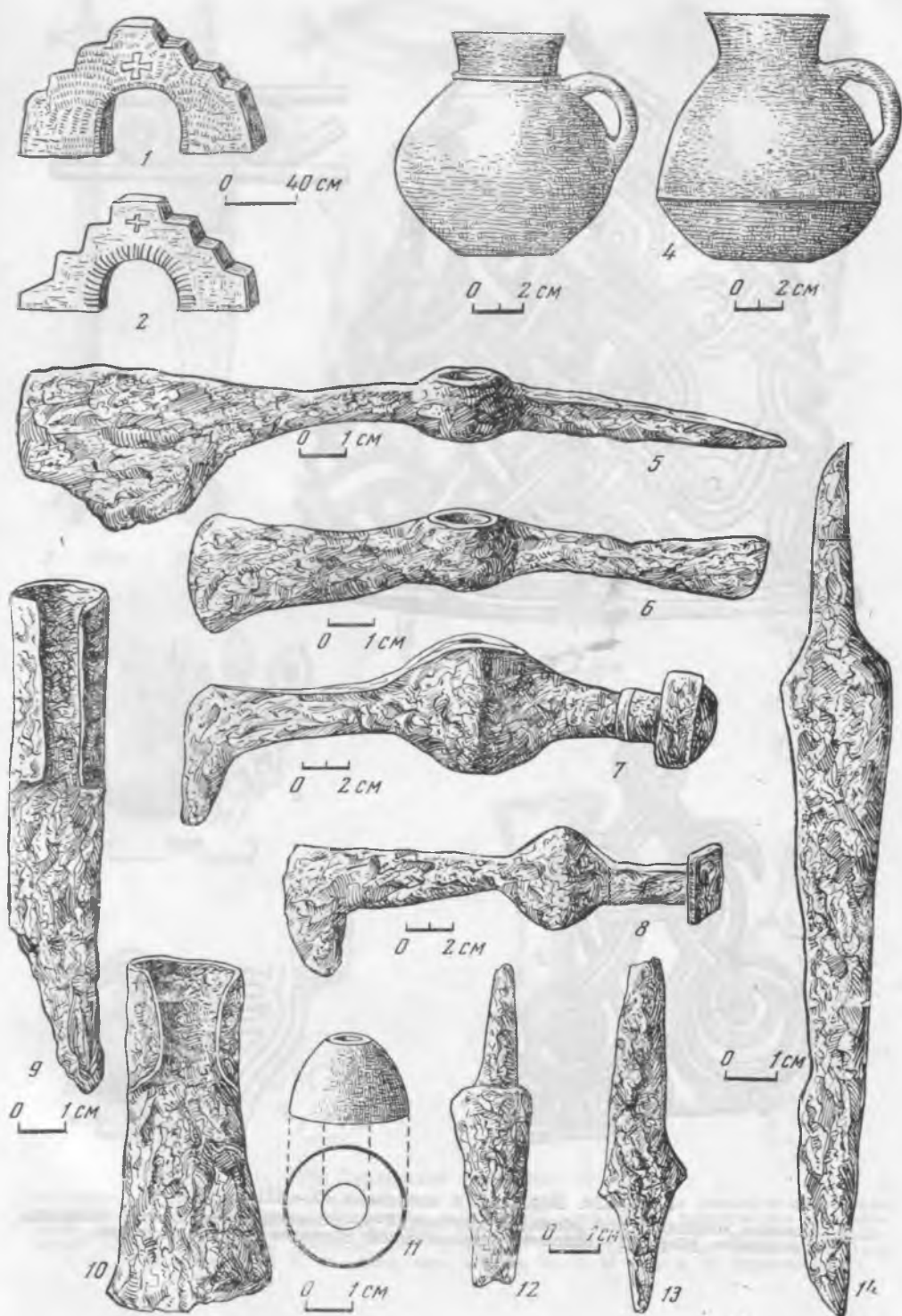

Табл. 31. Дардонский могильник IX–XII вв.:

1 — каменная входная плита склепа № 20; 2 — каменная входная плита склепа № 20;
3, 4 — глиняные сосуды; 5–8 — железные секиры; 9–10 — железные тесла; 11 — глиняное
пряслице; 12–14 — железные ножи (рис. 1 дан по чертежу Л. Г. Нечаевой; рис. 2–6,
10–14 — по А. К. Кузьминову, рис. 7–9 — по К. Т. Чагарову).

Табл. 32а. Дардонский могильник IX—XII вв.:

1, 2 — обломки металлической обкладки колчана; 3—4 — обломки металлической обкладки головного убора; 5 — обломок металлической обкладки второго колчана.

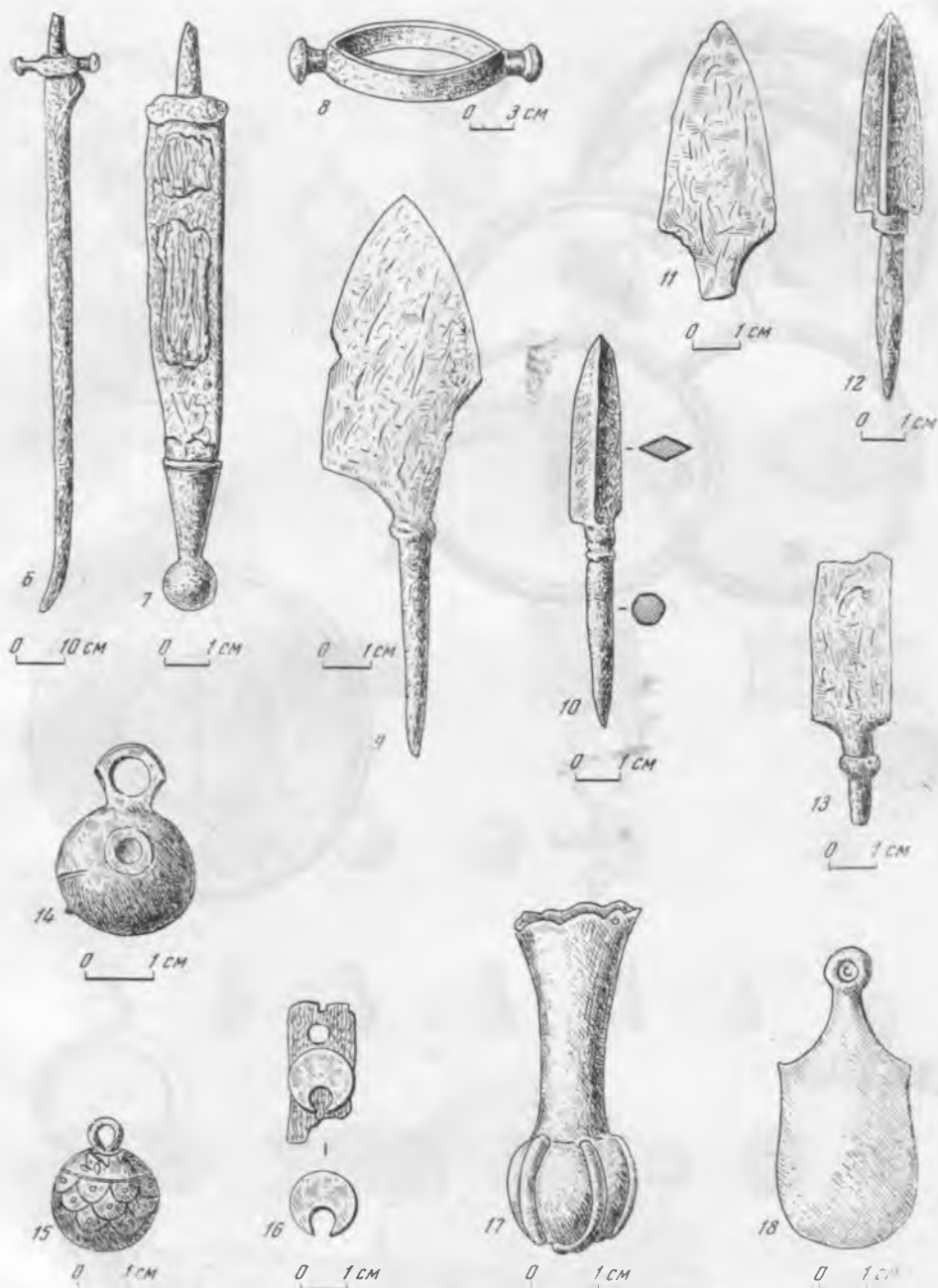

Табл. 326. Дардонский могильник IX–XII вв.:

6 — железная сабля; 7 — железный кинжал с остатками деревянных ножен и железным наконечником; 8 — железное перекрестье сабли; 9–13 — железные черешковые наконечники стрел; 14–15 — бронзовые бубенчики; 16 — бронзовые бляшки на ремне; 17 — бронзовый наконечник ножен кинжала; 18 — бронзовый наконечник ножен сабли (рис. 1–5, 7, 14, 17, 18 даны по К. Т. Чагарову, рис. 6, 9, 10, 12, 13, 16 — по А. К. Кузьминову).

Табл. 33а. Дардонский могильник IX—XII вв.:

1 — стеклянные браслеты; 2 — бронзовая бляшка; 3 — металлическое зеркало; бронзовые украшения: 4 — перстень; 5 — серьга; 6 — крестовидная подвеска; 7 — подвеска в виде птицы; 8 — пряжка.

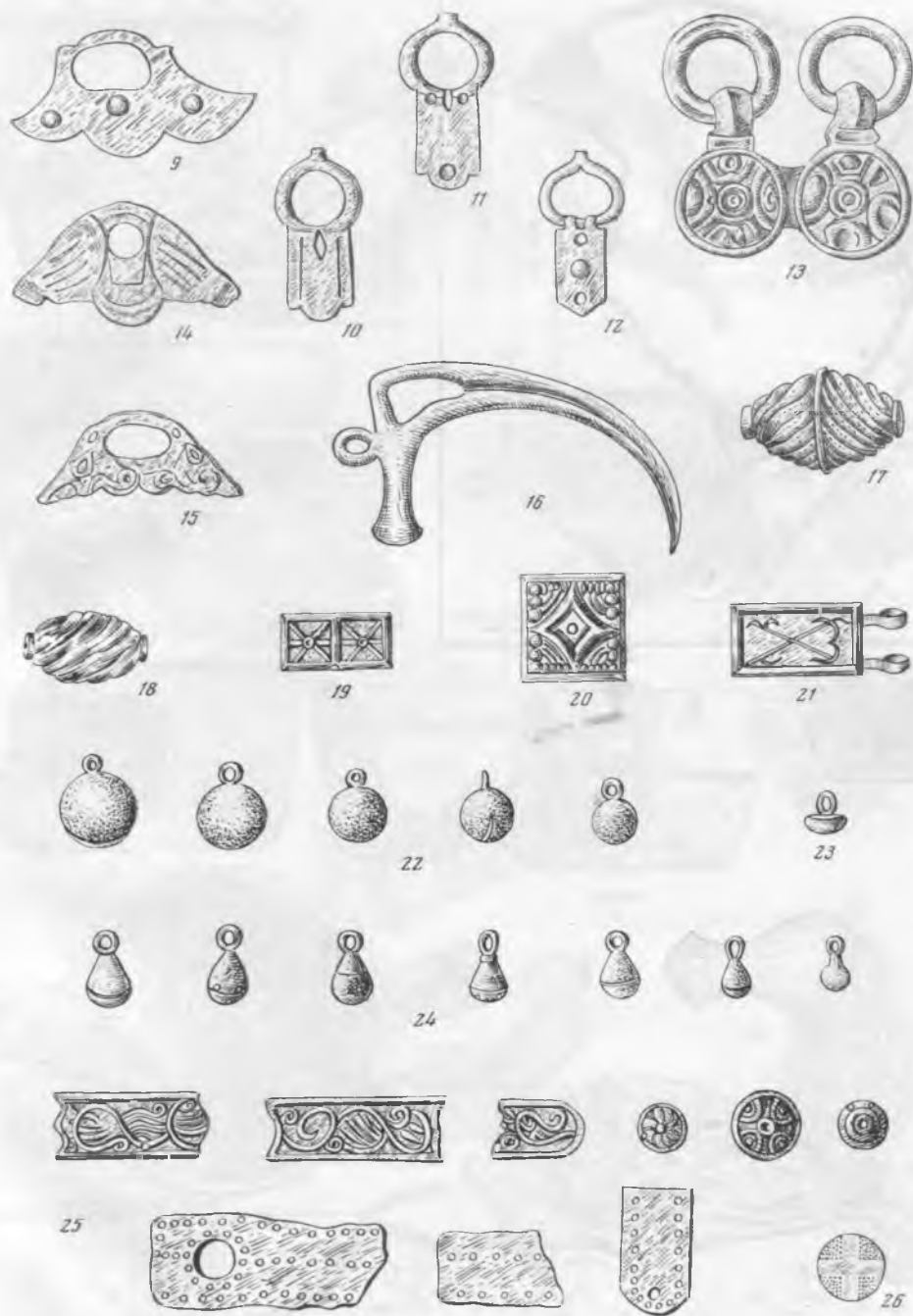
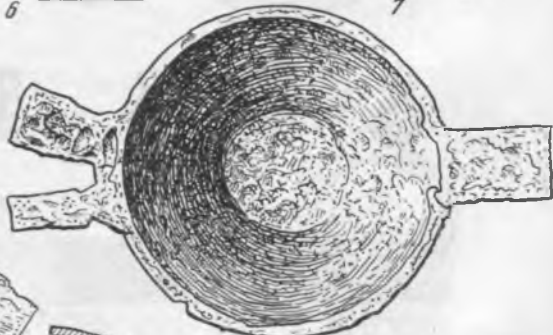
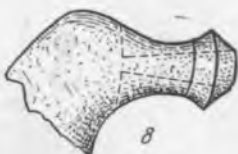
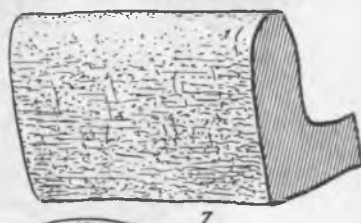
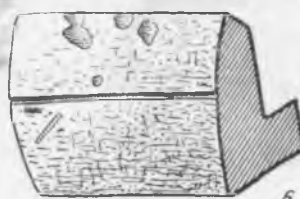
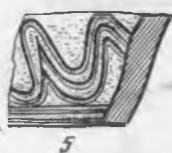
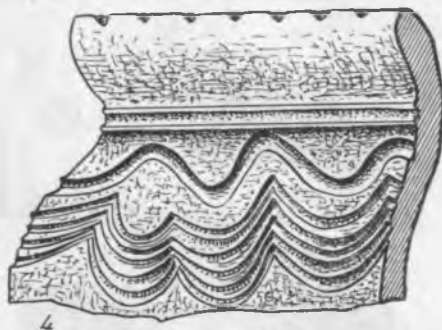
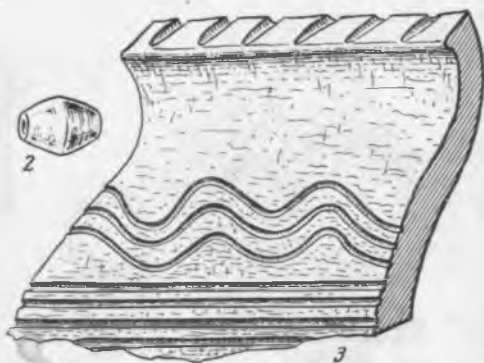

Табл. 336. Дардонский могильник IX–XII вв.:

9 – бляшка; 10–12 – пряжки; 13 – подвеска; 14–15 – бляшки-«бабочки»; 16 – подвеска-«коготь»; 17–18 – бусины; 19–21 – поясные бляшки; 22 – шаровидные пуговицы-бубенчики; 23 – полусферовидная пуговица-бубенчик; 24 – грушевидные пуговицы-бубенчики; 25 – поясные бляшки; 26 – круглая золотая бляшка со штампованным орнаментом (рис. 1–7, 10–12, 14, 15, 16, 19–25 даны по А. К. Кузьминову, рис. 8, 9, 13, 17, 18, 26 – по К. Т. Чагарову).

0 2 CM

Табл. 34. Хумаринское средневековое городище:

1 — Хумаринское городище. Схематический план. I—VI — раскопы экспедиции КЧНИИ 1963—1964 гг.; а — развал стены, в котором были обнаружены рунические надписи; б — шурфы экспедиции КЧНИИ 1963 г.; в — шурф экспедиции КЧНИИ 1964 г.; г — деревцо-ориентир; д—е — стены с воротами у холма с цитаделью; ж — катакомбы з — цитадель; и — развалины башен; к — городская стена (на плане показана черной линией); в, и, найденные в средневековых слоях Хумаринского городища: 2 — сердоликовая бусина; 3, 4, 5 — обломки сероглиняной керамики IX—XI вв.; 6, 7 — обломки сероглиняных сковородочек, IX—XI вв.; 8 — обломок глиняной казачьей трубки-люльки, XVII—XVIII вв.; 9, 10 — железные предметы неизвестного времени и назначения (экспедиция КЧНИИ 1963—1964 гг.).

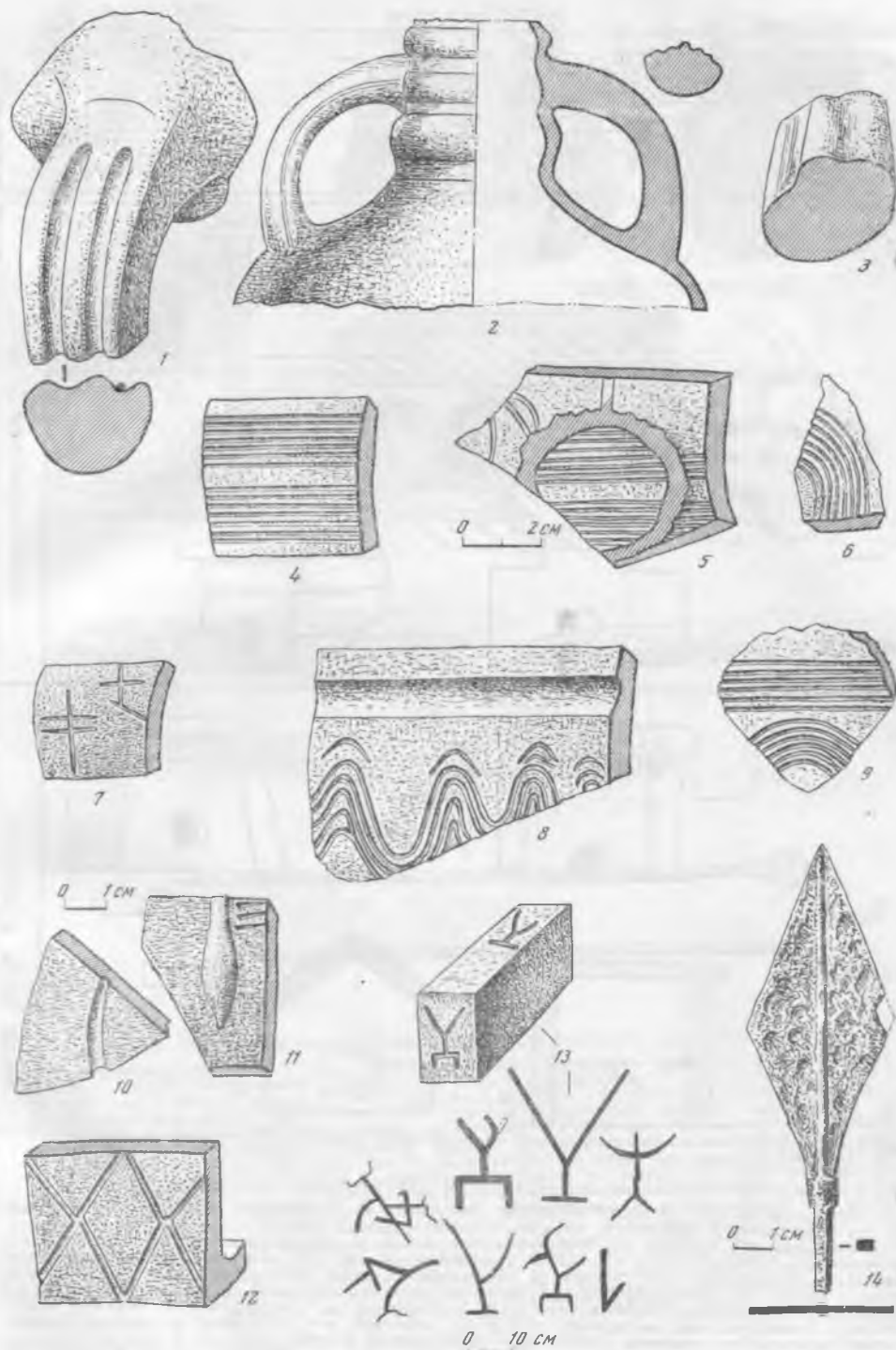

Табл. 35. Хумаринское средневековое городище:

фрагменты краеноглиняной керамики: 1—ручка амфоры; 2—верхняя часть амфоры; 3—ручка амфоры; 4—9—обломки красноглиняной керамики с врезанным линейным и линейно-волнистым орнаментом, X—XIII вв.; 10—12—обломки красноглиняной керамики с лощением адыгского типа, X—XIII вв.; 13—знаки на камнях Хумаринского городища; 14—железный наконечник стрелы монгольского типа, найденный на северо-восточных подступах к Хумаринскому городищу (экспедиция КЧНИИ 1963—1964 гг.).

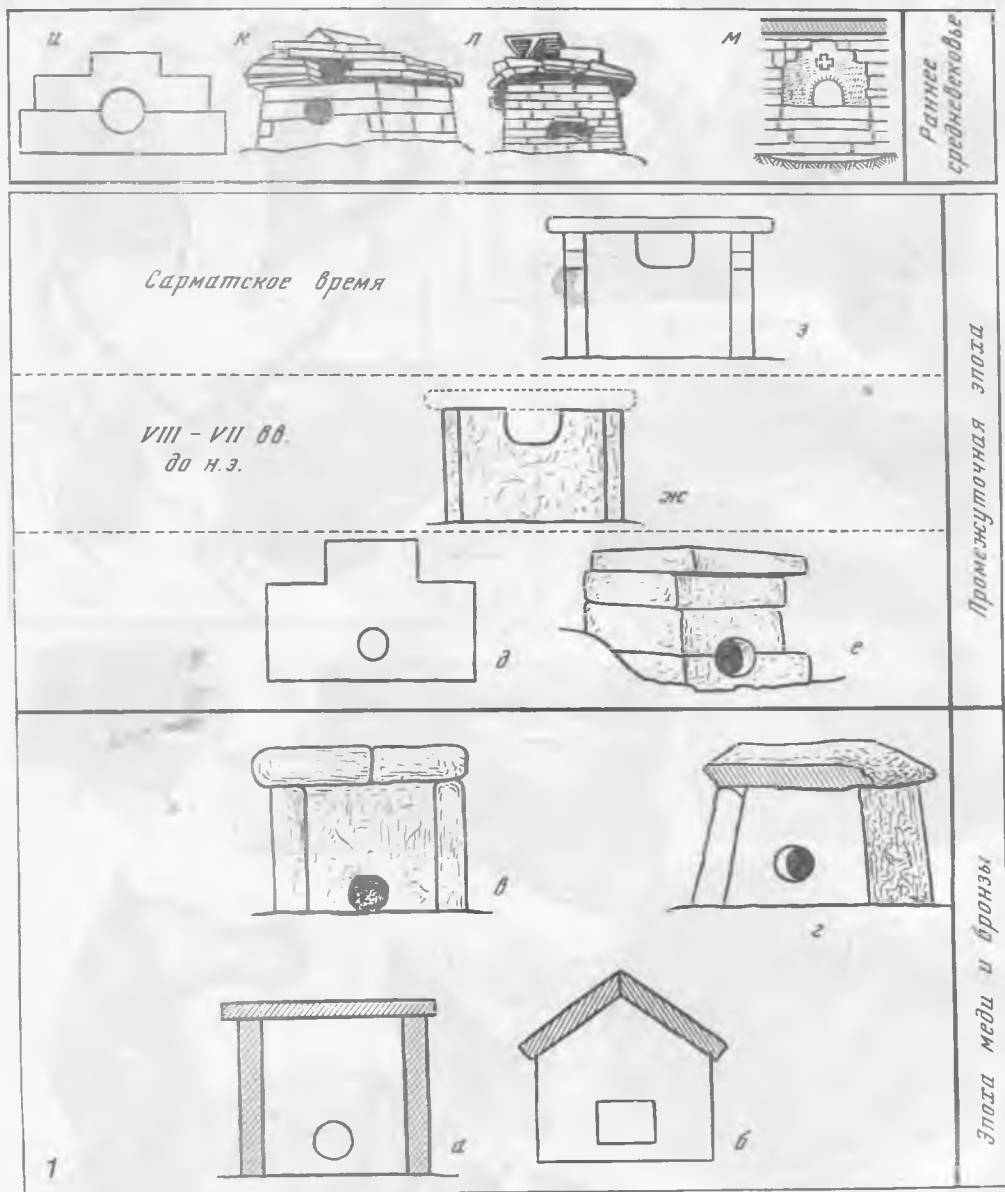

Табл. 36а. Сравнительные материалы для изучения адыгской культуры:

1 — схема развития дольменообразных склепов и наземных гробниц (составлена В. А. Кузнецовым, дополнена автором данной работы). Эпоха меди и бронзы: а — подкурганый дольмен ст. Новосвободной (по Н. И. Веселовскому); б — подкурганый дольмен ст. Новосвободной (по Н. И. Веселовскому); в — дольмен, пос. Каменноостский (по В. А. Кузнецову); г — дольмен, р. Вунгулур (по В. А. Кузнецову). Промежуточная эпоха: д — дольменообразная гробница, Геленджик (по В. А. Кузнецову); е — дольменообразная гробница, р. Жане (по В. А. Кузнецову); ж — подкурганый дольмен VIII—VII вв., Геленджикский могильник (по И. И. Аханову); з — подземный дольменообразный склеп сарматского времени, Коба-Ваши (экспедиция КЧНИИ 1961 г.). Эпоха раннего средневековья: и — дольменообразный склеп, р. Кривая (по В. А. Кузнецову); к, л — наземные гробницы, р. Кяфар (по А. В. Кузнецову); м — подземный склеп Дардонского могильника (по Л. Г. Нечаевой) (а, б, м — стенки поперечных перегородок, разделяющих сооружения на две части; в—л — фасадные стенки).

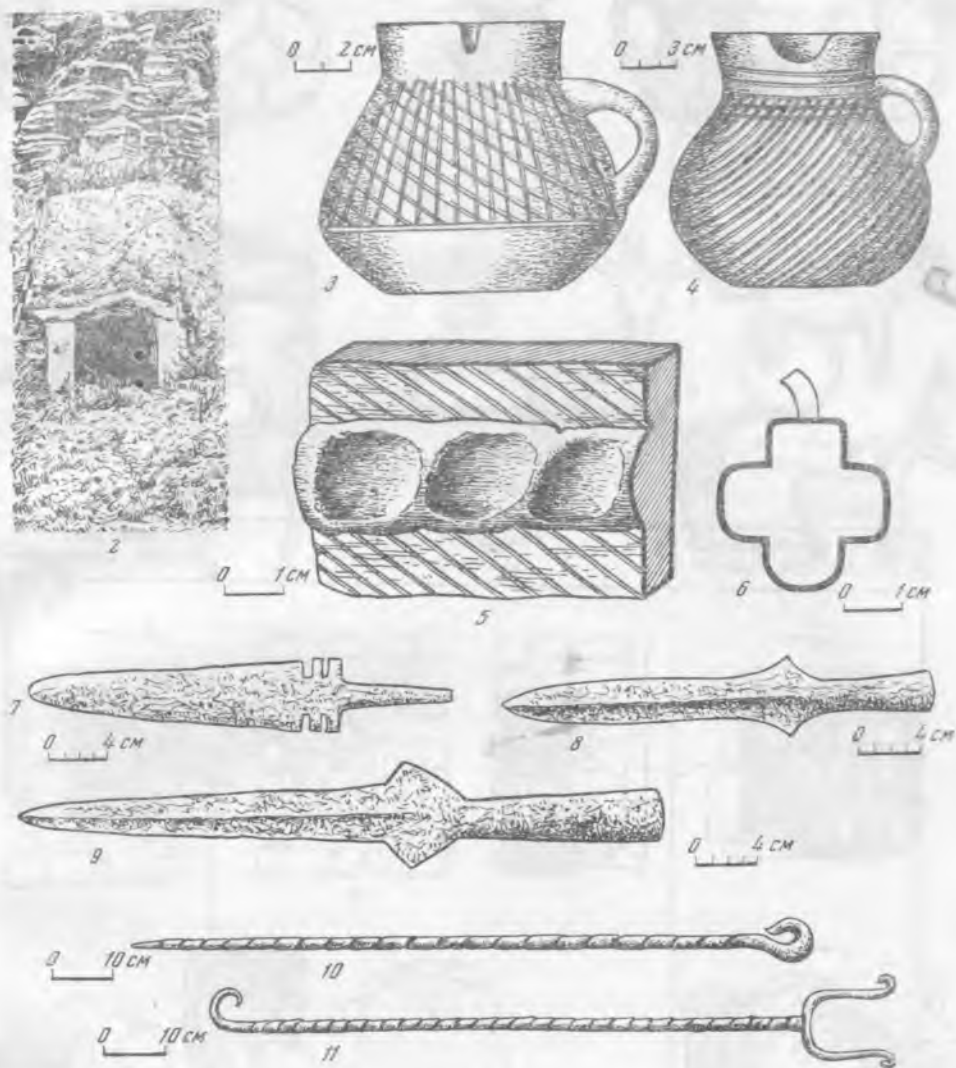

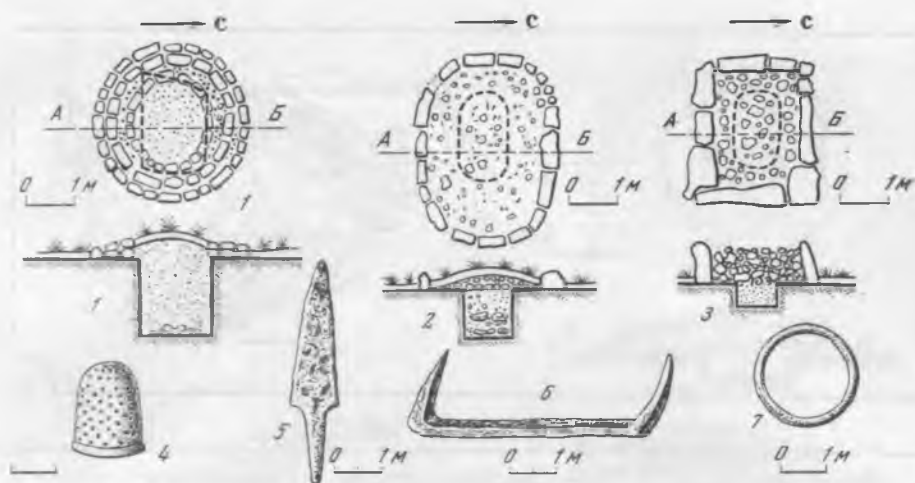
Табл. 366. Сравнительные материалы для изучения адыгской культуры:

2 — подземная гробница у аула Нижняя Теберда. Фасадная часть разрушена при проведении дороги (экспедиция КЧНИИ 1959 г.); предметы, типичные для адыгских средневековых захоронений Восточного Причерноморья и Закубанья; 3 — красноглиняная кружка с боковым сливом («носик на себя»), с сетчатым орнаментом, наведенным лощением, X—XIV вв., Краснодарский музей; 4 — красноглиняная кружка с боковым сливом и орнаментом, выполненным лощением, VIII—IX вв., Раевское городище (по Н. А. Онайко); 5 — фрагмент красноглиняного пифоса, орнаментированного налепным поперечным валиком с овальными вдавлениями, раннее и позднее средневековые, Сочинский, Майкопский и другие музеи; 6 — схема четырехлепесткового слива кувшина, раннее и позднее средневековые, Сочинский, Майкопский и другие музеи; 7 — железный кинжал с четырьмя выступами у рукоятки, V—VI вв., Новороссийский музей; 8 — железный наконечник копья с угловатыми выступами в нижней части пера, V—VIII вв., Новороссийский музей; 9 — железный наконечник копья с угловатыми выступами в нижней части пера, X—XIV вв., Краснодарский музей; 10 — железный вертел с витой рукоятью, X—XIV вв., Краснодарский музей; 11 — железная вилка с витой рукоятью для вынимания мяса из котла, X—XIV вв., Новороссийский музей

Табл. 37. Общие мотивы в культурах кобанской и аланской эпох.

Кобанская эпоха: 1 — подвеска-колесико (Инжииччукунский могильник), VIII—VII вв.; 2 — кувшинчик из погребения позднекобанской эпохи у сел. Кумбулта в Северной Осетии; 3 — кувшинчик; 4 — бронзовые литые украшения кобанского времени из Северной Осетии (по П. С. Уварово); 5 — бронзовые ажурные украшения кобанского времени из Северной Осетии; 6—7 — обломки глиняных сосудов из поселений и могильников кобанского и позднекобанского времени; 6 — из Учкуланского поселения; 7 — из Инжииччукунского могильника. Аланская эпоха: 8 — бронзовое колесико и 10 — оронзовые подвески в виде животных из различных могильников V—VIII вв. Пятигорья и Кабардино-Балкарии; 9 — глиняный кувшин из Гилячского могильника IV—V вв.; 11—12 — бронзовые украшения из Сентинского могильника IX—X вв.; 13 — обломки глиняных сосудов из слоев аланского времени Учкуланского поселения.

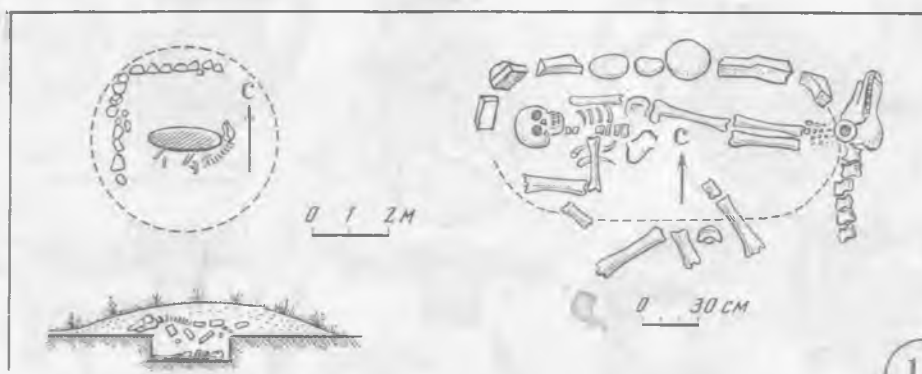

Погребения кобанской эпохи	Погребения аланского времени	Карачаевские захоро- нения XVII - XVIII вв.

8

Табл. 38. Типы погребения карачаевцев и их предков:

Захоронения XVII-XVIII вв. на южной окраине аула Карт-Джурт: 1 - первый тип - курганообразные погребения; 2 - второй - погребения с овальными выкладками; 3 - третий - погребения с прямоугольными выкладками; вещи из карачаевского могильника XVII-XVIII вв. у аула Карт-Джурт: 4 - медный наперсток; 5 - железный нож; 6 - железная скоба; 7 - серьга или височная подвеска из низкопробного серебра; 8 - типы погребальных сооружений предков карачаевцев: а, б - погребения с прямоугольными сооружениями предков позднекобанской эпохи (Кызыл-Калинский могильник VI в. до н. э.); в-г - погребения с прямоугольными и овальными выкладками аланской эпохи; е - Кызыл-Калинский могильник V-VII вв.; г, д - Донгатский могильник X-XI вв. у аула Верхний Чегем в Балкарии; е, ж - карачаевские захоронения Карт-Джуртского могильника XVII-XVIII вв. (приведены для сравнения).

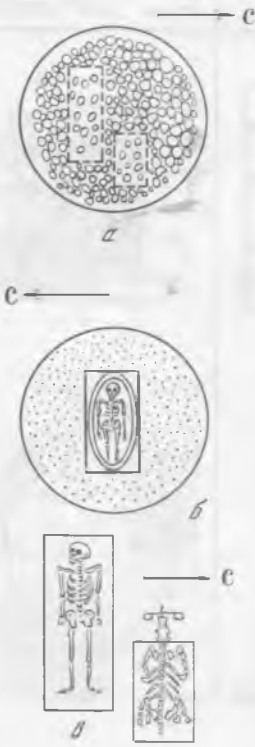
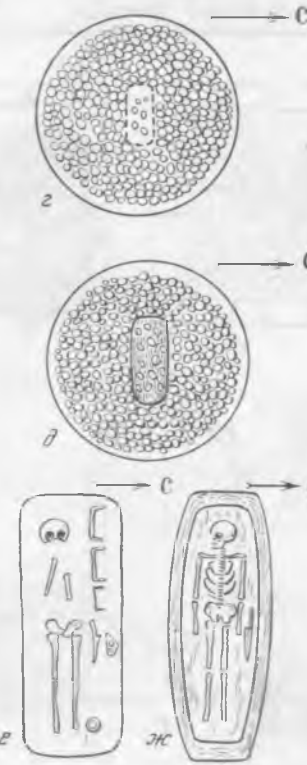
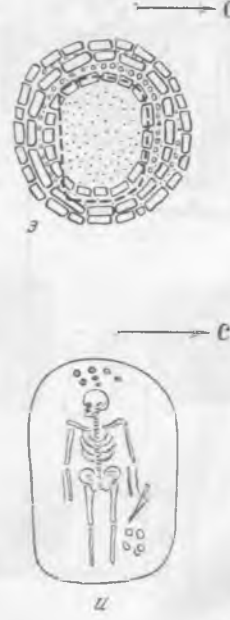
<i>Кипчакские курганы</i>	<i>Улу-Камские курганы XIV-XVI вв.</i>	<i>Карачаевские заторонения XVII-XVIII вв.</i>
		

Табл. 39. Типы погребальных сооружений предков карачаевцев:

1 — кипчакское захоронение XII в. на Кубинском городище (по Т. М. Минаевой); 2 — типы подкурганых захоронений кипчаков и подкурганых позднесредневековых погребений Карачая: а-б — кипчакские курганы (по С. А. Плетневой); в — план погребения; г, д — курганы XIV-XVI вв. Улу-Камского ущелья, раскопанные В. М. Сысоевым в 1896 г. (примерный чертеж сделан на основании описания В. М. Сысоева; МАК, IX, стр. 157-158); е-ж — план погребения; з, и — для сравнения приведено карачаевское курганообразное погребальное сооружение Карт-Джуртского могильника XVII-XVIII вв.

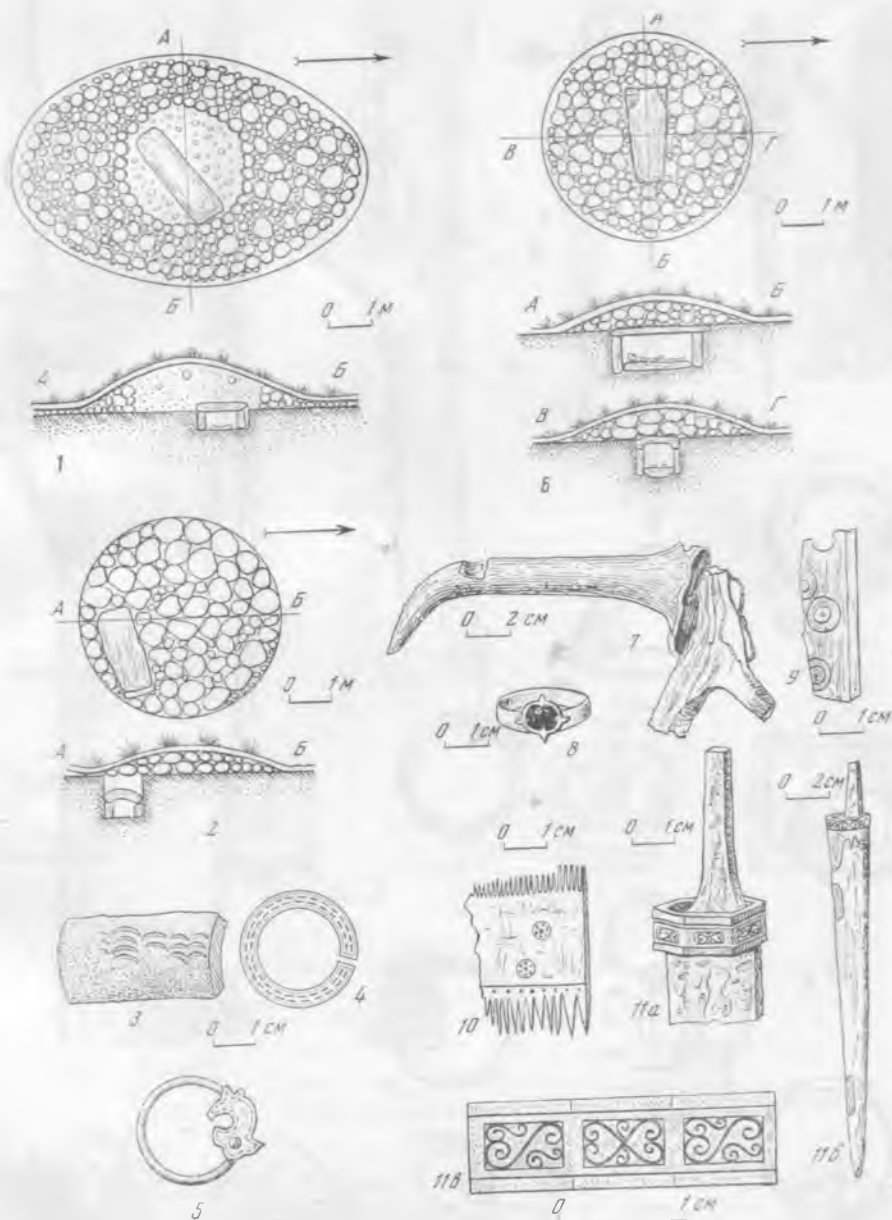

Табл. 40. Адыгские памятники XIV—XVI вв.:

курганы западноадыгского типа: 1—курган № 12 у аула Бесленей (экспедиция КЧНИИ 1957 г.); 2—курган № 4 у аула Бесленей (экспедиция КЧНИИ 1956 г.); вещи из курганов Бесленеевского могильника: 3—обломок красноглиняного сосуда; 4, 5—бронзовые височные подвески; 6—курган кабардинского типа № 9 у аула Жако (экспедиция КЧНИИ 1954 г.); вещи из курганного могильника аула Жако: 7—рог вола; 8—бронзовый перстень со стеклянной вставкой; 9—обломок костяной накладки на нож или кинжал; 10—обломок костяного гребня; 11а, б, в—женский кинжал. Рукоять обложена серебряными пластинками с гра-
вированным орнаментом (экспедиции КЧНИИ 1954, 1956, 1957 гг.).

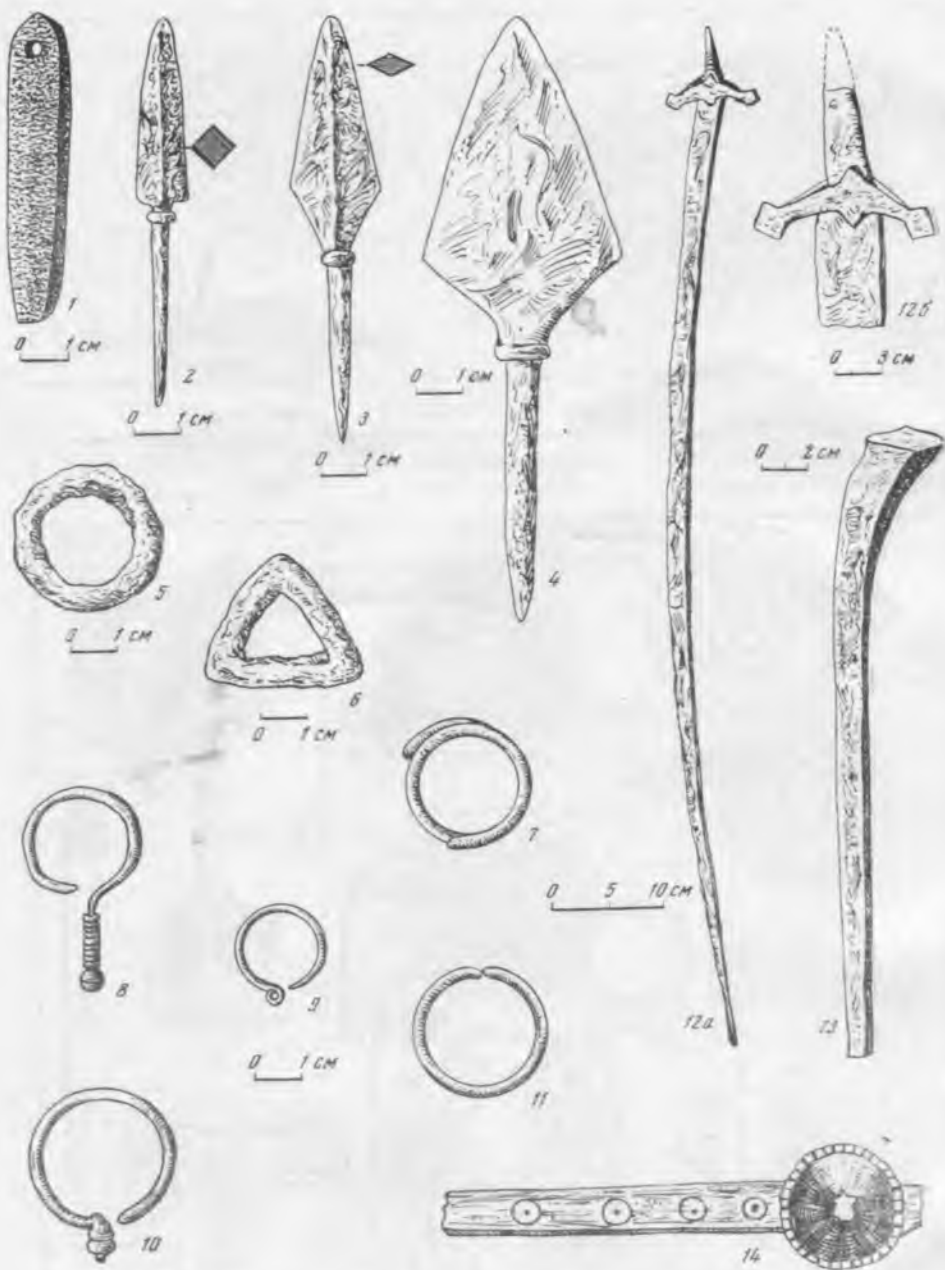

Табл. 41а. Вещи из адыгских могильников XIV—XVI вв. Карачаево-Черкесии:
 1 — каменная точилка; 2, 3, 4 — железные наконечники стрел; 5, 6 — железные кольца от колчана; 7–11 — бронзовые и серебряные серьги и височные подвески; 12 а, б — железная сабля; 13 — железный костыль (для скрепления досок гроба?); 14 — костяная пластинка с железной умбообразной бляхой.

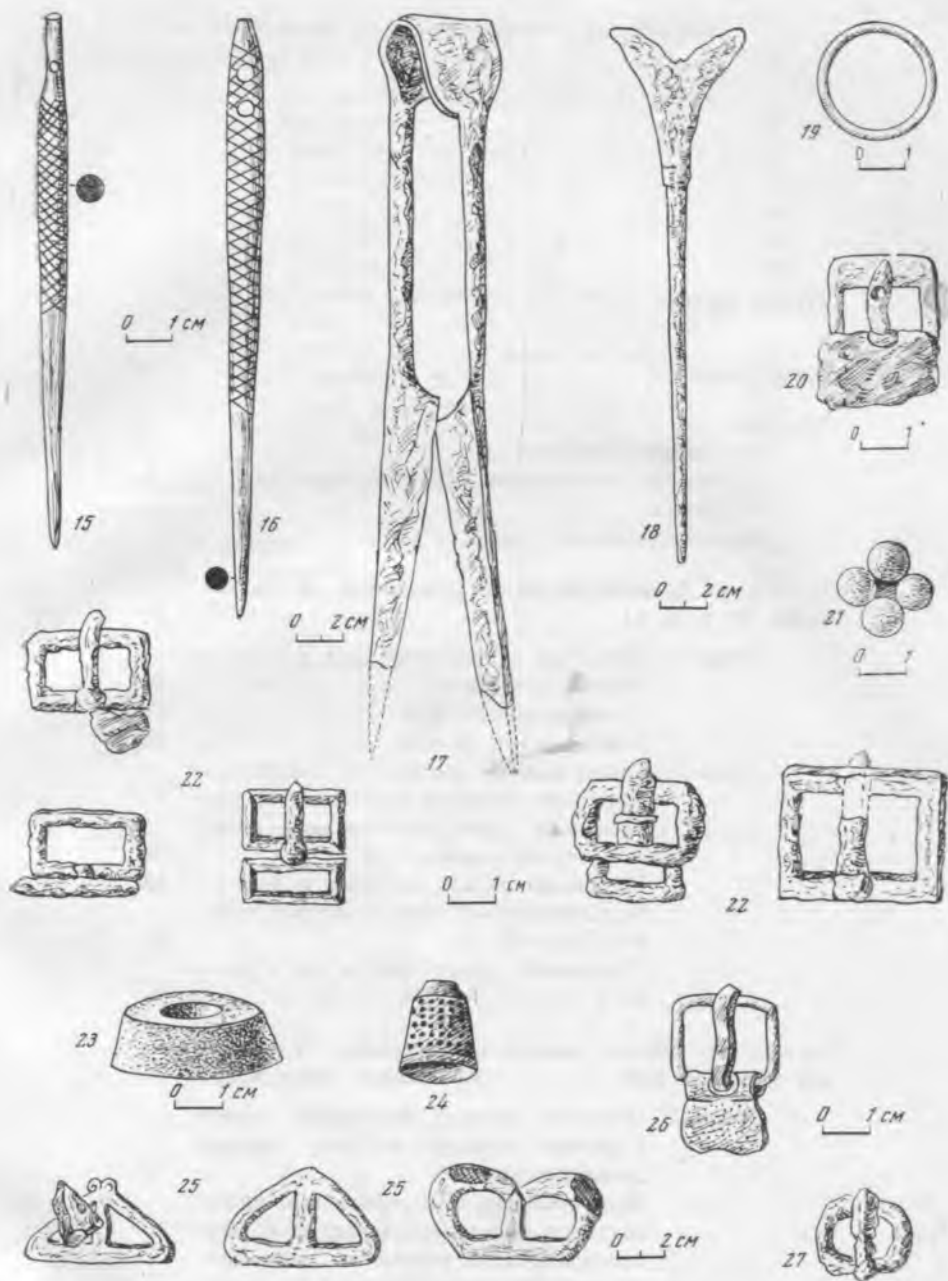

Табл. 416. Вещи из адыгских могильников XIV—XVI вв. Карачаево-Черкесии:

15, 16 — костяные шилья; 17 — железные ножницы; 18 — железный наконечник; 19 — медное кольцо (от колчана?); 20 — бронзовая пряжка; 21 — железная бляшка от колчана; 22 — железные пряжки; 23 — каменная пряслице; 24 — медный наперсток; 25 — железные кресала; 26 — бронзовая пряжка; 27 — железная пряжка (21 — из курганного могильника в верховьях р. Байтал-Чапкан — раскопки Т. М. Минаевой; 24 — из бескурганного Ново-Кувинского могильника — раскопки Т. М. Минаевой). Остальные предметы — из курганных могильников у аулов Жако и Бесленей (экспедиции КЧНИИ 1953, 1954, 1956 и 1957 гг.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Задачи исследования	6
Территория и население Карачаево-Черкесии	8
Источники	11
Изучение вопросов темы	17
Часть I. Древний период (с древнейших времен до конца IV в. н. э.)	34
<i>Глава I.</i> Каменный и бронзовый века в истории Карачаево-Черкесии	34
Следы каменного века	34
Эпоха меди и бронзы	36
<i>Глава II.</i> Эпоха раннего железа на территории Карачаево-Черкесии (кобанская и прикубанская культуры — средний этап, IX — первая половина VII в.)	50
Начальный период освоения железа	50
Позднекобанский период (вторая половина VII—IV вв.)	57
Сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.)	65
Часть II. Период раннего средневековья (V — первая половина XIII в. — до монгольского нашествия)	77
<i>Глава III.</i> Основные моменты этнической истории Карачаево-Черкесии в эпоху раннего средневековья	77
Некоторые сведения письменных источников по этнографии Западной Алании	77
Археологические данные по этнической истории Карачаево-Черкесии в период раннего средневековья	81
<i>Глава IV.</i> Экономика и общественные отношения в Карачаево-Черкесии эпохи раннего средневековья	109
Экономика	109
Некоторые вопросы общественного строя	137

Часть III. Период позднего средневековья (вторая
половина XIII—XVII в.) 158

Глава V. Формирование народностей Карачаево-Черкесии	158
Постановка вопроса	158
Карачаевцы	161
Адыги	174
Абазины	186
Ногайцы	198

Глава VI. Вопросы социально-экономического развития народов Карачаево-Черкесии в эпоху позднего средневековья	220
Карачаевцы	220
Адыги и абазины	230
Ногайцы	251

Заключение	268
Библиография	272
Список сокращений	292
Таблицы иллюстраций	294

Гусеня Павловна Алексеева

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

(Вопросы этнического
и социально-экономического
развития)

*

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор Т. М. Швецова
Художник Е. А. Бекетов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Н. Титова
Корректор Н. Б. Осягина

*

Сдано в набор 7/XII 1970 г. Подписано
к печати 13/VIII 1971 г. А-11246 Формат
70 × 108¹/₁₆. Бумага № 1 Печ. л. 22,25 +
+ 0,25 п. л. вклеек Усл. печ. л. 31,5
Уч.-изд. л. 34,27 Тираж 2000 экз.
Зак. № 580. Изд. № 2385. Цена 2 р. 31 к.

Главная редакция восточной
литературы изд-ва «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография
издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

